ЯНВАРЬ. 1897.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 1.

СОДЕРЖАНІЕ.

(См. на оборотѣ).

Приготовленный для этой книжки переводный романъ, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, отлагается.

ЯНВАРЬ. 1897.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая 15.
1897.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ 25 января 1897 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

См. на оборотѣ.

Приготовленный для этой книжки переводный романъ, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, отлагается.

Редакторы: П. Быковъ, С. Поповъ.

Молодые всходы старой полосы.

I.

Мрачно и непривѣтно, не смотря на свѣтлый майскій день, въ кабинетѣ капитана Палицына. Глубокія окна казеннаго зданія напоминаютъ амбразуры крѣпости. Выкрашенныя по штукатуркѣ стѣны, сѣрыя съ синими полосами, еще усиливаютъ мракъ высокой комнаты. Старинная мебель корельской березы съ выгнутыми деревянными спинками, какъ выпуклое зеркало, отражаетъ всѣ предметы въ чудовищныхъ очертаніяхъ; обивка желтаго баркана бросаетъ рѣжущіе глазъ тоны въ полумракѣ кабинета. Огромныя голландскія окна петровскихъ временъ скупо пропускаютъ свѣтъ; въ глазахъ непріятно пестритъ отъ частаго переплета, прорѣзающаго мутно-зеленоватыя стекла, пузырчатыя и кое гдѣ исчерченныя вензелями прежнихъ жильцовъ. Нижняя половина оконъ скрыта темной зеленью растеній, которыя не знаютъ солнечныхъ лучей и которыя капитанъ Палицынъ, не смотря на всю любовь свою къ опредѣленности и точности, не совсѣмъ вѣрно называетъ цвѣтами. Густо и сочно разрастается зелень отъ заботливаго ухода, но рѣдко когда появляется на ней чахлый цвѣтокъ... Растенія эти были выращены еще въ то время, когда кабинетъ капитана находился на солнечной сторонѣ квартиры. Тогда въ его собственной жизни свѣтило еще солнце. Теперь, стирая пыль съ каждаго листочка, капитанъ дѣлаетъ невеселыя сравненія между своими такъ рѣдко и ненадолго распускающимися цвѣтами и своею жизнью. Капитанъ Палицынъ любитъ свои цвѣты, какъ живыя существа. Съ благоговѣніемъ видя въ нихъ руку Творца, онъ иногда увлекается еретическою мыслью: ему чудится, что въ нихъ живетъ частица міровой души, и они сознаютъ, какъ онъ любовно ходитъ за ними. Каждый листочекъ зелени лоснится, обмытый его заботливой рукой; онъ же обдуманно разставилъ растенія такъ, что оттѣнки зелени составляютъ гармоническую гамму отъ самыхъ свѣтлыхъ до самыхъ темныхъ, а формы листьевъ даютъ красивые контрасты. Иные цвѣты вдвойнѣ дороги капитану: онъ разводилъ ихъ вмѣстѣ съ первой же-

ной своей, «ангеломъ Машей», умершей послѣ рожденія второго ребенка, единственнаго сына Василія. Девятнадцать слишкомъ лѣтъ прошло со дня ея смерти, и до сихъ поръ еще капитанъ, ежедневно поминая покойницу въ молитвахъ, съ великимъ трудомъ смиряетъ въ душѣ порывы ропота противъ неисповѣдимыхъ путей Провидѣнія...

Капитанъ Палицынъ любитъ солнечный свѣтъ, но, благодаря пристрастію второй жены его, Антонины Сидоровны къ «амфиладѣ парадныхъ комнатъ»—залы, гостиной и столовой—оказалось возможнымъ удѣлить для жилыхъ только двѣ комнаты на солнечной сторонѣ. Капитанъ отдалъ ихъ женѣ и дѣтямъ. При покойницѣ Машѣ, къ великому скандалу аристократіи Балтійска, три парадныя комнаты заключались въ одной, за то была просторная и свѣтлая дѣтская, рядомъ съ кабинетомъ капитана, въ которомъ сіяло солнце въ тѣ дни, когда оно показывалось на хмуромъ небѣ Балтійска.

Многое любитъ капитанъ Палицынъ, а любить онъ способенъ глубоко и крѣпко; но только немногіе, хорошо знающіе капитана, умѣютъ оцѣнить его сердце. Въ Балтійскѣ за его суровое лицо, напоминающее лицо стараго сѣчевика, за молчаливость, за неумолимую правдивость и еще за равнодушіе ко многому, что обыкновенно признается важнымъ и существеннымъ,—капитана считаютъ черствымъ и суровымъ. Любятъ его только немногіе товарищи, любитъ команда, да еще дѣти: его собственныя дѣти обожаютъ его, а чужія льнутъ къ нему инстинктивно, не пугаясь густыхъ сдвинутыхъ бровей. Капитанъ Палицынъ страстно любитъ море и свою службу, миръ и тишину, порядокъ, строгое исполненіе долга и безукоризненную честность на службѣ, въ семьѣ и житейскихъ отношеніяхъ. Но едва-ли не болѣе еще капитанъ Палицынъ любитъ, чтобы все въ мірѣ дѣлалось такъ, какъ онъ считаетъ лучшимъ. Воля у него крѣпкая, какъ и его слово, — «палицынская воля» и «палицынское слово». Капитанъ не чуждъ общедворянской слабости: онъ думаетъ, что черта, отличительная въ его родѣ, есть черта, исключительно свойственная роду. Желанія капитана всегда благія, по мѣрѣ его разумѣнія. Капитанъ Палицынъ хочетъ только, чтобы моряки были настоящими бравыми моряками, а не какими-то театральными статистами, которыхъ дрессируютъ ходить «тихимъ шагомъ по гусиному». Онъ скорбитъ о напрасной тратѣ времени и силъ, которыя могли бы быть употреблены на настоящее морское и военное дѣло и на обученіе команды грамотѣ, для чтенія уставовъ и слова Божія. Онъ раздаетъ евангеліе грамотнымъ матросамъ, которыхъ, къ его прискорбію, можно перечесть по пальцамъ, и, что грѣха таить, мошенникъ писарь, ловко цитируя тексты, частенько надуваетъ капитана. Капитанъ Палицынъ хочетъ, чтобы все

мужчины, по безкорыстію, сознанію долга и неутомимому служебному рвенію, походили на него, а женщины, по чистотѣ, кротости, любящему и чуткому сердцу, — на его покойную Машу. Капитанъ Палицынъ изъ тѣхъ, вообще непріятныхъ, людей, которые могутъ быть вполнѣ счастливы лишь тогда, когда міръ перевернется по ихъ идеаламъ. Но міръ упорно не хочетъ своротить съ колеи неправды и зла на дорогу, которую капитанъ считаетъ единою спасающею,—и катится по своей колеѣ въ пропасть. Отъ этого сознанія на лбу капитана прорѣзались такія глубокія морщины, около губъ легли складки презрительной ироніи и волосы рано посѣдѣли; отъ этого же проступили подъ глазами желтыя тѣни, и лицо какъ бы застыло въ суровомъ выраженіи, какъ у человѣка, который крѣпится, неся непосильную тяжесть или сдерживая кипучій гнѣвъ. Дѣйствительно, капитанъ постоянно держитъ себя въ уздѣ, чтобы не разразиться какой нибудь выходкой—бурной, дикой, противной христіанскому духу и служебной дисциплинѣ. Если бы судьба и во второй разъ побаловала капитана Палицына семейнымъ счастіемъ, то выраженіе лица его было бы лишь немного менѣе сурово—міръ все равно не своротилъ бы съ колеи своей гибели на путь его палицынской правды.

Жизнь капитана Палицына можно сравнить съ непрестаннымъ кипѣніемъ въ котлѣ. Интендантство придирается къ нему за то, что, кормя и одѣвая безукоризненно свою команду и содержа образцово свой корабль, Палицынъ не считалъ нужнымъ прилагать къ оффиціальнымъ отчетамъ тѣхъ интимныхъ прибавленій, которыя въ тѣ времена считались освященными обычаемъ. Приложенныя другими командирами судовъ, они оказывали поистинѣ чудесное дѣйствіе, и усиленная смертность въ командѣ являлась не послѣдствіемъ гнилого мяса или хлѣба съ плѣсенью, а совершеніемъ воли Божіей, и ровный свѣжій вѣтеръ превращался въ шквалы и штормы, рвавшіе, какъ паутину, такелажъ и даже ковры въ каютахъ, дробившіе въ щепы не однѣ стеньги, но даже внутреннія перегородки и мебель краснаго дерева. Не терпя такихъ частыхъ шкваловъ и штормовъ, капитанъ Палицынъ не могъ получать предписаній продавать вещи, попорченныя въ плаваніи, ни ассигновокъ на покупку новыхъ. При этомъ, разумѣется, попорченныя вещи не могли, въ свою очередь, оказываться цѣлыми и невредимыми въ его квартирѣ, чего уже не можетъ простить ему его вторая жена Антонина Сидоровна.

Сослуживцы и начальство, кромѣ того, не прощаютъ капитану Палицыну непонятнаго для нихъ свойства—волноваться и раздражаться въ тѣхъ случаяхъ, когда ничто не затрогиваетъ его лично. «Что ему за дѣло, суетъ носъ всюду», говорятъ въ Балтійскѣ, когда капитанъ Палицынъ предъявляетъ міру свои

требованія. И міръ обязанъ удовлетворить ихъ, — въ противномъ случаѣ капитанъ взыщетъ со всею строгостью, допускаемою условіями времени и пространства. Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не можетъ «разнести» подчиненныхъ выговоромъ или «приказомъ», или составить строго форменный и глубоко язвительный отвѣтъ, вполнѣ легальное заушеніе—когда правда оскорблена міромъ начальственнымъ,—онъ все-таки «взыщетъ» съ оскорбителя публично, гдѣ нибудь въ клубѣ, на балѣ у губернатора, какимъ нибудь ядовитымъ словцомъ, похвалой несправедливо обиженному, разсказомъ о какомъ нибудь случаѣ, какъ двѣ капли воды похожемъ на тотъ, за который слѣдуетъ взыскать, или коварно разсчитаннымъ вопросомъ... Капитанъ Палицынъ, не смотря на свою феноменальную правдивость, доходящую порой до ребяческой наивности, не лишенъ, однако, доли хохлацкой хитрости, и вопросы его въ щекотливыхъ случаяхъ просто убійственны. За то, когда коварно разсчитанная стрѣла попадаетъ въ цѣль, капитанъ быстро смягчается. Въ смущеніи отвѣтчика онъ видитъ доказательство, что человѣкъ еще не вовсе закоснѣлъ въ неправдѣ, что въ немъ еще не угасла совѣсть. Смягчается капитанъ также и отъ самолюбиваго сознанія, что это онъ пробудилъ совѣсть въ человѣкѣ, и онъ охотно вспоминаетъ тогда ученіе Христа о милосердіи къ кающимся. И не подозрѣваетъ наивный обличитель, что изъ ста разъ въ девяноста девяти онъ принималъ за движеніе совѣсти простую ненаходчивость человѣка, опѣшившаго отъ неожиданности, или испугъ вора, на которомъ загорѣлась шапка.

Изъ всего сказаннаго очевидно, что капитанъ Палицынъ человѣкъ непріятный въ высшей степени, и если его давно не выгнали со службы, то лишь потому, что у него репутація отличнаго и смѣлаго моряка, извѣстнаго въ «высшихъ сферахъ», и что языкъ его тоже получилъ въ этихъ сферахъ не меньшую извѣстность. Графъ Большаковъ, извѣстный острякъ, сказалъ ему однажды, показывая коробочку съ пилюлями: «Вотъ горькія пилюли прописаны мнѣ отъ сквернаго языка; ну а отъ вашего языка, Палицынъ, никакая пилюля не поможетъ». Ближайшее начальство, кромѣ языка, побаивалось и характера капитана, считая его человѣкомъ отчаяннымъ, «способнымъ на все», хотя очень затруднилось бы опредѣлить, въ чемъ состоитъ это «все». Одно было вѣрно, что Палицынъ не далъ бы выгнать себя безъ громкаго обличительнаго скандала, отъ котораго ближайшее начальство полетѣло бы съ мѣстъ, да и дальнѣйшему пришлось бы не сладко. За то капитана Палицына держатъ въ «черномъ тѣлѣ»; его не пускаютъ далѣе Балтики, и онъ все еще экипажный командиръ, когда ему давно бы слѣдовало поднять флагъ бригаднаго. Это еще одинъ

изъ многихъ поводовъ, по которымъ Антонина Сидоровна считаетъ себя несчастнѣйшей женой во всемъ Балтійскѣ.

Теперь мы застаемъ капитана Палицына за письменнымъ столомъ: онъ просматриваетъ отчеты ротныхъ. Черезъ недѣлю корабль его вытягивается изъ гавани, а тамъ—опять качаться между Ревелемъ и Свеаборгомъ! Суровое и типичное лицо стараго сѣчевика съ длинными сѣдѣющими усами, закрывающими плотно сжатыя и рѣзко очерченныя губы, все болѣе и болѣе хмурится. Ротный Галкинъ болѣе обычнаго втираетъ очки въ отчетѣ: «жениться собирается». Однако капитанъ машинально, безъ привычнаго пыла поправляетъ карандашемъ ошибки, ставитъ кое гдѣ вопросительные знаки,—«нота-бене» и даже не на клочкѣ бумаги, на которомъ выводилъ свой счетъ расходамъ суммъ и инвентаря, а на поляхъ отчета пишетъ: «Если вѣрная отчетность такъ затрудняетъ г. ротнаго, то роту можно поручить другому». Онъ не спохватывается при этомъ, что замѣтка можетъ быть прочтена писаремъ.

Тяжелая неотступная дума мѣшаетъ головѣ работать съ привычной быстротой и отчетливостью. Корабль его гнилъ. Онъ подавалъ рапортъ, оставили безъ вниманія. На второй отвѣтили, что корабль недавно чинился. Хороша была эта починка, опротестованная капитаномъ! Корабельные инженеры, злясь на то, что капитанъ не нашелъ нужной починку, стоимость которой почти равнялась постройкѣ новаго корабля, сляпали кое какъ, наложили дрянныя заплаты вмѣсто основательной тендировки,—и онъ не могъ ничего подѣлать съ ними. За рапортъ о негодности корабля ему же сказали дурака. Послѣдній годъ до полной пенсіи за командованіе кораблемъ—и человѣкъ хочетъ лишиться ея, рапортуя о негодности!.. Ну, Богъ милостивъ, можетъ быть, будетъ тихая погода, или во время доберемся до рейда. А если шквалъ, или осенній нордъвестъ валять будетъ сутокъ трое-четверо... И команда знаетъ, что корабль плохъ. Восемьсотъ душъ на его совѣсти. И бригадный тоже знаетъ. Всегда поднималъ свой флагъ на «Вѣрномъ», потому что могъ спокойно тянуть свой грогъ, а нынче къ Томилину сядетъ. Подать въ отставку?.. Пусть другой—не онъ губитъ эти восемьсотъ душъ... Но по совѣсти-ли это будетъ?.. «Семья, жалкая пенсія и жена»... Онъ вздрогнулъ, всею силою своей крѣпкой воли задавилъ эти мысли. *Этому* не должно быть мѣста, когда рѣшается такой вопросъ. Онъ сталъ обдумывать и взвѣшивать всѣ стороны дѣла. Если Богъ помилуетъ, то съ нимъ всетаки меньше шансовъ гибели, чѣмъ съ Козловымъ. Тотъ круглый невѣжда, выскочка, давно ждалъ корабля, цѣпляясь за фалды начальства. Онъ и въ штиль корабль положитъ на бокъ. Никогда матросики не будутъ такъ работать у Козлова, какъ работаютъ у него. Не Козлову под-

держать духъ команды, если—Боже сохрани—штормъ. Надо идти, Богъ милостивъ... Мелькнула новая мысль: Козловъ трусъ, подастъ рапортъ о негодности корабля, и «Вѣрный» останется въ гавани. Нѣтъ, сомнительно: не захочетъ лишиться первой капитанской кампаніи. Кромѣ того, по лѣни, по безалаберности, по глупости онъ и не досмотритъ! Не будетъ въ свѣжій вѣтеръ ночей выстаивать на вахтѣ...

— О Господи,—со стономъ вырвалось у Палицына,—будь въ людяхъ правда! Да, тогда путь капитана былъ бы ясенъ, не приходилось бы, какъ игроку передъ крупной ставкой, высчитывать, какія выпадутъ карты. Много еще перебирала мысль капитана разныхъ картъ, отъ грязи которыхъ мутило душу. Наконецъ, онъ доискался честнаго выхода. «Нѣтъ, если идти въ опасность, то не Козлову. Восемьсотъ душъ цѣлѣе въ моихъ рукахъ!» И его мысль стала работать, ища средствъ ослабить шансы опасности. Опершись лѣвымъ локтемъ на столъ и сжимая ладонью горячій лобъ, а правой подводя итоги на отчетахъ, капитанъ шепталъ: «Вытянувшись на рейдъ своими средствами, можно еще многое поправить... Въ случаѣ чего—команда здоровая, сильная, лихая... Меня любятъ... Богъ не безъ милости»...

II.

За густымъ и высокимъ трельяжемъ плюща, раздѣлявшимъ кабинетъ на двѣ половины, у большого стола сидѣли двѣ дѣвочки за уроками. Эта половина комнаты считалась классной. Палицынъ самъ училъ дочерей своихъ русскому языку и всѣмъ предметамъ, входившимъ въ несложную программу образованія дѣвицъ, кромѣ французскаго и нѣмецкаго, которые преподавала Антонина Сидоровна. Платить учителямъ не хватило бы средствъ; взяли только учительницу англійскаго языка и учителя музыки.

Старшая дочь, Антонина (по матери), рослая брюнетка съ большими темносѣрыми глазами, такими же блестящими и живыми, какъ у отца, съ длинными густыми рѣсницами—единственнымъ наслѣдствомъ отъ матери — смягчавшими блескъ этихъ умныхъ и не по дѣтски вдумчивыхъ глазъ, считалась одною изъ самыхъ красивыхъ дѣвочекъ Балтійска. Не смотря на сильное сложеніе, дѣвочка была, однако, блѣдна и худа. Большой ростъ старилъ ее, но еще болѣе старили серьезный взглядъ, смотрѣвшій пытливо вдаль, и тоскливое, недоумѣвающее выраженіе, появлявшееся порой на этомъ не подѣтски гордомъ личикѣ.

Тоня была въ глубокомъ траурѣ,—въ черномъ шерстяномъ

платьѣ съ крепомъ около горла и рукъ, такъ же какъ и сестра ея, Зина, которая, не смотря на минувшія уже десять лѣтъ, казалась семилѣтней крошкой. Худенькая, миніатюрная дѣвочка родилась не въ Палицыныхъ. На смугломъ личикѣ, съ синими жилками у висковъ, выдавались непомѣрно огромные черные цыганскіе глаза, въ которыхъ искрились дѣтское лукавство и смѣтливость. Она была очень мила, не смотря на широкія скулы и большой ротъ, съ ярко красными пухлыми губами.

Теперь это живое задорное личико смотрѣло очень непривлекательно, какъ и всегда за уроками, къ которымъ дѣвочка питала непреодолимое отвращеніе. Нужно сказать, что ни въ выдержанной системѣ чадолюбиваго и заботливаго Петра Егоровича Палицына, ни, тѣмъ болѣе, въ безсистемности нервной дамы, Антонины Сидоровны, не было ничего, что могло бы побѣдить это отвращеніе. Петръ Егоровичъ, беря за мѣрку талантливость Палицынской натуры, благодаря которой Палицыны выходили первыми изо всѣхъ училищъ, ради болѣзненности и тугого развитія Зины, сдѣлалъ уступку и задавалъ ей половину того, что задавалъ Тонѣ въ ея возрастѣ; но и эта половина была не по силамъ Зинѣ. Преподаваніе Антонины Сидоровны, для которой уроки представляли непріятный перерывъ чтенія французскихъ романовъ, заключалось въ безтолковой перефразировкѣ учебниковъ, убивавшей и послѣднюю искру пониманія въ ученицѣ, поэтому уроки кончались часто швыряньемъ книгъ ей въ лицо. Бѣдная Зина глупѣла, чувствовала себя несчастной при видѣ книги. Вообще, при матери лицо ея принимало безсмысленное и запуганное выраженіе, оправдывавшее прозвище «тупицы и идіотки», которое дала ей мать, когда Зина еще не начинала лепетать.

Зина была не любимой дочерью,—рожденіе ея стоило суточныхъ мукъ и чуть не стоило жизни Антонинѣ Сидоровнѣ. Съ перваго взгляда, когда матери показали блѣдно-красный сморщенный комочекъ мяса, лысый, съ неестественно огромными глазами, Антонина Сидоровна возненавидѣла его и вскричала: «Унесите этого урода! Вы убьете меня». Комочекъ мяса росъ, причиняя много хлопотъ, вызывая много расходовъ своими болѣзнями; Зина начала ходить и говорить по третьему году; при видѣ матери, она поднимала испуганный плачъ и пряталась въ колѣни няни; въ знакомыхъ она возбуждала только сожалѣнія, больно коловшія материнское самолюбіе.

Не то что Тоня! Та шутя вынесла всѣ обязательные недуги дѣтства; со дня появленія своего на свѣтъ, возбуждала она завистливое восхищеніе маменекъ своимъ здоровьемъ, силой, красотой, позже умомъ и способностями и тою жизнерадостностью, которая била въ ней ключемъ. Антонина Сидоровна

видѣла въ Тонѣ утѣшеніе, посланное ей судьбой за всѣ горести и страданія, непонятой и неоцѣненной женщины, и то и дѣло твердила Петру Егоровичу: «Съ этого дня я живу только для дочери. Дочь не обманетъ мое сердце, какъ обманулъ мужъ». Однако, чѣмъ болѣе росла Тоня, тѣмъ менѣе различія дѣлала Антонина Сидоровна между любимой и нелюбимой дочерью. Умъ и талантливость Тони съ каждымъ днемъ оказывались все болѣе и болѣе неудобными для выставки въ гостиныхъ. Тоня смущалась и попугаемъ повторяла тирады изъ «Гоѳоліи» и «Эсфири». Самая красота Тони перестала радовать Антонину Сидоровну. Она не могла перенять заученную институтскую грацію, и Антонина Сидоровна теперь находила красоту Тони безжизненной, а лицо ея прозвала маской за то, что дѣвочка не умѣла усвоить ни милую стереотипную улыбку, ни граціозные повороты головки, ни вскидыванье и опусканье рѣсницъ—всего, чему подруги ея учились сами собой, инстинктомъ. Жизнерадостность Тони еще до смерти Маруси, дочери Петра Егоровича отъ перваго брака, начала измѣнять дѣвочкѣ, уступая мѣсто не дѣтски серьезному и пытливому выраженію, за которое мать звала ее то «гмырой», то «истуканомъ». Маменьки, прежде говорившія, что на Тоню весело посмотрѣть, теперь то и дѣло спрашивали: «Что это съ нею, вѣчно такая серьезная. О чемъ это она вѣчно думаетъ?» Приближаясь къ тому возрасту, когда дочь становится другомъ матери, Тоня все болѣе и болѣе замыкалась въ себѣ. У другихъ дѣвочекъ ея лѣтъ всегда находится о чемъ поговорить съ матерью: что слышали на гуляньи, что видѣли въ церкви, кого встрѣтили на улицѣ, что на комъ было надѣто? Тоня никогда ни слова. Вернется домой и не помнитъ: кто былъ, что говорили, какая на комъ была шляпка. Вѣдь не слѣпая же и не глухая она,—замѣчала мать съ досадой.—«Ахъ, maman, неужели же это такъ интересно»,—и Тоня норовитъ уйти. Да, и Тоня обманула надежды матери такъ же, какъ отецъ ея обманулъ надежды жены! Антонина Сидоровна къ эпитету: «femme incomprise» прибавила и другой: «mère incomprise».

Тоня мигомъ кончила задачу. Пустякъ! Задачу она сдѣлала очень небрежно, хотя и знала, что отецъ взыщетъ за небрежность. Ну что же? Развѣ не все равно? Послѣдняя задача. Эти уроки кончатся. Отецъ, доведя ее до логариѳмовъ, сказалъ, что дальше незачѣмъ учить дѣвочекъ: не къ чему будетъ примѣнять выученное, «а ненужное знаніе надмеваетъ умъ». Прочтя объясненіе логариѳмовъ въ учебникѣ, Тоня исписала ими цѣлый листъ и съ торжествомъ показала отцу, который разсердился за неповиновеніе. То была пора ея математическихъ увлеченій. Теперь она увлекается исторіей Англіи и Шекспиромъ. И въ эту минуту у нея на колѣняхъ томикъ Шекспира, раскрытый на тра-

гедіи «Венеціанскій жидъ». Какъ ни противенъ Тонѣ ростовщикъ Шейлокъ, она не можетъ не жалѣть его, а Джессика, бросившая гонимаго отца, ей противна. Хороши и дворяне, мошеннически отдѣлывающіеся отъ платежа долговъ! Отецъ не сердится, если она читаетъ въ классѣ, когда всѣ уроки готовы, и Тоня уносится въ міръ великихъ созданій поэзіи. Какіе у Шекспира люди— сильные!.. Эти, что скажутъ, — сдѣлаютъ. Есть и презабавные—и Тоня смѣется, читая о нихъ. У Диккенса тоже много такихъ, —и въ тоже время, какъ много въ нихъ хорошаго. Есть что то такое... особенное, такъ не похожи они на тѣхъ, кого видитъ Тоня. Она пыталась въ мысляхъ формулировать эту черту, которая болѣе всего ее поразила: они умѣютъ и смѣютъ разсуждать, и глупый, и смѣшной человѣкъ — и тотъ такой... живой. Прикащикъ, работникъ, слуга—и тотъ скажетъ какое нибудь хорошее слово, которое западетъ въ память. И какіе они порядочные. Лакей—и тотъ лакей, не въ такой степени, какъ адъютантъ бригаднаго Боровской. Только папа смѣетъ разсуждать, какъ Готсперъ у Шекспира: «Tell truth and shame the devil» *). Все хорошее Тоня всегда пріурочивала къ отцу.

Вдругъ нить мыслей, навѣянныхъ чтеніемъ, порвалась. Томикъ скатился съ колѣнъ. Тоня вздрогнула всѣмъ тѣломъ, тревога и забота выразились на лицѣ дѣвочки; казалось, что она вдругъ постарѣла. Тоня вспомнила, что сегодня двадцатое мая. Вотъ почему съ утра она встала съ ноющимъ сердцемъ! Двадцатое мая—памятный срокъ! Годъ кончился, и братъ пріѣдетъ сказать отцу, что его рѣшеніе—поступитъ въ университетъ—не измѣнилось. Господи! неужели еще разъ повторится та страшная сцена, послѣ которой Тоня въ ужасѣ спросила себя: неужели папа ея — мистеръ Грэндъ-Грайндъ? Вася, уѣзжая послѣ этой сцены, сказалъ Тонѣ, что развѣ только смерть помѣшаетъ ему вернуться черезъ годъ сказать отцу, что идетъ въ университетъ. Сегодня рѣшительный день. Она ждала Васю съ утреннимъ пароходомъ, потомъ съ послѣ-полуденнымъ. Она горячо молилась поутру и въ продолженіи дня. Она и теперь повторила въ душѣ молитву: «Господи, помоги Васѣ! Господи, дай, чтобы все благополучно кончилось, и папа съ миромъ отпустилъ-бы Васю въ университетъ!» И съ дрожью внутренняго холода она чувствовала, что молитва напрасна: папа не отпуститъ съ миромъ, выйдетъ тяжелая сцена, папа и Вася намучаются, а Вася всетаки поступитъ въ университетъ. Что-то будетъ? Господи, будь милостивъ!

Сильный толчокъ подъ столомъ заставилъ Тоню встрепе-

*) Говори правду и посрамляй дьявола.

нуться. Зина, у которой на лицѣ, измученномъ и потномъ, выступили неровныя красныя пятна, а зрачки отъ напряженія прилива крови къ головѣ расширились до того, что глаза казались страшными, долго и напрасно телеграфировала Тонѣ съ другого конца стола... Наконецъ, уронивъ носовой платокъ, она неслышно соскользнула со стула и, поднимая платокъ, сильно дернула Тоню за ногу. Потомъ съ самымъ невиннымъ видомъ дѣвочка неслышно сѣла на свое мѣсто.

— Сколько будетъ семью девять? — знаками спрашивала Зина, выставивъ на столѣ девять пальцевъ и семь разъ ударяя указательнымъ. Тоня тѣмъ же способомъ телеграфировала 63. Потомъ была подана телеграмма о рѣшеніи зининой задачи. Тоня отыскала въ учебникѣ рѣшеніе и положила раскрытую книгу такъ, что Зина могла его видѣть. Зина быстро списала нужное на клочкѣ бумаги, который, съ ловкостью фокусника, скрыла подъ рукавомъ. Эта товарищеская помощь всегда сильно смущала совѣстливость Тони. Грѣхъ помогать сестрѣ обманывать отца,—думала дѣвочка, но что же дѣлать? Мама узнаетъ, будетъ исторія...

Тоня сквозь листву трельяжа взглянула на отца; отъ измученнаго и скорбнаго выраженія лица его защемило сердце дѣвочки. Жалость, безконечное обожаніе и нѣжность почти материнская засвѣтились въ ея глазахъ. Отецъ сквозь листву почувствовалъ ея взглядъ и поднялъ голову. Онъ замѣтилъ переконфуженное и испуганное лицо Зины, смуглую ручку, оправлявшую креповый борокъ платья, — за воротъ она прятала клочокъ бумаги. Онъ не сказалъ ни слова — ему стало жаль дѣвочку. Съ той минуты, какъ бабка, принявъ дѣвочку изъ рукъ акушера, вскричала: «тьфу, какая дрянная! Стоило изъ-за нея такъ мучиться!..» — а Антонина Сидоровна, задыхаясь, съ трагическимъ паѳосомъ произнесла: «Уносите скорѣй, не могу видѣть этого урода!» — Зина своими крошечными дряблыми синеватыми ручонками взяла сердце Петра Егоровича. Безграничная жалость къ «уроду» слилась съ любовью отца. Палицынъ для Зины дѣлалъ уступки, несогласныя съ системой дисциплины, какихъ не дѣлалъ ни для покойной Маруси, ни для Тони. Къ послѣдней, не смотря на всѣ искушенія родительской нѣжности и гордости, онъ, наоборотъ, былъ непосильно требователенъ, съ благою цѣлью: чтобы способная дѣвочка не возмечтала выйти изъ удѣла, указаннаго провидѣніемъ женщинѣ. Уступки въ системѣ ради единственнаго сына Василія были уже совершенно немыслимы: мальчика надо было закалять.

Зина дописала отчетливо задачу. Она отличалась самою щепетильною аккуратностью. Книги и тетради ея содержались въ образцовомъ порядкѣ; на платьѣ никогда ни прорѣхи, ни

пятенъ, и подруги дразнили ее за это куклой, наступали на ея прюнелевые ботинки, чтобы заставить ее вытирать пыль носовымъ платкомъ. И Зина неизмѣнно вытирала при общемъ хохотѣ, хотя болѣе другихъ дѣтей была обидчива и чутка къ насмѣшкамъ.

Зина тоже замѣтила, что папа сегодня очень хмурится и смотритъ совсѣмъ скучнымъ, и потому не рѣшалась сказать, что урокъ готовъ. Къ тому же, всегда лучше оттянуть подальше непріятную минуту: папа вѣрно догадается, что задача списана. И въ то же время дѣвочкѣ очень хотѣлось, чтобы ее поскорѣе отпустили гулять на стѣнку у моря. Голова такъ болѣла. Сидѣть и ждать молча — было свыше силъ, и Зина, поболтавъ ногами и сознавая, что нарушаетъ дисциплину, зашептала:

— Тоня, знаешь новость: maman опять будетъ переставлять въ гостиной мебель по новому.

Тоня сдѣлала ей знакъ молчать. Зина не унималась.

— Какой-то коверъ вымѣняла и бархатную скатерть на столъ, и... все на Марусино приданое.

Тоня вспыхнула и наморщила брови. Зина продолжала съ огорченіемъ, въ которомъ сквозило и удовольствіе передать «важную» вѣсть:

— Все размѣриваетъ, перестанавливаетъ, чтобы и коверъ, и скатерть сразу были видны, какъ выйдешь изъ залы. А ужъ няню какъ разбранила! Няня все не умѣла сложить складки на гардинахъ такъ, чтобы, знаешь, не вылинявшія полосы выдавались на видъ, а вылинявшія были спрятаны... Бранила, бранила, всячески бранила, гости пришли, только тогда отпустила. Уйдутъ, будетъ опять бѣда. Складокъ никакъ нельзя заложить такъ, какъ она требуетъ. Ужъ няня билась, билась.

— Полно трещать, Зина, будто радость какую объявляешь,—шепнула Тоня и задумалась.

«Опять возня въ домѣ, неудовольствія, исторіи. Опять прибьетъ Өедотыча. Онъ непремѣнно разобьетъ что нибудь. Maman будетъ требовать, чтобы папа взялъ другого деньщика. Өедотычъ двадцать лѣтъ живетъ у папы, какъ родной. И мы любимъ Өедотыча, и онъ насъ любитъ. Папа не прогонитъ Өедотыча. Опять сцены. И чуть не каждую недѣлю перестановка въ домѣ. Господи! Изъ-за какого вздора люди отравляютъ жизнь другимъ людямъ...»—Тоня подумала фразой своей maman, которая разъ десять на дню вопіяла къ Богу о своей испорченной жизни; только дѣвочка давала вполнѣ обоснованное примѣненіе этой фразѣ, чего нельзя было сказать о матери.

— Уйдемъ на стѣнку съ няней, Тоня. Пусть безъ насъ все переставятъ,—продолжала уже совсѣмъ испуганнымъ шопотомъ Зина, знавшая заранѣе, что всякая возня въ домѣ,

поднимаемая ея maman, непремѣнно обрушится въ чемъ нибудь на «урода, тупицу, идіотку». Хоть бы она забилась въ уголъ, ее вызовутъ: «Не можете помочь матери. Стойте тутъ, понадобится послать». Не забьется, явится съ услугами, услышитъ: «Чего тутъ вертитесь, одно глупое любопытство, только мѣшаете».

— Хоть бы папа запретилъ! Пыль поднимутъ, мебель переломаютъ, потомъ въ починку посылай... Право, на мѣстѣ папы я бы запретила эти глупости. И прислугу загоняетъ, а черезъ недѣлю—опять все по старому, — разсудительнымъ тономъ заключила Зина.

— Молчи, Зиночка. Узнаетъ maman, что ты говоришь, тебѣ хуже будетъ.

— Все равно, всегда хуже,—злобно и съ горечью возразила Зина. — Что у насъ за жизнь? Адъ! Марихенъ, горничная бригадной, говорила Христинѣ, а я слышала: — эта мать говоритъ, у васъ точно мачиха съ падчерицами.

— Зиночка, молись Богу, не думай такъ,—шептала Тоня, вспоминая, что въ годы Зины думала то же самое и притомъ «сама» думала, не слыша ни отъ какой Марихенъ.

— Что вы тамъ шепчетесь? Уроки готовы?—спросилъ Палицынъ.

— Давно готовы, папа!

Онъ вышелъ изъ-за трельяжа, сѣлъ за классный столъ, и начался урокъ. Зина крестилась подъ столомъ, взывая въ душѣ: «Господи, помяни царя Давида и всю кротость его».

III.

Въ то время, какъ Зина, сдавъ благополучно урокъ, стыдила сама себя, зачѣмъ надула папу, а Тоня выслушивала строгій выговоръ за небрежно сдѣланную задачу, отъ Адмиралтейскаго моста къ мрачному казенному зданію шелъ очень еще юный офицеръ. Не смотря на его девятнадцать лѣтъ, только что надѣтые лейтенантскіе эполеты нисколько не радовали его, и онъ не спѣшилъ, какъ товарищи, скорѣе щегольнуть ими въ семьѣ. Онъ шелъ мѣрными и твердыми шагами, не замедляя и не ускоряя шагъ, какъ идетъ на тяжелое и непріятное дѣло человѣкъ не трусливый и не безхарактерный. Сегодня рѣшительный день. Отецъ увидитъ, что это не мальчишескія фантазіи, а зрѣлое рѣшеніе взрослаго человѣка. Эти же слова онъ сказалъ отцу двадцатаго мая, ровно годъ тому назадъ. По молодому, почти дѣвическому лицу, прошла тѣнь печали при воспоминаніи о вынесенной тогда бурной сценѣ. Когда отецъ увидѣлъ, что убѣжденія не дѣйствуютъ, онъ хо-

тѣлъ запугать угрозами, властью. Злыя, горькія слова, упреки, грозные гнѣвные взгляды — все было пущено въ ходъ... Все припоминалось теперь юношѣ, но не вызывало злобнаго чувства, а только боль въ душѣ. Какъ могъ отецъ, который говоритъ, что любитъ ихъ за себя и за мать, произнести то, что было произнесено тогда?

Юноша хорошо понималъ причину: то была встревоженная любовь, то было мучительное желаніе спасти сына. У молодого человѣка была способность объективно относиться ко всѣмъ сторонамъ, даже когда онъ былъ лично затронутъ. Еще въ корпусѣ товарищи прозвали его за это философомъ. «Деспотъ и ханжа»,—такъ еще сейчасъ назвалъ Петра Егоровича Росбахъ, лучшій другъ молодого Палицына. У нихъ сейчасъ готовы шаблоны. Ханжа? — нѣтъ! Отецъ фанатикъ, который жизнь свою положитъ за вѣру свою и другихъ радъ спасать посильно. Деспотъ?—Отчасти, но только отчасти, и то потому, что считаетъ себя намѣстникомъ Бога въ своей семьѣ. Нѣтъ въ немъ этой подлой замашки ломать другихъ ради наслажденія властью. Такіе ли бываютъ настоящіе деспоты? Вотъ адмиралъ Трускинъ до идіотства забилъ сына и, отдавъ въ корпусъ, приказалъ: «Будь первымъ, не будешь — прокляну!..» Юноша нахмурилъ брови, въ воображеніи его ярко встала страшная картина. Бѣдный Трускинъ съ помутившимся взглядомъ передъ экзаменаторомъ несетъ невообразимую чушь... Дикій крикъ, искаженное лицо... Трускинъ на полу въ конвульсіяхъ... Черезъ три дня умеръ воспаленіемъ въ мозгу.

Василій Палицынъ поймалъ себя на постороннихъ мысляхъ и связалъ нить своихъ воспоминаній о томъ, что было двадцатаго мая, годъ тому назадъ. На угрозы отца онъ отвѣчалъ: «вы властны испортить мою жизнь, но не измѣнить мое рѣшеніе. Это дѣло моей совѣсти». Онъ и теперь не безъ самодовольства припоминалъ свой спокойный, сдержанный и твердый тонъ. Онъ говорилъ, какъ долженъ говорить настоящій мужчина. Но онъ не могъ устоять противъ просьбы отца подождать, провѣрить себя, и согласился подождать еще годъ. Отцу хотѣлось, чтобы онъ кончилъ офицерскіе классы. Онъ, Василій, сообразилъ тогда еще, что годъ этотъ не пропадетъ: онъ готовился къ университету, да и въ математикѣ съ физикой подвинулся. Съ того памятнаго дня ни онъ, ни отецъ не поминали объ университетѣ ни словомъ, ни намекомъ. Неужели отецъ думаетъ, что онъ забылъ?

А если отецъ исполнитъ угрозу и напишетъ университетскому начальству?.. Что-жъ? Онъ уйдетъ учиться за границу. Уйдетъ, хоть пѣшкомъ! Тамъ найдетъ заработокъ и будетъ учиться. Учился же такъ въ концѣ прошлаго вѣка дѣдъ его въ Лейпцигѣ, служа переводчикомъ у русскихъ купцовъ. Онъ не

пропадетъ, возьметъ свое... Отецъ говорилъ: «сильно, Василій, возмечталъ о своихъ способностяхъ». Онъ то же самое говоритъ и Тонѣ... А самъ въ душѣ гордится, когда всѣ учителя говорятъ, что они оба не учатся, а будто припоминаютъ знакомое. Василій не разъ въ студенческой формѣ ходилъ на лекціи вмѣстѣ съ Росбахомъ, и они оба такъ передавали лекціи, что студенты пророчили имъ профессорство...

Пусть Росбахъ будетъ профессоромъ. Василія не тянуло къ ученой карьерѣ. Онъ шелъ въ университетъ ради наивной и пылкой надежды узнать всю—не менѣе, какъ всю—истину жизни... Вотъ оно самое мучительное,—не знать, гдѣ правда, какъ жить... Какъ быть гражданиномъ, не зная, въ чемъ правда?.. Отецъ училъ своей правдѣ... И что же?.. Севастополь сданъ... Горячо вспыхнули щеки юноши, и сердце сжалось гнѣвомъ и болью, точно отъ сердца отрывали кусокъ... «Шапками закидали!» У него вырвался злобный смѣхъ. Мысль заработала быстрѣе. Причины позора извѣстны, о нихъ кричатъ всюду... Невѣжество, лѣнь, холопство, продажность, воровство невообразимое, произволъ властей!.. «Ближайшія причины», говоритъ отецъ. Но что же создало эти ближайшія причины? Позоръ не въ пораженіи, позоръ въ томъ, какъ оно пришло, позоръ въ томъ, что оно заслужено. Отецъ говоритъ: «Божье правосудіе, Богъ покаралъ за неправду...» Ну, злодѣи заслужили Божью кару, — тѣ злодѣи, подлецы, которымъ нѣтъ имени... А эти несчастные солдаты—герои, эти мужики, оторванные отъ семьи, отъ сохи, которыхъ гнали на убой съ топорами подъ пушки! Эти калѣки, которые теперь ходятъ по міру? За что они страдаютъ? А тѣ лапу свою сосутъ, да у моря погоды ждутъ!..

Голубые глаза юноши сверкнули холоднымъ блескомъ лезвія стали. . Онъ думалъ о тѣхъ, чьи имена тогда были на всѣхъ устахъ, какъ имена людей, предававшихъ отечество изъ низкихъ побужденій подлой корысти... Цѣлыя тучи хищниковъ и прислужниковъ. Что же это?.. «Тоже естественныя послѣдствія данныхъ причинъ» — какъ говорятъ въ студенческихъ кружкахъ. Все цѣпляется одно за другое... Естественныя послѣдствія причинъ, которыя сами были послѣдствіями предшествовавшихъ—и такъ далѣе, все далѣе и далѣе, до безконечности отодвигаясь въ глубь и тьму прошлаго... «Природа гармонична и повинуется вѣчнымъ законамъ...» Слышалъ! И отецъ говоритъ это. Хорошо утѣшеніе!.. Природа не сознаетъ по-человѣчески. А тутъ сердце кипитъ и исходитъ кровью...

Онъ снялъ фуражку и отеръ платкомъ влажный лобъ. Наука отвѣтитъ ему на все. Она укажетъ, какъ этотъ проклятый хаосъ пересоздать въ человѣческую жизнь. Наука!.. Студенты смѣются надъ иными жрецами ея, зовутъ авгурами отъ

науки. Или накопить денегъ и съѣздить въ Лондонъ къ Искандеру? Юноша слышалъ о немъ самые фантастическіе отзывы и прочелъ кое-что изъ его статей въ нелѣпо искаженныхъ спискахъ. Ночи напролетъ просиживалъ онъ, перечитывая то Искандера, то Аксакова и Хомякова, сличая, сравнивая. Въ головѣ поднялся хаосъ. Юношѣ казалось, что мозгъ его рвутъ на двѣ части. Измученный, онъ шелъ въ классы; но и тамъ въ головѣ его крутился все тотъ же хаосъ, и онъ не слышалъ ни слова изъ лекціи о кораблевожденіи. Въ головѣ носились обрывки изъ прочитаннаго, и онъ не видѣлъ выхода изъ лабиринта перекрещивавшихся мыслей, противорѣчивыхъ аргументовъ и злился на себя, ругая себя идіотомъ за то, что блуждаетъ во мракѣ. Отъ словъ Искандера по тѣлу юноши пробѣгалъ трепетъ, и, не смотря на ужасъ, юноша чуялъ въ немъ силу, которая влекла его неодолимо. Что это за человѣкъ? Можетъ быть, онъ скажетъ слово, разрѣшающее всѣ муки сомнѣнія, слово, яркимъ свѣточемъ освѣщающее пути жизни...

Эти мысли и теперь вихремъ кружились въ горячей головѣ юнаго офицера. Между тѣмъ мрачное, казарменнаго вида зданіе было уже близко. Что будетъ дома послѣ объясненія? Тонкія русыя брови сдвинулись. Поднимется адъ. Мачиха... Это было хуже всего для юноши. Онъ росъ тихимъ болѣзненнымъ ребенкомъ. Первыя отчетливыя воспоминанія—дикій визгъ мачихи: «Если сейчасъ не оставишь этого щенка, я сожгу домъ». И свѣча у оконныхъ занавѣсокъ. Багровое, искаженное яростью лицо такъ отвратительно! Печальное, хмурое лицо отца наклоняется надъ нимъ, отецъ еще крѣпче прижимаетъ его къ своей груди и уноситъ. Ребенокъ дрожитъ всѣмъ тѣломъ и слышитъ слова отца: «Антонина, нельзя такъ разнуздывать себя».—«Я не могу видѣть, какъ вы цѣлуете портретъ этой Маши! Не могу! Не хочу! Не смѣть!»—И снова визгъ, хохотъ, изступленный плачъ.

Ребенокъ прятался въ темные углы отъ страха и еще болѣе отъ отвращенія. Онъ долго не говорилъ, но не отъ плохого развитія мозга, а отъ слабости двигательныхъ мышцъ. Проницательный взглядъ съ тѣмъ старческимъ выраженіемъ, какое придаетъ дѣтскимъ глазамъ англійская болѣзнь, подмѣчалъ все, что происходило кругомъ. Ребенокъ говорилъ глазами и многое говорилъ гораздо яснѣе, чѣмъ его здоровые ровесники словами. И каждый разъ, когда этотъ вдумчивый старчески-дѣтскій взглядъ останавливался на мачихѣ въ разгаръ неистовой сцены, она кричала: «Чего выпучилъ свои буркалы», а на душѣ у нея шевелилось непріятное чувство. Мать ея, комисарша Сидорова говорила, что этотъ щенокъ можетъ сглазить своими глазами...

Забитымъ Вася не выросъ. Ни гоненія мачихи, ни дисци-

плина отца не сломили его. У кроткаго, тихаго мальчика была своя воля, которая выказывалась болѣе отрицательно. «Когда онъ чего не захочетъ, жаловалась няня Савельевна, то хоть въ ступкѣ толки, онъ все свое». Няня и сестра Маруся, крошка старше его четырьмя годами, были его ангелами хранителями. Въ корпусѣ товарищи прозвали его дѣвчонкой за то, что онъ уходилъ отъ ссоръ, не принималъ участія въ дикихъ дракахъ и вѣчно сидѣлъ въ углу съ книжкой. Его презирали сначала за то, что онъ съ товарищами не устраивалъ «каверзъ» учителямъ. Но каверзы были такъ глупы, и онъ не понималъ, что находили въ нихъ смѣшного и веселаго товарищи. Иныя шалости казались ему просто «подлостью», — когда ихъ устраивали учителямъ, бывшимъ въ загонѣ, — учителямъ чистописанія и рисованія, или смиренному и сентиментальному нѣмцу, который любилъ дѣтей. По жалобѣ этихъ педагоговъ начальство распекало виновныхъ только для вида. Однако, случай показалъ товарищамъ, что Васька Палицынъ не «дѣвчонка». На приговоръ директора примѣрно высѣчь одного ученика старшей роты за нарушеніе дисциплины на улицѣ, замѣченное властями, Василій закричалъ: «Это несправедливо! Я видѣлъ! Онъ не виноватъ!» Не *самъ* онъ закричалъ, *что-то* закричало въ немъ, такъ передавалъ онъ отцу эту исторію. Потребовали, чтобы онъ разсказалъ, что видѣлъ, и выдалъ виноватаго; онъ молчалъ, его высѣкли. Товарищи сказали ему дурака: не за товарища вступился, а за старшаго, — но презирать перестали. Старшіе, вмѣсто спасибо, надрали ему уши, какъ смѣлъ мѣшаться не въ свое дѣло. Велика бѣда, высѣкли бы при всемъ корпусѣ! Дѣло было бы кончено, а теперь душу тянутъ допросами. Инквизиторскіе допросы тянули душу и изъ одинадцати лѣтняго мальчика, но никто объ этомъ не думалъ: онъ затѣялъ всю кутерьму. Кончилось тѣмъ, что старшіе порѣшили бросить жребій, кому быть выпоротымъ. Начальство знало это, но ему былъ нуженъ виноватый, нужна экзекуція для рапорта. Василій заикнулся было, что со стороны виноватаго нечестно, — самъ долженъ былъ сознаться, а не подставлять товарища подъ розги, — и не могъ договорить среди поднявшейся бури криковъ и брани... «Дуракъ, идіотъ, баба!»

Мальчикъ еще болѣе замкнулся въ себя послѣ этого случая. Онъ не могъ выразить словами то ощущеніе тѣсноты и духоты, которое до физической боли давило его всѣ шесть лѣтъ корпусной жизни. Онъ отбывалъ исправно корпусную повинность, отводя по воскресеньямъ душу, когда навѣщалъ Марусю въ институтѣ. Но вотъ, курсъ конченъ. Онъ ждалъ, что за стѣнами корпуса откроется новый міръ. Отецъ отдалъ шестнадцатилѣтняго подростка въ офицерскій классъ, болѣе ради надзора. Палицынъ относится съ пренебреженіемъ, если

не къ самимъ высшимъ морскимъ наукамъ, — то къ преподаванію въ этихъ классахъ. Василій кинулся на книги, глоталъ все, что попадалось подъ руку. Здороваго зерна было тутъ немного,—больше мякины, нерѣдко отравленной, но здоровое чутье выручало юношу: отъ него отскакивали пошлость и ложь. Къ нему пристали два, три товарища, а одинъ изъ нихъ, Росбахъ, сплотилъ небольшой кружокъ читавшей и мыслившей молодежи. На послѣднемъ экзаменѣ Василій Палицынъ сыгралъ роль, оставшуюся надолго памятной въ лѣтописи офицерскихъ классовъ. Русскую литературу читалъ старикъ капитанъ, который не шелъ дальше Карамзина, презирая Пушкина и «натуральную школу». Василій подалъ своему классу мысль—не готовиться по этому курсу, а учиться по студенческимъ лекціямъ. Росбахъ откликнулся первый и убѣдилъ весь классъ. Василій откровенно завидовалъ этой власти Росбаха надъ умами, его таланту говорить красно, увлекательно и вести другихъ за собой. Но инціатива мысли всегда принадлежала ему, Василію.

На экзаменѣ первый вызванный мичманъ, взявъ билетъ, положилъ его обратно и сказалъ, что не готовился по этому курсу. Второй, третій и т. д. повторили то же самое буквально, кто робко, кто смѣлѣе. Остолбенѣвшее отъ такого безпримѣрнаго факта начальство молчало, экзаменаторы отмѣчали въ спискѣ отвѣты. Дошла очередь до Василія Палицына. Онъ сказалъ, что весь классъ порѣшилъ не готовиться по этому курсу, который не учитъ русской литературѣ ихъ времени, а держитъ ихъ на отжившемъ прошломъ; они не дѣти, имѣютъ право знать, что пишутъ ихъ современники.. Они проходятъ университетскій курсъ литературы и готовы сдать экзаменъ по этому курсу. Эфектъ вышелъ потрясающій, директоръ потерялъ голову и, опрометью кинувшись вонъ изъ залы, поѣхалъ къ высшему начальству. Молодежь съ затаенной тревогой ждала исхода «исторіи». Василій думалъ о томъ, что скажетъ отецъ, считавшій перломъ русской поэзіи «Ночи при крестѣ» Ширинскаго-Шихматова, впослѣдствіи монаха на Аѳонѣ. «Исторія» кончилась такъ, какъ молодежь могла ожидать лишь въ самыхъ радужныхъ мечтахъ: уже начиналась пора либеральныхъ вѣяній, особенно въ морскомъ вѣдомствѣ. Архаическому преподавателю отказали, былъ приглашенъ извѣстный лекторъ, изъ университетскихъ. Онъ вліялъ на молодежь, и Василій съ Росбахомъ порѣшили идти въ университетъ. За «исторію» Егоръ Петровичъ, въ душѣ гордясь тѣмъ, что сынъ способенъ затѣять и довести дѣло до конца, распекъ его и душилъ чтеніемъ «Ночей при крестѣ», повторяя: «Вотъ это поэзія: возвышенно, прекрасно, не то, что вашъ Пушкинъ и Лермонтовъ!»

IV.

Вотъ и родное крыльцо близко, но Маруся не выбѣжитъ уже навстрѣчу. Маруся! Сердце юноши больно сжалось. Дорогой пылкій Росбахъ, опасаясь, что Василій уступитъ въ борьбѣ съ отцомъ, разсказалъ ему то, что видѣлъ своими глазами и что, по его мнѣнію, должно было вооружить товарища противъ «семейнаго деспотизма». На балу у тетки Росбаха, Маруся послѣ вальса, зимой, въ трескучій морозъ, выбѣжала съ открытыми плечами, въ бальныхъ башмачкахъ на дворъ; она ходила по снѣгу, хватала снѣгъ горстями и вытирала имъ шею и грудь. Росбахъ, котораго посылали въ аптеку за каплями для одной дамы, упавшей въ обморокъ, наткнулся на Марусю. Онъ схватилъ ее за руку и насильно потащилъ въ домъ, упрекая за безуміе. Маруся отвѣчала спокойно: «Это самое умное, что я могу сдѣлать». И взглядъ ея былъ такой—не страшный, не безумный, но какой то странно-спокойный, будто застывшій. У дверей передней Маруся сказала: «Росбахъ, если вы честный человѣкъ, никому—ни слова!»

Каждое слово Росбаха на всю жизнь врѣзалось въ память Василія. И *онъ* ничего не подозрѣвалъ! Маруся накликала на себя простуду, отъ которой въ шесть недѣль истаяла въ скоротечной чахоткѣ. Домашній адъ гналъ ее въ замужество съ этимъ Тейчке. Не могла-же Маруся Палицына полюбить подлеца Тейчке, у котораго въ экипажѣ люди мрутъ, какъ мухи послѣ отравы. Въ черную минуту она дала слово и не хотѣла брать назадъ... Скандалъ... Жить опять въ аду съ мачихой... Или Маруся любила этого фонъ-Тейчке? Опытнаго Донъ-Жуана, декламатора, пѣвца, хамелеона, который обернется чѣмъ угодно. Василій, хотя вообще не уважалъ пѣніе сладкихъ романсовъ и звалъ это сотрясеніемъ воздуха, не могъ равнодушно слушать пѣніе Тейчке. Бархатный теноръ, лившійся въ душу, призывалъ къ радости, наслажденію, счастію... Тейчке вскружилъ голову Марусѣ... И Василій не подозрѣвалъ! Ему написали о помолвкѣ, и онъ, забывъ всю философію, разразился въ отчаянномъ, гнѣвномъ и скорбномъ письмѣ. О, этотъ проклятый домашній адъ! Будь мать ихъ жива,—Маруся не дала бы слово этому мерзавцу «фону». Потомъ разглядѣла, не вынесла... Погибла Маруся...

Отецъ не подозрѣваетъ, онъ никогда не долженъ знать этого. А все таки причина—онъ! Юноша думалъ объ отцѣ съ сожалѣніемъ и горечью. Какъ могъ такой человѣкъ давать волю такой бабѣ? Онъ глубоко уважалъ отца. Онъ зналъ не одинъ случай, когда Палицынъ выказалъ на службѣ рѣдкое мужество, даже «геройство», какъ говорили сослуживцы. Когда всѣ тре-

петали передъ мощнымъ владыкой, прибывшимъ не въ духѣ, когда невинные полетѣли бы въ отставку, отецъ его — тогда младшій лейтенантъ на кораблѣ,—выступилъ впередъ и твердо, безъ страха сказалъ слово правды въ защиту обвиненныхъ. И въ домѣ такого человѣка полновластно хозяйничаетъ Антонина Сидоровна!... Антонина Сидоровна распоряжается и участью дѣтей, даже не своихъ дѣтей. Отецъ отдалъ его, десятилѣтняго малыша, въ корпусъ, нарушилъ свою педагогическую систему, предписывавшую сдавать въ училище мальчика лѣтъ тринадцати, четырнадцати, когда онъ укрѣпится дома въ правилахъ нравственности и «вѣры Христовой». И теперь, еслибы не мачиха, отецъ скорѣе согласился бы на университетъ. Мачиха боится расходовъ и настроитъ отца. Впрочемъ, въ этомъ Василій ошибался: «настраиванье» мачихи ни на іоту не повліяло на рѣшеніе отца. И въ корпусъ Палицынъ отдалъ малыша только послѣ того, какъ убѣдился, что для дѣтей его покойной Маши его домъ, гдѣ водворилась лживая и злая женщина,—будетъ дурной школой. По этой же причинѣ отдалъ онъ въ институтъ крошкой и Марусю. Тамъ дѣти подчинены общему порядку,—плохому, но все лучше капризовъ Антонины Сидоровны. Онъ по мѣсяцамъ въ морѣ, а дѣти беззащитны въ ея рукахъ. Но Василій не зналъ объ этихъ горькихъ думахъ отца.

На душѣ у юноши становилось все тяжелѣе, чѣмъ ближе онъ подходилъ къ родному крыльцу. Что ждетъ его дома? Неужели разрывъ съ отцомъ? Разрывъ на всю жизнь!... Впрочемъ.. если даже и такъ, онъ знаетъ, что не отступитъ. Отецъ уже оказался однажды такъ тяжко не правъ,—и онъ не преклонится передъ его требованіями въ дѣлѣ своей жизни...

V.

— Василій Петровичъ пріѣхалъ. Сейчасъ принесли шинель и чемоданчикъ,—объявила, запыхавшись, старая няня, вбѣжавшая въ кабинетъ.—Сейчасъ придетъ, голубчикъ мой!

Старушка чуть не плакала отъ радости. Таня поблѣднѣла. Зина вскочила съ мѣста и закричала, визжа:

— Вася, голубчикъ, милый. Вотъ радость то! Я не ждала.

— Я ждала,—сказала значительно Тоня.

Отецъ взглянулъ на нее пытливо и нахмурился съ тяжелымъ вздохомъ. Сегодня двадцатое мая. Какъ могъ онъ забыть, что Василій пріѣдетъ и опять за свое. Тоже Палицынъ! — не уступитъ.

— Садись, Зина, и дочитывай новый урокъ.

Зина притихла подъ строгимъ окрикомъ отца, путаясь, дочитала урокъ и, ни слова не понимая, прослушала повторенное объясненіе.

Вошелъ Василій. Сестры кинулись къ нему. Онъ обмѣнялся взглядомъ съ Тоней и подошелъ къ отцу.

— Папа! Я...

— Здравствуй,—коротко поздоровался отецъ, протягивая руку, которую сынъ почтительно поцѣловалъ.

Юноша поздоровался съ сестрами и потомъ еще разъ поцѣловалъ Тоню, которая не сводила съ него тревожнаго, любящаго взгляда. «Будь покойна», отвѣтилъ онъ ей взглядомъ, еще разъ крѣпко пожавъ ей руку.

— Съ командой пріѣхалъ?—спросилъ отецъ.—Былъ приказъ въ море всѣмъ дивизіямъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Василій коротко, и ни звука тревоги не было въ его голосѣ.

Онъ былъ спокоенъ, это было спокойствіе неизмѣннаго рѣшенія. Прекрасные голубые глаза смотрѣли ясно и прямо въ глаза отца. Тонкія нѣжныя черты почти дѣвическаго лица, покрытыя ровнымъ весеннимъ загаромъ, такъ живо напоминавшія Палицыну его незабвенную Машу, выражали непоколебимую «палицынскую волю». Чуть-чуть подернутыя пушкомъ щеки не поблѣднѣли подъ пристальнымъ и суровымъ взглядомъ отца. Маленькая сухощавая фигура, казалось, была отлита изъ стали. Характерно очерченныя губы и прямой, почти четыреугольный лобъ напоминали отца, и эти черты сходства въ эту минуту раздражали стараго Палицына.

— Ты утромъ пріѣхалъ? Теперь нѣтъ пароходовъ.

— На яхтѣ Росбаха.

Отецъ нахмурился. Онъ терпѣть не могъ остзейскихъ бароновъ за ихъ спѣсь и за то, что они, благодаря своимъ связямъ, перебиваютъ русскимъ дорогу; впрочемъ эти поводы были мелочами въ сравненіи съ основнымъ и глубокимъ: когда, въ дни юности Петръ Егорычъ въ «обществѣ друзей человѣчества» строилъ планы пересоздать Россію, два барона заявили, что до Россіи имъ нѣтъ никакого дѣла и они вѣрные вассалы герцога Курляндскаго, Лифляндскаго и Эстляндскаго.

— Въ знать лѣзешь? Что я говорилъ?

— Папа, Росбахъ не такой. Вы знаете, мы всегда вмѣстѣ занимались еще съ корпуса.

— Отпускъ взялъ? Развѣ дали? Теперь качаться готовитесь между Петергофомъ и Кронштадтомъ?

— Не бралъ. Возвращаюсь вечеромъ.

— Зачѣмъ пріѣхалъ?

— Сегодня двадцатое мая. Срокъ кончился. Я пріѣхалъ просить васъ, папа, отпустить меня въ университетъ. Это не минутное увлеченіе. Это дѣло цѣлой жизни.

— Цѣлой?—усмѣхнулся ѣдко отецъ.

Сынъ молча ждалъ рѣшительнаго слова.

— Опять за старое?—хмурясь, усталымъ голосомъ проговорилъ Палицынъ болѣе себѣ, чѣмъ сыну.

Онъ сѣлъ и забарабанилъ пальцами по столу, смотря въ окно, чтобы не встрѣтить умоляющаго взгляда большихъ голубыхъ глазъ—глазъ его Маши. Сынъ сдѣлалъ шагъ къ отцу.

— Папа, въ память покойной матери, умоляю, выслушайте меня въ послѣдній разъ. Это не прихоть, не фантазія, даю вамъ честное слово,—это серьезное, глубокое убѣжденіе.

— Много ихъ будетъ еще впереди у тебя, серьезныхъ то убѣжденій!—криво усмѣхнулся отецъ.—Молоко на губахъ не обсохло, а туда же: «дѣло цѣлой жизни, убѣжденіе»!

Голубые глаза метнули искру, горячая краска залила молодое лицо, но голосъ звучалъ по прежнему тихо и спокойно:

— Вы можете запрещать мнѣ поступить въ университетъ, можете прогнать меня, но смѣяться надъ *этими* словами вы не имѣете права—это дѣло моей совѣсти!

Палицынъ смутился: это слова его покойной Маши. Ими она отвѣтила ему на запрещенье видѣться съ подругой, бросившей грубаго ревнивца и самодура мужа, брошенной увлекшимъ ее франтомъ и заклеванной всѣми добродѣтельными матронами города. Это было въ первые мѣсяцы ихъ брачной жизни: онъ боялся для своего «ангела» гибельнаго примѣра и оскорбилъ, больно оскорбилъ ее нечистымъ подозрѣніемъ.

— Эхъ вы, молодежь,—усмѣхнулся онъ и голосъ его зазвучалъ мягче.—Воображаете, будто вы одни выдумали и «дѣло цѣлой жизни», и «убѣжденія». Самъ былъ молодъ, увлекался всякими философскими, и пол...—онъ поперхнулся—и мистическими идеями, носился, какъ шлюпка безъ руля и гребца, по морскимъ валамъ, пока, по милости божіей, не нашелъ мирную и вѣрную, единую вѣрную гавань.

— Мнѣ не мирная гавань нужна...

— Да,—иронически и начиная внутренно раздражаться, перебилъ отецъ. — Я забылъ, что вы съ Марусей распѣвали «А онъ мятежный проситъ бури», а Тоня вамъ вторила... Дѣвочки, — ступайте отсюда, не ваше дѣло слушать,—обратился онъ къ дочерямъ.

Казалось, вся жизнь перешла въ искрившіеся темно-сѣрые глаза Тони; сурово сдвигались почти прямыя густыя брови на поблѣднѣвшемъ лицѣ, каждая черта котораго была напряжена усиліемъ не выдать волненія и страха, терзавшихъ сердце дѣвочки. Личико Зины дергалось, сдерживая слезливую гримасу, ярко красныя губы оттопыривались безобразно; дрожа, на рѣсницахъ повисли слезы, дрожала и дѣвочка всѣмъ своимъ крошечнымъ тщедушнымъ тѣломъ.

Дѣвочки ушли, оглядываясь на обожаемаго брата, ободряя его взглядами, улыбками.

— Ну, теперь послушаемъ, что скажешь новаго?—говорилъ Палицынъ, прикрывая ироніей поднимавшееся въ душѣ тяжелое чувство. Ему сдавалось, что побѣдитъ не онъ, а сынъ.

Онъ всталъ, заперъ дверь на ключъ и потомъ крупными тяжелыми шагами началъ мѣрять комнату.

VI.

Одна изъ дверей кабинета, наглухо запертая, выходила въ тѣсный чуланчикъ, отведенный нянѣ. За этой дверью, припавъ ухомъ, стояла низенькая кругленькая старушка, сдвинувъ на бокъ чепецъ съ оборками, мѣшавшій слушать, и то и дѣло крестилась, смахивая слезы, которыхъ у нея былъ неистощимый источникъ въ глазахъ и въ душѣ.

Савельевна выростила первую жену Палицына. Антонина Сидоровна, выживавшая изъ дома друзей мужа, родню ненавистной ей покойницы и самую память о ней, оставила няню, чтобы избавиться отъ несносной для нея возни съ дѣтьми вообще, а съ дѣтьми «Машки» въ особенности. Это дало ей поводъ рисоваться примѣрной мачихой. Няня, опасавшаяся, что «комиссарская дочка» будетъ морить «сиротокъ» голодомъ, водить въ отрепьяхъ и, пожалуй, истязать,—поневолѣ терпѣла новую барыню, которую, однако, ненавидѣла всѣми силами своей незлобивой души. Она простила бы Петру Егоровичу вторую женитьбу, еслибы онъ взялъ «природную и образованную барышню», хоть немного похожую на покойницу Машеньку. Но онъ ввелъ въ свою семью дѣвушку не дворянской крови, да еще «выросшую въ кабакѣ». Только слава, что была въ институтѣ, а сразу видно изъ какого гнѣзда птица. Ну, да въ этомъ еще не ея вина. А вотъ злыдня она и вѣдьма, правды и совѣсти нѣтъ въ ней ни на грошъ... И няня, чтобы оградить дѣтей отъ примѣра «кабацкой цыганки, злыдни и вѣдьмы», въ безконечныхъ разсказахъ воскрешала покойную свою Машеньку: сиротки должны знать и любить мать.

Въ этихъ безыскуственныхъ разсказахъ, согрѣтыхъ теплою незабывающею любовью, надъ которой безсильна самая смерть, образъ матери, какъ живой, запечатлѣлся въ душѣ сиротъ. Старый баринъ, Аристархъ Евлампповичъ, не тѣмъ будь помянутъ, былъ строгъ и грозенъ. Все передъ нимъ трепетало: крестьяне, дворовые, дѣти и барыня. Одна Машенька не боялась отца и всегда заступалась за каждаго, на кого «палъ барскій гнѣвъ». Всегда она, если только была возможность, брала на себя вины и, молча, «андельски», выносила наказаніе. Всю жизнь терпѣла муку и помогала людямъ, насколько хватало силъ. Только и знала счастья, какъ вышла за Петра Егоровича. Да и няня

тогда вздохнула легко,—и даже сходила за полтораста верстъ пѣшкомъ по обѣту на богомолье—отслужить благодарственный молебенъ.

Няня создала въ душѣ сиротъ культъ умершей матери. Культъ этотъ раздѣляли Тоня и Зина. Для Тони покойная Палицына была свѣтлымъ идеаломъ и, когда Маруся и Вася были отвезены въ Петербургъ, она попрежнему просила няню разсказывать что нибудь о «барышнѣ Машенькѣ», и все съ тѣмъ же жаднымъ интересомъ, съ тѣмъ же умиленіемъ и благоговѣніемъ слушала эти разсказы. Дѣвочка отдыхала душой, когда передъ нею носился чистый, свѣтлый образъ этой «барышни Машеньки». Зина, никогда не думавшая ни о какихъ «превыспренностяхъ», — какъ называла Антонина Сидоровна все, выходившее за рамки ея мыслей, чувствъ и желаній,— тоже любила слушать эти разсказы.

Это обстоятельство еще крѣпче связывало няню съ дѣтьми «злыдни и вѣдьмы», которыхъ она сама выростила. Тонѣ она въ глубинѣ души отдавала даже преимущество передъ Марусей.

— Ужъ вотъ Тоничка—ни въ жисть не пойдетъ противъ совѣсти, даромъ, что горда и горяча, вся въ Петра Егоровича,— говорила старушка, съ сердечной болью припоминая, какъ ея Маруся, даже когда разглядѣла хорошо своего «проклятаго нѣмца», всетаки не хотѣла отказать ему, несмотря на слезныя мольбы валявшейся у нея въ ногахъ няни...

Послѣ удаленія изъ кабинета, Тоня нѣсколько секундъ простояла въ нерѣшимости за дверью, потомъ взмахнула рукой и быстро и неслышно пронеслась черезъ всю амфиладу парадныхъ комнатъ въ темный и тѣсный чуланчикъ, куда сваливали всякій хламъ, въ «комнату няни», какъ звали дѣти этотъ свой надежный пріютъ въ горькія минуты.

— Что ты?—остановила няня дѣвочку, прильнувшую ухомъ къ дверной щели.—По маменькѣ пошла, вынюхивать да подслушивать?

Тоня обернулась. На лицѣ дѣвочки была такая мучительная тревога, что слезы снова потекли по дряблымъ щекамъ старухи.

— Няня, я никогда не подслушиваю, но теперь...—молящимъ шопотомъ проговорила Тоня:—Васина жизнь рѣшается. Онъ самъ сказалъ, няня.

У нея задрожали руки. Старухѣ стало жаль, зачѣмъ она такъ оборвала Тоню; она подала ей кружку съ водой, ворча:

— Тоже уменъ, — ребенка напугалъ! Не могъ держать про себя?

— Няничка, пусти! Вася все равно скажетъ.

— Не гоже тебѣ слушать,—папенька вѣдь запиръ дверь и васъ прогналъ. А ты подслушивать! Забыла, что онъ говорилъ: подслушивать—все равно, что красть.

Тоня покраснѣла, и все таки она бы снова прильнула ухомъ къ двери, за которой раздавались взволнованные голоса. Словъ нельзя было разобрать, говорили на другомъ концѣ комнаты и понижали тонъ, насколько позволяло волненіе. Вбѣжавшая въ чуланъ Зина остановила подслушиванье: Зинѣ нельзя показать такого примѣра.

— Тоня! Тоня!—Что будетъ съ Васей? Ты и сама боишься, я вижу, только сказать не хочешь. Скажи!

И Зина, обхвативъ сестру, прильнула къ ней головой, поднявъ на ея лицо ласковый и умильный взглядъ.

— Ничего такого не будетъ,—отвѣчала няня за Тоню:— молчи лучше, юла! Вѣрно ужъ успѣла со своими новостями къ мамашѣ слетать и разблаговѣстить, что Васенька здѣсь.

— Я и не была у maman! Я понимаю, что можно сказать ей, что нѣтъ—обиженно оправдывалась Зина.—Я только ходила посмотрѣть, гдѣ maman, не идетъ ли она въ кабинетъ. Maman знаетъ. Ей Христина сказала.

— Ужъ этотъ чухонскій дьяволъ донесъ,—проворчала няня:—отъявится теперь Антонина Сидоровна въ кабинетъ. У ней поди-кась теперь ушки на макушкѣ, что у отца съ сыномъ нелады пошли.

— У maman гости,—сказала Зина.

— Ступайте,—не то папенька услышитъ, что мы тутъ шепчемся. Ступайте, дѣточки, и усерднѣе молитесь Богу, чтобы пронесъ грозу.

Отведя дѣвочекъ въ залъ и вернувшись въ свой чуланчикъ, старуха, не смотря на недавніе упреки Тонѣ, сама припала ухомъ къ двери и снова стала прислушиваться; у нея шумѣло въ ушахъ и колотилось сердце, она испуганно крестилась при каждомъ повышеніи голосовъ, а слезы такъ и капали на шерстяной шалевый платокъ, заколотый на рыхлой и полной груди золотою булавкой,—памятью покойной Маши.

Зина отправилась въ дѣтскую и, ставъ на колѣни передъ изголовьемъ своей кроватки, не спѣша и добросовѣстно перечитала утреннія и вечернія молитвы, а также «помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его». Не смотря на все желаніе молиться усердно, Зина развлекалась мыслями. Какъ ни жалѣла она Васю, ей было всетаки и досадно: поднимать такую странную исторію—изъ за ученья!.. Мало онъ учился что-ли: и пять лѣтъ въ корпусѣ и три въ офицерскихъ классахъ. Да и папа тоже! Упрямится, не пускаетъ. Вася и самъ увидитъ, что въ университетѣ учатъ не тому, что надо, и вернется. Вася такой умный, его не обманутъ. Папа недоволенъ, что Вася будетъ студентомъ. Конечно, лучше быть лейтенантомъ. У студентовъ красивъ только синій околышъ фуражки и синій воротникъ. У лейтенантовъ—еще эполеты кра-

сивые. Теперь Вася уѣдетъ и не пойдетъ съ ними на музыку, и Зина не похвастаетъ передъ подругами эполетами брата. Поймавъ себя на посторонних мысляхъ, Зина усердно закрестилась и три раза стукнула лбомъ о полъ, повторивъ еще три раза сверхъ положеннаго молитву о царѣ Давидѣ.

Тоня тоже молилась, стоя у окна и поднявъ глаза къ небу. Прежде она молилась только на образа. Мать, видя ее молящейся, всегда смѣялась, что Тоня жалуется на нее Богу, и въ то же время передъ знакомыми маменьками хвасталась этими молитвами, какъ признаками d'une nature d'élite et distinguée. Это хвастовство было для Тони еще нестерпимѣе насмѣшекъ. Она стала молиться безмолвно, безъ малѣйшаго движенія, стоя у окна и смотря на небо. И молитва сдѣлалась еще отраднѣе для дѣвочки. Между нею и престоломъ божіимъ не было стѣнъ: молитва свободнѣе, убѣжденнѣе, жарче неслась къ голубому небу, чѣмъ къ образамъ въ блестящихъ ризахъ, съ темными ликами византійскаго письма. Серебристыя легкія облачка, плывшія по блѣдно-голубому небу, имѣли для нея вѣщее значеніе: они несли ей отвѣтъ Бога на ея моленія. Тоня сознавала, что «по настоящему» она молится только дома у окна, а не въ церкви, гдѣ ее постоянно смущала мысль о приказаніи матери «не давать воли экстазамъ и слезамъ, изъ за которыхъ станутъ, пожалуй, говорить, что у нея на душѣ есть что нибудь ужасное».

Въ минуты этихъ восторженныхъ моленій вся душа дѣвочки возносилась къ Богу. Тоня исповѣдывалась въ своихъ грѣхахъ и въ самомъ страшномъ—ожесточеніи противъ матери. Затѣмъ Тоня молилась о семьѣ, просила Бога сдѣлать мать доброй и любящей и послать отцу побѣду надъ врагами въ его борьбѣ за правду. Она молилась еще о благѣ Россіи и всего русскаго народа: отецъ еще крошкой научилъ ее такъ молиться. Въ заключеніе Тоня молилась о ниспосланіи ей божіей благодати, научающей жить по правдѣ, дающей силы на добро. А Тоня хотѣла сдѣлать много, много добраго въ своей жизни.

Но теперь, стоя у окна, она молилась объ одномъ Васѣ. Она просила Бога помочь Васѣ поступить въ университетъ и охранить его душу, тронутую невѣріемъ. Она закончила горячей и привычной молитвой, въ которой вылилась вся душа дѣвочки. Если по неисповѣдимой волѣ Божіей надо, чтобы страдали въ ихъ семьѣ, то пусть она одна будетъ жертвой искупленія; пусть Богъ пошлетъ ей все горе земли, лишь бы въ домѣ воцарились миръ и любовь.

Облачко—клочокъ серебристаго пуха, оторвалось отъ далекаго большого клуба, несшагося въ вышинѣ, и поплыло по направленію окна. «Значитъ Богъ принялъ молитву», подумала

Тоня. Молитвенный порывъ улегся, и дѣвочка прошла изъ залы въ гостиную. Взволнованные и сдержанные голоса неслись по прежнему изъ кабинета. Голоса матери не было слышно. «Слава Богу, не пошла туда»,—и Тоня вздохнула легко.

Рыжая, красная и толстая Христина, туго затянутая въ корсетъ, скрипѣвшій при каждомъ движеніи, пришивала что то у портьеры кабинетной двери.

— Тутъ нечего шить, ступайте,—сухо по нѣмецки приказала ей Тоня.

Христина обернулась. Глупое, лоснящееся отъ душистаго мыла лицо, покрытое веснушками и съ бѣлесоватымъ пушкомъ на мѣстѣ бровей, усмѣхнулось нахально.

— Мадамъ приказала. Вы не смѣете мнѣ ничего приказывать,—отвѣчала она дерзко, но шопотомъ.

— Ступайте! Вы здѣсь подслушиваете и потомъ налжете,—повторила шопотомъ Тоня свое приказаніе, и въ метнувшихъ искру глазахъ и властной нотѣ шопота сказалась палицынская натура.

— Я мадамъ скажу, вы меня обижаете. Вамъ же хуже будетъ,—злобно прошипѣла Христина.

Тоня подошла вплотную къ ней.

— Ступайте!

Христина попятилась при видѣ поблѣднѣвшаго лица дѣвочки, въ которомъ каждая жилка трепетала недѣтскимъ гнѣвомъ.

Палицынъ отворилъ дверь. Лица Тони и Христины объяснили ему все. Онъ вздохнулъ, хотѣлъ, дисциплины ради, замѣтить дочери, зачѣмъ она разговариваетъ у его двери, но языкъ не повернулся. Эта дѣвочка, которая, какъ львица своего дѣтеныша, ограждала его отъ соглядатайства жениной наперсницы, была настоящей Палицыной.

— Ступайте, Христина.

— Я убирайтъ портьеръ, мадамъ приказаль,—вздернувъ носъ, отвѣчала наперсница.

— А я приказалъ разъ навсегда, чтобы у меня и моихъ дверей убирали, когда я на службѣ. Маршъ!

Христина ушла, вся красная и злая, топая ногами.

Дверь кабинета захлопнулась, и ключъ снова щелкнулъ въ замкѣ; и снова говоръ взволнованныхъ голосовъ раздался за дверями; только теперь въ голосѣ отца стало прорываться плохо подавляемое раздраженіе; голосъ сына звучалъ все также спокойно.

VII.

На всю жизнь остался памятнымъ этотъ разговоръ отцу и сыну. Въ такія минуты молодая сила растетъ, закаляется,—или надламывается; расправивъ крылья, орленкомъ взлетаетъ надъ горными высями, къ солнцу, или—если то былъ галченокъ, возмнившій себя орломъ,—уходитъ вить гнѣздо свое въ кустахъ низины.

Когда сестры ушли, Василій стоялъ, опершись рукой о письменный столъ отца, ожидая вопроса. Самъ онъ не начиналъ. Какими словами начать? Все, что дорогой на яхтѣ сложилось въ головѣ такъ связно и хорошо, казалось такъ неотразимо убѣдительно, всѣ доводы, обдуманные вмѣстѣ съ Росбахомъ,—все теперь представлялось ему мыльными пузырями по отношенію къ волѣ отца. Одинъ взглядъ на это блѣднѣющее неумолимое лицо говорилъ юношѣ, что всѣ слова, всѣ доводы безсильны надъ этой желѣзной волей. Не трусость сковывала языкъ юношѣ, рѣшеніе его было безповоротно; онъ боялся разрыва. Отца онъ крѣпко любилъ.

— Чтожъ ты молчишь? Считаешь излишнимъ повторять старое?

— Папенька,—вы знаете, что меня не тянетъ въ море, мнѣ обѣщана прикомандировка къ N—скому экипажу, который остается въ Петербургѣ.

— Конечно, обѣщано отцомъ Росбаха.

— Мы съ Рудольфомъ лѣтомъ займемся химіей и осенью поступимъ въ университетъ,—послѣ минутнаго молчанія сказалъ сынъ тономъ, какимъ говорятъ о рѣшенномъ дѣлѣ.

— Это честно брать отъ казны деньги за службу, которую не будешь нести?

— Всетаки есть дѣло—дежурства, караулы, ученье...

— Качанье между Кронштадтомъ и Петергофомъ!

Сынъ молчалъ.

— Я тебѣ запрещаю. Твой отецъ честно служилъ, не отлынивалъ отъ службы, не цѣплялся за фалды начальства. Я не хочу протекціи его превосходительства Росбаха. Подлецъ! Онъ думаетъ мнѣ закинуть удочку, чтобы я не вывелъ на свѣжую воду послѣднюю поставку провіанта. А ты?..

— Папа,—я не просилъ. Рудольфъ, не спросясь меня, переговорилъ съ отцомъ. Я и Рудольфу ни словомъ не заикнулся. Это онъ съ матерью все устроилъ. Они,—онъ слегка покраснѣлъ отъ самолюбиваго чувства,—очень цѣнятъ то, что я друженъ съ Рудольфомъ. Сами знаете, онъ—честный, хорошій.

Петръ Егорычъ не нашелъ возраженія. Онъ всегда изо всѣхъ товарищей сына предпочиталъ Росбаха, воспитаннаго

матерью, нѣмкой нѣсколько сентиментальной, но умной и дѣльной женщиной. Росбахъ остался «чистымъ отъ грязнаго разгула, въ которомъ молодежь губила душу и тѣло», и Палицынъ это цѣнилъ высоко.

— Да, честный, хорошій, — нехотя призналъ Палицынъ достоинства сына «нѣмчуры и вора». — А понимаетъ-ли онъ, откуда вся эта роскошь, эта яхта? Я ее видѣлъ... Хоть принцамъ крови.

— Онъ понимаетъ, и это мучаетъ его. Онъ ничего не возьметъ себѣ, онъ все *потомъ* отдастъ, но...

— Сомнѣваюсь, чтобъ онъ все роздалъ. Роскошь соблазнительна... «Потомъ раздастъ?» Да чтожъ это вы въ своихъ дружескихъ бесѣдахъ дѣлите наслѣдство послѣ родителей!

— Папа! Онъ такъ отвѣчалъ, когда его грубо попрекнули на одной вечеринкѣ.

— Ну, да не въ этомъ дѣло. Я не хочу, чтобы мой сынъ былъ хоть чѣмъ нибудь обязанъ вору Росбаху.

— Тогда я выхожу въ отставку.

— А я тебѣ запрещаю! Когда ты будешь совершеннолѣтнимъ, дѣлай, что хочешь, съ твоей службой, такъ какъ отцовское желаніе добра ты не ставишь ни въ грошъ.

— Потерять еще два года! Я и то годъ потерялъ, чтобы не огорчить васъ. Повѣрьте, папа, ничто не измѣнитъ моего рѣшенія. Къ чему же тогда терять два года науки?

— Наука!—усмѣхнулся иронически отецъ.—Эхъ, молодо-зелено! «Наука откроетъ новый свѣтъ, наука пересоздастъ міръ». Молчи, не перебивай отца, самъ молодъ былъ, знаю, что скажешь. Наука!.. А я тебѣ говорю: если ты исчерпаешь всю мудрость земную, въ концѣ концовъ ты скажешь, какъ Сократъ: знаю одно, что ничего не знаю.

Въ голубыхъ глазахъ юноши промелькнуло невольное смущеніе и тревога. Совладавъ съ собой, онъ отвѣчалъ:

— Ну что-же, если и придется это сказать, — всетаки лучше, чѣмъ воображать, что знаю. Все лучше увидѣть границы науки, чѣмъ быть отъ нихъ за тысячи верстъ. Но наука не ничто. Есть цѣнныя, великія пріобрѣтенія.

— Стали ли отъ нихъ люди хоть на іоту счастливѣе?

— Стали ли они несчастнѣе?

— Да. Изобрѣтаютъ средства гуртомъ убивать да машинами высасывать сокъ изъ народа.

— Оттого, что наука только для горсти избранныхъ на пиру жизни. Народъ не сталъ отъ нея несчастнѣе, все то же, что было въ прежніе вѣка... Нѣтъ, ему тогда было хуже, умершіе отъ голода валялись по дорогамъ. Исторія...

— Эхъ, молодежь! Несчастнѣе сталъ народъ, потому что ростетъ духъ недовольства.

— Но за то онъ ведетъ человѣчество впередъ.

— Куда? въ пропасть.

— Нѣтъ...

— *Я* говорю тебѣ—въ пропасть невѣрія, революціи.

И Палицынъ пустился въ пространное изложеніе историческихъ фактовъ и доказательствъ. Онъ былъ образованнѣе обычнаго уровня моряковъ своего времени, много читалъ и еще больше думалъ. Убѣжденія его были обоснованы философіей, которая считалась исключительно славянофильской и многія положенія которой онъ еще до славянофиловъ вычиталъ у де-Местра, принявшись за него для поправки увлеченія Вольтеромъ и Вольнеемъ. Знакомъ онъ былъ и съ философами германской реакціонной романтики, отрывочно прочтя кое что, а болѣе зналъ по наслышкѣ. Онъ говорилъ пространно и продолжительно, сознавая хорошо, что сынъ чуть не наизусть знаетъ все, что онъ можетъ сказать; но онъ заставлялъ себя говорить, чтобы *заговорить* накипавшее въ душѣ раздраженіе на упорство сына. Онъ боялся бурной сцены прошлаго года, когда чуть было съ его губъ не сорвалось страшное, безумное слово: проклинаю.

Сынъ понималъ это; онъ молча слушалъ, стоя въ почтительной позѣ и, какъ за скучнымъ урокомъ, заранѣе подсказывая въ умѣ, что слѣдуетъ дальше. Когда отецъ кончилъ, онъ умоляющимъ голосомъ сказалъ:

— Папа, согласитесь. Мнѣ такъ тяжело будетъ безъ вашего согласія.

— Твое дѣло! Я не перемѣню слова.

— Но вы сами въ молодости ходили слушать лекціи. Вы сами разсказами объ этомъ заронили въ меня желаніе идти въ университетъ.

— Ну да, ходилъ, когда экипажъ зимовалъ въ Петербургѣ. Я службу не бросалъ. При покойномъ императорѣ Александрѣ Благословенномъ университетъ былъ открытъ для всѣхъ. Я ходилъ потому что—*какіе* люди тогда читали? Люди, достойные уваженія, съ твердыми правилами, съ разумнымъ взглядомъ на жизнь. Читали по Вольфу, учили видѣть Творца въ Его твореніи, на лекціяхъ исторіи учили любить Россію, все русское... А теперь—долой все русское, все это отжившая гниль! Теперь французскую революцію прославляютъ, Маратовъ готовятъ. Вотъ что ты тамъ услышишь!

— Папа, да развѣ возможно это говорить съ каѳедры?

— Ну, конечно, не прямо. Наводятъ — индукція своего рода... Нѣтъ—вотъ мое послѣднее слово: совѣсть не велитъ! Я не могу пустить тебя на гибель, на заразу тлетворными идеями. Я передъ Богомъ отвѣчаю за твою душу, передъ царемъ и отечествомъ за то, что готовлю имъ вѣрнаго слугу.

Палицынъ говорилъ это, будто молотомъ вколачивая каждое слово и не сводя глазъ съ сына. Онъ тоже не сводилъ глазъ съ отца, и оба все болѣе и болѣе блѣднѣли. Каждый боялся сказать какое нибудь слово, которое навсегда заляжетъ стѣной между ними. Настало молчаніе и длилось мучительно долго, такъ показалось обоимъ. Наконецъ, оно стало невыносимо для юноши. Переводя духъ, онъ тихо и твердо сказалъ:

— Я иду въ университетъ.

Секунду-другую онъ ждалъ: угроза написать университетскому начальству не была повторена.

— Я осенью же подаю въ отставку, — прибавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

Онъ ждалъ прошлогодняго бурнаго взрыва, онъ ждалъ—и еще болѣе боялся — молящей просьбы отца, тогда смѣнившей угрозы и вырвавшей у него годъ уступки. Отецъ молча отвернулся и подошелъ къ окну. Сѣдая голова поникла. «Господи, буди воля Твоя».

— Папа!—и голосъ Василія дрогнулъ:—я не сдѣлалъ и не сдѣлаю ничего недостойнаго, постыднаго... Неужели же за то, что я иду своимъ путемъ, вы оттолкнете меня?

Отецъ обернулся и, не отвѣчая на молящій вопросъ, сухо проговорилъ:—Обдумай, чѣмъ будешь жить. Отъ меня не жди ни гроша.

Юноша вспыхнулъ и выпрямился.

— Мнѣ ничего не надо. Прокормлю себя уроками, чѣмъ придется.

— Если бы у меня были милліоны, и тогда грѣхъ дать хоть грошъ на твою гибель.

Снова настало молчаніе. Отецъ снова сталъ мѣрять крупными шагами кабинетъ... Вотъ оно—увлеченіе гордыней человѣческаго знанія! вотъ оно—забвеніе ради науки единаго на потребу. Его грѣхъ возродился въ сынѣ... «До седьмого колѣна...» «Шеллингомъ, натуръ-философами увлекался, еретикомъ былъ. Грѣхъ его наказуется на сынѣ. Господи, Господи! Карай меня всѣми твоими казнями,—но не его!..»

— Папа, раздавался молящій голосъ сына:—Вѣрьте, мнѣ больно, что я иду противъ вашей воли. Но тутъ моя жизнь, моя совѣсть... Папа, покойница мама согласилась бы...

— Къ чему слова? Ты выбралъ свой путь. Иди... Въ память покойной матери твоей я не скажу тебѣ: не знай меня, потому что ты непокорный сынъ, но...

Ноги задрожали у Палицына и онъ сѣлъ въ кресло передъ письменнымъ столомъ.

— Но знай, что ты для меня — тяжелое горе. А видитъ Богъ, у меня довольно и безъ...

Онъ не договорилъ. Голубые глаза юноши застлала слеза,

и онъ, кинувшись къ отцу, схватилъ его руку. Отецъ высвободилъ руку и съ трудомъ произнесъ:

— Оставь меня... Иди... Мнѣ теперь тяжело видѣть тебя. Послѣ.

Сынъ съ поникшей головой медленно пошелъ къ двери.

— Стой,—окликнулъ его отецъ, когда Василій дошелъ до порога.

Сынъ вернулся. Отецъ всталъ и перекрестилъ его.

— Это не благословеніе на твой путь. Да хранитъ тебя отъ зла этотъ крестъ. Ступай. Непремѣнно выходи осенью въ отставку, — строго приказалъ онъ въ догонку уходившему сыну. — Нечестно дѣлать службу ширмой. Протекціи Росбаха я не потерплю.

— Хорошо, папа,—отвѣчалъ Василій, остановясь у двери. Онъ медлилъ уходить. Молодое сердце такъ болѣло за отца.

Палицынъ всталъ и, подойдя къ сыну, положилъ ему обѣ руки на плечи.

— Да хранитъ тебя Господь отъ духа лукаваго и да направитъ на доброе.

Суровые печальные глаза встрѣтили любящій огорченный взглядъ голубыхъ глазъ — Машиныхъ глазъ. Сынъ читалъ на сурово напряженномъ лицѣ отца столько скорби, столько тревоги за себя, что его намѣреніе выдержать до конца всю сцену, какъ подобаетъ мужчинѣ, дрогнуло... Онъ кинулся на шею отцу, всхлипнувъ «совсѣмъ какъ маленькій мальчикъ». Палицынъ, чувствуя, что и его прошибетъ слеза, нахмурился, негодуя на себя за эту слабость, и сурово проговорилъ, отводя руки сыну:

— Нюнить по бабьи нечего. Если вернешься съ своего пути, знай, что я всегда помогу тебѣ поступить во флотъ или на частную службу... Стой... Еще вотъ тебѣ мой послѣдній завѣтъ.

Блѣдное лицо стараго моряка еще поблѣднѣло. Онъ продолжалъ шопотомъ:

— Теперь носятся всякія безумныя идеи, по рукамъ ходятъ всякіе листки, стихи, статейки... Подымается какой-то новый вѣтеръ. Я хочу знать, что мой сынъ пойдетъ всегда тѣмъ путемъ, какимъ шелъ отецъ. Ты видѣлъ: я тоже боролся всю жизнь съ неправдой, гдѣ-бы ее ни встрѣтилъ...

Молодой человѣкъ посмотрѣлъ на него любящимъ, но твердымъ взглядомъ.

— О, папа! Я знаю, какъ вы тридцать лѣтъ бьетесь, я глубоко уважаю васъ за эту борьбу...

И сынъ поспѣшно ушелъ, не имѣя духа взглянуть на отца. Отецъ стоялъ неподвижно, не имѣя силы вымолвить ни слова.

VIII.

Когда дверь затворилась за сыномъ, Палицынъ, пошатываясь и не поднимая головы, дошелъ до угла, въ которомъ висѣлъ старинный образъ Спаса Нерукотвореннаго, и рухнулся на земь всѣмъ своимъ мощнымъ тѣломъ: «Господи, Господи! И этотъ грѣхъ и это преступленіе отзывается на сынѣ!»

Онъ всталъ. Молиться онъ не могъ. Мысль работала мучительно, вызывая прошлое. Въ молодости онъ былъ заодно съ декабристами. Двадцатилѣтнему мичману вскружили голову... Уцѣлѣлъ... Спасъ экипажный: въ утро 14 декабря придрался къ какому то вздору и посадилъ подъ арестъ. Экипажный зналъ. Тогда многіе знали. Уцѣлѣлъ, потому что Барыковъ на допросѣ не назвалъ никого изъ бывшихъ наканунѣ, 14-го на вечерѣ у Бестужева. . . . .

Онъ снова хотѣлъ заставить себя молиться и не могъ. Настроеніе было не молитвенное; въ душѣ не находилъ онъ ни смиренія, ни покорности волѣ Провидѣнія. Голова слегка кружилась, въ глазахъ ходили огненные круги, жилы на шеѣ и вискахъ напруживались и бились. Онъ отворилъ окно. Ворвавшаяся струя воздуха съ запахомъ моря немного освѣжила голову. Онъ стоялъ нѣсколько минутъ, вдыхая прохладу пересохшимъ горломъ.

Послышалось громыханье колесъ, лязгъ желѣза, звяканье цѣпей. Арестанты везли какіе то желѣзныя вещи по улицѣ къ адмиралтейскому мосту. Бритыя головы, угрюмыя, испитыя лица, кандалы на ногахъ, на рукахъ; иные—несчастные, скованные по двое, другіе, прикованные къ тачкамъ. Палицынъ при своихъ всегда называлъ арестантовъ такъ, какъ называетъ ихъ русскій народъ. Онъ зналъ нѣкоторыхъ изъ этихъ людей, и много строптивыхъ, жгучихъ и горькихъ мыслей проходило въ старой головѣ при этомъ зрѣлищѣ. Вспомнимъ, что время было тогда безсудное...

По мостовой прогремѣла пролетка съ нарядной барыней. Кучеръ не захотѣлъ взять правѣе, арестанты не могли во время свернуть съ дороги; мостовая была неровная, возъ тяжелый. Желѣзная балясина, скатившись, ударила лошадь по ногѣ, лошадь метнулась въ сторону, дрожки чуть не опрокинулись. Дамскій визгъ и ругательства кучера были заглушены зычнымъ, озвѣрѣвшимъ крикомъ гарнизоннаго офицера, конвоировавшаго партію; кулаки его замолотили по головамъ и лицамъ арестантовъ. До Палицына доносились его крики...

— Господинъ поручикъ!—закричалъ, высовываясь изъ окна, Палицынъ, и его басъ, привычный къ командованію на морѣ, зычно раскатился по улицѣ.

Поручикъ подбѣжалъ къ окну и, приложивъ два пальца къ киверу, поднялъ красное и потное лицо, на которомъ выраженіе звѣрской злобы смѣнилось подобострастіемъ.

— Я все видѣлъ. Вы обязаны были приказать кучеру свернуть... Вы забыли, что арестанты везутъ казенныя вещи.

— Супруга-съ старшаго адъютанта штаба, — проговорилъ, держа два пальца у кивера, гарнизонный офицеръ, съ котораго отъ голоса Палицына мгновенно соскочилъ хмѣль.

— Хоть бы самъ адъютантъ. Вы должны знать уставъ. Въ томъ, что случилось, виноваты вы. Ступайте.

Офицеръ сдѣлалъ на лѣво кругомъ и ушелъ на свое мѣсто. Снова залязгало желѣзо, загромыхала телѣга, зазвенѣли цѣпи. Раза по четыре на дню Палицынъ слышалъ этотъ звонъ и никогда не могъ онъ слышать его равнодушно. Теперь, послѣ выговора офицеру, ему стало какъ будто полегче,—чуть чуть стало полегче, но и то слава Богу. Потомъ онъ припомнилъ, что этотъ бурбонъ «приватный сынокъ его адмирала и любимчикъ». Пойдутъ непріятности, подлецъ навретъ. Супруга старшаго адъютанта штаба нажалуется, пожалуй, супругу, все свалятъ на арестантовъ. «Поднимется исторія—отпою подлецамъ». И капитанъ Палицынъ зашагалъ по кабинету въ такомъ настроеніи, какъ будто вызывалъ на бой не только своего адмирала, адъютанта со всѣмъ штабомъ, Росбаха отца, но и высшее петербургское начальство... Передъ нимъ мелькнуло лицо сына... Онъ, Палицынъ, всетаки сдѣлаетъ свое дѣло.

IX.

— Тоня, проводи меня до гавани,—сказалъ Василій сестрѣ, которая повисла у него на шеѣ, спрашивая:

— Ну что? Сердился? Неужли прогналъ тебя? Какъ ты блѣденъ,—прибавила она, цалуя его и, выпустивъ его шею, крѣпко схватила его за руку.—Да говори же!

— Не сердитъ, огорченъ. Это хуже. Боюсь, заболѣетъ. Лучше бы ужъ по прошлогоднему вышелъ изъ себя, — отвѣчалъ Василій.

— Онъ пустилъ тебя, Вася? Онъ не накажетъ? Да говори же, говори! — И Зина съ другой стороны теребила брата за полу сюртука.—Тоня, идемъ провожать его. Только идти, такъ скорѣе, не то остановятъ,—совѣтовала крошка тономъ взрослой.—Мама хочетъ идти съ нами на музыку. Нечего спрашиваться—не пуститъ.

Всѣ трое прокрались въ чуланчикъ няни и, поручивъ ей принести тальмы и шляпки дѣвочекъ, быстро проскользнули по амфиладѣ на черный ходъ. Здѣсь, дождавшись на лѣстницѣ

няню, всѣ четверо быстро зашагали по неровному тротуару вдоль длиннаго ряда мрачныхъ кирпичныхъ зданій казарменнаго вида. Они шли молча и стараясь принять видъ людей, спѣшащихъ на прогулку. На каждомъ шагу попадались знакомые. Многіе спѣшили на музыку въ лѣтній садъ. На Соборной улицѣ было пусто; они пошли еще скорѣе, чуть не бѣжали, спасаясь отъ погони Антонины Сидоровны. У плаца сбавили шагъ. Задыхавшаяся отъ быстрой ходьбы, няня не могла произнести ни слова.

— Ну, говори, Вася, что тебѣ сказалъ папа? — спросили сестры въ одинъ голосъ.

— Сказалъ, что я ему лишнее горе въ жизни,—отвѣчалъ хмуро Василій.

— А всетаки пустилъ въ университетъ?—радостно вскрикнула Тоня.

— Силой не держитъ. Только сказалъ, что не дастъ ни гроша, и осенью приказалъ выходить въ отставку. Да я бы и не взялъ у него ни гроша,—прибавилъ Василій, — я знаю, какъ ему трудно сводить концы съ концами.

Тоня густо покраснѣла и сказала неровнымъ голосомъ:

— Трудно оттого, что мама тратитъ много на мебель и наряды...

— Большіе зеркала отъ потолка до полу купила, какъ у дивизіонши,—подхватила Зина.—Теперь не смѣй въ залѣ и гостиной играть ни въ воланъ, ни въ мячикъ.

— У тебя, вѣдь, свое есть, Васенька,—вмѣшалась няня,—ты свою тысячу, что послѣ маменьки осталась, отдалъ на приданое покойницѣ Марусенькѣ, да и Марусенькино все по закону—твое. Приданое можно продать, и охотники есть. Купчиха Сазонова дочку выдаетъ, такъ съ радостью все возьметъ и хорошую цѣну дастъ, потому—выбрано все съ такимъ вкусомъ, какъ ей не выбрать. Вотъ продавай свое кровное собственное—и будутъ у тебя деньги!

Юноша слушалъ съ изумленіемъ. Слова няни о своемъ «кровно-собственномъ» были для него неожиданностью. Онъ забылъ о своей единственной тысячѣ, отданной Марусѣ, забылъ и слова отца,—что онъ считаетъ эту тысячу своимъ долгомъ сыну и такъ и занесъ ее въ свою приходо-расходную книгу. Подумавъ немного, онъ отвѣчалъ съ невеселой усмѣшкой:

— Я несовершеннолѣтній. И отецъ не дастъ ни гроша «на мою погибель».

— Чѣмъ же ты жить будешь, Вася?—озабоченно спросила Тоня.—Въ отставкѣ, вѣдь, жалованья не даютъ.

— Работой. Работаютъ же другіе не хуже меня.

Тоня вскинула на брата взглядъ восторженнаго обожанія;

но личико ея тотчасъ же затуманилось. Братъ ея подруги Анночки схватилъ чахотку въ Петербургѣ, надрываясь надъ уроками. Учиться и зарабатывать свой хлѣбъ трудно: ученье страдаетъ, силы надламываются... Да то другіе — не Вася. Вася ея герой! Онъ все вынесетъ. Вася ея геній!... Да,—но, именно поэтому онъ и не долженъ тратить ни минуты на другое, кромѣ науки. Ея Васѣ—учить грамматикѣ и ариѳметикѣ всякихъ тупицъ!

— Вася, ты долженъ спросить у папы Марусино приданое. Все твое.

— Ни гроша не спрошу у него, Тоня!

— Васенька, вѣдь, это все твое, материны деньги, не отцовскія. Не такой онъ человѣкъ, чтобъ и у чужого кроху взять, не то что у сына родного,—вмѣшалась няня.

Тоня хотѣла еще многое прибавить, но видно было, что ей очень тяжело говорить, и она съ усиліемъ сказала только:

— Вася, голубчикъ, спроси скорѣе. Какъ пріѣдешь въ Петербургъ, тотчасъ напиши папѣ.

— Тоня дѣло говоритъ, Васенька, — подтвердила няня.— Напиши, не мѣшкай; не то все между рукъ пройдетъ. Ужъ сколько кусковъ матерій пошли къ жидовкамъ.

Тоня, съ пылающими щеками, съ жгучими слезами стыда на глазахъ и пересыхавшимъ горломъ, чуть слышно, разсказала, что maman ѣздила въ Петербургъ и возила весь приборъ брилліантовый къ золотыхъ дѣлъ мастеру, чтобы передѣлать фасонъ. Не сошлись только въ цѣнѣ. На полдюжинѣ столовыхъ и чайныхъ ложекъ Марусинаго приданаго велѣла передѣлать вензеля М на А, и сказала папѣ, что ей прислалъ къ имянинамъ братъ.

— И ты не сказала мнѣ ни слова!.. Туда же, съ хитростями,—раскудахталась няня.—Васеньку обкрадываютъ, а ты молчишь, грѣхъ покрываешь, сиротской обидѣ помогаешь. И какая же ты сестра, коли брата въ обиду даешь? Нѣтъ, покойница Марья Иринарховна не такова была. Меньше тебя еще была, а передъ отцомъ за всѣхъ обиженныхъ вступалась. Старый то баринъ, ухъ! какъ грозенъ былъ. Только глазомъ поведетъ,— ажъ поджилки задрожатъ. Крикнетъ—все передъ нимъ трепетомъ. А Машенька не боялась. Подниметъ на него свои ангельскіе глазки и свое твердитъ: «Папочка, онъ не виноватъ, папочка, не посылайте на конюшню». И что только она терпѣла! Сколько разъ я ее водой отливала. Билъ ее. Передъ характеромъ то стараго барина всѣ грозы Антонины Сидоровны—тьфу! Ты и въ сотую долюшку того горя не видишь, той муки не терпишь, какое горе видѣла и какую муку терпѣла моя Машенька. Какъ помирала, такъ доктора сказали, что вы-

жила бы, если бы не была такъ замучена душой въ дѣтскіе и дѣвическіе годы.

— Няня, я не за себя боюсь, папу жаль,—горячо возразила Тоня.

— Оставь это, няня,—сказалъ Василій.

— Какъ оставить, ни въ жизнь не оставлю,—азартно отвѣчала старушка,—горе мое: не повѣритъ мнѣ Петръ Егоровичъ супротивъ Антонины Сидоровны. Та и образъ со стѣны сниметъ. Просто все нутро во мнѣ поворачивается, когда вижу, какъ она зимой треплетъ горностаевую мантилью и муфту — сотенныя вещи! А теперь шаль—все въ садъ на музыку таскаетъ, а шаль-то тысячная! Покойницѣ Машенькѣ на свадьбу прислалъ крестный изъ Турціи,—при посольствѣ служилъ—настоящая турецкая шаль! Сазонова то купчиха давала полтысячи, а теперь и трехъ сотъ не даетъ. Наша то пава обшмыгала по песку и камнямъ. Ростомъ то пиголица, такъ хвостъ распуститъ для форсу. А чуть тетенька то Вѣра Павловна за Васю слово скажетъ, такъ забожится: деньги, говоритъ, внесла! Какъ-же, у батюшки своего у ростовщика, видите, взяла. А гдѣ онѣ деньги-то? Дочкамъ вишь въ приданое готовитъ!..

— Ты долженъ спросить, Вася, свое. Я не хочу, чтобы сказали, что мы обобрали тебя,—проговорила сквозь стиснутые зубы Тоня.

— Спроси непремѣнно, Вася, все. Я тебѣ скажу, что спросить, я все помню, и продай,—авторитетно подтвердила Зина:—а еще лучше—поручи нянѣ или тетѣ Вѣрѣ. Ты въ этомъ ничего не смыслишь.

Василій слушалъ разсѣянно. Матеріальные расчеты были такъ далеки отъ его мыслей. Проживу какъ нибудь, есть надъ чѣмъ ломать голову. Конечно, лучше не тратить времени ни на что постороннее. Свои деньги не мѣшаютъ. Можно на каникулы съѣздить за границу, въ Лондонъ... Онъ тряхнулъ головой.

— Нѣтъ! я сказалъ уже, что не спрошу у отца отчета. Онъ ничего не понимаетъ въ бабьихъ тряпкахъ, а я...—Онъ думаетъ взять меня, какъ осажденную крѣпость, голодомъ,—пошутилъ онъ съ молодымъ задоромъ.

Зина расплакалась навзрыдъ.

— Я не хочу, чтобы ты голодалъ, Вася. Ты тамъ умрешь съ голоду.

— Ну полно, полно, Зиночка, нечего плакать. Это только такъ говорится. Пирожнаго не будетъ, а съ голоду я не умру.

Тоня шла потупившись, и какая-то упорная мысль виднѣлась въ ея гордыхъ глазахъ.

X.

— Это объ чемъ слезы? И какія это страшныя слова доносятся до моего слуха: голодъ, умирать съ голоду?... Просто слушать страшно!—раздалось позади Палицыныхъ, и съ ними поровнялся толстый мичманъ.

Мѣдно-красное отъ загара лицо его, съ глуповато-хитрыми и плотоядными глазками, обладало способностью вытягиваться и сжиматься на всѣ лады, измѣняя до неузнаваемости физіономію. Въ корпусѣ Калининъ «корчилъ рожи» и потѣшалъ этимъ товарищей и даже офицеровъ, дежурившихъ по классу. Надѣвъ эполеты, онъ избралъ своею спеціальностью потѣшать дамъ и, хотя не кружилъ имъ головы, какъ клубные «львы», но всетаки былъ вездѣ желаннымъ гостемъ. Ни одинъ вечеръ въ домахъ Балтійской аристократіи не могъ обойтись безъ Калинина, дамы часто сами приглашали его на танцы и выбирали въ мазуркѣ не меньше, чѣмъ записныхъ львовъ. Братъ его былъ адъютантомъ адмирала, въ дивизіи котораго служилъ Палицынъ, и родство это въ глазахъ Калинина, да и не его одного, давало ему право на фамильярный тонъ со всѣми служащими въ этой дивизіи. «Домашній» адъютантъ дивизіоннаго, хоть и не важная птица по служебной теоріи, но при иныхъ условіяхъ на практикѣ могъ оказаться и оказывался птицей очень важной. Даже экипажные командиры не брезгали заискивать у адъютантовъ дивизіоннаго.

— Не хорошо подслушивать,—сердито-нравоучительнымъ тономъ сказала Зина, дѣлая самый небрежный изъ своихъ книксеновъ и нехотя опуская свою смуглую лапку на широкую ладонь Калинина.

Мичманъ поздоровался съ Василіемъ, который сухо отвѣтилъ ему.

— Бьюсь объ закладъ, что и слезы, и трагическіе возгласы о голодѣ и смерти вызваны, Палицынъ, твоею блажью идти въ университетъ.

Василій выразительнымъ молчаніемъ осадилъ Калинина. Но тотъ, не смутившись, продолжалъ.

— Меня такъ потрясло слышанное, что я не принесъ дамѣ своего сердца привычной дани поклоненія,—и онъ патетически прижалъ лѣвую руку къ сердцу и, низко, съ комическимъ благоговѣніемъ склонясь передъ Тоней, протянулъ ей правую руку, оглядывая съ головы до ногъ дѣвочку циничнымъ взглядомъ, который въ подросткѣ видитъ будущую женщину.

Смысла этихъ взглядовъ, конечно, не могла понимать Тоня, но, и вообще непріятный, Калининъ становился ей нестерпимо противенъ, когда такъ глядѣлъ на нее. У Василія, несмотря

на всю его «философію», всегда въ такихъ случаяхъ чесались руки, а сегодня послѣ нѣсколькихъ рюмокъ кюммеля взгляды Калинина были еще циничнѣе.

Покраснѣвшая до корней волосъ, Тоня отступила на шагъ и сложила руки у пояса, спрятавъ кисти за локти.

— Капризъ красавицы, подчиняюсь съ разбитымъ сердцемъ, ломался Калининъ, не сводя съ Тони своего непріятнаго взгляда.

— Я не подамъ руки дантисту,—отрѣзала Тоня не дѣтскимъ тономъ.—Я вчера видѣла изъ окна у Анночки,—и голосъ Тони задрожалъ отъ негодованія,—какъ вы учили свой несчастный взводъ. Кулаками били по лицамъ матросъ. Ваша рука была въ крови.

— А, такъ вотъ что!—расхохотался съ чуть слышной злобной ноткой Калининъ. — Въ батюшку пошла дама моего сердца. Но, знаете, дѣвицѣ, даже такой красавицѣ, какою вы обѣщаете быть, невыгодно брать съ него примѣръ.

— Не смѣйте поминать имя моего отца! — вскричала, сверкая глазами, поблѣднѣвшая Тоня.

Дѣвочка, казалось, выросла. Недѣтскимъ гнѣвомъ, не дѣтскимъ негодованіемъ дрожала каждая черта гордаго выразительнаго лица. Братъ взглянулъ на нее такъ пристально, какъ будто въ первый разъ видѣлъ ее. Даже Калининъ, несмотря на весь свой апломбъ, опѣшилъ, но не отъ смущенія — отъ изумленія.

— Такъ-съ,—протянулъ онъ, продолжая гаерничать. — А что, если я доложу очаровательной Антонинѣ Сидоровнѣ, что дама моего сердца тайкомъ ходитъ на свиданія къ Анночкѣ, съ позоромъ изгнанной изъ палицынскаго дома...

Тонъ былъ шуточный, но въ узкихъ глазкахъ искрилась не шуточная угроза.

— Анночка не сдѣлала ничего дурного — это всѣ скажутъ,—вскричала Тоня.—Къ тому-же...

Она замолчала. Чуть было не сказала она этому «шпіону и предателю», что она всего разъ и пошла къ Анночкѣ, услышавъ, что та опасно больна.

— Для будущаго многое обѣщаютъ эти тайныя свиданія съ подругой—въ четыр...

— Ступай своей дорогой, ты пьянъ!—сухо приказалъ Василій.

Хмѣль подмывалъ Калинина не отставать, но онъ еще съ корпуса помнилъ, что «философа» лучше не трогать, когда тотъ говорилъ такимъ тономъ. Раскланявшись комически-церемонно съ Василіемъ, онъ шаркнулъ ногой передъ Зиной, которая не удостоила его книксеномъ и заложила руки у пояса, подражая Тонѣ; потомъ, прижавъ лѣвую ладонь къ сердцу,

сложенными кончиками правой послалъ воздушный поцѣлуй Тонѣ, которая отвѣтила олимпійски-величавымъ презрѣніемъ.

— Слушай,—послалъ ему въ догонку дѣловымъ тономъ Василій.—Если хоть одно слово объ Анночкѣ дойдетъ до Антонины Сидоровны,—я съ тобой разсчитаюсь.

— Наскажетъ онъ теперь брату, — тревожно заговорила Зина.—Maman узнаетъ... Достанется-же тебѣ, Тоня.

— Молчи егоза, безъ тебя знаемъ,—сказала няня. — Хорошо, что ты ему отпѣла, Тонечка. Пусть хоть отъ ребенка слышитъ правду. Злодѣй онъ, кровопивецъ. Изъ-за него Михайло Ивановъ, братъ моего крестника, подъ судъ идетъ, въ арестантскія роты. Михайло съ ружьемъ шелъ, за уголъ стѣнки сворачивалъ, а Калининъ, пьяный, сзади по лѣстницѣ спускался, наткнулся на ружье. Избилъ Михайла, тотъ не стерпѣлъ, сказалъ: «Чего деретесь зря?» Онъ жалобу подалъ...

Василій поднялъ голову.

— Все это вѣрно, няня?

— Какъ Богъ святъ, Васенька! Съ Михайломъ еще двое ружейныхъ шло. Имъ Калининъ приказалъ отвести Михайла подъ арестъ. Плачетъ мой крестникъ, и мать тоже разливается. Бѣда, вѣдь, это!

— Этому не бывать,—проговорилъ юноша про себя.

— Охъ, Васенька. Что подѣлаешь. Мать первымъ долгомъ къ папенькѣ кинулась—онъ заступа всѣмъ. И онъ не могъ ничего подѣлать.

— Дѣло рѣшено, няня?

— Нѣтъ, еще будетъ судъ.

— Ну, такъ мы съ Росбахомъ въ Питерѣ оборудуемъ дѣло, только ты не болтай, няня.

Они дошли до каменной лѣстницы, перерѣзавшей бульваръ и спускавшейся къ пристани у Петровскаго пруда. Тутъ, привязанная у плота, стояла красивая яхточка; въ ней крѣпкимъ сномъ спали четыре гребца.

XI.

— Посидите, дѣвочки, на скамейкѣ, мнѣ надо поговорить съ няней,—сказалъ Василій, отводя няню въ сторону и оглядываясь по сторонамъ.

На бульварѣ не было ни души.

— Что еще случилось, Господи! — всполошилась няня, взглянувъ на внезапно омрачившееся лицо своего любимца.

— Ничего не случилось. Только, ради памяти матери моей, отвѣчай мнѣ одну правду. Ты должна знать... Правда ли, что Маруся искала смерти?

— Правда, родной мой! Молчала я, выговорить то страшно... Охъ, Господи! Господи! Было горе, былъ грѣхъ. Накликала наша Марусенька на себя вольную смерть.

— Какая причина?—спросилъ блѣдный Василій.

— Жениха разглядѣла — вотъ причина. Любила она его крѣпко, не перенесла, какъ разглядѣла, каковъ человѣкъ. Пріѣзжаетъ она вечеромъ отъ жениховой сестры; какъ была въ шубкѣ, прошла ко мнѣ въ чуланъ, сѣла на мою кровать. Ни кровинки въ лицѣ, страшная. Краше въ гробъ кладутъ. Такъ и просидѣла, чуть не часъ цѣлый, какъ статуя. Я ее раздѣла, увела на постель. Молчитъ. И все молчала она, только худѣетъ. Чуть она одна—глаза страшные станутъ, а на людяхъ, какъ всегда. А ему и горюшка мало, къ свадьбѣ торопитъ. Ужъ что она тамъ еще про него узнала, что промежь нихъ было—я такъ и не добилась отъ нея. Слезно прошу—откажи ему Марусенька. Вишь, онъ на тебя иногда какими глазами смотритъ — истиранить радъ. Усмѣхнулась такъ, что у меня сердце защемило, да только и сказала: «Все равно, женой его не буду...» И стала она, голубушка моя бѣдная, всяческія штуки надъ собой продѣлывать, чтобы извести себя, — продолжала, всхлипнувъ, няня. Изъ бани пріѣзжала въ морозъ, накинувъ шубу на рубашку и мѣховые полусапожки на босую ногу; уксусъ пила, какъ воду. Кому остановить? Кабы мать была... Ужъ молила я ее, слезно молила, въ ногахъ валялась. Слегла Марусенька. Папенька все не вѣрилъ, что она помираетъ. Я вижу, что не жилица. Какъ перышко стала, вся истаяла. Говорю ей: пошли за духовникомъ, покайся, вѣдь, ты все равно, что на себя руки наложила.—А она говоритъ: не хочу, няня, вѣдь, священнику все сказать надо. «Какъ же ты, говорю, нераскаянная то передъ Господомъ Богомъ на судъ явишься?»... «Богъ проститъ, говоритъ — довольно мукъ послалъ, долженъ простить»,—шопотомъ ужаса повторила няня Марусины слова.— Не могу, говоритъ, я даже священнику на отца пожаловаться... Зачѣмъ, говоритъ, насъ промѣнялъ на *нее*. Такъ и умерла безъ покаянія...

Юноша закусилъ губу, удерживая рыданіе.—Маруся, Маруся! Какая хорошая сила ушла,—и онъ не спасъ, не могъ спасти ее! Она мучилась, она изводила себя, и онъ ничего не подозрѣвалъ. Замѣчая, что съ сестрой «творится что то неладное», онъ приписывалъ это ссорѣ съ женихомъ и радовался, что у Маруси открываются глаза на Тейчке. Онъ содрогнулся... Вѣдь это агонія почти двухмѣсячнаго самоубійства... Сильный пріемъ опіума проще бы, безъ мукъ... И тутъ отца берегла, берегла своихъ, и его, Васю, берегла, ненагляднаго брата, который ничего не понялъ, не почуялъ, не догадался!..

Юноша былъ подавленъ. Ужасная страница жизни развернулась передъ нимъ такъ быстро и неожиданно!

Машинально онъ снялъ фуражку, которая раскаленнымъ желѣзнымъ обручемъ сжимала ему голову, и отеръ рукой потъ со лба.

Къ бульвару подкатили съ грохотомъ двое дрожекъ, съ которыхъ несся веселый говоръ и смѣхъ. Росбахъ съ товарищами, слегка навеселѣ и напѣвая куплеты Беранже, соскочили съ дрожекъ и побѣжали внизъ по лѣстницѣ къ плоту.

— Палицынъ, ты здѣсь давно?—крикнулъ Росбахъ, поднимая голову и увидѣвъ Палицыныхъ на бульварѣ.—Мы сейчасъ ѣдемъ.

— И я сейчасъ, — отозвался Палицынъ и подошелъ къ сестрамъ.

— Не надо слезныхъ сценъ, сестренки! Не въ Тихій океанъ иду. А лѣтомъ, гони меня, какъ ей угодно, Антонина Сидоровна,—я недѣльку выживу съ вами.

— Вася, милый, береги себя. Послѣ папы ты одинъ у меня, — сказала Тоня, въ страстномъ порывѣ подходя къ брату.

— Да мнѣ ничто не грозитъ, дурочка. Въ университетъ иду—вотъ и все.

— А папа говоритъ, что тамъ... увлекутъ... Береги себя... Обѣщай, что ты...

Вася положилъ руку на плечо сестры и почувствовалъ, какъ дрожала дѣвочка, сдавливая рыданья.

— Палицынъ, ѣдемъ!—донеслось вторично съ яхты.

Тоня крѣпко обняла брата и, не выпуская его шею изъ рукъ, смотрѣла ему въ глаза. И столько безграничнаго обожанія, столько вѣры въ брата, столько гордыхъ надеждъ высказывали эти большіе прекрасные глаза,—и въ то же время столько зависти!..

— Ахъ, Вася! Если бы я была мужчиной, я бы съ тобой пошла,—проговорила она, сдерживая слезы.

— Прощай, Зинокъ.

Зина въ голосъ плакала, прижавшись лицомъ къ боку брата, чтобы заглушить рыданія, и что было силъ тискала его своими худенькими смуглыми ручонками въ коротенькихъ рукавахъ, по модѣ того времени.

— Ну, перестань, Зинка, пріѣду на дачу, буду на лодкѣ катать.

— Не надо мнѣ лодки, ты не уѣзжай, — выкрикивала дѣвочка.

Василій бережно отцѣпилъ ея ручонки, наклонился поцѣловать по-кадетски обстриженную головку, съ которой свалилась шляпка, и потомъ обнялся крѣпко съ няней.

— Пиши, Васенька, почаще. Помни, здѣсь мы будемъ всѣ три тосковать по тебѣ. И ужъ чего чего не приберешь въ мысляхъ, когда тяжко на сердцѣ. Какъ ты тамъ будешь жить! Некому тебѣ ни носковъ заштопать, ни пирожка испечь. Пиши, родной, на имя кума моего, писаря Богданова; помни, свой домъ у него у крѣпостныхъ воротъ. Не забудь, смотри. А домой намъ пиши только для видимости, а что по душѣ, Боже тебя упаси! Она станетъ читать, да свои издѣвки заводить, да барина науськивать.

— Знаю, знаю, няня.

— Ну, Христосъ съ тобой, родной.

Она перекрестила его и, отведя въ сторону, зашептала:

— Нужны будутъ деньги, помни — у меня сто рублей на погребенье и поминъ души скоплено. Все равно, ты меня добромъ помянешь, птенчикъ мой обобранный. Все мое—твое.

— Спасибо, няня,—хриплымъ голосомъ отвѣчалъ Василій и крѣпко, по-товарищески сжалъ руку няни.

Всѣ сбѣжали по лѣстницѣ на плотъ.

— Поѣдемте съ нами, Тонечка, — приподнявъ фуражку, приглашалъ Коровинъ, питавшій большую симпатію къ Тонѣ. Тоня изъ всѣхъ товарищей брата отводила ему второе мѣсто въ своемъ уваженіи. Первое принадлежало Росбаху.—Довеземъ васъ до купеческихъ воротъ, высадимъ на стѣнку, а вы оттуда пѣшкомъ домой!

— Некогда,—съ сожалѣніемъ вскричала Зина, у которой заискрились глаза.

— Вѣтеръ вамъ хорошій, западный, — тономъ знающаго человѣка замѣтила Тоня.

— Вестъ-зюйдъ-вестъ,—поправилъ Коровинъ.

— Васенька, не забудь Михайла. Не дай Калинину погубить человѣка. Папенька Рудольфа Карлыча можетъ заступится,—напомнила няня.

— Это что? Опять Калининъ мерзостей надѣлалъ?—спросилъ Росбахъ.

Гребцы, державшіе весла на вѣсу, насторожили уши.

Василій передалъ Росбаху, въ чемъ дѣло.

— Полагаю, что туда не дойдетъ и дѣло кончится въ Балтійскѣ,—сказалъ, соображая, Росбахъ.

— Твой дядя здѣсь презусомъ суда, замѣтилъ Василій.

— Ну, тутъ толку не добьешься. Супруга дяди и всѣ кузины горой будутъ за Калинина. «Ce charmant, ce délicieux m-r Калининъ. Онъ такъ умѣетъ занимать дамъ. Il est impayable», — пропищалъ по дамски Росбахъ, закатывая глаза и поджимая губы.—Ну и дядя ни на шагъ изъ воли супруги и дочекъ.

— Я полагаю,—вмѣшался Коровинъ,—что прямой путь—лучшій. Надо подѣйствовать на Калинина.

— Да развѣ онъ сжалится, этотъ подлый злодѣй!—горячо вскричала Тоня.

— Сильно выражаться изволите, Тоничка. Что скажетъ ваша maman и всѣ дамы и дѣвицы Балтійска, — сказалъ Коровинъ шутливымъ тономъ, какимъ всегда говорилъ съ Тоней. Безсознательно, быть можетъ, онъ прикрывалъ шуточками то теплое чувство, которое росло въ немъ къ Тонѣ.

— Вы имѣли въ виду нравственное воздѣйствіе хорошими словами, Тонечка. Я такъ же, какъ и вы, убѣжденъ, что нѣтъ такихъ хорошихъ словъ, которыя здѣсь не оказались бы бисеромъ, метаемымъ передъ свиньей... Pardon, mademoiselle. Я имѣлъ въ виду болѣе простое воздѣйствіе страха, внушаемаго вотъ чѣмъ...

Коровинъ выразительно расправилъ кулаки.

— Позвольте, братцы, дайте договорить,—продолжалъ онъ, движеніемъ руки останавливая возраженія товарищей.

Зиночка засмѣялась:

— Вы только хвастаете, а сами уѣзжаете!

— Не своими руками доставлю вамъ это удовольствіе, Зиночка. У меня есть братъ, ноздревствующій Баяръ, какъ его прозвалъ нашъ философъ Василій...

— Говори, не балясничая, Коровинъ,—сказалъ Василій.

— Дѣло просто. Я черкну брату. Онъ съ своими двумя пріятелями, даже не заложивъ за галстухъ, поставятъ Калинину такой ультиматумъ: или бери назадъ жалобу, или въ клубъ не показывай физіономію, своротимъ на сторону. Онъ трусъ и сообразитъ, что и эполеты снять придется.

Росбахъ и Василій не выказали особеннаго одобренія этому плану.

— Эхъ вы, бѣлоручки, чистоплюйки, аристократишки! У васъ на первомъ мѣстѣ красивая форма, чтобы все было комъильфотно.

— И совсѣмъ не форма. Какъ же ты не понимаешь, Коровинъ, что возмутительно такими путями добиваться того, что должно быть неотъемлемымъ правомъ каждаго человѣка,—сказалъ Росбахъ вѣско, съ отчетливостью нѣмца, хорошо говорящаго по-русски. Жизнерадостное лицо, немного смахивавшее на вербнаго херувима, съ умными и проницательными карими глазами, стало серьезно.

— Что-жъ дѣлать, Росбахъ?..

— Нечего философію разводить,—сказалъ Коровинъ.—Нѣтъ ли у кого записной книжки и карандаша?

И то, и другое нашлось у Росбаха.

— Аккуратный нѣмецъ, хвалю,—воскликнулъ Коровинъ и набросалъ нѣсколько строкъ.

— Вотъ, няня, занеси это брату моему. По дорогѣ мимо дома пойдете. Въ окно его увидите, а если онъ у Недоноскова на билліардѣ играетъ, такъ отдай деньщику и скажи, что я строго приказалъ отдать въ руки брату и ни душѣ живой, кромѣ брата. Ванька мой сейчасъ полетитъ съ товарищами къ Калинину, розыщетъ его хоть у самаго дивизіоннаго — и сегодня же супруга презуса и дочки его будутъ восклицать: «Ce charmant, ce délicieux m-r Калининъ, comme il est bon! Comme il est généreux». Я написалъ: «Дѣйствуй, Ванька, неотлагательно и скоропалительно». Жаль, что не увижу, но мы услышимъ. Будь покойна, почтенная старушенція. Крестника твоего выручатъ.

— Не крестника, брата крестникова, батюшка. А все одно, спасибо вамъ. Господь наградитъ,—кланялась няня.—Ну, съ Богомъ Васенька.

Послѣднее прощанье и приказъ Росбаха:

— Весла на воду!

Гребцы дружно налегли на весла, и красивая, расцвѣченная флагами яхточка быстро заскользила по гладкой поверхности пруда, несясь къ гавани. Василій сидѣлъ, отвернувшись къ водѣ, и упорно молчалъ. Росбахъ покосился раза два на понурую фигуру своего друга и, наконецъ, спросилъ:

— Не пустилъ?

— Не удержалъ,—отвѣчалъ, не оборачиваясь, Василій.

Росбахъ не сталъ разспрашивать, полагая, что другъ его такъ мраченъ отъ разрыва съ отцомъ. Но Василія тяжелымъ камнемъ угнетало все, что онъ узналъ о смерти Маруси. Передъ этою страшною рѣшимостью, передъ этою неуклонною волею и цѣльностью натуры, бѣдный юноша казался себѣ такимъ маленькимъ!.. Его сердце рвала безконечная жалость, въ глазахъ носился образъ сестры—прекрасный, любящій... Онъ вспоминалъ яркое, чуть не безумное веселье послѣдней недѣли ея жизни... Вотъ участь прекраснаго на землѣ! Вотъ героиня! Увидѣла, что жизнь обманула, и сама разбила чашу этой жизни...

XII.

— Это что еще значитъ, Петръ Егорычъ!—раздался въ дверяхъ кабинета рѣзкій, сухой, царапающій нервы голосъ, отъ котораго Палицынъ нахмурился.

Онъ не могъ слышать его, не сравнивая съ пріятнымъ и нѣжнымъ, хотя нѣсколько глуховатымъ голосомъ покойницы Маши.

Антонина Сидоровна быстрыми, мелкими шажками проскользнула отъ двери до письменнаго стола. Она была одѣта «на музыку». Дорогая турецкая шаль, заколотая у горла золотою полоскою съ вычурно-сентиментальнымъ девизомъ, окутывала до ногъ ея крошечную худощавую фигурку и вершка на два волочилась по полу. Черное огромное страусовое перо колыхалось воинственно на дорогой соломеной шляпкѣ. Она размахивала зонтикомъ съ ручкой изъ рѣзной слоновой кости; шлейфъ чернаго платья тончайшаго мериноса на цѣлый аршинъ заметалъ полъ. Все въ туалетѣ ея было дорого. Ни одна капитанша, кромѣ богачки Томиловой, урожденной купчихи Солодовой, не носила такихъ цѣнныхъ вещей. Каждая вещь, взятая сама по себѣ, была красива, но въ общемъ не доставало ни гармоніи, ни вкуса, того неуловимаго *чего то*, по чему сразу отличишь свѣтскую даму отъ вырядившейся писарши.

Балтійскія аристократки такъ и прозвали ее «писарша endimanchée». Няня говорила, что, какъ ни рядись ворона въ павьи перья, а все вороной останется. Самъ Петръ Егоровичъ, признававшій суетой суетъ всякую погоню за «барствомъ» и аристократической внѣшностью,—чувствовалъ однако, какъ его коробитъ въ женѣ та худшая изъ печатей вульгарности, которую не затрешь ни высокопробной дрессировкой, ни даже вѣковою наслѣдственностью изящества внѣшнихъ формъ,—печать пошлости ума и сердца, печать хитрости, ограниченности и черствости. А между тѣмъ эта печать все явственнѣе проступала въ сухихъ и рѣзкихъ чертахъ его второй жены, въ улыбкѣ ея красныхъ губъ, которыя теперь, когда исчезала свѣжесть молодости и сравнительная мягкость очертаній, все чаще злобно сжимались, такъ что казались порой прямымъ кровавымъ разрѣзомъ на смугломъ лицѣ. Все, въ чемъ прежде Петръ Егорычъ видѣлъ наивную, чистую и пылкую молодую жизнь,—смѣнялось теперь чертами сварливой, лживой бабы.

— Я объявляю вамъ, Петръ Егорычъ, что я не намѣрена долѣе терпѣть! Если вы не по имени только глава семейства, то вы должны положить этому конецъ.

— Да что случилось? Скажи толкомъ, — хладнокровно спросилъ Палицынъ.

— А то, что Василій Петровичъ изволилъ пріѣхать и уѣхать и глазъ мнѣ не показалъ, а я, кажется, имѣю право на его уваженіе. Я замѣняла ему мать. Мало этого—онъ, не спросясь, тайкомъ увелъ моихъ дочерей. Проводы себѣ устроилъ.

Красныя пятна шли по ея лицу, губы дрожали. Она сдерживалась, однако, чтобы не дѣлать порывистыхъ движеній, которыя сдвинули бы съ мѣста приколотую на затылкѣ шляпку.

— Василій вашъ не только не уважаетъ меня, но еще учитъ тому-же сестеръ—моихъ дочерей! А я, кажется, ничѣмъ не утратила права на уваженіе. Я не какая нибудь!... Я ваша жена! Какъ вы-то, умный человѣкъ, не понимаете, что Васька вашъ манкируетъ передъ *вами*, дѣлая *мнѣ* невѣжество. Если ужъ я, жена ваша, такое ничтожество, что мальчишка можетъ мнѣ плюнуть въ лицо—вотъ такъ: тьфу!—то должны же вы, ради самого себя, ради собственнаго достоинства научить дѣтей уважать меня. Господи! Если бы я знала, что мнѣ придется выносить за свою жертву!..

Видя, что свысока-крикливый тонъ не дѣйствуетъ на мужа, Антонина Сидоровна захотѣла перейти въ слезный; у нея былъ всегда въ запасѣ потокъ слезъ такой же обильный, какъ и упрековъ и злыхъ словъ. Но она во-время спохватилась, что носъ покраснѣетъ и неудобно показывать въ публикѣ красные глаза. Въ вечерней свѣжести, подъ тѣнью вѣковыхъ липъ Лѣтняго сада, лицо ея подъ черною креповою вуалью казалось еще довольно эффектнымъ.

— Чтожъ вы молчите, какъ истуканъ?—снова крикливо накинулась она на мужа.—Я жена ваша и требую, чтобы вы заставили уважать меня! Гдѣ ваши правила, ваша хваленая дисциплина?! Вы такъ ослѣплены дѣтьми вашей Маши, такую волю дали имъ, что они возстановили моихъ дѣтей противъ меня. Все шепчутся, переглядываются, тайны какія то завелись... Всѣ они за-одно противъ меня, и эта мерзавка нянька съ ними. Все поетъ имъ въ уши: какая распрекрасная, раздобродѣтельная, разангельская была покойная Марья Иринарховна, ни въ чемъ на вашу мать не похожа. О, Господи! Если бы кто сказалъ мнѣ, когда я за васъ выходила, что ждетъ меня за вдовцомъ!.. Но я была дѣвочкой, наивной, чистой, не понимающей жизни! Я вѣрила каждому вашему слову. Одинъ только Ивинъ говорилъ мнѣ: «не выходите за вдовца, первая жена будетъ стоять между вами». Не послушалась, полюбила и—вотъ награда! Цвѣткомъ свѣжимъ, чистымъ вышла я за старика на двадцать лѣтъ старше меня. Но я была вамъ вѣрной женой, молодость свою сгубила съ вами. Отчего въ тридцать лѣтъ я желта и суха, какъ мумія?! И это человѣкъ, которому я отдала свою чистоту, свою молодость, свою первую страсть!.. Обѣщалъ, передъ Богомъ клялся, палицынское слово давалъ, что сдѣлаетъ все для моего счастья. Ну что жъ—губи! Лучшіе годы прошли, дотерплю какъ нибудь до могилы! Но унижать себѣ не позволю, ненавидь меня, вспоминай свою Машу слезными поклонами передъ кіотой. Каждый день, два раза въ день терплю я эту пытку... Но дѣтей своихъ я не позволю возстановлять противъ меня. Дѣти—мое единственное

счастье, моя жизнь! Я не позволю Васькѣ твоему губить моихъ дѣвочекъ! Не поз-во-лю-ю-ю!..

Мужъ все время сидѣлъ, ухватясь руками за наручники кресла. Черты лица его были суровы и напряженны, какъ у человѣка, который крѣпится подъ пыткой. Морщины у губъ врѣзались еще глубже.

— Ты кончила?—спросилъ онъ спокойно.

О, какъ это хладнокровіе всегда бѣсило ее. Если бы онъ затопалъ ногами, раскричался, грозилъ побить, если бы онъ даже схватилъ ее за косу и оттаскалъ, какъ комиссаръ Сидоровъ таскалъ мать ея въ супружескихъ стычкахъ, она не ненавидѣла бы его такъ изступленно. Она очутилась бы въ своей стихіи. Но это спокойное, сдержанное отношеніе мужа къ ея выходкамъ подавляло ее. Она называла это лицемѣріемъ святоши, подлымъ притворствомъ; но очень хорошо понимала, что это не притворство, не лицемѣріе, что это побѣда надъ дикимъ животнымъ инстинктомъ, который въ черныя минуты просыпается и въ лучшихъ людяхъ. И она ликовала въ душѣ, когда видѣла, что мужъ ея блѣднѣетъ, что плечи его вздрагиваютъ, что онъ вотъ-вотъ бросится на нее съ поднятыми кулаками. Но этого никогда не случалось, и она, съ новымъ приливомъ изступленной злости, отъ которой дрожалъ въ ней каждый мускулъ, сознавала превосходство мужа...

— Извергъ! еще издѣвается!—прошипѣла она, чувствуя, однако, что это всетаки безсильно.

— Я не издѣваюсь, ты это сама знаешь. Но долженъ же я былъ выждать, когда ты перестанешь кричать,—все такъ же спокойно отвѣчалъ Палицынъ.—Вася поступилъ, конечно, невѣжливо, но безъ всякаго намѣренія оскорбить тебя, я въ этомъ ручаюсь. Ты знаешь, онъ всегда въ отношеніи тебя исполняетъ все требуемое приличіемъ, но сегодня невольно забылъ зайти къ тебѣ... Я ему это замѣчу, но... у меня съ нимъ было объясненіе.

Послѣднія слова Палицынъ произнесъ съ усиліемъ и потомъ продолжалъ прежнимъ ровнымъ тономъ:

— Онъ ушелъ разстроенный. Дѣвочки побѣжали проводить его проститься. Няня должна была идти за ними,—не возвращаться же имъ однѣмъ. Тебя не спросились потому, что у тебя были гости. И няня, и дѣти были огорчены. Не хотѣли, понятно, показаться на глаза чужимъ. Намѣренія оскорбить тебя не было и быть не могло. Это ты все себѣ вообразила.

Она уже слышала обо всемъ отъ своей «наперсницы» Христины. При словѣ мужа «проститься» сердце ея ёкнуло отъ радости, и она, съ заискрившимися глазами, спросила удивленнымъ тономъ:

— Какъ проститься? Развѣ Василій Петровичъ совсѣмъ уѣхалъ?

Зоркій взглядъ мужа подмѣтилъ эту радость.

— Какъ это *совсѣмъ*?—спросилъ онъ съ прорвавшейся горечью въ голосѣ.—Ты хочешь знать, выгналъ ли я сына изъ дому? Нѣтъ. Онъ не сдѣлалъ ничего безчестнаго. Онъ выбралъ свою дорогу. Я сказалъ, что не даю согласія на его гибель. Нѣсколько времени мнѣ было бы тяжело видѣть его... На этой недѣлѣ я—въ походъ, Василій можетъ пріѣзжать на дачу повидаться съ сестрами. Я этого даже хочу. Пойми же, наконецъ, какъ неразумна твоя ненависть, Антонина Сидоровна. Ты должна бы радоваться его дружбѣ съ сестрами. Умри я, Василій будетъ имъ опорой.

Онъ приводилъ доводъ, который считалъ наиболѣе убѣдительнымъ для жены.

— Я не хочу, чтобы мои дочери заражались его вольнымъ духомъ, его непочтеніемъ къ родителямъ. Пусть лучше глодаютъ сухую корку,—съ трагическимъ паѳосомъ и соотвѣтствующимъ взмахомъ руки возразила Антонина Сидоровна.— Онъ еще въ бунтовщики пойдетъ съ Росбахомъ и погубитъ моихъ дочерей.

— Полно, онѣ дѣти, дѣвочки, нечего опасаться —расхохотался было Палицынъ, но смѣхъ оборвался, и онъ, голосомъ и взглядомъ главы семьи приказалъ:—И не говори, слышишь, никогда не смѣй говорить такого вздора! Я строго запрещаю тебѣ это! Ты не понимаешь, какое страшное несчастіе ты можешь навлечь на Василія и на всѣхъ насъ одной этой болтовней!

Палицынъ привсталъ, оперся обѣими руками на столъ и, не сводя съ жены гнѣвнаго, властнаго взгляда, закончилъ:

— Если я узнаю, что ты хоть разъ это повторишь кому нибудь, то я всему городу буду кричать, что ты выдумываешь изъ ненависти къ твоему пасынку. Даю тебѣ честное слово.

Сбитая съ позиціи Антонина Сидоровна опѣшила, но тотчасъ оправилась и перенесла аттаку на другой пунктъ.

— Такъ пустили всетаки въ университетъ, не выдержали! Ха, ха, ха! Гдѣ же характеръ вашъ непреклонный, палицынскій? Гдѣ же желѣзная палицынская воля? Ха-ха-ха!

Она хохотала долго и зло.

— Что жъ мнѣ было дѣлать?—сказалъ Палицынъ угрюмо:— отцовской властью запереть ему дверь университета? Поднять скандалъ, который испортитъ ему карьеру и озлобитъ его?

Антонина Сидоровна перестала хохотать и опять посмотрѣла на Палицына загорѣвшимся взглядомъ.

— Безхарактерный вы, жалкій вы человѣкъ!.. Знаю я, отчего вы не могли выдержать характера съ сыномъ. Знаю

все хорошо! Сынъ незабвенной Маши. Ея голубые глаза смотрѣли на васъ умоляющимъ взглядомъ, и вы растаяли!..

— Старая пѣсня. Эхъ, когда же это надоѣстъ тебѣ, Антонина?

Она пропустила это возраженіе безъ отвѣта; болѣе важное соображеніе занимало ее.

— Такъ рѣшено, что онъ выходитъ въ отставку?

— Да, осенью.

— Сколько же вы будете давать ему въ годъ? Изъ какихъ капиталовъ, желала бы я знать? Сколько онъ запросилъ?

— Онъ ничего не просилъ. Сказалъ, что ему ничего не нужно.

— Слова! Знаетъ, что не оставите безъ гроша. Теперь сядетъ вамъ на шею, въ университетѣ жалованья не даютъ. Хоть бы подумали: двѣ дочери растутъ, воспитывать надо. Васька вашъ уже на ноги всталъ. Довольно въ него просадили. Самъ объ себѣ долженъ думать, а не тащить у отца послѣднія крохи.

— Я сказалъ ему, что у меня нѣтъ средствъ содержать его въ университетѣ. Но у него есть свое. Онъ отдалъ свою тысячу на приданое Маруси. Это мой долгъ, и я уплачу.

— Изъ какихъ это капиталовъ, позвольте спросить?

— Черезъ годъ выслужу пенсію за командованіе кораблемъ, а если это не удастся, къ Рождеству вмѣсто ордена попрошу денегъ. Не дадутъ, тогда Сидоровъ можетъ уплатить...

— Мой отецъ безъ гроша, дѣла плохи, — перебила Антонина Сидоровна.

— Кромѣ того, Марусино приданое—собственность Васи. У Маруси были цѣнныя вещи отъ матери: серебро, брильянты. Надо все продать.

— Дадутъ много-много триста-четыреста рублей за все, поспѣшно перебила съ екающимъ сердцемъ Антонина Сидоровна.—Брильянты мелкіе, дрянь, на половину стразы: а тряпки только новыя цѣнны, а пройдетъ мода, выручишь какіе нибудь десятки рублей. На приданое нечего разсчитывать.

И она, инстинктивно подобравъ концы распустившейся шали, исподлобья тревожно взглянула на мужа; но не прочла на лицѣ его ничего, кромѣ подобающаго мужчинѣ полнѣйшаго непониманія цѣнности женскихъ тряпокъ.

— Ну и триста—все деньги. На триста рублей можно прожить цѣлый годъ. Но я на первый годъ не дамъ ему ни гроша. Побиться годъ на заработкѣ полезно для молодежи—проба характера. Съ голоду не умретъ, одежда есть. Я мичманомъ на триста рублей жилъ, да еще вычитали за обмундировку, и чай пилъ только по праздникамъ. Продай поскорѣе вещи, Антонина Сидоровна, и деньги положи въ банкъ.

— И вы воображаете, что вашъ Васька усмирится, просидѣвъ безъ чаю?

Она угадала затаенную мысль мужа, въ которой онъ не сознавался и самъ себѣ,—постыдный разсчетъ, что лишенія заставятъ сына уступить. Но если бы Василій уступилъ, то онъ—отецъ первый бы сталъ презирать его.

— Какъ же? Вы такъ цѣлый годъ не дадите вашему Василью ни гроша? Не выдержите! Сынъ незабвенной Маши просидитъ безъ чаю! Ха, ха, ха!

Въ душѣ она всетаки была довольна. Цѣлый годъ Васька не получитъ ни гроша. А далѣе—все устроится какъ нибудь и устроится такъ, какъ она хочетъ. Антонина Сидоровна рѣдко заглядывала далѣе настоящей минуты. Она уже исчерпала все, что хотѣла сказать, узнала все, что хотѣла узнать, но не хотѣла уходить, не бросивъ парѳянскую стрѣлу. И какъ на зло, ничто подходящее и отравленное не приходило на умъ. Она оглянулась на столъ мужа. Портретъ падчерицы стоялъ рядомъ съ ея портретомъ. Она выдвинула свой и поставила его такъ, что онъ заслонилъ миловидное лицо Маруси.

Шурша накрахмаленнымъ платьемъ съ трехъ-этажными торчащими оборками и распространяя сильный запахъ гвоздичной помады, отъ которой блѣдно-рыжеватые волосы лоснились на вискахъ и темени, какъ лоскутки желтоватаго атласа,—въ кабинетъ вплыла Христина и доложила барынѣ, что сосѣдки прислали спросить, идетъ ли фрау Палицынъ на музыку; онѣ давно ждутъ ее.

Антонина Сидоровна поправила шляпку, обдернула шаль и, уходя, обратилась къ мужу:

— Смотрите, хорошенько распеките няньку. Я хотѣла взять Тоню на музыку. Ее надо пріучать къ обществу и хорошимъ манерамъ. У своего обожаемаго братца она не научится ничему подобному!

Она вскинула глаза на мужа. Онъ слушалъ ея слова, какъ жужжанье нозойливой мухи. Она продолжала:—Если вашъ Василій снова вздумаетъ пріѣхать на дачу повидаться съ сестрами, я объявляю вамъ, что беру дочерей и ѣду въ деревню къ брату.

И это не оказалось парѳянской стрѣлой. Мужъ зналъ, что она не уѣдетъ отъ гуляній и музыки въ деревню къ брату, съ которымъ была на ножахъ изъ за денежныхъ счетовъ.

Въ дверяхъ она еще разъ обернулась.

— Тонѣ сдѣлайте строгій выговоръ. Если не сдѣлаете, я сама строго накажу ее. Василій Петровичъ пошелъ противъ васъ, а она чувствительные проводы ему устроила. Вы можете терпѣть, чтобы вамъ манкировали, но я не потерплю!

И она ушла довольная: нашла таки свою парфянскую

стрѣлу. И не подозрѣвала она, что стрѣла эта была ребяческой бумажной стрѣлкой.

XIII.

Когда жена скрылась за дверью, Петръ Егоровичъ со вздохомъ принялся за свои вѣдомости. Но работа спорилась плохо. Сегодняшнее объясненіе съ женой вышло тяжелѣе обычныхъ: пришлось даже пригрозить скандаломъ!.. Вотъ уже до чего дошло! И это бракъ... Честный вѣнецъ возложилъ на главу... Кара господня справедлива... О, зачѣмъ онъ измѣнилъ памяти Маши. Въ ея смерти надо было видѣть перстъ божій, указывавшій ему жизнь цѣломудрія, надо было покориться и нести крестъ свой... И съ какой безумной поспѣшностью, съ какимъ унизительнымъ ослѣпленіемъ онъ во второй разъ возложилъ на главу свою «честный вѣнецъ».

Весь Балтійскъ кричалъ объ этой свадьбѣ. Сынъ товарища запутался въ долгахъ, надо было выручать юношу, и Палицынъ пошелъ къ Сидорову. Антонина Сидоровна, завидя изъ окна проходившихъ черезъ дворъ офицеровъ, тотчасъ бѣжала въ контору отца съ рукодѣльемъ и садилась у стола, скромно опустивъ глазки, зорко высматривавшіе жениха изъ офицеровъ дворянъ. Съ перваго взгляда она казалась ребенкомъ, и Петру Егоровичу глубоко жаль было видѣть дѣтскую душу въ этомъ вертепѣ. Онъ заговорилъ съ нею, какъ съ ребенкомъ. Наивное щебетанье, дѣтская рѣзвость и прорывавшаяся, будто невольно, затаенная недѣтская печаль произвели сильное впечатлѣніе на вдовца. Какъ будто сквозь густыя черныя тучи просіялъ лучъ, полу-скрытый туманной далью. Два года послѣ смерти Маши онъ былъ близокъ къ меланхоліи; ему тяжело было видѣть старыхъ товарищей, родню. Съ людьми онъ встрѣчался только на службѣ. Единственная женщина, съ которой онъ говорилъ эти два года, была кузина покойницы, навѣщавшая дѣтей; да еще няня Савельевна, которая по часамъ разсказывала ему о Машенькѣ, объ ея дѣтствѣ, молодости, о подробностяхъ послѣднихъ минутъ.

Палицину пришлось зайти черезъ день къ ростовщику. Антонина Сидоровна встрѣтила его чиннымъ реверансомъ, но съ такимъ проблескомъ радости, что Палицынъ смутился. Онъ приписалъ свое смущеніе состраданію: бѣдное дитя такъ благодарно за доброе слово. Когда дѣла съ ростовщикомъ были покончены, Палицынъ незамѣтно для себя самого сталъ ходить въ гавань улицей у крѣпостного вала, хоть это былъ небольшой крюкъ. И каждый разъ онъ видѣлъ Антонину Сидоровну или съ рукодѣльемъ у окна, или во дворѣ и палисадникѣ, и всегда за какимъ нибудь дѣломъ. То она кормила куръ, то

несла пойло коровѣ, то няньчила крошку брата. Она кланялась Петру Егоровичу, краснѣя до слезъ, когда ее заставали за «неблагороднымъ» дѣломъ, съ засученными рукавами и безъ корсета. Онъ приписывалъ это дѣвической скромности и говорилъ: «Богъ труды любитъ». Она скоро сообразила, что для нея выгодно попадаться ему на глаза съ ведромъ или рѣшетомъ въ рукахъ. Онъ не подозрѣвалъ, какъ часто встрѣчи эти были подготовлены и что, завидя его издали, кто нибудь изъ многочисленнаго, вѣчно игравшаго на улицѣ младшаго потомства ростовщика, бѣжалъ опрометью домой объявить сестрѣ: «твой капитанъ идетъ!» То, что капитанъ Палицынъ звалъ жалостью, росло отъ этихъ встрѣчъ. Институтка, воспитанная—и за грубой тяжелой работой, когда у отца хорошія средства. И всегда весела, всегда улыбается. Еслибы кто сказалъ капитану Палицыну, что онъ влюбленъ, онъ счелъ бы это за обиду. Онъ безъ всякой задней нечистой мысли думалъ предложить «бѣдной Антониночкѣ» поступить гувернанткой для Маруси. Незамѣтно онъ все долѣе и долѣе останавливался у воротъ или калитки палисадника сидоровскаго дома. Отечески-шутливыя словечки, которыми онъ сначала мимоходомъ перекидывался съ дочерью Сидорова, превратились въ продолжительныя бесѣды. Тонъ ихъ былъ задушевный, теплый, болѣе отеческій. Палицынъ узналъ, какую нравственную пытку выносила бѣдная дѣвушка. Дома—адъ. Отецъ дерется съ матерью, когда оба пьяны. Разъ въ морозъ «бѣдная Антониночка» выбѣжала въ одномъ платьѣ и наткнулась на Петра Егорыча. Она дрожала отъ страха, она бѣжала за дядей, чтобы онъ пришелъ разнимать отца съ матерью. Петръ Егорычъ прикрылъ ей голову воротникомъ своей шинели и сталъ утѣшать. Она прижалась къ нему, поцѣловала его въ плечо, за его жалость къ ней. Палицынъ обнялъ ее, гладилъ по головѣ—и вернулся домой съ такимъ ощущеніемъ, будто онъ все еще обнимаетъ эту крохотную, довѣрчиво приникшую къ нему дѣвушку. Въ слѣдующую встрѣчу Антонина Сидоровна выбѣжала къ нему вся въ слезахъ и, крѣпко сжимая его руку въ своихъ крохотныхъ и некрасивыхъ ручонкахъ съ красными обкусанными обрубочками-пальцами, она просила его никогда, никогда болѣе не ходить мимо ихъ дома. Сосѣди начали сплетничать про нее, выдумали что то очень дурное... Они говорятъ, что онъ обнимаетъ и цѣлуетъ ее на улицѣ... У нихъ такая необразованность. Вѣдь Петръ Егорычъ не можетъ быть ей женихомъ: хоть она и получила воспитаніе въ институтѣ, все-таки она ему не пара, она это хорошо понимаетъ. Что-жъ, что передъ Богомъ всѣ равны... Пусть лучше ужъ не будетъ у нея радости, единственной радости ея несчастной жизни, что она хоть изрѣдка слышитъ доброе слово, видитъ, что ее жалѣютъ...

Пусть лучше она никогда не увидитъ своего единственнаго добраго друга—только бы на ея чести не было пятна. Петръ Егоровичъ слушалъ изумленный, растерянный, крѣпко сжимая довѣрчиво цѣплявшіяся за него крохотныя ручонки и наклоняясь надъ крохотной плачущей фигуркой.. Отецъ отдалъ ее въ институтъ, чтобы она дома не ѣла хлѣба... Теперь отдаетъ ее замужъ за старика противнаго, и ее ждетъ все та-же необразованность. Она хотѣла уйти на мѣсто въ гувернантки. Эти несчастные слухи помѣшали.

Петръ Егоровичъ вернулся домой женихомъ дочери «мерзавца и вора» Сидорова. Онъ и самъ не понималъ, какъ это вышло. Точно имъ владѣла какая то сила, толкавшая его, а онъ только подчинялся. Савельевна взвыла въ голосъ, на ея плачъ заплакали дѣти. Старые товарищи отговаривали, ссорились. Онъ спѣшилъ свадьбой. Невѣста еще болѣе. Роль наивнаго ангела была тяжела для дѣвушки, получившей элементарное обученіе на улицѣ, у дверей кабака, который въ сосѣднемъ домѣ содержалъ отецъ ея, на имя одного родственника. Уѣхавъ, тринадцати лѣтъ, въ институтъ, дѣвочка увезла значительный запасъ воспоминаній о кабацкихъ сценахъ и турабскую сметку и гибкость характера, которыя воспитываютъ въ дѣтяхъ кулаки. Она быстро усвоила институтскую дисциплину, и всѣ нравы и обычаи институтокъ; въ качествѣ дочери титулярнаго совѣтника, какъ «благородная», презирала подругъ купчихъ и мечтала выйти замужъ за князя или, по крайней мѣрѣ, за генерала и непремѣнно богача. Судьба послала ей Петра Егоровича и, сообразивъ, что лучшаго ей нечего ждать, она ловко поймала его, отчасти пользуясь совѣтами отца и матери. Въ семнадцать лѣтъ еще не выработано искусство носить маску, и Петръ Егоровичъ еще до свадьбы началъ замѣчать кое какія мелочи, отъ которыхъ его коробило, которыя шевелили въ немъ тяжелую мысль: его дѣти, дѣти его ангела Маши окажутся въ рукахъ женщины, взрощенной въ такой грязной ямѣ. Антонина Сидоровна была чутка и умѣла изгладить непріятное впечатлѣніе. И тяжелое чувство изглаживалось, Палицынъ вѣрилъ, что онъ воспитаетъ жену-ребенка, спасетъ душу, погибель которой неизбѣжна въ этомъ омутѣ. Но чѣмъ ближе подходилъ день свадьбы, тѣмъ чаще просыпалось тяжелое чувство. Жениху товарищи твердили: откажись, съ Сидоровымъ можно сдѣлаться деньгами, на отступное дочь его найдетъ себѣ жениха подъ пару. Нарушить палицынское слово!.. Но еще болѣе, чѣмъ вѣрность этому слову, говорила въ Палицынѣ страсть, которая закружила его и унесла въ омутъ брака съ Антониной Сидоровной. Онъ прожилъ молодость въ строгомъ аскетизмѣ. Любовь его къ ангелу Машѣ была глубокая, крѣпкая, но не было въ ней того безум-

наго чада, котораго онъ стыдился, отдаваясь ему. Не эту сторону природы будила въ немъ Маша. О, какъ часто потомъ въ церкви, прижимая лобъ къ холоднымъ плитамъ, онъ слезно каялся въ томъ, что честнымъ вѣнцомъ прикрылъ животное вожделѣніе, которое надо было вырвать съ корнемъ.

Онъ далъ слово не давать дѣтей Маши въ обиду мачихѣ и по своему старался его исполнить. Но гдѣ же мужчинѣ, занятому службой, а тѣмъ болѣе моряку, который по цѣлымъ мѣсяцамъ не бываетъ дома, услѣдить за всѣми мелочными придирками, обидами и уязвленіями, какими женщина типа Антонины Сидоровны умѣетъ отравлять жизнь, оставаясь по наружности правой. Въ общемъ Палицынъ еще въ первый годъ брачной жизни довольно вѣрно понялъ натуру второй жены; но въ мелочахъ она отводила ему глаза. Крупныя и прямыя натуры не замѣчаютъ интригъ и козней мелкихъ и лукавыхъ; птица, взлетая къ поднебесью, не видитъ паутины, а въ ней сидитъ ядовитый паукъ, который можетъ смертельно ужалить ея птенповъ въ гнѣздѣ.

Послѣ крупныхъ сценъ, Петръ Егоровичъ сдѣлалъ оцѣнку женѣ, не признавая смягчающихъ обстоятельствъ. Все въ душевномъ складѣ ея претило ему, разрывъ росъ все глубже и глубже. Давно уже прошло то время, когда ей стоило приласкаться къ нему, взглянуть на него черными, жгучими, цыганскими глазами, улыбнуться своей обольстительной улыбкой—и онъ снова поддавался ея чарамъ и сознавалъ, какъ она дорога ему. Теперь онъ влачилъ супружеское ярмо, какъ каторжникъ тачку, къ которой прикованъ; онъ до боли стыдился прежняго ослѣпленія. Но и въ первые годы супружества Антонина Сидоровна ничѣмъ никогда не могла заставить его поступить противъ совѣсти. Въ послѣдніе годы сцены стали вызывать «искушеніе»—грѣшную мысль, что разводъ лютеранъ по несходству характеровъ разуменъ и не можетъ быть противенъ волѣ божіей, не налагающей на плечи бремя неудобоносимое. И теперь пришло это искушеніе, но онъ усиліемъ воли подавилъ еретическую мысль.

Онъ выдвинулъ портретъ дочери, заслоненный портретомъ жены. Расплывчатый дагеротипъ, какъ сквозь дымку, передавалъ прелесть лица молодой дѣвушки; но все же дымка не могла скрыть глубокую печаль въ глазахъ, въ улыбкѣ. Маруся захотѣла сняться въ первые дни болѣзни, когда еще выѣзжала. Палицынъ въ сотый разъ спросилъ себя: какъ она могла полюбить Тейчке, негодяя, развратника, у котораго въ экипажѣ люди мерли, какъ мухи осенью. Будь у Маруси мать—удержала бы ее. И какъ тосковала! Палицынъ вспомнилъ, какъ онъ засталъ дочь въ гостиной, неподвижно стоявшей съ поникшей головой, съ остановившимся, почти безсмы-

сленнымъ взглядомъ. Женихъ только что ушелъ. Заболѣла—не пускала Тейчке... Христина донесла Антонинѣ Сидоровнѣ подслушанныя Марусины слова: «Изъ одного ада въ другой»... А все таки слова назадъ не взяла... Можетъ быть, Господь къ лучшему призвалъ ея измученную душу. Призвалъ?..

И Палицынъ содрогнулся отъ страшной мысли, невѣроятной, невозможной, которая стала все упорнѣе мелькать въ головѣ его въ послѣднее время, когда онъ могъ спокойнѣе припоминать подробности болѣзни и смерти дочери. Призвалъ-ли ее Господь? Не сама ли своевольно вызвала она болѣзнь, которая унесла ее?.. Откуда у его Маруси вдругъ могла явиться такая безумная страсть къ танцамъ вмѣстѣ съ такою жадностью къ мороженому? Прежде терпѣть не могла баловъ. Никогда въ ней не было этого обжорства сластями, какъ у этихъ глупыхъ телокъ—знакомыхъ барышень. И отцу отчетливо представилась Маруся съ багровымъ потнымъ лицомъ, обезображеннымъ изступленнымъ вальсомъ, поглощавшая крупными глотками мороженое. Тейчке насильно отнималъ у нея блюдечко. Въ ушахъ Палицына прозвучалъ ея отвѣтъ на слова жениха: «Вы не понимаете, что дѣлаете». — «Понимаю лучше вашего»... Этотъ тонъ голоса, эта загадочная усмѣшка!.. О, какъ же это онъ—отецъ былъ такъ глухъ и слѣпъ! Онъ схватился за голову и застоналъ.

М. Николаева.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Борьба за избирательную реформу въ Англіи и реформа 1832 г. *).

«Конституція предполагаетъ существованіе опредѣленнаго отношенія между избирателями и представителями народа. Но кто же осмѣлится утверждать, что въ палатѣ общинъ, въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ теперь, это отношеніе соблюдено хотя бы въ самой малой степени? Оно не только не соблюдено, а совершенно извращено». Англійское представительство, англійская избирательная система—«наиболѣе гнилая часть конституціи, и не могутъ же они влачить свое существованіе еще въ теченіе цѣлаго столѣтія. Если она, эта гнилая часть конституціи, не отпадетъ сама собой,—ее необходимо ампутировать!» **).

Слова эти были произнесены однимъ изъ самыхъ выдающихся ораторовъ Англіи XVIII ст., еще въ 1770 году, но Уильямъ Питтъ, высказавшій ихъ, ошибся болѣе, чѣмъ на 30 лѣтъ. Не прошло и семидесяти лѣтъ послѣ произнесенной имъ патетической рѣчи, какъ та ампутація, о которой онъ говорилъ съ такимъ краснорѣчіемъ, которой онъ требовалъ съ такой настойчивостью и на которую твердо надѣялся, была выполнена въ 1832 г., когда послѣ долгой, тяжелой и упорной борьбы, тянувшейся нѣсколько десятковъ лѣтъ и едва не перешедшей въ революцію, первый сколько нибудь серьезный билль о реформѣ прошелъ чрезъ палату общинъ и былъ, наконецъ, вотированъ и наиболѣе упорной въ отстаиваніи стараго порядка вещей палатой лордовъ.

Исторія и перипетіи этой борьбы за избирательное право въ Англіи, исторія билля о реформѣ 1832 года и послужатъ предметомъ настоящей статьи. Въ исторіи Англіи XIX в. періодъ времени, охватывающій собою эту борьбу за избирательное право, одинъ изъ самыхъ важныхъ и самыхъ интересныхъ, и трудно указать на какой-либо другой, который могъ бы быть поставленъ рядомъ съ нимъ по значенію, по тѣмъ результатамъ, къ которымъ

---

*) Въ основу настоящей статьи легла публичная лекція, прочитанная въ апрѣлѣ 1896 г., въ пользу безплатной народной читальни въ Кіевѣ, основанной кіевскимъ обществомъ грамотности.

**) Lecky, History of England in XVIII, III, 179.

онъ привелъ страну, по тѣмъ въ особенности проявленіямъ, той постановкѣ вопроса, съ какими онъ встрѣчается здѣсь. Старая, стереотипированная Англія XVIII в. столкнулась съ нарождающейся новой, созданной и рядомъ прежнихъ, исторически слагавшихся отношеній, и тѣхъ новыхъ факторовъ жизни, дѣйствіе которыхъ сказалось съ полной силой къ концу XVIII и къ началу XIX в. Противъ старой земледѣльческой Англіи поднялась не только новая капиталистическая Англія, но и та все болѣе и болѣе увеличившаяся рабочая масса, которую создалъ экономическій процессъ развитія англійской жизни XVIII в. Обѣ, хотя и въ не одинаковой степени, стояли внѣ политической жизни, политическаго вліянія на ходъ дѣла въ странѣ, и обѣ, подъ давленіемъ кризиса, разразившагося въ Англіи въ началѣ XIX в., предъявили требованіе реформы. Борьба между старой и новой Англіей являлась, поэтому, неизбѣжной, и она разразилась со всей силой тотчасъ же по окончаніи войнъ съ революціонной Франціей и Наполеономъ, выдвинувши рядъ вопросовъ, сдѣлавшихся лишь позже, съ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, содержаніемъ жизни континента, но впервые затронутыхъ въ Англіи...

I.

За три года до принятія билля о реформѣ, въ 1829 г., въ палатѣ разыгралась любопытная, но не исключительная или рѣдкая сценка *). Возбужденъ былъ вопросъ объ образѣ дѣйствій и поведеніи герцога Ньюкэстля въ мѣстечкѣ Newark. Изъ преній обнаружилось, что герцогъ, недовольный депутатомъ отъ Newark'а за то, что онъ подалъ голосъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ было желательно «его милости» (his grace) герцогу, заставилъ депутата отказаться отъ своего мѣста и назначилъ кандидатомъ на его мѣсто новое лицо. На выборахъ явился, однако, какой то храбрый соперникъ герцогскаго кандидата, успѣвшій получить не мало голосовъ въ свою пользу. То было неслыханное поведеніе, и разсерженной герцогъ немедленно предписалъ отнять земли у всѣхъ избирателей, подававшихъ голосъ противъ его кандидата. Когда всѣ эти дѣйствія герцога сдѣлались извѣстны, и въ палатѣ предъявлены были ему прямыя обвиненія, герцогъ съ истинно британскимъ хладнокровіемъ и съ полнѣйшимъ сознаніемъ своего права обратился къ палатѣ со слѣдующимъ вопросомъ: «а развѣ я не имѣю права поступать съ моей собственностью какъ мнѣ заблагоразсудится?». И отвѣтъ этотъ не былъ выраженіемъ желанія лишь одного лица, не былъ чѣмъ либо исключительнымъ, случайнымъ. Лордъ Eldon, защищавшій съ ревностью, достойной лучшей участи, существовавшую въ Англіи избирательную систему, и находившій ее

*) Hansard, new series, XXII, 1077.

«образцомъ человѣческой мудрости», доказывалъ справедливость точки зрѣнія на избирательное право герцога Ньюкестля. «Еще во времена Фокса, ораторствовалъ онъ въ засѣданіи 7 Октября 1831 года, давно, давно защищалъ я право выборовъ, какъ оно существуетъ въ Англіи. И теперь вновь, какъ и тогда, я заявляю, что реформа является прямой угрозой праву собственности, ибо всѣ авторы, всѣ юристы: Holt, какъ и Hale, выяснили что мѣстечки собственниковъ, nomination boroughs, не суть только предметъ права, но и предметъ собственности» *). И это представленіе о правѣ собственности было столь сильно укоренено въ умахъ англичанъ, что когда Питтъ младшій внесъ въ 1785 году свой проектъ избирательной реформы,—въ проектѣ значилась статья, предлагавшая ассигновать сумму въ милліонъ фунтовъ стерлинговъ для выкупа мѣстечковыхъ избирательныхъ правъ! **).

Очевидно, что въ избирательной англійской системѣ, какъ она дѣйствовала въ теченіе ряда вѣковъ, существовали нѣкоторыя особенности, вытекавшія всецѣло изъ самаго характера историческаго развитія англійской конституціи, изъ условій соціальнаго развитія страны. Англійская конституція не была писанной конституціей. Нѣтъ и не было акта, который, подобно многимъ континентальнымъ конституціоннымъ средневѣковымъ актамъ, опредѣлялъ бы какъ детали, такъ и основы конституціи. Онѣ, эти основы, какъ и детали, складывались медленнымъ, историческимъ путемъ, путемъ послѣдовательнаго наслоенія и законовъ (статутовъ), и соглашеній, путемъ выработки привычекъ, правилъ, обычаевъ.

Какъ во всѣхъ почти средневѣковыхъ конституціяхъ, и въ англійской, сословное начало было основнымъ началомъ, и практическое осуществленіе конституціонныхъ правъ было въ общемъ почти однимъ и тѣмъ же. Главнымъ и существеннымъ основаніемъ призыва къ представительству какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ, служила способность, большая или меньшая, къ несенію повинностей въ пользу государства. Главною цѣлью избирательной системы являлось призваніе такихъ мѣстностей, такихъ лицъ, которыя могли бы оказать существенную поддержку коронѣ разными aides, воспособленіями денежными и др. Отсюда общая черта всѣхъ сословныхъ конституцій — призывъ къ представительству лишь тѣхъ графствъ, городовъ, мѣстечекъ и т.-п., которые или по населенности, или по вліянію, или по богатству стояли выше другихъ. Такъ, напр., постепенно создалось въ Кастиліи право представительства только извѣстныхъ городовъ, мало по малу начавшихъ смотрѣть на свое право представительства, какъ на исключительную собственность. Не нужно опускать при этомъ изъ виду

*) Ib., VIII, 214.

**) Th. Erskine-May, Die Verfassungsgeschichte Engladns, I, 275; Massey, History of Englang, III, 135—6.

и такихъ обстоятельствъ, что расходы по представительству падали на избирательную коллегію, что, съ другой стороны, состояніе тогдашнихъ путей сообщенія значительно увеличивало расходы по представительству, расходы, къ которымъ далеко не равнодушно относились избиратели, старавшіеся всячески избавиться отъ нихъ. Тѣмъ не менѣе система призыва къ представительству въ большей или меньшей степени соотвѣтствовала условіямъ времени, условіямъ, создававшимъ совершенно иную группировку и распредѣленіе и населенія, и вліянія, чѣмъ 300—400 лѣтъ спустя.

До XVII в., впрочемъ, составъ англійскаго представительства не оставался неизмѣннымъ и подвергался болѣе или менѣе крупнымъ измѣненіямъ, особенно въ періодъ когда англійская корона стала проявлять недвусмысленныя стремленія къ неограниченной власти. При Генрихѣ VIII создано было около 17 новыхъ мѣстечекъ, которымъ посылаемы были королевскіе writs, призывныя грамоты; при Эдуардѣ—14; при Маріи—10; при Елисаветѣ — 24; при Іаковѣ I—всего 4. Позже, при Карлѣ II число представителей было увеличено двумя *), и съ этого времени вплоть до реформы 1832 г. число членовъ палаты общинъ оставалось неизмѣннымъ, не смотря на всѣ тѣ измѣненія, которымъ подверглась жизнь Англіи, не смотря на всѣ перемѣны, происшедшія и въ населеніи страны, и въ распредѣленіи вліянія и богатства отдѣльныхъ ея частей. Послѣ реставраціи палата общинъ захватила въ свои руки исключительное право разсылки writs и категорически отказывалась признавать за королевскими writs какое-либо реальное, юридическое значеніе. Въ результатѣ получилось то, что палата какъ бы окаменѣла, и естественно, что въ теченіе сравнительно короткаго времени, уже въ XVIII в., она перестала выражать собою дѣйствительное настроеніе страны, ея общественнаго мнѣнія, и превратилась въ настоящее олигархическое представительство, представительство интересовъ части, а вовсе не всего населенія или даже большинства его.

Предъ самой реформой 1832 г. палата общинъ, — благодаря увеличенію, чисто случайному, ея состава присоединеніемъ къ ней представителей Шотландіи, а съ 1801 г. и Ирландіи, — состояла изъ 658 чел. Англію представляли 489 депутатовъ, Шотландію — 45, Уэльсъ—24 и Ирландію—100 **). Но представительство собственно въ Англіи поражало своей крайней неравномѣрностью. Десять южныхъ графствъ (Корнуэлль, Девонширъ, Соммерсетширъ, Дорсетширъ, Уильтширъ, Чэмпширъ, Сѐссексъ, Кентъ, Беркширъ и Сѐрей) насчитывали около 2900000 душъ населенія и посылали

*) Карлъ II далъ право представительства Durham'у и Newark'у. Hansard. Parl. history, IV, 507—512. Ср. Erskine May, 1, 226—7.

**) Oldfield, Representative history, VI, 285—300, Книга Oldfield'а вышла въ 1816 г. Ср. Annual Register, 1793 г., стр. 83—105 и 1821, стр. 49.

въ парламентъ 237 депутатовъ. Между тѣмъ всѣ остальныя графства, въ количествѣ 30 съ населеніемъ въ 8350000 душъ, — посылали всего 252 депутата. Другими словами ¼ часть населенія имѣла право посылать едва не половину всѣхъ представителей. Сопоставленіе отдѣльныхъ областей обрисовываетъ картину избирательной системы еще съ большей яркостью. Корнуэлль едва заключалъ въ своихъ предѣлахъ населеніе въ 250 тысячъ, а Шотландія насчитывала до 2 милліоновъ душъ, но Корнуэлль имѣлъ 44 депутата, а Шотландія только 45. О пропорціональномъ населенію представительствѣ, очевидно, не могло быть и рѣчи, даже и въ томъ случаѣ, если бы населеніе Англіи было стаціонарно въ теченіе времени съ XVII в. по 1832 г. Очевидно также, что грамотное большинство принимало весьма малое, вѣрнѣе вовсе не принимало активнаго участія въ выборахъ представителей страны, представителей, пріобрѣвшихъ въ XVIII в. громадное значеніе и вліяніе на ходъ дѣлъ въ странѣ и на ея законодательство. Между тѣмъ, на дѣлѣ населеніе не только не было стаціонарнымъ, а увеличивалось, и увеличивалось сравнительно быстрѣе въ Англіи, чѣмъ въ другихъ странахъ. Въ концѣ XVII в., по вычисленіямъ Маколея, въ Англіи и Уэльсѣ насчитывалось около $5^1/_2$ милліоновъ,— въ 1801—уже 8,873000, десять лѣтъ спустя, въ 1811—10,150000, и въ 1876 уже 11 милліоновъ *).

Разслѣдованія, произведенныя въ 1773 и затѣмъ въ 1793 годахъ, обнаружили съ полной очевидностью, что громадное большинство депутатовъ избиралось на дѣлѣ менѣе, чѣмъ 15 тысячами избирателей. 70 депутатовъ избирались въ 34 мѣстностяхъ, относительно которыхъ «было бы большой наивностью терять время надъ исчисленіемъ количества избирателей, ибо выборы въ нихъ были чистѣйшей формальностью» **). 90 другихъ депутатовъ посылались 46 мѣстностями, изъ которыхъ почти ни въ одномъ не насчитывалось и 50 избирателей. 37 депутатовъ избирались 19 мѣстностями, менѣе чѣмъ съ 100 избирателями каждая; 52 — 46 мѣстностями менѣе чѣмъ съ 200 избирателей каждая. Въ 1793 году большинство въ палатѣ общинъ состояло изъ 294 членовъ, и большая часть ихъ избиралась менѣе чѣмъ 250 избирателями, а остальная—меньшимъ количествомъ избирателей, чѣмъ 100. Въ Шотландіи происходило то же самое: 20 представителей посылались въ парламентъ шотландскими графствами, изъ которыхъ каждое не заключало въ своей средѣ и сотни избирателей.

Около 15 тысячъ избирателей на $8^1/_2$ милліоновъ населенія! Та-

*) См. Porter. Progress of the nation, 1851, гл. 1-ая, стр. 5 и сл. Ср. тамъ же прим. къ стр. 13, гдѣ даны цифры населенія Англіи и Уэльса съ 1570 по 1750 г.

**) «It would be to trifle with patience to mention any numbers of voters whatever, the election being notoriously a mere matter of form». Петиція 1793 г. въ Annual Register 1793 г.

кова была выборная англійская система. Но участіе и этихъ 15 тысячъ, задававшихъ тонъ своими представителями въ палатѣ, было въ большинствѣ случаевъ, строго говоря, чисто номинальнымъ. Изъ всей суммы представителей Англіи и Уэльса — 172 представителя назначались прямо либо королевскою властью, т. е. министерствомъ, либо частными лицами; 137 избирались подъ вліяніемъ того же министерства или лордовъ. Другими словами 309 представителей, т. е. большинство, либо назначались, либо указывались къ избранію, то властью, то 162 вліятельными лордами. Въ Шотландіи изъ 45 представителей 35 обязаны были своимъ присутствіемъ въ палатѣ факту простого назначенія, и присоединеніе 100 новыхъ членовъ отъ Ирландіи не измѣнило ни на волосъ взаимнаго отношенія парламентскихъ силъ, такъ какъ 51 представитель посылался въ палату 36 перами, а 20—девятнадцатью коммонерами *). Унія съ Ирландіей довела число членовъ палаты общинъ до 658, но изъ нихъ 424 или назначались, или указывались къ избранію 252 патронами. «Страна, писалъ въ своихъ мемуарахъ Сидней Смитъ въ 1826 г., принадлежитъ герцогу Рутлэнду, лорду Лонсдэлю, герцогу Ньюкестлю и еще 20 другимъ собственникамъ мѣстечекъ. Всѣ они—наши владыки и господа» **).

Правда, каждая новая сессія парламента открывалась торжественнымъ заявленіемъ, состоявшимъ въ томъ, что палата объявляла «величайшимъ нарушеніемъ своихъ правъ, привиллегій и вольностей, если какой либо лордъ парламента или графства вмѣшается въ избраніе членовъ палаты общинъ». Но то была не болѣе какъ торжественная формула, утратившая значеніе и повторявшаяся изъ сессіи въ сессію подобно любой бюрократической формальности. Да и какой смыслъ, какую силу могло имѣть это заявленіе, когда только теорія гласила о равновѣсіи властей, а практика обращала по необходимости и въ силу традиціи палату общинъ въ зависимое орудіе богатыхъ землевладѣльцевъ и министерства. На дѣлѣ, вопреки торжественному заявленію, 245 членовъ палаты избирались 128 перами. И это еще крайне умѣренный счетъ. Авторъ исторіи избирательной системы, Oldfield, съ цифрами и фактами въ рукахъ показалъ, что 371 англичанъ, 45 шотландцевъ и 71 ирландецъ были «избираемы» путемъ простого назначенія. Слово «избраніе» было не болѣе, какъ обмолвкой, оно употреблялось просто изъ приличія. «Избиралъ» лордъ Лонсдэль девять членовъ палаты, за что и получилъ званіе «пѣтуха въ девяти-куриномъ стадѣ» ***) «Избирали» тѣмъ же путемъ: 4 герцога и лорда, по 6 членовъ каждый; 2 герцога—по 5 членовъ; 3 герцога и 2 лорда—по 4 члена; герцогъ и 3 лорда—по 3 члена и т. д. Такъ было въ 1793 г. ****).

*) Oldfield, VI, 298 и слѣд.; E. May, I, 248.
**) Mem. II, 214, цит. у E. May, I, 248, прим. 1
***) Oldfield, VI, 286.
****) См. Annual Register, 1793, 94, гдѣ даны нѣсколько иныя цифры.

Но и въ послѣдующіе годы порядки въ существѣ оставались неизмѣнными: лишь то увеличивалось, то уменьшалось количество мѣстъ, которымъ располагалъ то тотъ, то иной изъ герцоговъ и лордовъ, мѣстечки переходили изъ рукъ въ руки путемъ продажи и т. п. Какой либо лордъ, вродѣ, напр., лорда Дэрлингтона, былъ собственникомъ лишь одного мѣстечка въ 1793 г., а чрезъ нѣсколько лѣтъ превратился посредствомъ покупокъ во владѣльца уже (по словамъ Oldfield'а) цѣлыхъ шести мѣстечекъ, т. е. въ «избирателя» шести членовъ палаты общинъ. То же случилось и съ лордомъ Гертфордомъ, Уэстминстеромъ, Фицъ-Уильямсомъ и т. д., которые увеличили собою ряды владѣльцевъ шести и пяти мѣстечекъ, и съ герцогомъ Норфолькъ, который доросъ до цѣлыхъ одиннадцати мѣстечекъ. Подобно ложамъ въ театрѣ Della Scala въ Миланѣ часть мѣстъ въ палатѣ общинъ превратилась въ наслѣдственную собственность, и тѣмъ самымъ интересы крупнаго землевладѣнія нашли себѣ не менѣе крупную опору въ рядахъ членовъ нижней палаты.

То были такъ называемыя «гнилыя мѣстечки» (rotten boroughs), игравшія видную роль въ старой англійской избирательной системѣ. Да и что это были за мѣстечки, изъ за сохраненія которыхъ преломляли копья краснорѣчія Эльдонъ и ему подобные дѣятели! У лорда Беверли—мѣстечко Бирэльстонъ съ однимъ рядомъ домовъ, обложеннымъ въ 10 ф. стерл. ежегодно; у лорда Монсонъ—мѣстечко Гаттонъ, представлявшее собою de facto джентльменскій паркъ, у лорда Caledon'а — знаменитый Old Sarum, попросту не болѣе, какъ зеленая лужайка; у лорда Гэнтингфильда—еще болѣе знаменитое мѣстечко Дэнуичъ, правда существовавшее, но много столѣтій назадъ исчезнувшее въ волнахъ сѣвернаго моря: настоящій fief en l'air, сохранявшій за владѣльцемъ всѣ права реальной собственности. И реализмъ этой собственности иногда на несуществующее былъ реализмомъ настоящимъ и неподдѣльнымъ: пэры, добивавшіеся высшихъ титуловъ маркиза и проч., коммонеры, жаждавшіе помѣститься въ ряды пэровъ, были всѣ въ одинаковой степени убѣждены, и совершенно не напрасно, что владѣніе мѣстечкомъ, хотя бы и исчезнувшимъ въ волнахъ моря,—прямой и вѣрный путь къ успѣху.

Но мѣстечками не исчерпывалась еще вся система выборовъ. За ними и рядомъ съ ними выступали города и графства.

Городовъ, пользовавшихся избирательными правами, было сравнительно немного. Всѣ перемѣны, происшедшія въ составѣ и распредѣленіи населенія въ городахъ, возникновеніе новыхъ крупныхъ городскихъ центровъ оставались внѣ всякаго вліянія на выборы, на избирательную систему, и значительная часть городовъ, особенно тѣ, населеніе и значеніе которыхъ возросло въ XVIII в., вовсе не имѣли представителей въ палатѣ. Въ тѣхъ же городахъ, которые пользовались избирательными правами, система выборовъ была крайне неопредѣленна, неясна, выборы отличались крайнимъ раз-

нообразіемъ. Въ большинствѣ, вдобавокъ, количество избирателей было такъ ничтожно, что всегда или почти всегда выборы происходили согласно волѣ и желанію мѣстныхъ магнатовъ или правительственныхъ агентовъ. Порядокъ избранія опредѣлялся обычнымъ правомъ, въ силу котораго право участія въ выборахъ принадлежало въ каждомъ городѣ всѣмъ осѣдлымъ его домовладѣльцамъ. Но на практикѣ это сравнительно широкое право сохранилось лишь въ весьма немногихъ поселеніяхъ. Въ большинствѣ городовъ выработались на этотъ счетъ свои особые и крайне разнообразные обычаи. Въ весьма небольшомъ количествѣ городскихъ поселеній избирателями считались, во-первыхъ, всѣ жители, платившіе городскіе налоги (scot and lot), во-вторыхъ, всѣ такъ называемые «potwallers» или «potwallopers», т. е. лица, жившія собственными средствами, домохозяева и лица, нанимавшія квартиры. Но въ остальныхъ избирательныя права были съужены до minimum'a. Какъ въ Англіи и Уэльсѣ, такъ въ особенности въ Шотландіи право выборныхъ представителей принадлежало исключительно одному городскому управленію, составъ котораго обыкновенно пополнялся не путемъ избранія жителями города, а путемъ самоизбранія, посредствомъ выборовъ, производимыхъ самимъ же управленіемъ, корпораціей. Въ Бокингемѣ и Бьюдлеѣ (Bewdley) избирателями были лишь бейльифъ и 12 горожанъ (burgesses), въ Батѣ — меръ, 10 ольдерменовъ и 24 городскихъ совѣтника (common councilmen); въ Salesbury—меръ и 56 городскихъ совѣтниковъ и т. п. Гдѣ въ основу избирательнаго права были положены болѣе широкія основанія, такъ лишь весьма немногіе избиратели пользовались своимъ правомъ. Мѣстечко Gatton пользовалось самими широкими избирательными правами, но число его избирателей едва доходило до 7, а въ Тавистонѣ—до 10. Въ петиціи, поданной въ парламентъ въ 1793, положеніе избирательныхъ городскихъ коллегій было обрисовано яркими и вполнѣ вѣрными красками *). «Достопочтенная палата, гласила петиція, хорошо знакома со скучными, запутанными и тяжелыми сценами споровъ, возникавшихъ и дебатировавшихся предъ вами относительно законности или незаконности многочисленныхъ и сложныхъ правъ на избирательный голосъ. Сколько мѣсяцевъ драгоцѣннаго времени было потрачено вами на выслушиваніе мнѣній сутягъ-юристовъ по вопросамъ о различнаго рода держаніяхъ: burgagehold, leasehold, freehold. Сколько комитетовъ занято было изслѣдованіемъ природы scot and lot, potwallers, общинъ, осѣдлыхъ жителей и жителей вообще! Сколько времени и труда истрачено на признаніе законности правъ жителей мѣстечекъ (borough men), ольдерменовъ, портменовъ, бюргеровъ (burgesses), членовъ совѣта, и какая путаница создавалась вслѣдствіе существованія крайне сложныхъ

*) Annual Register, 1793, стр. 85.

хартій, присылаемыхъ и фрименами, и осѣдлыми, и неосѣдлыми, вслѣдствіе того, что способы пріобрѣтенія права, (такъ наз. franchisc) были крайне разнообразны, получались то въ силу рожденія, то путемъ брака, выбора, покупки и т. п.». Безспорно, система была и сложной, и запутанной, и лишенной какихъ либо принципіальныхъ основаній, но палата съ XVIII в., разсматривая жалобы избирателей, ограничивалась лишь производствомъ столь же безпринципныхъ экспериментовъ надъ избирательнымъ правомъ. Въ стремленіи устранить путаницу и сложность она упрощала выборы посредствомъ героическаго, но болѣе чѣмъ сомнительнаго способа: путемъ простого сокращенія числа избирателей, и безъ того фактически не особенно значительнаго. А этимъ—открывались еще болѣе широкія двери, чѣмъ то было раньше, и постороннимъ вліяніямъ, и подкупамъ всякаго рода.

Нѣсколько шире поставлено было дѣло выборовъ въ графствахъ. Каждый свободный собственникъ съ 40 шиллинг. дохода, согласно установившейся съ XV в. практикѣ, былъ избирателемъ. Система выборовъ подходила здѣсь, повидимому, болѣе всего къ тому, что понимали уже въ XVIII в. и въ началѣ XIX подъ именемъ избранія. Отсюда чаще всего и раздавались голоса съ требованіемъ реформы. Но на дѣлѣ и здѣсь вліяніе крупныхъ землевладѣльцевъ было нерѣдко всесильнымъ, и въ громадномъ числѣ случаевъ графства посылали лицъ, указанныхъ могущественными земельными собственниками. Графства Іоркширъ и Миддльсексъ, какъ наиболѣе крупныя, по словамъ Фокса, совмѣстно представляли чуть не всю Англію *). По словамъ Вильберфорса, въ концѣ XVIII в. выборы отъ Іоркшира происходили въ столовой лорда Роккингэма, а борьба партій, происходившая при выборахъ въ графствѣ, была не борьбой между избирателями, а борьбой между двумя крупными землевладѣльцами. Во многихъ графствахъ не возникало даже и такой борьбы: все дѣлалось по указаніямъ какого либо крупнаго лорда. Въ трехъ графствахъ не возникало споровъ изъ за выборовъ въ теченіе 100 лѣтъ, въ 8—въ теченіе 20 лѣтъ. Въ числѣ послѣднихъ находился и Ланкаширъ.

Въ Шотландскихъ графствахъ выборная система отличалась гораздо болѣе любопытными чертами **) Въ Англіи избирателями были всѣ съ 40 шилл. дохода, *если они* собственники и не опорочены въ смыслѣ религіозныхъ мнѣній. Въ Шотландіи—ничего даже подобнаго. Право выбора здѣсь дано было собственникамъ-феодаламъ. Владѣвшій леномъ съ 400 фунтами ежегоднаго дохода пользовался правомъ голоса; крупные владѣльцы нерѣдко разбивали свои владѣнія на столько частей, чтобы въ каждой было по 400 ф. ежегоднаго дохода, и затѣмъ отъ каждой части «избирали»

*) Wilberforce, II, 133.
**) E. May, I, 244—5.

представителей. Для права избирательнаго голоса не нужно было ни жить въ данномъ графствѣ, ни даже имѣть въ немъ землю: достаточно было акта пожалованія, grant, на такъ называемую superiority, т. е. ленъ; кромѣ владѣльцевъ этихъ superiorities никто не имѣлъ права голоса. Оттого даже въ 1831 году число всѣхъ избирателей отъ Шотландскихъ графствъ не превышало $2^{1}/_{2}$ тысячъ. Въ графствѣ Арджиль насчитывалось 100 тысячъ душъ населенія, а избирателей было 115, изъ которыхъ 84 не имѣли собственности въ графствѣ. Въ Кэтнессъ было 30 тысячъ жителей и 47 избирателей, изъ которыхъ 36 жили внѣ графства; въ Файфъ было 240 избирателей, а въ Крамарти—всего 9. И если мы прочтемъ отчеты о выборахъ, то вотъ какія картины обрисуются предъ нами. Въ 1831 году въ Рокебурѣ (съ 40 тысячнымъ населеніемъ) избирается членъ палаты громаднымъ большинствомъ голосовъ: 40 противъ 19. И для Шотландіи это, несомвѣнно, удивительные выборы. Въ томъ же 1831 году въ палатѣ изложена была другая гораздо болѣе характерная исторія одного шотландскаго выбора. На избирательный митингъ, созванный въ графствѣ Бютъ, насчитывавшемъ 14 тысячъ жителей и 21 выборщика, явились шерифъ и вслѣдъ за нимъ... избиратели. 20 избирателей не было въ графствѣ, они не жили въ немъ, и митингъ былъ полный. Въ залу собранія вошелъ избиратель въ единственномъ числѣ, объявивъ себя избраннымъ предсѣдателемъ митинга, торжественно открылъ засѣданіе, прочелъ списокъ избирателей, обратился къ избирателямъ съ запросомъ: присутствуютъ они или нѣтъ, отвѣтилъ при привозглашеніи своего имени: «да, присутствуетъ», затѣмъ спросилъ, кого избирательный митингъ желаетъ имѣть своимъ кандидатомъ, предложилъ себя въ кандидаты, поддержалъ въ рѣчи свою кандидатуру и... оказался избраннымъ *единогласно* *). Любопытно, что выбранными въ Шотландіи оказывались почти исключительно лишь друзья и приверженцы существующаго министерства, и, какъ разсказываютъ, большинство ставило себѣ за правило «отсутствовать при дебатахъ, за то всегда являться для участія въ голосованіи». Говорятъ, что одному изъ шотландскихъ депутатовъ пришлось въ теченіе долгой его политической карьеры лишь однажды подать голосъ по совѣсти, но онъ увѣрялъ, что и этотъ единственный разъ онъ вотировалъ неправильно **). Послѣ этого вполнѣ вѣрной является характеристика выборовъ, сдѣланная лордомъ Кокбэрномъ. «Выборъ даже хотя бы одного оппозиціоннаго депутата былъ совершенно немыслимъ въ Шотландіи... какія бы особенности ни могла имѣть эта избирательная система, если разсматривать ее съ точки зрѣнія народнаго представительства, она превратилась въ дѣйствительности въ настоящій фарсъ, какъ бы изобрѣтенный съ спеціаль-

*) Hansard. VII, 529; E. May. I, 245—6.
**) E. May, I, 245 прим.

ной цѣлью униженія народа. Народъ былъ не при чемъ, и ему нечего было дѣлать при подобной системѣ. Общинные совѣтники, въ числѣ не болѣе 33, руководили всѣмъ... Выборы и въ городахъ, и въ графствахъ оказывались дѣломъ абсолютно безразличнымъ для народа, узнававшаго о выборахъ благодаря лишь звону колоколовъ, или газетнымъ сообщеніямъ. Комедія разыгрывалась обыкновенно въ такомъ мѣстѣ, которое,—буде это оказалось бы нужнымъ или цѣлесообразнымъ,—могло бы быть закрыто для публики, и ни въ какомъ случаѣ не подъ открытымъ небомъ» *).

При существованіи и въ Шотландіи, какъ и въ Англіи, подобнаго рода избирательной системы, при сведеніи избирателей къ такому, какъ мы видѣли, ничтожному, часто просто смѣшному количеству, естественнымъ результатомъ могла явиться и являлась, съ одной стороны, широкая возможность подкупа, съ другой широкая же возможность для представителей землевладѣнія и богатства вліять на ходъ дѣлъ и законодательства.

Пока Англія была почти исключительно земледѣльческой страной, избирательные порядки, царившіе въ ней, не бросались рѣзко въ глаза и не создавали особенно рѣзкихъ вредныхъ послѣдствій. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ лордъ-собственникъ мѣстечка могъ найти покупателя. То, что онъ могъ сдѣлать, это — назначить или «избрать» выгодное и пріятное ему лицо изъ своихъ приверженцевъ, мѣстнаго джентри, или за дешевую плату продать право представительства политическому дѣятелю, не имѣвшему возможности инымъ путемъ попасть въ палату. Но съ XVII и въ особенности въ XVIII вѣкѣ общественный и экономическій строй страны подвергся сильнымъ измѣненіямъ. Развитіе торговли, дѣятельное и все болѣе и болѣе расширявшееся и усиливавшееся участіе англичанъ въ торговой дѣятельности, пріобрѣтеніе колоній, образованіе компаній, развитіе банковъ и т. п., не только увеличили размѣры движимаго богатства въ странѣ, но и создали значительное число лицъ, обладавшихъ крупными капиталами, но не пользовавшихся тѣми правами и тѣмъ вліяніемъ, которыя находились въ рукахъ землевладѣльческаго класса. Завоеваніе Индіи дало новый и сильный толчокъ развитію класса богачей, «набобовъ», стремившихся во что бы то ни стало занять подобающее общественное положеніе. Мѣста въ парламентѣ являлись прямымъ путемъ къ достиженію этой цѣли, а стремленіе купить мѣстечко, открывающее двери палаты, подкупать избирателей тамъ, гдѣ только такимъ путемъ можно было добиться избранія, сдѣлалось уже въ XVII в. все чаще и чаще повторяющимся явленіемъ. При Карлѣ II уже ясно замѣтны слѣды этого стремленія, и нѣсколько позже, въ 1695 г., на выборахъ въ Уэстминстерѣ одинъ изъ кандидатовъ въ представители истратилъ

*) Ib., стр. 245.

въ нѣсколько часовъ около 2 тысячъ фунтовъ стерлинговъ *). Правда, статутъ 7 года царствованія Вильгельма III пытался было положить конецъ злоупотребленіямъ при выборахъ. Но то была скорѣе мѣра, направленная противъ вторженія въ палату богатыхъ выскочекъ, чѣмъ противъ злоупотребленій вообще. Давенантъ, вскорѣ послѣ изданія статута, писалъ: «совершенно чужія лица шляются по всей Англіи и пытаются путемъ раздачи крупныхъ денежныхъ суммъ добиться выбора; разсказываютъ, что существуютъ маклера, пытающіеся играть выборами на биржѣ, разсказываютъ и объ опредѣленныхъ суммахъ, за которыя покупаются многія мѣстечки» **). Въ XVIII в. то, что существовало въ видѣ зародыша въ XVII в., развилась въ цѣлую систему; особенно въ царствованіе Георга III цѣна на мѣстечки росла съ страшной быстротой, и какой интересъ могъ быть у лица, затратившаго нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ на пріобрѣтеніе мѣстечка, проникаться идеальными взглядами, разыгрывать роль благодѣтеля націи, вотировать за реформу или за отмѣну злоупотребленій и противъ своихъ же кровныхъ, добытыхъ въ Индіи или торговлей, банковыми операціями и т. п. фунтовъ! Увеличивавшееся стремленіе къ покупкамъ лишь закрѣпляло и упрочивало систему выборовъ. А покупка мѣстечекъ въ любомъ количествѣ сдѣлалась весьма обыденнымъ явленіемъ. Не мало было собственниковъ мѣстечекъ, продававшихъ ихъ тому, кто больше предлагалъ за нихъ денегъ. За мѣсто въ парламентѣ въ теченіе одной сессіи платили по 5 тысячъ фунтовъ ***). Въ большей части случаевъ, однако, собственники продавали права единомышленникамъ. Лордъ Маунтъ Еджкёмбъ взималъ по 2 тысячи съ двухъ изъ своихъ кандидатовъ. Часть суммы онъ тутъ же раздавалъ избирателямъ, другую вручалъ для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, а третью, львиную долю, клалъ себѣ въ карманъ ****). Владѣлецъ Люджерсголля получалъ въ свою пользу за мѣстечко 9 тысячъ фунтовъ, сумму, выросшую постепенно изъ 4—5 тысячъ и поднятую конкурренціей остъ-и вестъ-индійскихъ набобовъ *****). До какихъ громадныхъ размѣровъ доходила продажа мѣстечекъ показываетъ намъ разсказъ Ромильи, относящійся къ 1807 году ******): «послѣ распущенія парламента, просуществовавшаго менѣе 4 мѣсяцевъ, можно было думать, что всѣ мѣста, обыкновенно продаваемыя ихъ собственниками, будутъ продаваться дешевле. А между тѣмъ ихъ продаютъ за болѣе высокую цѣну, чѣмъ раньше. Тирней, агентъ павшаго министерства, разсказывалъ мнѣ, что за два мѣста отъ Уэстбэри, этой собственности покойнаго лорда

*) E. May, I, 229.
**) Ibid, 230.
***) Life of Romilly, II, 200.
****) Walpole, History of England, I, 241.
*****) E. May, I, 233.
******) Life of Romilly, II, 200.

Абингдона, онъ предлагалъ 10 тысячъ фунтовъ, но что опекуны, въ видахъ увеличенія доходовъ, отклонили его предложеніе». И онъ продолжаетъ: «покупка мѣстъ—просто возмутительна, а между тѣмъ это чуть не единственный способъ проникнуть въ палату и для независимыхъ людей. О выборѣ народомъ при современномъ положеніи избирательной системы немыслимо и думать. Получить мѣсто изъ рукъ какого-нибудь лорда значитъ вотировать, какъ онъ прикажетъ и, слѣдовательно, попасть въ совершенно зависимое положеніе. Остается пожертвовать частью имущества для полученія мѣста. И не мало существуетъ такихъ лицъ, которыя изъ-за денежныхъ разсчетовъ, изъ желанія хорошаго и выгоднаго помѣщенія капитала, покупаютъ мѣста, обращаютъ въ торговое дѣло политику: покупая мѣста, они продаютъ свои голоса». И самъ Ромильи, одинъ изъ честнѣйшихъ дѣятелей того времени, открыто заявившій въ 1805 г., что онъ «твердо и непоколебимо рѣшился не искать мѣста въ парламентѣ иначе, какъ посредствомъ народнаго выбора или путемъ уплаты разумной цѣны за мѣсто», нѣсколько позже заплатилъ герцогу Норфолльку 2 тысячи фунтовъ за одно изъ одиннадцати мѣстечекъ, принадлежавшихъ на правахъ собственности этому послѣднему *).

Но покупка мѣстечка или мѣстечекъ (лордъ Клайвъ, знаменитый завоеватель Индіи, успѣлъ напр. купить штукъ пять такихъ мѣстечекъ) была еще относительно небольшимъ зломъ. Не всѣ мѣстечки, не всѣ города можно было купить цѣликомъ. Не всѣ мѣстечки состояли въ числѣ nomination boroughs. Были и такія, въ которыхъ приходилось имѣть дѣло прямо съ избирателями. И вотъ здѣсь то всѣ наиболѣе темныя стороны избирательной системы выступали воочію наружу. Избирательная агитація являлась въ сущности агитаціей подкупа въ самомъ непригляднѣйшемъ его видѣ. Чтобы быть избраннымъ, можно было либо самому, либо чрезъ посредство преданныхъ или «профессіональныхъ» лицъ поставить достаточное количества виски, элю и т. п., бросить на эту операцію нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ, затѣмъ вострубить о великихъ достоинствахъ рекомендуемаго и опаивающаго выборщиковъ кандидата,—и избраніе въ большинствѣ случаевъ оказывалось вполнѣ обезпеченнымъ. Еще наканунѣ реформы, не далѣе, какъ въ 1831 г. лордъ Россель указывалъ въ палатѣ, что опаиваніе избирателей есть сторона англійской жизни, рѣзче всего бросающаяся въ глаза чужестранцевъ **). Не было такихъ выборовъ, — все равно происходятъ ли они въ Уэстминстерѣ или въ Ливерпулѣ,—которые обходились бы безъ повальнаго пьянства, подкуповъ, дракъ, заканчивавшихся смертью двухъ-трехъ человѣкъ. Это было до того обыденнымъ явленіемъ, что на него рѣдко кто въ Англіи

*) Ibid, II, 118.
**) Annual Register, 1831, f.

обращалъ вниманіе. О выборахъ въ Ливерпулѣ отзывались, что подкупъ на нихъ производится въ грандіозныхъ размѣрахъ, что деньги чуть не открыто раздаются избирателямъ. «Въ силу давно установившагося обычая, писалъ Уильберфорсъ *) одинъ голосъ въ Гуллѣ оплачивался двумя гинеями, а нѣсколько голосовъ—четырьмя; на проѣздъ изъ Лондона избирателю выдавали по 10 ф. ст. Буква закона при этомъ не нарушалась, ибо плата производилась въ послѣдній день выборовъ». Вотъ почему лордъ Cochrane безъ малѣйшаго смущенія разсказывалъ въ палатѣ, что послѣ выборовъ онъ посылалъ въ Honiton глашатая, который громко кричалъ на улицахъ, приглашая господъ избирателей отправляться къ банкиру лорда для полученія каждымъ 10 ф. 10 шилл. **). Въ Медстонѣ установилась простая такса: столько-то за одинъ голосъ, столько-то за многіе голоса, а городъ Сэдбери въ 1766 году объявилъ открыто, что онъ къ услугамъ каждаго, желающаго заплатить такую-то сумму или большую ***). Корпорація Оксфорда, обремененная долгами и попавшая въ 1768 году въ затруднительное положеніе, нисколько не стѣсняясь, предложила свимъ бывшимъ представителямъ выбрать ихъ вновь, если они обяжутся уплатить долгъ города въ 5670 ф. ст. Дѣло получило громкую огласку, бывшіе депутаты подали жалобу въ палату, мера и 10 ольдерменовъ препроводили торжественно въ Ньюгетскую тюрьму. Но избирателей, т. е. узниковъ, нимало не смутили казенныя камеры: съ неменьшею ревностью, чѣмъ и на свободѣ, продолжали они переговоры о продажѣ и продали мѣста въ палатѣ герцогу Мальборо и графу Абингдону. Затѣмъ ловкость и проворство представителей города Оксфорда возбудили не мало шутокъ и смѣха, и наконецъ, были преданы забвенію ****). Во время выборовъ въ Роолее явилось три кандидата: одинъ обѣщалъ тысячу ф. другой—$1^1/_2$ т., третій—750 *****).

Зло усиливалось еще и потому, что и счетъ голосовъ, и подача ихъ, равно какъ составленіе избирательныхъ списковъ и вся процедура выборовъ не были опредѣлены какимъ либо статутомъ; они могли тянуться, вслѣдствіе того, то нѣсколько дней, то 2 — 3 недѣли, то цѣлый мѣсяцъ и болѣе, то даже полгода. Во время выборовъ 1784 г., напр., выборы въ Уэстминстерѣ тянулись почти полгода: шесть недѣль ушло на провѣрку избирательныхъ правъ,— шесть мѣсяцевъ на процедуру выборовъ ******). А это означало собою постоянное опаиваніе, постоянныя уплаты, совершенно какъ на торгахъ. Вотъ почему, между прочимъ, такъ сильно возростали и расходы по избранію. Въ 1807 г., несмотря на изданіе закона,

*) Wilberforce I, 16.
**) Hansard XXXV, 92.
***) Walpole, Memoirs I, 42.
****) E. May I. 232—3.
*****) Ib. 233.
******) Annual Register. 1794—5, 174 и сл. См. E. May, I, 24.

ограничившаго срокъ провѣрки полномочій 15 днями, а подачи голосовъ—30 днями, лордъ Мильтонъ и Лассели, боровшіеся вмѣстѣ съ Уильберраромъ за выборы, истратили до 200 тыс. ф. стерл. *). Борьба за Нортгемптонъ обошлась каждому изъ кандидатовъ въ 30 тыс. ф. стерл., а лордъ Спенсеръ за тоже представительство заплатилъ круглую сумму въ 70 тыс. ф. стерл. **).

Выборы превратились въ настоящую биржевую игру. Создался цѣлый классъ «професіональныхъ» маклеровъ, агентовъ и т. д. Въ New-Shoreham'ѣ образовался изъ избирателей настоящій биржевой клубъ. Возникъ онъ подъ фирмой «благотворительныхъ» цѣлей, отитуловали его «христіанскимъ клубомъ», но на дѣлѣ задуманъ былъ въ видахъ избирательно-финансовыхъ сдѣлокъ, въ видахъ собиранія денегъ и кандидатовъ и раздѣла прибылей между членами. Всѣ члены клуба давали при вступленіи въ клубъ торжественную клятву не обманывать другъ друга, не утаивать полученныхъ денегъ и «братски», «по христіански» раздѣлять полученныя суммы между всѣми гласными (въ количествѣ 81) по окончаніи выборовъ. То же или почти то же происходило и въ Гендонѣ, и Шефтерсбери, и въ Крикладѣ и т. д. Въ 1782 г. 83 избирателя изъ 240 были обвинены въ полученіи денегъ, но нашли горячихъ и ревностныхъ защитниковъ въ лицѣ лорда Мансфильда и лорда-канцлера Тёрлова ***).

Да и какъ могло быть иначе, какъ не найтись было въ палатѣ защитникамъ избирательныхъ маневровъ, когда всѣмъ не только было хорошо извѣстно существо подкупа, но почти всѣ, въ той или иной степени, участвовали въ дѣлѣ покупки избирателей, когда даже король Георгъ III писалъ Норту: «если герцогъ Нортумберландскій будетъ нуждаться въ нѣсколькихъ фунтахъ стерлинговъ для выборовъ, необходимо выдать ихъ ему, ибо было бы несправедливо отказать въ нихъ».

Безобразія выборной системы могли бы быть нѣсколько ослаблены или смягчены контролемъ самой палаты надъ выборами. Въ теоріи отъ палаты зависѣлъ пересмотръ полномочій, но на дѣлѣ пересмотръ имѣлъ и могъ имѣть мѣсто только въ случаѣ подачи жалобы на неправильности выборовъ или даннаго выбора. Да вдобавокъ, жалобы эти разсматривались не самой палатой, а особой коммиссіей изъ членовъ тайнаго совѣта и выдающихся юристовъ. Но установленіе комиссіи не только не уменьшало зла, а усиливало его: создавалась въ лицѣ комиссіи лишь новая арена интригъ и подкуповъ. Вліяніе и значеніе комиссіи, благодаря этому, сводилось къ нулю, и подкупы избирателей развивались все болѣе и болѣе. Выборы 1761 года обнаружили это съ полнымъ блескомъ.

*) Wilberforce, III, 330 и сл.
**) E. May, I, 233.
***) May, I, 233—4.

Ни разу до того злоупотребленія не достигали такихъ громадныхъ размѣровъ. «Дворъ и частныя лица, писалъ Вальполь *) зашли такъ далеко, какъ ни разу еще не заходили они въ прежнее время. Подкупность избирателей сравнялась съ подкупностью кандидатовъ, даже превзошла ее». Семь лѣтъ спустя, на выборахъ 1768 года подкупы и злоупотребленія получили такой характеръ, что «оскорбили нравственное чувство даже той эпохи» (E. May). Но, какъ ни были они велики,—добиться какихъ либо мѣръ, направленныхъ къ ихъ ослабленію, оказалось невозможнымъ въ парламентѣ, значительная часть членовъ котораго обязаны были своими мѣстами либо вліянію и покупкѣ, либо подкупу. Посаженные въ Ньюгетъ члены городского оксфордскаго совѣта были выпущены, даже послѣ того, какъ они умудрились продать свои голоса, а билль, предложенный въ 1768 Бекфордомъ, который требовалъ, подъ угрозою тяжкаго уголовнаго закона о клятвопреступленіи, принесенія каждымъ членомъ палаты торжественной клятвы, что онъ ни въ малѣйшей степени не причастенъ къ подкупамъ, совершенно чистъ отъ нихъ — былъ отвернутъ **). Правда, въ 1770 г. Гренвилю удалось провести билль, измѣнявшій процедуру пересмотра жалобъ на злоупотребленія при выборахъ. Была создана изъ членовъ палаты особая парламентская комиссія, состоявшая изъ 49 членовъ, избранныхъ палатой. Каждой изъ партій парламента предоставлялось право, въ случаѣ подачи жалобы на выборы и возбужденія вопроса о слѣдствіи, отводить 18 членовъ; остающіеся члены вмѣстѣ съ добавочными двумя членами, избираемыми каждой партіей по одному, и составляли окончательный трибуналъ, вѣдѣнію котораго подлежали обжалованные выборы ***). Но и эта комиссія, какъ и существовавшая раньше, оказалась также точно безсильной положить преграды, хотя бы даже и самыя слабыя, злоупотребленію. Одной изъ причинъ, поддерживавшихъ систему подкуповъ, была борьба виговъ и тори. Интересы партіи нерѣдко заставляли ее защищать выборы, хотя бы они были крайне неправильны, если только они были полезны партіи, и кассировать такіе, которые были невыгодны ей и усиливали враждебную партію. Въ новомъ комитетѣ одна изъ партій необходимо должна была имѣть перевѣсъ, по одной жалобѣ перевѣсъ могъ быть на сторонѣ одной заинтересованной партіи, по другой — другой партіи, равнымъ образомъ заинтересованной въ утвержденіи выбора. Но въ обоихъ случаяхъ партійные интересы брали верхъ надъ постановленіями палаты, формально протестовавшей противъ системы подкуповъ, и система и послѣ гренвилевскаго билля оставалась нетронутой. И что это такъ, ясно видно не только изъ ряда фактовъ о

*) Walpole, Mem., I, 42.
**) E. May, I, 235.
***) Walpole, H. of England, I, 146.

подкупѣ, но и изъ ряда биллей, предлагавшихся членами палаты и въ 1782, и въ 1783 г., и въ 1809 г., биллей, направленныхъ противъ подкуповъ. Самымъ удачнымъ оказался билль 1809 г. предложенный Curwen'омъ. Палаты приняли его, хотя онъ заключалъ въ себѣ и рядъ наказаній за злоупотребленія, и угрозу лишенія мѣста для обвиненнаго въ подкупѣ *), а подкупы продолжали процвѣтать, какъ и раньше, до самой реформы 1832 г.

Таковы были выборные порядки, такова была избирательная система въ Англіи. Въ сущности они давали громадныя права, предоставляли громадное вліяніе главнымъ образомъ интересамъ лишь одного землевладѣнія, которое въ Англіи было исключительно почти крупнымъ землевладѣніемъ. Швырять такъ деньгами для избирательныхъ цѣлей, какъ швыряли ихъ лорды вродѣ Спенсера, Мильтона, Ласселей и т. д., могли лишь богачи, а такими являлись главнымъ образомъ крупные землевладѣльцы, подлѣ которыхъ пробовали стать пока только купцы и «набобы», въ качествѣ народившагося недавно слоя, но дѣйствовавшаго при такихъ избирательныхъ условіяхъ, которыя заставляли или вотировать согласно съ короной, т. е. королемъ и министерствомъ, или въ духѣ желаній и интересовъ крупныхъ лордовъ-землевладѣльцевъ. Управленіе страной, изданіе законовъ превращалось, при такихъ обстоятельствахъ, въ управленіе и изданіе законовъ, выгодное для интересовъ преобладающихъ вліяній. Естественно, что интересы землевладѣнія, стоявшіе на первомъ планѣ, ихъ охрана и покровительство имъ должны были лечь въ основаніе большей части законовъ, издаваемыхъ парламентомъ. Политическая власть въ Англіи XVIII и начала XIX в. была властью сословною, точнѣе — групповой, кружковой.

II.

Полная и самая широкая возможность, съ одной стороны, личнаго обогащенія всѣхъ и каждаго изъ членовъ этой группы, этого кружка, сильнаго политически и державшаго въ своихъ рукахъ власть и вліяніе въ странѣ, а съ другой, созданіе спеціальныхъ законовъ, направленныхъ какъ къ охранѣ уже добытаго богатства, такъ и къ увеличенію его,—вотъ въ чемъ могли сказаться и сказались слѣдствія существовавшей въ Англіи XVIII в. политической системы, ея выборныхъ порядковъ.

Кто успѣвалъ въ политической карьерѣ, имѣлъ возможность сидѣть въ палатѣ и особенно играть въ ней роль, могъ легко и безъ затрудненій обезпечивать себя и свое потомство. И это—не путемъ подкуповъ, практиковавшихся въ весьма крупныхъ размѣ-

*) May I, 237 Annual Register, 1809 г.

рахъ въ XVIII в. *), но на дѣлѣ игравшихъ въ процессѣ формаціи богатаго кружка лишь самую ничтожную роль, а путемъ прямого вліянія на назначенія, мѣста, финансовыя операціи и т. п., вліянія, открывавшаго самыя широкія перспективы. Почти вплоть до самой реформы 1832 года, да еще долгое время и послѣ того, практика создавала безконечный рядъ средствъ для усиленнаго обогащенія политическихъ дѣятелей. Лордъ Гренвиль долженъ былъ покинуть министерство въ 1801 г., и въ томъ же году его жена, по его настоянію, получила ежегодную пенсію въ 1500 ф. ст. Самъ же онъ сохранилъ за собой содержаніе въ 4 тыс. ф. ст., какъ членъ казначейства, а братъ его—2 т. ф. стерл., какъ членъ суда **). И такъ было съ каждымъ новымъ министерствомъ, каждымъ новымъ министромъ. Не успѣлъ въ 1801 же году лордъ Портлэндъ замѣстить Гренвиля, какъ на родичей его посыпался рядъ благодѣяній. Лордъ Бентинкъ сталъ получать 1131 ф. стерл. за мѣсто въ казначействѣ и 2511 ф. ст. въ качествѣ исполняющаго обязанности полковника одного гусарскаго полка. Зять Портлэнда сдѣланъ былъ одновременно и акцизнымъ контролеромъ съ 600 ф. стерл. содержанія, и членомъ управленія островомъ Тобаго съ жалованьемъ въ 350 ф. ст., и капитаномъ корабля въ Тринидадѣ съ платой въ 572 ф. стерл. ежегодно, а внукъ его попалъ въ число чиновниковъ государственнаго совѣта на двухътысячное содержаніе и совѣта управленія Ямайкой. Это послѣднее мѣсто доставляло ему до 3 тыс. ф. стерл., а между тѣмъ ни одного раза, за все время службы, онъ не заглянулъ даже въ управляемый имъ островъ, да врядъ ли имѣлъ о немъ сколько нибудь ясное представленіе. Знаменитый министръ внутреннихъ дѣлъ въ министерствѣ Ливерпуля, лордъ Sidmouth, съумѣлъ не только обезпечить себя, но и старшаго своего сына, которому онъ выхлопоталъ мѣсто клерка казначейства clerk of pells (обязаннаго заносить въ реестры поступающіе платежи), съ содержаніемъ въ 3 тыс. ф. стерл. Не забылъ себя и глава консервативнаго кабинета временъ ста дней и вѣнскаго конгресса, лордъ Ливерпуль, занявшій мѣсто лорда губернатора пяти портовъ съ жалованьемъ въ 3 тыс. ф. стерлинговъ. И не одни министры или бывшіе министры дѣйствовали такимъ образомъ, пользуясь своимъ положеніемъ и вліяніемъ. Члены судебнаго сословія не только шли рядомъ съ министрами, но нерѣдко и превосходили ихъ. Сыновья извѣстнаго намъ лорда Eldon'a, этого борца за величіе существовавшихъ въ Англіи порядковъ, хорошо устроились по судебному вѣдомству и получали—одинъ жалованье въ 2 тыс., а другой—въ 1200 ф. ежегодно, а главный судья суда королевской скамьи (King's Bench), не менѣе извѣстный чѣмъ Eldon дѣятель начала XIX в., лордъ Ellenborough, помѣстилъ на

*) См. данныя объ этихъ подкупахъ у E. May, I, 258 и сл.

**) Walpole, H. of England, I, 147 и сл.

видное мѣсто въ томъ же судѣ своего старшаго сына и обезпечилъ за нимъ полученіе 10 тыс. ф. стерл. ежегодно. Еще характернѣе дѣятельность по этой части бывшаго канцлера, лорда Thurlow'a, внукъ котораго и пятьдесятъ лѣтъ послѣ битвы при Ватерлоо получалъ, подобно своимъ предкамъ, по 11 тыс. ф. ст. ежегодно, какъ чиновникъ по дѣламъ о банкротствахъ и какъ клеркъ по судебнымъ сборамъ и пошлинамъ.

И такого рода фактовъ—длинная и непрерывная серія въ жизни Англіи и XVIII, и начала XIX ст. Мало того, что уже существовавшія должности замѣщались въ силу вліяній, протекцій и т. п., — создавался еще цѣлый рядъ новыхъ должностей, ненужныхъ и безполезныхъ. Въ казначействѣ существовала цѣлая масса счетчиковъ съ жалованьемъ по 2 т. ф. стерл. каждый, и финансисты не могли объяснить, для какой надобности они, эти счетчики, созданы. Въ судѣ адмиралтейства изобрѣтена была безполезная должность регистратора, и регистраторомъ былъ назначенъ лордъ Арденъ съ платой въ 10 тыс. ф. стерл. Скромнѣе была должность главнаго клерка въ палатѣ общинъ: ему платили всего 2 т. ф. ст., но наградныя въ шесть разъ превосходили своимъ ежегоднымъ размѣромъ это его жалованье. И повсюду почти на такихъ мѣстахъ сидѣли, или, точнѣе, титуловались сидящими лорды. Герцогъ Грэфтонъ считался чиновникомъ суда королевской скамьи и общихъ дѣлъ (common pleas), долженъ былъ якобы прикладывать печати, за что получалъ, сверхъ прочихъ содержаній, 2,800 ф. стерл. Лордъ Мельвиль за такія же обязанности въ Шотландіи—такую же сумму. И это не только одни лорды, но и ихъ жены, вдовы и т. д. Въ 1830 году въ числѣ состоящихъ на службѣ значились: графиня Мансфильдъ, которая за островъ Барбадосъ получала тысячу ф. стерл.; вдовствующая герцогиня Манчестерская, которой выдавали 2928 ф. ст., въ качествѣ сборщика таможенныхъ пошлинъ. Одна баронесса значилась въ числѣ подметальщиковъ одного изъ лондонскихъ парковъ съ приличнымъ содержаніемъ, другая, просто лэди, считалась главнымъ судебнымъ приставомъ въ судѣ казначейства и т. д. *) Въ числѣ чиновниковъ одного вѣдомства лордъ Кольчестеръ нашелъ: женщину, католика, сумашедшаго и, наконецъ, ребенка **). Все это, очевидно, были синекуры, которыми обезпечивалось либо положденіе членовъ группы, либо вліяніе крупныхъ политическихъ дѣятелей группы на ходъ дѣлъ въ странѣ. Уольполь разсказываетъ объ одномъ изъ министровъ Георга III, какъ тому хотѣлось провести въ егермейстеры Сенъ-Джемскаго парка и Гайдъ-парка своего племянника, лорда Оксфорда. «Если онъ получитъ это мѣсто, писалъ министръ, то у меня не будетъ болѣе сомнѣній въ томъ, что и онъ, и его другъ,

*) Black Book 1830, цитир. у Walpole, H. of. England, I, 149.
**) Colchester, Diary, I, 143, цит. ib.

лордъ Бунъ, окажутъ намъ самую дѣятельную поддержку» *). И то былъ одинъ изъ сильнѣйшихъ мотивовъ къ раздачѣ мѣстъ, какъ орудія охраны интересовъ землевладѣнія въ странѣ, мотивовъ, сохранившихся почти въ полной силѣ и въ началѣ XIX в.

Но занятіе мѣстъ въ судѣ, администраціи, войскѣ и т. д. не было единственнымъ и исключительнымъ средствомъ матеріальнаго обезпеченія правящаго класса. «Перы королевства получали, говоритъ одинъ англійскій историкъ, такую массу милостей, наградъ и проч., которая превосходитъ всякое вѣроятіе» (Walpole). На нихъ сыпались пенсіи, денежныя выдачи крупныхъ размѣровъ, имъ и ихъ приснымъ раздавали мѣста, и ихъ богатство росло съ каждымъ новымъ десятилѣтіемъ. «Большая часть перовъ, писала королева Каролина Георгу IV, въ 1820 г., содержатся сами, содержатъ и свои семьи съ помощью мѣстъ, пенсій и наградъ, выдаваемыхъ королемъ». Около $^4/_5$ перовъ находилось въ такомъ положеніи **). «Болѣе половины теперешней палаты лордовъ, писалъ Уильберфорсъ въ 1811 году ***), было создано съ 1780 года, съ того года, въ который я вступилъ впервые въ парламентъ». И то не были лица, которыя выдвинулись бы впередъ своими талантами, знаніями, государственными способностями и т. п. То были преимущественно члены группы сельскихъ землевладѣльцевъ, сельскаго джентри, извѣстные своимъ вліяніемъ въ округахъ, гдѣ они жили, обладавшіе голосами и располагавшіе выборными мѣстечками и т. п. Въ ихъ голосахъ, ихъ вліяніи искали поддержки, и за эту поддержку, естественно, платили предоставленіемъ вліянія въ существенныхъ для землевладѣльца вопросахъ, вопросахъ экономическаго законодательства.

При такомъ порядкѣ вещей всѣ раздававшіяся мѣста, пенсіи, награды являлись не болѣе, какъ простыми синекурами; ихъ создавали съ цѣлью дать возможность пользоваться казной и для членовъ группы, и для ихъ семей и приверженцевъ, другими словами, содѣйствовать упроченію ихъ положенія и вліянія. Понятно, что суммы, уплачиваемыя въ видѣ жалованья, пенсій и т. п., расходовались не въ силу потребности, а какъ плата, при чемъ являлось совершенно безразличнымъ, исполнялись или нѣтъ обязанности, связанныя съ данными мѣстами, даннымъ положеніемъ; съ другой стороны, — и это вполнѣ естественно, — рѣчь при раздачѣ мѣстъ и проч. шла не о заслугахъ, а объ увеличеніи и расширеніи группы, усиленіи связаннаго съ ней вліянія. Бѣднякъ, какими бы талантами онъ ни обладалъ,—разъ у него не было вліянія, связей,—не имѣлъ никакихъ шансовъ выдвинуться на политическомъ поприщѣ. Почести, награды, мѣста, политическая карьера были открыты не для него, а для уже и безъ того обезпеченнаго, богатаго класса,

*) E. May, I, 256.
**) Walpole, I, 150.
***) Wilberforce, III, 531.

класса, захватившаго въ свои руки преобладающее, можно сказать, исключительное вліяніе на дѣла. Богатство являлось единственнымъ средствомъ вліянія, и только оно одно доставляло опредѣленное положеніе, ставило на извѣстную ступень, извѣстный рангъ. А разъ удавалось достигнуть этого ранга, — открывались широкія двери къ должностямъ, почестямъ и т. п. Какого рода были эти должности,—считалось безразличнымъ. Не считалось унизительнымъ быть или, точнѣе, считаться подметальщикомъ парка, простымъ писцомъ и т. д., разъ съ должностью соединено было приличное вознагражденіе. И должности эти и жалованья, связанныя съ ними, выдавались тѣмъ, кто по положенію, рангу, рожденію считался наиболѣе подходящимъ. Рангъ, рожденіе, богатство были проходными свидѣтельствами и къ болѣе высокимъ должностямъ. А все это пріобрѣталось путемъ политическаго вліянія, связаннаго самымъ тѣснымъ и неразрывнымъ образомъ съ правомъ собственности на мѣстечки или съ вліяніемъ на данный выборный округъ. Образовывался цѣлый engrenage отношеній, взаимной связи между рангомъ и вліяніемъ на выборы, вліяніемъ на выборы и рангомъ, положеніемъ, богатствомъ, и отсюда и получалась въ результатѣ упорная защита существующаго, возводимаго въ институтъ, освященный закономъ и теоріей, провозглашаемаго величайшимъ образцомъ человѣческой мудрости.

Вліяніе было, такимъ образомъ, обезпечено въ сферѣ политическихъ и экономическихъ интересовъ. Но оно не ограничивалось ими одними. Къ служенію той же цѣли была привлечена и церковь, представлявшая добавочное средство для помѣщенія либо младшихъ членовъ семьи, для которыхъ закрыты были двери политическаго вліянія съ помощью землевладѣнія, либо близкихъ и вѣрныхъ лицъ и приверженцевъ. Богатство и вліяніе церкви присоединялось къ богатству и вліянію крупнаго земельнаго класса и упрочивало и усиливало размѣры значенія и силы въ странѣ этого послѣдняго класса. И до 1832 г., какъ и гораздо раньше, супрематія церкви въ Англіи была полная, и также, какъ и въ XV и послѣдующихъ вѣкахъ, глубокая пропасть лежала между высшими и низшими представителями церкви, епископами и сельскими приходскими священниками. Всѣ бенефиціи, главный рессурсъ церкви, попадали въ руки богатыхъ лицъ, въ видѣ такой же синекуры, какъ и должность главнаго судебнаго пристава въ судѣ казначейства или сборщика таможенныхъ пошлинъ. Около десяти съ половиной тысячъ такихъ бенефицій насчитывалось въ Англіи въ началѣ XIX в.,—и, вопреки закону или, точнѣе, цѣлой ихъ серіи, лица, получавшія бенефиціи, не исполняли связанныхъ съ ними обязанностей, не жили въ мѣстахъ служенія. Въ 1809 г. такихъ владѣльцевъ бенефицій было 7358, въ 1810—5840, въ 1811—6311 *).

*) Black Book, 36, цит. у Walpole, I, 171.

Правда, закономъ 1802 года была вновь подтверждена обязательность пребыванія лица, владѣющаго бенефиціей, въ его бенефиціи, но такъ какъ рядомъ предоставлено было епископамъ неограниченное право разрѣшать или не разрѣшать данному лицу пребываніе въ бенефиціи, то въ результатѣ получилась повторяемость стараго явленія, всецѣло обусловленнаго фактомъ раздачи бенефицій близкимъ или нужнымъ лицамъ. Да и какой интересъ имѣли епископы исполнять во всей строгости законы, когда и они сами являлись лишь простыми звеньями въ общей цѣпи однородныхъ интересовъ? Почти всѣ епископскія мѣста въ Англіи замѣщались либо младшими сыновьями вліятельныхъ семей землевладѣльцевъ, либо близкими имъ лицами, ихъ бывшими туторами и т. п. Списки епископовъ, составленные въ 1815 году *), рисуютъ предъ нами блестящую картину. Архіепископъ кэнтерберійскій—внукъ герцога Рётлэнда, архіепископъ іоркскій — сынъ лорда Вернона, епископъ уинчестерскій — братъ лорда Норта, епископъ дерхемскій — сынъ лорда Баррингтона, епископъ эксетерскій — сынъ лорда Елчестера и т. д., и т. д. Имена герцоговъ и лордовъ испещряютъ списки. И мы видимъ, напримѣръ, какъ извѣстному уже лорду Sidmouth'у удается сдѣлать своего зятя епископомъ Норвича, а одного изъ своихъ туторовъ, преданнаго ему человѣка,—епископомъ Герефорда, а другого—епископомъ Карляйля.

Буквально то же, что практикуется въ средѣ свѣтской власти, имѣетъ мѣсто и въ средѣ церкви: связи, рожденіе и богатство—проходныя свидѣтельства для занятія высокихъ, прибыльныхъ и вліятельныхъ мѣстъ. Церковь и ея представители—новая добавочная сила, увеличивающая размѣры вліянія земельныхъ и землевладѣльческихъ интересовъ.

Въ сторону защиты этихъ интересовъ, ихъ охраны, и были направлены всѣ силы группы. По самому существу своему, по характеру своего строя и отношеній, какъ чисто земельная группа, она и не могла являться защитницей какихъ либо иныхъ интересовъ, проводникомъ иныхъ законовъ, кромѣ такихъ, которые поддерживали и усиливали ее.

И, несомнѣнно, исторія англійскаго законодательства, даже начала XIX в., есть исторія именно борьбы за охрану интересовъ землевладѣльческой группы.

Однимъ изъ излюбленныхъ занятій англійскаго джентри была охота, и право предаваться ей было резюмировано и узаконено еще при норманскихъ короляхъ такъ называемыми лѣсными законами (Forest laws). Только за одними землевладѣльцами признано было право охоты, и всѣмъ остальнымъ жителямъ не дозволялось ни стрѣлять, ни продавать дичь. То была основа законодательства объ охотѣ, сохранившаяся вплоть до XIX в., безъ измѣненій въ

*) Walpole, I, 173.

существѣ, не смотря на то, что уже въ XVIII в., даже такіе дѣятели, какъ Блэкстонъ, открыто признавали лѣсные законы устарѣлыми. Но какъ ни значительна была охрана интересовъ землевладѣльцевъ, доставляемая старыми законами, ея одной оказалось мало, и полное торжество землевладѣльческой группы въ странѣ и въ парламентѣ повело и къ полной же охранѣ охотничьихъ интересовъ землевладѣльческаго класса, къ созданію цѣлаго новаго законодательства объ охотѣ, законодательства, уже первые шаги котораго тотъ же Блэкстонъ заклеймилъ титуломъ «незаконорожденнаго отпрыска» лѣсныхъ законовъ. Начиная съ конца XVII в. и вплоть до начала XIX в., одинъ за другимъ издавались законы въ видахъ усиленной охраны интересовъ джентри, въ видахъ превращенія «каждаго владѣтеля мэнора въ маленькаго немврода» (Блэкстонъ). Статутъ Карла II предоставлялъ право охоты лишь тѣмъ землевладѣльцамъ, которые обладали большимъ, чѣмъ 100 ф. стерл., ежегоднымъ доходомъ; только такимъ лицамъ предоставлено было закономъ исключительное право держать охотничьихъ собакъ. Новый шагъ былъ сдѣланъ при Георгѣ II: изданъ былъ рядъ постановленій, каравшихъ тяжелыми пенями всякаго нарушителя закона объ охотѣ, всякаго, пойманнаго или уличеннаго въ держаніи у себя охотничьихъ собакъ, если только онъ не былъ землевладѣльцемъ съ установленнымъ статутомъ Карла II minimum'омъ дохода. Но, очевидно, всѣхъ такихъ статутовъ оказалось мало для такой охраны правъ землевладѣльцевъ. При той страсти къ охотѣ, какая царила среди сельскаго джентри въ теченіе XVIII и начала XIX в. малѣйшее нарушеніе правъ охоты, самое ничтожное проявленіе браконьерства выростало до размѣровъ тяжкаго преступленія, для наказанія котораго штрафы, установленные статутами, представлялись не дѣйствительными, не достигающими цѣли. Законъ 1816 г., принятый безъ малѣйшихъ возраженій въ палатахъ, удовлетворилъ требованіямъ джентри. Семилѣтней ссылкѣ подвергалось, въ силу новаго закона, всякое лицо, не имѣющее права охоты, если оно оказывалось пойманнымъ ночью съ сѣтью, ружьемъ или какимъ нибудь другимъ охотничьимъ снарядомъ *). И это не былъ только формальный актъ: законъ примѣнялся со всею силою, цѣлый рядъ процессовъ былъ возбужденъ противъ фермеровъ и др. лицъ, если у нихъ находили охотничьи орудія, собакъ и т. п. и если они попадались ночью **). Изъ 12805 лицъ, осужденныхъ въ 1830 г., за разныя преступленія, насчитывалось до 1987, вся вина которыхъ заключалась въ нарушеніи законовъ объ охотѣ, изданныхъ парламентомъ, который былъ парламентомъ лэндлордовъ.

Но охота и исключительное право на нее лишь однихъ земле-

*) Hansard, XXXV, 339.

**) См. люб. процессъ такого рода въ Annual Register, 1822 г., chronique, январь, стр. 8—9.

владѣльцевъ играли сравнительно второстепенную роль въ вопросѣ объ охранѣ интересовъ земельнаго класса въ Англіи. Гораздо болѣе важными интересами являлся интересъ охраны дохода отъ земли, отъ земледѣлія, и здѣсь то, на этой почвѣ, яснѣе и ярче всего отразилось вліяніе земельнаго класса на законодательствѣ страны. Хлѣбные законы XVII, особенно же XVIII и начала XIX в., являлись главнѣйшими изъ тѣхъ мѣръ, которыя создавались парламентомъ въ видахъ охраны насущныхъ интересовъ джентри и лордовъ, и въ исторіи ихъ рѣзче всего сказываются роль и значеніе англійскаго землевладѣнія въ соціальной исторіи страны, яснѣе всего проявляются тѣ причины, которыя повели къ борьбѣ классовъ въ началѣ XIX в., съ требованіями избирательной реформы.

Хлѣбные законы, несомнѣнно, не были изобрѣтены самими землевладѣльцами, и долгое время въ Англіи, какъ и на континентѣ, запрещеніе вывоза хлѣба практиковалось съ цѣлями, имѣвшими мало общаго съ интересами одного какого нибудь класса, въ частности класса землевладѣльцевъ. Въ теченіе такъ наз. среднихъ вѣковъ и даже нѣкоторое время и послѣ, запрещенія вывоза составляли часть общей системы покровительства и охраны интересовъ потребителя вообще, и прежде и раньше всего только потребителя, и какъ таковыя были связаны самымъ тѣснымъ образомъ съ цѣлымъ рядомъ законовъ и правилъ, регулировавшихъ торговлю хлѣбомъ, не допускавшихъ возможности скупки хлѣба, спекуляцій съ нимъ и т. п. Съ развитіемъ земледѣлія въ Англіи въ XVII в., съ переходомъ хозяйства отъ скотоводства къ усиленной обработкѣ почвы, уже почти окончательно сосредоточившейся въ рукахъ лишь однихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, съ переходомъ власти и вліянія въ руки парламента, почти сплошь наполненнаго представителями земельныхъ интересовъ, хлѣбные законы стараго времени постепенно измѣняли свой характеръ и были превращены изъ орудія охраны интересовъ потребителя въ орудіе охраны интересовъ исключительно однихъ землевладѣльцевъ. Правленіе Карла II было тѣмъ моментомъ, съ котораго и здѣсь, въ сферѣ интересовъ получателей ренты, какъ и въ области охоты и т. п., начинается поворотъ во внутренней экономической политикѣ страны. Уже въ 1660 г. проявилось ясное стремленіе къ покровительству интересамъ землевладѣльческаго класса. Вывозъ хлѣба, дозволяемый раньше, даже еще при Іаковѣ, когда цѣна хлѣба достигала 26 шилл. 6 пенсамъ, теперь былъ дозволенъ лишь при цѣнѣ хлѣба въ 40 шиллинговъ за квартеръ пшеницы, а десять лѣтъ спустя, въ 1670 году, лишь при цѣнѣ въ 53 шилл. 4 пенс. *). То былъ, замѣчаетъ Garnier, какъ бы подарокъ, преподнесенный королемъ лойяльной части на-

*) Garnier, History of the english landed interest, II, 197. См. Rogers, The economic interpretation of history, 3/7 и сл., его же, the industrial and commercial history of England, 443 и сл. Mc'Clloch, Commercial dictionary, s. v. corn laws.

селенія, сильно работавшей въ пользу реставраціи, но сразу же отразившійся столь тяжелымъ образомъ на сельскихъ рабочихъ и на классѣ мелкихъ крестьянъ-земледѣльцевъ, что правительству пришлось пополнить свою новую политику рядомъ измѣненій въ законахъ о продажѣ хлѣба, измѣненій, отмѣнявшихъ прежнюю регулировку продажи хлѣба и создавшихъ свободу внутренняго хлѣбнаго рынка (стат. 1664 г.). Съ этого времени вплоть до тридцатыхъ годовъ XIX в., дѣло охраны земледѣльческихъ интересовъ, за рѣдкими исключеніями, развивалось все шире я шире. Только въ томъ случаѣ, когда цѣна на хлѣбъ поднималась до такой высоты, которая угрожала голодовкой, ослабляли охрану землевладѣльческихъ интересовъ, путемъ разрѣшенія ввоза иностраннаго хлѣба. Обратно, если цѣны падали, спускались ниже установленной статутомъ нормы,— охрану усиливали посредствомъ дозволенія вывоза хлѣба заграницу, дѣйствовавшаго лишь до момента, когда цѣны на хлѣбъ поднимались до требуемаго и желательнаго уровня. Другими словами, въ основу экономической политики положенъ былъ не принципъ доставленія потребителю болѣе доступнаго ему по цѣнѣ хлѣба, а принципъ обезпеченія за землевладѣльцемъ «нормальнаго» дохода съ земли. И что такова именно была главная цѣль, преслѣдуемая законодательствомъ XVII, XVIII и начала XIX в., ясно видно изъ того, что при низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ, главнымъ образомъ на пшеницу,—правительство не только дозволяло вывозъ, но и прямо и открыто поощряло его. Статутами, изданными послѣ революціи 1688 г., установлено было вознагражденіе въ размѣрѣ 5 шилл. за каждый вывезенный квартеръ пшеницы. Казна изъ собственнаго кармана уплачивала землевладѣльцамъ то, что они теряли вслѣдствіе низкихъ цѣнъ. Добавочная плата землевладѣльцамъ составляла около 10% съ цѣны хлѣба, и какъ велики были размѣры выдаваемой суммы, видно изъ того, что по словамъ Макъ-Кэллока, съ 1741 по 1757 годъ около $1^1/_2$ милліона было отпущено изъ государственнаго казначейства въ видѣ поощрительныхъ пошлинъ. А эта сумма являлась, естественно, добавочной тяжестью, падавшей на плательщика податей; она, далѣе, вызывала подъемъ цѣнъ на хлѣбъ внутри страны, и отсюда плательщикъ податей и вообще потребитель косвенно вынуждены были платить въ пользу землевладѣльца, который еще мало вывозилъ въ XVII в., но усилилъ вывозъ хлѣба въ XVIII *).

Въ 1773 году, министерство Норта попыталось было измѣнить характеръ экономической политики, упрочившейся въ Англіи со временъ Карла II. Возростаніе населенія, сильное развитіе и подъемъ промышленности, созданіе новыхъ и многолюдныхъ центровъ дѣятельности вызывали необходимость позаботиться и объ интересахъ всего населенія, о достаточномъ снабженіи его хлѣбомъ. Было рѣшено,

*) Къ 1725 году вывозъ поднялся до 200 тыс. квартеровъ пшеницы Garnier, II, 198.

въ виду всего этого, понизить «нормальную» цѣну хлѣба до 44 шилл., прекращать при такой нормѣ выдачу поощрительной пошлины и воспретить ввозъ при цѣнѣ ниже 44 шилл. Рядомъ понижена была до 6 пенсовъ пошлина съ ввозимаго хлѣба, если цѣна хлѣба будетъ выше 48 шилл. Въ теченіе 18 лѣтъ съ грѣхомъ пополамъ продержалась эта неслыханная въ Англіи XVIII в. система, но только съ грѣхомъ пополамъ. Въ средѣ землевладѣльцевъ она вызвала такое недовольство, такіе вопли и протесты, что думать о сохраненіи ея было дѣломъ безнадежнымъ. Протесты и вопли усиливались съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе, въ 1791 году пришлось прибѣгнуть къ старому порядку вещей. Статутъ 1791 г. возстановлялъ вновь поощрительную пошлину въ 5 шилл. при цѣнѣ хлѣба свыше 44 шилл., а рядомъ установлена была запретительная пошлина на ввозный хлѣбъ. При цѣнѣ ниже 50 шилл. за квартеръ съ ввознаго хлѣба должна была взыматься пошлина въ размѣрѣ 24 шилл. 3 п., при цѣнѣ выше 50 до 54 шилл.—2 шилл. 6 п. и только при цѣнѣ свыше 54 шилл. удержана была пошлина въ 6 пенс., установленная въ 1773 году.

То была крупная уступка землевладѣльческимъ интересамъ, но она оказалась еще слишкомъ ничтожной. Благодаря разнаго рода экономическимъ причинамъ, цѣны на хлѣбъ съ конца XVIII в. начали постепенно возрастать, и къ 1801 г. цѣна за пшеницу достигла неслыханной высоты—5 ф. 19 шилл. 6 пенс.; за исключеніемъ 1803 года въ теченіе почти 20 лѣтъ средняя цѣна за квартеръ пшеницы не падала ниже 62 шилл. При такихъ условіяхъ оставлять размѣры запретительныхъ пошлинъ въ томъ же видѣ, какой онѣ получили по статуту 1791 г., значило, съ точки зрѣнія интересовъ землевладѣнія, подрывать благосостояніе цѣлаго класса землевладѣльцевъ, значило отдавать ихъ въ жертву иностранной конкурренціи, закрывать глаза на «выгоды и пользу націи». Запретительная пошлина въ 24 шилл. 3 п. была распространена на случай, когда цѣна квартера пшеницы была ниже цѣны не 50 шилл., а 63 шилл.; пошлина въ 2 шилл. 6 п. перенесена съ цѣны 50—54 шил. на 63—66 шилл., а пошлина въ 6 пенсовъ, взимаемая въ 1773 г. при цѣнѣ выше 44 шилл., въ 1791 г.—при цѣнѣ выше 54, поднята была до цѣны въ 66 шилл. и выше. Но и этого оказалось еще мало для «выгодъ и пользъ націи».

Успѣхи англійскаго и союзнаго оружія въ 1813 году, усилившіяся надежды на скорое заключеніе мира, пониженіе цѣны золота, сильно поднявшагося было въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в., повліяли на хлѣбъ, цѣна котораго начала обнаруживать наклонность къ пониженію. Страхъ за ренты обуялъ страну, и подъ давленіемъ землевладѣльцевъ министерство Ливерпуля предложило поднять норму цѣнъ хлѣба до 80 шил. и воспретить ввозъ хлѣба, если цѣна его будетъ стоять ниже этой нормы (статутъ 55 п.

Георга III, 1875 г.) *). Это было самой крупной, но въ то же время и послѣдней побѣдой, одержанной въ парламентѣ группой землевладѣльцевъ; но уже самый фактъ принятія указанной мѣры служилъ вполнѣ яснымъ указаніемъ на размѣры значенія и вліянія землевладѣльческаго класса въ Англіи еще и въ началѣ XIX в. Интересамъ этого класса, въ этотъ разъ уже вполнѣ сознательно, приносились въ жертву интересы большинства населенія.

И то были не единственныя въ то время жертвы. Усиленіе и развитіе земледѣльческой культуры въ началѣ XIX в., быстрое возвышеніе цѣнъ за наемъ земли, наемъ, не превышавшій 10 шил. за акръ до революціи 1789 г. и поднявшійся въ 1812 году до 45—50 шилл., а въ Беркширѣ и Уильтширѣ даже до 70 шилл. **) открытое покровительство, оказываемое земледѣлію и земельнымъ интересамъ законодательствомъ, все это въ совокупности при содѣйствіи парламента создавало и усиливало стремленіе къ огораживаніямъ, раздѣламъ общинныхъ земель, къ расширенію пахоты съ чисто спекулятивными цѣлями. Съ 1810 по 1820 г. около 3.111 тыс. акровъ было огорожено, тогда какъ съ 1760 по 1799, т. е. за періодъ времени вдвое большій, число огороженныхъ акровъ равнялось всего 3121 тыс. ***). Каждый новый шагъ въ дѣлѣ огораживаній былъ и новымъ шагомъ къ увеличенію доходовъ у крупныхъ землевладѣльцевъ, естественно употреблявшихъ всѣ усилія, чтобы удержать ихъ на высокомъ уровнѣ, при помощи законодательства, при помощи парламента, гдѣ они были наиболѣе сильными и наиболѣе вліятельными.

Отсюда то упорство, съ какимъ защищали они разъ занятую позицію, то сопротивленіе, какимъ они встрѣчали каждую мѣру, направленную къ подрыву либо ихъ интересовъ, либо ихъ соціальнаго положенія. Такъ, напр., то, что пытались, но безуспѣшно, ввести во Франціи при старомъ режимѣ, а именно: охрана дворянской земли отъ продажи за долги, получило въ Англіи полное осуществленіе. Если членъ джентри былъ обремененъ долгами, превышавшими стоимость земли,—кредиторы могли добиться лишь предоставленія имъ половины дохода съ имѣнія для пополненія выданной ими суммы. Въ случаѣ смерти владѣльца имѣнія, послѣднее переходило къ наслѣдникамъ и не могло быть продано за долги ****). Когда одинъ изъ немногихъ свободомыслящихъ дѣятелей парламента начала XIX в., Ромильи, предложилъ было отмѣнить такой порядокъ вещей, какъ совершенно нелѣпый,—его предложеніе встрѣтило среди громаднаго большинства палаты рѣзкое и сильное противодѣйствіе.

---

*) Cunnigham, Growsh of english industrie and commerce, II,654,656 и др.

**) Porter, Progres of the nation, 153—4. Cp. Annual Register, 1815 г. стр. 211 и сл.

***) Ib., стр. 157.

****) Romilly, II, 186.

Правда, билль подвергся голосованію, но былъ блистательно провaленъ. А тутъ же рядомъ другой билль, внесенный тѣмъ же Ромильи, но касавшійся порядка взысканія долговъ лишь съ движимаго капитала и купеческаго класса, прошелъ въ той же палатѣ безъ возраженій *). Очевидно существовало два мѣрила для различныхъ двухъ классовъ: для недвижимости—одно, для движимости другое. Да и какъ могло быть иначе, когда, съ точки зрѣнія большинства парламента, примѣненіе мѣры, одобренной для купеческаго класса, представлялось крайне опаснымъ и вреднымъ, разъ ставился вопросъ о землевладѣніи. Примѣнить эту мѣру къ землѣ значило бы подорвать въ самомъ корнѣ и уничтожить право первородства, этой основы землевладѣльческаго англійскаго строя, этого «удивительнѣйшаго и величайшаго» изъ старыхъ англійскихъ законовъ. По словамъ Ромильи, подробно и въ деталяхъ разсказывающаго весь эпизодъ съ его биллями, «такіе и подобные имъ аргументы были вполнѣ достаточны, чтобы отвергнуть мѣру, вызываемую требованіями самой обыденной честности» **).

Но уже въ XVIII в., въ особенности же въ началѣ XIX в. на безоблачномъ повидимому небѣ англійскаго землевладѣнія стали показываться черныя точки, не предвѣщавшія особенно благопріятной погоды... Когда въ виду начавшагося въ 1813—14 гг., паденія цѣнъ на хлѣбъ, группа землевладѣльцевъ выступила въ 1815 г. съ требованіемъ немедленнаго принятія выгодныхъ для нея измѣненій хлѣбнаго тарифа и повышенія ставки до 80 шиллинговъ,— ея требованіе было, правда, принято, билль, устанавливавшій новые тарифы, прошелъ; но прошелъ среди протестовъ со стороны нѣкоторыхъ изъ депутатовъ, членовъ промышленнаго и мануфактурнаго класса, среди бóльшихъ еще протестовъ со стороны населенія. Повсюду организовались митинги, отовсюду посылались въ палату петиціи, настаивавшія на необходимости отвергнуть билль. Когда же, несмотря на все это, билль былъ принятъ, въ Лондонѣ началось сильное броженіе, едва не перешедшее въ настоящій бунтъ. Разъяренная толпа бросилась на дома лордовъ, защищавшихъ билль, разбила въ нихъ окна, нѣкоторые разграбила.

Очевидно было, что политика, проводимая парламентомъ, была политикой, не соотвѣтствовавшей интересамъ всей страны, что существовали уже сформировавшіяся группы населенія, по отношенію къ которымъ мѣры, принимаемыя парламентомъ, оказывались прямо и безусловно вредными. Въ числѣ подававшихъ голоса противъ билля о поднятіи тарифной хлѣбной ставки, какъ мы видѣли, было нѣсколько промышленниковъ, мануфактуристовъ. А толпы, собиравшіяся на митинги и бушевавшія въ домахъ лордовъ, включали въ себѣ и дѣятелей промышленности, и рабочее населеніе.

*) Ibid. 198—222.
**) Ibid. III, 188.

Интересы тѣхъ и другихъ оказывались прямо противоположными интересамъ землевладѣльцевъ, а между тѣмъ поддержки для нихъ не было въ парламентѣ. Вопросъ въ созданіи такой поддержки являлся и долженъ былъ неизбѣжно явиться вопросомъ первостепенной важности и для промышленниковъ, и для рабочаго класса. И, дѣйствительно, по мѣрѣ послѣдовательнаго развитія и усиленія обѣихъ этихъ группъ, вопросъ о парламентѣ, какъ органѣ закона и охранителѣ интересовъ всѣхъ, а не части населенія, былъ выдвинутъ на первый планъ.

И. Лучицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РАСПЛАТА.

(*Романъ въ 3-хъ частяхъ*).

Часть первая.

I.

Широкая, саженей въ пятнадцать, дорога, запущенная, вся проросшая уже желтѣющей травой, пробѣгала между двумя рощами чистаго, свѣжаго березоваго лѣса, молчаливаго и задумчиваго въ эту пору—начала осени. По дорогѣ, на породистой и хорошо выѣзженной темносѣрой лошади, тихо ѣхалъ молодой, высокій и съ болѣзненно-блѣднымъ лицомъ человѣкъ, некрасиво и неумѣло держась на англійскомъ сѣдлѣ. Онъ низко опустилъ голову и думалъ, видимо, о чемъ-то пріятномъ. Худое, съ ярко-красными губами лицо его, чуть опушенное темной бородкой, временами оживлялось румянцемъ, а темные глаза горѣли веселымъ огонькомъ.

Вдругъ, на поворотѣ дороги лошадь круто осадила и слегка всхрапнула, а сѣдокъ невольно подался тѣломъ впередъ. Прямо посерединѣ дороги стоялъ невысокаго роста, худощавый, видимо истощенный человѣкъ лѣтъ тридцати съ чѣмъ-нибудь, съ лукавымъ, хитрымъ лицомъ, окаймленнымъ черной бородкой. Онъ былъ въ сильно истасканной одежѣ, причемъ особенно бросалась въ глаза истрепанная фуражка съ полуоторваннымъ козырькомъ и двумя заплатами ярко-зеленаго сукна.

Прохожій слегка приподнялъ съ затылка этотъ головной уборъ и произнесъ хриплымъ, какъ будто съ похмѣлья, голосомъ, съ напускной покорностью, но съ нахально насмѣшливымъ выраженіемъ въ узенькихъ сѣрыхъ глазкахъ:

— Ваше сіятельство, дозвольте обезпокоить вашу милость...

Ѣздокъ, оторванный отъ своихъ думъ, круче подобралъ мундштучный поводъ и сжалъ рукоятку щегольского хлыста.

— Что тебѣ надо?—гнѣвно крикнулъ онъ.

— Да вотъ, ваше благородіе, ужъ оченно курнуть захотѣлось... Раззоритесь, баринъ, на папиросочку. Въ томъ году

ей-ей отдамъ; у кумы займу, [что на болотѣ огурцами торгуетъ...

Лицо молодого человѣка вспыхнуло гнѣвомъ; быстро взмахнувъ хлыстомъ, онъ изо всей силы ударилъ имъ прямо въ голову прохожаго. Хлыстъ, скользнувъ по картузу послѣдняго, въ конечномъ движеніи рѣзнулъ лицо, оставилъ яркій, багровый слѣдъ надъ бровью и на правой щекѣ и до крови разсѣкъ губу. Прохожій только охнулъ и, отскочивъ въ сторону, осѣлъ всѣмъ тѣломъ, а лошадь, испуганная взмахомъ хлыста, рванула впередъ и въ нѣсколько мгновеній скрылась за поворотомъ дороги.

— Ахъ, ты, собака эдакая,—съ исказившимся отъ злобы лицомъ шепталъ потерпѣвшій, сплевывая кровь и поминутно хватаясь то за голову, то за искалѣченное лицо.—Ишь ты, барченокъ проклятой... Постои ужо.

Онъ опустилъ руку въ карманъ жалкихъ брюкъ, вынулъ оттуда плохонькій револьверъ Лефоше, потомъ, вспомнивъ, вѣроятно, что револьверомъ теперь не достанешь обидчика, сунулъ оружіе на мѣсто и пошелъ по дорогѣ, заложивъ руки за спину, временами останавливаясь и ругаясь вслухъ въ ту сторону, куда уѣхалъ всадникъ.

А тотъ уже подъѣзжалъ къ помѣстью отца. За лѣскомъ раскинулись пологіе холмы въ пестрыхъ краскахъ желтаго дозрѣвшаго овса, зелени льновъ и слегка красноватыхъ глинистыхъ полосъ вспаханныхъ подъ озими полей. Кое-гдѣ по долинамъ темнѣли купы рощъ и блеснула серебромъ въ свѣтѣ догорающаго дня извилистая полоса небольшой рѣчки. Направо отъ дороги видна была бѣлая колокольня села, а затѣмъ можно было разглядѣть ряды избъ, сбѣгавшихъ съ холма прямо къ рѣчкѣ. Всадникъ направился къ нимъ и, немного спустя, обогнувъ село, очутился въ виду усадьбы Аркадія Степановича Вакулова. Усадьба расположилась тоже на склонѣ холма и сбѣгала къ рѣкѣ огромнымъ стариннымъ паркомъ, облегшимъ дворъ съ двухъ сторонъ. Лѣвѣе паркъ соединялся съ лѣсомъ, и съ дороги можно было видѣть, что лѣсъ, чѣмъ дальше, тѣмъ становился гуще и выше и ушелъ въ даль черною, мрачною массой.

Молодой Вакуловъ въѣхалъ во дворъ, отдалъ лошадь подбѣжавшему конюху и, расправивъ уставшіе, непривычные къ верховой ѣздѣ члены, прошелъ, минуя огромный каменный, старинной постройки домъ, въ садъ-цвѣтникъ, отдѣлявшій усадьбу отъ села.

Тамъ, между клумбами густо разросшихся цвѣтовъ ходилъ тяжелою старческой походкой человѣкъ лѣтъ семидесяти, невысокій, довольно полный и совершенно сѣдой. Онъ заботливо поправлялъ опустившіяся вѣтки цвѣтовъ, обрывалъ засохшіе

листья и съ видимымъ наслажденіемъ приглядывался къ разнообразнымъ краскамъ, пестрившимъ клумбы.

Осень близилась несомнѣнно. Это замѣтно было даже здѣсь, среди разгара жизненной дѣятельности сада. Резеда пышно разрослась по краямъ клумбъ и, казалось, готова была заполонить все, что ни росло кругомъ нея, а скромныя, робкія «денныя красавицы» едва выглядывали сквозь сочные кусты ея своими нѣжными синими колокольчиками. Настурціи уже опускали усталыя головки; махровый макъ совсѣмъ почти облетѣлъ и усыпалъ густую зелень сосѣднихъ кустовъ багровыми, кровяными пятнами. Флексіи едва жили, заглушенныя, прижатыя сосѣдями, жирными съ чудной зеленью георгинами. Вербена уже умерла; циннія печально свѣсила изнеможенную головку, какъ чахоточный, носящій въ глубинѣ организма неотразимую смерть. Левкои еще жили, но, пораженные недугомъ старости, утратили уже всю прелесть цвѣтка, почти разлагались и, стыдясь болѣзни, робко прятались среди листьевъ сосѣдей. Зато красавцы осени георгины, красные, пурпуровые, лиловые, палевые, пестрые, георгины карлы, георгины махровые, великаны, могучіе, здоровые, теперь только почувствовавшіе свои силы, энергію, восхищенные осенней свѣжестью воздуха, все шире и шире разростались грубою зеленью, все глубже проникали въ почву въ ущербъ сосѣдямъ и, широко раскинувъ крупную листву, разбросались красивыми, яркими цвѣтами. А рядомъ съ ними, болѣе скромныя, но такія же жизнерадостныя и безжалостныя къ отцвѣтающимъ сосѣдямъ сверкали нѣжныя, неуловимыхъ оттѣнковъ астры.

И вмѣсто весенняго аромата цвѣтовъ, отъ заполненныхъ клумбъ уже шелъ иной сильный ароматъ,—орошенной ночными туманами, упитанной влагою зелени...

Старикъ Вакуловъ, обойдя послѣднюю грядку, отеръ мокрую, покрытую легкой шелковой фуражкой голову и сѣлъ на лавочку у подножія высокой, вѣтвистой березы, одиноко стоявшей среди цвѣтника. На минуту его охватила полная апатія... Это съ нимъ бывало за послѣднее время. Будто сразу умерла жизненная энергія, и все кажется безцѣльнымъ, ненужнымъ: и страданія минувшихъ, долгихъ лѣтъ, и опасенія, и муки за судьбу единственнаго сына, и еще не зажившая рана сердца отъ потери друга-жены, и заботы о будущемъ дома. Ненужна и мысль вотъ объ этихъ заботливо взлелѣянныхъ цвѣтахъ. Ненужна вонъ та телѣга, со скрипомъ везущая груды золотистаго крупнаго овса; ненужна и пѣсня жаворонка въ чистыхъ, уже блѣднѣющихъ небесахъ; ненужна и сама синева неба, и золотой пукъ солнечныхъ лучей, пробившихся сквозь черную густую листву столѣтнихъ липъ парка и бросившихъ кровяной оттѣнокъ на чистую струю

рѣчки... Ничего не нужно, кромѣ отдыха, покоя, медленнаго, сладкаго уничтоженія мысли...

Молодой Вакуловъ подошелъ и молча сѣлъ около отца. Потомъ, будто рѣшившись на что-то, глубоко вздохнулъ и слегка дрогнувшимъ голосомъ произнесъ:

— Батюшка, я бы хотѣлъ съ вами поговорить...—Старикъ поднялъ голову и пристально поглядѣлъ на сына, но, видимо, не слыхалъ его словъ и только присматривался къ нему внимательно. Опять тревога закрадывалась въ душу, и сердце начинало болѣть давнишнею, знакомою болью.

— Какъ онъ блѣденъ и худъ,—думалъ онъ про сына,—щеки ввалились, кожа прозрачная, точно восковая... А румянецъ, охъ, этотъ ужасный, роковой румянецъ пятнами!..

Да, этотъ красивый, нѣжный румянецъ знакомъ ему издавна. Онъ былъ на щекахъ любимицы его, прелестной, какъ майское утро, пятнадцатилѣтней Тани, его первенца, умершей на его колѣняхъ, когда она, сидя съ нимъ на террасѣ, закинула жалкую, худую ручку за шею его, прижалась усталой головкой къ его плечу и тихо заснула вѣчнымъ сномъ.

Съ отчаяніемъ, съ ропотомъ и мольбою сторожилъ онъ потомъ дыханіе тяжело боровшагося со смертью второго ребенка, шестнадцатилѣтняго Сергѣя, поддавшагося болѣзни два года спустя. За эту дорогую жизнь отецъ цѣплялся всѣми силами измученнаго сердца, молился о чудѣ, созывалъ докторовъ, бросался къ знахарямъ и все-же не отстоялъ сына. Потомъ появился роковой, ужасный румянецъ у двѣнадцатилѣтней Вари и, наконецъ, уже сравнительно недавно, у доросшей до совершеннолѣтія красавицы Ольги. Въ то время отцовское сердце успѣло устать отъ боли; съ тупымъ отчаяніемъ проводилъ Вакуловъ въ обширную семейную могилу эту жертву наслѣдственнаго недуга, но съ тѣмъ большимъ жаромъ ухватился за надежду охранить хоть послѣдняго оставшагося у него сына, Владиміра. Онъ взялъ его изъ школы, уѣхалъ съ нимъ на югъ, въ Италію, потомъ въ Алжиръ и тамъ цѣлыми годами слѣдилъ за ходомъ его болѣзни. Временами надежда, подкрѣпляемая мнѣніями врачей, возрастала, но временами все казалось потеряннымъ, и малодушный страхъ охватывалъ сердце отца.

— Батюшка,—повторилъ молодой Вакуловъ,—вы слышите меня?..

— А, что?—очнувшись отъ задумчивости проговорилъ старикъ.

— Я хочу поговорить съ вами.

— Ну, что такое? говори.

Голосъ старика всегда при разговорѣ съ сыномъ бывалъ суровъ, а взглядъ пасмуренъ. Происходило это невольно, но

сынъ постоянно находился подъ опасеніемъ гнѣва старика, и ни долгая совмѣстная жизнь на югѣ, ни видимыя тревожныя, любящія заботы Аркадія Степановича не могли уничтожить въ молодомъ человѣкѣ нѣкоторой отчужденности отъ отца. И теперь Владиміръ Аркадьевичъ почувствовалъ, что ему трудно продолжать начатый разговоръ.

— Видите, я вотъ что хотѣлъ сказать... Мнѣ ужъ скоро двадцать семь минетъ. Человѣкъ я взрослый... Словомъ, я хочу сдѣлать предложеніе одной дѣвушкѣ...

Старикъ нервно отшатнулся и поблѣднѣлъ.

— Что? ты... хочешь жениться?.. Никогда!..

Онъ весь дрожалъ.

— Батюшка,—началъ было сынъ, но старикъ уже не слушалъ. Вскочивъ съ юношеской живостью, онъ быстро началъ ходить взадъ и впередъ по дорожкѣ, засунувъ руки въ карманы брюкъ, взволнованный, растревоженный. Жениться, ему, Володѣ, котораго онъ берегъ отъ всякихъ волненій, чтобы не нарушить равновѣсія организма! Жениться для того, чтобы волненія любви убили его, быть можетъ въ первый же годъ брака, жениться для того, чтобы явились дѣти, такія же обреченныя на смерть съ первыхъ дней существованія! Жениться, чтобы терзаться муками родительскаго сердца! Нѣтъ, никогда!..

— Я не понимаю причины вашего гнѣва,—сказалъ Владиміръ,—если вы сомнѣваетесь въ моемъ выборѣ...

— Не въ выборѣ дѣло,—махнувъ рукой, крикнулъ отецъ.— Но,—что за фантазія жениться? Ты еще такъ молодъ... тебѣ надо... укрѣпить здоровье...

— Помилуйте, здоровье у меня богатырское; вѣдь, я никогда даже не хворалъ...

Отецъ только вздохнулъ. Не сказать же сыну, что въ немъ гнѣздится страшная наслѣдственная болѣзнь, та самая, которая уже свела въ могилу его братьевъ и сестеръ.

— Низачто, никогда!.. Не говори со мной объ этомъ. Вздоръ, вздоръ, фантазія!..

Онъ быстро ушелъ въ домъ черезъ балконную дверь, а сынъ, посидѣвъ нѣсколько минутъ, направился въ свою комнату. Волненіе и гнѣвъ отца не тревожили его. Онъ зналъ, что отецъ въ концѣ концовъ сдастся, какъ бывало всегда.

II.

Въ огромномъ каменномъ домѣ Вакулова все спало; не спалъ только маятникъ часовъ, мѣрно отбивавшій свой тактъ, да скреблись за обоями мыши, да самъ хозяинъ сидѣлъ передъ письменнымъ столомъ въ кабинетѣ, печальный, задумчивый.

Ему припоминались минувшіе годы, грустная, тяжелая исторія его бѣдной радостями и богатой горемъ жизни. Да, онъ никогда не сомнѣвался, что надъ родомъ Вакуловыхъ виситъ проклятіе, что прегрѣшенія отцовъ требуютъ искупленія, и искупленіе совершается безпощадно и неуклонно. Ничто не проходитъ даромъ: каждый вѣрный и невѣрный шагъ отдается въ будущемъ, и законы судебъ неумолимы. Ошибся однажды, и только величайшія усилія исправятъ ошибку.

Аркадій Степановичъ пробѣгалъ мысленно исторію своего рода. Проклятіе повисло надъ домомъ при прадѣдѣ Иванѣ. Бѣшеный, злобный, «аспидъ», какъ говорили дворовые, онъ въ припадкѣ звѣрскаго гнѣва, того гнѣва, который вызываетъ пѣну у рта, затемняетъ разсудокъ,—ударомъ тяжелаго чугуннаго преспапье убилъ наповалъ своего отца. Мать Ивана, давно уже страдавшая болѣзнью сердца, упала около трупа мужа и умерла, но, умирая, прокляла сына. Убійство затушили деньгами, но проклятіе повисло надъ убійцей. Напрасно топилъ онъ тоску въ дикихъ оргіяхъ, напрасно искалъ успокоенія въ любви, женившись на молодой, красивой дѣвушкѣ, принесшей ему хорошее приданое и родившей черезъ годъ сына,—еще черезъ годъ Иванъ Вакуловъ удавился вотъ въ этомъ самомъ домѣ, имъ же построенномъ.

Сынъ Василій уже съ двѣнадцатилѣтняго возраста не признавалъ надъ собой ничьей власти. Его жизнь до двадцатипяти лѣтъ проходила въ охотѣ съ собаками и карточной игрѣ. Женился онъ рано, имѣлъ сына и дочь и съ рожденіемъ послѣдней сталъ какъ будто остепеняться, но въ одинъ прекрасный день пропалъ безъ вѣсти. Его искали въ окрестныхъ лѣсахъ мѣсяца два, но нашли лишь черезъ годъ у болота чей-то скелетъ съ остатками одежды, по которой признали Василія Ивановича. Степанъ Васильевичъ лишь отчасти походилъ характеромъ на отца и дѣда. На него тоже находили припадки необузданнаго гнѣва, но они повторялись не особенно часто. Тѣмъ не менѣе и онъ погибъ преждевременно и ужасно, оставивъ двухъ сыновей и дочь: его убили крестьяне въ дальнемъ глухомъ имѣніи. Говорили, будто во время безумной вспышки онъ приказалъ кинуть старосту въ горящій овинъ. Говорили даже, что старосту кинули, но затѣмъ кинулись и на барина, котораго бросили туда-же, проломивъ ему предварительно голову коломъ.

Дочь Степана Васильевича, красавица Василиса Степановна вышла замужъ по любви за гвардейскаго капитана, блестящаго князя Клинскаго, но черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы впала въ тихое умопомѣшательство и медленно угасла. Младшій изъ ея братьевъ, Егоръ, пошелъ въ предковъ. Необузданный и жестокій характеръ его сталъ виденъ уже въ дѣтствѣ, когда

онъ билъ своихъ сверстниковъ, дворовыхъ мальчиковъ, приставленныхъ къ нему ради забавы, мучилъ собакъ и кошекъ и готовъ былъ бросаться съ кулаками на мать. Окончивъ коекакъ корпусъ, онъ вышелъ въ офицеры на Кавказъ, отличился неукротимой отвагой, чѣмъ-то вродѣ бѣшенства храбрости древнихъ викинговъ, получилъ Георгія, почти все имѣніе проигралъ въ карты, женился лѣтъ сорока; дождался рожденія сына Виктора и окончилъ жизнь за карточнымъ столомъ, хвативъ бутылкой въ голову банкомета и получивъ въ отвѣтъ ударъ шашкой.

Самъ Аркадій Степановичъ мало напоминалъ характеромъ отца и брата,—онъ, видимо, унаслѣдовалъ кровь матери и бабки. Но и у него бывали вспышки, трудно поддававшіяся вліянію воли, да еще какая-то напускная внѣшняя суровость дѣлала его отчасти похожимъ на предковъ Вакуловыхъ. Эта суровая внѣшность отстраняла даже семейныхъ, и только одна Тоня, бывало, не вѣрила въ суровость отца, разгадавъ чуткимъ женскимъ сердечкомъ теплоту души Аркадія Степановича.

Онъ могъ бы считать себя свободнымъ отъ проклятія, тяготѣвшаго надъ всѣмъ родомъ... Но оно сказалось въ его семьѣ въ другомъ видѣ: дѣти умирали одно за другимъ, отъ наслѣдственной чахотки,—дара матери.

Съ ужасомъ и безнадежнымъ отчаяніемъ смотрѣлъ старикъ на два послѣднихъ отпрыска Вакуловскаго рода: сына Владиміра и племянника Виктора. Этотъ послѣдній получилъ въ наслѣдство отъ кутилы отца лишь небольшой хуторъ, верстахъ въ трехъ отъ Холмовъ Аркадія Степановича. Прежде онъ служилъ въ одномъ изъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ, но годъ тому назадъ вышелъ въ отставку и пріѣхалъ заниматься земледѣліемъ.

Хозяйство у него шло плохо; чтобы поддержать немного племянника, старикъ Вакуловъ далъ ему въ подарокъ пять тысячъ и постарался приласкать его и пріучить къ себѣ. Молодой Вакуловъ, повидимому, поддавался его вліянію, но Аркадій Степановичъ съ ужасомъ замѣчалъ въ немъ тѣ же черты необузданныхъ желаній, тѣ же вспышки бѣшенства, что и у Егора Степановича. Иногда Викторъ казался полнымъ сердечнаго чувства, дядѣ онъ выказывалъ любовь, порывистую, нервную, почти страстную... Но тутъ же онъ переходилъ нерѣдко къ воспоминаніямъ о безпутной жизни отца и проклиналъ его и себя.

— Да!—изступленно кричалъ онъ на возраженія дяди, хватая себя за черные, густые и волнистые волосы.—Ему хорошо было метать направо да налѣво, а мы съ матерью голодали, да, голодали! Бывало сидишь и плачешь: «мама, мамочка, голубчикъ, мамочка, хлѣбца бы хоть немножечко»...

— А ты прости, Викторъ, прости, позабудь.

— Простить!—Вамъ это легко сказать, но я не могу позабыть, не могу, не могу! Да вы знаете-ли, что покойница мать въ поденщицы нанималась въ Тифлисѣ, прачкой на рѣкѣ бѣлье полоскала, продать себя готова была, чтобы меня не уморить съ голоду... А вы говорите—простить.

— Эхъ, Викторъ, Викторъ, вѣдь все это прошло, все уладилось. Не тревожь костей отца съ матерью.

— Уладилось, благодаря вамъ!.. Никогда мнѣ не забыть вашей помощи, дядя, никогда, никогда!

И со слезами на черныхъ огневыхъ глазахъ онъ въ искреннемъ порывѣ цѣловалъ руки старика.

— А все же... я и теперь не удовлетворенъ,—говорилъ онъ далѣе...—Я не могу забыть, что, если-бы не отецъ, я былъ бы теперь богатъ, было бы у меня Оградное, и Покровское, и Надлѣсное. А я... да, я люблю деньги, богатство...

Старикъ грустно раздумывалъ о томъ, что придетъ, быть можетъ, время, и Виктору, а не Володѣ достанутся и Холмы, и Дальняя, и Рѣчка. И онъ вздрагивалъ отъ всегдашняго страха. Иногда въ Каирѣ, въ Сициліи, на югѣ Франціи доктора говорили ему про Владиміра: «Э, полноте, онъ здоровъ; процессъ остановился, болѣзнь парализована». И отецъ оживалъ, начиналъ мечтать о возвращеніи въ родныя мѣста, позволялъ себѣ обращать вниманіе на то дурное, что замѣчалъ въ характерѣ Владиміра, спорилъ съ нимъ, доказывалъ, требовалъ, чтобы онъ садился за книгу, приглашалъ учителей. Но надежда быстро смѣнялась ужасомъ. Нерѣдко Аркадій Степановичъ просыпался среди ночи и сразу начиналъ припоминать себѣ, какъ шла болѣзнь у прочихъ его дѣтей. Онъ вспоминалъ, что и о нихъ врачи говорили утѣшительно, но утѣшенія не помѣшали имъ всѣмъ умереть съ яркимъ румянцемъ на прозрачныхъ щекахъ, съ пурпуровыми устами. Онъ вставалъ, шелъ въ комнату сына и приглядывался къ его юному, казалось бы, свѣжему лицу, прислушивался къ сонному его дыханію и трепеталъ, если слышалъ хрипоту въ его голосѣ...

Съ грустью сознавался себѣ Аркадій Степановичъ, что, какъ ни дорогъ ему сынъ, онъ не замѣняетъ ему прочихъ его дѣтей. Что-то было такое во Владимірѣ, что отчуждало его отъ отца: какая-то безчувственность, холодность, что-то себялюбивое и почти жестокое. Онъ не хотѣлъ и не умѣлъ ласкаться къ отцу ребенкомъ и будто не цѣнилъ заботъ отца впослѣдствіи, когда выросъ. Въ немъ отсутствовало то чутье сердца, которое безошибочно влечетъ молодежь къ тѣмъ, кто ее любитъ. А затѣмъ во Владимірѣ появилось и еще нѣчто новое, что глубоко огорчало старика,—именно, странное пренебреженіе къ низшему, рабочему классу. Въ простомъ народѣ Вла-

диміръ Аркадьевичъ не видѣлъ людей: для него это были полуживотныя, полулюди, раса, обреченная на служеніе избраннымъ. Ни доводы разсудка, ни голосъ сердца, къ которому старался прибѣгать отецъ, идеалистъ сороковыхъ годовъ, не въ силахъ были поколебать взгляды сына на этотъ предметъ.

— Вы думаете такъ,—спокойно и наставительно возражалъ онъ,—а я позволю себѣ указать вамъ, что люди и поумнѣе меня съ вами не согласны. Прочтите послѣднюю статью въ «Извѣстіяхъ». Согласитесь, что ведетъ ихъ человѣкъ выдающагося ума.—Но, вѣдь, онъ же обскурантъ и крѣпостникъ, этотъ твой выдающійся,—горячился отецъ.

— Мнѣ это все равно, я нахожу, что онъ правъ. Посмотрите,—даже здѣсь, въ Италіи, гдѣ культура ужъ конечно выше нашей, гдѣ народъ свободенъ давно, и здѣсь низшіе классы, это зоологическій садъ!.. Что же говорить о нашихъ!

И онъ стоялъ на своемъ. Религія запрещаетъ считать себя выше другихъ? Прекрасно. Но религія это одно, а дѣйствительность другое. Жизнь реальная не поддается готовымъ формуламъ.

— Народъ надо воспитывать, развивать? А это зачѣмъ? какая цѣль? Если ему хорошо, этому животному, въ лошадиной работѣ по буднямъ и въ пьянствѣ по праздникамъ, такъ зачѣмъ отрывать его отъ жизни, которая ему нравится? Пусть работаетъ и пусть пьянствуетъ. Міровыя идеи, прогрессъ ума, движеніе впередъ,—все это удѣлъ немногихъ, избранныхъ, которые, принявъ на свои плечи тягость познанія добра и зла, несутъ и проклятіе за это познаніе...

Мысли Аркадія Степановича перешли къ воспоминаніямъ о сегодняшнемъ вечерѣ, о словахъ Владиміра насчетъ предполагаемой женитьбы. И опять старику стало невыразимо больно и вмѣстѣ жаль сына. Почему онъ хочетъ лишить его радостей любви? Кто далъ ему право разрушать счастье человѣка, которому, быть можетъ, и жить-то оставалось уже не долго? А, быть можетъ, спокойная, семейная жизнь, личное счастье это и есть то цѣлебное, что нужно Владиміру для окончательнаго укрѣпленія здоровья. Но главное въ томъ, что отцу невыразимо жаль сына, огорченнаго его рѣзкимъ окрикомъ.

Аркадій Степановичъ зажегъ свѣчу и, безшумно ступая мягкими туфлями, медленно направился черезъ цѣлый рядъ высокихъ, погруженныхъ въ темноту ночи, комнатъ дома на половину сына. Кое-гдѣ скрипѣла половица, и эхо далеко отдавалось въ унылыхъ покояхъ, надъ которыми будто вѣяло крыло смерти. Осторожно отворивъ дверь, старикъ вошелъ въ спальню Владиміра. Молодой человѣкъ спокойно спалъ, откинувъ назадъ красивую голову съ вьющимися темными волосами, съ блѣдными, теперь совсѣмъ безк овными щеками, съ синевой у

глазъ. Но это красивое лицо производило теперь почти отталкивающее впечатлѣніе. При углахъ рта появились двѣ старческія, брюзгливыя морщины, надъ бровями легла злобная складка; все лицо выдавало что-то гнѣвное, немилосердное, что таилось въ душѣ спящаго. Аркадій Степановичъ пристально вглядѣлся въ лицо сына и чуть не вскрикнулъ. Это былъ портретъ, вѣрная копія лица прадѣда Ивана. Та же жесткая, холодная красота, та же неумолимая злоба.

Спящій пошевельнулся и слегка вздохнулъ. И тотчасъ же пропало его сходство съ портретомъ предка; лицо прояснилось, морщины изгладились... Аркадій Степановичъ хотѣлъ было уйти, но Владиміръ вдругъ открылъ глаза и сразу сѣлъ на постели.

— Вы, батюшка, что?—спросилъ онъ.

— Ничего, ничего. Пришелъ поглядѣть, спокойно ли ты спишь. Знаешь мою привычку... Я все безпокоюсь, что около тебя нѣтъ никого. Хоть бы Кузьму ты клалъ здѣсь въ корридорѣ.

— Э, полноте, вѣдь, я не маленькій.

Старикъ сѣлъ на кровать сына.

— А скажи, кто же эта дѣвушка?

— Абазова, судью въ Васильевскѣ знаете?

— Ну, какъ не знать... Это ты про старшую его барышню, видно?

— Да. Ольгой Алексѣевной зовутъ.

Старикъ помолчалъ.

— Ну, что жъ, Господь тебя сохрани... А я... не буду мѣшать тебѣ...—произнесъ онъ внезапно дрогнувшимъ голосомъ и крѣпко обнялъ сына.

III.

Въ уѣздномъ городѣ Васильевскѣ, кажется, уже не было ни одного человѣка, который хоть разъ въ жизни не былъ призываемъ въ камеру мѣстнаго судьи. Самого Абазова никто не могъ представить себѣ иначе, какъ судьею, и не могъ представить также Васильевска безъ судьи Алексѣя Ѳедоровича. «Вонъ идетъ Алексѣй Ѳедоровичъ, судья», — говорили обыватели, или: «прихожу въ купальню, а тамъ судья».

Это былъ человѣкъ лѣтъ за шестьдесятъ, высокій, худощавый, слегка сутулый, съ лысиной во всю голову, съ длинной, прямо внизъ опускавшейся до половины груди бородой лопатой, рыжеватой, но въ настоящее время наполовину сѣдой. Человѣкъ онъ былъ спокойный, уравновѣшенный, именно такой, которому судьбой назначено «спокойно зрѣть на правыхъ и виновныхъ». Но, однако, спокойствіе это являлось, быть

можетъ, не столько прирожденнымъ, сколько выработаннымъ, благодаря положенію и обстоятельствамъ. Абазову надо было сохранять силы, чтобы служить и службой добывать кусокъ хлѣба для семьи. Не столько догадавшись объ этомъ, сколько почувствовавъ, онъ понемногу отстранилъ себя по возможности отъ всего, что могло нарушать его спокойствіе. Онъ даже будто перестал думать о дѣтяхъ, о семьѣ, отдавшись всецѣло службѣ, источнику жизненныхъ средствъ. И, вмѣстѣ съ этимъ, понемногу заглохли въ немъ всѣ былыя мечты о личномъ счастьѣ, надежды на блестящую дорогу, на служебныя повышенія, награды, отличія. Ни о чемъ этомъ нельзя было думать,—слишкомъ разрослась семья, не имѣвшая иныхъ средствъ къ жизни, кромѣ жалованья Алексѣя Ѳедоровича, и притомъ жалованья очень небольшого.

Ровно въ восемь часовъ утра вставалъ Абазовъ, пилъ чай и начиналъ чтеніе газеты; въ девять шелъ въ камеру, помѣщавшуюся рядомъ, во флигелѣ, на томъ же дворѣ. Тамъ онъ принималъ просителей, провѣрялъ настольные, подписывалъ бумаги и разбиралъ тяжбы. Если же выдавалась свободная минута, то дочитывалъ газету. Но ни въ какомъ случаѣ онъ не уходилъ изъ камеры раньше половины перваго. Въ часъ его звали обѣдать. Послѣ обѣда онъ съ четверть часа дремалъ въ креслахъ, потомъ или опять шелъ въ камеру, или гулялъ недолго по городу, потомъ читалъ сенатскія рѣшенія, проглядывалъ циркуляры, отмѣчалъ по нимъ, что надо, а вечеромъ раскладывалъ пассьянсъ, между тѣмъ какъ жена проворно постукивала вязальными спицами, а старшая дочь Ольга чинила дѣтское бѣлье. Два раза въ недѣлю онъ уходилъ въ клубъ на партію безика, и эти вечера бывали для него отдыхомъ, освѣженіемъ. Три раза въ годъ, въ день именинъ его, жены его Катерины Ивановны и дочери Ольги, собирались и къ нимъ на карты, и дни эти извѣстны были всему городу не по роскоши ужиновъ, а потому, что давалъ ихъ не кто иной, какъ «нашъ судья».

Когда Алесѣй Ѳедоровичъ отдыхалъ послѣ обѣда, полулежа въ огромномъ креслѣ, старшіе уводили дѣтей въ заднія комнаты, а Катерина Ивановна начинала слѣдить по часамъ, держа ихъ для этого въ рукѣ, не проснулся ли «папочка», и нѣсколько разъ потихоньку на цыпочкахъ пробиралась къ дверямъ кабинета взглянуть на мужа. Какъ только онъ открывалъ глаза, она, несмотря на свою тучность, бѣжала въ дѣтскую, задыхаясь и волнуясь, и торопливо говорила:

— Папочка проснулся! Оля, Юленька, Лидочка, поскорѣй квасу...

Дѣвушки также торопливо шли въ кухню, наливали холод-

наго квасу въ стаканъ и несли отцу, который выпивалъ его однимъ духомъ.

Когда семья сидѣла за обѣдомъ или ужиномъ, Катерина Ивановна еще издали, въ рукахъ несшей блюдо прислуги или одной изъ дочерей, намѣчала лучшій кусокъ и клала его на тарелку мужа. А онъ почти безсознательно принималъ всѣ эти заботы, даже не задумываясь надъ вопросомъ, хорошо это или дурно. Онъ чувствовалъ, что такъ и должно быть и что въ этомъ заключается нравственное удовлетвореніе и успокоеніе семьи, задача которой беречь и холить единственнаго кормильца, отца.

И, если Алексѣю Өедоровичу случалось выйти изъ кабинета съ жилеткой въ рукахъ и позвать своимъ спокойнымъ голосомъ Ольгу, чтобы она пришила ему на жилетѣ пуговицу, какой преступницей считала себя дѣвушка за то, что не осмотрѣла одежду отца, заставила его самого замѣтить ущербъ! А Катерина Ивановна въ этихъ случаяхъ горестно и сокрушенно вскидывала толстенькими и короткими ручками.

— Батюшки мои! вѣдь, какъ на грѣхъ, все давеча оглядѣла, а про жилетку-то и позабыла...

Съ семейными Алексѣй Өедоровичъ почти ни о чемъ не разговаривалъ и держался отъ нихъ какъ будто въ сторонѣ, но и это лишь для того, чтобы всего себя отдавать одному дѣлу—службѣ при полномъ душевномъ равновѣсіи. Дѣти подходили утромъ и вечеромъ поцѣловать его руку. Младшихъ онъ иногда гладилъ по мягковолосымъ головкамъ, и дѣти уходили отъ него, гордыя этой лаской: со старшими онъ цѣловался молча. Крѣпко сплоченная семья его жила отдѣльною, тѣсною жизнью. Отецъ былъ гдѣ-то на высотѣ, существомъ особымъ, передъ которымъ преклонялись, на которое чуть не молились.

И только разъ въ годъ Алексѣй Өедоровичъ отрѣшался отъ обычнаго времяпрепровожденія, именно передъ святками. Онъ ѣхалъ тогда въ Москву покупать женѣ и дѣтямъ подарки на елку. Но и какъ же страдала тогда сердцемъ Катерина Ивановна, предчувствуя, что, пожалуй, Алексѣй Өедоровичъ опять, какъ въ позапрошломъ году, купитъ Лидочкѣ вмѣсто чулковъ носки, увѣряя, что это модные чулки, или приметъ салфетки за полотенца. Но предложить мужу съѣздить вмѣсто него она не рѣшалась. Эти поѣздки Абазова сдѣлались чѣмъ-то традиціоннымъ, освященнымъ годами, да, кромѣ того, Алексѣй Өедоровичъ искренно думалъ, что лучше и дешевле никто не въ состояніи купить.

Катерина Ивановна иногда робко позволяла себѣ напомнить мужу:

— Ты, папочка, смотри, выбери для Юленьки чего по-

свѣтлѣе; дѣвочкѣ, вѣдь, только пятнадцатый годъ; а то ты въ прошломъ году привезъ ей на платье по рублю двадцати шести, а совсѣмъ старушечьей... А ужъ мнѣ, папочка, ничего не нужно, я обойдусь...

На что Алексѣй Өедоровичъ съ улыбкой превосходства отвѣчалъ:

— Ты меня, матушка, въ чемъ другомъ, а въ этомъ не учи... Ужъ купить умѣю. Что умѣю, то умѣю... Да и покупаю то я у Панкратова, а съ нимъ мы лѣтъ двадцать знакомы...

Онъ привозилъ подарки и съ горделивой усмѣшкой показывалъ ихъ по секрету женѣ. Катерина Ивановна, разглядывая матеріи, спрашивала:

— Почемъ платилъ?

— А ну, угадай.

— Сорокъ пять далъ?

— Эхъ, ты!.. сорокъ пять... Поди купи за сорокъ пять... По семидесяти по двѣ, матушка, по семидесяти по двѣ. И то, только для меня...

Катерина Ивановна только вздыхала, боясь огорчить мужа. А бѣдная Ольга года два-три назадъ поймала себя на молитвѣ: — Господи, сдѣлай, чтобы папочка купилъ мнѣ что-нибудь получше...

Ей стало и смѣшно на себя, и стыдно... Дѣвушкѣ хотѣлось бы иной разъ надѣть хорошенькое платье, но обновку она получала только къ святкамъ, а папочка иногда возьметъ да и купитъ чего-нибудь невозможнаго... Между тѣмъ, сказать нельзя и въ этой обновкѣ надо танцовать на святкахъ у знакомыхъ.

Впрочемъ, Ольга привыкла мириться съ этимъ. Въ девятнадцать лѣтъ она была невысокой, хрупкой на видъ дѣвушкой, хорошо сложенной, стройной, съ бѣлокурой головкой и вдумчивыми сѣро-голубыми глазами. Она давно уже всѣмъ сердцемъ слилась съ заботами матери, взяла на свои руки воспитаніе и обученіе младшихъ дѣтей, отстранивъ отъ этихъ хлопотъ болѣзненную Катерину Ивановну, остановилась въ своемъ женскомъ развитіи и стала степенной, разсудительной «бабушкой», какъ назвалъ ее старшій братъ Леонидъ. Ольга оставила себѣ одно удовольстіе—потанцовать раза два-три въ годъ на вечерахъ у знакомыхъ, а остальное время отдавала урокамъ съ младшими, починкѣ, а иногда и стиркѣ ихъ бѣлья, кухнѣ и заботамъ объ отцѣ. Гимназистки Юленька и Лидочка помогали ей, но были еще слишкомъ молоды для этого, и вся тяжесть домашняго хозяйства ложилась на худенькія плечи Ольги. Даже музыку, которую она любила, и ту пришлось забросить. Некогда было.

Иногда, глядя на хохотунью Юленьку, Ольга не то съ грустью, не то съ удивленіемъ спрашивала себя:

— Неужели и мнѣ такъ же хотѣлось дурачиться года два-три тому назадъ?

И дѣйствительно, она припоминала себѣ, что, еще кончая гимназію, но уже принявъ на себя значительную долю домашнихъ заботъ, она была шаловлива и рѣзва. Но все это какъ-то сразу исчезло, когда она окончательно предалась заботамъ о домѣ.

Она не была особенно богомольна, но любила, какъ и ея мать, ходить ко всенощной. Тамъ, стоя въ темномъ уголкѣ за колонной, обѣ усердно молились. У Катерины Ивановны молитва состояла изъ нѣсколькихъ только словъ:

— Господи, спаси и помилуй раба Твоего Алексія и чадъ его...

А Ольга совсѣмъ не произносила словъ, но и ея душа была полна той же молитвой за раба Алексѣя и за тотъ тѣсный семейный кружокъ, который былъ для нея цѣлымъ міромъ.

IV.

На другой день, послѣ разговора съ отцомъ, Владиміръ Вакуловъ велѣлъ заложить лошадь и направился въ Васильевскъ. По дорогѣ между Холмами и городомъ, въ двухъ верстахъ отъ послѣдняго стоялъ хуторъ Виктора. Владиміръ Аркадьевичъ любилъ своего двоюроднаго брата, тридцатитрехлѣтняго, полнокровнаго и сильнаго человѣка, чувствуя его физическое превосходство, любуясь на его силу... И теперь онъ порѣшилъ заѣхать на хуторъ по дорогѣ. Когда Владиміръ вошелъ въ низенькій, маленькій домикъ брата, состоявшій всего изъ трехъ небольшихъ комнатъ, корридора и кухни, Викторъ сидѣлъ безъ сюртука въ красной шелковой рубахѣ и, низко нагнувшись, разсматривалъ лежащаго передъ нимъ щенка, не давая послѣднему перевернуться со спинки на ноги и ощупывая его налитое, покрытое темными коричневыми пятнами, брюшко. Щенокъ визжалъ отъ удовольствія и признательности и, стараясь изогнуть неповоротливое толстое тѣло, покусывалъ въ восторгѣ хозяйскую руку.

— А, здравствуй,—красивымъ груднымъ баритономъ сказалъ Викторъ, подымаясь со стула.—А я, гляди, какого подлеца пріобрѣлъ. Блохастъ только очень. Нѣтъ, да ты погляди хорошенько; видишь, вездѣ бородавки. Это, братъ, будетъ настоящій гордонъ.

— Ну, оставь,—брезгливо отвѣтилъ Владиміръ, отстраняя рукой щенка, котораго Викторъ подносилъ почти къ самому его лицу.

— Послушай, ты понюхай, какъ отъ его спинки пахнетъ... А глаза, смотри, совсѣмъ пьяные.

— Оставь ты меня съ своимъ щенкомъ. Я, знаешь вѣдь, не любитель собакъ...

— Эхъ, ты, бѣлая кость... Ну, выпьемъ пуншу, что-ли... Я ужасно радъ, что ты пріѣхалъ... А у меня, надо тебѣ замѣтить, удивительный ромъ. Силычъ клянется, что во всей Москвѣ только три бутылки такого осталось.

На пуншъ Владиміръ согласился, и Викторъ тотчасъ же крикнулъ въ корридоръ своимъ могучимъ молодымъ голосомъ:

— Дуня, давай самоваръ живѣй!

— Я у тебя долго не пробуду,—говорилъ Владиміръ, похаживая по комнатѣ и разглядывая множество ружей, сабель, какихъ-то допотопныхъ пистолетовъ, ножей и кинжаловъ, висѣвшихъ довольно безпорядочно на стѣнѣ. Въ безпорядкѣ была и постель въ сосѣдней комнатѣ и стоявшій между двухъ оконъ желтый складной обѣденный столъ, заставленный остатками ѣды, коробками отъ папиросъ, заваленный принадлежностями одежды.

— Я тебя беру съ собой,—продолжалъ гость.

— Куда это?

— Въ городъ. Поѣдемъ, покажу кое-кого.

— А именно?

— Судью Абазова знаешь?

— Встрѣчалъ. А что?

— Ничего. Вотъ увидишь.

Въ комнату вошла молодая, небрежно одѣтая женщина, проворно и ловко прибрала на столѣ и принесла самоваръ. Это и была та Дуня, которой Викторъ отдалъ приказъ.

Когда самоваръ сталъ на столѣ и слегка принарядившаяся Дуня заварила чай и сѣла у стола, задумчиво поглядывая въ окно черными глазами, Владиміръ, сѣвшій противъ нея у другого окна, невольно заглядѣлся на нее, хотя видалъ ее мелькомъ и раньше. Это была довольно полная женщина лѣтъ двадцати шести, съ могучей грудью и съ той округлостью линій, которая заставляла забывать, что въ этомъ тѣлѣ существуютъ кости, углы. Красивое лицо будто горѣло страстью, раздувающіяся ноздри, чувственныя алыя губы говорили о затаенномъ огнѣ.

— Ты чего на нее заглядѣлся? — сказалъ Викторъ, — хочешь, уступлю?

Дуня метнула на него огневой взоръ.

— Глупостей-то не говори, сказала она сердито.—Владиміръ Аркадьичъ не тебѣ безпутному чета, съ дѣвушкой не свяжется.

— А я развѣ съ тобой связался? Ну, нѣтъ, не таковскій! Захочу, и иди себѣ на всѣ четыре.

— Слыхала я эти рѣчи. Да вотъ, возьму и не пойду.

Викторъ засмѣялся и хлопнулъ ее ладонью по полному округлому плечу.

— Эхъ ты, сахарная-медовая! Насъ съ тобой, дѣвушка, чортъ веревочкой связалъ; куда ты, туда и я!..

Дуня слегка повела темной, красиво вырѣзанной бровью. «Да она характерная», подумалъ Владиміръ и опять невольно заглядѣлся на нее.

Немного спустя оба Вакуловы ѣхали къ городу, и изъ памяти Владиміра понемногу уходилъ образъ красивой Дуни, замѣняясь другимъ, болѣе дорогимъ образомъ.

— Знаешь, кого я хочу тебѣ показать? — спросилъ Владиміръ Аркадьевичъ.

— Ну?—равнодушно отвѣтилъ братъ.

— Мою невѣсту.

Викторъ даже отшатнулся.

— Что ты вздоръ городишь?

— Нѣтъ, братъ, не вздоръ. Правду говорю.

— Кто же это?

— А вотъ, увидишь. Дочь Абазова, Ольга Алексѣевна.

— И это правда?

— Честное слово.

— Ну, поздравляю, поздравляю. Давай Богъ тебѣ. Когда же это ты успѣлъ?

— То есть я, видишь-ли, предложенія-то еще не дѣлалъ. А только скоро сдѣлаю.

— А она согласится?

— Надѣюсь, что да. По крайней мѣрѣ не вижу причины къ отказу.

— Гмъ. Я ея не видалъ никогда. Слыхалъ, что дѣвушка тихая, скромная. И хороша?

— Очень. Это, знаешь, не та красота, которая возбуждаетъ страсть, а какая то иная, которая, знаешь, проникаетъ человѣка...

Когда Вакуловы входили въ старенькій деревянный съ низкими потолками и маленькими окнами домъ Абазовыхъ, приданое Катерины Ивановны, Викторомъ овладѣло безпокойство, не то робость, не то застѣнчивость, хотя молодой человѣкъ былъ въ своемъ родѣ по армейски довольно развязенъ.

— Ну, иди, что-ли, — вполголоса проговорилъ Владиміръ, замѣтивъ смущеніе брата и подхватывая его подъ руку.

Онъ представилъ его хозяйкѣ дома, а затѣмъ и вышедшей, скромно, по домашнему, одѣтой Ольгѣ.

— Это единственный изъ моей родни, — сказалъ онъ дѣвушкѣ,—прошу любить и жаловать.

Ольга взглянула на Виктора своими лучистыми, свѣтлыми

глазами и просто, безъ смущенія подала ему небольшую красивую руку.

— Очень рада,—сказала она,—пойдемте пить чай.

Ея голосъ, привѣтливый, тихій, лицо въ свѣтлыхъ, просто причесанныхъ, слегка волнистыхъ волосахъ, спокойное, озаренное душевнымъ миромъ, произвели на Виктора странное впечатлѣніе. Ему захотѣлось удержать въ своей огромной, сильной рукѣ маленькую руку дѣвушки, пристальнѣе вглядѣться въ ея свѣтлые глаза.

Во время чая, который по обычаю разливала Ольга, она раза два взглянула на Виктора и оба раза встрѣтила его восхищенный взглядъ. И во второй разъ, сама не зная отчего, покраснѣла.

А Викторъ почему-то развеселился, почувствовалъ въ себѣ приливъ радости и смѣлости. Онъ началъ разсказывать анекдоты, удачно представилъ въ лицахъ желѣзнодорожную сценку и въ заключеніе недурно пропѣлъ, аккомпанируя себѣ на рояли, два новые романса. И всѣ, поддаваясь его настроенію, оживились, стали веселы, почти радостны. Колю съ Варей едва могли уложить спать, такъ имъ не хотѣлось разставаться съ новымъ, милымъ ихъ сердцу, дядей, который, сверхъ собственнаго ожиданія, ужасно полюбилъ ихъ, сажалъ къ себѣ на колѣни, показывалъ ѣзду по ухабамъ. Онъ и самъ не зналъ, что ему оттого пріятно ласкать дѣтей, что они были очень похожи на старшую сестру: та же частота свѣтлаго взгляда, тѣ же слегка вьющіеся волосы.

Юленька съ Лидочкой, обѣ хорошенькія, веселыя и кокетливыя, — какъ бываютъ кокетливы 12—14 лѣтніе подростки,—немедленно влюбились въ новаго знакомаго и вечеромъ, лежа въ кроваткахъ, долго не могли уснуть, повѣряя одна другой свои впечатлѣнія.

Когда Вакуловы уже ночью прощались, хозяева съ особеннымъ радушіемъ благодарили ихъ за посѣщеніе и приглашали навѣщать, а Ольга невольно крѣпче пожала руку Виктора, отчего тотъ почувствовалъ себя счастливымъ.

— Ну, что, какова?—спрашивалъ Владиміръ брата, когда они выѣхали за городъ.

— Прелесть,—хотѣлось сказать Виктору, но, вмѣсто этого, онъ почему-то притворно зѣвнулъ и произнесъ равнодушнѣйшимъ голосомъ:

— Кто ихъ разберетъ, — этихъ барышень? Тебѣ лучше видно. Вотъ, Коля съ Варей—это я понимаю...

Оба опять заѣхали къ Виктору выпить пива, которое подала имъ заспанная, недовольная Дуня, одѣтая въ бѣлую ночную кофту. Викторъ почти съ ненавистью поглядѣлъ на нее.

— Хоть бы чужого постыдилась, пріодѣлась бы,—хмуро проворчалъ онъ.

— Ты полуночничать, а я одѣвайся встрѣчать тебя!..—огрызнулась она.

Владиміръ уѣхалъ за полночь. Викторъ вышелъ проводить его за ворота дома. Ночь была темная, хмурая, тихая. Моросилъ дождичекъ, на черномъ горизонтѣ вспыхивали зарницы. Отъ окружающей природы вѣяло печалью.

Викторъ долго стоялъ за воротами, слушая, какъ стучали по твердой дорогѣ колеса пролетки, все слабѣя звукомъ въ отдаленіи и, наконецъ, умолкли за лѣскомъ. Давешнее оживленіе прошло у Виктора. Теперь все,—и прошедшее, и настоящее, и будущее представлялись ему подернутыми дымкой печали, однообразной, сѣренькой, какъ та сѣрая завѣса, которая покрывала небеса. Тихо побрелъ онъ домой и, не раздумывая, легъ въ постель.

V.

Онъ заснулъ тотчасъ, какъ убитый, но спалъ не болѣе получасу и сразу проснулся такъ, какъ будто и не засыпалъ совсѣмъ. Онъ зажегъ свѣчу, посмотрѣлъ на часы, выкурилъ папиросу и, завернувшись въ одѣяло съ головой, попробовалъ опять уснуть, но скоро понялъ, что сна у него не будетъ. Мысли упорно бѣжали къ воспоминаніямъ о сегодняшнемъ вечерѣ, о домѣ Абазовыхъ, объ Ольгѣ и Владимірѣ.

— Экое счастье этому Володькѣ,—думалъ онъ,—и неужели она полюбила его? Вѣдь онъ, въ сущности, ходячая болѣзнь: глядѣть не на что. А дѣвушка славная; прелесть дѣвушка,—продолжалъ онъ думать и вдругъ порѣшилъ, что ему надо идти къ Владиміру и обсудить вмѣстѣ съ нимъ вопросъ о женитьбѣ двоюроднаго брата. Зачѣмъ это было нужно, Викторъ не давалъ себѣ отчета, а зналъ только, что ему теперь не заснуть и что ему хочется видѣть Владиміра и говорить съ нимъ про Ольгу, разспрашивая, какъ они узнали другъ друга и какъ полюбили.

Такъ какъ Викторъ не привыкъ перемѣнять своихъ внезапныхъ рѣшеній, то и теперь, долго не раздумывая о томъ, похожъ ли хоть на что-нибудь его ночной визитъ къ спящему уже, вѣроятно, брату, быстро одѣлся, вышелъ изъ дому и направился пѣшкомъ по дорогѣ къ Холмамъ.

Тихая, влажная ночь, опустившаяся на землю туманами, охватила его особенною бодростью, слегка дразня воображеніе, вызывая усиленную работу сердца.

— А вѣдь, въ сущности, это глупо съ моей стороны,—подумалъ онъ, но почему-то даже прибавилъ шагу, засунувъ руки въ карманы и потихоньку посвистывая.

— Ничего,—продолжалъ онъ мысленно,—пройду черезъ садъ и войду къ Володькѣ черезъ балконъ, тамъ рѣдко запираютъ. А то постучусь въ окно.

Однако, совѣсть начинала подсказывать ему, что нелѣпо и безчеловѣчно будить ни съ того, ни съ сего спящихъ среди ночи и что лучше вернуться домой. Но мысль объ одиночествѣ была такъ мучительна и такъ хотѣлось почему-то видѣть именно сегодня живого человѣка, съ которымъ можно бы было поговорить, что Викторъ окончательно прогналъ отъ себя намѣреніе вернуться.

Онъ вступилъ въ лѣсокъ, послѣдній передъ паркомъ Холмовъ и, пройдя нѣсколько шаговъ, вдругъ остановился, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ. Около него очутился какой-то человѣкъ, неизвѣстно откуда явившійся, и пошелъ было съ нимъ рядомъ.

— Ты кто такой? — крикнулъ Викторъ, чувствуя, что по тѣлу его пробѣжалъ нервный ознобъ.

— Ваше здоровье,—послышался слащавый и вмѣстѣ нахальный голосъ, — явите божескую милость, не дайте погибнуть крещеной душѣ. Оченно выпить хочется, да не на что. Кабы ваша милость раззорилась на рублевочку...

Онъ не успѣлъ еще окончить этихъ словъ, какъ Викторъ однимъ неожиданнымъ движеніемъ сильныхъ и ловкихъ рукъ схватилъ его сзади за локти и, вскинувъ слегка на воздухъ, какъ малаго ребенка, грузно поставилъ опять на ноги. И когда онъ сдѣлалъ это, недавнее жуткое чувство сразу замѣнилось бодрымъ, радостнымъ ощущеніемъ. Злобы къ нахальному спутнику онъ не чувствовалъ никакой; скорѣе нѣкоторое расположеніе. И почему-то въ умѣ мелькнуло воспоминаніе о двухъ русыхъ головкахъ съ ясными глазками, такъ похожими на глаза Ольги.

— Хочешь, возьму да и тресну тебя башкой о пень? — уже шутливо и дружелюбно сказалъ Викторъ, держа по прежнему, какъ въ клещахъ, локти незнакомца.

— Чай пожалѣете, ваше сіятельство,—спокойно отвѣтилъ тотъ, не дѣлая ни малѣйшей попытки высвободить руки.

— Ты, я вижу, шельма парень, продолжалъ Викторъ,—да мнѣ лѣшій тебя заѣшь... Я бы далъ тебѣ, пожалуй, и рублевку,—даромъ, что послѣдняя, только боюсь: возьмешь ты, да и пырнешь меня, какъ только я тебя выпущу, а?

— Помилуйте, ваше сіятельство, за что же? Да и нечѣмъ.

— А за голенищемъ что?

— Провалиться на мѣстѣ, коли есть что. Въ карманѣ ливольверишко плохонькій есть, это точно, да нѣшто мы не понимаемъ, что это никакъ невозможно, чтобы хорошаго господина да изъ ливольвера.

Опять приливъ радостнаго и удалого чувства охватилъ

сердце Виктора. Онъ пустилъ локти незнакомца и сталъ шарить въ карманѣ, ища кошелекъ.

— Ну, на, получай, скотина этакая,—весело сказалъ онъ, протягивая рублевку.—Надо бы связать тебя, дурака, да ужъ такъ, не хочу, чортъ съ тобой. Въ хорошую минуту подвернулся.

— За это чувствительнѣйше вашу милость благодаримъ, а между прочимъ, потѣшили бы, сударь, папиросочкой. Вѣрите ли совѣсти, четыре дня не курилъ.

— Ну, ладно, покуримъ.

Онъ подалъ папиросу, взялъ себѣ другую и зажегъ спичку. Но только что огонь озарилъ кусокъ дороги съ мягкою, сѣрою пылью, огромную темнозеленую лапу ели, протянувшуюся по травѣ, незнакомца съ лицомъ, пересѣченнымъ багрово-черною полосою, и Виктора,—какъ спутникъ послѣдняго отступилъ шагъ назадъ и чуть не выронилъ папиросы.

— Викторъ Егорычъ, батюшка, да вы ли это, сударь?!—крикнулъ онъ и сорвалъ съ головы старый картузъ.

— А ты то кто? я что-то не признаю тебя, — отвѣтилъ Викторъ.

— Я то? да неужели запамятовали, Викторъ Егорычъ? Никешку-то не признали.

— Никешка? вотъ это кто... ба, ба, ба!

— Онъ самый! — радостно произнесъ незнакомецъ.—Ахъ, ты, батюшки! И я-то, дуракъ, сразу не узналъ! И то думаю себѣ: кто это въ тиски меня взялъ? По силищѣ-то надо бы признать. Тоже, вѣдь, довольно познакомился съ вашими ручками въ Конюшевѣ.

Они пошли потихоньку, освѣщая дорогу вспыхивавшими папиросами.

— А сюда зачѣмъ пожаловалъ?—спросилъ Викторъ.

— А куда же мнѣ дѣваться, Викторъ Егорычъ? Въ Конюшевѣ, сами изволите знать, ни родни, ни протекціи, а здѣсь все же сродственница, Евдокѣя Корнѣевна. Опять же и вы здѣсь проживаете, Викторъ Егорычъ, — закончилъ онъ, потупясь.

— Такъ ужъ ты былъ у меня?

— Никакъ нѣтъ, сударь. Потому все Евдокіи Корнѣевны боюсь, она дѣвица строгая, а я въ бѣгахъ нахожусь: долго-ли погубить человѣка!

— А на рожѣ-то это что у тебя?

Никешка даже зубами заскрежеталъ и сразу перемѣнилъ слащавый голосъ на злобный.

— На рожѣ-то? А тутъ одинъ баринъ, чтобъ ему въ тартарары... саданулъ. Да, вѣдь, какъ, — отродясь такъ не кушалъ. Ну, да лихо мнѣ найти, чей онъ таковъ...

— А ты, видно, подбирался къ карману?

— Вѣрите-ли, только папиросочку попросилъ, а не то что... Нѣтъ, ужъ такая собака попалась... Одначе, Викторъ Егорычъ, прощенія просимъ; тутъ у меня поверточекъ будетъ лѣскомъ. И ко дворамъ пора; дѣтишки, поди, плачутъ.

— Что за дѣтишки? Ты гдѣ живешь?

— Недалечко-съ, Викторъ Егорычъ. Дворянинъ знакомый, Топтыгинъ Михайло Иванычъ, на лѣто комнаты подъ жильцовъ сдаетъ, такъ мы наняли-съ... Счастливо оставаться...

— Прощай, Никешка! А горькое твое житьишко: зайди ужъ, что-ли, ко мнѣ, когда крѣпко оголодаешь: накормлю, пожалуй и водки дамъ.

— Чувствительнѣйше благодаримъ, Викторъ Егорычъ; мы вашу добродѣтель завсегда помнимъ.

Онъ скрылся въ темнотѣ лѣсной тропинки, а Викторъ задумчиво шелъ дальше. Многое напомнила эта встрѣча съ Никешкой Виктору Егоровичу Вакулову.

Лѣсъ скоро окончился, а минуты двѣ спустя Викторъ уже входилъ во дворъ дяди, перепрыгнувъ черезъ невысокій заборъ. Гость прошелъ въ садъ, поднялся на балконъ и попробовалъ отворить дверь, но она оказалась запертой. Тогда онъ прошелъ къ угловому окну крыла и слегка постучалъ пальцемъ. Владиміръ Аркадьевичъ не услышалъ стука, но дворовая собака Нептунъ съ громкимъ лаемъ бросилась въ садъ. Викторъ уже готовился дать ей пинка ногой, какъ она, учуявъ знакомаго, перемѣнила злобный лай на ласковый визгъ и начала лизать ему руку.

Кругомъ стояла невозмутимая тишина; черная ночь угрюмо облегла окрестность; вѣяло печалью. Непонятная и непривычная робость охватила сердце Виктора. Онъ самъ дивился на себя, на свой страхъ, но чувствовалъ, что, если Владиміръ не скоро откроетъ ему окно, онъ не выдержитъ и убѣжитъ отсюда.

Онъ опять постучалъ въ окно. Съ полминуты ничего не было слышно, но потомъ заспанный и встревоженный голосъ произнесъ:

— Кто тамъ?

— Это я, я, отвори, Володя. Это я, Викторъ!

Владиміръ всталъ и раскрылъ окно.

— Ты что?

— Да такъ. Постой-ка, я влѣзу къ тебѣ.

Онъ ловко прыгнулъ на подоконникъ, а оттуда въ комнату и заперъ окно.

— Ты, видно, спалъ?

— Только сейчасъ легъ. Что-то у меня на сердцѣ нехорошо было.

— Вотъ, вотъ, и у меня тоже... Знаешь, я у тебя ночую вотъ здѣсь, на диванѣ. Такой страхъ какой-то на душѣ. Просто не понимаю, что это значитъ...

— Такъ погоди, надо постель приготовить.

— Ни, ни, ни за что. Подушка тутъ есть, а прикроюсь твоимъ пледомъ. Вотъ, такъ.

Они замолчали и прислушивались къ чему то. И все чего-то ждали. Но ничего не было кромѣ тишины.

И, вдругъ, гдѣ-то на усадьбѣ завыла протяжно и уныло собака.

— Господи,—сказалъ Владиміръ,—это еще что?

Имъ обоимъ казалось теперь, что усадьба, домъ, вся окрестность не тѣ, къ которымъ они привыкли, гдѣ было хорошо и спокойно, а совершенно иные, чуждые.

— Что дядя?—спросилъ шопотомъ Викторъ.

— Спитъ. Я давеча долго сидѣлъ у него. Все говорили про Ольгу Алексѣевну. Онъ ужъ теперь радъ за меня.

Оба брата опять замолчали и прислушивались къ чему-то. Собака завыла снова.

На часахъ въ столовой пробило три раза, мѣрный звонъ поплылъ по покоямъ и замеръ въ отдаленіи. И опять была тишина.

Викторъ плотнѣе завернулся въ пледъ и, вздрогнувъ отъ предразсвѣтнаго холодка, почти мгновенно заснулъ. За нимъ вскорѣ заснулъ и Владиміръ.

Въ стѣнѣ стала скрести мышь; гдѣ-то вдали пропѣлъ пѣтухъ. А собака все выла...

VI.

Викторъ спалъ крѣпко и сладко. Но вотъ, оказалось, что онъ находится въ глубокомъ темномъ подвалѣ безъ оконъ, съ одною тяжелою желѣзною дверью, и дверь эту теперь заколачиваютъ снаружи. Стукъ раздавался ужасный, поражающій, такой, отъ котораго готовы были обрушиться стѣны и потолокъ. Вотъ, онъ прекратился, все затихло; но Викторъ лежалъ и зналъ, что сейчасъ опять начнутъ заколачивать дверь. И тогда уже нѣтъ спасенія; никуда не уйти изъ этого душнаго чернаго подземелья. Стукъ, дѣйствительно, раздался снова. Виктору хотѣлось раскрыть глаза, пошевелить хоть пальцемъ, но это оказывалось невозможнымъ. Наконецъ, когда стукъ раздался въ третій разъ, онъ сдѣлалъ усиліе, встряхнулся всѣмъ тѣломъ и сразу сѣлъ на постели. Одновременно съ нимъ поднялъ съ подушки голову и Владиміръ.

Сѣрый, ненастный день уже глядѣлъ въ окно; на дворѣ слышна была пробуждающаяся жизнь.

Стукъ въ дверь продолжался, но вмѣсто того ужасающаго, какимъ представлялся онъ во снѣ Виктору, онъ былъ тихій и осторожный. Кто-то легко постукивалъ снаружи.

— Баринъ, Владиміръ Аркадьичъ, проснитесь, сударь,— слышался негромкій голосъ старика Савелія, камердинера Аркадія Степановича.

Владиміръ крикнулъ, что дверь незаперта, и велѣлъ войти. Савелій отворилъ дверь и, покосившись на лѣниво лежавшаго Виктора, заговорилъ упавшимъ голосомъ:

— Что-то безпокойно мнѣ, Владиміръ Аркадьичъ...

Викторъ сразу стряхнулъ съ себя остатки сна и вскочилъ съ дивана.

— Что случилось?—тревожно спросилъ онъ.

Старикъ только руками развелъ и пригнулъ голову на бокъ.

— Чудно что-то все, сударь, Викторъ Егорычъ. Трезорка ночью выть принимался, а теперича, прихожу я къ барину къ нашему, постучалъ сапоги взять. Бывало, онъ живымъ манеромъ вскочитъ, отопретъ да и назадъ въ постель, а тутъ стучу, стучу, и голоса не подаетъ. Ну, думаю, крѣпко заснулъ, видно. Подождалъ эдакъ съ полчаса, опять прихожу, все тоже... Безпокойно мнѣ, сударь, на-сердцѣ...

— Идемъ, сейчасъ идемъ къ нему,—крикнулъ внѣ себя Викторъ и почти побѣжалъ черезъ рядъ старыхъ комнатъ къ спальной Аркадія Степановича.

Но, по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ спальной, шагъ его становился тише, осторожнѣй и, наконецъ, онъ пошелъ наципочкахъ. Съ сердцемъ, совершенно упавшимъ отъ предвидѣнія чего-то ужаснаго, подошелъ Викторъ къ запертой изнутри двери и остановился перевести дыханіе. Осторожно, будто боясь нарушить какой-то таинственный покой, приложилъ онъ ухо къ замочной скважинѣ и слушалъ, и не зналъ самъ, что дѣлаетъ. Полная тишина поражала его все тѣмъже ужасомъ, какимъ охваченъ онъ былъ ночью, когда стоялъ у окна комнаты Владиміра.

Подошелъ непоспѣвшій за нимъ Савелій, а вслѣдъ за ними въ халатѣ и туфляхъ Владиміръ.

Тогда Виктору почему-то совершенно ясно представилась неизбѣжность совершившагося; онъ повернулъ къ старику растерянное лицо и прошепталъ, не зная самъ, что говоритъ:

— Господи! да что же это?

— Я не понимаю, чего вы оба преждевременно растерялись,—съ досадой сказалъ вполголоса Владиміръ и этими словами привелъ въ себя брата.

Викторъ опять повернулся къ двери, постучалъ въ нее тихонько, потомъ громче, подождалъ немного и, наконецъ, застучалъ изо всѣхъ силъ.

— Дядя, дядюшка,—зашепталъ онъ, какъ будто голосъ его имѣлъ какое-нибудь значеніе при этомъ грохотѣ въ дверь.

— Батюшка, проснитесь,—крикнулъ и Владиміръ, но отвѣта не было, и ничто не выдавало присутствія въ комнатѣ живого существа.

— Я высажу дверь,—рѣшительнымъ голосомъ сказалъ Викторъ и, получивъ одобрительный кивокъ головы Савелія, отошелъ было, чтобы съ разбѣгу ударить въ дверь, но, вдругъ, остановился и затаилъ дыханіе, прислушиваясь. И вмѣстѣ съ нимъ тревожно прислушивались теперь Савелій и Владиміръ. Въ комнатѣ старика Вакулова, очевидно, былъ кто-то: ясно слышалось какое-то движеніе, какіе-то звуки, какъ будто кто перевертывалъ листы бумаги.

— Батюшка!—громко крикнулъ Владиміръ.

— Баринъ, дядя!—еще громче повторили Савелій съ Викторомъ.

Отвѣта не было; никто не подавалъ изъ спальной голоса, а, между тѣмъ, всѣ опять и ясно разслышали все тотъ же странный звукъ.

Тогда, не будучи въ состояніи ждать долѣе, Викторъ во всю свою громадную силу двинулъ плечомъ въ дверь. Послышался трескъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и дверь, сорванная съ крючка, распахнулась настежь. На мгновеніе всѣ трое остановились въ нерѣшительности, будто боясь идти провѣрить то, въ чемъ никто уже не сомнѣвался, но, наконецъ, Савелій первый вошелъ въ спальную, а за нимъ оба брата.

Аркадій Степановичъ лежалъ на постели навзничь, совершенно уже холодный, окостенѣвшій. Красивое его лицо съ большой сѣдой бородой вѣеромъ и прядями рѣдкихъ бѣлыхъ волосъ на головѣ было спокойно и величаво. Какая-то торжественная тайная дума легла на это высокое и чистое чело; и казалось, что онъ не умеръ, а спитъ. И только полуоткрытые остановившіеся глаза указывали на то, что сонъ этотъ вѣченъ.

Около груди умершаго, у самой стѣны сидѣла любимица его, молодая, шаловливая кошечка Брыська и коротала досугъ, кокетливо потрогивая бархатной лапкой кисть шнура отъ стѣнного звонка. Кисть покачивалась и шуршала по обоямъ...

Всѣ дни передъ похоронами и нѣкоторое время послѣ нихъ Викторъ чувствовалъ странную отчужденность отъ брата, почти враждебность къ нему. Его поражало то равнодушіе, съ которымъ Владиміръ принялъ смерть отца. Въ дѣйствительности Владиміръ не только не былъ равнодушенъ къ этому событію,—онъ даже искренно горевалъ, но Виктору

горе это казалось недостаточно сильнымъ. Самъ онъ надрывался отъ печали; ему казалось, что для него все пропало, что нѣтъ и не будетъ ничего хорошаго въ жизни. Онъ и не подозрѣвалъ ранѣе, что такъ сильно привязанъ къ умершему. Но это было нѣчто больше простой привязанности. Викторъ терялъ нравственную опору и чувствовалъ, что ему не совладать съ собой, съ своей разнузданностью, теперь, когда уже нечего опасаться, что скажетъ старый дядя, какъ взглянетъ на тотъ или иной его поступокъ...

Нѣсколько дней спустя послѣ погребенія умершаго, Владиміръ вручилъ брату три тысячи рублей.

— Это по неоффиціальному завѣщанію. Въ столѣ у старика я нашелъ пакетъ съ надписью: «моя воля». Хочешь, покажу бумагу?

— Не надо, оставь. А еще что нашелъ?

— Дневникъ какой-то. Признаться, не читалъ. Я не охотникъ до дневниковъ.

— Такъ дай его, пожалуйста, мнѣ.

— Съ удовольствіемъ. Пойдемъ въ кабинетъ.

Викторъ взялъ большую переплетенную тетрадь, присѣлъ у письменнаго стола покойнаго и раскрылъ дневникъ. Это не былъ правильный дневникъ, а лишь рядъ замѣтокъ, разновременно и за много лѣтъ занесенныхъ на бумагу.

... «Господи,—читалъ Викторъ въ одномъ мѣстѣ,—если Тебѣ нужно было удостовѣриться въ моей вѣрѣ въ Тебя, Ты имѣешь свидѣтельство. Я теряю одного за другимъ моихъ дѣтей, и я вѣрую въ Тебя и славлю Тебя... Оставь мнѣ хоть одного, только одного изъ дѣтей моихъ, какъ плоть отъ плоти моей»...

... «Боже, и ее, друга моей скорбной жизни, жену мою Ты призвалъ къ Себѣ. Помоги же мнѣ сказать то, что я хочу сказать: да будетъ Воля Твоя»...

Нѣсколько лѣтъ позднѣе въ дневникъ было занесено:

... «Я дрожу за Владиміра. Странно и неестественно, но порою я не знаю, кто мнѣ ближе,—этотъ вымоленный сынъ, или племянникъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ все сильнѣе чувствуется между мной и сыномъ не охлажденіе, но отчужденіе. Мы не понимаемъ другъ друга, мы будто чужіе другъ другу. Мнѣ такъ часто думается: «о, еслибы ты былъ холоденъ или горячъ». Но въ немъ нѣтъ ни холода, ни жара, и мнѣ кажется порой, что онъ ходячій мертвецъ, не способный ни къ любви, ни къ ненависти. Онъ эгоистъ до мозга костей. Онъ все цѣнитъ постольку, поскольку это пригодно ему»...

Викторъ задумался надъ своими словами и мысленно провѣрялъ правильность оцѣнки покойнымъ сына. Въ словахъ старика слышалась скорбь, жалоба на разочарованіе, но

оцѣнка казалась правильной. Викторъ зналъ, что дальше будетъ о немъ, и страхъ передъ этимъ приговоромъ удерживалъ его отъ чтенія. Въ эту самую минуту его позвали на панихиду. Онъ закрылъ тетрадь, сунулъ ее въ ящикъ письменнаго стола умершаго Аркадія Степановича, а позднѣе совсѣмъ позабылъ про дневникъ. И только нѣсколько лѣтъ спустя припомнилась ему эта тетрадь.

Понихиды кончились; надъ свѣжей могилой стоялъ новый крестъ; въ Москвѣ былъ заказанъ дорогой мраморный памятникъ. Земля приняла въ свои нѣдра то, что еще вчера было существомъ съ разумомъ и волею. А жизнь не ждала, шла впередъ. И надо было жить, и думать о жизни. Но тяжелое чувство не покидало Виктора. Этотъ тридцатитрехлѣтній человѣкъ, уже испытанный жизнью, видавшій нужду, знакомый даже съ голодомъ, сильный тѣломъ, гордый, казалось бы, духомъ, былъ въ положеніи ребенка, безпомощнаго, жалкаго душевнымъ безсиліемъ.

VII.

Викторъ сидѣлъ съ папиросой въ зубахъ въ креслахъ въ своемъ домикѣ, когда вошла Дуня и начала сердито прибирать въ комнатѣ, причемъ немилосердно швыряла предметы съ одного мѣста на другое. Этотъ пріемъ ея безошибочно означалъ, что она чѣмъ-то недовольна и что-то хочетъ сообщить Виктору.

— Ну, говори, что у тебя тамъ,—хмуро спросилъ онъ, когда ему надоѣла возня Дуни.

— Что у меня? Ничего у меня,—сердито отвѣтила она, продолжая свою работу.

Викторъ терпѣливо выждалъ, и черезъ минуту Дуня опять заговорила:

— Вонъ, полюбуйся! Пріятель-то опять приползъ.

— Какой пріятель?

— Еще спрашиваетъ, безстыжіе глаза. Одни у тебя пріятели,—бѣглые да бродяги.

— Никешка, что-ли?

— А знаешь, такъ чего и спрашиваешь?

— Позови.

Дуня вышла, сердито хлопнувъ дверью, и немного спустя въ комнатѣ появился Никешка, оборванный, засаленный, но радостно улыбающійся.

— Здравствуйте, сударь, Викторъ Егоровичъ,—проговорилъ онъ, кивая головой и поправляя рукой отросшіе, волнистые волосы.—Все ли въ добромъ здоровьѣ ваша милость?

— Садись,—отвѣтилъ Викторъ.—Я-то живу, а вотъ ты что дѣлаешь? По всѣмъ видимостямъ—бродягой сталъ.

— Эхъ, сударь, талантъ погубилъ. Черезъ собственное призваніе пропадаю...

— Какой тамъ еще талантъ? Ты не финти,—знаешь, не люблю твоихъ дурацкихъ остротъ.

— Да что, батюшка, Викторъ Егоровичъ. Какъ уѣхали вы, сударь, изъ Конюшева, остался я нагъ и сиръ. Одначе, думаю себѣ, не пропадать же хорошему человѣку. Ну, и натолкнись я тогда на одного мастера, изъ евреевъ. Слово за слово, вижу парень умственный, и приступилъ къ нему въ компанію.

— Контрабандой что ли занялись?

— То есть вы, Викторъ Егоровичъ, завсегда въ самую центру потрафите. Удивленія достойно.

— Ну, васъ, подлецовъ, живо и сцапали?

— Акуратъ такъ-съ. А все черезъ этого проклятаго Юзефка,—парень такой у насъ былъ подрушный. Длинный, да бѣлый, а сердцемъ слабъ, большую слабость имѣлъ. Несемъ это мы съ нимъ товаръ, дѣло къ вечеру. Тутъ бы намъ свернуть передъ городомъ въ лѣсокъ, да пройти подальше, а ночью потихонечку перетаскать къ Шмулю. А этотъ Юзефка, дьяволъ его заѣшь, сталъ середь дороги, да и кажетъ изъ кармана бутылку. Эдакая, доложу я вамъ, сударь, Викторъ Егорычъ, сволочь, что и разсказать никакъ невозможно.

— Ну, и надрызгались! Ахъ, болваны!—захохоталъ Викторъ.

— Вотъ ужъ истинное ваше слово, что болваны. Приложились этта мы съ нимъ разъ, два, да и вылокали всю бутылку. Это бы еще куда ни шло, Викторъ Егоровичъ, ежели-бы поостеречься дальше. Да тутъ опять меня лукавый толкни: надо, думаю, мнѣ со своей стороны Юзефку уважить. Пошарилъ я въ спинжакѣ, а тамъ у меня своя бутылка: А водка, сударь, въ той сторонѣ, сами знаете, крѣпка.

— Знаю, ну, дальше! Не росписывай!

— Да что!—вздохнулъ Никешка, — и разсказывать не стоитъ: роспили, да тутъ же передъ городомъ на дорогѣ спать и залегли... Очнулись къ вечеру—въ титахъ!.. Передъ Левисонкой-то подлецами какими оказались: товаръ такъ на дорогѣ солдатики и подобрали.

— Дуракъ, дуракъ! Однако, ты мнѣ вотъ что скажи, по-совѣсти: никого не укокошилъ? а?

— Что вы, сударь, Викторъ Егоровичъ, чать, мы тоже о душѣ-то помышляемъ.

— Какъ-же ты убѣжалъ?

— Солдатика конвойнаго, прости, Владыко, мое прегрѣ-

шеніе, камышкомъ по головушкѣ тюкнулъ. Легонечко, разика четыре.

Викторъ заскрежеталъ зубами.

— Ахъ, подлецъ! На смерть что-ли?

— Никакъ нѣтъ. Свалился точно, а только всетаки отдышался.

— А револьверъ гдѣ взялъ?

— А это, сударь, купецъ одинъ подарилъ,—весело заговорилъ бродяга.—Въ Ирбитъ на ярманку ѣхалъ. Я и думаю себѣ: на что купцу ливольверъ? Онъ, купецъ, и въ руки-то ливольвера взять не умѣетъ. А ямщикъ-отъ мнѣ знакомецъ, съ родни приходился: въ одномъ трактирѣ изъ одного стакашка тянули. Ну, мы грѣшнымъ дѣломъ, купцу на шею кушачекъ да по кармашкамъ. Ванька взялъ часы, а я эту штучку, да деньжатами подѣлились. Да что? пустое дѣло пришлось, всего по четвертной. Купецъ-отъ порожній ѣхалъ.

— Задушили таки?... Глаза у Виктора сверкнули.

— Никакимъ манеромъ! И по сію пору торгуетъ. Только и было, что испужался сильно.

— Ну, слушай, Никешка! Мерзавецъ ты большой! Разумѣется, я тебя въ станъ не отошлю, пожалуй одежонку какую нибудь дамъ и денегъ на дорогу. Ну, а самъ ты понять долженъ, что сидѣть у меня тебѣ не годится.

— Какъ не понять, сударь, Викторъ Егоровичъ.

— Отдохнуть можешь. Только чтобы никакого баловства. Слышишь? А то, братъ,—духъ вонъ вышибу! Знаешь меня!

— Ужъ на этомъ извольте быть безъ сумлѣнія. Я, сударь, васъ беречи долженъ.

Онъ вышелъ въ кухню, а Викторъ долго сидѣлъ, задумавшись, перебирая мыслями минувшіе годы. Припоминалась ему прежняя его безпутная полковая жизнь съ ея кутежами, развратомъ и обидами мирнымъ обывателямъ. Въ томъ маленькомъ еврейскомъ мѣстечкѣ, гдѣ стояла его рота, пришлось ему познакомиться съ мѣщаниномъ Никитой Лукояновымъ. Человѣкъ этотъ проживалъ у своей тетки, вдовы жандармскаго унтеръ-офицера, торговавшей на базарѣ кой-какою мелочью. При ней проживала и дочь ея, молоденькая и красавица собой Дуня, на которую заглядывались молодые офицеры. Черноокая, еще не развившаяся физически, но много обѣщавшая въ будущемъ, Дуня держала себя строго и сердито. При одномъ приближеніи къ ихъ дому офицера Дуня, чуявшая почти въ каждомъ мужчинѣ, а особенно въ военномъ, врага, сердито хмурила красивыя, темныя брови и вся настораживалась, будто готовясь къ отпору. Въ то время у нея изъ женскихъ инстинктовъ развито было

одно чувство стыдливости и самообороны, для которой было не мало поводовъ.

Викторъ, безпутный и беззаботный, тоже увлекся красотой дѣвушки и со свойственнымъ ему бурнымъ нетерпѣніемъ стремился къ цѣли. Въ его понятіяхъ не было ничего дурного обольстить женщину, да онъ и не задумывался надъ этими вопросами. Не разъ пытался онъ зайти въ домикъ старухи Лукояновой, заговорить съ Дуней; пытался задобрить дѣвушку подарками, но всегда встрѣчалъ одно и тоже: гнѣвный, огневой взглядъ черныхъ глазъ, грубость и оскорбленіе. Дѣвушка, какъ злой звѣрекъ, тотчасъ-же вся вспыхивала гнѣвомъ и хваталась за кочергу, ухватъ или скалку... Не разъ молодому шалопаю и попадало довольно больно по плечу валькомъ, когда онъ пытался быть смѣлѣе.

Обращался Викторъ и къ обычнымъ посредникамъ и посредницамъ въ этихъ дѣлахъ. Посредники брали деньги, клялись, что дѣло будетъ сдѣлано, и ничего не добивались. Тогда на сцену явился безпутный, какъ его всѣ звали, Никешка, двоюродный братъ Дуни.

Никешка существовалъ мелкимъ поденнымъ заработкомъ, таскалъ на рѣкѣ кули, подметалъ улицы, сторожилъ по ночамъ, не брезгая самымъ гнуснымъ подслуживаніемъ офицерамъ; временами онъ прикидывался знатокомъ лошадиныхъ и коровьихъ болѣзней и смѣло открывалъ больной скотинѣ кровь на пяткахъ, но чаще всего поворовывалъ, преимущественно у евреевъ, которые все больше и больше озлоблялись на него. И вотъ, случилось однажды такое дѣло. Викторъ выходилъ изъ своей квартиры и уже готовился запереть дверь комнаты, какъ вдругъ услыхалъ неистовый крикъ на улицѣ и топотъ многочисленныхъ ногъ. Не успѣлъ онъ опомниться, какъ изъ переулка шмыгнулъ къ нему въ темныя сѣни, гдѣ онъ стоялъ, блѣдный, всклокоченный Никешка, весь согнутый, какъ бы прячась, растерянный, потерявшій присутствіе духа. Онъ бросился прямо къ ногамъ Виктора.

— Ваше благородіе, спасите,—не своимъ голосомъ прокричалъ онъ.

А въ это время изъ улицы уже валила въ переулокъ, гдѣ была квартира Виктора, громада евреевъ, разъяренныхъ, потерявшихъ понятіе о страхѣ, объ отвѣтственности. Размахивая руками, толкаясь другъ о друга въ нестройномъ шествіи, евреи, съ фуражками, окончательно съѣхавшими на затылки, съ глазами, горѣвшими зловѣщимъ огнемъ, всѣ черные и въ черныхъ, длиннополыхъ кафтанахъ громко говорили всѣ разомъ на непонятномъ своемъ языкѣ и валили прямо къ квартирѣ Виктора.

VIII.

Долго не раздумывая, поддаваясь первому побужденію, Викторъ отворилъ дверь квартиры, толкнулъ туда скорчившагося у его ногъ Никешку, заперъ его, спокойно вышелъ на улицу и сталъ у порога сѣней на верхней ступенькѣ. Толпа уже была передъ нимъ.

— Пане, отвори,—раздались неистовые голоса на ломаномъ русско-польскомъ языкѣ. Здѣсь скрылся мошенникъ!

Толпа напирала все больше и больше. Кто-то сталъ на нижнюю ступеньку лѣстницы и протянулъ руку къ рукѣ Виктора, державшей большой ключъ отъ квартиры. Викторъ быстро ударилъ этимъ ключомъ по костлявой рукѣ смѣльчака, и отважный передовой боецъ спрыгнулъ съ лѣстницы.

А крики все возрастали.

Викторъ спокойно стоялъ и слушалъ. Потомъ вынулъ папиросу и медленно закурилъ ее. Возбужденіе толпы, удивленной этимъ спокойствіемъ, стало понемногу уменьшаться. Кто-то изъ болѣе рьяныхъ скользнулъ въ сѣни и сталъ трясти ручку двери. Викторъ молча обернулся и молча же, но довольно сильно ударилъ по шеѣ смѣльчака хлыстомъ, съ которымъ никогда не разставался. Смѣльчакъ вскрикнулъ отъ боли и, какъ на пружинахъ, отскочилъ въ сторону. Толпа опять было зашумѣла, но сразу умолкла, недоумѣвая, что же это, наконецъ, происходитъ.

— У меня нѣтъ никого,—громко сказалъ Викторъ,—да и не смѣете вы ломиться въ мою квартиру. Идите жаловаться, кому хотите, но отсюда прочь.

— Панъ не смѣетъ прятать злодѣевъ; панъ будетъ отвѣчать по закону,—раздались уже одиночные голоса.

Въ это время прибылъ, извѣщенный о безпорядкахъ, полицейскій офицеръ.

— Послушайте, капитанъ,—обратился къ нему Викторъ,—разгоните, пожалуйста, этихъ подлецовъ.

— Мы не подлецы,—раздалось въ толпѣ, — мы честные люди, а панъ прячетъ злодѣя... Мы будемъ жаловаться полковнику, самому пану енаралу.

— Тутъ, изволите видѣть, — смущенно началъ полицейскій офицеръ,—совершенъ грабежъ. Нѣкто Лукояновъ вырвалъ у одного купца...

— Вѣрю, прервалъ Викторъ, — но я-то тутъ причемъ? Вѣдь, не пособникъ же я ворамъ. Мимо меня, дѣйствительно, пробѣжалъ какой-то человѣкъ и скрылся вонъ туда, а они ко мнѣ...

— Слышите,—обратился капитанъ къ толпѣ,—господинъ офицеръ видѣлъ, что воръ убѣжалъ во дворъ.

Послышались возгласы недовѣрія, кто-то видѣлъ, какъ Никешка вошелъ въ квартиру Виктора. Но другіе усомнились въ послѣднемъ обстоятельствѣ, стали догадываться, не къ Лейбѣ-ли убѣжалъ воръ, такъ какъ Лейба тоже большой подлецъ. Наконецъ, порѣшили уйти, оставивъ караульныхъ у дома.

Тогда Викторъ, не обращая больше вниманія на обиженныхъ, ушелъ въ клубъ. Онъ тамъ игралъ до полночи и совершенно позабылъ про Никешку. Вспомнилъ онъ о своемъ гостѣ, лишь вернувшись домой и зажигая свѣчу. Оказалось, однако, что Никешки нигдѣ нѣтъ: ему наскучило сидѣть взаперти и онъ вылѣзъ черезъ форточку, успѣвъ въ эту счастливую для него ночь украсть еще фартукъ у старой еврейки. Но у Виктора онъ не тронулъ ничего, хотя на столѣ лежало нѣсколько мелочи и были кое-какія цѣнныя вещи.

Съ тѣхъ поръ Никешка страшно привязался къ Виктору, постоянно терся на его кухнѣ и всячески старался услужить ему. Викторъ давалъ ему порученія, и Никешка всегда исполнялъ ихъ точно и честно. Изрѣдка, покупая что-нибудь для Виктора, онъ позволялъ себѣ забѣжать въ кабакъ и выпить на барскій гривенникъ, но, совершивъ это, каялся немедленно. Просто же съ квартиры у Виктора никогда ничего не укралъ.

Викторъ давалъ ему иногда трепку. Тогда Никешка поеживался, но принималъ это, какъ должное, и не сердился на «своего барина».

И вотъ, этотъ Никешка рѣшился отблагодарить своего избавителя чѣмъ нибудь посущественнѣе мелкихъ послугъ. Зная, что Викторъ все больше и больше увлекается Дуней, но не имѣетъ успѣха, онъ, пользуясь отъѣздомъ старухи тетки въ сосѣдній городъ, гдѣ она вскорѣ скоропостижно умерла, вызвалъ разъ Дуню вечеромъ погулять, сманивъ ее обѣщаніемъ купить пряниковъ. Ничего не подозрѣвавшая дѣвушка сначала строго посмотрѣла прямо въ лицо Никешкѣ своими черными, гнѣвливыми глазами, но потомъ, не говоря ни слова, накинула платокъ и вышла за братомъ.

Никешка долго балагурилъ, пѣлъ пѣсни, даже пускался въ присядку по пустынной въ эту пору дня улицѣ и потомъ, будто случайно, свернулъ въ переулокъ, гдѣ жилъ Викторъ. Здѣсь, поровнявшись съ квартирой послѣдняго, онъ неожиданно схватилъ дѣвушку на руки и, прежде чѣмъ она успѣла опомниться, былъ съ нею уже въ сѣняхъ дома. Тутъ Дуня чуть было не испортила плановъ Никешки, схвативъ его одной рукой за носъ, а другой за нижнюю губу и впустивъ при этомъ ногти въ тѣло, но Никешка уже отворилъ дверь и втиснулъ дѣвушку въ комнату.

Викторъ не могъ дать на другой день объясненіе знакомымъ, почему у него подъ правымъ глазомъ такая глубокая царапина и почему забинтована его лѣвая рука. Но, несмотря на эти двусмысленные признаки, онъ успѣлъ удержать у себя Дуню и даже такъ крѣпко, что она уже не порывалась уйти отъ него. Она долго оставалась дикимъ, злобнымъ звѣркомъ, молчала, ѣла украдкой, а плакала только тогда, когда ея никто не видалъ; но понемногу, казалось, привыкла къ своему положенію.

Викторъ вскорѣ совершенно охладѣлъ къ ней и не прочь былъ, чтобы она ушла отъ него, но дѣвушка не обнаруживала ни малѣйшаго желанія уйти.

Она, повидимому, привязалась къ нему, но какъ-то особенно, по своему. Она не разговаривала съ нимъ, не отвѣчала на его вопросы, гнѣвно взглядывала на него огненными глазами и не разъ старалась досадить ему, испортить его любимую вещь, сдѣлать ему больно. Вообще она глубоко прятала свое сердце и раскрывала его только одному Каро, черному сетеру, котораго цѣловала въ самую морду, съ которымъ дѣлила обѣдъ. Но за то тосковала, если Викторъ долго не приходилъ домой, не ложилась спать до его возвращенія и сидѣла въ потемкахъ въ углу дивана, грустно подперевъ голову. При возвращеніи Виктора она слегка вспыхивала румянцемъ на смуглыхъ щекахъ, но, вслѣдъ за тѣмъ, не прочь была опять досадить ему чѣмъ-нибудь.

Когда однажды Викторъ серьезно заболѣлъ, она просиживала надъ нимъ цѣлыя ночи, блѣдная, тоскующая и страдающая, но помощи не умѣла оказать никакой, не помнила, когда подать лекарство, не знала, какъ поправить постель.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и Викторъ уже самъ не могъ бы примириться съ ея уходомъ. Она развилась въ настоящую красавицу и привязывала его къ себѣ страстью, которая таилась въ ней. Онъ началъ подумывать о бракѣ, но она гнѣвно и наотрѣзъ отказалась.

— Какая я тебѣ жена буду; нѣшто такія жены бываютъ? Не смѣй и думать объ этомъ, а то уйду.

Онъ пытался одѣвать ее богато и хорошо. Но она не умѣла носить модныхъ платьевъ и дурнѣла въ нихъ. Она хороша была, одѣтая по мѣщански, нарядно, но своеобразно, въ кофтѣ, сшитой не по таліи, въ шелковомъ платочкѣ, надвинутомъ на лобъ. Всѣ ея движенія, въ противорѣчіе съ грубыми разговорами, были нѣжны, красивы и мягки, она вся дышала нѣгой проснувшейся страсти...

На третьемъ году ихъ сожительства Викторъ сталъ со страхомъ замѣчать, что Дуня беременна. Но, когда онъ заговаривалъ объ этомъ, она сердилась и отрицала.

— Глупостевъ-то не говори. Съ чего мнѣ быть тяжелой...

Разъ, вечеркомъ она вышла изъ дома и не возвращалась нѣсколько дней, такъ что Викторъ уже думалъ, что она бросила его. Когда же вернулась, то была страшно худа и блѣдна; прежніе признаки исчезли.

У нея было одно чувство, которое било наружу, въ которомъ невозможно было сомнѣваться,—это жгучая ненависть къ Никешкѣ. Никешка терпѣлъ отъ нея горькую участь. Онъ по прежнему любилъ зайти къ Виктору, чтобы взять отъ него какое-нибудь порученіе, всегда хорошо оплачиваемое, или просто посидѣть съ деньщикомъ на кухнѣ вечермъ.

Въ эти, какъ всѣмъ извѣстно, поэтическія минуты прощанія дня Никешка обыкновенно погружался въ грустное настроеніе духа, бралъ гитару и пѣлъ тончайшимъ фальцетомъ что-нибудь непремѣнно меланхолическое и сентиментальное. Особенно любилъ онъ гдѣ-то подслушанную семинарскую пѣсню: «дѣва прелестная, дѣва жестокая, ангелъ безплодныхъ молитвъ»...

Эти минуты всегда бывали пріятны Никешкѣ, тѣмъ болѣе, что другъ его деньщикъ не забывалъ поднести ему рюмку-другую водки изъ хозяйскаго буфета. Но очень часто Дуня отравляла брату восторгъ музыкальнаго настроенія. Если она входила тогда за чѣмъ нибудь въ кухню, то немедля хмурила густыя, черныя брови, сердито взглядывала на него, и вся ея красивая фигура, ея лицо страстное и выразительное—дышали жгучей, пугающей злобой.

— А, Іуда!—шипѣла она,—туда же жуликъ пѣсни запѣлъ... Вотъ, такъ бы и разразила подлеца въ дребезги. Прочь отсюда!

А если Никешка, всегда при этомъ съеживавшійся и затихавшій,—пытался хоть что-нибудь возразить, она окончательно свирѣпѣла, хватала его за жидкій вихоръ и пребольно дергала книзу. Съ лѣтами она стала сильна, а Никешка, не смотря на свою вороватость и нахальство, всегда былъ трусоватъ. Дуню онъ просто боялся и величалъ ее даже за глаза не иначе, какъ Евдокіей Корнѣевной.

Когда Викторъ вышелъ въ отставку и собирался на свой хуторъ, онъ думалъ было разстаться съ Дуней. Но въ ту минуту, когда порѣшилъ сказать ей объ этомъ, почувствовалъ вдругъ, что не въ силахъ оставить ее. Она стала для него чѣмъ-то привычнымъ, необходимымъ. Да притомъ онъ чувствовалъ, что это не такъ легко: Дуня не согласилась бы на разлуку.

— Ты меня погубилъ,—говорила она,—такъ ты же и терпи за это.

И онъ терпѣлъ ея тяжелый, злобный характеръ, ея безалаберность, ея наклонность къ безпорядку.

Кончилось тѣмъ, что онъ уѣхалъ на хуторъ вмѣстѣ съ ней, оставивъ Никешку на произволъ судьбы въ Конюшевѣ.

IX.

Когда впечатлѣнія отъ неожиданной смерти старика Вакулова немного улеглись, Викторъ вспомнилъ опять о тѣхъ, о комъ совсѣмъ было забылъ въ эти тяжелые для него дни, о семьѣ Абазовыхъ и, главное, объ Ольгѣ. И какъ только вспомнилъ, ему сейчасъ же стало какъ-то особенно радостно на сердцѣ, какъ бываетъ весною въ свѣтлый, теплый день, когда послѣ недавнихъ непогодъ пахнетъ, вдругъ, тепломъ и радостью.

Ѣхать къ Абазовымъ, погрузиться въ чистую атмосферу честной, дружной семьи, а главное, опять увидать Ольгу, приглядываться къ ея милому лицу, слушать ея голосъ,—вотъ чего хотѣлось теперь ему, о чемъ онъ думалъ. И тутъ же вспомнилась ему его собственная жизненная обстановка, мракъ его восьмилѣтняго сожительства съ Дуней, связи чисто животной, наполненной одними чувственными восторгами, безъ намека даже на что-либо духовное.

Изъ глубины минувшаго на него повѣяло тьмой. Тамъ, въ этомъ минувшемъ, не было даже мысли о чемъ-либо повыше кутежей и разврата. И при томъ тоска, тоска, какъ будто стонъ души, порабощенной одними тѣлесными побужденіями.

Сомнѣнія нѣтъ, онъ способенъ къ лучшему, онъ тяготился пошлостью, жаждалъ въ глубинѣ души свѣта, но побужденія эти всегда спали и проснутся-ли когда-либо—одинъ Богъ знаетъ. Надъ нимъ сильна деспотическая власть тѣла, этого могучаго, мускулистаго, красиваго тѣла, неутомимаго, готоваго противостоять разрушительнымъ вліяніямъ вина, разгула, безсонныхъ ночей.

Виктору съ особенной ясностью вспомнились тѣ рѣдкія, но жгучія мгновенія, которыя онъ переживалъ иногда въ прошедшемъ. Бывало, сидитъ онъ въ компаніи товарищей и женщинъ гдѣ-нибудь въ кабинетѣ плохонькаго провинціальнаго ресторана. Усталый лакей уноситъ пустыя бутылки, несетъ новыя, полныя кислаго венгерскаго вина, на столѣ остатки ужина; женщины раскраснѣлись, на всѣхъ лицахъ печать искусственнаго, неестественнаго возбужденія.

Идетъ часъ за часомъ; перешло за полночь; страсти разгораются, по мѣрѣ того, какъ лица блѣднѣютъ. Слы-

шатся безобразные анекдоты, раздаются нечистые поцѣлуи. И вотъ, всегда бывало такъ, что Виктору, вдругъ, съ нестерпимой болью ударитъ въ сердце печаль по чемъ-то невѣдомомъ, но прекрасномъ, по чемъ-то такомъ, что напомнитъ весну, майское голубое небо, свѣтъ лампады у кіота въ дѣтской, гдѣ, бывало, засыпалъ онъ такъ сладко ребенкомъ, поцѣлуй милыхъ устъ матери, ея мягкую, ласковую руку. И всегда вспоминалось это именно среди ночной оргіи, въ разгаръ того веселья, которымъ онъ жилъ, на которое тратилъ свои силы.

Онъ опять вспоминалъ про Ольгу, про свое неясное, неопредѣленное чувство къ ней. Онъ не будетъ мѣшать Владиміру, да онъ и не думаетъ о Владимірѣ. Ему просто хорошо припомнить впечатлѣнія отъ встрѣчъ съ Ольгой, какъ хорошо бываетъ вспомнить о тепломъ и ясномъ весеннемъ днѣ.

Иная, новая, нежданная мысль родилась въ немъ, возросла и болью ударила въ сердце. Впервые за всѣ эти восемь лѣтъ вспомнилось ему, что онъ виновенъ передъ Дуней, преступенъ предъ ней. Вотъ, именно, теперь, когда онъ смягчается душой, когда онъ раскрываетъ сердце лучшимъ побужденіямъ, когда отыскиваетъ въ своей душѣ человѣка, именно, теперь-то онъ и припоминаетъ себѣ, съ безпощадною ясностью представляетъ вину свою передъ Дуней. Какъ знать, что вышло бы изъ этой женщины при иныхъ условіяхъ? Она, быть можетъ, вышла бы замужъ, испытала бы настоящую любовь, познала бы радость материнства. А онъ лишилъ ее всего этого; онъ не просто соблазнилъ ее, а взялъ силой, грубо, подло, безъ намека на любовь, просто ради одной животной страсти. Ему вспомнилось, вдругъ, отчетливо, болѣзненно, какъ плакала она, какъ на колѣняхъ умоляла его. И потомъ, какъ сидѣла она, точно сраженная чѣмъ-то невыносимо ужаснымъ, низко опустивъ красивую голову съ поблѣднѣвшимъ лицомъ. Съ какимъ непередаваемымъ чувствомъ произнесла она, бросивъ вдругъ обѣ руки внизъ:

— Загубили, загубили!..

И больше ни одного слова упрека. Загубили, не воротить!

А это исчезновеніе ея на нѣсколько дней въ тотъ періодъ, когда она казалась беременной. Какъ мало онъ обратилъ на это вниманія въ то время. Теперь дрожь прошла по всему его тѣлу. Неужели, о неужели у нея былъ ребенокъ?.. Викторъ опять вздрогнулъ.

Нѣтъ,—думать объ этомъ было слишкомъ тяжело... Онъ опять вернулся мыслью къ Абазовымъ и немного спустя велѣлъ заложить лошадь и поѣхалъ въ Васильевскъ.

Дорога бѣжала въ гору, туда, гдѣ изъ-за купъ деревьевъ уже сверкали золотыми крестами церкви города. Тамъ, за

этими купами есть что-то, что наполняетъ сердце Виктора предчувствіемъ иныхъ, чистыхъ радостей.

Онъ робко позвонилъ у дверей дома Абазовыхъ и неувѣренно вошелъ въ гостиную. Катерина Ивановна не узнала его сначала, но потомъ, узнавъ, обрадовалась.

— Ну, что, какъ нашъ милый Владиміръ Аркадьевичъ себя чувствуетъ?..—Ахъ, ахъ, ахъ, какое несчастіе! И вамъ, конечно, тяжело, но каково ему-то... ахъ, ахъ, ахъ...

— Развѣ Володя не былъ у васъ?—спросилъ Викторъ.

— Нѣтъ еще. Записку прислалъ, а самъ еще не былъ... Ахъ, ахъ... И какой прекрасный былъ старикъ. Какъ мы горевали, когда узнали...

Вошла Юленька, скромно присѣла и вся вспыхнула, вспомнивъ, что она влюблена въ этого гостя. Викторъ съ удовольствіемъ поглядѣлъ на ея хорошенькое личико и почувствовалъ, что это личико, такъ удивительно напоминавшее лицо старшей сестры, дорого ему. И опять онъ думалъ объ Ольгѣ и о своемъ начинающемся чувствѣ.

Изъ кабинета вышелъ Абазовъ и сочувственно пожалъ руку гостю. Алексѣю Ѳедоровичу хотѣлось бы сказать, что онъ былъ глубоко пораженъ, узнавъ о смерти стараго Вакулова, что онъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, любилъ и уважалъ этого человѣка, но Абазовъ не сказалъ ничего и только молча трясъ руку Виктора. Ему, Абазову, нельзя настраивать себя на грустный тонъ, нельзя принимать близко къ сердцу какія бы то ни было печали. Онъ долженъ помнить, что грусть, огорченія истощаютъ человѣка, подрываютъ его силы, а Абазову силы нужны для работы на семью. Онъ сказалъ еще нѣсколько словъ женѣ и, извинившись передъ гостемъ, ушелъ въ клубъ съиграть обычную четверговую партію безика.

Потомъ пришла Ольга и тоже поговорила объ умершемъ, котораго нѣсколько разъ встрѣчала у знакомыхъ, и о горѣ Владиміра Аркадьевича.

Викторъ просидѣлъ цѣлый вечеръ у Абазовыхъ и не замѣчалъ, какъ время идетъ. Женщины работали у круглаго обѣденнаго стола; даже маленькая Варя, и та что-то вязала длиннымъ костянымъ крючкомъ, который не много былъ меньше ея. Юленька и Лидочка шептались между собою и хихикали, изрѣдка взглядывая на гостя лукавыми и вмѣстѣ застѣнчивыми глазками, а Катерина Ивановна, любившая поговорить, безъ умолку разсказывала о томъ, какъ она была дружна съ покойной матерью Владиміра Аркадьевича и какъ горевала при кончинѣ послѣдней.

Она, Катерина Ивановна, знала и Викторову мать, но меньше. И вообще семья Вакуловыхъ всегда была близка и дорога ея, Катерины Ивановны, сердцу; точно свыше опре-

лѣлено ей, Катеринѣ Ивановнѣ, чувствовать душой огорченія Вакуловыхъ.

Викторъ съ удовольствіемъ поддерживалъ разговоръ съ Абазовой, но глаза и сердце его были дальше, на томъ концѣ стола, гдѣ, склонивъ хорошенькую русую головку къ шитью, аккуратно и умѣло работала маленькими, красивыми руками Ольга. Дѣвушка работала прилежно, но по загоравшимся ея ушкамъ Викторъ зналъ, что она чувствуетъ на себѣ его взглядъ. Раза два она подняла на него лучистые глаза и оба раза быстро опустила ихъ, слегка хмуря бѣлый лобъ. Викторъ понималъ, что она не одобряетъ его восторженнаго взора, но что въ самомъ отдаленномъ тайникѣ ея сердца шевелится благодарное къ нему чувство. Благодарное,—вопреки ея желанію.

X.

Но потомъ его охватывала робость. Онъ упрекалъ себя въ самонадѣянности, ясно видѣлъ, что дѣвушка вовсе и не думаетъ о немъ и не замѣчаетъ его, что то, что онъ принималъ за выраженіе пробуждающагося въ ея душѣ сочувствія къ нему,—ничто иное, какъ простая вѣжливость хозяйки къ гостю. Тогда онъ падалъ духомъ и на мгновеніе весь міръ казался ему исполненнымъ печали, какъ въ то время, когда клали въ бѣлый, позументомъ украшенный гробъ дорогого ему покойника Аркадія Степановича.

Но, когда Викторъ простился съ хозяевами послѣ ужина и когда Катерина Ивановна и Ольга пошли проводить его, онъ снова прочиталъ въ ясныхъ, свѣтлыхъ глазахъ дѣвушки, державшей свѣчу въ темной прихожей, что-то такое, что заставило забиться его сердце. Тогда ему захотѣлось придумать что-нибудь, чтобы хоть на минуту еще остаться вблизи Ольги. Надѣвъ пальто и застегнувшись, онъ еще разъ подошелъ къ Катеринѣ Ивановнѣ и протянулъ ей руку.

— До свиданія,—сказалъ онъ.—Вы не повѣрите, какъ я у васъ отдохнулъ душой.

— До свиданія,—ласково отвѣтила Абазова,—заѣзжайте чаще, мы вамъ всегда рады...

Потомъ онъ повернулся со словами прощанія къ Ольгѣ и съ наслажденіемъ почувствовалъ, какъ ея маленькая рука потонула въ его огромной рукѣ. Ему жалко было выпускать эту руку, и онъ яснѣе, чѣмъ когда-либо, почувствовалъ, что полюбилъ новой, чистой, дотолѣ неизвѣстной ему любовью.

Онъ ѣхалъ по темной дорогѣ, подъ чернымъ небомъ, укрытымъ тучами, и душа его ликовала. Онъ не отдавалъ себѣ

отчета въ томъ, что будетъ дѣлать дальше, какъ примиритъ свою влюбленность въ Ольгу съ намѣреніемъ Владиміра, какъ рѣшится стать соперникомъ двоюродному брату, и рѣшится-ли, и надо-ли рѣшаться. Онъ просто отдавался непосредственному новому и чистому чувству. И впервые за всю свою жизнь взрослаго человѣка онъ относился въ душѣ съ глубокимъ уваженіемъ къ женщинѣ, не позволяя себѣ ни одной нечистой мысли относительно Ольги. А это было для него ново и непривычно.

Катерина Ивановна долго еще сидѣла въ этотъ вечеръ съ работой въ рукахъ и все думала одну думу. Абазова хорошо видѣла, что Владиміръ Аркадьевичъ ухаживаетъ за Ольгой.

Она хотѣла этого брака. Правда, временами что-то тревожило сердце матери; тамъ, въ этомъ сердцѣ, роились какія-то назойливыя опасенія, но Катерина Ивановна вспоминала о томъ, что года черезъ два-три у нея на рукахъ очутятся еще двѣ дѣвушки-невѣсты, а тамъ станутъ подростать Варя съ Леночкой, и что Владиміръ Аркадьевичъ богачъ, который можетъ всѣхъ ихъ обезпечить. И тогда болѣзненныя мысли уходили прочь.

Захочетъ-ли Ольга? Мать не сомнѣвалась въ великодушіи дочери, думала, что Ольга пойметъ тѣ перспективы, которыя связаны для семьи съ этимъ бракомъ. Да какъ не пожелать выйти за этого человѣка? Молодъ, собой не дуренъ, богатъ.

— Худъ онъ очень,—думала Катерина Ивановна,—совсѣмъ чахлый какой-то; да и всѣ въ этой семьѣ больными росли.—Но затѣмъ она глубоко прятала въ себѣ думу о томъ, что и это не большая бѣда. Если Олечка и овдовѣетъ, то... средства-то все-же останутся у нея.

Но эту мысль Катерина Ивановна спѣшила запереть въ тайникъ сердца, а наружу выпускала смиренныя соображенія:

— Все въ руцѣ божіей. Безъ его святой воли ничто не совершается. И какъ намъ знать, что для насъ лучше, что хуже? Захочетъ Всеблагій, и выйдетъ Олечка за Вакулова, и Владиміръ Аркадьевичъ будетъ здоровъ.

И ужъ конечно Катерина Иванова не желала замѣчать, что она-то сама стремится всетаки божью волю направлять по собственнымъ своимъ соображеніямъ.

Когда, черезъ день послѣ посѣщенія Виктора, пріѣхалъ къ Абазовымъ Владиміръ Вакуловъ, Катерина Ивановна нелицемѣрно обрадовалась гостю, встрѣтила его, какъ родного, и не шутя всплакнула, вспомнивъ недавнюю его утрату. Затѣмъона оставила его вдвоемъ съ Ольгой, а сама ушла въ спальную и горячо молилась передъ образомъ о томъ, чтобы воля

Господа совершилась по ея указаніямъ, и Олечка стала бы невѣстой Владиміра Аркадьевича.

Ольга догадывалась о намѣреніяхъ Владиміра Аркадьевича, но стр шилась этого. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, она чувствовала, что уже не имѣетъ собственной воли, что Владиміръ Аркадьевичъ глядитъ на нее, Ольгу, какъ на нѣчто, принадлежащее ему, и, если захочетъ объявить о томъ, она, Ольга, не рѣшится спорить. Она уже на половину его собственность, потому что того, конечно, хочетъ мать, хочетъ отецъ, потому что это нужно и для Юленьки, и для Лидочки, и для младшей дѣтворы, и даже для брата Леонида, хотя онъ уже взрослый и содержитъ себя службой. Пусть сердце ея разрывается отъ жалости къ себѣ самой, она не посмѣетъ прекословить матери и дастъ свое согласіе, и забудетъ о томъ, что этотъ высокій и такой ужасающе худой человѣкъ съ холодными и постоянно влажными руками возбуждаетъ въ ней непріятное чувство. И не только она знаетъ, что уже почти принадлежитъ ему, но и онъ несомнѣнно чувствуетъ свои права на нее, оттого-то и глядитъ на нее такимъ жаднымъ, воспаленнымъ взглядомъ, который стыдитъ и обижаетъ ее.

Во время разговора Владиміръ, который, дѣйствительно, не спускалъ хищныхъ глазъ съ ея свѣжаго молодого лица, проговорилъ съ явнымъ волненіемъ въ голосѣ:

— А я все собирался сказать вамъ кое-что, да такъ и не собрался.

Дѣвушка замерла отъ ужаса: она понимала, на что намекаетъ гость. Но, хотя всякій намекъ со стороны Владиміра на его любовь къ ней повергалъ ее въ отчаяніе, она не могла не спросить глухимъ, подавленнымъ голосомъ:

— Что же такое?

— Теперь неудобно говорить, потому что... Знаете, недавно умеръ у меня отецъ... Ну, да, вотъ, черезъ недѣлю исполнится этотъ пресловутый сороковой день, тогда ужъ скажу... Ужъ скажу непремѣнно...

Онъ самодовольно засмѣялся и тотчасъ закашлялся хриплымъ, мучительнымъ кашлемъ.

Онъ зналъ, что Ольга понимаетъ его намекъ, и былъ увѣренъ, что она счастлива отъ надежды стать его женой. Ему хотѣлось скорѣе осчастливить ее совсѣмъ, но, думалъ онъ, въ сущности можно и подождать недѣльку. Все равно, она уже его и уже знаетъ, что онъ ея женихъ. И онъ со страстностью, свойственною этого рода больнымъ, разглядывалъ ея лицо и фигуру не вполнѣ чистымъ взглядомъ.

Вечеромъ того же дня въ ея комнату вошла Катерина Ивановна.

— Что, Олечка,—сказалъ *онъ* тебѣ что-нибудь?—спросила она, садясь на кровать дочери.

Ольга вся вспыхнула и съ укоромъ поглядѣла на мать.

— Не говорите, ничего, ничего не говорите про это,— сказала она сквозь слезы.

— Что ты, дѣвочка, да развѣ онъ тебѣ не по сердцу?

— Господи!—да развѣ вы не видите, что онъ на половину мертвецъ?

— Ну, что ты? Богъ съ тобой... Разславили его больнымъ, да и все тутъ... А по моему, такъ мужчина хоть куда...

— Мама, голубчикъ, не говорите ничего... Дайте мнѣ собраться съ мыслями, обдумать...

И мать, чувствуя своимъ женскимъ сердцемъ, что въ сердцѣ дочери совершается важный переломъ, не настаивала и вышла, молча перекрестивъ дочь.

На другой день Катерина Ивановна всетаки узнала отъ дочери сущность ея разговора съ Владиміромъ Аркадьевичемъ и обрадовалась, предвидя близкую развязку дѣла. Она никому не сказала объ этомъ, кромѣ довѣренной своей, кухарки Настасьи, въ которую вѣрила и къ которой чувствовала уваженіе. А разсказать было необходимо: всякая тайна, тѣмъ болѣе радостная, тяготила ея душу. Но Алексѣй Ѳедоровичъ ничего не узналъ о предположеніяхъ жены; ему нельзя было открывать такихъ волнующихъ соображеній.

Ольга все болѣе и болѣе падала духомъ. Она понимала, что мать желаетъ ей добра и что предполагаемый бракъ существенно важенъ для всей семьи. Но жертва казалась свыше силъ. Тогда Ольгѣ припомнилось, что старшій братъ ея, Леонидъ, такъ перемѣнившійся за послѣдніе годы, любилъ, въ трудныя минуты жизни, задумчиво ходя по комнатѣ, повторять:

— Да не смущается сердце ваше...

Но ея сердце теперь было смущено. Ея жизненный путь застилало печалью, ей было жаль себя, своей молодости, хотѣлось личнаго счастія.

Хотѣлось ей также увидѣть опять своего задумчиваго брата, услышать изъ его устъ:

«Да не смущается сердце ваше»...

П. Булыгинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ исторіи стремленій художника.

(Очеркъ о Гюставѣ Флоберѣ).

„Замкнутость и узость уродуютъ и губятъ цвѣтъ самыхъ прелестныхъ твореній Господа Бога“ (Flaubert, Correspondance, II, 5). „Всюду укорачиваются величественныя богатства природы, такъ что когда мы ее обнаруживаемъ въ ея дѣвственномъ совершенствѣ, она насъ удивляетъ, какъ чудо откровенія“ (Flaubert, Par les champs et par les grèves, 153).

Личность выдающаяся—въ своемъ родѣ, то же, что художественное произведеніе. Это—соединеніе свойствъ, много разъ встрѣчаемыхъ у другихъ людей, но въ данномъ случаѣ, благодаря особенной комбинаціи ихъ, обнаруживающихъ такія черты, которыя у другихъ находятся въ скрытомъ или зачаточномъ состояніи. Поэтому, какъ и художественное произведеніе, такая личность пользуется привилегій возбуждать къ себѣ двойной интересъ—интересъ чего-то очень близкаго и знакомаго, и въ то же время чего-то совсѣмъ новаго. Въ этомъ смыслѣ очень примѣчательна личность Гюстава Флобера, совершенно неизвѣстнаго читающей публикѣ помимо надѣлавшей шуму и популярной «Г-жи Бовари». Въ его отношеніяхъ къ жизни и искусству, какъ они обнаруживаются въ его четырехтомной перепискѣ, мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ черты, свойственныя очень многимъ художникамъ-писателямъ,—и реалистамъ, какъ Гете или Толстой, и романтикамъ, какъ Байронъ или Гюго. Но знакомыя намъ черты скомбинированы у Флобера совершенно своеобразно и потому представляютъ свой собственный интересъ.

Въ немногихъ словахъ,—интересъ этотъ обусловливается своеобразной комбинаціей двухъ стремленій: ненависти мечтателя-поэта къ прозѣ обыденной жизни и неутомимой страсти къ ней художника, возбуждаемой стремленіемъ искать выхода изъ нея не въ свободной игрѣ фантазіи, а въ ней самой, или вѣрнѣе — въ кроющемся подъ ней богатствѣ жизни.

I.

Самый выдающейся особенностью Флобера было его страстное негодованіе противъ пошлости обыденной жизни, противъ ничтожества ея содержанія. Съ двадцатилѣтняго возраста, въ теченіе сорока лѣтъ, онъ и устно и письменно рѣдко упускалъ случай, чтобы такъ или иначе не выразить этого задушевнаго чувства своего. Даже 12-тилѣтнимъ мальчикомъ онъ пишетъ: «какъ глупы люди, какъ ограниченъ народъ!» *). «Пошлость жизни, когда подойдешь къ ней ближе, восклицаетъ онъ долго спустя, наводитъ грусть до тошноты» **). «Въ воздухѣ виситъ столько тупоумія, жалуется онъ какъ-то, что доходишь до ожесточенія» ***). Онъ съ сочувствіемъ вспоминаетъ Буало, утверждавшаго, что глупости, которыя онъ слышитъ въ академіи, ускоряютъ его кончину. Самъ онъ даже затруднялся подобрать достаточно сильныя выраженія, чтобы дать исходъ своему возмущенію противъ господства пошлости. «Ахъ, отчего я не могу жить среди бедуиновъ! Мои соотечественники внушаютъ мнѣ чувство тошноты. На меня находятъ катаракты, рѣки, океаны грусти» ****). Въ особенности же изъ себя его выводятъ «буржуа». Пошлость буржуа представляется ему чѣмъ-то «колоссальнымъ, гигантскимъ, сокрушающимъ». Ихъ самодовольная ограниченность, пристрастіе ко всему, что ничтожно и плоско, и чуть-ли не органическое нерасположеніе къ тому, что выше посредственности—всѣ эти черты дѣлали для него самое имя «буржуа» ненавистнымъ и заставляли его выражать жестокое желаніе «утопить своихъ современниковъ въ грязи» или—ограничиваясь болѣе скромной, но за то и болѣе осуществимой задачей, «по меньшей мѣрѣ излить на нихъ потоки оскорбленій и поношеній» *****).

Однако въ этой необычайной настойчивости возвращенія къ предмету своего негодованія явно было и какое-то неотразимое влеченіе къ нему. Къ негодованію видимо примѣшивалось сознаніе, что борьба со скудостью и убогостью обыденнаго существованія—дѣло безнадежное и безцѣльное, если не найти исхода въ этомъ самомъ мірѣ обыденности. Таково дѣйствительно и было чувство, которое имъ владѣло. Какъ мать Гете,—это удивительное воплощеніе жизнерадостности,—не могла понять «тѣхъ скучныхъ людей, которые въ восходящемъ солнцѣ не видятъ больше никакого чуда», въ томъ же смыслѣ Флоберъ писалъ: «что за тупая ограниченность вѣчно восхищаться обманомъ и утверждать, что поэзія

*) Correspondance I, 7.
**) Тамъ же, II, 36.
***) Тамъ же IV, 11.
****) Тамъ же IV, 31, 32.
*****) Тамъ же, IV. 78.

живетъ иллюзіями; какъ будто отсутствіе иллюзій не во сто разъ поэтичнѣе само по себѣ!». И не одинъ разъ онъ убѣждалъ Мопассана, что «въ самыхъ ничтожныхъ вещахъ есть нѣчто неизвѣданное», неисчерпаемое по своему богатству, котораго мы не замѣчаемъ только благодаря тому, что вмѣсто добросовѣстнаго наблюденія предпочитаемъ «вспоминать, что думали другіе» *), т. е. фантазировать по готовому шаблону.

Въ мысляхъ этого рода,—а къ нимъ онъ возвращался постоянно,—проявлялась общая черта, которую нельзя достаточно высоко цѣнить: большое довѣріе къ содержательности жизни въ ея безъискусственномъ видѣ, убѣжденіе, что она даже въ самыхъ ничтожныхъ своихъ проявленіяхъ, помимо какихъ нибудь иллюзій съ нашей стороны, хранитъ въ себѣ источникъ вѣчно свѣжаго интереса и подъ слоемъ обыденности источникъ возвышенныхъ поэтическихъ впечатлѣній.

Если же мы спросимъ, въ чемъ заключался для Флобера источникъ содержательности жизни «безъ иллюзій», то въ отвѣтъ на этотъ вопросъ откроется намъ объясненіе всей дѣятельности его и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружится предъ нами право его личности на наше особенное вниманіе. А именно, въ основѣ всѣхъ требованій его отъ людей, литературныхъ склонностей, художественныхъ вкусовъ, сужденій по вопросамъ общественнаго характера, въ основѣ всѣхъ его симпатій и антипатій—всюду мы неизмѣнно находимъ одно и то же замѣчательно настойчиво выраженное стремленіе—къ ощущенію шири жизни.

Онъ его выражалъ въ самыхъ разнородныхъ обстоятельствахъ.

Любимой женщинѣ онъ пишетъ: «любовь только особый способъ видѣть и чувствовать,—это точка зрѣнія болѣе возвышенная, немного болѣе широкая; она открываетъ безконечные перспективы и горизонты безъ границъ».

Онъ въ восторгѣ отъ Шекспира, потому что при чтеніи его «чувствуешь себя больше, какъ-бы на высокой горѣ съ широкимъ горизонтомъ, съ безконечной перспективой, вдали отъ житейскаго муравейника».

«Міръ недостаточно великъ для души, замѣчаетъ онъ какъ-то, она задыхается въ настоящемъ. Развѣ мы не вѣчно цѣпляемся за наше прошедшее? Въ нашей жаждѣ жизни мы пережевываемъ вновь свои прежнія ощущенія и мечтаемъ о будущемъ».

«Воздуху! воздуху! восклицаетъ онъ подъ впечатлѣніемъ путешествія,—побольше мѣста! Наши стиснутыя души задыхаются и умираютъ на краю окна, нашъ плѣнный умъ, точно медвѣдь въ ямѣ, вертится на одномъ мѣстѣ и толкается объ стѣнки; дайте намъ вдохнуть въ себя ароматъ всѣхъ вѣтровъ со всѣхъ концовъ земли, дайте взору проникнуть во всѣ страны горизонта».

---

*) Guy de Maupassant, Pierre et Jean, XXXI.

ля н его безграничное счастье возможность погрузиться въ природу, по теряться, разлиться въ ней. «Какъ въ порывахъ любви хочется имѣть больше рукъ для ощущенія, больше губъ для поцѣлуевъ, больше глазъ, чтобы смотрѣть, и больше души, чтобы любить, такъ, отдаваясь шири природы, сожалѣешь, что глазъ не проникаетъ въ нѣдра горъ, въ глубину морей, въ даль неба, чтобы увидать, какъ создаются горы, зарождаются волны и зажигаются звѣзды. Хотѣлось бы, чтобы душа, лучеобразно распространяясь по всѣмъ направленіямъ, проникла бы во всѣ закоулки жизни, облеклась бы во всѣ ея формы, и подобно имъ, постоянно мѣняясь, претерпѣвала метаморфозы на вѣчныя времена!»

Это характерное стремленіе въ ширь любопытно прослѣдить во всей дѣятельности Флобера, чѣмъ мы и займемся ниже. Здѣсь же замѣтимъ, что въ рѣзкомъ противорѣчіи съ этимъ стремленіемъ была систематическая и упорная борьба его съ широкими чувствами и идейными побужденіями вообще. Но въ то же время именно въ этой борьбѣ съ союзникомъ, которому онъ не довѣрялъ, съ особенной ясностью обнаруживалась основная черта его стремленій, ихъ, такъ сказать, боевое отношеніе ко всему, что благопріятно рутинѣ жизни и безцвѣтности обыденнаго существованія.

II.

Во всѣхъ крупныхъ произведеніяхъ Флобера—въ «Г-жѣ Бовари», въ «Сентиментальномъ воспитаніи», въ «Саламбо», въ «Искушеніи св. Антонія» и въ «Буваръ и Пекюше»,—центральное мѣсто занимаютъ образы людей съ приподнятыми чувствами, стремящихся уйти отъ скучной обыденной жизни далеко въ область идеаловъ и возвышенныхъ чувствъ. И всѣхъ ихъ одолѣваетъ одно одно общее несчастіе—безъисходность и вслѣдствіе этого—роковая праздность стремленій.

Самымъ интереснымъ воплощеніемъ иллюзій приподнятыхъ широкихъ чувствъ и самымъ полнымъ обнаруженіемъ ихъ безъисходности является у него героиня «Госпожи Бовари».

Эмма Бовари—жена скромнаго деревенскаго лѣкаря, волнуемая стремленіемъ узнать, что означаютъ въ дѣйствительной жизни слова «блаженство», «страсть», «упоеніе», которыя всегда казались ей такими чудными въ книгахъ. Въ дѣтствѣ она читала «Павла и Виргинію» и мечтала «о бамбуковой хижинѣ, о негрѣ Доминго, о собакѣ Фидель, и особенно о нѣжной дружбѣ съ добрымъ братцемъ, который собираетъ для нея красные плоды съ большихъ деревьевъ, или бѣгаетъ босикомъ по песку и приноситъ ей птичьи гнѣзда».

Тринадцати лѣтъ, поступивши въ монастырь, она «въ разслабляющей атмосферѣ классовъ, среди блѣдныхъ женщинъ въ ожерельяхъ съ мѣднымъ крестомъ, отдавалась сладостной дремотѣ, мисти-

ческому томленію среди воскуреній и при свѣтѣ восковыхъ свѣчей. Не слѣдя за службой, она засматривалась на виньетки своего молитвенника и любила хилую овечку, сердце, проткнутое острыми стрѣлами, или Христа, съ трудомъ несущаго крестъ. Ради умерщвленія плоти она однажды попробовала цѣлый день оставаться безъ пищи. Въ проповѣдяхъ ее сладостно волновало упоминаніе о небесномъ женихѣ, супругѣ и возлюбленномъ».

Во всѣхъ этихъ мечтаніяхъ трудно ухватиться за что нибудь, что имѣетъ какое нибудь отношеніе къ настоящей дѣйствительности или чѣмъ нибудь связано съ ней. Всѣ эти образы и чувства вторгаются какъ нѣчто чуждое и далекое въ строй дѣйствительной жизни, не будучи въ состояніи оставить послѣ себя никакихъ слѣдовъ, кромѣ неопредѣленнаго ощущенія отрѣшенности отъ общаго строя ея.

По пріѣздѣ въ монастырь, ее, деревенскую жительницу, привыкшую къ мирнымъ сельскимъ картинамъ, тянетъ къ бурямъ; ее интересуютъ «романы съ любовью, влюбленными, преслѣдуемыми дамами, падающими въ обморокъ въ уединенныхъ павильонахъ, почтальонами, которыхъ убиваютъ на каждой станціи, темными лѣсами, клятвами, рыданіями, слезами и поцѣлуями, лодочками при лунномъ освѣщеніи, соловьями въ кустахъ, кавалерами храбрыми какъ львы, нѣжными какъ овечки, добродѣтельными какъ никто не бываетъ и всегда хорошо одѣтыми».

Умираетъ ея мать. Въ первые дни она много плачетъ, но какъ только первоначальное чувство горя притупилось, воображеніе ея сейчасъ-же овладѣваетъ даннымъ положеніемъ опять съ той же преимущественно декоративной стороны. «Она заказала себѣ картинку изъ волосъ покойной и въ письмѣ къ отцу предавалась грустнымъ размышленіямъ, просила похоронить себя, когда придетъ время, въ одну могилу съ матерью». Встревоженный этимъ отецъ пріѣхалъ навѣстить дочь, и Эмма почувствовала удовлетвореніе, сознавая себя исключительнымъ существомъ. «Ея умъ, остававшійся положительнымъ, не смотря на увлеченіе,—замѣчаетъ авторъ,—искалъ цвѣтовъ въ церкви и раздраженія чувствъ въ музыкѣ и литературѣ. Но ея натура возставала противъ подчиненія таинствамъ вѣры и еще больше—требованіямъ дисциплины».

Иначе говоря, она была болѣе воспріимчива къ такимъ чувствамъ, которыя ни къ чему не обязываютъ. Для подчиненія таинствамъ вѣры или требованіямъ дисциплины необходима извѣстная связная послѣдовательность побужденій. У нея же особенное расположеніе къ чувствамъ и стремленіямъ безъ послѣдствій, безъ ихъ естественнаго продолженія.

Печаль о матери скоро ей прискучила. Вернувшись въ домъ родителя, она было увлеклась хозяйствомъ, но тотчасъ и это показалось ей противнымъ, и она опять стала жалѣть о монастырѣ. Передъ свадьбой, ожиданіе совершенно новаго положенія сильно

подогрѣло въ ней надежду, что вотъ она испытаетъ ту чудную страсть, которая даетъ блаженство. Но вскорѣ послѣ свадьбы она не могла себѣ представить, чтобы покой, въ которомъ она жила, былъ тѣмъ самымъ счастьемъ, о которомъ она мечтала.

Опять началась усиленная работа фантазіи, и что самое важное—опять таки фантазія ея бредетъ точно въ пустотѣ, среди пустяковъ, которымъ не предвидится никакого продолженія или исхода въ дѣйствительности. «Ей казалось, что ея медовый мѣсяцъ далъ бы ей счастье, если бы они отправились въ путешествіе, въ страны съ звучными названіями, гдѣ почтовыя кареты съ голубыми шелковыми занавѣсками поднимаются по крутымъ дорогамъ и пѣсня почтальона раздается вмѣстѣ съ колокольчиками овечекъ и глухимъ шумомъ водопада. Ей хотѣлось бы ночью облокотиться на балконъ швейцарскаго домика или шотландскаго котеджа съ мужемъ, одѣтымъ въ бархатный костюмъ, въ мягкіе сапоги...» и т. д. и т. д.

Попробуйте связать все это, попробуйте продолжить нить любой изъ этихъ картинъ, и вы сейчасъ же убѣждаетесь, что это невозможно.

Ее все время раздражаетъ тупая безсодержательность существованія мужа. Между тѣмъ онъ по своему живетъ всетаки болѣе полной жизнью, потому что все у него имѣетъ болѣе законченный характеръ. Когда у жены быстро бѣгали пальцы по клавишамъ,—это скромное зрѣлище являлось для него источникомъ удивленія и радости; когда она рисовала, ему доставляло удовольствіе слѣдить за ея работой, катая шарики изъ хлѣба; онъ испытывалъ гордость при видѣ ея рисунковъ, онъ находилъ удовольствіе разсказывать ей обо всѣхъ кого встрѣтилъ, съ наслажденіемъ ѣлъ и, надвинувши колпакъ, мирно спалъ. Спору нѣтъ, все очень скромныя и довольно ограниченныя удовольствія, но въ своемъ родѣ осмысленныя, цѣлесообразныя. Между тѣмъ ея болѣе широкія стремленія какъ на подборъ всѣ безцѣльны, и чѣмъ они безнадежнѣе, тѣмъ скорѣе она за нихъ ухватывается. Ни малѣйшій случай не пропускается ею, чтобы не культивировать ихъ именно въ этомъ направленіи.

Мысль ея при этомъ удивительно кидается. «Она хотѣла бы путешествовать,—читаемъ мы,—или вернуться жить въ свой монастырь. Ей одновременно хотѣлось и умереть, и жить въ Парижѣ».

Среди такихъ обрывковъ чувствъ, мыслей и стремленій, раздражаемая ощущеніемъ пустоты и безцѣльности своего существованія, Эмма становится капризной. «Она заказывала себѣ блюда и затѣмъ не притрогивалась къ нимъ, пила цѣлый день одно молоко, а на слѣдующій день—дюжинами чашекъ чай. То она упрямо не выходила изъ комнаты, то не выносила комнатъ, задыхаясь въ нихъ. Обругавши прислугу, она сейчасъ же затѣмъ задаривала ее подарками или уговаривала идти въ гости къ сосѣдямъ; какъ истое дитя деревни, не будучи нѣжной, она вдругъ кидала нищимъ все серебро, какое у нея было въ кошелькѣ».

Постепенно все такъ складывается, что всѣ упованія ея сосредоточиваются около любовной страсти.

Сначала она попыталась внушить себѣ любовь къ мужу. При лунномъ сіяніи въ саду она продекламировала весь свой запасъ страстныхъ стиховъ. Но это не подѣйствовало на него, оставивъ въ то же время и ее совершенно холодной. Ея нервничанье заставляетъ ея мужа переѣхать съ ней на жительство въ городъ, и тутъ начинается цѣлая серія ея любовныхъ приключеній.

При самомъ ихъ возникновеніи Эмма Бовари уже готовый сложившійся человѣкъ въ смыслѣ установившагося расположенія къ оборваннымъ, незаконченнымъ душевнымъ движеніямъ. Къ этому присоединилось еще другое. Въ душевномъ строѣ, развинченномъ этой склонностью, явилось уже стремленіе находить, хотя и мучительное, но все таки несомнѣнное удовольствіе въ своемъ безсиліи; явилась потребность испытывать упрямое наслажденіе въ этой самой оборванности и незаконченности ихъ.

Мало того, чувство неудачи, въ связи съ сознаніемъ, что нѣтъ надежды на исходъ, постепенно подготовляетъ обычное въ такихъ случаяхъ явленіе—потребность преувеличивать свои чувства въ собственныхъ глазахъ, насильно увѣрять себя въ нихъ.

Любопытныя колебанія между искренней жаждой извѣстныхъ чувствъ и наивнымъ желаніемъ убѣдить себя въ нихъ—очень хорошо изображены въ первомъ эпизодѣ любви Эммы къ Леону. Это очень интересная психологическая картинка изъ міра отрывочныхъ чувствъ, съ ихъ характерными послѣдствіями—болѣзненной напряженностью и роковой склонностью къ преувеличенію и къ фальши вообще.

Тайно влюбленная въ Леона, Эмма начинаетъ въ душѣ ненавидѣть мужа; одинъ видъ его тупой фигуры раздражаетъ ее. Между тѣмъ тутъ у нея является желаніе сдѣлаться вдругъ образцовой женой, хозяйкой и матерью. Она рѣзко мѣняется, становится заботливой о мужѣ, внимательной къ его вкусамъ. Она заявляетъ, что обожаетъ дѣтей, и дочь, которой она до этого совершенно пренебрегала, является ея утѣшеніемъ, радостью, «предметомъ помѣшательства»; она ее ласкаетъ съ экзальтированными лирическими изліяніями. А подъ этой напряженностью добродѣтельныхъ чувствъ, замѣчаетъ авторъ, «клокотали похоти, бѣшенство и ненависть».

Тѣмъ временемъ Леонъ случайно уѣзжаетъ изъ города, и на сцену является беззастѣнчивый Родольфъ. Ему ничего не стоитъ привлечь къ себѣ усиленное вниманіе Эммы, у которой болѣзненно назрѣла потребность въ острыхъ и сильныхъ ощущеніяхъ. Самые банальные комплименты и пошлѣйшіе пріемы оказываются достаточными, чтобы она отдалась ему и прониклась при этомъ убѣжденіемъ, что овладѣваетъ высшимъ счастіемъ, высшимъ блаженствомъ страсти.

Но счастье всетаки не дается. При всемъ своемъ возмущеніи

противъ ограниченности существованія мужа, ей въ свою очередь приходится безъисходно топтаться на одномъ мѣстѣ, въ ограниченной сферѣ—даже не любви, а любовной страсти. Претендуя силой этой страсти подняться надъ прозой жизни и завладѣть высшимъ блаженствомъ, Эмма, наперекоръ своимъ порываніямъ въ ширь, закупориваетъ свои чувства, безъ церемоніи отрѣзывая ихъ отъ естественнаго жизненнаго продолженія ихъ — отъ семейныхъ чувствъ и заботъ, отъ общности интересовъ и вкусовъ, отъ всей совокупности житейской обстановки. Стиснутое въ ограниченной и затхлой области «амуровъ», чувство ея, болѣзненно обостряясь, ударяется въ сентиментализмъ, экзальтируется и доходитъ до неистовства. Выраженія ея любви, при всей ея искренности, становятся такими напыщенными, что обожаемый ею Родольфъ часто испытывалъ скуку; ему казалось, что ея преувеличенныя рѣчи прикрываютъ собой самыя посредственныя чувства. Когда же она, не останавливаясь предъ крайностями, настойчиво предлагаетъ ему бѣжать съ нимъ на край свѣта, онъ благоразумно спасается отъ нея бѣгствомъ.

Слѣдующія затѣмъ любовныя приключенія Эммы, составляющія заключительный періодъ ея жизни,—замѣчательно сильная картина развитія и обостренія всѣхъ особенностей душевнаго строя съ оборванными чувствами, въ которомъ безцѣльность вошла въ систему и становится страстной потребностью — потребностью на каждомъ шагу судорожно хвататься за почти завѣдомыя иллюзіи, за болѣе или менѣе явный обманъ распущеннаго воображенія, съ увѣренностью, что все равно невозможно будетъ долго удержаться за него. Эта часть «Госпожи Бовари»—настоящій chef d'oeuvre, и, нѣтъ сомнѣнія, принадлежитъ къ лучшему, что на эту тему написано, по глубинѣ наблюденія и силѣ изображенія.

Покинутая своимъ любовникомъ, Эмма переноситъ тяжелую нервную болѣзнь. Едва оправившись, она случайно встрѣчается съ Леономъ и на этотъ разъ очень скоро близко сходится съ нимъ. Отдаваясь затѣмъ оргіямъ любовной страсти, она съ какимъ-то ожесточеніемъ обрѣзаетъ всѣ нити, связывающія ея интимную душевную жизнь со всѣмъ остальнымъ міромъ. Стараясь забыть обо всемъ на свѣтѣ, «она хотѣла-бы ничего не слышать, ничего не видѣть, чтобы не мѣшать сосредоточенности любви, которая страдала отъ внѣшнихъ впечатлѣній». Она по три дня совершенно уединялась съ своимъ возлюбленнымъ, затѣмъ, вернувшись домой, жила одними воспоминаніями о свиданіяхъ, съ полнымъ равнодушіемъ относясь и къ мужу, и къ маленькой дочери, и ко всему, что дѣлалось въ семьѣ. Это впрочемъ не мѣшаетъ ей временно, подъ свѣжимъ обаяніемъ счастья любви, сдѣлаться вдругъ опять усиленно любезной къ мужу, кормить его фисташковымъ кремомъ и играть послѣ обѣда его любимые вальсы. Но эти причуды продолжаются недолго, — такъ же недолго, какъ и ея счастье. Принуж-

денная лгать, чтобы найти предлогъ для свиданій, она доходитъ до того, что «все существованіе ея обратилось въ скопленіе лжи, въ которую она облекала свою любовь, какъ въ покрывало... Ложь сдѣлалась для нея потребностью, маніей, удовольствіемъ, до такой степени, что если она утверждала, что прошла вчера по правой сторонѣ улицы, то слѣдовало полагать, что она держалась лѣвой стороны».

Экстравагантныя траты на никому не нужныя прихоти запутали ее до того, что она стала поддѣлывать счета, подавать мужу фальшивыя росписки и тайно отъ него продавать ихъ имущество. Необходимость вывертываться и путаться въ сложной сѣти обмановъ съ теченіемъ времени только еще больше напрягли и раздражили ея нервы. Вырываясь изъ домашней путаницы, она на свиданіяхъ давала исходъ раздраженію всевозможными неистовствами. Явившись въ гостинницу послѣ одного эпизода съ денежными дѣлами, она смѣялась, плакала, пѣла, плясала, заказала пуншу, захотѣла курить папиросы. «Любовникъ не понималъ, замѣчаетъ авторъ, какая реакція всего ея существа усиленно толкала ее, заставляя набрасываться на всевозможныя наслажденія. Она сдѣлалась раздражительной, обжорливой, чувственной».

Это была реакція душевнаго строя, который, чувствуя свое безсиліе справиться съ требованіями жизни, съ ея послѣдовательностью, судорожно цѣпляется за обрывки чувствъ, за короткія ощущенія счастья, которыя становятся тѣмъ болѣе неистовыми, чѣмъ они укороченнѣе, обрывочнѣе и скуднѣе.

Ощущая пресыщеніе отъ счастья любви, Эмма старается насильно удержать это счастье, напрягая свою фантазію, пробуя обмануть себя хоть внѣшними аксесуарами былой страсти. Но эти усилія, это напряженіе и этотъ самообманъ въ конецъ разстраиваютъ ее и, какъ замѣчаетъ авторъ, — погружаютъ въ еще большее отупѣніе, чѣмъ дѣйствительныя излишества. Измученная, разбитая, затравленная, какъ звѣрь, Эмма «чувствовала непрестанное и всеобщее разслабленіе; ей хотѣлось бы не жить, а быть въ вѣчномъ снѣ». Передъ окончательной развязкой она еще дѣлаетъ нѣсколько совершенно безсмысленныхъ попытокъ ухватиться за что попало; истерически-страстно, но уже совершенно безнадежно, проявляетъ она свое желаніе жить, по пути пытается оживить въ памяти чистыя и неопредѣленныя дѣтскія мечтанія, но затѣмъ сразу попадаетъ въ грязный водоворотъ денежныхъ дѣлъ, безпомощно барахтается въ нихъ, и — со всего розмаха обрываетъ все: торопливо, безъ колебаній отравляется.

Такова исторія этой женщины, вся жизнь которой была исполнена стремленіемъ избавиться отъ скучной прозы обыденнаго существованія и которая всюду, вмѣсто поэзіи, находила обманъ пустого и празднаго воображенія.

III.

Въ другомъ большомъ романѣ Флобера изъ современной жизни, «Сентиментальномъ воспитаніи», центральное мѣсто занимаетъ фигура Фредерика Моро, представляющая любопытныя черты сходства съ г-жей Бовари. Фредерикъ Моро въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ весь уходитъ въ экзальтированную любовь къ замужней женщинѣ. Страсть эта подкашиваетъ и изсушаетъ всѣ его побужденія и стремленія. Любовныя похожденія, политическія мечты, заботы о карьерѣ—все безъ тѣни сожалѣнія бросается посреди дороги, какъ только онъ вспоминаетъ о своей любви. Все обрывается, у всего отнимается цѣль, все лишается конца—изъ-за единой страсти къ г-жѣ Арну, страсти всепоглощающей и безпредѣльной. А между тѣмъ какова сама эта страсть?

«Онъ любилъ ее,—читаемъ мы,—безъ задней мысли, безъ надежды на взаимность, и въ нѣмомъ восторгѣ, похожемъ на порывъ благодарности, ему хотѣлось бы покрыть поцѣлуями ея лобъ. Его что-то поднимало: это была потребность пожертвовать собой, *тѣмъ болѣе сильная, что она была неудовлетворимой*».

Черезъ нѣсколько дней, хотя ничего не измѣнилось въ ихъ отношеніяхъ, онъ уже говоритъ себѣ, что будетъ ея любовникомъ. При дальнѣйшихъ свиданіяхъ онъ каждое утро давалъ себѣ слово, что будетъ смѣлѣе. Но въ ея присутствіи непреодолимая стыдливость сковывала его. Силою своихъ мечтаній онъ поставилъ ее выше всякихъ человѣческихъ условій, и потому рядомъ съ ней онъ чувствовалъ себя «болѣе ничтожнымъ, чѣмъ кусочки шелку, падавшіе съ ея ножницъ». «Дѣйствовать, — замѣчаетъ авторъ,—для извѣстныхъ людей тѣмъ менѣе возможно, чѣмъ сильнѣе желаніе». И Фредерикъ всегда предпочитаетъ мечтать. Ему приходятъ въ голову чудовищныя, безсмысленныя вещи, въ родѣ нечаяннаго нападенія ночью, съ подобранными ключами и съ наркотическими средствами, то онъ мечтаетъ о бѣгствѣ вдвоемъ на востокъ, въ Испанію, въ Швейцарію. Однимъ словомъ, вся его любовь—сплошное нагроможденіе мечтаній совершенно безплодныхъ, и тѣмъ болѣе необузданныхъ, чѣмъ болѣе они невинны.

Точно также всѣ его чувства, порыванія и поступки такія же безнадежно обрывочныя начала безъ продолженія. Сегодня онъ «ненавидитъ всѣхъ женщинъ», а завтра онъ преисполненъ къ нимъ сумасшедшихъ желаній. Сегодня онъ воображаетъ себя адвокатомъ, депутатомъ, защищающимъ благо народа, сокрушающимъ противниковъ находчивостью, ироніей, горячностью. Но—«сильныя рѣшенія доставались ему дешево», и вотъ онъ уже мечтаетъ о томъ, какъ бы сдѣлаться траппистомъ въ Америкѣ, служить у паши на востокѣ, отправиться матросомъ въ плаваніе и т. д. Получивъ извѣщеніе о богатомъ наслѣдствѣ, онъ не сходя съ мѣста предста-

вляетъ себѣ какъ онъ явится къ г-жѣ Арну «въ тильбюри, нѣтъ лучше въ купэ! въ черномъ купэ, съ лакеемъ въ коричневой ливреѣ»,—и какъ они будутъ цѣловаться, и какая у него будетъ столовая, и все въ такой же послѣдовательности. Сейчасъ же затѣмъ онъ объясняетъ матери, что поѣдетъ въ Парижъ. «Что ты тамъ будешь дѣлать»? Ничего.—«А чѣмъ же ты будешь»?—Министромъ!

Такого же сорта мечтатель, какъ Фредерикъ, но только другого калибра,—Леонъ въ «Г-жѣ Бовари». У него мы имѣемъ дѣло съ очень скорой ликвидаціей мечтаній. Неистовства страсти, въ которыя его втянула его любовница Эмма, ему не по душѣ. Къ тому же, онъ выдвинулся на службѣ,—«пора было сдѣлаться серьезнымъ». Онъ рѣшаетъ покончить «съ флейтой, съ экзальтированными чувствами и съ мечтаніями, — нѣтъ такого буржуа, замѣчаетъ Флоберъ, который бы въ горячкѣ молодости, хотя бы на одинъ день или на одну минуту не чувствовалъ себя способнымъ на колоссальныя страсти, на великія предпріятія. Самый дюжинный распутникъ мечталъ о султаншахъ, всякій нотаріусъ носитъ въ себѣ обломки поэта».

Послѣдняя фигура представляетъ уже явный переходъ къ другой группѣ излюбленныхъ Флоберомъ образовъ. Дѣло въ томъ, что къ фигурамъ людей, болѣе или менѣе страстно стремящихся подняться надъ обыденнымъ существованіемъ, даже совсѣмъ уйти отъ него, примыкаютъ у него образы личностей совсѣмъ другого разряда, которымъ онъ въ цѣломъ удѣлилъ не меньше мѣста, чѣмъ первымъ. Это именно люди болѣе обыденные, срединные, люди толпы, къ которымъ Флоберъ по преимуществу любилъ прилагать презрительную кличку «буржуа», разумѣя подъ этимъ воплощеніе всяческой ограниченности и тупости. Но опять таки и тутъ, что его больше всего занимало и что онъ не уставалъ обливать ядомъ презрительной насмѣшки, такъ это именно своеобразныя порыванія вверхъ.

По поводу извѣстія о женитьбѣ одного знакомаго онъ пишетъ: «Такъ вотъ онъ и женатъ, устроился и къ тому еще—чиновникъ. Что за буржуа! Какъ онъ станетъ защищать порядокъ, семью и собственность! Онъ впрочемъ шелъ нормальнымъ путемъ. Онъ тоже вѣдь былъ художникомъ, носилъ кинжалъ и бредилъ проектами драмъ, потомъ былъ сумашествующимъ студентомъ латинскаго квартала; у него была гризетка, которую онъ называлъ своей метрессой, онъ отплясывалъ канканъ и усердно пилъ бѣлое вино въ трактирѣ. Потомъ онъ получилъ доктора; тогда на смѣну серьезности въ комическомъ явилось комическое въ серьезномъ: онъ сдѣлался солиднымъ, сталъ скрывать свои шалости, окончательно купилъ себѣ часы и отказался отъ фантазій, — какъ, должно быть, была тяжка разлука! просто страшно подумать! Теперь, я увѣренъ, онъ громитъ соціалистовъ, толкуетъ о «зданіи», объ «основахъ», о государственномъ рулѣ, о «гидрѣ анархіи». Какъ чиновникъ онъ

будетъ реакціонеромъ, какъ мужъ—рогоносцемъ, и проведя жизнь между самкой, дѣтьми и среди мерзостей своего ремесла, свершитъ все, что доступно человѣку» *).

Въ набросанномъ сейчасъ типѣ, который Флоберъ считаетъ «нормальнымъ», центральную черту составляетъ господство дешевыхъ напускныхъ фразъ, идей и чувствъ, которыя очень легко достаются и такъ же легко исчезаютъ. Въ романахъ Флобера самая выдающаяся или вѣрнѣе самая рѣзкая фигура этого рода—это аптекарь Гомэ, имя котораго сдѣлалось нарицательнымъ во французской литературѣ. Гомэ—воплощеніе претенціозной ограниченности. Малѣйшій пустякъ вдохновляетъ его на высокопарныя фразы. Рекомендуя хозяйкѣ гостинницы замѣнить старый билліардъ новымъ, онъ восклицаетъ: «нужно идти вровень съ вѣкомъ». Онъ не скажетъ просто, что надо поливать цвѣты, а заговоритъ о «горти-культурѣ», предлагая сахару скажетъ «saccharum» и т. п. Ему все охота погрѣться въ лучахъ возвышенныхъ словъ, хоть и непонятныхъ, да все же неотразимо привлекательныхъ. Его все тянетъ какъ нибудь пристегнуть свою маленькую особу къ великому и возвышенному: у него, напримѣръ, слабость къ великимъ людямъ, — и какъ дань этому чувству онъ называетъ своего сына Наполеономъ, другого—Франклиномъ, дочь—Аталіей; себя, аптекаря, онъ причисляетъ къ классу людей, «отягченныхъ усиленной работой мысли», и все въ такомъ же родѣ. Конечно, какъ онъ ни старается, высокое ему не по плечу и только еще рѣзче обнаруживаетъ его ничтожество. Но ему и горя мало. Для него главное подняться на пьедесталъ помощью самыхъ дешевыхъ средствъ, пріобщиться къ высокому и великому, ничѣмъ не поступаясь въ своемъ ничтожествѣ, напротивъ того — всюду принося цѣликомъ свою маленькую личность, способную тѣмъ громче кричать, чѣмъ больше увѣренности, что это ничего не стоитъ, и главное—что это ни къ чему дальнѣйшему не обязываетъ.

Въ свое путешествіе по Востоку, Флоберъ нашелъ въ Александріи на колоннѣ Помпея имя какого-то «Томсона изъ Зундерланда» начертаннымъ буквами въ шесть футовъ. «За четверть мили разстоянія эта надпись уже виднѣется, пишетъ онъ въ своемъ письмѣ съ дороги. Нѣтъ возможности видѣть колонну и не увидать имя Томсона, а стало быть не подумать о Томсонѣ. Этотъ кретинъ воплотилъ себя въ монументъ и увѣковѣчилъ свое имя. Что я говорю? Оно давитъ его великолѣпіемъ своихъ гигантскихъ буквъ. Не слишкомъ ли это—заставлять всѣхъ будущихъ путешественниковъ думать о Томсонѣ? А вѣдь всѣ глупцы болѣе или менѣе «Томсоны изъ Зундерланда». Сколько ихъ встрѣчаешь въ жизни въ самыхъ высшихъ и чистыхъ сферахъ ея! И они насъ одолѣваютъ; они такъ многочисленны, такъ счастливы и такъ пышутъ здоровьемъ» **).

*) Correspondance, II, 20.
**) Correspondance, II, 2.

Не останавливаясь дольше на рядѣ лицъ, представляющихъ повтореніе этого типа, мы считаемъ болѣе интереснымъ внимательнѣе разсмотрѣть фигуру Шарля Бовари, стоящаго совершенно особнякомъ, но имѣющимъ очень замѣчательныя точки соприкосновенія съ остальными героями Флобера.

Шарль Бовари, мужъ Эммы, не экзальтированный фантазеръ и не крикунъ, а скромное и до тупости безпритязательное созданіе. Но и его судьба постепенно втягиваетъ въ водоворотъ напускныхъ чувствъ, жертвой которыхъ онъ и дѣлается.

Въ періодъ перваго знакомства съ Эммой его тупое равнодушіе къ жизни нарушается: онъ открываетъ въ этой деликатной барышнѣ, а по пути и въ окружающей обстановкѣ, невѣдомыя ему дотолѣ ощущенія и радости жизни. Безропотно перенеся въ юности и въ первомъ бракѣ съ немолодой вдовой рядъ лѣтъ, лишенныхъ какой бы то ни было прелести, онъ при встрѣчѣ съ Эммой такъ жаденъ къ счастью, и въ то же время такъ непритязателенъ, что очень легко и быстро находитъ полное блаженство во всемъ, что она вноситъ въ его жизнь: и въ ея миловидной особѣ, и въ красотѣ ея глазъ, въ нѣжности ея кожи, въ ея воспитанности, проявляющейся въ игрѣ на рояли, рисованіи и т. п. Но замѣчательная вещь: хотя всѣмъ этимъ содержаніе его жизни какъ будто и обогащается, но въ результатѣ она становится отъ этого все-таки еще ограниченнѣе. Счастливый тѣмъ, что жена у него такая изящная и миловидная, что она умѣетъ рисовать; удивляясь тому, какъ у нея быстро бѣгаютъ пальцы, гордый ея умѣньемъ приготовить эфектное пирожное для гостей, онъ за предѣлами этихъ радостей ничего не замѣчаетъ: ни того, счастлива-ли она съ нимъ, наполняютъ-ли всѣ эти радости и ея жизнь, ни того, что она постепенно забрасываетъ и его, и дочь, и семейную жизнь. Такъ что когда подъ конецъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ совмѣстной жизни, она отравляется, для него это совершенный сюрпризъ.

И эта удивительная замкнутость счастья Шарля Бовари тѣснѣйшимъ образомъ переплетается съ особенной склонностью къ стремленіямъ безъ послѣдствій. Если любовники Эммы легкомысленно крадутъ у нея пріятныя мгновенія, не заботясь о дальнѣйшемъ, и она сама лихорадочно вырываетъ у жизни минуты наслажденій, то въ свою очередь и Шарль мало чѣмъ отличается отъ нихъ въ этомъ отношеніи: онъ жадно хватаетъ тѣ подачки, которыя ему бросаетъ судьба, онъ такъ же урывочно пользуется, чѣмъ можетъ, не заботясь о всемъ прочемъ.

По поводу различныхъ затѣй Эммы въ области изящной обстановки, Флоберъ замѣчаетъ объ Шарлѣ: «чѣмъ меньше онъ понималъ въ этихъ тонкостяхъ, тѣмъ больше они его очаровывали». Это именно и характерно для этого ограниченнаго человѣка, нашедшаго свое счастье въ сферѣ интересовъ, съ которыми у него нѣтъ ничего общаго. Чуждые ему и по его воспитанію, и по характеру его спо-

собностей, они проходятъ въ его душевномъ мірѣ безъ живыхъ послѣдствій, только заражая его душу побужденіями безцѣльными и тѣмъ самымъ постепенно сообщая его стремленіямъ напряженность,— тѣмъ большую, чѣмъ они безъисходнѣе.

Особенной остроты это душевное состояніе достигаетъ у него послѣ смерти Эммы. Когда ея не стало, его потребность любви и нѣжныхъ чувствъ, не найдя другого исхода, кидается на все, что напоминаетъ покойницу. Для него большое удовольствіе придти въ бывшую комнату жены и усѣсться противъ «ея» кресла. Если глаза его встрѣчали ея рабочую корзинку, ленточку или даже булавку, застрявшую въ щели стола, этого было для него достаточно, чтобы погрузиться въ мечты и грусть.

Случайно нашедши письма къ ней любовниковъ, онъ утѣшаетъ себя мыслью, что отношенія ихъ были платоническія. Какъ замѣчаетъ авторъ, Шарль закрылъ глаза передъ доказательствами. Безъ сомнѣнія, подумалъ онъ, за ней всѣ должны были ухаживать, всѣ должны были обожать ее. И она показалась ему еще прекраснѣе, еще привлекательнѣе. Его страсть и отчаяніе вслѣдствіе этого только увеличились. Въ угоду ей, точно она жила, онъ усвоилъ себѣ ея вкусы: купилъ себѣ лакированные башмаки, завелъ привычку носить бѣлые галстухи, душилъ усы и, какъ она, сталъ подписывать векселя,—она его развращала изъ за могилы, замѣчаетъ авторъ. И дѣло тутъ не въ однихъ векселяхъ, а во всей этой цѣпи пустяковъ, въ родѣ башмаковъ, галстуховъ, душеныхъ усовъ, ленточекъ и всякихъ праздныхъ мечтаній, такъ же завладѣвшихъ всей его жизнью, какъ они владѣли жизнью Эммы. Въ его существованіе проникла атмосфера всевозможной пустяковины, атмосфера чувствъ безъ послѣдствій, дешевенькихъ ощущеній, ни къ чему не обязывающихъ, ничего не означающихъ и по самому существу своему безцѣльныхъ.

Нашедши письма къ ней обоихъ ея любовниковъ, не оставлявшія уже никакихъ сомнѣній относительно характера ихъ отношеній, разбитый огорченіемъ и обидой, онъ въ сладострастіи горя ищетъ, съ кѣмъ бы поговорить, и все-таки объ ней. Встрѣтившись въ это время съ Родольфомъ и присѣвши съ нимъ за столъ, онъ погрузился въ мечтанія предъ этимъ человѣкомъ, котораго она любила. Ему казалось, что онъ видитъ частицу ея. Былъ моментъ, когда теченіе его мыслей заставило его съ раскраснѣвшимся лицомъ, раздувшимися ноздрями, дрожащими губами мрачно и сердито взглянуть на Родольфа. Въ этотъ моментъ, казалось бы, чувство его могло-бы получить какой нибудь исходъ. Но скоро угрюмая усталость опять появилась на его лицѣ и онъ сказалъ: «я на васъ не сержусь». Въ слѣдующій день и во всѣ послѣдующіе дни Шарль садился на скамью въ своемъ садикѣ; листья виноградника рисовали тѣни на пескѣ; жасминъ благоухалъ, небо синѣло, мухи жужжали около лилій въ цвѣту и Шарль

задыхался какъ юноша отъ наплыва смутныхъ любовныхъ ощущеній, переполнившихъ его огорченную душу.

Въ одну изъ такихъ минутъ этотъ недалекій и скромный человѣкъ незамѣтно умираетъ, всей совокупностью своей жизни какъ бы желая засвидѣтельствовать, что и ограниченнымъ людямъ не чужда потребность въ поэзіи, не чуждо стремленіе раздвинуть тѣсную и тусклую прозу жизни и что въ этомъ направленіи они не меньше другихъ способны впасть въ экзальтацію чувствъ, тѣмъ болѣе напряженную, чѣмъ безнадежнѣе цѣль стремленій.

IV.

Предъ нами прошелъ рядъ образовъ людей, у которыхъ, при всей ихъ разнородности, одна общая черта—склонность къ широкимъ порывамъ, въ которыхъ они инстинктивно ищутъ высшей отрады и прелести жизни. Но этимъ порываніямъ не подъ силу побороть мелочность и ничтожество обыденнаго существованія,—потому что сами они страдаютъ тѣмъ же зломъ, съ какимъ имъ приходится бороться. При всей кажущейся ширинѣ, это отрывочныя и очень коротенькія стремленія, такъ какъ онѣ плохо связаны съ ихъ природой, не соотвѣтствуютъ ихъ силамъ и средствамъ, и потому не имѣютъ шансовъ на продолженіе. Это случайныя, произвольно надуманныя порыванія, по самому существу своему безнадежно праздныя, почти завѣдомо безцѣльныя.

Въ своей жаждѣ шири жизни Флоберъ ничего такъ не боялся, какъ этихъ коротенькихъ и дешевыхъ побужденій, такъ легко способныхъ обманывать себя и другихъ.

«Мнѣ всегда было стыдно, замѣчаетъ онъ какъ-то, ухаживать за женщиной; я боялся, что если я произнесу тѣ поэтическія фразы, которыя приходили мнѣ на умъ, какъ бы она не сказала себѣ: «какой шарлатанъ!»—и меня останавливало опасеніе какъ бы не сдѣлаться имъ дѣйствительно». «У меня, прибавляетъ онъ, была когда то тоже своя эпоха сентиментальности, и я, какъ каторжникъ, еще ношу клеймо ея. Нося слѣды обжога, я имѣю право судить о природѣ огня». *) «Слѣдуетъ недовѣрять, пишетъ онъ въ другой разъ, всему, что похоже на вдохновеніе, такъ какъ въ немъ больше всего играетъ роль предвзятость, т. е. искусственная экзальтація, намѣренно напущенная на себя, а не пришедшая сама собой» **).

Какъ видимъ, экзальтированныя чувства пугали его не сами собой, а только своей условностью и, какъ это ни странно, своей ограниченностью; ему дорого было не холодное равнодушіе, не безчувственность, а правдивость неукороченнаго чувства, неспособнаго заключать жизнь въ искусственныя узенькія рамки условнаго.

*) Correspondance, II. 82, 83.

**) Ib. I, 186, 187.

Поэтому его такъ возмущалъ тотъ поэтическій паѳосъ, который основанъ на игнорированіи дѣйствительности. «У женщинъ,—говоритъ онъ, — которыхъ съ дѣтства пріучаютъ ко лжи, постоянная потребность въ поэтизаціи. Мужчина, полюбившій свою прачку, будетъ знать, что она глупа, и это не повредитъ его чувствамъ; но если женщина полюбитъ конюха, то онъ окажется непризнаннымъ геніемъ, избранной душой и т. п. Такъ что, благодаря этой склонности къ косоглазію, онѣ не видятъ ни правды, когда она передъ ними, ни красоты тамъ, гдѣ она есть. Требовать апельсина отъ яблони—это ихъ постоянная болѣзнь. Онѣ неискренни сами съ собой, не сознаются предъ собой въ своихъ чувствахъ, принимаютъ нѣкоторыя части своего тѣла за сердце и воображаютъ, что луна свѣтитъ нарочно для того, чтобы освѣщать имъ будуаръ» *).

Въ подобныхъ проявленіяхъ сентиментализма и экзальтаціи, которыя онъ клеймилъ эпитетами «антихудожественности, антипластичности и античеловѣчности», онъ видѣлъ совершенно произвольное сокращеніе природы человѣка, легкомысленное желаніе разорвать съ физической природой. «Не надо довѣрять, пишетъ онъ, тому роду возбужденія, которое называется вдохновеніемъ, такъ какъ въ этомъ чувствѣ больше нервнаго волненія, чѣмъ мускульной силы» **). «Это несносная поэзія, замѣчаетъ онъ по поводу одного произведенія,—тощая, безъ внутренняго огня; въ этихъ фразахъ нѣтъ ни мускуловъ, ни крови» ***). По поводу одной темы, которая ему не по душѣ, онъ говоритъ: «это произведеніе не въ моей крови, я его не ношу въ своихъ внутренностяхъ» ****). Выразившись объ одномъ поэтѣ, что «ему не хватаетъ сердца», онъ замѣчаетъ, что имѣетъ въ виду сердце почти въ медицинскомъ смыслѣ. «У кровныхъ лошадей, какъ и въ стихѣ, кровь переполняетъ вены, и видно, какъ она бьется подъ кожей и переливается, начиная отъ уха до пятокъ» *****).

Его самого страстно тянуло къ ощущеніямъ, которыя разливаются во всѣ стороны, во всевозможныя чувства, краски, звуки которыя не ограничены никакими условными формами, ничѣмъ *не сокращены*.

«Я не умѣю наслаждаться молча, пишетъ онъ, мнѣ нужны крики, жесты, экспансивность; мнѣ нужно орать, ломать стулья». Въ этомъ именно смыслѣ его такъ прельщала суровая правда жизни—безпощадная, хотя бы жестокая или циничная. Она его неотразимо привлекала своей свободой отъ всего предвзятаго, отъ всего произвольнаго и вообще всего укороченнаго.

Этимъ, напримѣръ, его такъ восхищалъ востокъ. «Ахъ, эти

---

*) Correspondance, II, 96.
**) Ib. II, 75.
***) Ib. II. 221.
****) Ib. II, 224.
*****) Ib. II, 277.

славные турки, пишетъ онъ оттуда, — какъ я ихъ люблю! я все-мечтаю, отчего это я не могу мчаться по Стамбулу съ крикомъ: Аллахъ! Аллахъ! Эмсикъ эль борудъ (во имя Бога возьмитесь за оружіе!) Гдѣ бьется сердце человѣческое истиннымъ энтузіазмомъ? Въ Константинополѣ, въ груди волосатаго дервиша, который рычитъ противъ московитовъ» *). Его до того восхищала безъискусственность изступленнаго рычанія фанатика, что онъ самъ нѣкоторое время усердно упражнялся въ подражаніи этому крику. Даже безобразіе представлялось ему неотразимо обаятельнымъ, коль скоро въ немъ не чувствуется ничего условнаго или произвольнаго, никакой укороченности, коль скоро въ немъ ощущается подлинная, не надуманная и не случайная связь со всей жизненной обстановкой. Такъ въ Ѳивахъ ему нравятся картинки «очаровательныя своимъ свинствомъ» **) (d'un cochon charmant). Онъ очень радуется, найдя на востокѣ въ нетронутомъ видѣ «весь этотъ старинный комизмъ— раба, котораго тузятъ, угрюмаго торговца женщинъ, продувного купца;—все это тутъ еще въ полной свѣжести, пишетъ онъ, тутъ оно—правда и очарованіе. На улицахъ, въ домахъ, по всякому поводу справа и слѣва летятъ палочные удары съ отталкивающей расточительностью. Горловые звуки, похожіе на крики хищныхъ звѣрей; смѣхъ, обнаруживающій зубы, какъ слоновая кость, щелкающіе подъ толстыми губами, негры съ плоскими носами, запыленныя ноги, ожерелья, браслеты» ***).

Въ этомъ нагроможденіи формъ, звуковъ, красокъ ему дорого было то, что здѣсь все на своемъ мѣстѣ, не выдумано, не произвольно, не стиснуто и не сокращено.

Въ Іерусалимѣ его очень занимаетъ бойня. «Посреди домовъ случайно попадается площадь, на площади яма, и въ этой ямѣ кровь, внутренности, моча, цѣлый арсеналъ теплыхъ тоновъ для колористовъ. Кругомъ вонь одуряющая» ****). Восхищаясь «Золотымъ Осломъ» Апулея, какъ шедевромъ, онъ говоритъ: «тутъ чувствуется ѳиміамъ и мочевина, скотство переплетается съ мистицизмомъ. Я люблю грязь, прибавляетъ онъ, особенно въ духѣ Раблэ» *****).

Тотъ же смыслъ и характеръ имѣло его преклоненіе предъ совершенствомъ художественной формы, достиженію котораго онъ отдалъ чуть не большую часть своей жизни. Дѣло тутъ было вовсе не въ увлеченіи внѣшнимъ изяществомъ. Врядъ-ли это было-бы правдоподобно рядомъ съ приведенными тирадами относительно «скотства» и «грязи». Художественная форма только потому представляла для него источникъ неистовыхъ восторговъ, что въ ней

*) Ib. II, 328.
**) Ib I, 307.
***) Ib. I, 237.
****) Ib. I, 329—330.
*****) Ib II. 122.

онъ находилъ воплощеніе глубины вещей. «Самая простая фраза, пишетъ онъ, имѣетъ самыя отдаленныя отраженія» *).

Мопассанъ въ своемъ предисловіи къ письмамъ Флобера говоритъ на эту тему слѣдующее:

«Флобера волновали фраза, стихъ, остроумный или смѣлый эпитетъ. Онъ искалъ подкладку, внутренность словъ, проникалъ въ тайныя соображенія автора, читалъ медленно, ничего не пропуская, ища, когда фраза была понята, не осталось-ли еще чего для проникновенія».

«Слова,—замѣчаетъ отъ себя Мопассанъ, какъ ученикъ Флобера истолковывая его мысль,—обладаютъ душой. Большинство читателей и даже писателей требуютъ отъ нихъ только смысла. Надо найти эту душу, которая обнаруживается при соприкосновеніи съ другими словами, которая вспыхиваетъ и освѣщаетъ извѣстныя произведенія удивительнымъ свѣтомъ, не легко достающимся.

«Сближеніе и сопоставленіе въ языкѣ у нѣкоторыхъ писателей представляютъ откровеніе изъ особаго міра поэзіи, который обыкновенными людьми не замѣчается и не угадывается. Очень образованные и умные люди, даже писатели, часто удивляются, когда имъ говорятъ объ этомъ таинственномъ смыслѣ искусства; онъ вызываетъ въ нихъ улыбку, между тѣмъ какъ тѣ, для кого онъ доступенъ, понимаютъ другъ друга съ десяти словъ, точно они говорятъ на языкѣ непонятномъ для другихъ. Флобера всю жизнь мучило стремленіе къ этому неуловимому совершенству языка. Для него въ языкѣ сосредоточивались всѣ свойства, все, что составляетъ мыслителя и писателя. Какъ у организма кровь питаетъ тѣло и опредѣляетъ собой даже контуры его, его внѣшній видъ, расовый и фамильный, такъ для него въ произведеніи само содержаніе диктовало выраженіе, мѣру, ритмъ, вообще всѣ проявленія формы **).

V.

Тотъ же смыслъ, какъ и забота о формѣ, имѣло его требованіе, не менѣе настойчивое, чтобы въ произведеніяхъ искусства не имѣло мѣста выраженіе чувствъ и мнѣній автора.

«У меня, пишетъ онъ, непобѣдимое отвращеніе къ изложенію на бумагѣ чего нибудь, идущаго отъ сердца. Романистъ не имѣетъ права выражать свое мнѣніе по поводу чего бы то ни было. Развѣ Богъ когда нибудь высказывалъ свое мнѣніе? Вотъ почему есть не мало вещей, которыя меня душатъ, которыя мнѣ хотѣлось бы извергнуть и которыя я проглатываю. Къ чему говорить объ нихъ, въ самомъ дѣлѣ? Первый встрѣчный интереснѣе, чѣмъ господинъ

*) Ib. II, 132.

**) Letrres de Flaubert à G. Sand. Preface de Guy de Maupassant. p. LIX—LXII.

Гюставъ Флоберъ, потому-что онъ нѣчто болѣе общее, болѣе типичное» *).

Но этого мало: художественное произведеніе не должно ничего доказывать, искусство должно избѣгать «идей». «Поэзія, какую я люблю, пишетъ онъ, спокойна и груба (brute), какъ природа,—безъ единой подчеркнутой идеи, и каждый стихъ открываетъ вамъ горизонты, заставляющіе мечтать цѣлый день» **). «Высшее въ искусствѣ заключается не въ томъ, чтобы заставить смѣяться, или плакать, или негодовать, а чтобы дѣйствовать, какъ природа дѣйствуетъ, т. е. заставитъ мечтать (faire rêver)». И высшія произведенія искусства имѣютъ именно этотъ характеръ. «Гомеръ, Раблэ, Микель-Анджело, Шекспиръ, Гете—бездонны и безконечны. Чрезъ маленькія отверстія открывается у нихъ видъ на пропасти». «Вообще, всякое преслѣдованіе цѣлей есть уже односторонность по отношенію къ безграничному величію жизни». «Когда мы смотримъ на вещи съ какой нибудь цѣлью, мы видимъ только одну сторону ихъ. Люди легковѣсные и ограниченные, умы самонадѣянные хотятъ во всемъ заключенія: они ищутъ цѣли жизни и хотятъ измѣрить безконечность. Они захватываютъ въ руку горсть песку и говорятъ морю: «я сосчитаю, сколько песчинокъ на твоемъ берегу». Между тѣмъ ни одинъ великій геній не дѣлалъ заключеній и никакая великая книга не дѣлаетъ ихъ, потому-что само человѣчество находится въ постоянномъ движеніи и заключеній не дѣлаетъ. Жизнь вѣчная загадка и исторія тоже, и безъ конца прибавляются новыя цифры, которыя подлежатъ суммированію» ***).

Какъ видимъ, въ его опасеніи вкладывать въ произведенія искусства свои чувства и мнѣнія, или вообще идейное содержаніе, все сводилось къ боязни исключительности.

Эта боязнь идей и чувствъ, какъ источника исключительности, главнымъ образомъ вызывалась ихъ способностью обращаться въ предвзятыя идеи, въ шаблонъ, избавляющій отъ необходимости чувствовать и жить собственными глазами, наблюдать, изслѣдовать, искать новыхъ впечатлѣній. «У посредственности, пишетъ онъ, есть рецепты рѣшительно на все»****). «Посредственность обожаетъ правило. А я его ненавижу; я противъ него и противъ всякаго ограниченія, противъ всякихъ корпоративностей—кастъ, іерархій, равненія и стадности» *****). И на каждомъ шагу въ сужденіяхъ, чувствахъ, стремленіяхъ и поступкахъ людей его возмущала роковая склонность срединнаго человѣка во что-бы ни стало хвататься за готовые шаблоны, стремительно кидаться на проторенный путь,—не съ тѣмъ, чтобы, идя, хотя бы и по готовому пути, въ то же время

*) Correspondance III, 306.
**) Ib. II, 41.
***) Id III. 87.
****) Ib. II, 300.
*****) Ib. II, 313.

сохранять глаза открытыми для новыхъ впечатлѣній, можетъ быть, для новыхъ путей,—отнюдь нѣтъ; а для того, чтобы разъ навсегда отдѣлаться отъ всего, что находится внѣ данной рамки, чтобы больше не присматриваться къ жизни, не изучать ея, а жить на готовыхъ впечатлѣніяхъ. Эта заскорузлость и забитость мысли и чувства, ослабляющая ихъ живую впечатлительность къ новымъ элементамъ жизни, дѣлающая ихъ равнодушными къ тому, что происходитъ за предѣлами данныхъ перегородокъ,—это то и составляло всегдашнюю основу того, что такъ возмущало Флобера въ всякомъ вмѣшательствѣ чувствъ и идей. Стремленіе къ ограниченному и самодовольному шаблону,—вотъ, что онъ всегда находилъ въ нихъ.

Въ его тетрадяхъ нашлись цѣлыя коллекціи, иллюстрирующія это пристрастіе людей къ предвзятымъ идеямъ и ихъ особенную способность удивительнымъ образомъ сокращать жизнь.

«Вода, пишетъ Фенелонъ, создана, чтобы поддерживать чудныя сооруженія, которыя называются кораблями» *). «Блохи, читаемъ мы у Бернардена-де-Сентъ-Пьера, всегда бросаются на бѣлые предметы. Этотъ инстинктъ данъ имъ для того, чтобы мы легче могли ловить ихъ». «Дыня, объясняетъ тотъ же писатель, раздѣлена отъ природы на части, чтобы ее можно было съѣдать въ семьѣ, тыква, будучи больше, можетъ быть съѣденной съ сосѣдями» **). И многое другое—все въ томъ же родѣ.

Если ужъ выдающіеся писатели ухитряются такъ комично укорачивать смыслъ жизни, когда мѣряютъ ее своими спеціальными маленькими шаблонами, то чего же ожидать отъ дюжинныхъ людей? Въ ихъ обществѣ Флоберъ былъ настоящимъ мученикомъ. По словамъ Мопассана, «его чрезмѣрная впечатлительность заставляла его чувствовать какъ раны тѣ тупыя пошлости, которыя повторяются всѣми ежедневно. Выходя изъ салона, гдѣ въ теченіе цѣлаго вечера царствовала посредственность, онъ былъ въ изнеможеніи, чувствовалъ себя удрученнымъ, точно его избили палками, и утверждалъ, что самъ обратился въ идіота. Особенно его раздражало при этомъ, говоритъ Мопассанъ, «все что принято, все предвзятое, весь арсеналъ обыденныхъ или модныхъ мнѣній, всѣ безусловныя вѣрованія, всѣ такъ называемые безсмертные принципы» ***).

Два его произведенія, особенно дорогія его сердцу,—«Искушеніе св. Антонія» и «Буваръ и Пекюше»,—представляютъ собою не что иное, какъ генеральный обзоръ съ этой именно точки зрѣнія всевозможныхъ идей, ученій, воззрѣній и вѣрованій, относя-

---

*) Lettres de G. Flaubert à George Sand. Preface de G. de Maupassant p. XXXI.

**) Ib. p. XXXIV.

***) Ib. p. LXXIV—V.

щихся къ самымъ разнообразнымъ предметамъ и къ различнѣйшимъ вопросамъ жизни. Произведенія эти, не имѣя ничего общаго по фабулѣ, совершенно тождественны по плану: «Буваръ и Пекюше»—коллекція «идей», «Искушеніе св. Антонія»—коллекція «вѣрованій». И все содержаніе обоихъ сводится къ иллюстраціи роковой склонности ума человѣческаго къ пошлой ограниченности, къ способности человѣка вносить ограниченность во всѣ сферы жизни, мысли и чувства.

Въ «Буваръ и Пекюше» два почтенныхъ писаря въ отставкѣ, счастливые обладатели значительнаго состоянія и большіе поклонники учености, рѣшили основать счастіе своей жизни, такъ сказать, на разумныхъ началахъ, и, въ виду этого, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ съ необычнымъ усердіемъ читаютъ книжки по всевозможнымъ отраслямъ знанія. По поводу прочитаннаго они размышляютъ, дѣлятся другъ съ другомъ своими впечатлѣніями, дебатируютъ со знакомыми, преслѣдуя съ этой цѣлью доктора, священника, нотаріуса, дамъ и собственную прислугу, а также безъ устали производятъ безконечные эксперименты надъ своимъ имѣніемъ, надъ собою и надъ окружающими. При этомъ они поочередно занимаются хлѣбопашествомъ, огородничествомъ, разведеніемъ цвѣтовъ, приготовленіемъ консервовъ, винъ, шампанскаго и ликеровъ, скотоводствомъ, химіей, физіологіей, медициной, астрономіей, микроскопіей, геологіей, палеонтологіей въ связи съ раскопками, археологіей, исторіей, романами, гимнастикой, спиритизмомъ, магнетизмомъ, магіей, философіей, грамматикой, эстетикой, богословіемъ, политикой, и многимъ еще,—во всемъ этомъ поочередно разочаровываются, и наконецъ въ отчаяніи (согласно плану, не доведенному до конца, такъ какъ романъ остался не оконченнымъ) опять берутся за переписку.

Изучая физіологію, они по часамъ высиживаютъ нагишомъ на вѣсахъ; занявшись гимнастикой, гимнастируютъ чуть не съ утра до вечера, и все въ такомъ же родѣ. Вообще, они шутить не любятъ, а отдаются всякой своей затѣѣ отъ всей души. Но при этомъ какъ-то все такъ выходитъ,—и въ этомъ вся соль книги,—что и сами они не перестаютъ дѣлать невообразимыя глупости и наталкиваются въ своихъ чтеніяхъ, а отчасти и въ бесѣдахъ съ другими, на безконечный рядъ глупостей и пошлостей. Похожденія Бувара и Пекюше такимъ образомъ представляютъ только внѣшній предлогъ, чтобы собрать въ одно, такъ сказать, энциклопедію ограниченности, матеріалы для которой Флоберъ коллекціонировалъ съ замѣчательной настойчивостью въ теченіе полъ-жизни и обработка которой взяла у него шесть послѣднихъ лѣтъ его жизни. Мопасcанъ, стоявшій очень близко къ Флоберу, видитъ въ этой работѣ грандіозную по своимъ размѣрамъ «критику современнаго знанія», «критическую исторію идеи, во всевозможныхъ ея проявленіяхъ», «исторію слабости человѣческаго ума, прогулку въ безконечномъ

лабиринтѣ эрудиціи съ одной путеводной нитью, а именно, съ глубокой ироніей мыслителя, всюду находящаго свидѣтельство вѣчной и всеобщей тупости» *).

Эти слова Мопассана, надо полагать, до извѣстной степени отразили въ себѣ точку зрѣнія самого Флобера, тѣмъ болѣе, что Флоберъ въ своихъ письмахъ иногда выражался столь же рѣшительно. Но не даромъ самъ онъ настаивалъ на томъ, что личныя мнѣнія и воззрѣнія «господина Гюстава Флобера» не должны заслонять реальное содержаніе его произведеній. А присматриваясь внимательно къ этому содержанію въ «Буваръ и Пекюше», нельзя не признать, что авторъ показалъ совсѣмъ не то, что утверждаетъ Мопассанъ. Сколько бы ни вычитали наши герои глупостей и пошлостей въ книгахъ, хотя бы и ученыхъ, при чемъ тутъ, спрашивается, «современное знаніе», «идеи», и «свидѣтельство вѣчнаго и всеобщаго тупоумія»? По словамъ Мопассана, Флоберъ собралъ «ужасающую серію глупостей, невѣжества, чудовищныхъ и явныхъ противорѣчій, колоссальныхъ ошибокъ, постыдныхъ утвержденій, непостижимыхъ слабостей самыхъ высокихъ умовъ и обширныхъ разумовъ. Кто писалъ о чемъ бы то ни было, когда нибудь да сказалъ глупость. Эту глупость Флоберъ непремѣнно находилъ и подбиралъ, и сближая ее съ другою, и съ третьей, и съ четвертой, онъ создалъ цѣлую сѣть, которая разрушаетъ всякое убѣжденіе и всякое утвержденіе» **). Однако, на самомъ дѣлѣ не только такое заключеніе совершенно произвольно, но съ этой точки зрѣнія даже нельзя понять, какой собственно серьезный интересъ можетъ представлять это самое свидѣтельство того, какіе промахи дѣлали хотя бы и великіе умы. Что человѣку свойственно ошибаться — это трюизмъ, изъ-за котораго врядъ ли стоило собирать матеріалы въ теченіе полъ жизни.

Между тѣмъ у Флобера въ «Буваръ и Пекюше» дѣйствительно заложена серьезная и интересная мысль, борьба за которую вполнѣ понятна, а именно борьба съ закоренѣлой склонностью ума человѣческаго искать въ правилѣ, въ формулѣ — законченное рѣшеніе всевозможныхъ задачъ и вопросовъ жизни. Эту-то склонность, основанную на убѣжденіи, что любой разрядъ задачъ жизненныхъ имѣетъ свое готовое безповоротное рѣшеніе въ какой нибудь неподвижной формулѣ, — вотъ что неотступно преслѣдовалъ Флоберъ въ своемъ «Буваръ и Пекюше».

Особенно наивно эта склонность выражается у простодушныхъ героевъ повѣсти, все время твердо убѣжденныхъ, что чему угодно можно научиться очень просто, — набравши правилъ въ умныхъ книжкахъ, и, не смотря на безконечныя неудачи, съ комическимъ

---

*) Lettres de G. Flaubert à George Sand. Preface de C. de Maupassant p. XXIV, XXV, XXVI.

**) ib. p. XXVII—XXVIII.

упорствомъ продолжающихъ держаться этого убѣжденія. Они неизмѣнно увѣрены, что если не нашли истину на такой-то страницѣ учебника физики, то ужъ навѣрное найдутъ ее въ курсѣ химіи, археологіи, педагогики или «какой нибудь такой науки». И особенный интересъ этихъ поисковъ и злоключеній ихъ заключается въ томъ, что они въ этомъ отношеніи не исключенія, что при всей тупости и ограниченности, они какъ будто не глупѣе другихъ,—потому что на каждомъ шагу они встрѣчаютъ людей и находятъ книги, которые поддерживаютъ въ нихъ эту мысль. Обыденные люди, ученые, выдающіеся писатели — всѣ наперерывъ говорятъ имъ: «вотъ формула, вотъ правило неотразимое, вотъ система!»—и внѣ данной системы ничего не хотятъ знать.

Однако, упорныя неудачи систематически разбиваютъ въ нашихъ герояхъ этотъ педантическій взглядъ на характеръ отношеній между «идеями» и жизнью. Чтеніе книгъ и разговоры съ людьми регулярнымъ образомъ приводятъ ихъ къ одному неизмѣнному заключенію,—что въ каждомъ вопросѣ обязательно встрѣчаются мнѣнія, т. е. идеи, другъ друга уничтожающія; а примѣненіе «правилъ» неизмѣнно убѣждаетъ, что всякое правило что нибудь да просматриваетъ и что поэтому простого знанія правилъ не достаточно для того, кому надо примѣнять ихъ въ жизни. Сила вещей какъ бы смѣется надъ односторонностью мнѣній и разсужденій и надъ ограниченностью формулъ.

Таково заключеніе, которое позволительно сдѣлать изъ даннаго произведенія, не навязывая ему чего нибудь со стороны. Какъ видимъ, отъ этого еще очень далеко до «разрушенія всякихъ убѣжденій и утвержденій». Если же Буваръ и Пекюше дѣйствительно иногда склонны дѣлать этотъ выводъ, то это зависитъ отъ ихъ представленія, будто всякое правило есть нѣчто неподвижное, безповоротное, недопускающее никакихъ осложненій, и что неизбѣжна такая альтернатива: либо непогрѣшимое правило, либо никакихъ правилъ. Съ ихъ точки зрѣнія правила должны представлять нѣчто совершенное, законченное и самодовлѣющее: они должны избавлять отъ предшествующаго и послѣдующаго опыта, отъ работы мысли, отъ наблюденій, и разрѣшать всѣ затрудненія и задачи почти магически — безъ подготовки въ прошедшемъ и безъ дополненій въ дальнѣйшемъ. Поэтому растерянность ихъ среди противоположныхъ разсужденій, ихъ систематическія неудачи въ примѣненіи вычитанныхъ правилъ никакъ нельзя признать за критику науки и идей. Все тутъ сводится къ насмѣшкѣ надъ наивной претензіей искать мудрость установленной разъ навсегда въ готовыхъ шаблонахъ, и весь интересъ повѣсти заключается въ изображеніи того пустословія и праздномыслія, которыя выростаютъ на почвѣ этой претензіи.

Въ параллель съ «Буваръ и Пекюше», «Искушеніе св. Антонія» не что иное, какъ обзоръ притязаній ума человѣческаго по-

знать абсолютную истину и верховное начало жизни. Въ образѣ видѣній предъ св. Антоніемъ проходятъ представители метафизическихъ и иныхъ ученій. Каждый изъ нихъ еще больше, чѣмъ представители науки, убѣжденъ, что обладаетъ безусловной истиной, и съ спокойной совѣстью готовъ даже сжигать несогласныхъ. Ироніи судьбы угодно было и тутъ такъ устроить, что «безусловныя истины» различныхъ ученій рѣзко другъ другу противорѣчатъ. Одни утверждаютъ, что трудъ святая обязанность, другіе — что онъ грѣховенъ; одни ставятъ бракъ подъ покровительство неба, двугіе видятъ въ брачномъ сожитіи грѣхъ; одни проповѣдуютъ воздержаніе въ ѣдѣ и питьѣ, другіе уничтожаютъ плоть чревоугодіемъ и пресыщеніемъ. Основная тенденція этихъ противопоставленій, какъ и въ «Буваръ и Пекюше»,—обнаружить ту легкость сердца, какая нужна была представителямъ всевозможныхъ вѣрованій и ученій, чтобы считать себя исключительными обладателями истины. Больше всего Флоберъ считалъ интереснымъ показать, какой удивительно дешевой и легкомысленной цѣной различныя ученія полагали возможнымъ достичь своихъ цѣлей, поражающихъ своей часто наивной смѣлостью. Въ приводимыхъ имъ заявленіяхъ разныхъ «мудрецовъ» выдѣляется наивное притязаніе распоряжаться природой по своему личному произволу, хотя бы наперекоръ самымъ несомнѣннымъ законамъ этой самой природы. «Мудрецамъ» какъ будто ничего не стоитъ увѣренность, что не только истина у нихъ въ рукахъ, но что и власть надъ природой пріобрѣтается какъ нибудь очень просто, напримѣръ, помощью извѣстныхъ сакраментальныхъ словъ или чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ.

Эта наивная самоувѣренность вызываетъ въ Антоніи и смѣхъ, и жалость. Слушая «мудрецовъ», онъ то держится за бока отъ хохота, то горько плачетъ отъ жалости и обиды за человѣка и за здравый смыслъ.

Измученный созерцаніемъ фантастическихъ порываній, безпочвенныхъ и безплодныхъ, св. Антоній наконецъ находитъ разрѣшеніе своимъ душевнымъ блужданіямъ при видѣ органической жизни.

Въ любопытной по этому поводу тирадѣ, безъ сомнѣнія, выразилось собственное стремленіе самого Флобера дать исходъ своей неистовой жаждѣ жизни, уйти изъ міра условныхъ чувствъ и произвольныхъ умствованій, изъ міра легковѣсныхъ претензій и праздныхъ порываній,—погрузившись въ теченіе неисчерпаемо богатой органической и матеріальной жизни, ничѣмъ не укороченной. Въ ея устойчивости онъ видѣлъ спасеніе отъ безпочвенныхъ блужданій мысли и чувствъ, въ вѣчной возобновляемости ея проявленій — исходъ изъ притупляющей рутины обыденнаго существованія, спасеніе отъ скуднаго и тѣснаго міра шаблона, отъ личной и партійной ограниченности,— вообще, отъ всего, что произвольно укорачиваетъ содержаніе жизни.

VI.

Въ этомъ стремленіи пріобщиться къ вѣчно-свѣжей молодости и неисчерпаемости жизни, Флоберу приходилось бороться не только съ праздно-экзальтированными стремленіями презрѣнныхъ «буржуа», не только съ наивно ограниченными притязаніями представителей «идей» и «системъ», но и съ самимъ собой. И именно тутъ съ особенною ясностью обнаружилась общая связь тѣхъ явленій, съ которыми ему приходилось бороться, и любопытные психологическіе мотивы всей этой борьбы, тѣмъ особенно интересные, что благодаря имъ основной характеръ его стремленій и дѣятельности — преимущественно холодно ироническій — осложняется и своеобразно освѣщается элементами трогательной душевной драмы.

Надо сказать, что Флоберъ жилъ жизнью отрѣзанной отъ міра, почти какъ монахъ. Золя писалъ объ немъ въ своихъ «Парижскихъ письмахъ»: «Онъ живетъ въ безусловномъ уединеніи, проводитъ нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ въ Парижѣ, остальное время работаетъ въ помѣстьѣ, которымъ владѣетъ близъ Руана, на берегу Сены. У него нѣтъ страстей: онъ не собираетъ рѣдкостей, не любитъ охоты и даже не гастрономъ. Онъ пишетъ свои книги и больше ничего. Онъ вступилъ въ литературу, какъ въ былыя времена поступали въ какой нибудь монашескій орденъ,—чтобы сосредоточить въ немъ всѣ свои радости и въ немъ умереть. Осудивъ себя на уединеніе, онъ пишетъ одну книгу лѣтъ десять сряду и кладетъ въ нее всю свою душу» *).

Самъ Флоберъ сознавалъ свою обособленность, чувствовалъ тягость ея, и въ то же время роковымъ образомъ втягивался въ нее. Уже въ двадцать пять лѣтъ онъ пишетъ: «я живу одиноко, очень одиноко, все болѣе и болѣе одиноко» **). И двадцать лѣтъ спустя: «я живу точно устрица и не знаю ничего о томъ, что дѣлается на свѣтѣ» ***). И еще черезъ нѣкоторое время: «Мнѣ кажется, что я становлюсь ископаемымъ, существомъ безъ связей съ окружающимъ міромъ. Я не знаю никого, кто бы былъ въ состояніи провести со мной вечеръ, чтобы почитать вмѣстѣ какого нибудь поэта. У нихъ свои дѣла, а у меня дѣлъ нѣтъ. Замѣтьте, что мое общественное положеніе то же, что въ восемнадцать лѣтъ». «Что меня приводитъ въ отчаяніе, пишетъ онъ тоже вскорѣ затѣмъ, такъ это ужасающее одиночество, въ которомъ я живу» ****).

Эта отрѣзанность отъ остальнаго міра тѣсно переплеталась у него съ болѣзненной склонностью къ побужденіямъ незаконченнымъ.

---

*) Э. Золя. Парижскія письма, 47.
**) G. Flaubert. Correspondance, I, 102.
***) Ib. II, 371.
****) Ib. IV, 19, 25.

Максимъ Дюканъ *), сопутствовавшій Флоберу въ его путешествіи по востоку, разсказываетъ, что вскорѣ по возвращеніи онъ засталъ Флобера скучающимъ, неспособнымъ приняться ни за чтеніе, ни за работу. Онъ былъ полонъ воспоминаній, вызывавшихъ у него слезы на глазахъ, и тосковалъ по востоку. А между тѣмъ, на востокѣ онъ тосковалъ по Нормандіи. Вообще, по словамъ Дюкана, желанія Флобера были страстны до мучительности; онъ приходилъ въ отчаяніе, что не можетъ удовлетворить ихъ, проклиналъ судьбу, призывалъ всѣхъ въ свидѣтели своихъ несчастій. Но какъ только онъ достигалъ предмета своихъ желаній, такъ сейчасъ же разочаровывался и почти не обращалъ вниманія на то, къ чему передъ тѣмъ такъ страстно стремился.

Самъ Флоберъ пишетъ о себѣ: «Когда я покажусь гдѣ нибудь, я стремлюсь быть въ другомъ мѣстѣ; когда я вижу цѣль, я устремляюсь къ ней, опустивши голову, но дойдя до нея, я зѣваю» **). И другой разъ: «я рожденъ съ массой пороковъ, которые никогда даже не показывались на божій свѣтъ. Я люблю вино, но я не пью; я игрокъ, но никогда не прикасался къ картамъ. Распутство мнѣ нравится, а я живу какъ монахъ. Я въ глубинѣ души мистикъ, и ни во что не вѣрю» ***).

И рядомъ съ этой незаконченностью побужденій, — какъ естественное слѣдствіе получавшейся при этомъ напряженности всего душевнаго строя,—являлось болѣзненно экзальтированное стремленіе ко всему чрезмѣрному и именно въ своей чрезмѣрности невозможному, т. е. безцѣльному, безъисходному.

По свидѣтельству различныхъ людей, онъ восторгался кровожадными цезарями временъ упадка Рима, и именно за ихъ любовь къ крови. Его тоже восхищала ослѣпительная роскошь ихъ жизни, и онъ видимо былъ въ искреннемъ отчаяніи, что невозможно устроить у себя въ саду состязаніе гладіаторовъ. Онъ печалился о томъ, что современная цивилизація потеряла вкусъ къ сильнымъ ощущеніямъ. Однажды въ кругу пріятелей онъ указалъ какъ на отдаленный отголосокъ этихъ ощущеній въ наше время—на острое и сладострастное содроганіе, которое мы испытываемъ при видѣ того, какъ на бойняхъ всаживаютъ ножъ въ горло животныхъ ****).

Дюканъ разсказываетъ, что Флоберъ цѣлыми часами комбинировалъ въ головѣ то, что онъ называлъ «зимой въ Парижѣ». Это было нѣчто необычайно фантастическое, смѣсь чудовищныхъ затѣй римской имперіи, роскоши временъ Возрожденія и чудесъ «Тысячи и одной ночи». Онъ утверждалъ, что имъ сдѣланъ приблизительный расчетъ, и говорилъ: «это стоило бы двѣнадцать милліардовъ,

---

*) M. du Camp. Souvenirs littéraires.

**) G. Flaubert Correspondance II, 64.

***) Ib. II, 101.

****) Maurice Spronck. Artistes littéraires.

самое большее!» Эти мечты, говоритъ Дюканъ, сообщали ему какой-то застывшій видъ курителя опіума.

Самую законченную характеристику этихъ удивительныхъ фантазій Флобера даетъ намъ извѣстный Анатоль Франсъ.

Своей фигурой, говоритъ Франсъ, онъ воплощаетъ въ себѣ то, что мы читаемъ о древнихъ скандинавскихъ предводителяхъ. Онъ былъ высокъ ростомъ, съ широкими плечами, это было нѣчто огромное, блестящее и шумное. Онъ свободно носилъ что-то въ родѣ шинели, похожей на плащъ пирата. Онъ казался норманномъ, воиномъ морей, никогда не спавшимъ подъ кровлей, любящимъ проливать кровь и грабить церкви, неистовымъ, великодушнымъ, вдохновляемымъ туманными богами сѣвера и сохраняющимъ даже при грабежахъ неизмѣнную возвышенность души. И его внѣшность не обманывала; онъ дѣйствительно былъ такимъ—но въ мечтахъ.

«Флоберъ былъ очень добръ, продолжаетъ Франсъ. У него была удивительная способность энтузіазма. Поэтому онъ всегда былъ неистовъ. Онъ отправлялся въ походъ при всякомъ случаѣ, такъ какъ всегда надо было отомстить за какую нибудь несправедливость... Не успѣлъ я пробыть и пяти минутъ, какъ маленькій салонъ, покрытый восточнымъ ковромъ, утопалъ въ крови двадцати тысячь убитыхъ буржуа. Прохаживаясь взадъ и впередъ, добродушный гигантъ давилъ своими каблуками мозги муниципальныхъ совѣтниковъ города Руана. Онъ запускалъ руки во внутренности Сентъ-Маркъ-Жирардена. Онъ пригвоздилъ къ стѣнѣ содрогающіяся части тѣла Тьера. Затѣмъ, перейдя отъ свирѣпости къ восторгу, онъ принялся декламировать сильно, но глухо и монотонно, изъ одной незадолго передъ тѣмъ поставленной драмы, написанной подъ вліяніемъ Эсхила. Восторгъ его скоро перешелъ отъ произведенія къ актерамъ. Онъ заговорилъ объ актрисѣ, исполнявшей Клитемнестру, сердечно и въ тоже время неистово. Когда онъ говорилъ объ ней, казалось, что онъ ласкаетъ чудовищнаго звѣря. Но когда дошла очередь до актера, игравшаго Агамемнона, Флоберъ окончательно разразился. Въ дѣйствительности актеръ этотъ былъ изъ наперсниковъ трагедій, состарившійся въ своемъ скромномъ амплуа, уставшій, разочарованный, разбитый ревматизмомъ. Бѣдствія эти, какъ физическія, такъ и душевныя, сильно отражались на его игрѣ. Бывали дни, когда бѣдняга съ трудомъ передвигалъ ноги по сценѣ. Подъ конецъ онъ женился на театральной привратницѣ и мечталъ о томъ, какъ бы поскорѣе отдохнуть съ ней въ деревнѣ, вдали отъ подмостковъ и театральныхъ скамеекъ. Это былъ тихій человѣкъ, который желалъ мира, обѣщаннаго на землѣ людямъ кроткимъ сердцемъ. Но добрѣйшій Флоберъ понималъ его совсѣмъ иначе. Ему нужно было, чтобы старичокъ Лотъ (такъ звали актера) сдѣлалъ новую великолѣпную карьеру. «Онъ великъ! кричалъ онъ. Это предводитель варваровъ, въ немъ что-то архаическое, доисторическое, легендарное, гомеровское, рапсо-

дическое, эпическое! У него священная неподвижность! Онъ не шевелится,—это возвышенно! это божественно. Видѣли-ли вы въ Луврѣ маленькій барельефъ въ древнегреческомъ стилѣ? Такъ вотъ Лотъ точно сошелъ съ этого камня. Онъ великолѣпенъ!»

«Такъ неистовствовалъ Флоберъ,—заключаетъ Анатоль Франсъ. Вся поэзія Гомера и Эсхила представлялась ему воплощенной въ старичкѣ Лотѣ, совсѣмъ такъ же, какъ догадливый гидальго узнавалъ въ незамысловатой фигурѣ барана несравненнаго отважнаго властителя трехъ Аравій, одѣтаго въ броню изъ змѣиной шкуры» *).

Какъ видимъ, экзальтація Флобера была очень невиннаго характера; вся напряженность его порываній зависѣла именно отъ ихъ невинности т. е. безъисходности. Не даромъ его такъ занимала у Эммы Бовари, у Фредерика Моро, у Шарля Бовари и другихъ—отмѣченная выше черта, что чѣмъ менѣе осуществимы стремленія, чѣмъ они безнадежнѣе, тѣмъ большей остроты они достигаютъ. И у него самого безъисходность его порываній только сообщала имъ характеръ какого-то героизма отчаянія. «Я находилъ удовольствіе, пишетъ онъ какъ-то, бороться съ моими чувствами и мучить мое сердце. Ожесточенный противъ самого себя, я обѣими руками искоренялъ въ себѣ человѣка. Изъ дерева съ зеленой листвой я хотѣлъ сдѣлать обнаженную колонну, чтобы помѣстить на ней, какъ на жертвенникѣ, не знаю какое божественное пламя» **).

VII.

Совершенно естественно, что разсмотрѣнныя особенности личной жизни Флобера въ значительной степени отразились и на его литературной дѣятельности. И здѣсь мы видимъ прежде всего такое же упорное стремленіе обособиться отъ дѣйствительности—въ область искусства для искусства. На этой почвѣ выросло томительное чувство незаконченности и отрывочности стремленій, и какъ слѣдствіе того—экзальтированность ихъ. Эта экзальтированность проявлялась, съ одной стороны, склонностью находить болѣзненное удовольствіе въ обостреніи безъисходнаго характера своихъ порываній, искусственно укороченныхъ въ атмосферѣ искусства для искусства, а, съ другой стороны, смѣнялась героически отчаяннымъ стремленіемъ насильственно задушить въ себѣ проявленіе какихъ бы то ни было тенденцій и чувствъ. Характеръ получавшейся при этомъ душевной коллизіи обрисовывается нижеслѣдующими своеобразными обстоятельствами его литературной дѣятельности.

Максимъ Дюканъ разсказываетъ, какимъ любопытнымъ образомъ Флоберъ обратился къ изображенію обыденной дѣйствительности. Въ числѣ первыхъ своихъ литературныхъ опытовъ, онъ уже

---

*) Anatole France. Vie littéraire II, 18—22.
**) Correspondance III, 109.

будучи почти 30-ти лѣтъ, написалъ «Искушеніе св. Антонія» и съ торжествомъ представилъ это произведеніе на судъ двухъ пріятелей своихъ—Дюкана и Булье. Предъ началомъ чтенія Флоберъ, со свойственной ему манерой, восторженно театральной, потрясая надъ головой рукописью, воскликнулъ: «если вы не разразитесь криками восторга, то ничто не въ состояніи васъ расшевелить.» Послѣдовало чтеніе, продолжавшееся четыре дня подрядъ, по восьми часовъ въ день. Пріятели, послѣ нѣкотораго колебанія, рѣшили быть вполнѣ откровенными и категорически заявили автору, что совѣтуютъ ему бросить свое произведеніе въ печку. Мало того, они уговорили Флобера взяться за сюжетъ, который не давалъ бы ему воли и самымъ содержаніемъ своимъ не позволялъ ему безконечно расплываться, теряясь въ красивыхъ, звучныхъ фразахъ и живописныхъ образахъ. Для этого они рекомендовали ему взять сюжетъ совершенно прозаическій изъ обыденной жизни и трактовать его возможно просто, естественно. Флоберъ долженъ былъ согласиться съ доводами пріятелей. А когда на слѣдующій день Булье, случайно вспомнивъ драматическую исторію доктора Делоне близъ Руана, жена котораго отравилась, замѣтилъ: «отчего бы тебѣ не написать исторіи Делоне?»—Флоберу этотъ сюжетъ сразу понравился и онъ его взялъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ упорной работы на эту тему, онъ издалъ «Г-жу Бовари».

«Г-жа Бовари» имѣла выдающійся успѣхъ. Но Флоберъ обрадовался, что раздѣлался наконецъ съ ненавистной средой мелкихъ людей и сѣренькаго существованія и обратился къ сюжету изъ древне-африканской жизни. Послѣ выхода въ свѣтъ «Г-жи Бовари» онъ писалъ одной знакомой: «Меня считаютъ влюбленнымъ въ реальное, а я его ненавижу. Въ «Бовари» я задался предвзятой цѣлью. Все, что я люблю—отсутствуетъ въ этомъ романѣ. Чрезъ нѣкоторое время я дамъ вамъ нѣчто болѣе возвышенное въ болѣе чистоплотной средѣ...» «Бовари, пишетъ онъ въ другой разъ, дала мнѣ надолго отвращеніе отъ буржуазной среды. Я собираюсь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ жить сюжетомъ великолѣпнымъ и далекимъ отъ современности, которая мнѣ надоѣла». *).

Между тѣмъ, работая надъ Саламбо, онъ чрезъ нѣкоторое время пишетъ: «по мѣрѣ того, какъ я погружаюсь въ античное, меня вновь охватываетъ потребность приняться за современное, и я про себя готовлю кучу фигуръ» **).

И дѣйствительно, немедленно по окончаніи Саламбо, онъ принялся за сюжетъ изъ современной жизни и обработалъ его въ «Сентиментальномъ воспитаніи» въ самомъ трезвомъ тонѣ, самыми сѣрыми красками. Послѣ этого произведенія онъ обратился опять къ экзотической обстановкѣ и фантастическимъ темамъ въ «Иску-

*) Correspondance, III, 68, 71, 138 etc.

**) Correspondance III, 161.

шеніи св. Антонія.» Но не успѣлъ онъ окончить это произведеніе, какъ его опять заинтересовалъ современный сюжетъ и опять современный буржуа, которому онъ почти безраздѣльно посвятилъ въ «Буваръ и Пекюше» послѣдніе шесть лѣтъ жизни.

Это киданіе между двумя сферами—областью сѣренькихъ будней и областью возвышенныхъ чувствъ, сильныхъ страстей и яркихъ красокъ—было проявленіемъ той же основной черты, которую мы отмѣтили и въ его интимной личной жизни. Тутъ сказалась все та же незаконченнось побужденій: и проза обыденности, и поэзія приподнятыхъ положеній привлекали его, но ни та, ни другая не удовлетворяли. Въ безстрастномъ наблюденіи мелкихъ фактовъ онъ не находилъ удовлетворенія какимъ-то интимнымъ и очень властнымъ запросамъ чувствъ, а отдаваясь инстиктивнымъ стремленіямъ въ сферу приподнятыхъ ощущеній и яркихъ красокъ, онъ чувствовалъ ихъ оторванность отъ жизни.

Правда, отдаваясь склонности погружаться въ массу обыденныхъ деталей, Флоберъ видимо испытывалъ при этомъ столь дорогое ему ощущеніе шири жизни—способности ея къ безконечному продолженію и вѣчному обновленію. Въ произведеніяхъ его, въ каждомъ описаніи, въ любомъ образѣ, вы находите слѣды работы воображенія, упорно обволакивающей каждое явленіе цѣлой сѣтью мелкихъ фактовъ и черточекъ, полученныхъ путемъ безчисленныхъ наблюденій и скомбинированныхъ такимъ образомъ, что вы чувствуете себя какъ бы погруженными въ непрерывное теченіе жизни.

Однако, какъ художникъ, онъ не могъ не чувствовать, что дѣйствительная полнота ощущенія жизни дается не столько безконечной смѣной отдѣльныхъ впечатлѣній новыми, сколько способностью овладѣвать ими, схватывать ихъ связь и живую послѣдовательность. И организаторская сила художественнаго инстинкта, проявляясь уединенными порывами, не только не давала въ этомъ отношеніи полнаго и спокойнаго удовлетворенія, но отчасти еще раздражала, благодаря своей неуловимости. Дѣло въ томъ, что идеи, принципы сознательнаго міросозерцанія, житейскіе интересы, религіозныя убѣжденія—все это, разъ оно пріобрѣтено, каждый разъ безъ особеннаго труда возстановляется въ сознаніи и чувствѣ. А творческія порыванія художественнаго инстинкта капризно неуловимы. И поэтому Флоберъ, упорно отгораживаясь отъ всего, что организуетъ жизнь и даетъ исходъ безконечно разрозненнымъ проявленіямъ ея,—кромѣ стихійнаго художественнаго инстинкта,—находилъ и въ созерцаніи картины неисчерпаемаго богатства жизни все то же чувство растерянности и раздраженія.

Подъ вліяніемъ этого раздраженія, онъ въ своихъ изображеніяхъ реальной жизни не просто избѣгалъ праздныхъ иллюзій фантазіи, а отдавался детателямъ сѣренькой дѣйствительности съ какимъ-то ожесточеніемъ, безжалостно погружая все въ тусклый сѣ-

рый туманъ мелочей безъ исхода, въ которомъ безнадежно барахтаются чувства и личность человѣческія. И рядомъ съ этимъ, фантазія его до конца жизни все никакъ не могла оторваться отъ пристрастія къ ненужно яркимъ краскамъ, къ образамъ, совершенно чуждымъ обыденной дѣйствительности и къ экзальтированнымъ чувствамъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ ему доставляло болѣзненное удовольствіе бередить въ себѣ ощущеніе безъисходности своихъ порываній. «Если мнѣ что нибудь несносно, пишетъ онъ однажды, то меня тѣмъ больше тянетъ къ этому несносному; когда у меня что нибудь чешется,—я расцарапываю себя до крови» *). Этой-то склонностью усиленно бередить въ себѣ то, что раздражаетъ своей безъисходностью, объясняются всѣ тѣ преувеличенія, тѣ проникнутыя односторонностью и исключительностью воззрѣнія на искусство и жизнь, которыя онъ съ тѣмъ большимъ ожесточеніемъ высказывалъ, чѣмъ несомнѣннѣе была ихъ явная безнадежность. «Меня считаютъ влюбленнымъ въ реальное, а я его ненавижу» **), заявляетъ онъ. «Жизнь до такой степени отвратительная вещь, что единственный способъ переносить ее — это избѣгать ея А чтобы избѣгнуть ея—надо жить искусствомъ» ***). Мало того, и въ искусствѣ-то «прежде всего—стиль, а ужъ затѣмъ правда» ****).

Высказывая эти парадоксы, онъ какъ будто не хотѣлъ замѣчать что если бы дѣйствительно держаться ихъ въ серьезъ, то въ результатѣ должно бы получиться нѣчто можетъ быть еще болѣе ничтожное и болѣе узко исключительное, чѣмъ столь возмущавшая его «дешевая поэзія» шаблонныхъ чувствъ и условныхъ страстей.

Но дѣло въ томъ, что рѣзкость этихъ парадоксальныхъ положеній цѣликомъ зависѣла отъ сознанія ихъ полной безнадежности и безъисходности. А чувство усиленнаго раздраженія, которое онъ въ нихъ вкладывалъ, было лирическимъ выраженіемъ измученности тяжелой борьбой съ безъисходностью жизни, замкнутой въ тиски всяческой исключительности и ограниченности.. Это былъ крикъ души, которая въ довершеніе всего въ себѣ самой находила элементы той же ненавистной замкнутотти и безъисходности.

Тѣмъ не менѣе, при всемъ упорствѣ, съ которымъ Флоберъ такимъ образомъ бередилъ въ себѣ болѣзненное чувство отгороженности отъ жизни и на зло старался подчеркивать принципіальную безцѣльность художественнаго творчества, всетаки съ его стороны это были праздныя слова,—правда, далеко не безвредныя, но что главное — очень мало удовлетворявшія его самого. А между тѣмъ то благоговѣйное восхищеніе, которымъ онъ былъ проникнутъ по отношенію къ искусству, цѣликомъ покоилось на убѣжденіи въ спо-

*) Correspondance, II, 64.
**) Ib. III, 68.
***) Ib. III, 86.
****) Ib. III, 71.

собности произведеній художественнаго творчества быть полнѣйшимъ воплощеніемъ жизни, совершеннѣйшей концентраціей ея, во всей неисчерпаемой ея ширинѣ. Кропотливое изученіе десятковъ томовъ, мѣсяцы и годы собиранія массы фактовъ — съ единственной цѣлью получить матеріалъ для нѣсколькихъ строчекъ—неоспоримый фактъ, много разъ имѣвшій мѣсто въ работахъ Флобера. Для того, чтобы сознательно совершать такіе трудовые подвиги, нужна была глубокая вѣра въ то, что единая строчка художественнаго произведенія, мелкая черта художественнаго образа въ состояніи охватить собой громадный объемъ жизни; нужно сильно вѣрить, что искусство обладаетъ какими-то чрезвычайными средствами для особенно интимнаго проникновенія въ жизнь. И преобладающимъ чувствомъ Флобера была именно его вѣра, что художественному проникновенію въ жизнь доступна способность обнаруживать въ ничтожнѣйшихъ мелочахъ дѣйствительности широкій фонъ жизни, дать почувствовать связь одинокой мелочи съ безконечнымъ массовымъ потокомъ ея.

Конечно, это былъ только идеалъ его художественныхъ стремленій, только высшая ихъ точка. Но всетаки идеалъ-то его былъ именно этотъ, а не искусство безъ цѣли и не искусство, какъ равнодушное подражаніе дѣйствительности. Дѣйствительность въ его глазахъ поражена укороченностью, а искусство—стремится расширить жизнь.

А. Красносельскій.

Послѣдняя пѣсня.

I.

Онъ томился въ неволѣ, пѣвецъ молодой,
И недугъ его тайный сжигалъ,
Все страшнѣе и чаще порою ночной
Холодъ смерти въ крови пробѣгалъ.
А вокругъ раздавались проклятья и стонъ,
Дикій смѣхъ и рыданья людей,
Безконечный, холодный, мучительный звонъ
И бряцанье тяжелыхъ цѣпей...
— Ночь. Огонь, дорогая, мерцаетъ въ углу,
Люди спятъ и томятся во снѣ.
Кто то вдругъ поднялся на холодномъ полу,
Чья то тѣнь вдругъ легла на стѣнѣ,—
То отъ тягостныхъ сновъ пробудился пѣвецъ.
Холодъ смерти его леденитъ.
О, онъ знаетъ, что скоро настанетъ конецъ
И незримая смерть прилетитъ.
И въ предсмертной тоскѣ пронеслись передъ нимъ
Дѣтства, юности бурной года...
Какъ любилъ онъ безумно, какъ былъ онъ любимъ
И какъ все унеслось безъ слѣда.
Жажда счастья сжигала, томила пѣвца
И, какъ путникъ во теракѣ ночномъ,
По болотамъ и дебрямъ онъ шелъ безъ конца
За блуждающимъ злымъ огонькомъ.
Наслажденья и роскошь въ богатыхъ дворцахъ,
Ласки женщинъ и зависть враговъ,
Все онъ вспомнилъ теперь, умирая въ цѣпяхъ
Средь преступныхъ и грубыхъ рабовъ.

Вспомнилъ ту, о которой не смѣлъ онъ мечтать,
Но безумно и страстно мечталъ.
Ей хотѣлъ онъ всю жизнь и все счастье отдать,
Для нея свои пѣсни слагалъ.
Чутко, жадно тѣмъ пѣснямъ внимала она,
Загорались зарницы въ очахъ...
Но жена властелина мечтать не должна
О влюбленныхъ и жалкихъ пѣвцахъ.
Много рыцарей славныхъ и знатныхъ вокругъ...
И онъ вспомнилъ ту грозную ночь,
Когда страсти и ревности жгучій недугъ
Не сумѣлъ онъ въ душѣ превозмочь.
Ночь была и грозой и проклятьемъ полна...
Онъ убилъ... о, зачѣмъ вспоминать...
И о комъ такъ безумно рыдала она,
Онъ не могъ и теперь разгадать.
А когда онъ на утро закованный шелъ
И вели его мимо дворца,
Онъ взглянулъ на нее, но любви не нашелъ
Въ выраженьи нѣмого лица.

II.

И теперь онъ одинъ умираетъ въ цѣпяхъ
И загубленной жизни не жаль,
Лишь умчаться бъ скорѣй на незримыхъ крылахъ
Въ безконечную, тихую даль!..
Догораетъ огонь, за тюремной стѣной
Загорится ужъ скоро разсвѣтъ,
Ахъ, кому жъ онъ споетъ въ этой жизни земной
Свой послѣдній, прощальный привѣтъ!
И взглянулъ онъ кругомъ на несчастныхъ людей,
Разметавшихся въ тягостномъ снѣ,
И прислушался къ звону холодныхъ цѣпей
Въ непробудной ночной тишинѣ.
Онъ вглядѣлся въ ихъ лица и въ грубыхъ чертахъ
Вдругъ замѣтилъ страданья печать,
Понялъ онъ всю ихъ жизнь и проклятья и страхъ,

И ему захотѣлось рыдать.
Позабылъ онъ все счастіе жизни своей,
Всѣ страданья свои онъ забылъ,
Онъ лишь видѣлъ несчастныхъ, безумныхъ людей
И безумно и нѣжно любилъ.
Онъ увидѣлъ, кому въ этой мрачной тюрьмѣ
Лебединую пѣсню споетъ,
Для кого эта пѣсня въ томительной тьмѣ
Позабытой зарею блеснетъ.
Весь невѣдомой, новой силой объятъ
Онъ запѣлъ средь молчанья и тьмы.
Словно грома могучій и страстный раскатъ
Прокатился подъ сводомъ тюрьмы.
Пробужденные люди, цѣпями звеня,
Въ изумленномъ восторгѣ глядятъ.
Ночь проходитъ, лучи восходящаго дня
На оконныхъ рѣшеткахъ блестятъ.
А волшебная пѣсня могучей волной
Проникаетъ въ людскія сердца,
Дышетъ счастьемъ, свободой и юной весной
И плыветъ и звучитъ безъ конца!
Позабыты проклятья, неволя, позоръ,
Преступленья и жизни обманъ.
Передъ ними сверкаетъ лазурный просторъ
И земной исчезаетъ туманъ.
Безконечной любовью и счастьемъ горя,
Онъ послѣднюю пѣсню поетъ...
За оконной рѣшеткой пылаетъ заря
И торжественно солнце встаетъ.
Восторжонные взоры въ пѣвца устремивъ,
Всѣ внимаютъ безмолвной толпой
И, суровую голову низко склонивъ,
Тихо плачетъ тюремщикъ сѣдой...

III.

Но слабѣетъ пѣвецъ, сердце бьется больнѣй,
Слезы блещутъ въ туманныхъ очахъ,

Пѣсня льется все тише, звучитъ все нѣжнѣй,
Замирая на блѣдныхъ устахъ.
Звуки рвутся летя по темницѣ сырой,
Жизни шлетъ онъ послѣднiй привѣтъ.
Такъ деревья роняютъ весенней порой
Свой душистый, серебряный цвѣтъ.
На закованныхъ, мощныхъ и грубыхъ рукахъ
Нѣжно узники держатъ пѣвца,
Слезы жаркiя блещутъ въ суровыхъ очахъ
И бѣгутъ, и бѣгутъ безъ конца...
Не страшитъ его смерть, онъ лавровый вѣнецъ
Заслужилъ этой пѣсnью своей
И съ блаженной улыбкою умеръ пѣвецъ
На рукахъ просвѣтленныхъ людей.

Allegro.

Среди ночи и льда.

Норвержская полярная экспедиція 1893—96 гг.

Фритьофа Нансена.

ВВЕДЕНІЕ.

Неизвѣданныя и неприступныя, спали мертвымъ сномъ полярныя страны съ начала вѣковъ, скованныя ледянымъ покровомъ. Могучій великанъ, закутанный въ бѣлое одѣяніе, спалъ, вытянувъ свои оледенѣвшіе члены.

На зарѣ исторіи, далеко на югѣ, проснувшійся человѣческій геній поднялъ голову и посмотрѣлъ на землю. Съ юга на него пахнуло тепломъ, съ сѣвера—холодомъ. Тогда и оба царства,—царство всесокрушающаго жара и всеуничтожающаго холода,—онъ заключилъ въ предѣлы неизвѣстнаго.

Но мало-по-малу границы неизвѣстнаго стали отступать передъ возрастающимъ стремленіемъ человѣчества къ свѣту и знанію, и наконецъ они остановились на сѣверѣ, у самаго порога великаго ледянаго кладбища природы, въ области вѣчнаго безмолвія полярныхъ странъ. До этой минуты человѣческій геній не встрѣчалъ въ своемъ побѣдоносномъ шествіи никакихъ непреодолимыхъ препятствій и, успокоенный, двигался дальше. Но тутъ передъ нимъ возсталъ великанъ, въ союзѣ съ самыми страшными врагами жизни: ледянымъ холодомъ и долгою зимнею ночью.

Толпа за толпою устремлялась къ сѣверу, лишь затѣмъ, чтобы терпѣть пораженіе за пораженіемъ, но новые ряды были всегда наготовѣ двинуться впередъ и замѣнить своихъ предшественниковъ.

Долго не удавалось человѣку пронизать своимъ взоромъ туманъ ледяного моря. Тамъ, за этою завѣсой, скрывалась страна скиѳовъ; тамъ въ Нифльгеймѣ (царство тумана), въ этомъ мрачномъ царствѣ сагъ, кружились въ дикой воинственной пляскѣ грозные великаны инея.

Затѣмъ насъ снова потянуло туда. Тамъ на сѣверѣ, среди мрака и стужи, лежалъ «Гельгеймъ», обитель мертвыхъ, гдѣ царила богиня смерти. Зачѣмъ же люди устремлялись туда, гдѣ не могло ды-

шать ни одно живое существо? Хотѣли ли они вернуть своихъ мертвецовъ, какъ Гермодъ, отправившійся за Бальдуромъ? Нѣтъ, не за этимъ шли туда люди. Они хотѣли добыть знаніе для грядущихъ поколѣній, и въ этой благороднѣйшей борьбѣ человѣческаго духа съ предразсудками и мракомъ невѣжества заключается вся исторія арктическихъ путешествій, исторія такихъ людей, которые, не смотря на то, что въ тѣ времена зимовка въ полярныхъ странахъ означала почти вѣрную смерть, все-таки устремлялись туда, въ область неизвѣстнаго, съ развернутымъ знаменемъ въ рукахъ. Нигдѣ знаніе не было куплено цѣною столькихъ страданій и лишеній, но человѣческій духъ не успокоится до тѣхъ поръ, пока ни одной пяди не останется неизслѣдованной въ этой области и пока не будутъ разгаданы всѣ ея тайны. Шагъ за шагомъ люди подвигались впередъ, напрягая всѣ силы. Но заря только еще занимается, и насъ все еще окружаетъ утренняя мгла, и надъ огромными пустынными пространствами тамъ, на полюсѣ, царитъ все тотъ же мракъ.

Наши предки, древніе викинги, были первыми полярными путешественниками. Говорятъ, что ихъ поѣздки въ ледяное море не имѣли значенія, такъ какъ они не оставили никакихъ слѣдовъ своего пребыванія тамъ. Но это не вѣрно. Какъ современные китоловы въ своей постоянной борьбѣ со льдомъ и океаномъ, прокладываютъ дорогу нашимъ изслѣдованіямъ сѣвера, такъ и древніе норвежцы, съ Эрикомъ Краснымъ, Лейфромъ и др. во главѣ, были передовыми борцами всѣхъ полярныхъ изслѣдователей грядущихъ поколѣній. Не слѣдуетъ забывать, что они не только первые пустились въ океанъ, но также первые вступили въ борьбу со льдомъ. Они гораздо раньше другихъ морскихъ націй рѣшились отдалиться отъ береговъ и на своихъ судахъ прорѣзали вдоль и поперекъ сѣверныя моря, открыли Гренландію и Исландію и заселили эти страны; позднѣе-же отправились въ Америку и не боялись переплывать весь Антлантическій океанъ на своихъ открытыхъ судахъ. Не мало тяжелой борьбы со льдами приходилось вынести имъ у береговъ Гренландіи, и многіе изъ этихъ храбрецовъ сложили тамъ свои головы.

Не одна жажда приключеній, хотя она и составляетъ основную черту норвежскаго народнаго характера, влекла нашихъ предковъ въ эти неизвѣданныя области; надо было отыскать новое поле дѣятельности для многихъ безпокойныхъ головъ, которымъ было тѣсно въ Норвегіи. Кромѣ того ихъ побуждала къ этимъ поѣздкамъ и настоящая жажда знанія. Уже Оттаръ, находившійся при дворѣ короля Альфреда въ Англіи, въ 890 году отправился на сѣверъ, потому что, какъ онъ самъ говоритъ, у него въ душѣ возникло «божественное желаніе и стремленіе узнать и повѣдать другимъ, какъ далеко на сѣверѣ встрѣчается земля и есть-ли человѣческіе обитатели по ту сторону ледяной пустыни». Оттаръ жилъ въ са-

мой сѣверной части Гельгеланда, вѣроятно, въ Біяркои и проѣхалъ кругомъ Нордкапа, а также на востокъ до самаго Бѣлаго моря.

О Гаральдѣ Гардраадѣ, «многоопытномъ норвежскомъ королѣ», Адамъ Бременскій разсказываетъ, что онъ предпринялъ путешествіе на сѣверъ и «попробовалъ на своихъ судахъ произвести изслѣдованіе сѣвернаго океана, но мракъ встрѣтилъ его на порогѣ исчезающаго міра и съ великимъ трудомъ онъ избѣжалъ гибели, повернувъ свои суда назадъ».

Тамъ былъ Гиннунгъ — страшная зіяющая бездна на концѣ міра. Какъ далеко заѣхалъ Гаральдъ, неизвѣстно никому, но во всякомъ случаѣ его слѣдуетъ признать однимъ изъ первыхъ полярныхъ путешественниковъ, устремившихся на сѣверъ изъ одной только жажды знанія. Само собою разумѣется, что всѣ эти норвежцы не были свободны отъ суевѣрныхъ воззрѣній, господствовавшихъ въ ихъ времена относительно полярныхъ странъ, гдѣ, по ихъ мнѣнію, находились: Гиннунгъ (зіяющая бездна), Нифльгеймъ (міръ тумана), Гельгеймъ (міръ мертвыхъ) и проч. Но и въ этихъ мистическихъ и поэтическихъ представленіяхъ норвежцевъ было зерно настоящаго наблюденія, такъ что первымъ путешественникамъ нельзя отказать въ замѣчательно тонкомъ и ясномъ пониманіи отношенія вещей.

Правильность и трезвость ихъ взглядовъ доказывается лучше всего научнымъ произведеніемъ нашей древней литературы, появившимся два вѣка спустя, «Королевскимъ зеркаломъ», гдѣ говорится:

«Какъ только обширныя пространства бурнаго моря будутъ пройдены, въ морѣ появляется такое громадное количество льда, какое не встрѣчается нигдѣ въ цѣломъ мірѣ. Нѣкоторыя льдины такъ плоски, какъ будто онѣ образовались прямо въ самомъ морѣ; онѣ бываютъ толщиною въ четыре-пять локтей и занимаютъ въ морѣ такое большое пространство, что зачастую надо ѣхать четыре и больше дней по льду, прежде чѣмъ достигнешь берега... Но эти ледяныя глыбы болѣе распространяются къ сѣверовостоку или сѣверу отъ берега, нежели къ югу, юго-западу или западу... Онѣ лежатъ иногда почти совершенно неподвижно, раздѣляемыя прорубями или большими фіордами, но иногда онѣ движутся не медленнѣе судна при попутномъ вѣтрѣ и часто не только съ вѣтромъ вмѣстѣ, но и противъ вѣтра».

Такія описанія должны показаться еще болѣе удивительными, если вспомнить, какія наивныя понятія существовали въ тѣ времена относительно всѣхъ невѣдомыхъ странъ.

Затѣмъ наступилъ перерывъ и прошли вѣка прежде, чѣмъ снова были предприняты поѣздки въ сѣверныя моря. Теперь уже другія націи, особенно голландцы и англичане, очутились впереди. Трезвые взгляды древнихъ норвежцевъ были забыты, и мѣсто ихъ заступили разныя фантастическія идеи. Такъ какъ на самомъ дѣлѣ на

сѣверѣ не оказалось всеуничтожающаго холода, то возникла противоположная теорія, и чрезвычайно странны нѣкоторыя представленія, удержавшіяся даже до сихъ поръ. Это старая исторія, что люди всего болѣе избѣгаютъ естественныхъ объясненій какого нибудь явленія, и если не находятъ средняго пути, то прибѣгаютъ къ самымъ дикимъ гипотезамъ. Только такимъ образомъ и могла возникнуть и удержаться вѣра въ существованіе открытаго полярнаго моря; не смотря на то, что люди всюду наталкивались на ледъ, предполагалось, что это море находится далѣе, за льдомъ.

Эта вѣра въ свободный отъ льда проходъ на сѣверо-востокъ и сѣверо-западъ, ведущій къ богатствамъ Китая и Индіи, существовавшая въ концѣ XV столѣтія, снова возродилась, не смотря на всѣ пораженія, которыя терпѣли люди. Такъ какъ въ болѣе южныхъ широтахъ путь преграждался льдомъ, то предполагалось, что свободное море находится далѣе къ сѣверу и, наконецъ, стали пытаться найти проходъ черезъ самый полюсъ.

Какъ ни нелѣпы были всѣ эти теоріи, но всетаки онѣ послужили ко благу человѣчества, такъ какъ въ значительной степени расширили наши познанія о землѣ; изъ этого слѣдуетъ, что никакой трудъ въ дѣлѣ изслѣдованія не пропадаетъ даромъ, даже если онъ исходитъ изъ ложныхъ представленій. Англія своимъ положеніемъ могущественнѣйшей морской націи въ немалой степени обязана именно этого рода химерамъ.

Разными способами и разными путями пробовали люди проникнуть въ это царство смерти. Сначала они отправлялись по водѣ. Суда были тогда совершенно неприспособлены къ борьбѣ со льдомъ и поэтому на нихъ отправлялись весьма неохотно. Древнія норвежскія суда, толстыя доски которыхъ изготовлялись изъ сосноваго и еловаго лѣса и укладывались на подобіе крыши, были столь же мало цѣлесообразны, какъ и маленькія неуклюжія каравеллы первыхъ голландскихъ и англійскихъ мореплавателей. Но люди, мало-по-малу, научились лучше строить свои суда и стали все смѣлѣе пускаться въ опасное плаваніе среди ледяныхъ глыбъ.

Между тѣмъ некультурные сѣверные народы, жители сибирскихъ тундръ и американскіе эскимосы, еще задолго до начала полярныхъ путешествій изобрѣли болѣе вѣрный способъ странствованія по льдамъ: то были сани, въ которыя большею частію запрягались собаки. Такой способъ путешествія впервые былъ примѣненъ въ Сибири для полярныхъ изслѣдованій. Уже въ XVII и XVIII вѣкѣ русскіе предпринимали большія путешествія на саняхъ и снимали карты сибирскихъ береговъ отъ границъ Европы до Берингова пролива. Но они путешествовали не только вдоль береговъ, а отправлялись зачастую дальше по пловучимъ льдамъ, вплоть до Ново-сибирскихъ острововъ, даже еще сѣвернѣе, и врядъ ли гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ путешественникамъ приходилось выносить столько страданій и проявить столько выносливости. Англичане также до-

вольно рано стали прибѣгать къ такому способу путешествія въ полярныхъ льдахъ Америки. Они употребляли санки или индѣйцевъ, или эскимосовъ. Эти путешествія достигли наибольшаго развитія подъ руководствомъ Макъ-Клинтока.

Въ противоположность русскимъ, которые отправлялись обыкновенно въ путешествіе съ большимъ количествомъ собакъ и меньшимъ количествомъ людей, англичане брали съ собою меньше собакъ, но гораздо больше людей, такъ что сани порою приходилось везти людямъ. Однако, нѣкоторые англійскіе путешественники, напримѣръ, Макъ-Клинтокъ, также пользовались большимъ количествомъ собакъ. Во время знаменитой экспедиціи Маркгэма, отправившагося изъ бухты, гдѣ зимовало судно «Alert», 33 человѣка должны были везти сани, не смотря на то, что на суднѣ было не мало собакъ; изъ этого, пожалуй, можно вывести заключеніе, что собаки тогда не слишкомъ высоко цѣнились, какъ рабочая сила. Американецъ Пири, однако, избралъ совершенно другой способъ и во время своего путешествія по Гренландіи взялъ съ собой какъ можно больше собакъ и какъ можно меньше людей.

Я, впрочемъ, еще до своего путешествія въ Гренландію не сомнѣвался въ огромной пользѣ, которую приносятъ собаки при поѣздкахъ въ саняхъ, и если не взялъ съ собою тогда собакъ, то лишь потому, что совсѣмъ не нашелъ годныхъ для этой цѣли.

Третій способъ путешествія въ арктической области двоякій: въ лодкѣ и на саняхъ одновременно. Въ древнихъ норвежскихъ сагахъ и въ «Королевскомъ зеркалѣ» разсказывается, что норвежцамъ приходилось тащить свои лодки по льду черезъ Гренландское море, чтобы спастись и достигнуть земли. Первый, воспользовавшійся этимъ смѣшаннымъ способомъ путешествія, былъ Парри, оставившій, во время своей знаменитой попытки достигнуть полюса, свое судно въ 1827 году и отправившійся по пловучимъ льдамъ на сѣверъ, захвативъ съ собою лодки, которыя везъ на саняхъ. Онъ добрался до 82°45', — чего раньше никто не достигалъ, — но тутъ теченіе стало относить его къ югу, и онъ долженъ былъ вернуться. Позднѣе, впрочемъ, къ такому способу полярныхъ путешествій прибѣгали уже не такъ часто, хотя Маркгэмъ также везъ съ собою на саняхъ лодку. Многія другія экспедиціи должны были поневолѣ прибѣгнуть къ такому способу передвиженія, послѣ того какъ они оставили судно и затерялись во льдахъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ упоминанія въ особенности австровенгерская экспедиція Тегеттгофа въ Землю Франца-Іосифа и несчастная американская экспедиція Жаннетты.

Никому изъ полярныхъ изслѣдователей не пришло въ голову воспользоваться указаніемъ эскимосовъ, вести такой же образъ жизни, какъ и они, и вмѣсто тяжелыхъ лодокъ брать съ собою легкіе каяки, запряженные собаками. Никогда еще не было сдѣлано такой попытки.

Пути, которыми пробовали проникнуть разными способами къ полюсу, были главнымъ образомъ: Смитъ-Зундъ, море между Гренландіей и Шпицбергеномъ, море у Земли Франца-Іосифа и Беринговъ проливъ.

Всего чаще въ послѣднее время отправлялись черезъ Смитъ-Зундъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что американскіе путешественники черезъ-чуръ поспѣшно объявили, что тамъ они нашли открытое полярное море, далеко распространяющееся къ сѣверу. Всѣ экспедиціи, однако, были задержаны громадными ледяными массами, двигающимися къ югу, и были прижаты ими къ берегамъ. Важнѣйшею изъ экспедицій, отправившихся по этому пути, была англійская экспедиція 1875—76 года подъ руководствомъ Нареса, стоившая большихъ денегъ. Спутникъ Нареса, капитанъ Маркгэмъ достигъ непревзойденной дотолѣ широты, а именно 83° 20′, но это стоило громадныхъ усилій и лишеній, и Наресъ считалъ, что невозможность достигнуть сѣвернаго полюса этимъ путемъ окончательно доказана. Во время пребыванія экспедиціи Грили въ этихъ краяхъ въ 1881—84 гг. Локвудъ добрался до 83° 24′—высшій пунктъ, котораго коснулась нога человѣка на земномъ шарѣ до послѣдней экспедиціи, которой посвящается эта книга.

Въ моряхъ, омывающихъ берега Гренландіи и Шпицбергена, не разъ дѣлались попытки проникнуть тайну ледяного царства. Вдоль восточнаго берега Гренландіи Генри Гудсонъ еще въ 1607 г. попробовалъ достигнуть полюса, гдѣ онъ надѣялся найти открытое море и пробраться черезъ него къ югу. Но уже подъ 73° с. ш. онъ наткнулся на препятствія у одного пункта на берегу, который былъ названъ имъ «Hold with Hope». Нѣмецкая экспедиція, подъ руководствомъ Кольдевея, (1869—70), тоже посѣтившая эти мѣста, достигла при помощи саней 77° сѣверной широты. Безъ сомнѣнія это самое неудобное мѣсто для плаваній къ сѣверу, такъ какъ полярное теченіе вдоль этихъ береговъ гонитъ громадныя массы льда къ югу. Лучше путь отъ Шпицбергена, испробованный Гудсономъ послѣ того, какъ въ Гренландіи онъ былъ задержанъ льдомъ; на этотъ разъ онъ достигъ 80° 23′ с. ш. Вслѣдствіе теплаго теченія, идущаго по западному берегу Шпицбергена къ сѣверу, море въ этихъ мѣстахъ бываетъ свободно ото льда. Въ этомъ мѣстѣ, безъ сомнѣнія, можно всего легче достигнуть высшихъ широтъ и поэтому то въ 1827 году Эдвардъ Парри сдѣлалъ отсюда извѣстную попытку пробраться къ сѣверу.

Далѣе къ востоку условія менѣе благопріятны, и очень немного полярныхъ экспедицій отправлялись по этому пути. Австро-венгерская экспедиція Вейпрехта и Пайера въ 1872—74 году поставила себѣ сначала цѣлью отыскать сѣверо-восточный проходъ, но, повстрѣчавшись со льдомъ у сѣверной оконечности Новой Земли, повернула къ сѣверу и открыла Землю Франца-Іосифа, откуда Пайеръ попробовалъ пробраться къ сѣверу въ саняхъ и достигъ 82° 5′ с. ш. на

островѣ, который онъ назвалъ Землею кронпринца Рудольфа. Ему показалось, что къ сѣверу оттуда лежитъ большая земля и онъ помѣстилъ ее на картѣ приблизительнно подъ 83° и назвалъ Землею Петерманна. Позднѣе, въ 1880—81 и 82 г. Землю Франца-Іосифа два раза посѣтилъ англичанинъ Лейъ-Смитъ, и въ настоящее время тамъ пребываетъ англійская экспедиція Джексона-Гармсуорзса. Датская экспедиція подъ руководствомъ Говгаарда въ 1883 году составила планъ пробраться къ сѣверному полюсу черезъ мысъ Челюскинъ, вдоль восточнаго берега суши, которая, по предположенію Говгаарда, должна лежать къ востоку отъ Земли Франца-Іосифа. Но въ Карскомъ морѣ ихъ затерло льдомъ, экспедиція тамъ перезимовала и вернулась назадъ.

Черезъ Беринговъ проливъ было сдѣлано немного попытокъ пробраться къ сѣверу. Первою изъ нихъ была экспедиція Кука въ 1776 году, послѣдняя—экспедиція Жаннетты въ 1879—81 г. подъ руководствомъ Делонга, лейтенанта американскаго флота. Врядъ ли гдѣ либо въ болѣе южныхъ широтахъ полярные изслѣдователи натыкались на такія же непреодолимыя препятствія, представляемыя льдомъ; тѣмъ не менѣе послѣдняя изъ названныхъ экспедицій имѣла для моего путешествія огромное значеніе. Какъ самъ Делонгъ говорилъ въ своемъ письмѣ къ Гордону Беннетту, устроителю экспедиціи, приходилось выбирать одинъ изъ трехъ путей: Смитъ-Зундъ, восточный берегъ Гренландіи и Беринговъ проливъ. Делонгъ настаивалъ на послѣднемъ, который и былъ принятъ. Главнымъ основаніемъ въ пользу этого послужило японское теченіе, которое, какъ предполагали, направлялось къ сѣверу черезъ Беринговъ проливъ и далѣе вдоль восточнаго берега Земли Врангеля, вытянувшейся, думали, далеко къ сѣверу. Утверждали, что теплая вода этого теченія должна проложить дорогу вдоль береговъ, быть можетъ, прямо къ полюсу. Китоловы на опытѣ удостовѣрились, что всякій разъ, когда ихъ суда бывали затерты льдами въ этомъ мѣстѣ, то ихъ двигало къ сѣверу. Изъ этого слѣдовало вывести заключеніе, что теченіе вообще имѣетъ такое направленіе. «Изслѣдователи могли бы, пользуясь этимъ теченіемъ, достигнуть высокихъ широтъ, но по этой же причинѣ трудности обратнаго пути должны еще больше увеличиться», говорилъ Делонгъ, и ему самому пришлось на себѣ прискорбнымъ образомъ доказать справедливость этихъ словъ. Жаннетта была затерта во льдахъ 6-го Сентября 1879 года подъ 71° 35′ с. ш. и 175° 6′ восточной долготы, къ югу отъ Земли Врангеля,—оказавшейся маленькимъ островомъ,—и подвигалась теченіемъ вмѣстѣ со льдомъ къ западо-сѣверо-западу въ продолженіи двухъ лѣтъ, пока, наконецъ, не утонула 12-го Іюня 1881 года къ сѣверу отъ Новосибирскихъ острововъ, подъ 77° 15′ с. ш. и 154° 59′ восточной долготы.

Такимъ образомъ всюду ледъ препятствовалъ людямъ подвигаться впередъ на сѣверъ, и только въ двухъ случаяхъ затертыя

льдами суда были унесены теченіемъ въ сѣверномъ направленіи. Это случилось съ Тегеттгофомъ и Жаннеттой, между тѣмъ какъ большинство другихъ судовъ было унесено двигающимися къ югу ледяными массами далеко отъ первоначальной цѣли.

Изучая исторію арктическихъ путешествій, я съ самаго начала пришелъ къ заключенію, что трудно будетъ по испробованной уже дорогѣ и испробованнымъ способомъ вырвать тайну неизвѣстныхъ еще доселѣ ледяныхъ областей. Но гдѣ же лежитъ дорога?

Осенью 1884 г. я случайно прочелъ въ норвежской газетѣ «Morgenbladet» статью профессора Мона, въ которой онъ сообщалъ, что на юго-западномъ берегу Гренландіи были замѣчены нѣкоторые предметы, по всей вѣроятности принадлежавшіе погибшему кораблю Жаннеттѣ. Монъ допускалъ, что эти предметы были занесены туда, черезъ полярное море, на ледяной глыбѣ. У меня тотчасъ явилась мысль, что именно тутъ и лежитъ искомая дорога. Если ледяная глыба могла совершить этотъ путь черезъ неизвѣстную область, то, значитъ, можно было воспользоваться этимъ теченіемъ и для цѣлей изслѣдованія. Планъ былъ готовъ. Однако, прошло всетаки нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ я изложилъ его въ своемъ докладѣ географическому обществу въ Христіаніи, по своемъ возвращеніи изъ Гренландіи въ февралѣ 1890 года. Такъ какъ мой докладъ игралъ большую роль въ исторіи нынѣшней экспедиціи, то я и приведу здѣсь главнѣйшіе пункты, какъ они были напечатаны въ мартовскомъ номерѣ норвежскаго журнала «Naturen» въ 1891 году.

Изложивъ вкратцѣ исторію различныхъ предшествовавшихъ полярныхъ экспедицій, я писалъ:

«На основаніи всего, что мною было изложено здѣсь, результатъ многочисленныхъ попытокъ можетъ показаться нѣсколько неутѣшительнымъ. Изъ всего этого, повидимому, слѣдуетъ, что никакими путями нельзя доплыть до полюса. Вездѣ ледъ былъ непреодолимымъ препятствіемъ, задерживавшимъ дальнѣйшее движеніе, какъ разъ у порога неизвѣданныхъ странъ. Тащить лодки черезъ эти неровныя плавучія глыбы льда, находящіяся притомъ въ постоянномъ движеніи подъ вліяніемъ теченія и вѣтра, представляло громадныя затрудненія. Ледъ воздвигаетъ на пути такія препятствія, что каждый опытный человѣкъ долженъ признать почти невозможнымъ съ ними справиться, при томъ количествѣ провіанта и багажа, какое необходимо для такого предпріятія».

Я полагалъ, что удобнѣе было бы идти по твердой землѣ, тогда мы могли бы при помощи норвежскихъ лыжъ достигнуть полюса въ одно лѣто. Но такая земля намъ неизвѣстна. Гренландія, по моему мнѣнію, простирается не много далѣе самаго сѣвернаго пункта, извѣстнаго людямъ на ея западномъ берегу. «Что Земля

Франца Іосифа доходитъ до полюса, это мало вѣроятно. Насколько намъ извѣстно, она образуетъ группу острововъ, между которыми находятся глубокіе проливы (зунды), и врядъ ли тамъ можно встрѣтить большую сплошную массу земли».

«Многіе находятъ, можетъ быть, нужнымъ подождать съ изслѣдованіемъ такихъ недоступныхъ областей, какъ полярныя страны, до тѣхъ поръ, пока не будутъ изобрѣтены какіе нибудь новые способы передвиженія. Мнѣ пришлось слышать, что въ одинъ прекрасный день можно будетъ отправиться къ полюсу на воздушномъ шарѣ; до наступленія же этого дня всѣ попытки пробраться къ полюсу будутъ безплодны. Нечего и говорить, что эти разсужденія не выдерживаютъ критики. Даже если допустить, что рано или поздно идея путешествія къ полюсу на воздушномъ шарѣ, столь часто высказываемая, будетъ, наконецъ, приведена въ исполненіе, все же подобное путешествіе, какъ бы оно ни было интересно въ извѣстномъ отношеніи, далеко не доставитъ такихъ научныхъ результатовъ, какіе могутъ быть добыты экспедиціями, организованными по способу, указанному нами. Болѣе или менѣе значительные научные результаты въ различныхъ направленіяхъ могутъ быть достигнуты лишь посредствомъ постоянныхъ наблюденій во время продолжительнаго пребыванія въ этихъ областяхъ, между тѣмъ какъ всѣ наблюденія, произведенныя во время экспедиціи на воздушномъ шарѣ, должны по необходимости имѣть поверхностный характеръ.

«Мы должны, слѣдовательно, попробовать, нѣтъ ли другихъ путей, и я думаю, что они есть. Я думаю, что если мы примемъ во вниманіе силы природы и попробуемъ дѣйствовать заодно съ ними, а не противъ нихъ, то мы всего скорѣе и легче найдемъ дорогу къ сѣверному полюсу. Безполезно пробовать идти противъ теченія, какъ это дѣлали всѣ предшествавшія экспедиціи; надо поискать теченія, съ которымъ бы мы могли дѣйствовать заодно. Экспедиція Жаннетты, по моему мнѣнію, только одна и находилась на истинной дорогѣ, хотя и противъ своей воли и своего вѣдѣнія.

«Жаннетта цѣлыхъ два года двигалась во льду отъ Земли Врангеля до Ново-сибирскихъ острововъ. Три года спустя, послѣ окончательной гибели судна, найдены были, *по ту сторону полюса*, на плавучей льдинѣ, вблизи Юліангааба, на юго-западномъ берегу Гренландіи, нѣкоторые предметы, несомнѣнно принадлежавшіе утонувшему судну и замерзшіе во льду.

«Въ числѣ этихъ предметовъ, найденныхъ эскимосами и позднѣе собранныхъ въ Юліангаабѣ директоромъ колоніи Литценомъ, помѣстившимъ ихъ списокъ въ географическомъ журналѣ (1885), находились слѣдующія вещи: 1) провіантскій списокъ съ собственноручною подписью Делонга, начальника экспедиціи; 2) роспись судна «Жаннетты»; 3) пара непромокаемыхъ панталонъ съ мѣткою «Лудвигъ Норошъ» — имя одного изъ матросовъ Жаннетты,

который былъ спасенъ; 4) козырекъ фуражки, на которомъ по показаніямъ Литцена было написано «F. E. Lindemann», Имя одного изъ спасенныхъ изъ экипа Жаннетты было «F. E. Nindemann». Вѣроятно, что сюда вкралась опечатка или же это была ошибка самого Литцена.

«Въ Америкѣ отнеслись очень скептически къ извѣстію объ этой находкѣ, и въ американскихъ газетахъ были даже высказаны подозрѣнія насчетъ подлинности найденныхъ вещей. Но приведенные факты врядъ ли допускаютъ сомнѣніе и можно считать доказаннымъ, что ледяная глыба, съ заключенными въ ней предметами съ погибшаго судна, была отнесена съ того мѣста, гдѣ погибла Жаннетта, къ Іюліангаабу.

«Какимъ же путемъ достигла эта ледяная глыба западнаго берега Гренландіи? Профессоръ Монъ уже въ ноябрѣ 1884 года доказывалъ, что эта льдина не могла попасть туда иначе, какъ черезъ полюсъ *).

«Ледяная глыба не могла въ данномъ случаѣ пройти черезъ Смитъ-Зундъ, такъ какъ теченіе оттуда направляется къ западной части Баффинова залива. Если бы это было такъ, то ее понесло бы къ Баффиновой землѣ или къ Лабрадору, а не къ западному берегу Гренландіи. Теченіе у этого берега идетъ въ сѣверномъ направленіи и составляетъ продолженіе гренландскаго полярнаго теченія, которое идетъ вдоль восточнаго берега Гренландіи, огибаетъ мысъ Фаруэлль и поднимается вдоль западнаго берега.

«Но вопросъ теперь заключается въ томъ, по какому пути глыба прошла, чтобы отъ Ново-сибирскихъ острововъ попасть къ восточному берегу Гренландіи?

«Надо полагать, что эта глыба направилась вдоль сѣверныхъ береговъ Сибири, затѣмъ къ югу обогнула Землю Франца-Іосифа и прошла черезъ зундъ между этою землею и Шпицбергеномъ, или же ее потащило къ югу вокругъ этой земли и послѣ этого она попала въ полярное теченіе, которое и увлекло ее внизъ къ Гренландіи. Но если мы обсудимъ условія теченія въ этихъ странахъ, насколько они намъ извѣстны въ настоящее время, то придемъ

*) Позднѣе директоръ колоніи Литценъ высказался въ томъ же духѣ, если только я вѣрно понялъ его, въ копенгагенскомъ географическомъ журналѣ. Замѣчательно, что и у него явилась при этомъ мысль, не можетъ ли этотъ случай сослужить службу для другихъ арктическихъ экспедицій и попытокъ достигнуть полюса. Онъ говорилъ между прочимъ: «Изъ этого видно, что полярные путешественники, отправляющіеся къ полюсу черезъ сибирское ледовитое море, будутъ вѣроятно въ какомъ нибудь мѣстѣ затерты льдами, но эти ледяныя массы будутъ двигаться теченіемъ по направленію къ югу вдоль береговъ Гренландіи. Слѣдовательно, ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что экспедиція, если только судно способно выдержать долгое время напоръ льдовъ, можетъ попасть въ южную Гренландію. Но во всякомъ случаѣ она должна быть готова пробыть многіе годы въ пути».

къ заключенію, что такое путешествіе глыбы въ высшей степени невѣроятно, если не совершенно невозможно».

Доказавъ это на основаніи плаванія «Тегеттгофа» и другихъ фактовъ, я продолжалъ:

«Разстояніе отъ Ново-сибирскихъ острововъ до восточнаго берега Гренландіи подъ 80 градусами широты достигаетъ 1360 морскихъ миль; разстояніе же отъ этого пункта до Іюліангааба—1540 миль; вмѣстѣ это составитъ 2900 морскихъ миль. Путь этотъ былъ пройденъ въ 1100 дней, что по разсчету составляетъ въ день 2,6 мили. Время, нужное для того, чтобы найденныя останки Жаннетты могли достигнуть Іюліангааба, послѣ того какъ онѣ уже побывали на 80 градусѣ широты, можетъ быть вычислено съ точностью, такъ какъ теченіе у восточнаго берега Гренландіи хорошо извѣстно. На основаніи того, что мы знаемъ о немъ, можно принять, что нужно не меньше 400 дней, чтобы пройти это разстояніе; на путешествіе отъ Ново-сибирскихъ острововъ до 80 градуса широты остается, слѣдовательно, около 700 дней. Предполагая, что эти предметы отправились по кратчайшей дорогѣ, т. е. черезъ полюсъ,—скорость движенія будетъ равняться двумъ морскимъ милямъ въ день. На другомъ пути, къ югу вокругъ Земли Франца-Іосифа и къ югу отъ Шпицбергена, скорость должна быть гораздо больше. Но вычисленная такимъ образомъ скорость движенія, двѣ мили въ день, поразительно совпадаетъ со скоростью теченія, уносившаго Жаннетту къ концу ея плаванія, съ 1-го января по 15 Іюля 1881 года. Въ это время Жаннетта двигалась со скоростью, превышающею двѣ мили въ день; средняя же скорость движенія судна равнялась только одной милѣ.

«Но развѣ нѣтъ другихъ доказательствъ, что существуетъ теченіе черезъ полюсъ отъ Берингова моря съ одной стороны, въ Атлантическій океанъ—съ другой? Посмотримъ!

«Д-ръ Ринкъ получилъ отъ одного гренландца въ Годтгаабѣ замѣчательный кусокъ дерева. Это — древко метательнаго оружія, употребляемаго эскимосами на охотѣ, но отличающееся отъ тѣхъ снарядовъ, какіе употребляются эскимосами западнаго берега Гренландіи. Д-ръ Ринкъ вывелъ изъ этого заключеніе, что по всей вѣроятности орудіе это принадлежало эскимосамъ восточнаго берега Гренландіи. Позднѣйшія изслѣдованія указали, что оно происходитъ изъ Аляски, по близости Берингова пролива, такъ какъ только тамъ употребляется такая форма оружія. Въ немъ даже оказались вдѣланными китайскія стекляныя бусы, какъ разъ такія, какія пріобрѣтаются эскимосами у азіатскихъ народовъ спеціально съ цѣлью украшенія своего оружія. Можно было, слѣдовательно, утверждать, что этотъ кусокъ дерева унесенъ былъ отъ западнаго берега Аляски вверхъ къ берегамъ Гренландіи теченіемъ, которое намъ еще неизвѣстно на всемъ своемъ протяженіи, но, весьма вѣроятно, проходитъ

очень близко къ сѣверному полюсу или же гдѣ нибудь между полюсомъ и Землею Франца-Іосифа.

«Можно найти еще много доказательствъ въ пользу существованія такого теченія. Въ Гренландіи, какъ извѣстно, не растутъ деревья, пригодныя для постройки лодокъ, саней и другихъ хозяйственныхъ предметовъ. Слѣдовательно, плавучія деревья, приносимыя полярнымъ теченіемъ къ восточному берегу Гренландіи и уносимыя къ сѣверу вдоль ея западнаго берега, составляютъ одно изъ главныхъ условій существованія эскимосовъ. Но откуда же приносится этотъ плавучій лѣсъ?

«Здѣсь намъ снова приходится подумать о странахъ, лежащихъ по ту сторону полюса. Я самъ имѣлъ случай изслѣдовать большія массы плавучаго лѣса какъ на западномъ, такъ и на восточномъ берегу Гренландіи; я находилъ плавающіе куски дерева и въ морѣ, довольно далеко отъ берега. Какъ и прежніе путешественники, я пришелъ къ убѣжденію, что большая часть этого лѣса могла попасть сюда только изъ Сибири, а меньшая часть—изъ Америки, такъ какъ среди этого лѣса мы находимъ сосну, сибирскую лиственницу и другія деревья, которыя врядъ-ли могутъ быть иного происхожденія. Интересна въ данномъ случаѣ находка, сдѣланная второй германской полярной экспедиціей на восточномъ берегу Гренландіи. Изъ двадцати пяти кусковъ плавучаго лѣса 17 принадлежали сибирской лиственницѣ, пять одному сѣверному виду сосны (вѣроятно Picea obovata), два одному виду ольхи (Alnus incana?) и одинъ кусокъ одному виду тополя (Populus tremula?)—всѣ эти сорта лѣса встрѣчаются въ Сибири.

«Въ добавленіе къ этимъ наблюденіямъ, произведеннымъ въ Гренландіи, мы можемъ упомянуть, что экспедиція Жаннетты на сѣверѣ Ново-сибирскихъ островов часто находила сибирскій лѣсъ (сосну и березу) между ледяными глыбами, увлекаемыми теченіемъ, направляющимся къ сѣверу.

«Къ счастью для эскимосовъ, ежегодно прибиваетъ такъ много подобнаго плавучаго лѣса къ берегамъ Гренландіи, что приходится допустить существованіе постояннаго теченія въ этомъ направленіи, тѣмъ болѣе, что весь этотъ лѣсъ сплошь производитъ впечатлѣніе, какъ будто онъ не только пролежалъ въ водѣ, но побывалъ и во льду...

«Трудно допустить, чтобы этотъ лѣсъ устремлялся къ югу вокругъ Земли Францъ-Іосифа и Шпицбергена: это такъ же мало вѣроятно, какъ и предположеніе, что ледяная глыба съ останками Жаннетты совершила этотъ самый путь. Доказательствомъ противъ такого предположенія служитъ то, что сибирскій плавучій лѣсъ встрѣчается къ сѣверу отъ Шпицбергена въ теченіи, имѣющемъ южное направленіе, противъ котораго напрасно боролся Парри.

«И тутъ, слѣдовательно, мы встрѣчаемся съ фактами, которые за-

ставляютъ признать существованіе теченія, проходящаго черезъ полюсъ или вблизи отъ него.

«Въ связи съ этимъ особенный интересъ представляетъ замѣчаніе нѣмецкаго ботаника Гризебаха, указавшаго, что гренландская флора заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ сибирскихъ видовъ, которые врядъ ли могли попасть туда иначе, какъ при помощи вышеуказаннаго теченія; сѣмена, вѣроятно, были занесены въ Гренландію именно этимъ теченіемъ.

«Я дѣлалъ наблюденія надъ плавучими льдами въ датскомъ проливѣ (между Исландіей и Гренландіей), указывающія, что и этотъ ледъ, пожалуй, также сибирскаго происхожденія. Я нашелъ въ немъ нѣкоторое количество ила, повидимому, происходящаго изъ сибирскихъ, а можетъ быть также и изъ сѣверо-американскихъ рѣкъ. Возможно, однако, что этотъ илъ происходилъ изъ ручьевъ, находящихся подъ льдами въ сѣверной Гренландіи или же въ какой нибудь другой, неизвѣстной полярной странѣ, поэтому я и считаю это доказательство не столь важнымъ, какъ приведенныя выше.

«Если сопоставить всѣ эти факты, то, какъ мнѣ кажется, мы необходимо должны придти къ заключенію, что гдѣ нибудь между Землею Франца-Іосифа и полюсомъ находится теченіе, идущее изъ Сибирскаго ледовитаго моря къ восточному берегу Гренландіи.

«Что это такъ, мы можемъ убѣдиться еще и другимъ путемъ. Обратимъ вниманіе на полярное теченіе, то широкое теченіе, которое идетъ между Шпицбергеномъ и Гренландіей изъ неизвѣстныхъ полярныхъ странъ. Оно несетъ съ собою такія громадныя массы воды, что несомнѣнно не можетъ происходить изъ какого нибудь небольшого водоема, а должно собрать всю эту массу издалека, тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно, полярное море у береговъ Азіи, Европы и Америки отличается мелководіемъ. Полярное теченіе, правда, пополняется отчасти рукавомъ Гольфстрема, который принимаетъ восходящее направленіе у западнаго берега Шпицбергена, но этого небольшого теченія, конечно, недостаточно, и главную массу своихъ водъ полярное теченіе по всей вѣроятности получаетъ съ дальняго сѣвера.

«Возможно, что полярное теченіе простираетъ свои рукава до береговъ Сибири и Берингова пролива и оттуда также забираетъ воду. Вода, которую оно увлекаетъ съ собою, доставляется частью выше названнымъ теплымъ теченіемъ, направляющимся черезъ Беринговъ проливъ, такъ же какъ и вѣтвью Гольфстрема, который на сѣверъ отъ Норвегіи огибаетъ въ восточномъ направленіи Новую Землю, откуда навѣрное большая часть этого теченія идетъ вдоль сѣверной стороны этого острова, въ Сибирское ледовитое море. Весьма вѣроятно, что и теченіе, идущее съ юга, также частью направляется по этому пути, такъ какъ вслѣдствіе обращенія земного шара теченіе, направляющееся къ сѣверу, будь оно

воздушное или водяное, непремѣнно должно будетъ отклониться въ восточномъ направленіи. По той же причинѣ и теченіе, идущее къ югу, должно отклониться къ западу, къ восточному берегу Гренландіи.

«Но еслибъ даже не существовало этихъ теченій, направляющихся въ полярный водоемъ, то я полагаю, что туда всетаки впадаетъ столько другихъ водъ, что они должны были образовать полярное теченіе. Прежде всего укажемъ на впадающія въ Ледовитое море сѣверо-европейскія, сибирскія и сѣверо-американскія рѣки. Область осадковъ этихъ рѣкъ довольно велика; она занимаетъ большую часть сѣверной Европы, почти всю сѣверную Азію или Сибирь до Алтайскихъ горъ и Байкальскаго озера, такъ же какъ и большую часть Аляски и британской сѣверной Америки. Это во всякомъ случаѣ составляетъ не малую часть земной поверхности и осадки въ этихъ мѣстахъ очень велики. Трудно допустить, чтобы Ледовитый океанъ въ значительной степени содѣйствовалъ появленію этихъ осадковъ; во-первыхъ онъ большею частью покрытъ плавучими льдами, испареніе которыхъ очень незначительно, и во-вторыхъ, сравнительно низкая температура, господствующая въ этихъ мѣстахъ, точно также задерживаетъ испареніе открытой поверхности воды. Вода, нужная для образованія этихъ осадковъ, должна, слѣдовательно, получаться изъ другихъ мѣстъ, преимущественно изъ Атлантическаго и Тихаго океановъ, и прибыль воды, получаемая черезъ это Ледовитымъ океаномъ, должна быть очень значительна. Если бы мы имѣли достаточныя свѣдѣнія о количествѣ дождя, выпадающаго въ разныхъ странахъ, то мы могли бы непосредственно вычислить эту прибыль *). Еще большее значеніе эта прибыль получаетъ на томъ основаніи, что полярный водоемъ сравнительно не великъ и притомъ, какъ мы уже говорили, мелководенъ; наибольшая извѣстная глубина достигаетъ тамъ приблизительно 120—150 метровъ.

«Но существуетъ еще другой факторъ, который также долженъ содѣйствовать увеличенію водныхъ массъ въ полярномъ бассейнѣ, это—осадки полярной области. Уже Вейпрехтъ указывалъ, что теплое сырое воздушное теченіе, направляющееся съ юга въ полярныя страны, вслѣдствіе существующаго тамъ низкаго атмосфернаго давленія, должно вызывать много осадковъ, способствующихъ увеличенію количества водъ въ полярномъ морѣ. Незначительное содержаніе соли въ полярномъ теченіи также подтверждаетъ предположеніе, что въ полярный бассейнъ поступаетъ много прѣсной воды.

«На основаніи выше изложеннаго можно вывести заключеніе,

*) Такое вычисленіе было мною сдѣлано позднѣе, и я пришелъ къ заключенію, что общее количество дождя не такъ значительно, какъ я думалъ сначала.

что море вокругъ полюса получаетъ довольно значительное количество воды, частью прѣсной, частью соленой, доставляемое ему различными морскими теченіями. Согласно законамъ тяжести, это обиліе воды должно имѣть стокъ и такимъ именно стокомъ служитъ для него гренландское полярное теченіе.

«Но поищемъ еще и другихъ причинъ, объясняющихъ, почему теченіе выбираетъ именно это направленіе.

«Разсматривая отношенія глубинъ, мы находимъ вполнѣ основательныя причины, чтобы главное устье теченія лежало въ морѣ между Гренландіей и Шпицбергеномъ. Это море, насколько намъ оно извѣстно, вездѣ очень глубоко; въ одномъ даже мѣстѣ глубина достигаетъ 4500 метровъ; между тѣмъ какъ море къ югу отъ Шпицбергена и Земли Франца-Іосифа чрезвычайно мелко и не переходитъ за 300 метровъ глубины. Черезъ Беринговъ проливъ, какъ мы уже говорили, теченіе направляется къ сѣверу; а Смитъ-Зундъ и проливы между островами къ сѣверу отъ Америки, гдѣ теченіе имѣетъ уже южное направленіе, слишкомъ малы и узки и потому не могутъ служить для стока такого большого количества воды. Итакъ, слѣдовательно, приходится допустить, что эта масса воды слѣдуетъ по направленію полярнаго же теченія. Кстати напомню здѣсь о томъ протокѣ, который былъ найденъ экспедиціей Жаннетты между островомъ Врангеля и Новосибирскими островами. Этотъ протокъ имѣлъ сѣверное направленіе, и глубина его превышала 150 метровъ, тогда какъ съ обѣихъ его сторонъ глубина была не болѣе 80—100 метровъ. Вполнѣ вѣроятно, что этотъ протокъ находится въ связи съ тѣмъ, который лежитъ между Шпицбергеномъ и Гренландіей *), а это если не вполнѣ опредѣляетъ направленіе главнаго теченія, то сильно вліяетъ на него.

«Разсматривая взаимныя отношенія вѣтровъ и атмосфернаго давленія въ полярномъ морѣ, мы придемъ къ заключенію, что они также должны содѣйствовать образованію теченія, проходящаго черезъ полюсъ въ указанномъ направленіи. Поясъ низкаго атмосфернаго давленія (минимума) идетъ къ югу отъ Шпицбергена и Земли Франца-Іосифа, отъ Атлантическаго океана въ Сибирское ледовитое море. Согласно извѣстнымъ законамъ, вѣтры въ южной части этого пояса должны имѣть по преимуществу направленіе отъ запада къ востоку, это также должно содѣйствовать образованію восточнаго теченія вдоль сѣвернаго берега Сибири. Такое теченіе, дѣйствительно, существуетъ**). Вѣтры въ сѣверной части упомянутаго пояса должны по преимуществу дуть въ противоположномъ напра-

---

*) Сдѣланное нами открытіе большой глубины полярнаго бассейна подтверждаетъ это предположеніе.

*) Наши наблюденія, однако, во время этого путешествія не подтверждаютъ существованія восточнаго теченія вдоль сибирскихъ береговъ.

вленіи, отъ востока къ западу, и, слѣдовательно, должны вызвать западное теченіе, которое и направляется черезъ полюсъ въ гренландское море.

«Итакъ, съ какой бы стороны мы ни разсматривали этотъ вопросъ, и даже помимо спеціальныхъ рѣшающихъ причинъ, мы и дедуктивнымъ путемъ должны придти къ заключенію, что существуетъ теченіе, которое проходитъ черезъ полюсъ или вблизи отъ него и направляется въ море между Гренландіей и Шпицбергеномъ.

«Принимая во вниманіе все выше сказанное, я полагаю, что можно попытаться при помощи этого теченія, въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно направляется къ сѣверу, проникнуть къ полюсу и достичь такихъ мѣстностей, которыхъ напрасно старались достигнуть всѣ тѣ, кто дѣйствовалъ противъ теченія.

«Мой планъ вкратцѣ слѣдующій: я предполагаю выстроить судно наивозможно меньшихъ размѣровъ, изъ наивозможно болѣе крѣпкаго матеріала; но размѣры судна всетаки должны быть достаточны, чтобы вмѣстить запасъ угля и провіанта для экипажа въ 12 человѣкъ, разсчитанный на пять лѣтъ. Судно въ 170 тоннъ (brutto), вѣроятно, будетъ отвѣчать этой цѣли. Паровая машина должна быть достаточно сильна, чтобы ходъ судна былъ не менѣе шести морскихъ миль въ часъ, но кромѣ того судно должно быть снабжено полнымъ паруснымъ такелажемъ.

«При постройкѣ этого судна надо прежде всего имѣть въ виду, чтобы оно могло выдержать напоръ льда. Бока его должны быть какъ можно болѣе отлогими, такъ чтобы ледъ, надавливая на нихъ, нигдѣ не могъ удержаться, какъ это было съ Жаннеттой и съ другими судами арктическихъ экспедицій, а соскальзывалъ бы внизъ и поднималъ бы судно на верхъ. Что такое судно можно построить, съ этимъ, вѣроятно, согласится каждый, кому только случалось видѣть, какъ давитъ ледъ на какое нибудь судно. По этой же причинѣ судно должно быть небольшихъ размѣровъ, такъ какъ, не говоря уже о томъ, что съ такимъ судномъ удобнѣе маневрировать, оно легче будетъ подниматься наверхъ при давленіи на него льда, и притомъ маленькое судно легче сдѣлать очень крѣпкимъ. Конечно оно должно быть выстроено изъ наилучшаго матеріала. Само собою разумѣется также, что судно такой формы и величины не особенно пригодно для плаванія по морю, но это не важно, въ виду того, что судну придется плавать среди льдовъ. Конечно, прежде чѣмъ достигнуть ледяного моря, судну надо будетъ пройти большое пространство по открытому морю, но едва-ли такъ ужъ придется плохо, что судно совсѣмъ не въ состояніи будетъ подвигаться впередъ, хотя, несомнѣнно, пассажиры, подверженные морской болѣзни, должны будутъ отдать дань морскимъ богамъ.

«Имѣя въ своемъ распоряженіи такое судно и экипажъ изъ 10 или 12-ти сильныхъ и во всѣхъ отношеніяхъ отборныхъ людей,

а также полный запасъ провіанта на пять лѣтъ, настолько хорошаго качества, насколько это возможно при нынѣшнихъ условіяхъ, можно, я полагаю, разсчитывать на успѣхъ предпріятія. На такомъ суднѣ мы попытаемся проникнуть черезъ Беринговъ проливъ *) къ западу вдоль сѣвернаго берега Новосибирскихъ острововъ рано лѣтомъ, когда условія льдовъ дозволяютъ это. Достигнувъ Новосибирскихъ острововъ, мы должны какъ можно лучше воспользоваться своимъ временемъ и хорошенько изслѣдовать условія теченій и льдовъ и затѣмъ выждать благопріятнаго момента, когда можно будетъ пробраться по свободному отъ льда морю какъ можно дальше къ сѣверу. Судя по сообщеніямъ американскихъ китоловов, такія благопріятныя условія наступаютъ къ сѣверу отъ Берингова пролива въ августѣ или въ началѣ сентября. Когда наступитъ такой благопріятный моментъ, мы попробуемъ пробиться черезъ ледъ какъ можно дальше къ сѣверу. Что такимъ путемъ можно пройти гораздо дальше самаго сѣвернаго изъ Новосибирскихъ острововъ это доказываетъ, между прочимъ, и экспедиція Жаннетты. Въ то время какъ эта экспедиція обрѣталась во льду къ сѣверу отъ острова Беннета, Делонгъ писалъ въ своемъ дневникѣ, что они со всѣхъ сторонъ видятъ «темное водное небо», т. е. такое, въ которомъ отражается открытое море. Изъ этого слѣдуетъ, что крѣпкое полярное судно можетъ продержаться до извѣстной степени.

«Надо также принять во вниманіе, что экспедиція Жаннетты отъ острова Беннета до сибирскаго берега путешествовала въ лодкахъ, частью въ открытомъ морѣ. На берегу, какъ извѣстно, большая часть этой экспедиціи погибла. Норденшильдъ не пошелъ дальше самаго южнаго изъ названныхъ острововъ (въ концѣ августа 1878 г.), но тамъ фарватеръ былъ всюду свободенъ отъ льда. Весьма возможно, слѣдовательно, что мы будемъ въ состояніи проникнуть къ сѣверу отъ Новосибирскихъ острововъ, и если намъ удастся пробраться такъ далеко, то мы попадемъ въ теченіе, въ которомъ находилась Жаннетта. Тогда нужно будетъ постараться подвинуться какъ можно далѣе къ сѣверу, пока мы не засядемъ плотно во льду **).

«Когда это случится, надо прикрѣпить хорошенько судно канатами и предоставить льду накопляться кругомъ, насколько это возможно, и чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Ледъ будетъ подымать судно,

*) Раньше я думалъ отправиться черезъ Беринговъ проливъ, такъ какъ полагалъ, что именно съ этой стороны можно всего скорѣе и легче достигнуть Новосибирскихъ острововъ. При ближайшемъ изслѣдованіи я, однако, убѣдился, что это сомнительно, и поэтому рѣшилъ избрать кратчайшій путь черезъ Карское море къ сѣверу отъ мыса Челюскина.

*) Я указалъ впослѣдствіи въ своей лекціи въ Лондонѣ, что у меня было желаніе отправиться вдоль западнаго берега Новосибирскихъ острововъ къ сѣверу, такъ какъ я полагалъ, что теплыя воды, приносимыя Леной, не допускаютъ замерзанія моря въ этомъ мѣстѣ.

которое сядетъ еще плотнѣе и крѣпче. Что судно можетъ подъ вліяніемъ давленія льда склониться на бокъ, въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, но это и не важно. Теперь уже теченіе возьметъ на себя трудъ двигать судно впередъ; судно перестаетъ быть перевозочнымъ средствомъ и преобразуется въ жилое помѣщеніе, обитатели котораго располагаютъ вполнѣ достаточнымъ временемъ для производства научныхъ наблюденій.

«Такимъ образомъ, вполнѣ вѣроятно, что экспедиція пройдетъ черезъ полюсъ и затѣмъ въ море, между Гренландіей и Шпицбергеномъ. Тамъ, достигнувъ 80° широты или даже раньше, если это будетъ лѣтомъ, мы въ состояніи будемъ освободить свое судно и направиться домой. Если бы судно попортилось раньше этого времени (что, конечно, возможно, хотя и мало вѣроятно, если судно будетъ построено выше-указаннымъ способомъ), то все же экспедиція не пострадаетъ, такъ какъ обратный путь можетъ совершиться всетаки посредствомъ теченія, направляющагося черезъ полюсъ въ сѣверо-атлантическій бассейнъ. Льдовъ тамъ достаточно, чтобы держаться на нихъ, и подобное путешествіе мы уже пробовали раньше. Если бы экспедиція Жаннетты имѣла достаточно провіанта, и если бы она осталась на льдинѣ, на которой оставила вещи, найденныя потомъ, то исходъ экспедиціи навѣрное былъ бы совершенно другой.

«Судно не можетъ такъ быстро потонуть подъ напоромъ льдовъ, чтобы не хватило времени людямъ перебраться вмѣстѣ со всѣми запасами и провіантомъ на какую нибудь крѣпкую льдину, которая должна быть заранѣе выбрана на этотъ случай. На такой льдинѣ надо разбить палатки, взятыя съ собою для этой цѣли, а чтобы сохранить провіантъ и всѣ остальные припасы, не надо сосредоточивать ихъ въ одномъ мѣстѣ, а распредѣлить ихъ въ разныхъ мѣстахъ по льду, и расположить ихъ на плотахъ, сдѣланныхъ изъ балокъ и досокъ; тогда они не могутъ потонуть, въ случаѣ если подъ ними подломится льдина. Экипажъ «Ганзы», больше полугода пространствовавшей по восточному берегу Гренландіи, именно вслѣдствіе пролома льдины лишился части своихъ припасовъ.

«Чтобы такое путешествіе удалось, надо соблюсти два условія: имѣть хорошую одежду и много запасовъ пищи, а объ этомъ мы можемъ позаботиться. При такихъ условіяхъ мы и на льдинѣ будемъ чувствовать себя такъ же хорошо, какъ и на своемъ суднѣ, и такъ же точно можемъ добраться до Гренландскаго моря. Разница будетъ лишь въ томъ, что, достигнувъ моря, мы, вмѣсто того чтобы перебраться черезъ него на своемъ суднѣ, отправимся въ лодкахъ которыя также вѣрно могутъ доставить насъ въ ближайшую гавань.

«Итакъ, по моему, существуютъ большія вѣроятія, что такое путешествіе можетъ увѣнчаться успѣхомъ.

«Нѣкоторые возразятъ мнѣ: «Во всѣхъ теченіяхъ существуютъ противные и побочные токи. Представьте себѣ такой случай, что

вы попадете именно въ такой токъ или, быть можетъ, васъ прибьетъ къ какой нибудь неизвѣстной странѣ у полюса, и вы тамъ застрянете, что вы будете тогда дѣлать?» На это я могу отвѣтить: что касается противнаго теченія, то мы все же должны будемъ выбраться изъ него рано или поздно, это такъ же вѣрно, какъ и то, что мы можемъ попасть въ него, а вѣдь провіанта у насъ хватитъ на пять лѣтъ! Относительно второй случайности скажу, что мы привѣтствовали-бы ее съ восторгомъ, такъ какъ врядъ ли на нашей землѣ найдется другое мѣсто, представляющее большій научный интересъ: мы бы произвели какъ можно больше научныхъ наблюденій въ ново-открытой странѣ. Если-бы намъ не удалось снова попасть въ теченіе со своимъ судномъ, а время-бы проходило, то намъ не оставалось-бы ничего болѣе, какъ покинуть судно и попробовать самимъ въ лодкахъ и со всѣми припасами достигнуть ближайшаго теченія, для того, чтобы вышеуказаннымъ способомъ снова попасть въ прежнее теченіе.

«Но какъ долго можетъ продолжаться подобное путешествіе?

«Какъ мы уже говорили, вещи, принадлежащія экспедиціи Жаннетты, самое большое черезъ два года достигли этимъ путемъ 80° широты; слѣдовательно, и мы можемъ съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ разсчитывать освободиться отъ льда въ тѣхъ же мѣстахъ, подвигаясь приблизительно со скоростью двухъ морскихъ миль въ день. Мы можемъ поэтому разсчитывать достигнуть своей цѣли въ теченіе двухъ лѣтъ. Но возможно, что судно освободится отъ льдовъ и въ болѣе высокихъ широтахъ, чѣмъ мы это предполагаемъ. Во всякомъ случаѣ запасовъ провіанта, разсчитанныхъ на пять лѣтъ, намъ должно хватить съ избыткомъ.

«Но быть можетъ зимняя стужа въ этихъ областяхъ такъ велика, что пребываніе въ нихъ совершенно немыслимо?

«Врядъ-ли это такъ. Пожалуй, можно даже утверждать, съ большою вѣроятностью, что на полюсѣ зима вовсе не такъ холодна, какъ, напримѣръ, въ сѣверной Сибири, въ которой вѣдь живутъ люди, или въ сѣверной части западнаго берега Гренландіи, также обитаемой. Метеорологи высчитали, что средняя температура у полюса въ январѣ равняется приблизительно 36°Ц. ниже нуля, между тѣмъ какъ въ Якутскѣ—42°, а въ Верхоянскѣ—48°. Надо принять во вниманіе, что полюсъ по всей вѣроятности покрытъ моремъ, тепловое лучеиспусканіе котораго гораздо меньше, чѣмъ такихъ большихъ пространствъ земли, какъ равнины сѣверной Азіи. По всей вѣроятности область полюса имѣетъ морской климатъ, отличающійся сравнительно мягкой зимой, но за то холоднымъ лѣтомъ.

«Такимъ образомъ стужа въ этихъ мѣстахъ не можетъ служить прямымъ препятствіемъ. Затрудненія, съ которыми больше всего приходилось бороться многимъ изъ прежнихъ экспедицій, заключаются въ болѣзни—цынгѣ. Мы также не можемъ ее игнориро-

вать. Эта болѣзнь легко появляется при болѣе или менѣе долговременномъ пребываніи въ холодномъ климатѣ и отсутствіи свѣжей пищи. Но я полагаю всетаки, что при нашемъ знаніи какія вещества нужны для поддержанія силъ организма и возможности имѣть всѣ нужныя питательныя вещества въ формѣ герметически закупоренныхъ консервовъ, мы въ состояніи устранить эту опасность. Въ то же время, какъ мнѣ кажется, полнаго недостатка свѣжей провизіи въ водахъ, которыя мы будемъ проѣзжать, не должно быть; мы можемъ съ увѣренностью разсчитывать, что даже на далекомъ сѣверѣ намъ будутъ попадаться полярные медвѣди и морскія собаки и быть можетъ мы встрѣтимъ ихъ даже у самаго полюса. Кромѣ того, въ морѣ водится еще масса мелкихъ животныхъ, которыя въ случаѣ нужды также могутъ служить пищей.

«Изъ всего этого слѣдуетъ, что какъ ни велики трудности такого путешествія, все-таки ихъ нельзя считать совершенно непреодолимыми; съ ними можно бороться и достигнуть хорошихъ результатовъ, если снарядить экспедицію очень тщательно, выбрать подходящихъ людей и руководить ею сообразно съ заранѣе выработаннымъ планомъ. При такихъ условіяхъ мы можемъ вполнѣ разсчитывать, что попадемъ въ открытое море между Шпицбергеномъ и Гренландіей, такъ же, какъ и въ «теченіе Жаннетты» у Новосибирскихъ острововъ.

«Но если «теченіе Жаннетты» не проходитъ черезъ полюсъ, если оно, напримѣръ, направляется между Землею Франца-Іосифа и полюсомъ, то какъ же поступитъ экспедиція, чтобы добраться до полюса?

«Тутъ-то, повидимому, и находится Ахиллесова пята всего плана, такъ какъ если судно будетъ находиться на разстояніи болѣе одного градуса отъ полюса (60 морскихъ миль), то, разумѣется, было бы очень неблагоразумно и неразсчетливо бросать его среди теченія и пускаться въ далекій путь на саняхъ, по неровному морскому льду, также увлекаемому теченіемъ... Даже если-бы удалось достигнуть полюса, всетаки экспедиціи трудно было бы разсчитывать найти судно на своемъ обратномъ пути. Но я полагаю, что вообще это не имѣетъ большого значенія: мы вовсе не имѣемъ въ виду отыскать непремѣнно ту математическую точку, которая образуетъ сѣверную оконечность земной оси, такъ какъ достиженіе этой точки само по себѣ не представляетъ большой важности; цѣль наша заключается преимущественно въ изслѣдованіи великой неизвѣстной части земного шара, окружающей полюсъ. Такія изслѣдованія будутъ имѣть огромное научное значеніе, все равно пройдетъ-ли нашъ путь черезъ математическій полюсъ земного шара или на нѣкоторомъ разстояніи отъ него».

Я изложилъ въ этомъ докладѣ всѣ главнѣйшія данныя, на ко-

торыхъ основывается мой планъ. Продолжая изслѣдовать полярныя страны во время своихъ послѣдующихъ путешествій, я пріобрѣталъ новыя доказательства, потверждающія мое предположеніе о существованіи теченія, перерѣзывающаго полярное море. Въ своемъ докладѣ географическому обществу въ Христіаніи, 28 сентября 1892 года, я упомянулъ о нѣкоторыхъ изъ этихъ новыхъ доказательствъ.

Я указывалъ уже при изслѣдованіи толщины и плотности плавучихъ льдовъ по обѣимъ сторонамъ полюса, что ледъ съ сибирской стороны, къ сѣверу отъ сибирскаго берега, хотя эта часть моря и принадлежитъ къ самымъ холоднымъ полосамъ земного шара, сравнительно тонокъ (ледъ, въ которомъ находилась Жаннетта, былъ не толще 2,2—3,1 метра), между тѣмъ какъ съ другой стороны ледъ, идущій съ сѣвера въ море между Гренландіей и Шпицбергеномъ, замѣчательно толстъ. Это обстоятельство объясняется, по моему мнѣнію, тѣмъ, что ледъ безпрерывно двигается отъ сибирскаго берега черезъ полярный бассейнъ къ восточному берегу Гренландіи и къ Шпицбергену и на этомъ своемъ пути, черезъ неизвѣстное холодное море, имѣетъ достаточно времени, чтобы увеличиться въ толщинѣ частью вслѣдствіе замерзанія, частью же вслѣдствіе напластованія во время продолжительнаго запруживанія, образующагося при напорѣ льдовъ.

Въ моемъ вышеприведенномъ сообщеніи я упоминалъ также о томъ, что найденный на этомъ плавучемъ льдѣ илъ долженъ быть сибирскаго происхожденія. Тогда я не придалъ этому доказательству большого значенія, но при позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ во время моей поѣздки по Гренландіи я убѣдился, что этотъ илъ врядъ-ли можетъ происходить изъ какого нибудь другого мѣста, кромѣ Сибири.

Д-ръ Тёрнебомъ въ Стокгольмѣ пришелъ къ заключенію при изслѣдованіи минеральныхъ составныхъ частей этого ила, что онъ состоитъ главнымъ образомъ изъ сибирскаго рѣчного ила. Онъ нашелъ около 20 различныхъ минераловъ. «Количество различныхъ минеральныхъ частицъ, содержащихся въ этомъ илѣ, сказалъ онъ, должно, мнѣ кажется, указывать, что онъ происходитъ изъ большой площади, скорѣе всего изъ сѣверной Сибири».

Кромѣ того этотъ илъ состоитъ больше чѣмъ на половину изъ перегноя или болотной земли. Но гораздо интереснѣе для насъ этого ила оказались найденныя въ немъ діатомеи *), изслѣдованныя профессоромъ Кливомъ въ Упсалѣ, высказавшимъ о нихъ слѣдующее мнѣніе: «Діатомеи безспорно морского происхожденія, за исключеніемъ нѣсколькихъ немногихъ прѣсноводныхъ видовъ, заноси-

---

*) Діатомеи — одноклѣтчатыя водоросли, клѣточная оболочка которыхъ пропитана кремнеземомъ и имѣетъ очень тонкое, рѣшетчатое строеніе. Извѣстно около 2,000 видовъ, которые водятся въ прѣсной водѣ и въ морѣ.

мыхъ вѣтромъ съ суши. Найденныя мною въ этой пыли діатомеи совершенно особаго рода и очень отличаются отъ тѣхъ, которыя я находилъ въ тысячахъ изслѣдованныхъ мною пробъ, и представляютъ сходство только съ одною пробой, именно той, которую собралъ Кьельманъ съ одной льдины во время путешествія Веги у мыса Ванкаремъ вблизи Берингова пролива». Въ обѣихъ пробахъ заключаются тѣ-же самые виды и разновидности. Кливъ опредѣлилъ 16 видовъ діатомей; всѣ эти виды можно найти въ пыли, полученной съ мыса Ванкаремъ, и притомъ 12 изъ нихъ не встрѣчаются нигдѣ въ другомъ мѣстѣ на землѣ. Такое поразительное совпаденіе между двумя столь отдаленными пунктами земного шара дало право Кливу сказать: «Въ высшей степени удивительно, что находимая на льдинахъ вблизи Берингова пролива флора діатомей такъ необыкновенно похожа на ту, которая встрѣчается у восточнаго берега Гренландіи, и въ то же время вполнѣ отличается отъ другихъ. Это указываетъ на постоянную связь, существующую между морями къ востоку отъ Гренландіи и къ сѣверу отъ Азіи».

«Благодаря этой связи, говорю я дальше въ своемъ докладѣ, плавучій ледъ ежегодно проходитъ черезъ неизвѣстное полярное море. Именно на этомъ плавучемъ льду экспедиція и можетъ совершить такое же путешествіе.»

Когда я изложилъ свой планъ, то во многихъ мѣстахъ, особенно въ Норвегіи, къ нему отнеслись несочувственно. Сильную поддержку оказалъ ему профессоръ Монъ, разъяснившій, какимъ путемъ были занесены найденныя вещи съ погибшей Жаннетты. Тѣмъ не менѣе планъ возбудилъ много возраженій не въ одной только Норвегіи, и большинство полярныхъ путешественниковъ и арктическихъ авторитетовъ заявляли болѣе или менѣе открыто, что онъ есть—«чистое безуміе». За годъ до нашего отъѣзда, въ ноябрѣ 1892 г. я изложилъ свой планъ въ географическомъ обществѣ въ Лондонѣ, на засѣданіи котораго присутствовали всѣ выдающіеся полярные путешественники.

Докладъ мой вызвалъ пренія, ясно указавшія, какъ противорѣчатъ мои воззрѣнія тѣмъ взглядамъ, которые давно уже установились на счетъ условій, существующихъ внутри полярнаго моря, относительно плаванія во льдахъ и способовъ организаціи полярной экспедиціи. Выдающійся полярный изслѣдователь адмиралъ сэръ Леопольдъ М. Клинтокъ открылъ пренія слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Думаю, что могу назвать этотъ планъ самымъ смѣлымъ, какой когда либо подвергался разсмотрѣнію географическаго общества». Адмиралъ согласился съ тѣмъ, что факты говорятъ въ пользу моей теоріи, но сильно сомнѣвался въ возможности ея осуществленія. Особенно велика опасность, по его мнѣнію, быть раздавленнымъ льдами. Можно, конечно, построить судно, настолько крѣпкое, что оно въ состояніи будетъ выдержать напоръ въ теченіи лѣта, но если этому напору мы подвергнемся въ зимніе мѣсяцы, когда льды

больше напоминаютъ собою «скалы, замерзшія у боковъ судна, то существуетъ мало вѣроятія взобраться на нихъ». Онъ соглашался съ мнѣніемъ большинства другихъ авторитетовъ, находившихъ, что невозможно надѣяться снова увидѣть «Fram», если судно будетъ отдано во власть безжалостныхъ полярныхъ льдовъ. Свою рѣчь Макъ Клинтокъ заключилъ слѣдующими словами: «Я желаю г. доктору скорой и полной удачи. Однако, его многочисленные друзья въ Англіи, конечно, почувствуютъ облегченіе, когда онъ, наконецъ, вернется, въ особенности тѣ, кто испыталъ опасности, неразлучныя съ плаваніемъ въ арктическихъ водахъ во всякое время, даже въ такихъ мѣстностяхъ, которыя не такъ высоко лежатъ на сѣверѣ».

Адмиралъ сэръ Георгъ Нересъ сказалъ: «До сихъ поръ признавалось абсолютно необходимымъ для счастливаго плаванія въ области льдовъ придерживаться береговой линіи, и чѣмъ дальше мы будемъ удаляться отъ цивилизаціи, тѣмъ желательнѣе обезпечить себѣ вѣрный возвратный путь. Но Нансенъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ это правило, добровольно предоставляя льдинамъ увлекать свое судно—то самое судно, на которомъ должны основываться всѣ надежды экспедиціи, если только плаваніе должно имѣть до нѣкоторой степени счастливый исходъ. Такимъ образомъ предводитель экспедиціи, вмѣсто того, чтобы управлять движеніями судна, вынужденъ будетъ безпомощно подчиниться естественнымъ движеніямъ льдинъ, въ которыхъ будетъ заключено его судно. Предполагая даже, что морскія теченія таковы, какъ думаетъ Нансенъ, всетаки понадобятся многіе годы прежде чѣмъ судно пройдетъ вмѣстѣ со льдомъ черезъ полярную область. Въ теченіи этого времени ледъ, окружающій судно, конечно, не будетъ оставаться въ спокойствіи; пусть даже будутъ достигнуты новыя страны, но судно всетаки не будетъ застраховано отъ опасности быть раздавленнымъ напоромъ льдовъ. Чтобы оградить себя отъ такой опасности, судно, какъ намъ говорятъ, будетъ сдѣлано особенно крѣпкимъ и ему будетъ придана такая форма, благодаря которой ледъ, напирая на его бока, будетъ поднимать его вверхъ. Такая идея вовсе не нова. Но когда судно замерзнетъ въ полярномъ льду, форма его уже теряетъ значеніе. Судно тогда безповоротно заключено въ глыбѣ льда, съ которой составляетъ уже одно цѣлое. Въ практическомъ отношеніи форма судна отожествляется съ формою ледяной глыбы, въ которой оно замерзло. Это обстоятельство въ высшей степени важно; до сихъ поръ нѣтъ ни одного указанія на то, чтобы замерзшее въ ледяной глыбѣ судно могло отъ нея освободиться, хотя бы даже лѣтомъ, и двигаться какъ самостоятельное тѣло во время напора льдовъ, не препятствуемое окружающими льдинами».

Что касается предполагаемаго движенія полярныхъ льдовъ, то Нересъ заявилъ, что онъ не согласенъ со мной въ главномъ. Онъ

утверждалъ, что господствующіе вѣтры должны имѣть существенное вліяніе на направленіе этого движенія, и сказалъ:

«Принимая во вниманіе вѣроятное направленіе теченія, «Fram», отправившись изъ нѣкотораго пункта вблизи устья Лены, можетъ расчитывать встрѣтить главныя массы льда не сѣвернѣе 76°30'. Я сомнѣваюсь, чтобы Нансенъ могъ проникнуть далѣе на сѣверъ, прежде чѣмъ ледъ охватитъ его судно. Но даже если мы допустимъ самое большее, и онъ успѣетъ подвинуться еще на 60 морскихъ миль, то все же онъ будетъ находиться лишь въ широтѣ мыса Челюскина, на разстояніи 730 морскихъ миль отъ полюса и приблизительно въ 600 морскихъ миляхъ отъ границы дѣйствительно существующаго морского теченія, которое должно принести его обратно (то именно, которое спускается вдоль восточнаго берега Гренландіи). Подробно разсмотрѣвъ всѣ имѣющіяся донесенія, я полагаю, что господствующіе вѣтры скорѣе отнесутъ судно къ западу нежели къ востоку. При обиліи льда на сѣверѣ и открытомъ морѣ или новообразованномъ льдѣ на югѣ, шансы на существованіе сѣвернаго теченія, по крайней мѣрѣ, въ началѣ, очень невелики; при томъ мнѣ неизвѣстны такія силы природы, которыя могли бы въ опредѣленное время провести судно значительно дальше отъ сибирскаго берега, чѣмъ это было съ Жаннеттой. Во все это время судно будетъ неподвижно заключено во льду и будетъ подвергаться хорошо извѣстнымъ опасностямъ такого положенія, хотя бы оно и находилось въ это время подъ защитою новооткрытыхъ земель».

Въ одномъ пунктѣ Наресъ согласился со мною,—въ томъ, что «главною цѣлью всѣхъ такихъ экспедицій должно быть изслѣдованіе всѣхъ неизвѣстныхъ полярныхъ странъ, а никакъ не достиженіе точнаго математическаго пункта, гдѣ находится сѣверная оконечность земной оси» *).

Сэръ Алленъ Юнгъ сказалъ, между прочимъ: «Д-ръ Нансенъ предполагаетъ, что бѣлое мѣсто вокругъ полюса представляетъ бассейнъ, наполненный водою или льдомъ. По моему же мнѣнію, самую большую опасность, съ которою надо бороться у сѣвернаго полюса, составляетъ земля. Большинство прежнихъ путешественниковъ, чѣмъ дальше проникали на сѣверъ, тѣмъ все больше и больше встрѣчали земель. Вещи съ Жаннетты могли пройти черезъ узкіе каналы къ тому мѣсту, гдѣ ихъ нашли, и я думаю, что было бы въ высшей степени опасно отправиться на суднѣ по этому пути, такъ какъ тамъ судно могло бы наткнуться на землю и застрять на долгіе годы».

Относительно формы судна Алленъ Юнгъ замѣтилъ, что она

---

*) Послѣ нашего возвращенія адмиралъ Наресъ со свойственнымъ ему рыцарствомъ поздравилъ меня письменно, признавая, что достопамятное путешествіе «Fram» черезъ полярное море доказываетъ вѣрность моей теоріи и неосновательность его сомнѣній.

«не имѣетъ большого значенія», такъ какъ, если судно подвергнется сильному напору льда, то при извѣстныхъ условіяхъ онъ непремѣнно долженъ раздавить судно, изъ чего бы оно ни было построено.

Нѣкоторые авторитеты высказались, однако, въ пользу моего плана. Это были: полярный путешественникъ адмиралъ сэръ Э. Инглфильдъ и начальникъ англійскаго гидрографическаго департамента капитанъ Вартонъ.

Адмиралъ сэръ Джорджъ Рихардсъ въ письмѣ къ географическому обществу по поводу моего доклада изложилъ слѣдующее: «Я сожалѣю, что долженъ высказаться противъ этого плана, но думаю, что каждый, обладающій авторитетомъ, долженъ откровенно выразить свое мнѣніе, когда такъ много ставится на карту».

Онъ пишетъ, между прочимъ, о теченіяхъ: «Я полагаю, что постоянное истеченіе (я предпочитаю это выраженіе слову: теченіе) съ сѣвера происходитъ вслѣдствіе вытѣсненія воды въ полярной области покрывающимъ ее ледянымъ покровомъ, увеличивающимся въ толщинѣ вслѣдствіе громадныхъ массъ снѣга, скапливающихся на поверхности льда».

Такое истеченіе изъ полярнаго бассейна совершается, по мнѣнію Рихардса, во всѣ стороны, но всего сильнѣе оно выражено въ области между западною оконечностью острововъ Парри и Шпицбергеномъ; противъ этого то истеченія и приходилось бороться всѣмъ прежнимъ экспедиціямъ.

Рихардсъ, повидимому, не дѣлаетъ исключенія ни для Жаннетты, ни для Тегеттгофа и «не находитъ ни малѣйшихъ основаній для существованія теченія, идущаго отъ Новосибирскихъ острововъ къ сѣверу черезъ полюсъ, какъ это думаетъ и на что надѣется д-ръ Нансенъ». Онъ продолжаетъ: «По моему мнѣнію, если дѣйствительно удастся проникнуть въ то, что можно назвать внутреннимъ кругомъ, скажемъ приблизительно до 78° с. ш., и если тамъ на самомъ дѣлѣ существуетъ какое-нибудь теченіе, то все же, вслѣдствіе густого льда, который долженъ быть въ этой области, оно не можетъ имѣть никакого вліянія на судно. Только выйдя изъ этого круга и вступивъ въ открытые далекіе каналы, гдѣ ледъ не такъ плотенъ, мы можемъ испытать на себѣ вліяніе теченія, и тутъ конечно ледъ осенью бываетъ тоньше, а потому не столь опасенъ для судна. Вѣроятно не много льда вытѣсняется наружу изъ внутренняго круга; ледъ тамъ становится старше годъ отъ году и толще, такъ что по всей вѣроятности совершенно препятствуетъ всякому движенію судна. Это тотъ самый ледъ, который надвигался на зимовку Нареса у сѣверной оконечности Смитъ-Зунда приблизительно подъ 82° 30' с. ш.; тотъ самый ледъ, съ которымъ боролся Маркгэмъ во время своей поѣздки на саняхъ и противъ котораго не можетъ устоять никакая человѣческая сила».

Находкѣ вещей съ Жаннетты Рихардсъ не придалъ никакого серьезнаго значенія.

«Если они дѣйствительно были найдены въ Гренландіи, сказалъ онъ, то онѣ могли быть занесены туда на льдинѣ изъ областей по сосѣдству съ Смитъ-Зундомъ и принадлежать одной изъ американскихъ экспедицій, снаряженныхъ для спасенія Грили». Быть можетъ пишетъ онъ далѣе, документы Делонга и разные другіе предметы съ Жаннетты, были «взяты съ собою» которою нибудь изъ этихъ экспедицій. Однако Рихардсъ не говоритъ на чемъ, именно, онъ основываетъ такое предположеніе.

Извѣстный ботаникъ, сэръ Жозефъ Гукеръ, высказалъ слѣдующее въ докладѣ географическому обществу:

«Планъ д-ра Нансена очень отличается отъ всѣхъ проектовъ, которые когда-либо были приведены въ исполненіе полярными изслѣдователями и въ этомъ, разумѣется, можно усмотрѣть наиболѣе ясное доказательство опасности такого плана... На основаніи моего трехълѣтняго опыта въ антарктическихъ областяхъ я не думаю, чтобы судно, какъ бы оно ни было построено, могло долго противостоять разрушенію, если оно подвергнется напору льда въ полярной области. Судно, такъ крѣпко построенное какъ «Fram», конечно, въ состояніи будетъ противостоять сильному давленію свободно движущагося льда, но оно не можетъ долго противодѣйствовать повторнымъ напорамъ и еще менѣе можетъ противостоять толчкамъ ледяной глыбы, вмѣстѣ съ которою или черезъ которую оно будетъ двигаться. Форма «Fram» только до тѣхъ поръ будетъ имѣть значеніе, пока судно держится горизонтально на льду, незначительно возвышающемся надъ поверхностью воды. Но если «Fram» будетъ находиться между льдиной и айсбергомъ или же подвергнется напору по длинѣ, то форма судна уже не имѣетъ ни малѣйшаго значенія».

Даже еслибы «Fram» принесло къ берегамъ Гренландіи или къ американскимъ полярнымъ островамъ и оказалось бы возможнымъ высадиться, то все же, по мнѣнію Гукера, нѣтъ никакихъ шансовъ на спасеніе, въ виду того, что экипажъ судна будетъ, конечно, очень ослабленъ и уменьшенъ въ числѣ, и не найдетъ спасенія на берегу, вѣроятно, совершенно покрытомъ льдомъ, или на ледяныхъ горахъ этого палеокристическаго (т. е. наполненнаго ледяными глыбами) моря. «Затѣмъ, приняты ли Нансеномъ надлежащимъ образомъ во вниманіе,—кромѣ скорбута, противъ котораго мы не обладаемъ никакими вѣрными средствами, и всѣ другія угнетающія вліянія на настроеніе духа экипажа? Подумалъ-ли онъ обо всѣхъ послѣдствіяхъ, которыя влечетъ за собою долговременное заключеніе въ узкомъ пространствѣ въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ постоянной тьмы, страшная стужа, бездѣятельность, постоянныя опасности и неотступно преслѣдующая мысль о неизвѣстномъ будущемъ? Побочныя занятія и обязанности не въ состояніи противодѣйствовать разрушительному вліянію этихъ условій, они едвали даже смягчаютъ

это вліяніе, скорѣе даже усиливаютъ его. Я не считаю невозможнымъ, что д-ръ Нансенъ, имѣя въ своемъ распоряженіи всѣ средства, достигнетъ своей цѣли, но нахожу, что даже счастливый исходъ такого предпріятія не можетъ оправдать ставки на карту столькихъ цѣнныхъ человѣческихъ жизней.»

Генералъ Грили изъ Америки, предводитель извѣстной несчастной экспедиціи (1881—84), написалъ статью въ американскомъ журналѣ «The Forum» (Августъ 1891) гдѣ, между прочимъ, говорится: «Я считаю совершенно невозможнымъ, чтобы планъ д-ра Нансена могъ встрѣтить какую-либо поддержку или даже одобреніе. Мнѣ кажется, что этотъ планъ основывается на ложныхъ представленіяхъ о фактическихъ условіяхъ въ полярныхъ областяхъ; и если даже будетъ приведенъ въ исполненіе, то результаты его окажутся безполезны, не говоря о томъ, что участникамъ экспедиціи будутъ постоянно грозить смерть и страданія. Насколько мнѣ извѣстно, Нансенъ не пріобрѣлъ еще никакого арктическаго опыта. Его путешествіе по Гренландіи, хотя и очень трудное, можетъ столько же считаться полярнымъ дѣломъ (polar work), какъ и восхожденіе на гору св. Иліи. Сомнительно, чтобы какой нибудь гидрографъ сталъ серьезно обсуждать его теорію полярныхъ теченій или же какой нибудь полярный путешественникъ согласился бы примкнуть къ его проекту. Есть, конечно, люди, арктическій опытъ которыхъ настолько великъ, что еслабы они стали поддерживать проектъ Нансена, хотя бы только меньшинствомъ, то это заставило бы отнестись къ нему со вниманіемъ и довѣріемъ. Эти люди: адмиралы Макъ Клинтокъ, Рихардсъ, Коллинзонъ и Нaресъ, также какъ и капитанъ Маркгэмъ въ англійскомъ флотѣ, сэръ Алленъ Юнгъ и Лей Смитъ—въ Англіи, Кольдуэй—въ Германіи, Пайеръ—въ Австріи, Норденшильдъ—въ Швеціи и Мельвилль—у насъ. Я, не колеблясь, утверждаю, что не найдется двухъ человѣкъ изъ этихъ путешественниковъ, которые бы повѣрили въ возможность осуществленія первоначальной мысли Нансена,—построить судно, которое въ состояніи было бы продержаться въ арктическихъ льдахъ, черезъ которые онъ намѣренъ совершить свое путешествіе. Вторая мысль Нансена еще смѣлѣе. Она предполагаетъ существованіе теченія, имѣющаго протяженіе болѣе чѣмъ 2,000 морскихъ миль по прямой линіи и идущаго черезъ неизвѣстную область. Путь по этому теченію продолжится два года или болѣе, и во все это время экспедиція, захватившая съ собою только лодки, будетъ жить на льдинѣ, съ которою вмѣстѣ и совершитъ свое плаваніе».

Генералъ Грили затѣмъ указываетъ на ошибочныя предположенія, поставленныя въ основу моего плана. Относительно находки вещей съ Жаннетты, онъ прямо заявляетъ, что не вѣритъ этому.

«Вѣроятно было найдено кой-какое плавучее имущество, но благоразумнѣе предположить, что эти вещи принадлежали «Proteus», погибшему въ Смитъ-Зундѣ приблизительно около 1000 морскихъ

миль къ сѣверу отъ Юліангаба... Далѣе важно замѣтить, что если эти вещи дѣйствительно принадлежатъ Жаннеттѣ, то кратчайшій путь черезъ полюсъ будетъ не вдоль восточныхъ береговъ Гренландіи, а по каналу Кеннеди, черезъ Смитъ-Зундъ и Баффиновъ заливъ—тотъ самый путь, который слѣдуетъ принять, если признать плавучіе предметы принадлежащими Протеусу».

Къ самому полюсу мы не можемъ подойти на близкое разстояніе,—говоритъ Грили. «Мы знаемъ также вѣрно, какъ будто сами это видѣли, что въ этихъ неизвѣстныхъ странахъ находится обширная земля, служащая колыбелью плоскихъ айсберговъ или палеокристическаго льда». Въ этой то странѣ, покрытой глетчерами, имѣющими, по его мнѣнію, болѣе 300 морскихъ миль въ діаметрѣ и отсылающими айсберги въ Гренландію и Землю Франца-Іосифа *), и долженъ лежать полюсъ.

«Что же касается неразрушимаго судна, говоритъ Грили, то, разумѣется, для д-ра Нансена это было бы очень желательно». Но Грили думаетъ, однако, что такое судно выстроить нельзя. «Д-ръ Нансенъ, очевидно, предполагаетъ, что вопросъ о возможности постройки такого судна, которое могло бы оказать наибольшее сопротивленіе напору льда, до сихъ поръ еще не разрѣшенъ, хотя китоловныя общества въ Шотландіи и въ Нью-Фаундлендѣ истратили съ этою цѣлью сотни тысячъ долларовъ».

Грили опирается на авторитетъ Мельвиля, говоря: «Каждый арктическій путешественникъ, обладающій опытностью, согласится со взглядами Мельвиля, что если даже судно будетъ выстроено изъ одного только дерева, то оно всетаки не въ состояніи будетъ выдержать давленіе огромныхъ полярныхъ льдовъ». Возражая противъ моего заявленія, что ледъ вдоль сибирскаго берега сравнительно тонокъ (2—3 метра), Грили снова цитируетъ Мельвиля, который говоритъ о льдинахъ высотою въ 16 метровъ (чего мы не встрѣчали ни разу на всемъ своемъ пути). Доказавъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, что «Fram» непремѣнно долженъ погибнуть, какъ только подвергнется напору льда, Грили говоритъ дальше о невозможности двигаться вмѣстѣ со льдомъ въ лодкахъ. Свою статью Грили заканчиваетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ:

«Арктическія экспедиціи, организованныя обычными способами, настолько опасны и столько требуютъ безумной отваги, что незачѣмъ еще прибавлять къ нимъ новое бремя, въ видѣ нелогичнаго плана самоуничтоженія, представленнаго докторомъ Нансеномъ».

Въ статьѣ, написанной Грили послѣ нашего возвращенія въ «Harper's Weekly», онъ, повидимому, пришелъ къ заключенію, что вещи съ Жаннетты дѣйствительно подлинныя и что мое предполо-

---

*) На утвержденіе Грили, что Лей Смитъ видѣлъ такія горы у сѣверо-западнаго берега Земли Франца-Іосифа, замѣтимъ, что еще ни одинъ человѣкъ тамъ не бывалъ.

женіе насчетъ того, что они занесены теченіемъ, справедливы; при этомъ онъ указываетъ на Мельвилля, Далля и другихъ, которые этому не вѣрили. Онъ признается также, что мой планъ приведенъ въ исполненіе наперекоръ его мнѣнію. На этотъ разъ онъ заключаетъ свою статью слѣдующими замѣчаніями:

«Если мы противопоставимъ другъ другу экспедиціи Делонга и доктора Нансена, то должны будемъ указать на единственное пятно, омрачающее блестящій во всѣхъ отношеніяхъ жизненный путь Нансена, а именно: онъ произвольно покинулъ своихъ товарищей на суднѣ, заключенномъ во льду, на разстояніи сотенъ миль отъ какихъ бы то ни было извѣстныхъ земель, и притомъ съ намѣреніемъ не возвращаться къ нимъ, а, какъ онъ самъ заявилъ, идти на Шпицбергенъ, отстоящій оттуда на 600 миль, гдѣ онъ былъ увѣренъ найти какое-нибудь судно. Делонгъ и Амблеръ обладали такимъ чувствомъ чести, что они скорѣе готовы были пожертвовать своею жизнью, нежели разстаться съ умирающимъ, котораго ихъ присутствіе все равно спасти не могло. Трудно постигнуть, какимъ образомъ Нансенъ могъ пренебречь священнѣйшимъ долгомъ главы морской экспедиціи. Счастливое возвращеніе мужественнаго капитана Свердрупа вмѣстѣ съ «Fram» нисколько не извиняетъ Нансена. Вѣрность, мужество и способности Свердрупа, не покинувшаго «Fram» и доставившаго своихъ товарищей въ Норвегію, въ глазахъ многихъ заслуживаютъ еще болѣе блестящихъ лавровъ, нежели тѣ, которые стяжалъ его талантливый и способный начальникъ».

Одинъ изъ немногихъ, открыто поддержавшихъ планъ своимъ научнымъ авторитетомъ, былъ профессоръ Зупанъ, хорошо извѣстный редакторъ «Petermanns Mittheilungen». Въ статьѣ, напечатанной въ 1891 г. въ этомъ журналѣ, онъ не только сочувственно отозвался о моемъ планѣ, но даже поддержалъ его новыми взглядами. Онъ указалъ, что то, что онъ именуетъ арктической границею вѣтровъ, вѣроятно раздѣляетъ въ теченіи большей части года неизвѣстный полярный бассейнъ на двѣ половины; въ восточной части вѣтры дуютъ преимущественно въ сторону Берингова моря, тогда какъ въ западной—въ сторону Атлантическаго океана. Всего дольше, по его мнѣнію, держится эта граница у Берингова моря, такъ что преобладающіе вѣтры въ тѣхъ областяхъ, которыя мы имѣемъ намѣреніе проплыть, должны благопріятствовать нашему движенію. Нашъ собственный опытъ вполнѣ подтверждаетъ справедливость этой теоріи Зупана.

Надо прибавить также, что извѣстный шотландскій натуралистъ д-ръ Джонъ Муррей нѣсколько разъ высказывался въ пользу моего плана. Въ 1888 году, когда я по дорогѣ въ Гренландію видѣлся съ нимъ въ Эдинбургѣ, онъ сказалъ мнѣ, что совершенно согласенъ съ моими взглядами на направленіе движенія полярныхъ льдовъ.

Нынѣшній президентъ Географическаго общества въ Лондонѣ,

сэръ Клементсъ Меркгэмъ, не присутствовавшій на вышеуказанныхъ преніяхъ, позднѣе открыто высказалъ свою увѣренность въ счастливомъ исходѣ экспедиціи. Интересно, что этотъ выдающійся арктическій писатель еще двадцать лѣтъ тому назадъ, въ своемъ докладѣ по поводу результатовъ полярной экспедиціи Нареса, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Во-первыхъ, должно существовать теченіе черезъ полярное море, идущее изъ восточнаго въ западное полушаріе; во-вторыхъ, Земля Франца-Іосифа, повидимому, должна принадлежать къ группѣ Шпицбергена, возвышающейся надъ тѣмъ же самымъ мелкимъ моремъ, которое къ сѣверу становится болѣе глубокимъ; въ-третьихъ, если даже «ужасныя трудности» ожидаютъ путешественниковъ при вступленіи въ границы неизвѣстнаго полярнаго моря къ сѣверу отъ Сибири, всетаки «важныя открытія должны вознаградить будущихъ изслѣдователей, которые смѣло и благополучно отправятся на сѣверъ въ этомъ направленіи» *).

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

*) Report on the Expedition of 1875—76 (London 1877). Если я не упомянулъ объ этихъ замѣчательныхъ словахъ въ своемъ докладѣ передъ отправленіемъ въ путешествіе, то лишь потому, что мое вниманіе на нихъ было обращено уже послѣ моего возвращенія.

„И ты не уйдешь“.

(Изъ Ады Негри).

Ты сказалъ мнѣ: «О, блѣдная, что ты, тоскуя,
Прижимаешься страстно ко мнѣ?
Отчего на губахъ твоихъ звукъ поцѣлуя,
Какъ рыданье, звучитъ въ тишинѣ?
Твои взгляды какъ ночь и въ суровой кручинѣ
За толпою видѣній бѣгутъ,
Что подобно огнямъ на болотной трясинѣ
Въ леденящемъ безвѣстномъ встаютъ.
Въ твоемъ сердцѣ восторги любви нашей юной
Пробуждаютъ не пѣсни, а крикъ.
Въ твоемъ сердцѣ какъ будто оборваны струны,
Слезъ таится въ нихъ вѣчный родникъ.
На груди моей ты. Но кровавой звѣздою
Въ твоемъ взорѣ лишь ужасъ горитъ.
О, скажи, предъ какой ты блѣднѣешь бѣдою?
Что тебя такъ глубоко язвитъ?»
Я тебѣ отвѣчала: «Когда я всецѣло
Ощущаю, блѣднѣя лицомъ,
Какъ мое полудѣтское, хрупкое тѣло
Утопаетъ въ объятьи твоемъ,—
Тѣни, тѣни встаютъ въ этотъ мигъ предо мною,
Тѣни дѣвушекъ блѣдныхъ встаютъ;
Пламя слезъ и желаній—порою ночною
Ихъ сожгло и измучилъ ихъ трудъ.
Онѣ были прекрасны. Ихъ косы сверкали
Золотыми струями въ лучахъ,
Но онѣ поцѣлуевъ и страсти не знали,
Утопая во тьмѣ и слезахъ;
Тѣни женщинъ, что видѣли, какъ къ изголовью
Мужа, сына ихъ смерть подошла,

И того, кто надеждой былъ ихъ и любовью,
Въ міръ забвенья и сна унесла.
И предъ духомъ, покинувшимъ прахъ незабвенный,
Содрогаются въ мракѣ сердца,
И блѣдны, одиноки, въ безсмертной вселенной
Ждутъ, какъ блага, отъ смерти вѣнца.
И, согбенныя, идутъ, шатаясь устало,
Всюду, всюду... за мной... впереди...
Чернымъ облакомъ падаютъ ихъ покрывала,
Бѣлый черепъ блеститъ на груди,
И глядятъ на меня, и какъ гибельный холодъ,
Ужасъ, ужасъ меня леденитъ
И сжимаетъ мнѣ грудь, и, какъ тягостный молотъ,
Сердце больно стучитъ и стучитъ...
И тогда ощущаешь ты вдругъ содроганье
Въ мракѣ ночи, въ объятьяхъ моихъ,
И въ горячкѣ моихъ поцѣлуевъ нѣмыхъ
Тебѣ слышится трепетъ рыданья...
Тамъ... скосивъ на меня тусклый, пристальный взоръ,
Среди терній идутъ... И, какъ ножъ,
Мнѣ вонзается въ сердце ихъ взглядъ и укоръ,
Ихъ пророчество злое и злой приговоръ:
«Погоди-же... И ты не уйдешь!»

А. М. Өедоровъ.

Дворянскій публицистъ Екатерининской эпохи.

(Князь М. М. Щербатовъ).

Вторая половина XVIII вѣка, ознаменованная въ исторіи русскаго государства крайне быстрымъ, но дорогой цѣною купленнымъ внѣшнимъ ростомъ, наполненная побѣднымъ громомъ оружія Екатерининскихъ войскъ и горькими стонами окончательно закрѣпощеннаго народа, была вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно важною эпохой въ умственной жизни русскаго общества. Вѣкомъ ранѣе это общество пережило въ формѣ церковнаго раскола тяжелый культурный кризисъ, подорвавшій и обезсилившій тѣ традиціонныя понятія и представленія, какими жило оно въ рамкахъ стараго московскаго государства. Съ культурнымъ кризисомъ соединялся тогда, а въ значительной мѣрѣ и вызывалъ его, кризисъ иного рода, самъ по себѣ имѣвшій болѣе узкое значеніе. Правительственная система Москвы, долгое время путемъ довольно примитивныхъ средствъ болѣе или менѣе успѣшно справлявшаяся съ потребностями національной самообороны страны, напрягая для этой цѣли всѣ силы народа, по мѣрѣ того, какъ съ ростомъ государства усложнялись названныя потребности, становилась все менѣе способной удовлетворить имъ и къ концу XVII столѣтія, какъ разъ въ то время, когда онѣ приняли особенно острый характеръ, совершенно исчерпала свои ресурсы, благодаря чему создалась необходимость для обновленія ихъ обратиться къ помощи выращеннаго на Западѣ знанія. Московское государство и московское общество почти одновременно такимъ образомъ выступили на новую дорогу, но пошли они по ней не съ одинаковой быстротой. Болѣе настоятельныя потребности были удовлетворены первыми, и призванная въ Россію западно-европейская наука явилась здѣсь на первыхъ порахъ не самостоятельной, а лишь служебной силой, сдѣлавшись простымъ орудіемъ въ рукахъ Петровскаго правительства. Усваиваемая почти исключительно съ прикладной своей стороны, она повела не къ оцѣнкѣ основныхъ принциповъ государственнаго и общественнаго строя съ новыхъ точекъ зрѣнія, а только къ укрѣпленію существовавшей правительственной системы новыми средствами. Съ ея помощью была перестроена и

перевооружена русская армія, преобразована податная система, пересозданы административныя учрежденія, и все это, вмѣстѣ взятое, дало возможность государству добиться прочнаго успѣха въ международной борьбѣ и обезпечить себѣ необходимыя для дальнѣйшаго его развитія границы. Силы общества почти безъ остатка ушли на удовлетвореніе этихъ неотложныхъ интересовъ текущаго дня, на эту кипучую практическую работу, совершавшуюся подъ прямымъ руководствомъ и строгимъ присмотромъ правительства. Изъ Петровской реформы верхи русскаго общества вышли поэтому въ новомъ платьѣ, съ новыми манерами, съ нѣкоторымъ, не особенно, впрочемъ, значительнымъ, запасомъ новыхъ, по преимуществу техническихъ знаній и съ старымъ міровоззрѣніемъ, правда, еще болѣе расшатаннымъ и ослабленнымъ въ своихъ основахъ, но и не замѣненнымъ никакимъ другимъ. Исключенія, конечно, были— отдѣльные люди успѣвали на почвѣ вновь пріобрѣтенныхъ знаній создать себѣ болѣе широкіе взгляды на современныя имъ общество и государство, нежели тѣ, какіе были завѣщаны имъ московскою Русью; но, не говоря уже о томъ, что и эти попытки не отличались особенной глубиною мысли, число такихъ исключеній было весьма не велико. Событія какъ нарочно расположились такимъ образомъ, чтобы представить провѣрку этого факта. Въ ближайшую за реформой эпоху былъ моментъ, именно въ 1730 году, привлекшій вниманіе довольно значительныхъ круговъ дворянскаго класса къ общему политическому вопросу, но этотъ моментъ наступилъ такъ неожиданно и засталъ такъ мало силъ, подготовленныхъ къ тому, чтобы воспользоваться имъ, что онъ прошелъ, не только не принеся осязательныхъ результатовъ, но и почти не оставивъ за собою никакихъ слѣдовъ.

Скоро однако же сказались и болѣе глубокія послѣдствія реформы для общества, проявившіяся въ усиленіи среди него интереса къ общему образованію и къ знакомству съ результатами, достигнутыми западно-европейскою мыслью въ сферѣ вопросовъ государственнаго и общественнаго быта. Помимо существовавшей уже ранѣе неудовлетворенности старымъ міровоззрѣніемъ, помимо непосредственнаго вліянія большей близости къ Западу, усиленію этого интереса въ немалой мѣрѣ должны были способствовать и тѣ серьезныя измѣненія, какія произошли въ соціальной жизни Россіи послѣ Петровской реформы и до нѣкоторой степени стояли въ прямой связи съ этой послѣдней. Та тягловая организація общества, которая выработалась въ старой Москвѣ и которая привязывала каждаго отдѣльнаго человѣка и каждый классъ къ опредѣленной «государевой службѣ», если и не теряла окончательно свой смыслъ, то во всякомъ случаѣ переставала быть столь настоятельно необходимою съ того момента, какъ государство овладѣло военной и административной техникой Запада и успѣло рѣшить важнѣйшія изъ вѣковыхъ задачъ московской внѣшней политики. Воспользо-

ваться этимъ результатомъ пришлось однако не всѣмъ общественнымъ классамъ. Лишь одинъ изъ нихъ, и именно высшій, обладалъ необходимыми для этого условіями, сплоченностью въ собственной средѣ и возможностью вліять на правительство, и онъ-то и извлекъ всѣ выгоды изъ даннаго положенія дѣлъ. Не особенно отзывчивые на идейныя побужденія, дворяне второй четверти XVIII вѣка оказались какъ нельзя болѣе чуткими къ своимъ матеріальнымъ интересамъ и, пользуясь открывшеюся передъ ними возможностью давленія на правительственную политику, постарались не только сбросить съ себя и переложить на другіе классы всѣ тяжелыя повинности передъ государствомъ, но и эксплуатировать исключительно въ свою пользу и закрѣпить на почвѣ закона ту крестьянскую неволю, какая создана была практикой жизни въ предшествовавшемъ періодѣ. Подъ этимъ давленіемъ послѣдовавшія за Петромъ правительства, одной рукой уничтожая условный характеръ дворянскаго землевладѣнія и снимая съ личности дворянина повинность обязательной службы, другой рукою обрывали нити, связывавшія еще владѣльческаго крестьянина съ государствомъ, и крѣпче затягивали и безъ того уже тѣсныя узы крѣпостничества, соединявшія этого крестьянина съ его помѣщикомъ. Въ началѣ второй половины столѣтія этотъ двойной процессъ представлялся уже почти законченнымъ и русское общество, въ сферѣ своихъ отношеній къ государству, получило совершенно новый видъ: на верху этого общества стоялъ теперь дворянинъ, переставшій быть служилымъ человѣкомъ, но сохранившій и усилившій свои имущественныя права и получившій въ свое исключительное обладаніе и распоряженіе крѣпостной трудъ, внизу — безправный крестьянинъ, несшій на своихъ плечахъ всю тяжесть личной и финансовой службы государству и отгороженный отъ него высокой и крѣпкой стѣной помѣщичьей власти. Дворянское общество этой поры не только получило уже такимъ образомъ извѣстный вкусъ къ образованію и обладало необходимымъ для него досугомъ и матеріальными средствами, но и стояло передъ фактами собственной жизни, созданными, правда, при его же дѣятельномъ участіи, но тѣмъ не менѣе лишь весьма плохо укладывавшимися въ рамки стараго его міросозерцанія. Естественно было ему обратиться въ своихъ попыткахъ такъ или иначе осмыслить эти факты и сдѣлать изъ нихъ дальнѣйшіе выводы къ помощи европейской науки, съ которой оно успѣло уже нѣсколько познакомиться. Несомнѣнно, этотъ мотивъ занималъ видное мѣсто въ ряду причинъ, породившихъ столь сильное увлеченіе философскими ученіями и общественными теоріями Запада въ русской общественной средѣ той эпохи, когда на русскомъ тронѣ сидѣла ученица Вольтера, какъ любила называть себя Екатерина II. Западная наука опять призывалась въ Россію, но въ основѣ новаго обращенія къ ней лежали на этотъ разъ не текущія нужды государства, а потребности общества, искавшаго возможности освѣтить

свою жизнь свѣтомъ теоретической мысли, и соотвѣтственно этому проснувшійся интересъ къ наукѣ обращался не на прикладную ея сторону, а на наиболѣе общія ея положенія и выводы, и на почвѣ этого ростущаго интереса начинало слагаться идейное общественное движеніе.

Въ представляемыхъ литературою изображеніяхъ этого движенія какъ дѣйствительные его размѣры, такъ и просторъ, предоставленный для его развитія практическими условіями жизни, подвергались иногда значительному преувеличенію. Мы не пишемъ общей характеристики эпохи и поэтому позволимъ себѣ, не развивая подробно нашей мысли, подтвердить ее однимъ лишь частнымъ примѣромъ, имѣющимъ, на нашъ взглядъ, и серьезное общее значеніе. Высшимъ проявленіемъ правительственнаго либерализма Екатерининской эпохи по всей справедливости считается созваніе знаменитой Коммиссіи для составленія новаго Уложенія. До самаго послѣдняго времени дѣятельность правительства въ этомъ случаѣ изображалась, какъ руководившаяся исключительно либеральными началами, дѣятельность общества—какъ искренній откликъ на правительственный призывъ. Наиболѣе осторожные и скептически настроенные изслѣдователи, какъ бы забывая о недостаточности имѣвшихся по данному вопросу матеріаловъ, присоединялись къ такимъ сужденіямъ. Проф. Сергѣевичъ, формулируя свой взглядъ на роль правительства при созывѣ Коммиссіи, говоритъ, что «мы не имѣемъ основанія думать, чтобы свобода выборовъ была въ какомъ-нибудь отношеніи стѣснена», и только «пугливой администраціи» приписываетъ единичныя попытки вліянія на составленіе наказовъ *). Еще рѣзче выражался покойный Дитятинъ: «странно было бы говорить, писалъ онъ, о вліяніи административныхъ органовъ на выборы въ смыслѣ давленія на нихъ, съ цѣлью добиться выборовъ того или иного лица, желательнаго въ виду какихъ-либо политическихъ соображеній высшаго правительства: оно, это правительство, въ лицѣ самой императрицы, желало совершенно искренно, по крайней мѣрѣ, въ моментъ созванія Коммиссіи, узнать дѣйствительное умоначертаніе народа; а при такомъ желаніи административное давленіе на выборы въ смыслѣ, нами указанномъ, въ томъ видѣ, какъ оно практикуется въ современной Западной Европѣ, было просто немыслимо при выборахъ въ Коммиссію нигдѣ, пожалуй, даже и въ Малороссіи съ Остзейскимъ краемъ»**). При ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ столь рѣшительныя утвержденія оказываются однако по меньшей мѣрѣ преждевременными. Въ другомъ мѣстѣ ***) намъ случилось подробно коснуться одного изъ эпизодовъ, имѣющихъ отношеніе къ свободѣ выборовъ въ Екатерининскую Коммиссію, и мы позволимъ

*) В. Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, изд. 1883 г., ч. II, с. 790—1.

**) И. Дитятинъ, Статьи по исторіи русскаго права, Спб. 1896, с. 343.

***) Къ исторіи Нѣжинскаго полка, Спб. 1896, с. 25—39.

себѣ здѣсь напомнить его общія очертанія. Нѣжинское шляхетство, избравъ депутата, составило для него наказъ, нѣкоторые пункты котораго не понравились управлявшему тогда Малороссіей въ качествѣ генералъ-губернатора Румянцеву. Подъ вліяніемъ его настояній избранный депутатъ потребовалъ отъ собранія шляхетства передѣлки наказа въ другомъ духѣ и, не получивъ согласія на нее, отказался отъ депутатскаго званія. На его мѣсто было избрано другое лицо, но Румянцевъ кассировалъ новые выборы, какъ незаконные, а когда шляхтичи вздумали было отстаивать свое право на избраніе согласнаго съ ними депутата, Сенатъ нарядилъ надъ ними судъ, причемъ тѣ изъ нихъ, которые состояли на службѣ въ козацкомъ войскѣ, были преданы военному суду и судились по правиламъ Воинскаго Устава за нарушеніе дисциплины. Военный судъ изъ 36 человѣкъ, привлеченныхъ къ нему, 33 подсудимыхъ приговорилъ къ смертной казни; судъ гражданскій для 18 лицъ, въ немъ судившихся, назначилъ наказаніемъ вѣчную ссылку. Правда, Сенатъ замѣнилъ эти приговоры шестинедѣльнымъ тюремнымъ заключеніемъ и лишеніемъ подсудимыхъ всѣхъ чиновъ и должностей. Попытки шляхтичей добиться новаго пересмотра дѣла остались совершенно безрезультатными и лишь въ 1770 г., когда они сами, наконецъ, сознали тщету этихъ попытокъ и обратились къ императрицѣ съ прошеніемъ, въ которомъ, «не принося никакого оправданія», молили о прощеніи имъ дерзновеннаго поступка, Екатерина надписала на ихъ просьбѣ: «Богъ проститъ»; и имъ въ силу этой резолюціи были возвращены прежніе чины и должности. Такія формы принимала порою одна сторона подготовленія Коммиссіи. Приведемъ еще фактъ, касающійся другой его стороны. Не такъ давно вышелъ въ свѣтъ новый томъ «Сборника Русскаго Историческаго Общества», посвященный Екатерининской Коммиссіи и заключающій въ себѣ, между прочимъ, сорокъ наказовъ отъ городовъ Московской губерніи*). При сколько-нибудь внимательномъ чтеніи этихъ наказовъ рѣзко бросается въ глаза то обстоятельство, что многіе изъ нихъ поразительно схожи другъ съ другомъ, и, наконецъ, приходится убѣдиться, что въ основѣ ихъ всѣхъ лежитъ весьма небольшое число редакцій, лишь очень немного видоизмѣнявшихся въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Самъ по себѣ, такой фактъ могъ бы еще, пожалуй, быть объясняемъ различнымъ образомъ, но довольно трудно предположить однако, чтобы Екатерининская Коммиссія вызвала среди городского населенія столь усердную пропаганду, доходящую до распространенія однихъ и тѣхъ-же наказовъ, и едва-ли не приходится склониться къ болѣе простому объясненію. Итакъ, избиратели, предаваемые военному суду за неповиновеніе указаніямъ правительственныхъ агентовъ въ дѣлѣ выборовъ, и избиратели, списывающіе другъ у друга свои наказы, — вотъ какія подробности мы должны

*) Сборникъ Имп. Р. Ист. Общества, т. 93, Спб. 1894.

внести въ идиллическую картину вполнѣ свободныхъ выборовъ и искренняго выраженія населеніемъ своихъ нуждъ, чтобы нѣсколько приблизить ее къ дѣйствительности.

Указывая на приведенные факты, мы хотѣли лишь подчеркнуть при помощи ихъ ту, не однажды уже высказывавшуюся и тѣмъ не менѣе часто забываемую мысль, что идейное движеніе данной поры не охватывало вполнѣ ни правительственной дѣятельности, лишь отчасти соприкасавшейся съ нимъ, ни широкихъ общественныхъ круговъ, и что общій фонъ жизни продолжалъ оставаться не особенно яркимъ. За всѣмъ тѣмъ эта жизнь уже не пребывала неподвижной и на общемъ сѣроватомъ и тускломъ фонѣ ея тѣмъ рѣзче и рельефнѣе выдѣлялись отдѣльные кружки и личности, захваченные шедшимъ съ Запада потокомъ идей, съ тревожною пытливостью и суровою критикой вглядывавшіеся въ родную дѣйствительность и въ своихъ попыткахъ привлечь вниманіе общества па ея грѣхи и недостатки и указать средство ихъ исправленія въ вооруженной знаніемъ критической мысли становившіеся родоначальниками русскаго общественнаго движенія. Поприщемъ, на которомъ по преимуществу совершалось это движеніе, вербуя себѣ новыхъ сторонниковъ и завоевывая вліяніе въ обществѣ, сдѣлалась литература, сильно измѣнившая свой характеръ. На литературную арену вышелъ рядъ свѣжихъ силъ и, благодаря такимъ крупнымъ дѣятелямъ, какъ Новиковъ, Фонъ-Визинъ, Радищевъ, Щербатовъ, Болтинъ, не говоря уже о менѣе видныхъ, рядомъ съ реторическимъ панегирикомъ и шумной одой быстро водворилась ѣдкая сатира и серьезная публицистика. Правда, говоря о вліяніи публицистовъ той эпохи на современное имъ общество, необходимо помнить нѣкоторыя условія, опредѣлявшія размѣры этого вліянія, и дѣлать соотвѣтственныя оговорки. Ихъ литературная дѣятельность имѣла свои, опредѣленныя довольно узкой сферой, границы, перейти которыя не всегда было въ ихъ волѣ. То, что они писали, нерѣдко назначалось не для печати и то, что они печатали, не всегда доходило до читателя. Когда менѣе осторожные изъ нихъ переступали грань дозволеннаго или обращали на себя подозрительное вниманіе, ихъ постигала суровая до жестокости кара, какъ это было съ Радищевымъ и Новиковымъ. Поэтому болѣе благоразумные публицисты эпохи предпочитали соединять высокое понятіе о своей дѣятельности съ добровольнымъ ограниченіемъ ея предѣловъ и, какъ Щербатовъ, считая посвященные ей часы «счастливѣйшими въ своей жизни», вмѣстѣ съ тѣмъ продуктамъ этой дѣятельности, въ видѣ наиболѣе крупныхъ своихъ произведеній, «опредѣляли сокрыться въ своей фамиліи»; они утѣшали себя тѣми соображеніями, что все же ихъ мысли не будутъ «прежде рожденія ихъ погребены въ вѣчное забвеніе» и что, разъ перенесенныя на бумагу, «можетъ быть, и чрезъ нѣсколько вѣковъ могутъ сіи сѣмена желаемую жатву принести». Такая скромность со стороны писателя, вынужденнаго искать себѣ читателей не въ

современности, а въ будущихъ вѣкахъ, въ свою очередь полагала не особенно широкіе предѣлы его вліянію, которое было наиболѣе сильно въ непосредственно примыкавшемъ къ нему кружкѣ лицъ, пользовавшихся довѣренностью его самого и его «фамиліи», и быстро падало по мѣрѣ удаленія отъ этой интимной среды. Наиболѣе глубокія и серьезныя идеи имѣли при такихъ условіяхъ лишь весьма ограниченную сферу распространенія, и оно было вполнѣ естественно. Слѣдя за этой печатной и рукописной публицистической литературой, мы присутствуемъ при первыхъ шагахъ русской общественной мысли, которые по необходимости должны были быть неувѣренны и робки. Но въ нихъ заключался уже и залогъ дальнѣйшаго развитія: слабое на почвѣ практической жизни, считавшее за собою далеко не значительное число искреннихъ приверженцевъ, движеніе это было сильно въ своей идейной сторонѣ, сильно смѣлостью, съ какой оно поднимало наиболѣе важные и наболѣвшіе вопросы современной ему дѣйствительности, широтой мысли, сказывавшейся въ попыткахъ ихъ рѣшенія, наконецъ, связью, какую оно устанавливало между русскою общественной средой и лучшими умственными теченіями Запада. Даже теперь, оглядываясь на него черезъ столѣтній промежутокъ времени, нельзя сказать, чтобы живыя нити связывающія это прошлое съ нашимъ настоящимъ, были совершенно порваны: въ этой, покрытой сѣдымъ мохомъ, старинѣ звучатъ порою мотивы, близко знакомые намъ въ современности, надъ иными пожелтѣвшими отъ времени страницами этихъ старыхъ книгъ можетъ задуматься и нынѣшній читатель; наоборотъ, въ окружающей насъ дѣйствительности нерѣдко встрѣчаются явленія, мѣсто которымъ въ этой далекой старинѣ и которыя могутъ быть понятны только какъ обломокъ нѣкогда цѣльнаго и живого міросозерцанія, пережившій свою пору и сохранившійся въ качествѣ археологическаго курьеза.

Движеніе, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, при всей общности почвы, на какой оно выросло, и исходныхъ точекъ, служившихъ ему пунктами отправленія, не сохранило однако полнаго единства, но распалось на нѣсколько различныхъ и порою прямо противоположныхъ теченій, представленныхъ отдѣльными группами писателей и сторонниковъ ихъ мнѣній. Одна изъ этихъ группъ на первый планъ выдвинула вопросы религіи и личной нравственности и уже на ихъ почву переносила и рѣшеніе общественныхъ вопросовъ. Другія, напротивъ, именно эти послѣдніе положили краеугольнымъ камнемъ своихъ теорій, но далеко разошлись при этомъ между собою въ ихъ оцѣнкѣ. Одни, отправляясь отъ существовавшаго въ жизни отношенія между различными общественными классами, стремились подыскать для него теоретическія обоснованія въ видѣ общихъ началъ и требовали полнаго воплощенія этихъ началъ со всѣми логическими слѣдствіями, изъ нихъ вытекающими, въ дѣйствительной жизни, являясь такимъ образомъ представителями и поборниками интересовъ господствующаго класса. Иные, наконецъ,

становясь на болѣе широкую и идейную точку зрѣнія, ближе всего принимали къ сердцу интересы самаго угнетеннаго класса и, выступая съ рѣзкой критикой всѣхъ существенныхъ основъ современнаго имъ строя, главные удары ея направляли именно на установившійся складъ соціальныхъ отношеній.

Самымъ виднымъ и крупнымъ дѣятелемъ второй изъ указанныхъ группъ былъ, несомнѣнно, Щербатовъ, изъ всѣхъ писателей данной поры наиболѣе заслужившій названіе дворянскаго публициста. Въ послѣднее время однимъ изъ его потомковъ предпринято изданіе полнаго собранія его сочиненій *). Пользуясь частью вышедшимъ въ свѣтъ первымъ томомъ этого изданія, частью напечатанными ранѣе его произведеніями, мы хотѣли бы въ предѣлахъ настоящей статьи попытаться вывести передъ читателями въ главныхъ чертахъ обликъ суроваго и страстнаго критика русской жизни Екатерининской поры съ точки зрѣнія дворянскихъ интересовъ. Считаемъ нелишнимъ оговориться, что, интересуясь въ данномъ случаѣ Щербатовымъ исключительно какъ публицистомъ, мы не намѣрены касаться ни его общихъ историческихъ взглядовъ, ни значенія его трудовъ на почвѣ русской исторіи **).

Но прежде, чѣмъ обратиться къ непосредственной своей темѣ, скажемъ еще два слова о томъ новомъ изданіи сочиненій Щербатова, которымъ намъ придется пользоваться въ дальнѣйшемъ изложеніи. Съ внѣшней стороны вышедшій уже въ свѣтъ первый томъ его изданъ прекрасно. Кромѣ мнѣній («голосовъ»), подававшихся Щербатовымъ въ Екатерининской Комиссіи, въ немъ напечатано двѣнадцать произведеній публицистическаго характера, въ томъ числѣ нѣсколько впервые появляющихся въ свѣтъ, между прочимъ, особенно крупное по размѣрамъ «Путешествіе въ землю Офирскую», и такимъ образомъ для лицъ, интересующихся этой эпохой, настоящее изданіе представляетъ важное пріобрѣтеніе. Можно пожалѣть однако, что редакторъ изданія не потрудился нѣсколько обстоятельнѣе выяснить планъ его, такъ какъ одно не совсѣмъ точное заглавіе: «политическія сочиненія», приданное первому тому, не объясняетъ еще, почему въ него не вошли нѣкоторыя видныя публицистическія работы. Щербатовъ почти не оставилъ послѣ себя чисто теоретическихъ трудовъ по политикѣ и большею частью свои общіе политическіе взгляды высказывалъ по поводу текущихъ событій или историческихъ фактовъ. Въ этомъ отношеніи съ большинствомъ его трудовъ, изданныхъ теперь въ первомъ томѣ, смѣло могутъ быть сопоставлены такія работы, какъ «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», «Письмо къ вельможамъ-правителямъ государства» или «Оправданіе моихъ

*) Сочиненія князя М. М. Щербатова. Томъ I. Подъ редакціей И. П. Хрущова. Изданіе кн. Б. С. Щербатова. Спб. 1896.

**) Оцѣнку того и другого читатель можетъ найти въ статьяхъ П. Н. Милюкова: «Главныя теченія русской исторической мысли XVIII и XIX столѣтій», Русск. Мысль, 1893, №№ 5, 7 и 9.

мыслей», не нашедшія себѣ мѣста здѣсь. Редакторъ не позаботился вмѣстѣ съ тѣмъ и установить хронологію изданныхъ имъ сочиненій, хотя по отношенію ко многимъ изъ нихъ это не представляло серьезныхъ затрудненій. Въ этомъ отношеніи въ настоящемъ изданіи есть даже непріятный курьезъ: извѣстное «Разсужденіе о нынѣшнемъ въ 1787 г. голодѣ» въ оглавленіи отмѣчено 1778 г., а къ текстѣ даже 1878 г. То и другое, конечно, не болѣе, какъ досадныя опечатки, но при большей внимательности ихъ можно было избѣжать. Въ концѣ изданія, какъ сообщаетъ редакторъ, предполагается біографія автора. Надо надѣяться, что въ ней будутъ исправлены ошибки бѣглой генеалогической справки, предшествующей настоящему тому. Здѣсь между прочимъ говорится, что у М. М. Щербатова былъ одинъ сынъ и шесть дочерей, изъ письма же самого Щербатова мы знаемъ, что у него въ 1773 г. было девять человѣкъ дѣтей *). Вообще, желая скорѣйшаго появленія дальнѣйшихъ томовъ начатаго изданія, приходится, кажется, присоединить къ этому пожеланіе, чтобы при ихъ обработкѣ редакція обнаружила нѣсколько болѣе интереса къ принятому на себя дѣлу.

I.

Въ личной жизни Щербатова любопытнымъ образомъ отразились многія характерныя черты той общественной среды, къ которой онъ принадлежалъ. Не пересказывая здѣсь его біографіи, мы напомнимъ только наиболѣе интересные ея факты, могущіе пригодиться для уясненія характера его литературной дѣятельности. Фамилія князей Щербатовыхъ ведетъ свое происхожденіе, черезъ князя черниговскаго Михаила, отъ Рюрика. Въ рядахъ московской знати эта фамилія не играла, однако, особенно замѣтной и выдающейся роли, будучи отодвинута на второй планъ болѣе счастливыми родами, и ея члены, хотя и сидѣли въ московской думѣ, но не поднимались выше чина окольничаго. Восемнадцатый вѣкъ съ его уравненіемъ служилыхъ людей въ одномъ сословіи «шляхетства» еще болѣе понизилъ значеніе Щербатовыхъ, не попавшихъ въ число тѣхъ «случайныхъ» фамилій, которыми такъ богато было XVIII столѣтіе, и вмѣстѣ не выдвинувшихся въ первые ряды служебныхъ дѣятелей. Дѣдъ писателя, кн. Юрій Ѳедоровичъ Щербатовъ, воевалъ въ петровскихъ полкахъ во время Сѣверной войны, потомъ завѣдывалъ кирпичными заводами въ Петербургѣ, смѣнилъ старинный чинъ окольничаго на новый—бригадира и въ 1730 г. постригся въ Москвѣ въ монахи. Его сынъ Михаилъ былъ трижды женатъ, выбирая себѣ невѣстъ то изъ дворянства средней руки, то изъ такой-же неперворостепенной знати, къ какой принадлежалъ самъ; дослужившись

*) Лѣтописи русск. литературы и древности, изд. Н. Тихонравовымъ, т. IV, 1862, смѣсь, с. 36—8.

до генералъ-майорскаго чина, онъ умеръ губернаторомъ въ Архангельскѣ. Отъ брака его на княжнѣ Солнцевой-Засѣкиной и родился 22 іюня 1733 г. Мих. Мих. Щербатовъ, будущій историкъ и публицистъ. Первое воспитаніе и образованіе онъ получилъ въ родительскомъ домѣ и уже очень рано началъ обязательную въ то время для всякаго дворянина службу, вступивъ именно въ 1746 г. въ гвардейскій Семеновскій полкъ; съ большою вѣроятностью можно предполагать, что на первыхъ порахъ эта служба по установившемуся тогда среди дворянства и терпѣвшемуся правительствомъ обычаю была фиктивною. Въ 1761 г. онъ былъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ, а въ слѣдующемъ году воспользовался манифестомъ о вольности дворянства и вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана, за три мѣсяца до произведеннаго Екатериною переворота. Когда новая императрица созвала Коммисію для составленія проекта новаго уложенія, кн. Щербатовъ принялъ дѣятельное участіе въ составленіи наказа депутату отъ дворянъ московскаго уѣзда, самъ былъ избранъ въ депутаты ярославскимъ дворянствомъ и за время дѣйствій Коммиссіи заявилъ себя однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ ея участниковъ и ораторовъ. Около этого же времени онъ вновь вступилъ на службу: въ 1767 г. онъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, въ слѣдующемъ году назначенъ присутствовать въ коммиссіи и коммерціи, а затѣмъ послѣдовательно занималъ должности герольдмейстера, президента камеръ-коллегіи и сенатора. Не смотря на то, что его личная служба вся прошла такимъ образомъ въ центрѣ государства, ему приходилось имѣть близкія служебныя же отношенія и къ провинціальной администраціи; такъ, въ 1784 г. онъ былъ посланъ изслѣдовать злоупотребленія тогда уже покойнаго гр. Р. Лар. Воронцова по управленію Владимірскимъ намѣстничествомъ и открылъ массу взятокъ и другихъ изъяновъ въ этомъ управленіи. Служба на этихъ, довольно все же видныхъ, мѣстахъ не мѣшала Щербатову испытывать бѣду, аналогичную съ тою, отъ какой страдала масса тогдашняго дворянства. Родъ Щербатовыхъ въ предшествовавшій періодъ не собралъ особенно значительныхъ богатствъ, хотя и не принадлежалъ къ очень бѣднымъ; во всякомъ случаѣ, М. М. Щербатовъ, имѣя большую семью и считая нужнымъ вести жизнь, «совмѣстную съ своимъ состояніемъ», не могъ удовлетвориться ни доходомъ съ наслѣдственныхъ деревень, ни получаемымъ на службѣ жалованьемъ и вошелъ въ большіе долги. Средство, употребленное имъ, чтобы избыть эту бѣду, опять принадлежало къ числу обычныхъ въ томъ періодѣ. Въ 1773 г. онъ обратился съ любопытнымъ письмомъ къ «монархинѣ, соединяющей качества великаго государя съ качествами великаго философа». Сообщая Екатеринѣ, что онъ нажилъ болѣе 40.000 р. долгу, онъ сознавался, что могъ бы уплатить его, «сократя себя и дѣтей своихъ», и прибавлялъ, что, «зная состояніе человѣческое и не бывъ любитель роскоши, не отрекся бы и самое сіе исполнить,

еслибы не опасался, что сіе можетъ воспретить мнѣ дѣтямъ своимъ нужное воспитаніе дать и отвлечи отъ службы»; въ виду послѣдняго соображенія онъ просилъ императрицу «обновить состояніе упадающаго рода» своею милостью. Просьба эта была принята милостиво и, надо полагать, получила благопріятное для ея автора рѣшеніе *).

Но была въ жизни Щербатова и черта, рѣзко отличавшая его отъ громаднаго большинства его современниковъ. Получивъ еще въ юности, повидимому, хорошее образованіе, онъ и въ зрѣлые годы продолжалъ много и усердно заниматься. Онъ составилъ себѣ весьма значительную по размѣрамъ библіотеку, заключавшую до 15.000 томовъ, тщательно слѣдилъ за европейской литературой, внимательно изучая произведенія корифеевъ просвѣтительной философіи, и являлся однимъ изъ наиболѣе образованныхъ и начитанныхъ людей русскаго общества Екатерининскаго времени. Собственныя его занятія литературой пошли въ двухъ направленіяхъ, сосредоточившись на исторіи и публицистикѣ. Начавъ съ занятій временемъ Петра I, онъ перешелъ затѣмъ къ писанію общей русской исторіи. Что касается его публицистическихъ работъ, то первый толчокъ къ нимъ данъ былъ, повидимому, созывомъ и дѣятельностью Коммиссіи для составленія новаго уложенія. Дѣятельность его на поприщѣ публициста, принявшая особенно значительные размѣры съ конца семидесятыхъ годовъ и не прекращавшаяся до самой его смерти, послѣдовавшей въ 1790 г., охватывала весьма широкій кругъ вопросовъ: общія начала государственнаго права и примѣненіе ихъ къ Россіи, положеніе церкви въ государствѣ, взаимныя отношенія сословныхъ группъ и ихъ права передъ властью, вопросы суда и управленія, внѣшняя политика правительства въ рядѣ отдѣльныхъ случаевъ, практика рекрутскихъ наборовъ, народное образованіе, голодовки и правительственныя мѣропріятія къ ихъ прекращенію, мѣры противъ эпидемій—таковы лишь важнѣйшія изъ разнообразныхъ темъ, затронутыхъ въ его сочиненіяхъ. Почти на всякую крупную мѣру правительства Екатерины, почти на всѣ стороны общественной жизни обрушивалась его рѣзкая, нерѣдко даже желчная и придирчивая критика. Свою задачу, какъ публициста, въ разборѣ этихъ вопросовъ онъ формулировалъ при этомъ вполнѣ сознательно и точно. Онъ охотно готовъ былъ признать, что въ укорахъ, съ какими онъ обращался къ современной ему дѣйствительности, есть «нѣкоторое нетерпѣніе и чувствительность, происходящія отъ любви къ отечеству»; съ другой стороны, «нѣтъ ничего легче, какъ молчать», но только въ этомъ молчаніи онъ видѣлъ «слабость, лесть, неучастіе о пользѣ ближняго и подлое подобострастіе»; «а понеже, заключалъ онъ, нѣстъ человѣка, который бы не подвергнутъ пороку былъ, то я и почитаю за лучшее

*) Лѣтописи русск. литературы и древности, IV, 1862, смѣсь, 36—8, тутъ же благопріятный отвѣтъ Козицкаго.

остаться при моемъ порокѣ, нежели забыть отечество, не быть чувствительному къ тягостямъ ближняго, лгать изъ лести и подло раболѣпствовать» *). Такое ясное сознаніе необходимости и законности свободной, хотя бы и страстной, рѣчи не помѣшало, какъ мы уже упоминали, рѣчи кн. Щербатова остаться по меньшей мѣрѣ не черезчуръ громкой. Его публицистическія сочиненія не выходили въ свѣтъ при жизни автора и были извѣстны лишь небольшому кружку его ближайшихъ знакомыхъ и пріятелей; въ печати же они стали появляться лишь съ пятидесятыхъ годовъ нашего столѣтія.

Итакъ, знатное происхожденіе, черезъ московскихъ окольничихъ восходящее къ удѣльному княжескому роду, тѣсная связь съ служилымъ и помѣстнымъ дворянствомъ XVIII вѣка, близкое знакомство съ ходомъ правительственнаго механизма Россіи и съ просвѣтительною литературою Запада,—вотъ, стало быть, наиболѣе общіе и крупные факты жизни писателя. Разсмотрѣніе его сочиненій должно показать намъ, каковы были взаимныя отношенія этихъ фактовъ и какое вліяніе каждый изъ нихъ оказалъ на его душевный складъ, на характеръ его взглядовъ и убѣжденій. Далеко неразсчитывая при этомъ разсмотрѣніи исчерпать весь обильный матеріалъ, представляемый произведеніями Щербатова, мы остановимся только на тѣхъ наиболѣе существенныхъ сторонахъ ихъ, въ которыхъ съ особенною ясностью выражаются общія основы его міросозерцанія, опредѣлившія собою и характеръ его отношенія къ главнѣйшимъ вопросамъ современной ему государственной и общественной жизни Россіи.

Русскіе люди XVIII столѣтія, выйдя изъ душнаго московскаго острога, въ которомъ они вѣка отсиживались отъ насѣдавшихъ съ разныхъ сторонъ непріятелей, на болѣе широкую арену; вступивъ въ живое общеніе съ иными народами, на первыхъ же порахъ этого общенія должны были испытать крутой переворотъ въ одной изъ самыхъ деликатныхъ сферъ жизни, именно, въ области религіознаго чувства. Та формальная религія обряда, въ которую окончательно выродилось православіе въ Москвѣ XVI — XVII вв., религія, при дѣятельной помощи свѣтской власти распространившая свое владычество на всѣ проявленія частной и общественной жизни и наложившая на нихъ рѣзкій отпечатокъ исключительнаго націонализма, въ концѣ концовъ, благодаря своему упорному консерватизму, оказалась препятствіемъ на дорогѣ самого правительства, силою вещей вынужденнаго перейти къ нововведеніямъ, и вызвала противъ себя его дѣйствія, результатомъ которыхъ было полное подчиненіе ему церковной іерархіи. Въ жизни народа эта кратковременная распря сказалась глубокими послѣдствіями: масса народа, отрекшись отъ

*) «Оправданіе моихъ мыслей и часто съ излишнею смѣлостью изглаголанныхъ словъ». Библіогр. Записки, 1859, № 13, с. 394—5.

новшествъ, сохранила въ формѣ раскола прежнюю обрядовую религію, скоро начавшую, однако, при новыхъ обстоятельствахъ измѣнять свое содержаніе и значеніе; въ свою очередь въ умахъ людей, пошедшихъ за нововведеніями, обрядъ утратилъ свое старое обаяніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣло и непосредственное религіозное чувство, не поддержанное сознательною мыслью. При такихъ условіяхъ русское общество встрѣтилось съ западно-европейскими вѣяніями, въ ряду которыхъ во второй половинѣ столѣтія самое видное мѣсто заняла боевая философія, провозглашавшая неограниченное господство разума и направлявшая самые губительные свои удары на средне-вѣковое католичество. Масса общества быстро поддалась этому вліянію и усвоила себѣ уроки западныхъ философовъ, понятые ею въ видѣ проповѣди непосредственнаго и грубаго матеріализма. Отсюда шло то безвѣріе большинства образованнаго общества Екатерининскаго времени, которое вызывало такой ужасъ у благочестивыхъ людей предшествовавшихъ поколѣній и столько разъ впослѣдствіи навлекало рѣзкое осужденіе на эту эпоху. Правда, увлеченіе матеріалистическими взглядами не было вполнѣ сознательнымъ и не оказалось особенно прочнымъ. Во всякомъ случаѣ, на первыхъ порахъ лишь незначительное меньшинство соприкасавшихся съ Западомъ русскихъ людей успѣло разглядѣть въ его жизни и литературѣ иное отношеніе къ религіи и соотвѣтственно этому вынести изъ своихъ наблюденій не отрицаніе ея, а болѣе сознательное, сравнительно съ предшествовавшимъ періодомъ, пониманіе и оцѣнку ея внѣшней формы и внутренней сущности. Щербатовъ въ своихъ взглядахъ примыкалъ именно къ этому меньшинству. Какъ извѣстно изъ его біографіи, онъ принадлежалъ къ масонству, слѣдовательно, былъ связанъ какъ разъ съ такимъ направленіемъ, которое по преимуществу стремилось развить въ русской общественной средѣ духовное пониманіе религіи. Яркаго вліянія масонства не замѣтно въ его сочиненіяхъ, и врядъ-ли даже складъ его ума, слишкомъ трезвый и практическій, позволялъ ему сильно поддаваться такому вліянію, но все же нѣкоторыя мѣста его произведеній, въ которыхъ идетъ рѣчь о религіи, обнаруживаютъ извѣстную близость къ идеямъ, проповѣдывавшимся масонами. Онъ горячо вооружался противъ внѣшняго, чисто обрядоваго пониманія религіи, равно какъ противъ суевѣрія, которое, по его словамъ, «не почтеніе есть Богу и закону, но паче руганіе» *). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отстаивалъ самостоятельное значеніе религіозной морали, доказывая, что и государственные законы «должны быть сходны съ божественными узаконеніями» **). Что касается самаго содержанія религіи, то оно представлялось ему чистымъ деизмомъ, опирающимся исключительно на нравственную природу человѣка, подкрѣ-

*) „О поврежденіи нравовъ", Р. Старина, 1870, II, 36.
**) „Размышленіе о законодательствѣ". Сочиненія, I, 372.

пляемымъ только созерцаніемъ внѣшняго міра и не связаннымъ ни съ какимъ положительнымъ догматическимъ ученіемъ и ни съ какою обрядовой формой. Въ такомъ видѣ, по крайней мѣрѣ, представлялъ онъ религію въ идеальномъ государствѣ — землѣ Офирской, изображенной въ его сочиненіи подъ этимъ заглавіемъ *). Здѣсь же выраженъ взглядъ писателя на атеистическія ученія: въ его воображаемомъ государствѣ атеисты «наказуются, яко безумные; ибо кто не чувствуетъ естества Божія по видимымъ ему тварямъ, тотъ инако, какъ безумнымъ, не счесться не можетъ»; атеистъ поэтому лишается всякихъ должностей и отдается подъ опеку, а если онъ начинаетъ проповѣдывать свое ученіе, то подвергается домашнему заключенію, «дондеже исправится и принесетъ публичное покаяніе въ безуміи своемъ» **). На этомъ пунктѣ русскій вольнодумецъ довольно близко сошелся такимъ образомъ съ знаменитымъ женевскимъ философомъ, тоже не нашедшимъ для атеистовъ мѣста въ своемъ идеальномъ обществѣ. Протестуя противъ исключительнаго господства разума и чрезмѣрнаго простора для «духа новой философіи» въ дѣлахъ религіи, Щербатовъ, однако, аргументировалъ этотъ протестъ не только «правилами вѣры», но и началами «здравой политики». Всего охотнѣе и всего чаще онъ въ своихъ разсужденіяхъ о религіи становился на точку зрѣнія Монтескье, разсматривая ее не столько какъ самостоятельную силу, сколько какъ орудіе, которымъ можетъ пользоваться государство или которое можетъ быть обращено противъ послѣдняго. Не допуская, какъ мы видѣли, полной свободы совѣсти, онъ самую идею вѣротерпимости и возможные предѣлы ея практическаго приложенія разсматривалъ по преимуществу со стороны того вреда или пользы, какіе могутъ получаться отъ нея для государства ***), и въ его предположеніяхъ, какъ мы еще увидимъ, эти предѣлы были гораздо уже тѣхъ, какіе рекомендовались Монтескье. Наши церковные историки склонны объяснять это отношеніе Щербатова и нѣкоторыхъ другихъ писателей его времени къ религіи исключительно вліяніемъ европейской литературы ****). Едва-ли однакоже при такихъ объясненіяхъ не упускается изъ виду, сколько благопріятныхъ для возникновенія подобнаго взгляда условій было подготовлено предшествовавшей

---

*) „Путешествіе въ землю Офирскую“. Соч., I, 799—839.

**) Тамже, 811—2.

***) „Статистика въ разсужденіи Россіи“. Соч., I, 559.

****) П. Знаменскій, Историческіе труды Щербатова и Болтина въ отношеніи къ русской церковной исторіи, Труды Кіевской Духовной Академіи, 1862, т. II, с. 55. Авторъ этой, въ общемъ весьма интересной, статьи не зналъ главныхъ публицистическихъ работъ Щербатова и потому не совсѣмъ точно изобразилъ личное отношеніе его къ религіи, рѣшившись даже утверждать, что взглядъ на нее съ государственной точки зрѣнія „есть единственная точка, которою его религіозныя идеи примыкаютъ къ философіи XVIII вѣка“. Какъ мы видѣли, точекъ соприкосновенія съ послѣдней у Щербатова было гораздо больше.

русской жизнью, въ которой подчиненіе церкви государству было совершившимся фактомъ. Теоріи западно-европейскихъ писателей, и въ частности взгляды Монтескье, въ этомъ случаѣ только помогали русскому публицисту обобщить хорошо знакомые ему факты родной дѣйствительности, причемъ такія обобщенія не вполнѣ и совпадали съ названными взглядами, сохраняя на себѣ нѣкоторую оригинальную окраску.

Гораздо болѣе глубокимъ и серьезнымъ оказалось вліяніе западной литературы на Щербатова въ другомъ основномъ пунктѣ его воззрѣній, именно, во взглядахъ его на сущность государственной организаціи и на взаимныя отношенія различныхъ формъ, принимаемыхъ ею. Въ вопросѣ о происхожденіи человѣческихъ обществъ онъ стоялъ на общей писателямъ прошлаго вѣка точкѣ зрѣнія естественнаго права и вытекающаго изъ него первоначальнаго договора, по которому «люди уступили часть своей свободы и своихъ выгодъ, дабы другими частями безопасно пользоваться» *). Нѣсколько разъ въ различныхъ своихъ сочиненіяхъ возвращаясь къ этому тезису и пользуясь имъ для доказательства нѣкоторыхъ частныхъ положеній, онъ однакоже не выводилъ изъ него всѣхъ логическихъ слѣдствій и въ основу своихъ взглядовъ на государственный строй положилъ не данный тезисъ, а мысль Монтескье о различныхъ типахъ политической организаціи въ зависимости отъ условій, заключающихся въ природѣ страны и въ характерѣ людей. Схема этихъ типовъ и характеристика ихъ отличительныхъ чертъ, за нѣкоторыми исключеніями, цѣликомъ заимствована Щербатовымъ у того же писателя, и его разсужденія по этому поводу представляютъ собою лишь пересказъ положеній французскаго мыслителя, не лишенный, впрочемъ, кое-какихъ любопытныхъ оригинальныхъ чертъ. Слѣдуя Монтескье, онъ различалъ четыре типа или способа правленія: «монаршическое», аристократическое, демократическое или народное и «самовластное или деспотическое», между которыми устанавливалъ затѣмъ извѣстную генетическую связь. Древнѣйшимъ типомъ государства была монархія, возникшая изъ патріархальнаго управленія родоначальника; правленіе «вельможное» образовывалось или путемъ соединенія нѣсколькихъ родовъ, главы которыхъ не хотѣли уступить другъ другу власть, или изъ монархіи вслѣдствіе злоупотребленій монарха и вызваннаго ими возстанія «именитѣйшихъ изъ народа»; наконецъ, народное правленіе, «кажется, не толь отъ естества вещей, коль отъ обстоятельствъ произошло», именно путемъ возстанія народа противъ монарха или вельможъ. Что касается правленія «деспотическаго», то оно, по словамъ автора, въ сущности «не есть родъ правленія, но злоупотребленіе власти» и, не опредѣляя его проис-

*) „Размышленія о законодательствѣ вообще". Соч., I, 421, ср. „Размышленія о смертной казни", тамже, 427.

хожденія, авторъ довольствуется лишь бѣглымъ указаніемъ, что оно «введено мучителями» и можетъ возникнуть, какъ изъ монархіи, такъ и изъ аристократіи *). Ни одно изъ этихъ правленій не можетъ назваться совершеннымъ: у каждаго имѣются свои «полезности и пороки», заключающіеся въ его отличной отъ другихъ организаціи. Монархія возникаетъ изъ власти «отцовъ фамилій». Но отецъ «въ важныхъ дѣлахъ спрашиваетъ совѣту у старѣйшихъ или мудрѣйшихъ своихъ дѣтей». Тѣмъ болѣе, спрашиваетъ авторъ, «не необходимо ли нужно государю имѣть совѣтъ, сочиненный изъ мудрѣйшихъ и болѣе знанія имѣющихъ въ дѣлахъ людей его народа, которые должны ему представлять то, что можетъ служить къ счастію государствъ и отсовѣтывать колико возможно въ вещахъ, предосудительныхъ государству и клонящихся къ самовластію?» Другой признакъ монархіи заключается въ томъ, что она «должна имѣть свои основательные законы и сохранять всѣ установленные». Трудность этого способа правленія порождается тѣмъ обстоятельствомъ, что умѣренныхъ людей можно найти лишь очень рѣдко. «Коль мало, съ грустью восклицаетъ Щербатовъ, таковыхъ монарховъ, которые, имѣя уже вышнюю власть, бывъ склонены честолюбіемъ, разными страстями, а паче симъ адскимъ чудовищемъ, т. е. лестію придворныхъ, не покушаются достигнуть до самовластія. Коль же мало есть и министровъ, которые бы по слѣпой любви къ государю, а болѣе для собственной ихъ корысти, не готовы были ему въ томъ помогать, иль бы могли сопротивляться блистанію злата и достоинствъ! Такъ же мало есть и народовъ, которые бы не хотѣли простерть ихъ привилегіи чрезъ уменьшеніе власти и доходовъ государя» **). Менѣе свѣтлыми уже красками, какъ это ни странно на первый взглядъ, описывалъ Щербатовъ аристократію. Правда, онъ усматривалъ въ аристократическомъ строѣ государства и многія хорошія стороны: «съ перваго взгляду нѣсть ничего прекраснѣе главностей сего правленія; тутъ мудрѣйшіе люди сочиняютъ сенатъ; не по своенравію единаго, но по здравому разсужденію разумнѣйшихъ людей государства дѣла теченіе свое имѣютъ»; «законы тутъ не премѣняются для пользы или своенравія единаго», «лесть не имѣетъ власти», войскомъ командуютъ храбрѣйшіе и искуснѣйшіе полководцы, а не «пронырливѣйшіе придворные», юношество воспитывается въ добродѣтели и благородномъ честолюбіи. Рядомъ съ этими положительными чертами онъ не забывалъ однако указать и оборотную сторону медали, довольно сильно даже оттѣняя ее. «Хотя дѣла и рѣшаются по большинству голосовъ, однако, большее число не всегда лучшее бы-

---

*) „Размышленія о законодательствѣ вообще". Сочиненія, I, 383—4; „Разныя разсужденія о правленіи", тамже, 336—7.

**) „Разныя разсужденія о правленіи", тамже, 337 — 8; „Размышленія о законодательствѣ", тамже, 387.

ваетъ»; споры, неизбѣжные при этомъ правленіи, порождаютъ медленность въ дѣлахъ; отдѣльные вельможи преслѣдуютъ личныя выгоды въ ущербъ государству, «стараются учинить вѣчными въ ихъ домахъ достоинства и богатства, со исключеніемъ другихъ, и утѣсняютъ подлой народъ, который нигдѣ столь не несчастливъ, какъ подъ аристократическимъ правленіемъ»; при данномъ способѣ правленія не легко отмѣнить хорошіе законы, но трудно добиться и уничтоженія законовъ вредныхъ, которые почему-либо приносятъ выгоду отдѣльнымъ членамъ сената; свойственная ему «тихость въ разсужденіяхъ и исполненіи» можетъ стать опасною въ военное время, наконецъ, среди знатнаго юношества аристократія легко развиваетъ неумѣренное честолюбіе, обращающееся во вредъ государству *). Съ еще меньшей симпатіей относился русскій писатель къ демократіи, являющейся на смѣну аристократіи въ результатѣ «мучительствъ вельможъ простому народу». «Демократическое правленіе, по его словамъ, съ перваго взгляду является быть сходственнѣйшее съ естественнымъ закономъ; понеже бывъ всѣ рождены отъ единаго отца, не всѣ ли имѣютъ справедливость требовать сію равность состояній, которая нынѣ является изгнанною изъ сообществъ? Но, разсмотря сіе съ другой страны, нѣсть ничего непостояннѣе сего правленія». При немъ въ государствѣ идетъ постоянная борьба партій, невозможно сохраненіе государственныхъ тайнъ, народъ уклоняется отъ назначенія необходимыхъ податей и, будучи неспособенъ оцѣнить истинныя заслуги, гонитъ людей справедливыхъ и возвышаетъ пронырливыхъ **). Совершенно особое мѣсто въ изображеніи Щербатова занимаетъ «самовластіе» или «деспотичество» не-культурныхъ народовъ, которое онъ, какъ мы уже видѣли, не рѣшается даже причислить къ «родамъ правленія». «Я не знаю, говоритъ онъ, можно ли по справедливости самовластіе именемъ правленія именовать, понеже сіе есть мучительство, въ которомъ нѣтъ иныхъ законовъ и иныхъ правилъ окромя безумныхъ своенравій деспота. Вмѣсто что въ монархіи государь есть для народа, въ самовластномъ правленіи народъ является быть сдѣланъ для государя. Тщетно естество истощитъ свои сокровища для произведенія деспота, одареннаго всѣми возможными добродѣтельми, въ семъ родѣ правленія, однако, онъ весьма мало блага народу сдѣлаетъ, если не испровергнетъ самовластія: вмѣсто что несчастіе и злоключеніе народа почти вездѣ послѣдуютъ поступкамъ такого государя. Воюетъ ли онъ, миръ ли заключаетъ, никогда ни въ чемъ о пользахъ народа не старается, но болѣе имѣетъ въ предметѣ честолюбіе иль своенравіе государя; сочиняетъ ли благіе законы, народъ не имѣетъ причины радоваться, понеже въ его самоизволеніи состоитъ ихъ отвергнуть иль,

---

*) „Разныя разсужденія о правленіи", Соч. I, 338—41.
**) Тамже, 341—3.

поставя ихъ, пребывать, нарушать ихъ, когда ему угодно, ради всѣхъ тѣхъ, для кого онъ восхочетъ. И дѣйствительно, какіе законы могутъ быть полезны для такого народа, который, я уже не упоминаю о дарованіяхъ счастія, но и самую жизнь имѣетъ токмо тогда, пока угодно деспоту дозволить ему оной пользоваться—навсегда лишенъ величайшаго дара природы, то есть, вольности? Возможетъ ли что ужаснѣе быть, какъ видѣть милліоны людей, сравненныхъ съ скотами, которые работаютъ лишь для единаго и для его визиря и фаворита, которой, бывъ рожденъ въ неволѣ, достигъ до милости государя лишь чрезъ мерзкую лесть и подлость—требуетъ, чтобы другіе ему подобное же почтеніе воздавали и дѣлали бы для него то же, что онъ для сохраненія своего случая дѣлаетъ?» При такихъ условіяхъ льстецы, невѣжественные придворные и взяточники «пресѣкаютъ дорогу» добродѣтельнымъ людямъ, знающимъ воинамъ и справедливымъ судьямъ. «Такимъ образомъ подъ симъ правленіемъ народъ стонетъ въ неволѣ, воинъ болѣе старается угодить, нежель дѣлать свою должность, судья продаетъ правосудіе для удовольствованія сребролюбія временщика, духовнаго чину человѣкъ безъ твердости, вмѣсто наставленій, лишь панегирики сочиняетъ, торговля ослабѣваетъ, науки, сіи украшенія разума, не имѣя вольности мыслить, бѣгутъ сихъ мѣстъ искать благорастворeннѣйшихъ воздуховъ» *). «Правленіемъ деспотичество назвать не можно, писалъ онъ въ другой разъ, ни въ родъ оныхъ помѣстить, ибо оно не что иное есть, какъ злоупотребленіе монаршической власти: потому что монархія должна имѣть свои основательные законы и сохранять всѣ установленные, а самовластіе, послѣдуя единому своему хотѣнію, по волѣ своей всѣ законы разрушаетъ. Монархія по установленному закону хранитъ жизнь, честь и спокойствіе своихъ гражданъ, а самовластіе ни на что на сіе не взираетъ, льетъ токи кровавые лучшихъ своихъ подданныхъ, чести ихъ не сохраняетъ, не взираетъ на нѣжность сердецъ, имѣніе по хотѣнію своему отнимаетъ и возмущаетъ во всѣхъ частяхъ жизнь и спокойствіе каждаго гражданина; ибо, въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли тутъ кто спокоенъ быть, гдѣ никого поставленны законы не защищаютъ? И я приравниваю живущихъ подъ самовластіемъ людей тѣмъ мореходцамъ, которые въ жестокую бурю лишилися кормила, мачты и парусовъ своего корабля и коихъ робкіе служители съ тяжелыми вещами кинули въ море компасъ и всѣ другія для примѣчанія содѣланныя орудія. Плыветъ еще корабль, но при дыханіи бурныхъ вѣтровъ ни управиться не можетъ, ни знать мелей и камней, ни мѣста своего теченія. Спокойны-ли на немъ сидящіе? Иногда достигаетъ счастливаго пристанища, но то не правило, а нечаянность его доведетъ». «Нѣсть въ самовластіи, продолжаетъ авторъ свою характеристику, награжденіе за заслуги, а напротивъ того само-

*) Тамъ же, 343—5.

властитель завидуетъ блистанію оныхъ... Раздача чиновъ не съ лучшимъ разборомъ чинится: Калигула лошадь свою консулемъ сдѣлалъ. А можетъ быть и много людей, не лучше лошади стоящихъ, самовластители въ вышніе чины произвели. Добродѣтели, достоинства тамъ утѣсняются, ибо каждый самовластитель въ добродѣтельномъ и исполненномъ достоинствъ человѣкѣ мнитъ зрить явнаго себѣ укорителя; наконецъ, разумъ затушается, ибо вредно самовластію, чтобъ кто вникалъ во взаимственныя правы, сочиняющія основаніе обществъ, и умными бы очами воззрилъ на состояніе свое. Таково есть деспотичество, таковы суть его вредныя слѣдствія. А потому я и заключаю, что въ просвѣщенномъ народѣ оно быть не можетъ. А ежели оно и случится, не можетъ быть продолжительно. Хотя, можетъ статься, какія постороннія обстоятельства и учиняютъ его продолжаться нѣсколько болѣ, нежели бъ надлежало, но сіе токмо ему жесточайшій конецъ приготовляетъ. Ибо, въ самомъ дѣлѣ, если всякій разсмотритъ обязательства свои къ Божіему закону, къ отечеству, къ самому себѣ, къ семьѣ и ближнимъ своимъ, то узритъ, что долгъ и благосостояніе его влечетъ его низвергнуть сего кумира, никогда твердыхъ ногъ не имѣющаго» *).

Щербатовъ усвоилъ себѣ и общую мысль Монтескье объ особомъ нравственномъ началѣ, свойственномъ каждому типу государственной организаціи, но въ проведеніи имъ этой мысли можно наблюдать любопытныя отступленія отъ установленной французскимъ мыслителемъ схемы. «Самовластіе» у русскаго публициста сохраняетъ принципъ, приданный ему авторомъ «Духа законовъ», принципъ монархіи подвергается уже нѣкоторому измѣненію и получаетъ болѣе грубую формулировку, что же касается аристократіи и демократіи, то по отношенію къ нимъ мысль Щербатова очень сильно эмансипируется отъ вліянія Монтескье. «Монархія, говоритъ онъ, требуетъ честолюбія, ибо единое насъ честолюбіе къ престолу царскому привязуетъ и побуждаетъ человѣку предъ человѣкомъ дѣлать низкости; въ вельможномъ правленіи требуется особливая добродѣтель, ибо кто хочетъ между равными себѣ имѣть преимущество, тотъ долженъ добродѣтелью своею принудить ихъ ему оное уступить... Въ народномъ же правленіи не столь должно имѣть добродѣтелей, сколь блистательныхъ качествъ и пронырства, каковы были: Периклесъ, Цесарь и Кромвель» **). Въ этомъ нѣсколько наивномъ подмѣнѣ высшей доблести, усматриваемой французскимъ теоретикомъ въ демократіи, «пронырствомъ» и умѣренности ари-

---

*) „Размышленія о законодательствѣ вообще". Соч. I, 387—9.

**) Тамже, 386—7; ср. „Разныя разсужденія о правленіи": „въ монархіи люди честолюбивы, въ аристократіи горды и тверды, въ демократіи смутнолюбивы и увертчивы, въ самовластномъ же правленіи подлы и низки", тамже, 346.

стократіи добродѣтелью, подмѣнѣ, сопровождаемомъ не менѣе наивными доказательствами въ видѣ приведенныхъ историческихъ примѣровъ, одновременно, кажется, сказались и инстинктивныя симпатіи и антипатіи родословнаго русскаго публициста и нѣкоторая неподготовленность его къ пониманію сложной аргументаціи и глубокой мысли западнаго политика. Изящныя и мѣткія опредѣленія послѣдняго подъ перомъ его русскаго послѣдователя и перелагателя перерождались поэтому порою въ поспѣшныя и довольно топорныя обобщенія.

Нѣчто подобное имѣло мѣсто и въ пониманіи Щербатовымъ другого, болѣе крупнаго вопроса въ теоріи Монтескье. Щербатовъ указываетъ, что въ дѣйствительности три главные характеризованные имъ типы правленія существовали и существуютъ не въ чистомъ видѣ, но въ смѣшанныхъ формахъ. Такъ было въ древней исторіи, то же явленіе повторяется и въ новое время. Такъ, во Франціи «нынѣ токмо нѣкоторыя изъ ея провинцій сохранили право собранія чиновъ, прочее же управляется парламентами, гдѣ присутствіе перовъ, судей и стряпчихъ, — послѣднихъ большая часть изъ мѣщанъ,—купно монаршическое, вельможное и народное правленіе представляетъ. Но нигдѣ толь не цвѣтетъ народная вольность подъ тѣнью монаршическія власти, какъ въ Англіи; тамъ вышнюю власть, ограниченную законами, имѣетъ король; верхняя камора парламента вельможную власть представляетъ; а нижняя камора, единая могущая накладывать налоги, представляетъ власть народную; и всѣ сіи три власти въ безпрестанныхъ преніяхъ между собою по раздѣльнымъ ихъ приватнымъ пользамъ, связаны непреоборимыми узами, равными стопами къ благу общему шествуютъ» *). Ниже мы будемъ имѣть случай убѣдиться, что того, какъ бы сочувственнаго, отношенія къ англійскому устройству, которое сквозитъ въ приведенномъ мѣстѣ, Щербатовъ на самомъ дѣлѣ не выдерживаетъ до конца. Пока же остановимся только на его пониманіи теоріи раздѣленія властей, довольно точно формулированной имъ въ словахъ этого отрывка, касающихся Англіи. Онъ говоритъ объ этой теоріи и въ другихъ мѣстахъ своихъ произведеній, пользуясь ею и въ болѣе чистомъ ея видѣ, классифицируя въ отдѣльныхъ случаяхъ государства на основаніи представляемыхъ ею признаковъ и опредѣляя такія страны, въ которыхъ законодательная и исполнительная власть слиты въ одномъ лицѣ, какъ подчиненныя «самовластному» правленію **). Въ цѣляхъ болѣе тщательной оцѣнки его отношенія къ теоріи Монтескье небезъинтересно, однако, остановиться еще на положительныхъ совѣтахъ, преподаваемыхъ имъ для организаціи дѣла законодательства. По его мнѣнію, ни одинъ человѣкъ, будь то государь, вельможа или частный человѣкъ,

*) „Размышленія о законодательствѣ", тамже, 385—6.
**) Статистика въ разсужденіи Россіи. Соч., I, 594.

при всемъ возможномъ въ немъ просвѣщеніи и усердіи, не способенъ собственными силами «сочинить всенародное законодательство», вслѣдствіе легкости ошибокъ и гибельнаго вліянія страстей; «страсти, колеблющія людей, малыя собранія, чинимыя для законодательства, также неспособны къ оному чинять»; большія же собранія «наполнены суть смутностію, невѣжествомъ и пристрастіями». Съ нескрываемою горечью вспоминалъ онъ при этомъ случаѣ объ Екатерининской Коммиссіи: «тамъ нѣкоторые козаки и крестьяне предложеніями своими почти и воздухъ дышущій у дворянъ и купцовъ хотѣли отнять; тамъ купцы старались распространить свои права съ ущербомъ правъ дворянъ и земледѣльцовъ; дворяне хотя и умѣрены были, ибо въ два года пребыванія сей коммиссіи почти токмо о общихъ правахъ говорено было, но и тѣ однако нѣкоторую захватчивость надъ правами другихъ оказали». Въ Коммиссіи были однако и хорошія стороны: «подаваніе голосовъ, по большей части вздорныхъ, къ законодательству не служило», а проекты составлялись частными коммиссіями, руководившимися депутатскими наказами и губернаторскими объясненіями о состояніи губерній, и хотя и въ наказахъ были «предубѣжденія», «но сія была грязь, изъ которой можно было много золота получить». Свое общее заключеніе онъ формулируетъ въ требованіи, «чтобъ законы сочинялись немногими честными, разумными, исполненными свѣдѣнія, трудолюбивыми и искусившимися въ дѣлахъ и, наконецъ, равными силою и кредитомъ при дворѣ людьми и чтобъ цѣлое государство снабжевало вещами къ сочиненію законовъ и каждый бы гражданинъ, по силѣ и могуществу своему, могъ полезный совѣтъ дать: ибо всѣ подъ закономъ должны жить, всѣ и участіе въ немъ должны имѣть». Исходя изъ этихъ требованій, Щербатовъ предлагалъ учредить для выработки законопроектовъ особую коммиссію, раздѣленную на 4 департамента, и рисовалъ для нея слѣдующій планъ дѣйствій. Первый департаментъ составлялъ бы выписки изъ законовъ, наказовъ и разныхъ представленій отъ губернаторовъ и представлялъ ихъ во второй департаментъ. Послѣдній — и въ этомъ начало дѣйствій коммиссіи—составляетъ «систему и планъ законовъ, росписанный по главамъ», и обнародываетъ его «съ прошеніемъ каждому гражданину, дабы, если что къ лучшему усмотритъ, мнѣнія свои присылалъ» въ опредѣленный срокъ въ третій департаментъ, и тотъ дѣлаетъ изъ нихъ выписки; чтобы и бѣдные люди могли участвовать въ законодательствѣ, эти «мнѣнія» освобождаются на почтѣ отъ платежа за пересылку. Тѣмъ временемъ второй департаментъ составляетъ подробный планъ первой главы и, не обнародывая его, отдаетъ въ другіе департаменты, а первый изготовляетъ согласно этому плану выписки изъ своего матеріала къ отдѣльнымъ статьямъ. По изготовленіи этихъ выписокъ и собраніи мнѣній гражданъ по поводу плана, второй департаментъ сочиняетъ первую, а затѣмъ такимъ

же порядкомъ и другія главы и постепенно обнародываетъ ихъ съ указаніемъ мотивовъ каждой статьи и съ назначеніемъ срока для представленія мнѣній. Эти мнѣнія и проектъ второго департамента вносятся затѣмъ въ четвертый, который изготовляетъ окончательный проектъ и передаетъ его, однако вмѣстѣ съ проектомъ второго департамента, на разсмотрѣніе «вышняго правительства», рѣшающаго законодательный вопросъ въ послѣдней инстанціи *). При всей неприкрытости мотивовъ отвращенія Щербатова къ законодательнымъ собраніямъ представляется мало вѣроятнымъ, чтобы онъ вполнѣ ясно оцѣнивалъ смыслъ этой замѣны политической организаціи неуклюжей бюрократической машиной, имъ проектированной. Съ гораздо большимъ вѣроятіемъ можно, кажется, допустить, что онъ не давалъ себѣ точнаго отчета въ томъ, въ чьи руки попадетъ ея приводный ремень, и что въ его утвержденіяхъ, будто «каждому ощутительно, что такое учрежденіе для составленія законовъ есть наилучшее» и «каждый гражданинъ возлюбитъ такое законодательство, яко труды рукъ своихъ, и не только блаженствомъ, которое мнитъ отъ него себѣ получить, и опасностію за преступленіе наказанъ быть, но и яко отчасти къ дѣянію своему прилѣпится и будетъ точно наблюдатель онаго»,—что въ этихъ утвержденіяхъ заключалась не малая доля наивнаго и искренняго самодовольства. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что этотъ основной пунктъ теоріи Монтескье не занялъ въ воззрѣніяхъ русскаго публициста того мѣста, на какое онъ имѣлъ всѣ права, и остался не вполнѣ понятымъ и плохо разработаннымъ. Причины такого факта приходится едва-ли не въ равной мѣрѣ искать въ условіяхъ соціальной обстановки писателя и въ его идейной подготовкѣ. Матеріалъ, представляемый русской государственной жизнью той эпохи, былъ слишкомъ простъ въ сравненіи съ тѣми сложными построеніями политической мысли, какія встрѣчалъ теоретикъ этой жизни въ западной литературѣ, и это обстоятельство должно было служить немаловажнымъ препятствіемъ для него въ дѣлѣ усвоенія и оцѣнки данныхъ построеній. Тѣмъ серьезнѣе становилось это препятствіе при условіи подчиненія писателя исключительнымъ интересамъ узкой общественной среды, хотя бы такое подчиненіе было не всегда вполнѣ сознательнымъ и порою даже инстинктивнымъ. Нѣкоторыя разъясненія этой стороны дѣла можетъ доставить намъ знакомство съ основными воззрѣніями Щербатова на сущность соціальныхъ отношеній.

Опредѣленіе нормальныхъ отношеній между различными общественными классами представило собою именно ту область, въ которой взгляды Щербатова наиболѣе далеко разошлись съ положеніями и выводами просвѣтительной философіи. Онъ рѣшительно и какъ

*) „Размышленія о законодательствѣ". Соч. I, 366—7, 360—2, 367—370.

нельзя болѣе энергично отвергалъ «химеру равности состояній новыхъ философовъ», аппелируя отъ нихъ къ Лейбницу, который «во изысканіи естественныхъ вещей и самаго единаго роду не нашелъ ни одной подобной другой». Существованіе «безконечной разности въ наружныхъ чертахъ тварей» приводило Щербатова къ «почти неспоримой истинѣ, что нѣсть ни единаго человѣка совершенно подобнаго другому во внутреннихъ своихъ расположеніяхъ, а гдѣ нѣсть таковаго подобія, тутъ нѣтъ и равности; кажется, заключалъ онъ, сама природа, предупреждая наши суемудрія и располагая порядокъ общежитія человѣческаго, разными дарованіями разныхъ людей снабдила, яко мудро распредѣляя единыхъ быть правителями и начальниками, другихъ добрыми исполнителями, а наконецъ третьимъ слѣпыми дѣйствующими лицами». Воззрѣнія Лейбница не легли однако въ основу взглядовъ Щербатова на человѣческую природу и не оказали на него очень серьезнаго вліянія. Напротивъ, исходной точкой, отъ какой онъ отправлялся въ своихъ доказательствахъ только что приведенной мысли, явилось положеніе сенсуализма, согласно которому «всѣ свѣдѣнія наши мы чрезъ чувства получаемъ, ибо въ самомъ дѣлѣ, чего мы не видали, не слыхали, не обоняли, не вкушали и не осязали, о томъ и понятія имѣть не можемъ». *) На этомъ простомъ основаніи онъ воздвигаетъ цѣлую систему аргументовъ, не отличающихся, впрочемъ, чрезмѣрною серьезностью и не особенно опасныхъ для «химеры новыхъ философовъ». Онъ готовъ былъ, правда, согласиться, что всѣ люди «отъ единаго нашего праотца Адама и потомъ отъ Ноя произошли и потому всѣ суть братья и всѣ суть равно благородные», но это первоначальное равенство не могло, по его мнѣнію, сохраниться уже и въ естественномъ состояніи. Неравенство дарованныхъ отдѣльнымъ людямъ отъ природы способностей и естественное почтеніе къ людямъ болѣе зрѣлаго возраста, въ особенности же къ старшимъ родственникамъ, скоро должны были разрушить это равенство и положить различія между людьми. Старѣйшины родовъ «первые получили начальство надъ равными себѣ, обязали тѣхъ не силою, но учиненными имъ услугами и привлекли къ себѣ почтеніе»; нѣкоторые грубые народы объявили за то «сихъ своихъ благодѣтелей» богами, а ближайшихъ ихъ потомковъ «сынами боговъ», «и сіе есть начало благородства». Разъ установившееся неравенство переходитъ и на слѣдующія поколѣнія, такъ какъ «родившійся человѣкъ отъ благородныхъ родителей» почерпаетъ свои впечатлѣнія, помимо лучшаго образованія, въ разсказахъ родителей о старыхъ подвигахъ, въ бесѣдахъ ихъ о состояніи отечества, въ нравственныхъ наставленіяхъ родственниковъ и все это влагаетъ въ его сердце и разумъ «тѣ благія сѣмена, кои должны произвести плодъ полезный отечеству во время

---

*) „Размышленія о дворянствѣ". Соч., I, 221—2, 225.

свое». «Каждому, думаю, ощутительно, говоритъ писатель, что всѣхъ вышеписанныхъ преимуществъ и удобностей низкорожденный имѣть не можетъ, а потому и заключаю, что благородство должно быть потомственно». Съ этимъ выводомъ должно сообразоваться правительственное искусство и потому неразумно, по мнѣнію автора, «тщаніе многихъ дворовъ уменьшить почтеніе ко благородству», вытекающее изъ «суемудрія нынѣшняго вѣка». Государство легче всего можетъ пользоваться услугами гражданъ, возбуждая въ нихъ честолюбіе: у благороднаго оно легко возбуждается воспоминаніемъ о дѣяніяхъ предковъ, у низкорожденнаго же оно скорѣе получитъ «завидливый» характеръ; послѣдняго можетъ и не быть, низкорожденный,—говоритъ авторъ, не замѣчая, какъ онъ разрушаетъ этимъ свое на неподходящемъ фундаментѣ выстроенное зданіе,—можетъ пойти «добродѣтельными стезями» и сравняться съ благородными, но это труднѣе достижимо, а государство должно «легчайшими способами стараться себя управлять»*).

Послѣдній общій тезисъ—о преимуществѣ дворянъ для государства и вытекающей отсюда обязанности послѣдняго поддерживать это сословіе, Щербатовъ развиваетъ затѣмъ въ рядѣ частныхъ положеній, доказывая, все тѣмъ же аргументомъ, заключающимся въ указаніи на развитіи въ дворянствѣ съ малолѣтства благородныхъ чувствъ, большую пригодность дворянъ ко всѣмъ родамъ государственной службы сравнительно съ лицами другихъ сословій. Въ дѣлѣ составленія законовъ и отправленія правосудія, ученые юристы и юристы-практики должны уступить первое мѣсто дворянамъ. Наука юристовъ заслуживаетъ уваженія, но роль ихъ самихъ должна ограничиться совѣтами тѣмъ, кто «отъ родителей и отъ родственниковъ въ юности лѣтъ своихъ наслушался о нуждахъ государства, почерпнулъ знаніе отъ нихъ законовъ» и, слѣдовательно, можетъ примѣнить общія положенія науки къ спеціальнымъ обстоятельствамъ своей родины. Юристы-практики могутъ съ дѣтства изучать «приказныя дѣла, уложенія и законы», но у нихъ все же не имѣется благороднаго честолюбія, которое предохраняетъ отъ увлеченія корыстью и которое дворянству «толь сродно, какъ горячность огню и мокрота водѣ», а потому «сіи люди да употребятся къ напамятованію законовъ благороднымъ, дондеже повторяемыми опытами докажутъ, что недостатокъ воспитанія и науки награждается въ нихъ добрымъ расположеніемъ ихъ сердца и прилежностью». Дипломатія требуетъ соединенія пріятности обхожденія и веселости нрава съ наукой, обыкновенно уничтожающей эти качества; такое соединеніе возможно только для дворянина, у котораго «кабинетной работѣ» остается только «прибавить нѣчто ко влiянному съ младенчества въ него знанію и въ порядокъ нѣкоторый расположить». Не будемъ далѣе слѣдить за этой однообразной аргументаціей, противъ которой, вѣроят-

*) Тамже, 224—8.

но, нашли бы многое возразить современные Щербатову педагоги учебныхъ заведеній, въ которыхъ получало свое образованіе благородное россійское шляхетство. Отмѣтимъ только частныя соображенія, являющіяся у автора, когда онъ говоритъ о большей пригодности дворянъ по сравненію съ иными сословіями къ военной службѣ, на сушѣ и на морѣ. Здѣсь Щербатовъ настаиваетъ между прочимъ на томъ взглядѣ, который мы указали уже и выше, что отличіе сословій не внутренняго, а внѣшняго происхожденія. «Не лишенъ отъ природы ни единый человѣкъ способовъ пріобрѣсти всѣ нужныя знанія и можетъ статься, что между пахарей мы многихъ бы Александровъ и Цесарей нашли, но они, родясь съ сохой, съ сохой и умираютъ, никогда не подозрѣвая такія дарованія имѣть»; государство же должно искать удобныхъ для его службы людей лишь тамъ, гдѣ съ большей вѣроятностью можетъ разсчитывать найти ихъ. Два ряда аргументовъ оставались въ сущности такъ плохо связанными, что одинъ изъ нихъ безъ всякаго неудобства могъ быть направленъ противъ другого. Въ другомъ случаѣ аргументація автора, встрѣтившись съ необъясняемымъ ею фактомъ, переходитъ въ прямое морализированіе. Заговоривъ о преимуществѣ англійскаго флота, въ числѣ начальниковъ котораго было много лицъ не дворянскаго класса, надъ французскимъ, офицерскій составъ котораго пополнялся исключительно дворянами, русскій писатель объясняетъ его дѣйствіемъ корысти, заключающейся въ надеждѣ захватить вражескій корабль: англичане «съ упорствомъ сражаются, а не съ благородною храбростью», «но какъ все оное основано толико на единой тщетной превозносливости и на корыстолюбіи, въ случаѣ несчастія помочи себѣ не обрѣтетъ, ибо единая благородная храбрость не возгоржается побѣдою, корыстью не ослѣпляется и побѣжденна не упадаетъ». Нынѣшній читатель могъ бы развѣ замѣтить по этому поводу, что мораль автора такъ же мало оправдана исторіей, какъ его психологія—практикой современной ему школы. Наконецъ, дворянство, оказывающееся наиболѣе способнымъ и къ земледѣлію, и къ наукамъ, и къ «благонравію», полезно государству уже самымъ своимъ богатствомъ и пышною жизнью: дворянинъ или проживаетъ свой доходъ, или отдаетъ деньги въ ростъ; «первымъ онъ побуждаетъ искусства, ремесла и торговлю, а вторымъ съ прибылью себѣ другихъ нужды удовлетворяетъ»; наоборотъ, роскошно живущій купецъ вынимаетъ деньги изъ торговли и тѣмъ сокращаетъ ее*).

Итакъ, дворянство въ силу всѣхъ указанныхъ соображеній должно занимать первое мѣсто въ государствѣ, совершенно отличающее его отъ другихъ сословій. Точное опредѣленіе этого мѣста, по мнѣнію Щербатова, могло быть сдѣлано лишь «съ глубочайшимъ познаніемъ градомудрія и закономудрія». Имѣвшіеся на лицо образцы положенія сословія въ различныхъ европейскихъ странахъ мало

*) Тамже, 230—54.

удовлетворяли его и причины такой неудовлетворенности въ свою очередь не лишены интереса. Въ Польшѣ русскій публицистъ находилъ неумѣренныя преимущества дворянъ, которыя «ослабили самые законы, въ ничто привели власть королевскую, утѣснили низкій народъ подъ жестокимъ игомъ тѣхъ, кои бы должны быть его защитники, и наконецъ въ самую слабость и безсиліе отечество привели». Въ Германіи установлено такое различіе «въ степеняхъ самаго благородства», что въ результатѣ знатное дворянство, «если не физическимъ, то моральнымъ образомъ» притѣсняетъ не только низшіе слои народа, но и простыхъ дворянъ. Венеціанскіе нобили «суть въ самомъ дѣлѣ невольники по строгости законовъ внутри ихъ града, и тираны—въ покоренныхъ имъ областяхъ, какъ того дворянства, такъ и простого народа». Въ Англіи, гдѣ «состояніе благородныхъ толь смѣшано съ другими состояніями, что почти нечувствительная черта ихъ раздѣляетъ», еслибы не мудрые законы, устанавливающіе раздѣленіе властей, «то бы легко могло воспослѣдовать, чтобъ огорчительные ихъ споры въ парламентѣ токами крови упоились». «Но однако и при всѣхъ сихъ мудрыхъ узаконеніяхъ не зримъ мы въ Аглинскомъ народѣ сего безпристрастія, некорыстолюбія и благородства, которыя отличаютъ тѣ народы, кои умѣренно возвысили свое дворянство; но члены ихъ парламента по большей части подкуплены, избраніе не достойныхъ, но по страстямъ дѣлается; вожди ихъ не толь славы и благополучія государству ищутъ, какъ прибытку, народъ обще отягощенъ толико податьми, что почти самый воздухъ покупать долженъ». Наконецъ, въ Нидерландахъ «мѣщанство надъ благородными преимущество имѣетъ» и внутренніе раздоры, возмущенія, потеря части государственной территоріи «и стыдное покорство чужимъ державамъ суть плоды порочнаго ихъ установленія и необузданія народной власти».*) Врядъ ли случайно въ этомъ перечнѣ оказывается пропущенной Франція. Если припомнить, что для «умѣреннаго возвышенія» дворянства авторъ считалъ нужнымъ открыть исключительно ему одному доступъ къ высшимъ мѣстамъ въ государственной службѣ, освободить его отъ уплаты податей **) и снабдить особыми личными правами, которыя, отдѣляя его отъ остальныхъ классовъ общества, вмѣстѣ не создавали бы антагонизма между нимъ и верховною властью, то не будетъ, кажется, чрезмѣрною смѣлостью предположить, что въ его глазахъ наиболѣе близкимъ къ идеалу образцомъ рисовалось именно положеніе дворянства старой Франціи.

Остановимся здѣсь и соберемъ сдѣланныя нами до сихъ поръ

---

*) Тамже, 254—6.

**) Тамже, 246—7; по мнѣнію автора, налоги на дворянство вызваны лишь чрезмѣрною корыстью: „духъ корыстолюбія, вселившійся отъ нѣкоего времени во всѣ правительства свѣта, учинилъ, что главные правители государствъ за честь себѣ считаютъ, если могутъ нѣсколькими цифрами умножить сумму доходовъ государевыхъ“.

наблюденія. Деизмъ въ сферѣ религіи, не особенно горячо, впрочемъ, проповѣдывавшійся, преимущественно политическая точка зрѣнія на религію и на вопросы свободы совѣсти, предпочтеніе всѣмъ видамъ правленія монархіи, имѣющей основные законы и совѣтъ «именитѣйшихъ людей» при государѣ, основывающей дѣйствія власти на законѣ и допускающей критику послѣдняго подданными, по крайней мѣрѣ, въ моментъ его составленія, наконецъ выдѣленіе изъ ряда общественныхъ классовъ дворянства во имя присущихъ ему по самымъ условіямъ его жизни нравственныхъ качествъ, выдѣленіе, сопровождаемое требованіями привилегированнаго положенія для этого сословія и отграниченія его отъ прочихъ высокою стѣною, скачки черезъ которую были-бы возможны только для отдѣльныхъ лицъ и охрана которой поручалась бы вниманію и заботамъ государства,— таковы основныя положенія, къ которымъ пришелъ Щербатовъ при помощи западной философской и политической литературы, правда, не всегда вполнѣ имъ усвоенной и порою получавшей подъ его перомъ оригинальное и не соотвѣтствовавшее сущности ея идей толкованіе. Дѣло въ томъ, что въ выработкѣ этихъ положеній участвовало и вліяніе фактовъ дѣйствительной жизни, и самый характеръ отношенія Щербатова къ западной литературѣ въ значительной степени зависѣлъ отъ того, что въ разборѣ представленныхъ ею теорій онъ стоялъ на точкѣ зрѣнія, въ немалой мѣрѣ уже предопредѣленной условіями его соціальной среды. Рѣзче всего сказавшись въ его взглядахъ на сословный строй, такое вліяніе, хотя и съ меньшею силой, проявлялось и въ другихъ сторонахъ его воззрѣній. Въ свою очередь послѣднія должны были послужить для него исходными пунктами критики, обращенной на окружавшую его дѣйствительность. Мы видѣли уже, что взялъ русскій публицистъ у европейской мысли; теперь намъ предстоитъ обратиться къ тому, на какихъ явленіяхъ русской жизни сосредоточилось его вниманіе и какія поправки онъ хотѣлъ внести въ нихъ, руководясь своими теоретическими взглядами.

II.

Поводы, которые вызывали публицистическую дѣятельность Щербатова, побуждая его къ критикѣ тѣхъ или иныхъ сторонъ жизни, были почти такъ же разнообразны, какъ и самыя темы его произведеній. Иногда онъ находилъ такой поводъ въ своихъ служебныхъ обязанностяхъ и въ такомъ случаѣ его соображенія принимали характеръ проекта, представлявшагося авторомъ непосредственно императрицѣ и носившаго характеръ скорѣе докладной записки, нежели публицистическаго трактата; иногда подобные проекты подавались имъ и внѣ его прямой служебной сферы, на что онъ одно время, по крайней мѣрѣ, имѣлъ, повидимому, и разрѣшеніе

отъ Екатерины *); таковы, напримѣръ, его «Проектъ о народномъ изученіи», касавшійся предмета, наблюденіе за которымъ входило въ кругъ его обязанностей, какъ герольдмейстера, и «Проектъ о причинѣ язвы»; особое мѣсто въ ряду обращенныхъ къ правительству произведеній Щербатова занимаютъ его мнѣнія, предлагавшіяся на разсмотрѣніе коммиссіи для составленія новаго уложенія. Въ другихъ, и гораздо болѣе частыхъ, случаяхъ поводомъ къ написанію того или другаго сочиненія являлся изданный правительствомъ законодательный актъ, важный по своему значенію и затрогивавшій близкіе публицисту интересы; экстренные случаи, вродѣ голода, разразившагося въ Россіи въ 1787 г., или неудачнаго начала второй турецкой войны, также побуждали его время отъ времени браться за перо и, обсуждая спеціальныя мѣры по данному случаю, касаться вмѣстѣ съ тѣмъ и общихъ условій дѣятельности государства и общества. Порою его вниманіе особенно привлекали отдѣльныя стороны этой дѣятельности и онъ бралъ на себя разсмотрѣніе вопроса объ ихъ причинахъ и происхожденіи, причемъ публицистическій трактатъ на половину обращался въ историческое изслѣдованіе; таково хотя-бы наиболѣе извѣстное произведеніе его «О поврежденіи нравовъ въ Россіи». Но при всемъ разнообразіи поводовъ и темъ произведеній, равно какъ способовъ ихъ обработки, при не особенно даже рѣдкомъ противорѣчіи въ частныхъ положеніяхъ, случаи котораго мы уже видѣли у Щербатова и будемъ еще имѣть возможность наблюдать, основныя его мысли вездѣ остаются однѣми и тѣми же; причемъ авторъ упорно и настойчиво возвращается къ нимъ даже отъ такихъ темъ, съ которыми, казалось бы, онѣ имѣютъ очень мало общаго. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы и будемъ слѣдить только за этими основными мыслями, минуя тѣ частные поводы, по которымъ онѣ высказывались авторомъ. Поступить такимъ образомъ намъ представляется тѣмъ болѣе удобнымъ, что въ нашу задачу общей характеристики писателя не входитъ обстоятельное изложеніе всѣхъ моментовъ его литературной дѣятельности.

Одною изъ важныхъ областей народной жизни, сосредоточивавшихъ на себѣ вниманіе русскаго правительства и общества въ XVIII вѣкѣ, были вопросы церковнаго устройства и религіозной политики государства. Церковный расколъ предъидущаго столѣтія прибавилъ къ значительному и безъ того количеству иновѣрцевъ, жившихъ въ предѣлахъ государства, массы народа, ушедшія изъ подъ власти православной іерархіи, усвоившія себѣ иные сравнительно съ господствовавшей церковью обряды и подчасъ вырабатывавшія новые догматы. На первыхъ порахъ отношеніе къ этимъ

*) „Проектъ о причинѣ язвы» начинается словами: «бывъ побужденъ любовью къ отечеству и ободренъ повелѣніемъ Вашего Императорскаго Величества, дерзаю нѣкоторыя мнѣнія мои предложить". Соч. I, 721.

массамъ вылилось въ форму прямого гоненія, но это средство, обостривъ вопросъ, нимало, какъ скоро уже оказалось, не содѣйствовало его рѣшенію; въ связи съ начавшейся тѣмъ временемъ секуляризаціей верховной власти, которая съ XVIII-го вѣка стала понемногу сбрасывать съ себя теократическую оболочку, въ какую она была закутана въ Москвѣ, это обстоятельство породило колебаніе правительственной политики въ данномъ вопросѣ. Уже при Петрѣ сдѣлана была первая слабая попытка нѣсколько облегчить гоненіе путемъ измѣненія его формы, и усиленныя его преемниками мѣры противъ раскольниковъ были вновь, и болѣе значительно, ослаблены съ воцареніемъ автора Наказа, провозглашавшаго, что «гоненіе человѣческіе умы раздражаетъ, а дозволеніе вѣрить по своему закону умягчаетъ и самыя жестоковыйныя сердца». Прекращеніе гоненія представляло однако собою пока еще только отрицательное условіе для рѣшенія вопроса, средствъ же къ положительному воздѣйствію на раскольниковъ по прежнему не имѣлось въ рукахъ у правительства. Съ другой стороны пробуждавшійся и въ высшихъ по образованію кругахъ общества болѣе сознательный религіозный интересъ велъ къ недовольству чрезмѣрно зависимымъ положеніемъ церкви въ государствѣ.

Щербатовъ въ своихъ сочиненіяхъ удѣлилъ немало мѣста и вниманія положенію русской церкви его времени. Причины, создавшія это положеніе, онъ находилъ въ прошломъ, усматривая ихъ одновременно въ дѣйствіяхъ свѣтскаго правительства и въ характерѣ духовенства. Мѣры, принятыя Петромъ Великимъ по отношенію къ способамъ воздѣйствія церкви на народъ, онъ считалъ разумными въ основѣ, такъ какъ онѣ были направлены къ уничтоженію суевѣрія, но преждевременными и потому принесшими вредъ вмѣсто пользы. «Въ Россіи бороду образомъ божіимъ почитали и за грѣхъ считали ее брить, а чрезъ сіе впадали въ ересь. Чудеса, безъ нужды учиненныя, явленные образы, рѣдко доказанные, повсюду прославляли, привлекали суевѣрное богомоліе и дѣлали доходы развратнымъ священнослужителямъ». Петръ измѣнилъ всѣ эти порядки, но сдѣлалъ онъ это «тогда, когда народъ еще былъ непросвѣщенъ; и тако, отнимая суевѣріе у непросвѣщеннаго народа, онъ самую вѣру къ божественному закону отнималъ». Между тѣмъ, «духовный чинъ, который его не любилъ за отнятіе своей власти, гремѣлъ въ храмахъ божіихъ его панегириками». Особенно сильно нападалъ Щербатовъ съ этой точки зрѣнія на Ѳеофана Прокоповича, который, по его словамъ, въ своей «Правдѣ воли монаршей» оставилъ «памятникъ лести и подобострастія монашескаго изволенію государскому» *). Другой недостатокъ, который констатировалъ Щербатовъ въ русскомъ духовенствѣ, заключался въ маломъ распространеніи среди него знанія. Всѣ эти причины и создали паденіе

*) „О поврежденіи нравовъ“, Р. Старина, 1870, II, 36, 35.

авторитета православной церкви, дошедшее до того, что раскольники, явные и тайные, «если не треть, то, по крайней мѣрѣ, четвертую долю подлаго народа сочиняютъ». Средства, которыми писатель разсчитывалъ повліять на это положеніе и измѣнить его, вытекали какъ изъ знакомыхъ уже намъ общихъ его взглядовъ на религію, такъ и изъ наблюденій его надъ русскою дѣйствительностью. Раскольники «упрямы и бѣсновѣры въ своей вѣрѣ» и, ведя сильную пропаганду ея, между прочимъ и при помощи своихъ матеріальныхъ средствъ, сами не поддаются никакимъ убѣжденіямъ. Политика Петра, который «многими законами старался ихъ утѣснить», была измѣнена его преемниками, но только потому, что они не проникли надлежащимъ образомъ въ причины поступковъ этого великаго монарха. Въ дѣйствительности, «хотя принужденіе въ вѣрѣ и есть являющееся нѣчто весьма суровое», но въ расколѣ есть и иная сторона. Занятія дѣлами Петровской Тайной Канцеляріи убѣдили автора въ существованіи среди раскольниковъ заговоровъ противъ Петра, оправдывавшихся представленіемъ о немъ, какъ объ антихристѣ или его предшественникѣ, возстаніе противъ котораго есть дѣло богоугодное. Тотъ же взглядъ, по его увѣренію, сохранилъ свою силу въ расколѣ и по отношенію къ преемникамъ Петра на престолѣ и не подвергся серьезнымъ измѣненіямъ вслѣдствіе прекращенія гоненія: «хотя такихъ бѣсновѣрныхъ поступковъ и неосторожныхъ противу монарха и не видно въ нихъ, но вездѣ, гдѣ они могутъ съ нѣкоторою надеждою показать свою ненависть противу государя и россійской церкви, не упускаютъ», доказательствомъ чему служитъ участіе ихъ въ происходившихъ бунтахъ. Все это дѣлаетъ ихъ «несумнительно опасными для правительства». Прямое гоненіе на расколъ представлялось однако Щербатову нежелательнымъ, такъ какъ оно вообще лишь помогаетъ развитію гонимой вѣры, а въ данномъ случаѣ, обращенное на значительную массу народа, могло бы сверхъ того повести къ опаснымъ послѣдствіямъ. «И тако не гоненіемъ и наказаніемъ, но наставленіемъ, стыдомъ и убытками надлежитъ ихъ истреблять». Предлагаемая программа мѣропріятій по отношенію къ расколу соотвѣтственно этому распадалась на три ряда мѣръ. Авторъ ея желалъ, чтобы въ мѣста поселеній раскольниковъ посылались хорошіе священники, которые, соблюдая нѣкоторые обычаи раскольниковъ, пріобрѣтали бы тѣмъ ихъ уваженіе, чтобы знающіе священники говорили народу поученія «безъ злобы и ругательства, но тихимъ образомъ» и чтобы увеличено было число школъ съ преподаваніемъ греческаго языка и въ нихъ привлекались раскольники, которые пріобрѣли бы такимъ путемъ возможность убѣдиться въ справедливости исправленія церковныхъ книгъ. Далѣе онъ желалъ возобновленія для раскольниковъ «отличности поносной», установленной для нихъ Петромъ, въ видѣ ношенія разноцвѣтныхъ лоскутьевъ на одеждѣ. Третье требованіе его сводилось къ тому, чтобы для раскольниковъ

были увеличены подати и постойная повинность и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ они были лишены права вступать въ подряды, являться свидѣтелями на судѣ и поручителями, но были привлечены къ отбыванію выборной городской службы, такъ какъ «неупотребленіе ихъ въ службы не токмо въ наказаніе имъ, но еще въ пользу обратилося, поелику сіи службы есть тягостны другимъ купцамъ» *). Духовное воздѣйствіе въ концѣ концовъ занимало въ этой программѣ лишь очень невидное мѣсто въ сравненіи съ чисто матеріальными лишеніями, которыя лишь съ весьма большою натяжкой можно было бы отличить отъ гоненія. Но правительственная сила, практикующая эти лишенія, должна была дѣйствовать не столько ради возстановленія церковнаго единства, сколько въ своихъ непосредственныхъ интересахъ, направляясь противъ предполагаемой политической тенденціи раскола.

Тотъ же самый общій взглядъ съ большою послѣдовательностью прилагался Щербатовымъ и къ жившимъ въ Россіи иновѣрцамъ. Въ ихъ ряду его особое вниманіе привлекали населявшіе Казанскую, Симбирскую и Оренбургскую губерніи татары, башкиры и мещеряки—исповѣдники магометанской религіи, которая «въ разсужденія политическаго состоянія Россіи предосудительна». Предосудительность эта заключалась въ томъ, что данная религія обязываетъ своихъ послѣдователей къ враждѣ съ христіанами, еще усиливающейся у татаръ воспоминаніемъ о прежнемъ ихъ владычествѣ надъ Россіей, и связываетъ ихъ съ Турціей, которой они всячески и выказывали свою преданность во время ея войнъ съ русскими. Опасность, грозящая отъ иновѣрія, такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ сохраняетъ чисто политическій характеръ. Мѣры, принимавшіяся правительствомъ къ ея устраненію, въ глазахъ разбиравшаго ихъ публициста представлялись совершенно недостаточными. Онѣ сводились къ наградамъ за крещеніе, освобожденію переходившихъ въ православіе магометанъ отъ заслуженныхъ ими ранѣе наказаній и къ заведенію духовныхъ училищъ для воспитанія дѣтей магометанъ въ христіанской вѣрѣ, но все это или не достигало предположенной цѣли или же и не могло достичь ея. Въ лицѣ магометанъ, принявшихъ крещеніе изъ-за награды, церковь пріобрѣтала не вѣрныхъ христіанъ, а «безсовѣстныхъ людей», поступавшіе такимъ образомъ ради избѣжанія наказанія въ сущности не имѣли никакой религіи и только унижали самую христіанскую вѣру; что же касается школъ, то онѣ «не токмо не способствовали къ распространенію вѣры, но паче въ ненависть ее приводили, ибо духовный россійскій чинъ, подъ чьимъ вѣдѣніемъ сіи школы состояли, толь злоупотребленія чинилъ, что большая часть оныхъ отроковъ помирали, а и другіе исполненные огорченія и неизученные христіанскому закону выходили». Въ своей критикѣ, исходив-

*) „Статистика въ разсужденіи Россіи“, Соч., I, 551—7.

шей изъ признанія неудобствъ примѣси матеріальныхъ мотивовъ къ дѣламъ вѣры, авторъ какъ будто становился на дорогу, ведшую къ провозглашенію принципа вѣротерпимости; въ дѣйствительности, однако, мысль его работала въ иномъ направленіи и приводила его къ заключеніямъ совсѣмъ другого рода. Въ условіяхъ современной ему дѣйствительности онъ находилъ слишкомъ мало возможности надѣяться на устраненіе непріятныхъ ему сторонъ магометанства исключительно силою убѣжденія, и это заставляло его вызывать на сцену силу въ прямомъ смыслѣ этого слова. «Мнѣ весьма трудно является, писалъ онъ, сіи народы въ христіанскій законъ привести; ибо если особливаго милосердія на нихъ Божескаго не будетъ, то трудно такому духовному чину, каковъ у насъ есть, дѣлать обращенія, и тако кажется мнѣ, чтобъ къ духовнымъ увѣщаніямъ не худо нѣкоторые прибыточные для обращенныхъ способы приложить». Руководясь этимъ соображеніемъ, онъ предлагалъ, рядомъ съ усиленіемъ религіозной пропаганды путемъ проповѣди на языкахъ инородцевъ и перевода на эти языки церковныхъ книгъ, дать льготы новообращеннымъ въ уплатѣ податей и отбываніи службы и постойной повинности, наблюдать, чтобы они не испытывали притѣсненій со стороны духовенства, и дозволить имъ занятія нѣкоторыми «прибыльными мастерствами», которыя запретить магометанамъ. «Сіи способы, заключалъ онъ, многихъ побудятъ креститься, а единозаконіе умножитъ силу государственную»*). Передъ нами, хотя и оправдываемая новыми мотивами, та же старая программа, на которую такъ сурово нападалъ критикъ, только еще обостренная и получившая болѣе аггрессивный характеръ.

Значительно уже мягче и снисходительнѣе относился Щербатовъ къ представителямъ другихъ религій въ Россіи. Правда, и по отношенію къ нимъ онъ настаивалъ на необходимости для правительства тщательнаго наблюденія за народами, не принадлежащими къ господствующему вѣроисповѣданію, считая это особенно важнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда такіе народы подчиняются въ вопросахъ религіи лицу, живущему внѣ предѣловъ государства, какъ это было съ ламаистами—калмыками, самое бѣгство которыхъ изъ Россіи въ 1771 г. онъ объяснялъ внушеніями ламъ. За то мелкія племена сибирскихъ инородцевъ, остававшіяся въ язычествѣ, но не могшія создать никакой опасности для государства, вызывали въ писателѣ сочувствіе къ своему положенію. «Мнѣ случилося, писалъ онъ, во многихъ данныхъ для Коммиссіи Уложенія наказовъ отъ сихъ народовъ ихъ депутатамъ слышать, что они всѣ на безчеловѣчіе и мздоимство поповъ жалуются, которые подъ именемъ проповѣдниковъ грабить и мучить ихъ ѣздятъ. Таковыя проповѣди, конечно, не могутъ хорошаго мнѣнія о законѣ, который сіи апостолы проповѣдуютъ, подать, отъ чего и дѣйствительно мало обращеній дѣ-

*) Тамже, 557—60.

лается, да и тѣ не искреннія, а токмо по неволѣ учиненныя. Но, по крайней мѣрѣ, надлежало бы подумать, что тѣ изъ сихъ народовъ, которые примутъ христіанскій законъ, счастливѣе учинятся; нѣтъ, они тѣмъ еще болѣе подвергнутся мучительству и мздоимству поповскому. Они, ѣздя по ихъ юртамъ, примѣчаютъ все у сихъ худо изученныхъ христіанъ и если хотя малое что противу правилъ и преданій христіанскаго закона примѣтятъ, то не токмо жестоко на дѣлѣ наказуютъ, но и разоряютъ ихъ колико можно». Побуждаемый своимъ недовѣріемъ къ духовенству, Щербатовъ не только хотѣлъ ограничить его произволъ въ наказаніяхъ новообращенныхъ изданіемъ по этому поводу особыхъ правилъ отъ Синода, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ исключили бы изъ числа налагаемыхъ духовенствомъ каръ тѣлесныя наказанія и лишеніе имущества, но и проектировалъ поставить самую религіозную пропаганду въ такія условія, которыя въ сущности были бы равносильны ея прекращенію, предлагая именно запретить священникамъ ѣздить по улусамъ и назначить имъ для проповѣди опредѣленныя мѣста, гдѣ бы они и поучали приходящихъ. Говоря о язычникахъ Европейской Россіи, Чувашахъ, Черемисахъ, Мордвѣ и Вотякахъ, онъ и по отношенію къ нимъ отмѣчалъ тѣ же пріемы обращенія: хотя они «увѣщаніями, а больше силою и склонены» къ принятію христіанства, но это обращеніе было и осталось чисто формальнымъ, да и не могло быть инымъ, такъ какъ проповѣдники не принимали на себя труда изучить ихъ языкъ, перевести на него священныя книги и дѣятельно заняться проповѣдью, «но токмо такъ, какъ въ баню, такъ ихъ ко крещенію водили и, давъ имъ крестъ, который они по грубости своей нѣкіимъ талисманомъ почитаютъ, образъ, который они чтятъ за идола, и запретъ имъ ѣсть мясо по постамъ, чего они не исполняютъ», считаютъ свое дѣло конченнымъ *).

Какъ видимъ, отъ идеи вѣротерпимости при примѣненіи ея писателемъ къ условіямъ русской дѣйствительности сохранялись лишь довольно жалкіе остатки, и русскаго публициста напрасно было бы упрекать въ излишнемъ подчиненіи теоріямъ Монтескье. Рекомендуемая имъ программа отношенія государства къ религіи измѣнила свой прежній источникъ и основывалась уже не на церковныхъ, а на государственныхъ интересахъ, но въ существѣ своемъ это была та же старая программа насильственнаго вмѣшательства власти въ вопросы религіозной совѣсти, какая практиковалась еще въ началѣ столѣтія, и, возстановляя ее, писатель находилъ возможнымъ исключить изъ нея только прямое уголовное преслѣдованіе иновѣрца, тѣмъ рѣшительнѣе возражая противъ всякихъ иныхъ отступленій отъ нея, допущенныхъ въ жизни. И однако нѣкоторый шагъ отъ старыхъ представленій былъ уже сдѣланъ. Система водворенія «единозаконія» правительственною силой въ интересахъ государства легче могла

*) Тамже, 560—4.

быть подвергнута критикѣ, нежели когда такая же система практиковалась непосредственно на пользу церкви, а аргументы, обращенные защитникомъ этой системы противъ старой практики, подрывали его собственныя положенія. Признаніе, что «гоненіе за вѣру есть нѣчто весьма суровое», и указаніе на то, что подмѣсь матеріальныхъ побужденій въ дѣло религіозной пропаганды можетъ только унизить и загрязнить самую религію, плохо гармонировали съ проектами лишенія упорствующихъ иновѣрцевъ гражданскихъ правъ и награды новообращеннымъ путемъ облегченія ихъ обязанностей передъ государствомъ, и умы, болѣе энергическіе и послѣдовательные и менѣе поддававшіеся вліянію фактическаго склада отношеній, должны были скоро разъединить эти различныя части програмы и прямѣе и дальше пойти по пути, только намѣченному Щербатовымъ.

Ту же точку зрѣнія первенства государственныхъ интересовъ какую мы наблюдали въ отношеніяхъ Щербатова къ терпимымъ въ государствѣ религіямъ, онъ примѣнялъ и къ господствующей церкви и, стоя на этой точкѣ зрѣнія, не только одобрялъ мѣры Петровскаго правительства, клонившіяся къ уничтоженію политическаго значенія церкви и къ установленію вліянія верховнаго правительства на высшую ея іерархію, но и находилъ эти мѣры не вполнѣ еще достаточными. «Архіереи и другія духовныя лица, присутствующія въ Синодѣ, суть люди почтенные ихъ саномъ, а часто и пронырствомъ, сочиняющіе корпусъ, непрестанно борющійся для пріобрѣтенія себѣ больше силы, а въ сопротивленіе имъ посаженъ одинъ оберъ-прокуроръ, человѣкъ небольшаго чина и по большей части не случайный при государѣ». Если при такихъ условіяхъ духовенство не попыталось захватить себѣ вновь большую власть, то это объяснялось, по мнѣнію Щербатова, только случайными обстоятельствами и, хотя «нынѣ царствующая императрица, послѣдовательница новой философіи, конечно, знаетъ, до коихъ мѣстъ власть духовная должна простираться и изъ предѣловъ ее не выпуститъ», но въ будущемъ слѣдуетъ опасаться такихъ попытокъ *). Послѣдующая исторія, какъ извѣстно, не оправдала этихъ опасеній публициста XVIII вѣка. Но, отрицая самостоятельность церкви, какъ государственнаго учрежденія, онъ въ то же время выступалъ съ защитою независимости нравственнаго ученія религіи, на которую не должны покушаться устанавливаемые верховною властью законы, такъ какъ въ противномъ случаѣ «единый законъ другой разрушаетъ, оба приходятъ въ презрѣніе, святость присяги за ничто почитается, вѣрность къ отечеству и государю исчезаетъ и нравы повреждаются». Въ этомъ смыслѣ онъ возставалъ противъ признанія развода, какъ нарушающаго таинство брака, и противъ закона, предписывавшаго священнику доносить объ узнанныхъ имъ на исповѣди замыслахъ

*) Тамже, 571—2.

противъ государя или государства, такъ какъ «се есть законъ, очевидно противуборствующій закону Божію и разрушающій священнѣйшее таинство нашей вѣры» *). Вмѣстѣ съ тѣмъ протестъ со стороны Щербатова вызывало и покровительство, оказывавшееся Екатериной II распространенію въ Россіи просвѣтительной французской философіи путемъ переводовъ сочиненій Вольтера, Мармонтеля и другихъ авторовъ, покровительство, въ которомъ онъ усматривалъ равнодушіе къ религіи **).

Еще съ большею обстоятельностью разработаны въ сочиненіяхъ Щербатова вопросы собственно государственнаго быта Россіи. Исходнымъ пунктомъ для него и здѣсь служитъ реформа Петра и любопытно отмѣтить въ писателѣ, котораго нерѣдко считаютъ своего рода адвокатомъ московской старины, крайне бережное и почтительное отношеніе и къ данной сторонѣ дѣятельности царя-реформатора. Не пытаясь отрицать многихъ пороковъ и недостатковъ въ Петрѣ, которые однакоже въ его глазахъ находили себѣ въ большинствѣ случаевъ достаточное объясненіе въ нравахъ эпохи и обстоятельствахъ личной жизни царя, онъ ставитъ личность послѣдняго очень высоко. Для него Петръ представлялъ, правда, не идеалъ государя, но «великаго монарха», съ которымъ трудно выдержать сравненіе кому бы то ни было другому. Попытка оберъ-прокурора Сената, Неклюдова, возвысить въ рѣчи, сказанной по случаю заключенія міра съ Швеціей въ 1790 г., Екатерину II на счетъ Петра вызвала въ немъ негодованіе. «Ни у кого не отъемлю — не безъ ироніи писалъ онъ по этому поводу, — а меньше всѣхъ у нашей царствующей государыни, чтобы не могъ кто сравняться разумомъ, величествомъ души и прочее (ибо щедръ Господь въ дарованіяхъ!) съ Петромъ В., но не имѣютъ они такого случая, чтобы сіе показать»***). Петръ дѣйствовалъ среди народа непросвѣщеннаго, при такихъ обстоятельствахъ, которыя не могутъ уже болѣе выпасть на долю русскихъ государей, и потому его дѣятельность не подлежитъ обычной мѣркѣ. Недостатки, какіе Щербатовъ считалъ возможнымъ указать въ этой дѣятельности, съ принятой имъ точки зрѣнія вызывались обстоятельствами, но не принадлежали самому Петру. Послѣдній пользовался самовластіемъ, но употреблялъ его на благо народа и государства и инымъ путемъ не могъ бы провести реформы среди «загрубѣлаго въ своихъ обычаяхъ и противящагося всякому просвѣщенію» народа. Въ немъ проявлялись, однако, и стремленія иного рода: его правосудіе было одинаково для всѣхъ, онъ обнаруживалъ любовь къ истинѣ, хотя бы и непріятной лично ему, охотно совѣтовался съ отдѣльными своими сотрудниками и съ сенатомъ, сло-

---

*) „Размышленія о законодательствѣ вообще", Соч. I, 372—8.

**) „О поврежденіи нравовъ въ Россіи", Р. Старина, 1871, III, 686—7.

***) „Отвѣтъ гражданина на рѣчь, говоренную... Неклюдовымъ", Библіогр. Записки, 1859, № 13, ст. 393.

вомъ, «нужда его заставляла быть деспотомъ, но въ сердцѣ онъ имѣлъ расположеніе и, можно сказать, влiянное познаніе взаимственныхъ обязательствъ государя съ подданными»*). Такой взглядъ на Петра получаетъ себѣ дополненіе въ изображеніи Щербатовымъ попытки верховниковъ въ 1730 г., въ которой онъ подчеркивалъ ея олигархическую тенденцію. По его словамъ, эти «вельможи предопредѣлили великое намѣреніе, ежели бы самолюбіе и честолюбіе оное не помрачило, т. е. учинить основательные законы государству и власть государеву сенатомъ или парламентомъ ограничить. Но засѣданіе въ сенатѣ токмо нѣсколькимъ родамъ предоставили; тако, уменьшая излишнюю власть монарха, предавали ее множеству вельможамъ съ огорченіемъ множества знатныхъ родовъ и, вмѣсто одного, толпу государей сочиняли»**). Но уже при Петрѣ, не смотря на добрыя намѣренія самого государя, въ характеръ общества и особенно администраціи сказались сильныя перемѣны, вызванныя усложненіемъ общественной жизни, увеличеніемъ расходовъ и появленіемъ роскоши: «начали люди наиболѣе привязываться къ государю и къ вельможамъ, яко ко источникамъ богатства и вознагражденія». Такого рода привязанность Щербатовъ строго отличалъ отъ привязанности къ самой «особѣ государской», настойчиво указывая на своекорыстный характеръ первой: она была, по его словамъ, «не привязанность вѣрныхъ подданныхъ, любящихъ государя и его честь и соображающихъ все съ пользою государства, но привязанность рабовъ наемщиковъ, жертвующихъ все своимъ выгодамъ и обманывающихъ лестнымъ усердіемъ своего государя» ***). Нельзя не сказать, что эта характеристика довольно точно обрисовывала временщиковъ XVIII вѣка. Трактатъ «О поврежденіи нравовъ въ Россіи» и имѣлъ своею главною цѣлью указать послѣдствія, вытекавшія изъ такого направленія государственной дѣятельности, при которомъ на первомъ планѣ ея оказывались выгоды отдѣльныхъ лицъ, перевѣшивавшія собою интересы государства и власть закона. Нѣсколько страницъ этого трактата, быть можетъ, наиболѣе горячихъ и страстныхъ, были отведены авторомъ характеристикѣ Екатерины II и ея отношенія къ государственнымъ дѣламъ. Рѣзкая и порою даже придирчивая критика его не пощадила, кажется, ни одной стороны не только правительственной дѣятельности, но и интимной жизни той императрицы, которую самъ онъ въ другой разъ называлъ «соединяющей качества великой государыни съ качествами великаго философа», но центральнымъ пунктомъ всей этой критики оставалось обвиненіе въ неуваженіи къ существующимъ законамъ и въ стремленіи къ произвольнымъ дѣйствіямъ, обвиненіе, подтвер-

*) „Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра В.,“ тамже, 1859, № 12. 370—1.

**) „О поврежденіи нравовъ“, Р. Стар., 1870, II, 47.

***) Тамже, 32.

жденное рядомъ краснорѣчивыхъ фактовъ и опять-таки подчеркивавшее довольно замѣтную и для современниковъ струю въ дѣятельности Екатерининскаго правительства *). Съ еще болѣе рѣзкими упреками обращался Щербатовъ къ лицамъ, стоявшимъ во главѣ современной ему администраціи. «Вижу нынѣ—писалъ онъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ произведеній, принадлежащемъ той эпохѣ, когда эта администрація особенно расшаталась, и обращенномъ къ «вельможамъ-правителямъ,—вами народъ утѣсненный, законы въ ничтожность приведенные; имѣніе и жизнь гражданскую въ неподлинности; гордостью и жестокостью лишенныя души ихъ бодрости и имя свободы гражданской тщетнымъ учинившееся и даже отнятіе смѣлости страждущему жалобу приносить». Отказываясь признать вельможъ извергами отъ природы, онъ думалъ, что только непониманіе своего долга и страсти «содѣлываютъ изъ васъ не людей, но нѣкіихъ чудовищей, созданныхъ на несчастіе и на погибель вашихъ сограждaнъ». Опредѣленные быть исполнителями законовъ, вельможи, по его словамъ, или оставили эту науку законовъ своимъ секретарямъ, или судили произвольно, не обращая вниманія на законы и тѣмъ самымъ похищая монаршую власть и разстраивая правительство. Скорость суда въ его глазахъ не служила мотивомъ къ отступленію отъ законной почвы, такъ какъ такой судъ уже необходимо дѣлался несправедливымъ, а то и пристрастнымъ, какъ онъ и наблюдалъ это на дѣлѣ. Не могла быть мотивомъ къ подобному отступленію и недостаточность существующихъ законовъ для наказанія преступника. «Законы—разъяснялъ публицистъ—для того составлены, что они лицепріятія не имѣютъ; пристрастія въ нихъ нѣтъ: да судится каждый по законамъ, да отступленіе человѣка отъ извѣстныхъ ему правилъ накажется, а не потому, что кто внушилъ управляющему вельможѣ о комъ худо, или ему что показалось. Но вы на сіе говорите, что хитрость развратныхъ людей есть такая, что никакіе законы не могутъ предупредить ихъ коварства и злости и часто они, за недостаткомъ законовъ, безъ наказанія остаются. Сего оспорить не можно. Но не лучше ли, если бы кто винный и избѣжалъ наказанія, нежели, когда отъ вашего самохотѣнія, учрежденія или худого воззрѣнія невинный кто претерпитъ и разрушится безопасность гражданская, защищаемая законами. Вы тщитесь наказать другихъ за проступокъ противу законовъ или за вредный подъ нихъ подборъ, нарушая сами оные, и, считая ихъ достойными наказанія, сами уже ясно злѣйшими извергами, разрушителями законовъ и злодѣями, достойными жесточайшаго себѣ наказанія, учиняетесь». Не менѣе негодованія обнаруживалъ онъ, говоря о рѣшеніи имущественныхъ дѣлъ, основанномъ не на разборѣ документовъ и доказательствъ, а на произволѣ судьи, хотя бы такой произволъ ис-

*) Р. Стар., 1871, III, 681—3.

ходилъ изъ наилучшихъ намѣреній. Достигнутое путемъ такого произвола возвращеніе несправедливо захваченнаго имущества не удовлетворяло его даже и въ томъ случаѣ, когда иного пути къ такому возвращенію не оказывалось, и онъ легче соглашался терпѣть частную несправедливость, чѣмъ нарушеніе принципа законности со стороны судей и правителей. «Если—разсуждалъ онъ—и такъ вещи сокрыты или такія обстоятельства приведены, что похититель останется владѣтелемъ похищеннаго, не лучше ли, чтобъ государь или нѣкоторые граждане отъ хитрости такой претерпѣли, нежели бы вашимъ скоропостижнымъ сужденіемъ похитилась власть у государя, разрушились законы и погибла бы безопасность подданныхъ, а вы бы разбойниками учинились?» Нарушеніе того же основного принципа усматривалъ Щербатовъ и въ произвольности наказаній, налагаемыхъ судьями, изъ которыхъ одни ослабляли строгость закона въ пользу явныхъ преступниковъ, а другіе, не вникая въ смягчающія вину обстоятельства дѣла, находили себѣ удовольствіе въ увеличеніи размѣровъ наказанія. И то, и другое представляло узурпацію законодательной власти, принадлежащей одному монарху: въ случаѣ обнаруженія неудобствъ въ самомъ законѣ слѣдовало обратиться къ высшей власти съ представленіемъ объ исправленіи его, а не поступать такъ, какъ вельможи,—«прописавъ законы въ глупыхъ вашихъ писаніяхъ, давать прощеніе или усугублять самую строгость законовъ, являя первымъ себя несмышлеными похитителями вышней власти, а вторымъ—злодѣями, приличнѣйшими быть палачами, нежели правителями государства» *). Съ этимъ любопытно сопоставить одно частное указаніе Щербатова. Говоря въ другомъ мѣстѣ объ отмѣнѣ смертной казни въ Россіи Елизаветою, онъ указывалъ, что такая отмѣна осталась въ сущности фиктивной, такъ какъ наказаніе кнутомъ фактически часто равнялось смертной казни, и разница была только въ томъ, что «судья, подписывая опредѣленіе учинить такое наказаніе, обманываетъ законы, обманываетъ себя и въ самомъ дѣлѣ дѣлается самъ убійцею, тѣмъ паче неизвинительнѣйшимъ, что, во зло употребляя власть, данную ему законами, и по нѣкоимъ угожденіямъ къ двору, съ поврежденіемъ совѣсти, всенародно убійства учиняетъ». Выступая принципіальнымъ сторонникомъ смертной казни, онъ защищалъ ея возстановленіе въ законодательствѣ между прочимъ и тѣмъ соображеніемъ, что при немъ жизнь преступника будетъ поставлена въ зависимость не отъ произвола судьи, а отъ воли закона **). Всевозможныя нарушенія закона, которыя такъ возмущали публициста, всего чаще, по его увѣренію, происходили въ пользу богатыхъ людей, и особенно от-

*) „Письмо къ вельможамъ-правителямъ государства", Р. Старина, 1872, V, 2, 3, 5—7.

**) „Размышленія о смертной казни", Соч., I, 448—9.

купщиковъ, что заставляло его считать современныхъ ему администраторовъ или «мздоимцами», или настолько «малоумными», что они какъ бы старались выставить себя въ глазахъ народа взяточниками, не будучи таковыми въ дѣйствительности. Въ числѣ пороковъ администраціи онъ отмѣчалъ далѣе и непотизмъ при замѣщеніи должностей, который также не мало способствовалъ отягощенію народа *). Незадолго до своей смерти, предчувствуя уже ея приближеніе и подводя итоги своей публицистической дѣятельности, Щербатовъ тѣ же мысли объ отсутствіи въ современной ему русской жизни истинной законности, высказалъ въ еще болѣе широкой и опредѣленной постановкѣ. Управленіе своей эпохи онъ называлъ здѣсь «такимъ, гдѣ хотя есть писанные законы, но они власти государевой и силѣ вельможъ уступаютъ, гдѣ состояніе каждаго подданнаго основывается не на защищеніи законовъ, не отъ собственнаго его поведенія, но отъ мановенія злостнаго вельможи» **). Приводя изъ недалекаго прошлаго примѣры гибели даже очень сильныхъ людей, какъ Волынскій и кн. Дм. Голицынъ, осужденныхъ вопреки законамъ, и указывая, что даже порядокъ престолонаслѣдія съ Петра опредѣлялся исключительно волею царствующаго государя, онъ рисовалъ печальную картину послѣдствій той незначительной роли, какая удѣлена была закону въ жизни государства. «Воззримъ—писалъ онъ—на самое сочиненіе законовъ и на наложеніе налоговъ: не всѣ ли они въ кабинетѣ государевомъ, по большей части крѣпко охраняемомъ отъ проницаній истины и свѣдѣній о бѣдности народной, сочиняются и располагаются государемъ и ближними его совѣтниками, которые дворъ считаютъ своимъ отечествомъ? Упражнены въ дворскихъ происках, имъ некогда и не хотятъ ни истины, ни состоянія народнаго познать; мысли, заняты единымъ своимъ любочестіемъ и самолюбіемъ,—не оставляютъ ни времени, ни мѣста на глубокія размышленія, и, увлечены быстротою дѣлъ, — лишь токмо дѣйствуютъ тогда, какъ размышлять надлежало; равно любочестивы, какъ несвѣдущи на дѣла, толико любочестивы, коль горды. А подъ сими-то правителями россійскій гражданинъ долженъ влачить тягость жизни своей, не имѣя ни твердыхъ законовъ, ни знающихъ правителей, ни правительствъ, довольною силою снабженныхъ; онъ долженъ ежедневно страшиться вельможъ; жизнь, честь, имѣніе его не болѣе въ безопасности, какъ слабая лодка безъ руля среди сурово волнующагося моря. Нѣсть ни правила, коему бы могъ послѣдовать, ни пристанища, гдѣ бы зрилъ свое спасеніе» ***). Не болѣе удовлетворяла суроваго критика и провинціальная администрація его времени.

---

*) Р. Старина, 1872, V, 8—9.

**) „Оправданіе моихъ мыслей и часто съ излишнею смѣлостію изглаголанныхъ словъ“, Библіогр. Записки, 1859, № 13, 395—6.

***) Тамже, 396—7.

преобразованная Екатериной: намѣстники, назначенные часто неудачно, по преимуществу изъ военныхъ, мало знакомыхъ съ гражданскими законами и порядками, получили въ свое распоряженіе, по его отзыву, чрезмѣрную власть, тѣмъ болѣе, что имъ было предоставлено участіе въ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ, а беззаконныя и хищническія ихъ дѣйствія находили себѣ постоянное послабленіе и оставались безнаказанными *). Сверхъ того, въ практикѣ законодательства, суда и администраціи тогдашней Россіи критикъ подмѣчалъ еще одну общую и несимпатичную ему черту, вредно отражавшуюся, по его мнѣнію, на положеніи не только народа, но и самого правительства: «Россія не яко другія страны, гдѣ правительство тщится обнаружить свои операціи передъ народомъ, но о самыхъ вещахъ, касающихся непосредственно до народа, въ совершенной тайнѣ сіе содержитъ. Что я говорю о народѣ? Самыя таковыя дѣла главному правительству неизвѣстны, а знаетъ токмо ихъ тотъ, кому они препоручены» **).

Итакъ, недостатокъ законности, въ видѣ отсутствія многихъ важныхъ законовъ, замѣняемыхъ частными распоряженіями власти, и неуваженія къ законамъ существующимъ,—таковъ главный выводъ, дѣлаемый Щербатовымъ изъ его наблюденій надъ русской государственной жизнью, таковъ, въ его пониманіи, основной грѣхъ этой жизни, изъ котораго вытекали уже и всѣ остальные. Отсутствіе твердыхъ основаній въ правительственной дѣятельности, глубокая тайна, какой покрывались исходные моменты этой дѣятельности въ глазахъ общества и народа, придворные происки въ высшихъ правительственныхъ кругахъ, приводившіе къ временщичеству, иначе говоря, къ господству отдѣльныхъ лицъ надъ всѣмъ составомъ управленія, произволъ, развивавшійся какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ административныхъ сферахъ, продажность суда и администраціи, раззореніе народа, угнетаемаго неправосудіемъ и лихоимствомъ и отягощаемаго непосильными податями,—вотъ наиболѣе общія очертанія набрасываемой имъ картины государственнаго быта Россіи въ ту эпоху; и, не смотря на всю густоту красокъ, налагаемыхъ имъ на свои изображенія, нельзя не признать, что эти общія очертанія соотвѣтствовали дѣйствительности и являлись вѣрнымъ ея отраженіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ возведеніе всѣхъ этихъ частныхъ недостатковъ управленія къ одному общему источнику не составляло исключительной заслуги Щербатова и его указанія на отсутствіе или, по меньшей мѣрѣ, недостаточное развитіе законности въ жизни государства не оставались совершенно одинокимъ голосомъ. Еще въ началѣ царствованія Екатерины

---

*) Тамже, 400 — 401; ср. „О поврежденіи нравовъ", Р. Стар., 1871, III 82—3.

**) „Состояніе Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба въ началѣ 1788 г.", Соч., I, 697.

Н. И. Панинъ, предлагая ей пересоздать высшую администрацію, указывалъ на вредъ «временщиковъ и куртизановъ», правившихъ чрезъ посредство «безгласныхъ и никакого образа государственнаго не имѣющихъ мѣстъ», и настаивалъ на необходимости утвердить «форму и порядокъ въ правительствѣ» *). Попытки подобнаго утвержденія были еще дѣлаемы въ первые годы Екатерининскаго правленія, но уже очень скоро онѣ были оставлены, и неудивительно, что государственная жизнь подъ нѣсколько измѣнившимися формами сохранила прежнюю свою сущность.

«Хранилищемъ законовъ» въ тогдашней Россіи считался Сенатъ, но онъ не былъ и не могъ быть, какъ доказывалъ Щербатовъ, хранителемъ законности въ государствѣ. Сами сенаторы XVIII вѣка проявляли слишкомъ мало интереса и способности къ такого рода роли, но ихъ личное поведеніе, ихъ «пристрастія и пороки» не исчерпывали въ глазахъ писателя объясненія даннаго явленія и даже не составляли сути этого объясненія. По его словамъ, «не довольно охулять сенаторовъ за оные, надлежало бы проникнуть и ихъ начало». Такое начало или причину онъ находилъ въ чрезмѣрной власти генералъ-прокуроровъ, которые со времени Петра I «не преставали власть свою надъ сенатомъ распространять и можно сказать, что истребили духъ твердости и усердія въ сенаторахъ». Сенаторы, слушавшіе и разбиравшіе дѣла исключительно по опредѣляемой генералъ-прокуроромъ очереди, не имѣвшіе никакой власти надъ канцеляріей, не могшіе безъ разрѣшенія генералъ-прокурора перечитать дѣло даже въ Сенатѣ, не только взять его къ себѣ на домъ, принужденные въ случаѣ баллотировки какого-нибудь вопроса «слышать увѣщаніе и противное часто заключеніе генералъ-прокурора, съ напоминаніемъ указа, чтобы менѣе голосовъ подавали, а старалися бы между себя соглашаться», наконецъ, въ случаѣ разногласія съ генералъ-прокуроромъ сносившіеся съ верховною властью только черезъ его же посредство, такіе сенаторы, по мнѣнію автора, неизбѣжно утрачивали «нужную бодрость, для государственнаго правленія надлежащую». При подобныхъ условіяхъ «сенаторы повреждаютъ Сенатъ, а Сенатъ повреждаетъ сенаторовъ». Для исправленія этого неудобнаго порядка Щербатовъ считалъ нужнымъ установить для разбора дѣлъ въ сенатѣ опредѣленную очередь, которая могла бы нарушаться только въ исключительныхъ случаяхъ, заносимыхъ съ опредѣленіемъ причинъ сдѣланнаго отступленія въ журналъ, придать каждому сенатору по секретарю и учредить такой порядокъ, чтобы при разногласіи сенаторовъ по какому-либо вопросу изъ сторонниковъ каждаго мнѣнія выбиралось по нѣсколько человѣкъ для объясненія его государю **). На этихъ частныхъ измѣненіяхъ въ

*) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. VII, 205, 208.
**) „Статистика въ разсужденіи Россіи“, Соч., I, 564—570.

организаціи сенаторскаго дѣлопроизводства не останавливались, однако, его реформаторскіе планы. Исходя изъ высказаннаго Екатериною въ Наказѣ положенія, что Россійская Имперія представляетъ изъ себя монархію, въ которой «надлежитъ имѣть хранилище законовъ, ибо законы въ ней должны твердо пребывать подъ тѣнію монаршей власти», онъ заключалъ, что «понеже монархъ нѣсть вотчинникъ, но управитель и покровитель своего государства, а потому и должно быть нѣкіимъ основательнымъ правамъ, которыя бы не стѣсняли могущество монарха ко всему, полезному государству, но укрощали бы иногда его безпорядочныя хотѣнія, по большей части во вредъ ему самому обращающіяся». Въ ряду этихъ основныхъ законовъ онъ на первомъ мѣстѣ ставилъ законъ о престолонаслѣдіи; далѣе, «храненіе владычествующей вѣры и пребываніе государя въ оной и въ гражданскихъ законахъ должно составить ненарушимое положеніе»; основнымъ же закономъ предполагалъ онъ назначить предѣлы допускаемой въ государствѣ вѣротерпимости. «Права изданія законовъ, разныхъ налоговъ на народъ, передѣланія монеты—вещи, которыя по непостоянству вещей человѣческихъ иногда премѣняются, то, по крайней мѣрѣ, порядокъ произведенія сего въ дѣйство на непоколебимыхъ основаніяхъ долженъ быть утвержденъ, равнымъ образомъ судъ и право себя защищать и совѣту для ради осуждаемыхъ людей по уголовнымъ дѣламъ спрашивать, и право, кому утверждать сіи осужденія; наконецъ, право именованія дворянскаго по ихъ разнымъ степенямъ ненарушимо въ монаршическомъ правленіи поставлено быть должно». Сверхъ всего этого необходимо было бы создать учрежденіе, которое наблюдало бы за сохраненіемъ всѣхъ этихъ законовъ, и такимъ учрежденіемъ могъ бы сдѣлаться Сенатъ подъ условіемъ однако, «не токмо снабдить его довольно основательными государственными правами о его могуществѣ, но также и наполнить его такими людьми въ силу же основательныхъ правъ, чтобъ онъ порученный ему залогъ въ силахъ былъ сохранять» *). Въ этой программѣ преобразованій Сенату намѣчалась такимъ образомъ роль того совѣта именитѣйшихъ людей, который, какъ мы видѣли ранѣе, въ представленіи автора составлялъ одинъ изъ необходимыхъ признаковъ монархіи. Серьезнаго вниманія заслуживаетъ еще одна часть данной программы, не достаточно ясно выраженная въ приведенномъ мѣстѣ, именно та, въ которой говорится о судѣ по уголовнымъ дѣламъ. На другихъ страницахъ того же сочиненія, изъ котораго заимствованы эти строки, Щербатовъ разъяснялъ, что онъ имѣлъ въ виду доставленіе возможности подсудимымъ въ уголовныхъ процессахъ обращаться къ помощи спеціальнаго защитника—«стряпчаго или совѣтника»,—какъ это практиковалось въ гражданскихъ искахъ, и аргументировалъ свое мнѣніе нѣсколькими

*) „Размышленія о законодательствѣ вообще", тамже, 390—2.

бѣгло изложенными, но серьезными по существу соображеніями *); въ связи съ этимъ онъ выставлялъ еще два желанія, клонившіяся къ охранѣ личной безопасности гражданъ, именно, чтобы предварительный арестъ различался по своимъ условіямъ отъ тюремнаго заключенія по приговору суда и чтобы всякій обвиняемый могъ, представивъ поручителей за себя, освободиться отъ такого ареста, причемъ польза этого послѣдняго порядка доказывалась не совсѣмъ точной ссылкой на англійскій Habeas Corpus Act **).

Такимъ образомъ, какъ критика основныхъ явленій русской государственной жизни, такъ и положительныя требованія, предъявлявшіяся къ этой жизни Щербатовымъ, стояли въ строгомъ соотвѣтствіи съ тѣми теоретическими воззрѣніями его на государство, съ которыми мы познакомились ранѣе. Вытекавшая отсюда программа преобразованій далеко не заключала въ себѣ какихъ-либо чрезмѣрно радикальныхъ требованій, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ общемъ ея видѣ трудно было бы назвать ее и программой консервативной. Существованіе въ государствѣ основныхъ законовъ и особаго учрежденія, призваннаго оберегать ихъ ненарушимость, построеніе управленія на началахъ законности и гласности, охрана личной и имущественной безопасности гражданъ отъ произвола администраціи и суда,—всѣ эти требованія, предъявляемыя въ тогдашней Россіи, скорѣе всего могли бы быть подведены подъ понятіе умѣреннаго либерализма, свидѣтельствуя о совершившемся подъемѣ общественнаго правосознанія. При разборѣ общихъ взглядовъ Щербатова мы имѣли уже однако случай замѣтить, что его воззрѣнія на собственно государственную организацію, въ узкомъ смыслѣ этого слова, находятъ себѣ немаловажныя поправки и дополненія, порою измѣняющія самый ихъ смыслъ, въ его понятіяхъ о роли, какую должны играть въ государствѣ отдѣльныя общественныя группы. Съ большимъ вѣроятіемъ мы можемъ ожидать повторенія того же самаго факта и при примѣненіи имъ этихъ общихъ взглядовъ къ условіямъ родного быта. Въ виду этого мы, не дѣлая пока никакого рѣшительнаго заключенія о приведенной программѣ, обратимся еще

---

*) „Размышленія о законодательствѣ вообще“: „въ малой или великой вещи имѣнія нашего имѣемъ мы прибѣжище къ совѣту стряпчихъ; но какъ скоро касается до нашей жизни или чести, тутъ въ робости, въ смущеніи и въ трепетѣ духа, лишенные совѣту и помощи, сами должны отвѣчать и искать себѣ оправданій. Не могло бы отъ сего (т. е. отъ права обращаться къ защитникамъ) никакого зла произойтить, ибо пусть бы отъ сего нѣкоторые винные нашли случай оправдаться, но не лучше ли спасти единаго невиннаго, нежели сто виновныхъ погубить“. Соч., I, 417—18; ср. аналогичное предложеніе Щербатова въ Ек. Коммиссіи, тамже, 20.

**) „Говоря о содержаніи подъ стражей, не могу я умолчать о аглипскомъ узаконеніи, *габеасъ корпусъ* называемомъ, по коему каждый, въ какомъ бы уголовномъ дѣлѣ не былъ обвиняемъ, имѣетъ право, сыскавъ по себѣ поручителей, отъ содержанія подъ стражей избѣжать и пользоваться свободою. Чего-жь бы ради сего у насъ не учредить?“, тамже, 418.

къ разсмотрѣнію взглядовъ Щербатова на современныя ему русскія сословія, которое должно будетъ доставить намъ матеріалъ для болѣе точной оцѣнки проектировавшейся публицистомъ перестройки государственнаго зданія.

Первое мѣсто въ ряду сословныхъ группъ Россіи занимало дворянство, которому Щербатовъ и удѣлилъ наиболѣе вниманія въ своихъ публицистическихъ произведеніяхъ. Исходнымъ пунктомъ для него и въ этой, особенно близкой его сердцу области, далеко не служила безусловная защита до-петровской старины, и, хотя онъ въ своемъ стремленіи обосновать права и притязанія сословія и обращался за аргументами къ исторіи, но послѣдняя въ этихъ доказательствахъ играла чисто служебную роль. Дѣло въ томъ, что его общая точка зрѣнія на дворянство, какъ на сословіе, которое «отъ чести происходитъ и честью содержится», почерпая свои права на исключительное положеніе въ воспитанномъ въ немъ вѣками «благородствѣ», лишь съ весьма большими и серьезными натяжками могла быть примѣнена къ исторіи благороднаго россійскаго шляхетства. Для человѣка, убѣжденнаго или старавшагося убѣдить другихъ въ происхожденіи сословія отъ благодѣтелей человѣчества, мало пріятнаго представляли воспоминанія о московскомъ періодѣ, когда «грубый народъ», вмѣсто того, чтобы считать потомковъ этихъ благодѣтелей «сыновьями боговъ», какъ полагалось ему по общей исторической схемѣ вельможнаго публициста, уравнивалъ ихъ съ собою во всемъ, включительно до битья батогами и другихъ позорныхъ наказаній. Единственный своеобразный институтъ старой Москвы, заключавшій въ себѣ нѣкоторое признаніе аристократическаго начала,—мѣстничество—на убѣжденнаго государственника XVIII столѣтія долженъ былъ производить впечатлѣніе крайне грубаго, почти-что уродливаго порядка, и само московское боярство отталкивало его отъ себя своимъ раболѣпствомъ, упорнымъ консерватизмомъ и невѣжествомъ *). При такихъ условіяхъ у него въ сущности не было прочныхъ и искреннихъ симпатій къ московской старинѣ, окончательно похороненной Петромъ. Пытаясь тѣмъ не менѣе въ согласіи съ своей общей точкой зрѣнія основать права современнаго ему высшаго класса на заслугахъ его предковъ, онъ ради этой цѣли ссылался на исторію русскаго служилаго класса, но настолько преображалъ ее, что она пріобрѣтала мало ей свойственныя, чтобъ не сказать, фантастическія черты. Если вѣрить его неоднократнымъ утвержденіямъ, «въ созиданіи Россіи основаніе, части и подпоры ея были древніе россійскіе дворяне», причемъ этотъ классъ составился исключительно изъ Рюриковичей,

---

*) Сочиненія, I, 61; „Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра В.“, Библ. Зап., 1859, № 12, с. 359. Реформа Петра, по взгляду публициста, сравнявъ на службѣ государству холопа съ его господиномъ, окончательно „истребила мысли благородной гордости въ дворянѣхъ“, „О поврежденіи нравовъ“, Р. Стар., 1870, II, 35—6.

Гедиминовичей, татарскихъ царевичей и князей и другихъ выѣхавшихъ въ Москву иностранныхъ «знатныхъ особъ» *). О такихъ фактахъ, какъ верстаніе въ число служилыхъ людей крестьянъ и даже холоповъ, писатель благоразумно умалчивалъ, а когда въ Екатерининской Коммиссіи одинъ изъ депутатовъ напомнилъ о происхожденіи дворянства отъ самыхъ незнатныхъ фамилій, кн. Щербатовъ, «съ крайнимъ, по словамъ дневной записки Коммиссіи, движеніемъ духа», удивлялся, «что оной господинъ депутатъ подлымъ началомъ древнія россійскія фамиліи порицаетъ, тогда, когда не токмо одна Россія, но вся вселенная свидѣтелемъ противному можетъ быть» **). Эта-то древность родословныхъ, засвидѣтельствованная цѣлой вселенной, и военныя заслуги, оказанныя дворянами въ качествѣ рядовыхъ солдатъ и предводителей армій, и служили тѣмъ, правду сказать, довольно шаткимъ, историческимъ основаніемъ, изъ котораго выводились писателемъ права сословія въ настоящемъ.

Впервые перечень этихъ правъ и вытекающихъ изъ нихъ требованій былъ сдѣланъ Щербатовымъ въ качествѣ дѣятеля Коммиссіи для составленія новаго уложенія, сперва при сочиненіи дворянскихъ наказовъ въ Москвѣ и Ярославлѣ, затѣмъ въ самой Комиссіи путемъ подачи частныхъ мнѣній. Группируя вмѣстѣ всѣ эти мнѣнія, мы получаемъ цѣльную и широко поставленную программу дворянскихъ интересовъ, глубоко захватывающую жизнь сословія и перестраивающую ее на началахъ, весьма далекихъ отъ тѣхъ, какія были заложены предшествовавшей его исторіей. Исходя изъ своей основной мысли о дворянской семьѣ, какъ проникнутой особою добродѣтелью, Щербатовъ вполнѣ послѣдовательно желалъ, «дабы дворянское достоинство уподлено не было», закрыть доступъ къ нему для членовъ другихъ сословій черезъ службу, узаконенный Петровскимъ указомъ 1721 г. и табелью о рангахъ; полезные и даже необходимые въ свое время, эти законы, по его мнѣнію, уже пережили нужду въ нихъ и на будущее время только монархъ долженъ былъ сохранить право пожалованія въ дворянство ***). Отдѣленному такимъ образомъ отъ остальныхъ классовъ общества сословію онъ предполагалъ частью подтвердить, частью вновь даровать рядъ важныхъ личныхъ, имущественныхъ и корпоративныхъ правъ и привилегій. Выражая удовольствіе по поводу того, что по правиламъ полковничьей инструкціи дворяне-рядовые имѣли при производствѣ въ офицеры преимущество передъ не-дворянами, онъ желалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ налагаемыхъ судомъ уголовныхъ наказаніяхъ установить различіе между дворянами и простыми людьми, чтобы первые отъ излишней строгости «не могли лишиться знатныхъ мыслей, которыя чрезъ долгое время родители въ нихъ

*) Сочиненія, I, 221; ср. тамже, 269—74.
**) Тамже, 86—8.
***) Тамже, 12—15; 55—60.

тщились вложить». Точно также онъ высказывалъ желаніе, чтобы дворяне не были подвергаемы пыткѣ иначе, какъ послѣ лишенія дворянскаго званія, а въ другой разъ предлагалъ исключать изъ дворянства только за такія преступленія, которыя, по его мнѣнію, должны караться и смертною казнью, т. е. за измѣну, бунтъ, замыселъ противъ государя, оскорбленіе величества, убійство, разбой, подлогъ документовъ и торгъ правосудіемъ *). Болѣе вниманія посвящено было Щербатовымъ перечисленію и защитѣ правъ сословія въ области имущественныхъ отношеній. Первое мѣсто въ ряду этихъ правъ въ его представленіи занимало исключительное владѣніе населенными деревнями, иначе говоря, крѣпостными крестьянами, со стороны дворянъ, «яко болѣе всѣхъ рожденіемъ своимъ и воспитаніемъ пристойныхъ владѣть другими подданными Ея И. В-ва». Исключительное пользованіе крѣпостнымъ трудомъ прежде всего полезно для самого дворянства **), а «политическое положеніе Россіи требуетъ, чтобы дворянскій корпусъ хотя не въ крайнемъ богатствѣ, но, по крайней мѣрѣ, въ довольствѣ содержать», такъ какъ дворяне главные слуги государства и ихъ слѣдуетъ «обязать и собственнымъ интересомъ къ вѣрности ему». Наряду съ этими аргументами онъ выставлялъ и другіе, заключавшіеся въ указаніи на тяжесть положенія крестьянъ подъ властью фабрикантовъ и въ опасеніяхъ, что купцы, владѣя деревнями, забросятъ торговлю и промышленность ***). Далѣе, изъ права дворянъ на владѣніе деревнями Щербатовъ выводилъ и нѣкоторыя другія права: видя особую милость Екатерины въ подтвержденіи помѣщикамъ права винокуренія, онъ находилъ, что такая милость «не отъ чего инаго начало свое имѣетъ, какъ отъ того, что вино изъ продуктовъ земли, которой единые дворяне владѣтели, сидится», и продолжалъ: «по тому же резону мнится, что и фабрики, сочиняющіяся изо льну и изъ пеньки и изъ прочихъ земляныхъ и экономическихъ произращеній, равнымъ же образомъ дворянамъ должны принадлежать»; за купцами же онъ соглашался оставить подобныя фабрики, заведенныя ими ранѣе, лишь подъ условіемъ особаго платежа въ пользу «корпуса дворянства». На своихъ фабрикахъ дворяне, по его словамъ, «содержатъ въ безпрестанномъ трудолюбіи своихъ крестьянъ, которые, получая отъ господъ своихъ довольную плату, и свое собственное благосостояніе въ прибыткѣ своего господина находятъ». Злоупотребленія въ видѣ чрезмѣрнаго пониженія

---

*) Тамже, 18—19; ср. 82—3.

**) Наивная аргументація этого пункта заслуживаетъ, кажется, воспроизведенія: «не мню, говоритъ Щербатовъ, чтобы кто изъ владѣльцовъ деревень мнѣ осмѣлился отвѣтствовать, чтобы владѣніе деревень ему не полезно было. И коль всѣ обще соглашаются, что владѣніе деревень полезно каждому особо,... слѣдственно, и всему корпусу оно дворянскому полезно». Соч., I, 172 - 3.

***) Тамже. 15, 157—174.

или полнаго отсутствія заработной платы невозможны, такъ какъ только собственный интересъ можетъ побудить фабричнаго къ хорошей работѣ, а при плохомъ исполненіи работы фабрикантъ теряетъ очень много *). Нечего и говорить, что эта идиллическая картина помѣщичьихъ фабрикъ далеко отстояла отъ суровой дѣйствительности. Кромѣ того, Щербатовъ считалъ необходимымъ допустить дворянъ къ участію въ хлѣбной торговлѣ, дозволивъ имъ однимъ закупку хлѣба на крестьянскихъ дворахъ, и доказывалъ, въ виду пассивности русскаго купечества, пользу отъ допущенія дворянъ къ заграничной торговлѣ, «съ заплатою нѣкоей суммы на купечество» **); наконецъ онъ предлагалъ отдавать на откупъ владѣльцамъ деревень имѣющіеся въ послѣднихъ питейные дома, допуская къ такимъ откупамъ купцовъ только въ случаѣ отказа со стороны владѣльцевъ ***). Корпоративныя права сословія, какъ ихъ понималъ Щербатовъ въ это время, не шли особенно далеко. Онъ проектировалъ устроить въ каждомъ уѣздѣ или провинціи ежегодное дворянское собраніе, которое выбирало бы себѣ предводителя и занималось бы разборомъ и повѣркой правъ отдѣльныхъ членовъ сословія. Затѣмъ, въ видахъ устраненія изъ судебныхъ мѣстъ массы мелкихъ дѣлъ, онъ предполагалъ учредить въ каждомъ стану особую должность коммиссара, ежегодно выбираемаго мѣстными дворянами изъ своей среды, вѣдающаго мелкія судебныя, административныя и полицейскія дѣла и подсуднаго по своей должности только дворянскому собранію ****).

Такова была первоначальная программа, съ которою выступилъ Щербатовъ въ вопросѣ объ отношеніяхъ дворянства къ государству и къ другимъ сословіямъ при началѣ своей общественной и писательской дѣятельности. Позднѣе онъ неоднократно возвращался къ этому вопросу по различнымъ случаямъ, дополняя и развивая свои частныя положенія. Не слѣдя за всѣми такими мелкими дополненіями, мы прямо обратимся къ его критикѣ Екатерининскаго законодательства о дворянствѣ. Жалованная грамота 1785 г., какъ извѣстно, пошла на-встрѣчу многимъ желаніямъ сословія, высказаннымъ въ Коммиссіи для составленія новаго уложенія, и, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ удовлетворила эти желанія даже въ бóльшихъ размѣрахъ, нежели требовалъ того, повидимому, самъ Щербатовъ. Тѣмъ не менѣе послѣдній не присоединилъ своего голоса къ многочисленному хору восторженныхъ хвалителей дворянской грамоты, и, наоборотъ, въ особомъ своемъ произведеніи *****) посвященномъ разбору этого законодательнаго акта, выступилъ съ

*) Тамже, 17, 93–8, 101—3.
**) Тамже, 17—18, 204—8.
***) Тамже, 21.
****) Тамже, 15, 69, 22—4, 208—13.
*****) „Примѣчанія вѣрнаго сына отечества на дворянскія права на манифестъ“, Соч., I.

рѣзкой его критикой, переходящей въ прямое осужденіе. За время, прошедшее съ 1767 г. по 1785 г., сословныя притязанія Щербатова не только укрѣпились, но и значительно выросли въ своемъ объемѣ, равно какъ укоренилось и развилось въ немъ за этотъ періодъ критическое отношеніе къ дѣятельности Екатерининскаго правительства; наконецъ, на рѣзкій тонъ даннаго произведенія могло имѣть вліяніе и то обстоятельство, что писатель обращался въ немъ не къ правительству съ цѣлью воздѣйствія на его политику, а къ обществу, хотя бы и очень узкому. Критическое настроеніе ни на минуту не покидаетъ писателя въ этомъ произведеніи, выражаясь въ мѣткихъ, нерѣдко остроумныхъ и ядовитыхъ замѣчаніяхъ, порою же оно переходитъ всякую мѣру, вызывая мелочныя придирки и несправедливыя по существу нападки автора.

Главною цѣлью послѣдній поставилъ себѣ разсмотрѣть, соотвѣтствуютъ-ли дарованныя дворянству права «пышнымъ израженіямъ и великимъ обѣщаніямъ» грамоты, и весь его разборъ клонится къ отрицательному отвѣту на этотъ вопросъ. Онъ недоволенъ уже самой редакціей закона, страдающей, по его мнѣнію, значительными неточностями. Подобныя неточности онъ указывалъ въ перечисленіи преступленій, за которыя полагалось лишеніе дворянскаго достоинства: онъ недоумѣвалъ, какое преступленіе разумѣется подъ «нарушеніемъ клятвы», такъ какъ нарушеніе присяги государю входитъ въ понятіе измѣны, частные люди «клятвою между собою не обязуются», а клятва супруговъ «о взаимномъ любленіи» есть «таинство церковное». Точно также, замѣчалъ онъ, «лживые поступки—толь неопредѣлительное выраженіе, что я, по малоразумію своему, и ума приложить не могу»: дружба часто разстраивается вслѣдствіе «лживаго поступка» одного изъ друзей, но «всѣхъ ли сихъ судить и лишать дворянства?». «Лживый поступокъ въ общежитіи, продолжалъ безпощадный критикъ, болѣе всѣхъ бываетъ при дворѣ: однако, не слышно, чтобы кто поправился или бы наказанъ былъ, а напротивъ того благодаренія, лживыя восклицанія, противу клятвы обманы государству умножаются». Содержаніе закона подвергалось не менѣе рѣшительнымъ нападеніямъ со стороны критика. Онъ находилъ, что статьи грамоты, обезпечивавшія ненаказуемость дворянина безъ суда, не представляютъ собою «какое особенное право, ибо нигдѣ и самой подлѣйшій злодѣй безъ суда не наказуется», самое освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія, по его словамъ, «не новое право», а существовало будто-бы уже со времени Петра В. Съ еще большей ѣдкостью отзывался онъ о 21-й статьѣ грамоты, находя «удивительнымъ» милостивое разрѣшеніе именоваться «помѣщиками», данное черезъ 70 лѣтъ по уничтоженіи помѣстій, и говоря, что названіе «вотчинника», не дающее никакихъ особыхъ правъ, есть «токмо нѣкоторая пыль, брошенная въ глаза для ослѣпленія и, можетъ быть, пріятная такимъ, которые никакими титлами удовольствоваться не могутъ и рады цѣлыя

библейной величины книги титлами своими наполнять». Нѣкоторыя же статьи и положенія грамоты вызывали у него прямое негодованіе и протестъ. Съ особенной энергіей возставалъ онъ противъ утвержденія, что дворяне должны начинать свою службу съ нижнихъ чиновъ, чтобы научиться быть хорошими начальниками. Въ опроверженіе такого правила онъ указывалъ примѣры—Помпея и Конде, которые не служили ни подъ чьимъ предводительствомъ, но сами были «добрые начальники». Подобному правилу противорѣчили, по его указанію, и случаи пожалованія Екатериною сыновей знатныхъ людей еще въ младенчествѣ офицерами гвардіи: если бы правило было вѣрно, то въ такихъ пожалованіяхъ надо было бы видѣть не милость, а наказаніе, такъ какъ благодаря имъ пожалованные становятся «не толь годны, какъ другіе, токмо отъ низкихъ степеней происшедшіе». «Наконецъ, если сіе правило есть общее, то оно на всѣхъ государей простирается; они чрезъ всѣ чиноначалія не происходятъ; убо не могутъ быти добрые начальники, ибо въ свое время сами повиноваться не пріобыкли». Почти столь же страстно вооружался онъ противъ 7-й статьи грамоты, сохранявшей дворянское званіе за дворянкой, вышедшей замужъ за человѣка другого сословія, статьи, которая, по его словамъ, «не токмо есть не право, но вредъ государству, разрушеніе нравовъ». Смѣшеніе сословій уже само по себѣ составляло въ глазахъ писателя вредъ государству; сверхъ того, онъ опасался, что при дозволеніи подобныхъ браковъ, жены-дворянки будутъ раззорять своихъ мужей, а небогатые дворяне станутъ «продавать» своихъ дочерей за купцовъ. «Ея же Императорское Величество, не безъ ѣдкости заключалъ онъ, въ Наказѣ своемъ соизволила сказать, что если послѣ ея законодательства народъ ея не будетъ наидобродѣтельнѣйшій, то до сего несчастія не хощетъ она дожить; а я, какъ вѣрной подданной, ни разврату не хочу и не желаю смерти моего монарха» *). Ко всѣмъ личнымъ и имущественнымъ правамъ, дарованнымъ и подтвержденнымъ дворянству жалованною грамотою, Щербатовъ считалъ нужнымъ присоединить еще нѣкоторыя, которыя, по его, не совсѣмъ, впрочемъ, справедливому, увѣренію, существовали и раньше и которыя онъ дѣлилъ на «почетныя» и «полезныя». Въ разрядъ первыхъ онъ относилъ освобожденіе дворянъ отъ службы въ нижнихъ чинахъ, установленіе особаго наказанія за оскорбленіе дворянскаго достоинства, право дворянина въ дѣлахъ, касающихся его чести и жизни, назначать одного въ число своихъ судей и выбирать адвоката («стряпчаго»), отдѣленіе дворянъ при заключеніи подъ стражу отъ лицъ другихъ сословій, право освобождаться внесеніемъ залога отъ ареста не по уголовнымъ дѣламъ, свободный доступъ для всѣхъ дворянъ ко двору, право ѣздить на парѣ лошадей въ каретѣ и сохраненіе получен-

*) Соч., I 279—80, 282, 283, 285—6, 275—6, 280—2.

ныхъ за-границей чиновъ при поступленіи на русскую службу. Въ число «полезныхъ правъ» онъ помѣщалъ, между прочимъ, такія, какъ право патроната помѣщиковъ надъ священниками и церковниками, «основанное на обрядѣ первенствующей церкви, всегда пребывающее, подтвержденное гражданскими узаконеніями и обычаемъ», право винокуренія и ввоза вина въ города, перевоза крестьянъ и отпуска ихъ на волю и завѣщанія деревень на временныхъ условіяхъ *).

Права, дарованныя жалованной грамотой дворянскимъ обществамъ, въ свою очередь подверглись со стороны Щербатова не менѣе рѣзкой критикѣ. Дворянскія собранія, составляющіяся по созыву и дозволенію генералъ-губернатора или губернатора, по мнѣнію писателя, «собираются не для сужденія о своихъ дѣлахъ, не, разсмотрѣнія общей и частной пользы, но токмо, какъ нѣкоторыя орудія»; дворянство не можетъ противиться власти намѣстниковъ, неподсудныхъ Сенату и пользующихся особымъ довѣріемъ монархини, и «дворяне будутъ токмо съѣзжаться быть каждые три года свидѣтели утѣсненія своего, тѣмъ горчайшаго, что видъ будетъ пребывать, якобы они сами виновны въ своемъ утѣсненіи». При такомъ положеніи не нуженъ дворянскому собранію и особый домъ, «развѣ утѣсненія его будетъ памятникъ и темница ихъ свободы», а въ архивѣ собранія «большая часть будутъ сохраняться дѣянія его рабства, а не дѣянія блаженства сего похвальнаго собранія». Чтобы исправить этотъ порядокъ, авторъ считалъ прежде всего совершенно необходимымъ дозволить дворянству вполнѣ свободный выборъ губернскаго предводителя, такъ какъ иначе «съ честолюбіемъ человѣкъ въ знатномъ чину» не рѣшится подвергнуть себя риску не-утвержденія со стороны намѣстника. Онъ желалъ далѣе болѣе точнаго опредѣленія правъ намѣстника относительно дворянскихъ ходатайствъ, именно въ такомъ видѣ, чтобы намѣстникъ либо представлялъ эти ходатайства монарху, либо сообщалъ причины своего отказа въ такомъ представленіи дворянамъ, причемъ послѣдніе сохраняли бы право сами послать свою челобитную. Самыя эти ходатайства, по мнѣнію писателя, должны были разрѣшаться не только въ предѣлахъ существующихъ законовъ, но и въ смыслѣ просьбъ объ измѣненіи послѣднихъ, если они тягостны сословію; въ противномъ случаѣ это право означало бы только то, что дворянамъ «позволяется визжать, когда ихъ бьютъ». Установленный закономъ имущественный и служебный цензъ для занятія должностей по выборамъ Щербатовъ отвергалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, предлагая лишь установить, чтобы вышедшіе въ отставку безъ серьезныхъ причинъ до полученія офицерскаго чина могли быть выбираемы только на самыя низшія должности; что касается возрастнаго ценза, то въ установленіи 25-лѣтняго возрас-

*) Тамже, 290—5.

та авторъ видѣлъ отдаленіе срока совершеннолѣтія и, слѣдовательно, «еще уменьшеніе древняго права дворянскаго» *). Порядокъ записи дворянскихъ фамилій въ родословныя книги и доказательства дворянскаго происхожденія, въ томъ видѣ, какъ они были опредѣлены грамотою Екатерины, равнымъ образомъ навлекли на себя сильные упреки со стороны Щербатова. Находя, что установленныя шесть частей родословной книги своимъ порядкомъ и раздѣленіемъ, смѣшивающимъ новые роды со старыми, нарушаютъ «историческій порядокъ» и «истину историческую», онъ тутъ же возставалъ противъ доступа въ дворянство путемъ службы и при помощи грамматическихъ ухищреній доказывалъ незаконность такого доступа, утверждая именно, будто указъ 1721 г. и табель о рангахъ относились только къ лицамъ, получившимъ офицерскіе чины до изданія этихъ законовъ. Соотвѣтственно этому онъ отказывался считать патенты на чины и ордена, за исключеніемъ орденовъ, даваемыхъ самимъ государемъ, доказательствомъ дворянства; не считалъ онъ удобнымъ признавать за такое доказательство и свидѣтельство 12 дворянъ о благородной жизни дѣда и отца претендента на дворянское званіе, такъ какъ «всѣ сіи свидѣтели должны быть Несторы, жившіе три вѣка человѣческихъ», и, сверхъ того, при этомъ способѣ доказательства легко возможны злоупотребленія **).

Вниманіе писателя устремлялось такимъ образомъ по преимуществу на тѣ слабыя стороны въ жизни русскаго дворянства, которыя мѣшали этому, одаренному уже многими привилегіями, классу занять прочное и самостоятельное положеніе въ качествѣ обособленной соціальной группы. Онъ желалъ видѣть данный классъ замкнутымъ и рѣшительно первенствующимъ въ государствѣ сословіемъ, предназначеннымъ по преимуществу для государственной службы и надѣленнымъ на ней особыми правами, располагающимъ прочнымъ экономическимъ благосостояніемъ, которое создавалось бы путемъ исключительнаго владычества надъ невольнымъ народнымъ трудомъ и пользованія рядомъ важныхъ привилегій въ сферѣ торговли и промышленности, наконецъ, обладающимъ широкимъ самоуправленіемъ и вѣскимъ голосомъ въ обще-государственныхъ дѣлахъ. Уже эти черты указываютъ, какое положеніе должно было въ проектахъ дворянскаго публициста выпасть на долю другихъ классовъ народа. Щербатовъ въ своихъ произведеніяхъ не останавливался на нихъ столь же подробно и касался ихъ жизни главнымъ обра-

*) Тамже, 295—6, 298, 301, 302; 296—7, 299—300, 303—310.

**) Тамже, 315—325, 328—32; онъ приводитъ примѣръ, что „князь Урусовъ и другіе благородные о дворянствѣ Полетаева, холопа кн. Долгорукова, подписались"; указанный въ текстѣ взглядъ на указъ 1721 г. и табель о рангахъ, противорѣчащій тому, что заявлялъ Щербатовъ въ Екатерининской Коммиссіи, см. также въ его „Размышленіяхъ о законодательствѣ вообще", Соч., I, 413—14.

зомъ въ тѣхъ сторонахъ, какими она соприкасалась съ жизнью дворянства, но сущность его взглядовъ на отношенія этихъ другихъ классовъ къ государству и первому сословію была все-же высказана имъ съ достаточною яркостью и убѣдительностью. Обратимся еще къ этой сторонѣ его воззрѣній, которая должна окончательно обрисовать намъ его соціальную физіономію.

Въ жизни городского класса Щербатовъ особенно подробно останавливался на возможности перехода изъ него въ высшее сословіе путемъ пожалованія чиномъ, возможности, послѣдствія которой онъ, въ строгомъ согласіи съ общими своими взглядами, обрисовывалъ самыми темными красками. Такой переходъ, никогда, впрочемъ, не пріобрѣтавшій массоваго характера, являлся въ его глазахъ одной изъ главнѣйшихъ причинъ слабости русской торговли и русскаго купечества. «Чины, восклицалъ онъ, есть язва, которая, заразивъ россійскихъ купцовъ вреднымъ и обществу, и имъ самимъ безуміемъ, совершенно разоряетъ россійскую торговлю». Благодаря пожалованію купцовъ чинами изъ торговаго обращенія изъемлются большіе капиталы, которыми и такъ небогато русское купечество, и наносится еще вредъ торговлѣ въ томъ смыслѣ, что «чужестранные купцы, зная, коль легко въ Россіи изъ купцовъ въ дворяне перепрыгнуть, удерживаютъ своимъ кредитомъ», безъ котораго не можетъ существовать русская торговля. Такія пожалованія ослабляютъ городской классъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ «служба претерпѣваетъ и чины уподляются, а служащій корпусъ дворянской огорчается». Купцовъ же, по мнѣнію публициста, побуждалъ добиваться чиновъ только «родъ безумія, сопряженный съ лѣностію», такъ какъ при этомъ они выигрывали лишь «единое имя, позволеніе имѣть деревни и ношеніе шпаги, потому что, если прямо разсмотрѣть, то россійскій дворянинъ никакихъ, окромя сего, правъ не имѣетъ». За то они теряли «прибыльный торгъ» и возможность «спокойнаго житія» для себя и дѣтей и, взваливая на послѣднихъ, «въ грубости рожденныхъ и худо воспитанныхъ», расходы и тягости дворянской службы, подвергали ихъ риску легкаго раззоренія и становились «злодѣями своего исчадія» *). Этотъ вопросъ крайне интересовалъ писателя и онъ неоднократно къ нему возвращался, пользуясь иногда для его возбужденія совсѣмъ, казалось бы, неподходящими поводами. Такъ, предлагая въ 1787 г. рядъ

*) „Размышленія о ущербѣ торговли", тамже, 620, 623 — 6; въ другой разъ Щербатовъ заявлялъ даже, что въ Россіи права купцовъ выше правъ дворянства, доказывая это слѣдующими примѣрами: сынъ именитаго купца можетъ ѣздить въ каретѣ четверней, а дворянинъ не имѣющій офицерскаго чина,—только на дрожкахъ; „богатаго откупщика или подрядчика внукъ, не меньше именитаго своимъ капиталомъ, какъ воровствомъ и отягощеніемъ народа, при рожденіи своемъ право на потомственное почетное имя дворянина получаетъ", а сыновья дворянина не получаютъ безъ службы даже низшаго офицерскаго чина.—„Размышленія о законодательствѣ", тамже, 401.

мѣръ для помощи народу въ пораженныхъ голодомъ мѣстностяхъ Россіи, онъ въ число этихъ мѣръ ставилъ и дарованіе купцамъ чиновъ и орденовъ за пожертвованія въ пользу голодающихъ, но тутъ же и проектировалъ на будущее время прекратить подобныя пожалованія, и первый проектъ занималъ его едва-ли не болѣе всего, какъ средство для проведенія послѣдняго *). Закрывая такимъ образомъ передъ купечествомъ доступъ въ ряды дворянства, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ упорно возставалъ противъ покушеній купцовъ раздѣлить съ высшимъ сословіемъ его главное право на владѣніе крѣпостнымъ трудомъ. Когда въ Екатерининской Коммиссіи нѣкоторые изъ городскихъ депутатовъ выступили съ просьбами о разрѣшеніи купцамъ покупать крѣпостныхъ, Щербатовъ явился однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ противниковъ такихъ притязаній, пользуясь для опроверженія ихъ такими аргументами, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ могли быть обращены и противъ дворянскаго владѣнія людьми. Отстаивая крѣпостное право въ рукахъ дворянъ, какъ учащихся въ деревняхъ управлять государствомъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ, что не можетъ существовать такихъ основаній, по которымъ бы «равной равнаго могъ въ неволѣ у себя имѣть», тѣмъ болѣе, что для этого нужно было «дойти до такой суровости, чтобы равноестественныхъ намъ сравнять съ скотами и по одиночкѣ продавать». Покупка людей, по его мнѣнію, не принесла бы пользы и самому купечеству, такъ какъ свободный человѣкъ «служитъ окромя жалованья своего по совершенному усердію, а въ невольникѣ я проникнуть не могу, усерденъ-ли онъ ко мнѣ или нѣтъ». Ссылаясь на примѣръ всей Европы, на природу человѣка, въ силу которой «вольный человѣкъ, могущій болѣе благополучія своего потерять, нежели рабъ, менѣе на какое злое дѣло отважится и, слѣдственно, болѣе повѣренности достоинъ», и на интересы низшихъ разрядовъ самого городского класса, рискующихъ лишиться заработка при появленіи у купцовъ крѣпостныхъ, Щербатовъ приходилъ къ заключенію о необходимости отказать купцамъ въ ихъ требованіи **). Но онъ шелъ еще и дальше, недружелюбно относясь, какъ мы отчасти видѣли уже это и выше, и къ владѣнію фабрикантовъ изъ горожанъ т. н. поссессіонными или фабричными крестьянами. Онъ не однажды затрогивалъ этотъ вопросъ въ засѣданіяхъ Коммиссіи и, указывая на притѣсненія фабрикантовъ и вызываемые ими бунты крестьянъ, на развратъ, распространяющійся среди послѣднихъ на купеческихъ фабрикахъ, наконецъ на то, что нѣкоторые купцы держатъ фабрики лишь для виду, чтобы пользоваться «помѣщичьими доходами», настаивалъ если не на совершенной отмѣнѣ, то по меньшей мѣрѣ, на серьезномъ ограниченіи

*) „Разсужденіе о нынѣшнемъ въ 1787 г. почти повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи". Соч., I, 659—61.

**) Соч., I, 115—9.

права купцовъ владѣть населенными деревнями путемъ воспрещенія покупки ихъ къ фабрикамъ на будущее время и принятія мѣръ къ постепенному освобожденію купленныхъ ранѣе или къ переходу ихъ въ дворянскія руки. Руководящимъ мотивомъ къ проектированію такого рода мѣръ, которыя замѣнили бы на купеческихъ фабрикахъ крѣпостной трудъ наемнымъ, служила у Щербатова далеко, впрочемъ, не одна забота объ утѣсненномъ крестьянствѣ; по его разсчетамъ, и «дворянство, когда ихъ крестьяне между работныхъ поръ будутъ ходить къ купцамъ работать на фабрики и заводы, чрезъ вящшую циркуляцію денегъ пользу же себѣ пріобрѣтетъ» *). Стремясь поставить промышленную дѣятельность городского класса исключительно на основаніи его личнаго и наемнаго труда, Щербатовъ не особенно благосклонно смотрѣлъ и на торговую дѣятельность даннаго класса, упрекая его въ крайней лѣности и пассивности, благодаря которой вывозная торговля оставалась всецѣло въ рукахъ иностранныхъ купцовъ, и въ стремленіи пріобрѣтать себѣ благосостояніе главнымъ образомъ на почвѣ вредныхъ общему народному хозяйству монополій. Считая нужнымъ, какъ было уже упомянуто выше, допустить дворянство къ заграничной торговлѣ и воспретить купцамъ покупку хлѣба въ деревняхъ, онъ вмѣстѣ доказывалъ необходимость разрѣшить крестьянамъ свободную, безъ посредничества купцовъ, продажу сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ городахъ, хотя бы только въ опредѣленные часы и съ возовъ, а не въ лавкахъ. Въ Коммиссію имъ представленъ былъ цѣлый планъ устройства городского класса, дѣлившагося по этому плану на купечество и мѣщанство, причемъ послѣднее составлялось изъ владѣльцевъ городскихъ домовъ и земель и изъ ремесленниковъ. Оба эти разряда горожанъ лишались права пріобрѣтать деревни и даже земли внѣ города; управляться и судиться они должны были выборными магистратами, а для ремесленниковъ, раздѣленныхъ на цехи, предполагались еще выборные же цеховые судьи **). Позднѣе этотъ планъ былъ значительно переработанъ и видоизмѣненъ его авторомъ, и опять-таки мотивами такой переработки врядъ-ли служили одни лишь интересы русскаго купечества и торговли. Екатерининская грамота городамъ такъ же мало удовлетворила Щербатова, какъ и грамота дворянамъ. Онъ прежде всего остался недоволенъ установленнымъ въ ней «великимъ числомъ судей», выбираемыхъ горожанами изъ своей среды, усматривая въ этомъ отвлеченіе силъ сословія отъ торговли, которая «требуетъ все время для упражненія человѣку». Затѣмъ, хотя «судиться равными себѣ»—правило справедливое и драгоцѣнное для каждаго гражданина, но выборъ въ судьи «купцовъ, насилу грамотѣ знающихъ, не токмо нужной логикѣ, безъ всякаго понятія о законахъ, съ врожденной грубостію и пристрастіями», дол-

*) Тамже, 15—16, 98—100, 125—6, 130, 162—3; 16.
**) Соч., I, 18, 40—1, 42—9, 105—9; 109—113.

женъ былъ, по мнѣнію публициста, создать судъ невѣжественный и пристрастный, какой онъ и находилъ во всѣхъ городскихъ магистратахъ *). Въ силу этихъ соображеній онъ предлагалъ, «чтобъ всѣ суды купеческіе наполнялись дворянами или людьми, не привязанными къ торговлѣ, а довольно для чести купечества, чтобъ былъ избираемъ голова и при судахъ одинъ купеческій депутатъ находился». Въ самомъ устройствѣ городского класса критикъ находилъ неудачнымъ раздѣленіе купечества по степенямъ и гильдіямъ, которыя «предписаны не по качеству ихъ и не по пользѣ, какую они могутъ дѣлать отечеству, но по капиталамъ, якобы капиталъ производилъ качества и самъ собою дѣлалъ пользу». Онъ предлагалъ дѣленіе иного рода, основанное на принципѣ личныхъ заслугъ: такъ, банкиръ, купецъ, устроившій контору заграницей или ведшій прямыя сношенія съ чужими странами, открывшій новую отрасль торговли, «а паче въ Азіятскія страны», купецъ, вооружившій корабль для китовой ловли и занимавшійся этимъ промысломъ не менѣе 5 лѣтъ,—должны были бы удостоиваться званія именитыхъ людей, а купцы, ведшіе внутреннюю валовую торговлю и отпускавшіе товаръ заграницу, должны были входить въ первую гильдію. Третье общее возраженіе, выдвинутое Щербатовымъ противъ Екатерининскаго законодательства о городскомъ классѣ, касалось цехового устройства ремесленниковъ, которое онъ находилъ теперь совершенно ненужнымъ. Неудобства его, на взглядъ публициста, заключались уже въ томъ, что опредѣленіемъ годовъ обученія ремеслу игнорировались природныя способности, что принятіе ученика въ мастера зависѣло отъ старыхъ мастеровъ, интересу которыхъ противорѣчило увеличеніе ихъ числа, наконецъ, въ томъ, что Россія нуждалась не столько въ совершенныхъ, сколько въ дешевыхъ ремесленникахъ. Сверхъ того «не токмо состояніе, введенный обычай, но и самый климатъ нашей страны, кажется, составляютъ препоны такому учрежденію, ибо: 1-е, множество дворянъ съ немалымъ себѣ убыткомъ изучили ремесленниковъ, которые, можно сказать, и лучшіе есть; они и благонравіемъ своимъ, и искусствомъ большую часть мѣщанъ превосходятъ, а дешевизною за работу дѣлаютъ пользу всѣмъ гражданамъ; 2-е, семь мѣсяцевъ продолжающаяся зима крестьянъ въ праздности оставляетъ и изъ нихъ многіе приходятъ въ города ремеслами своими себѣ прибыль получать и спомоществовать пользѣ общества». «То должно-ли, спрашивалъ писатель, для единыхъ мѣщанъ ремесленниковъ отнять у дворянъ плоды попеченія ихъ, сдѣлать ихъ ремесленниковъ безъ пропитанія, крестьянъ привести въ нужду и бѣдность и гражданъ изубытчить дорогою платою»? Руководясь такими аргументами, онъ приходилъ къ мысли о необходимости полной сво-

*) Напомнимъ, что для дворянъ Щербатовъ не считалъ нужнымъ знаніе законовъ при исполнеиіи судейскихъ обязанностей.

боды ремеслъ, такъ какъ свободная конкурренція наиболѣе способствуетъ и дешевизнѣ, и хорошему качеству произведеній» *). Нѣкоторыя отдѣльныя замѣчанія Щербатова по поводу положенія и притязаній городского класса нельзя не признать вѣскими и справедливыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ трудно не видѣть, что въ общемъ онъ склоненъ былъ не придавать этому классу почти никакого самостоятельнаго значенія. Лишаясь по его проектамъ своего сословнаго самоуправленія въ пользу дворянъ-чиновниковъ, городской классъ и экономическую свою дѣятельность долженъ былъ, слѣдуя указаніямъ публициста, въ значительной мѣрѣ подчинить интересамъ дворянскаго сословія.

Перейдемъ еще къ мнѣніямъ, выражавшимся Щербатовымъ по поводу положенія различныхъ разрядовъ крестьянства **). Выше мы имѣли уже случай отмѣтить, что порядокъ крѣпостного права представлялся ему вполнѣ нормальнымъ, пока онъ былъ обращенъ исключительно на пользу дворянъ, являвшихся единственными господами невольнаго труда народа. Въ данномъ порядкѣ публицистъ усматривалъ тѣсную связь благосостоянія крестьянъ съ благосостояніемъ ихъ владѣльцевъ и утверждалъ, что «всякое расторженіе сей связи угрожаетъ паденіемъ государству» ***). Существо этой связи онъ изображалъ весьма розовыми красками и въ чертахъ, мало общаго имѣвшихъ съ дѣйствительностью: по его словамъ «дворяне, получа земли и деревни въ награжденіе за пролитую свою кровь и за разныя услуги, большую часть земель для пропитанія своимъ крестьянамъ уступили; снабдили ихъ лѣсами, снабдили ихъ лугами, надзираютъ подобно какъ надъ дѣтьми своими, чтобы никто никакой обиды имъ не учинилъ и чтобъ между собою другъ друга не раззоряли; ссужаютъ ихъ во время нужды и хлѣбомъ, и скотиной, и лошадьми. За такія дарованія, защищеніе и доброе управленіе иль полагаютъ крестьянъ своихъ на пашню и работу, оставляя, однако, по меньшей мѣрѣ двѣ трети времени на ихъ собственныя работы, иль положили ихъ на оброки и тогда уже работы не требуютъ». Въ томъ и другомъ случаѣ крестьяне не подвергаются притѣсненіямъ, такъ какъ раззореніе ихъ вредно отозвалось бы на благосостояніи самого владѣльца ****). Съ интересомъ государства, заключавшимся въ поддержаніи и воспитаніи «дворянскаго корпуса» чрезъ посредство предоставленнаго ему крѣпостного права, въ схемѣ публициста совпадалъ интересъ самихъ крѣ-

---

*) „Размышленіе о законодательствѣ вообще“, Соч., I, 402—3; 408—12.

**) Обстоятельный разборъ мнѣній, высказанныхъ Щербатовымъ о крестьянствѣ въ Екат. Коммиссіи см. въ трудѣ В. И. Семевскаго. „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“, т. I. гл. VII; см. тамже, гл. XII—разборъ анонимнаго мнѣнія 1785 г.. приписываемаго авторомъ Щербатову.

***) „Размышленіе о дворянствѣ“, Соч.. I, 268.

****) Соч., I, 129.

стьянъ, находившихъ, по его мнѣнію, въ порядкѣ крѣпостного права удовлетвореніе важнѣйшихъ своихъ нуждъ и потребностей. Съ такой точки зрѣнія не только уничтоженіе даннаго порядка, но и проведеніе какихъ бы то ни было серьезныхъ измѣненій въ немъ въ видѣ ограниченія помѣщичьей власти представлялось совершенно невозможнымъ. Когда въ Коммиссіи для составленія новаго уложенія былъ поднятъ крестьянскій вопросъ и нѣкоторыми депутатами были сдѣланы предложенія, клонившіяся къ болѣе или менѣе существенному ограниченію произвола помѣщиковъ въ дѣлѣ распоряженія личностью и имуществомъ крѣпостного, Щербатовъ выступилъ краснорѣчивымъ апологетомъ существующаго порядка. Не отрицая существованія, впрочемъ, лишь въ видѣ рѣдкихъ исключеній, помѣщиковъ, притѣсняющихъ своихъ крестьянъ, и необходимости старанія прекратить эти притѣсненія, онъ отвергалъ возможность установить норму помѣщичьяго дохода, ссылаясь на разнообразіе мѣстныхъ условій, какому можетъ удовлетворять только существующій строй, настолько удобный, что и «довольно извѣстный всему свѣту мудрыми своими правилами для законодательства г. Монтескье точно россійское учрежденіе о сборѣ доходовъ и связь между помѣщиками и ихъ подданными похваляетъ». Точно также отвергалъ онъ и возможность утвердить за крестьянами какую-либо собственность. Право собственности на движимое имущество, по его утвержденію, и безъ проектируемаго закона принадлежало крестьянамъ, «токмо съ такимъ ограниченіемъ, что помѣщики наблюдаютъ для крестьянскаго же благоденствія, дабы самыхъ нужныхъ вещей для земледѣлія не сбывали и не становились бобылями». Что касается земли, то отдача ея въ собственность крестьянамъ представлялась ему немыслимой: прежде всего большая часть земель принадлежала дворянамъ, которые не только заслужили ихъ своею кровью, но, уплачивая пошлины при переходѣ имѣній изъ рукъ въ руки, «едва не всю цѣну и денежную въ государственную казну внесли»; затѣмъ, раздача крестьянамъ мелкихъ участковъ на правѣ полной собственности и созданіе такимъ путемъ крестьянскаго участковаго землевладѣнія, не говоря уже о трудностяхъ размежеванія, поведетъ лишь къ тому, что большинство новыхъ владѣльцевъ скоро вынуждено будетъ распродать свои земли меньшинству и окажется въ неволѣ у послѣдняго *). Наконецъ, право собственности не имѣетъ большого значенія въ рукахъ невольнаго человѣка: «когда тѣло чье подвластно другому, имѣніе его всегда тому же подвластно будетъ». Подобнаго рода аргументы противъ частичныхъ улучшеній въ быту крѣпостныхъ, заключавшіе въ себѣ не мало справедливыхъ указаній, могли имѣть однимъ изъ своихъ послѣдствій и болѣе радикальную постановку вопроса о реформѣ, но самъ Щербатовъ

*) Послѣднее соображеніе особенно полно развито въ анонимномъ „Размышленіи“, приписываемомъ В. И. Семевскимъ Щербатову.

вооружался не только противъ попытокъ въ корнѣ рѣшить этотъ вопросъ силою государственной власти, но и противъ предоставленія отдѣльнымъ помѣщикамъ права отпускать на волю цѣлыя деревни по условію съ ними, такъ какъ, по его взгляду, «коль бы мало сіе право свободы ни было, однако, разрываетъ сію цѣпь, связующую помѣщиковъ съ ихъ крестьянами, которая въ толь давнихъ временахъ благоденствіе самихъ крестьянъ и цѣлость государства сохраняла». Въ виду этого онъ соглашался лишь на весьма небольшія, чтобъ не сказать, ничтожныя, уступки въ дѣлѣ ограниченія помѣщичьихъ правъ надъ крестьяниномъ. Самою важной изъ нихъ было признаніе необходимости отмѣнить розничную продажу крестьянъ безъ земли; сверхъ того онъ предлагалъ лишь поручить дворянскимъ собраніямъ и выбираемымъ ими коммиссарамъ наблюдать за благосостояніемъ крестьянъ и сперва словесно или письменно склонять замѣченныхъ въ жестокости помѣщиковъ къ умѣренности, а если это не подѣйствуетъ, то увѣдомлять о нихъ правительство, которое послѣ строгаго разслѣдованія можетъ отдать имѣніе такого помѣщика въ опеку. Возвратившись въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ произведеній къ этому вопросу, Щербатовъ высказалъ еще пожеланіе, чтобы у помѣщиковъ отнята была власть убивать и пытать своихъ крѣпостныхъ, чтобы они были поручителями въ платежѣ податей послѣдними и не допускали ихъ до нищенства, но, какъ самъ онъ правильно оговорился, въ этихъ пожеланіяхъ не было ничего существенно новаго сравнительно съ дѣйствовавшимъ законодательствомъ. *)

Въ Комиссію для составленія уложенія Щербатовъ расчитывалъ еще представить, а частью и дѣйствительно представилъ, нѣкоторыя общія ходатайства относительно правъ крестьянъ. Онъ желалъ, именно, чтобы крестьне во время полевыхъ работъ не вытребовывались въ города по частнымъ искамъ, чтобы имъ дозволено было, на указанныхъ выше условіяхъ, продавать продукты своего хозяйства въ городахъ, чтобы имъ разрѣшено было заниматься ремеслами и брать казенные подряды на поставку хлѣба, холста и продуктовъ и ремесленнаго производства, наконецъ, чтобъ имъ разрѣшалось, но только на зимнее время, служить прикащиками въ купеческихъ лавкахъ и питейныхъ домахъ. Послѣднему ограниченію соотвѣтствовала еще одна проектированная Шербатовымъ мѣра: стремясь по возможности привязать крестьянина къ деревнѣ и земледѣлію, онъ совѣтовалъ установить для живущаго въ деревнѣ крестьянина двойную или тройную плату за безчестье сравнительно съ живущимъ въ городѣ **).

Настаивая на сохраненіи безъ существенныхъ перемѣнъ всѣхъ главныхъ особенностей положенія помѣщичьихъ крестьянъ, Щер-

---

*) Соч. I,181—9, 192—200, 115—6, 190—1, 268.

**) Тамъ же, 25—9.

батовъ совершенно иной образъ дѣйствій рекомендовалъ по отношенію къ государственнымъ крестьянамъ. Екатерининское законодательство и практика Екатерининскаго правительства опять-таки весьма мало удовлетворяли его въ этомъ вопросѣ. Нижняя расправа столь-же мало нравилась ему, какъ и городской магистратъ, и отчасти по тѣмъ же самымъ причинамъ. «Желаніе ровности, до неумѣренности доведенное, — съ горечью замѣчалъ онъ, — учинило, что изъ послѣдняго и непросвѣщеннѣйшаго рода людей судьи избираются»,—порядокъ, отъ котораго онъ не ждалъ никакихъ добрыхъ послѣдствій. Участіе въ судѣ можетъ только отвлечь крестьянъ отъ земледѣлія, и тогда они, возгордившись, станутъ, «тиранами другимъ своимъ собратьямъ». Самый судъ ровныхъ полезенъ лишь потому, что обезпечиваетъ большую справедливость, «а можетъ ли она быть отъ глупыхъ, грубыхъ и непросвѣщенныхъ людей»? «Не такъ легко,—продолжалъ авторъ свои пессимистическія разсужденія,—и не такъ полезно просвѣтиться народу, какъ думаютъ; ибо малое просвѣщеніе введетъ токмо въ вящшія заблужденія и къ духу неподданства, а нужно нравственное просвѣщеніе». Ссылаясь на примѣръ духовенства, которое, по его мнѣнію, «имѣетъ малое просвѣщеніе безъ нравовъ» и потому является «наивреднѣйшими людьми въ государствѣ», впадая въ такія преступленія, какъ разбой, корчемство и т. п., авторъ обращался, наконецъ, къ мрачнымъ предсказаніямъ: «и ежели, писалъ онъ, народъ подлой просвѣтится и будетъ сравнивать тягости своихъ налоговъ съ пышностію государя и вельможъ, не зная, впрочемъ, ни нужды государства, ни пользы самой пышности, тогда не будетъ ли онъ роптать на налоги, а, наконецъ, не произведетъ ли сіе и бунта? Всѣ такія соображенія приводили писателя къ проекту замѣны крестьянскаго суда особыми опекунами, которыхъ бы сами крестьяне избирали на годовой срокъ, сохраняя за собою право по истеченіи его избрать ихъ вновь или замѣнить другими *).

Съ этими разсужденіями о вліяніи просвѣщенія на народъ небезынтересно, во всякомъ случаѣ, сопоставить составленный Щербатовымъ, когда онъ занималъ должность герольдмейстера, проектъ народнаго образованія. Указывая на примѣръ средневѣковой Европы, авторъ считалъ необходимымъ передать дѣло просвѣщенія народа въ руки духовенства, которое онъ и рекомендовалъ прежде всего «начать просвѣщать». Существовавшія въ его время духовныя семинаріи не удовлетворяли его главнымъ образомъ въ виду чрезмѣрной высоты ихъ курса: это послѣднее обстоятельство давало возможность лишь немногимъ окончить ученье въ нихъ, но и эти немногіе выходили «учеными латинщиками», мало пригодными для вліянія на «грубые и непросвѣщенные разумы». Исходя изъ той мысли, что для сельскихъ жителей нужны священники, которые

*) „Статистика въ разсужденіи Россіи“, тамъ же, 616—618.

умѣли бы внятно читать, знали краткій катехизисъ, священную и церковную исторію и «выучены были правиламъ нравоучительнымъ», онъ предлагалъ раздѣлить учениковъ семинарій на два разряда, такъ, чтобы болѣе способные изучали древніе языки, философію и богословіе, а менѣе способные, готовясь въ сельскіе священники, проходили указанный упрощенный курсъ и затѣмъ назначались въ лучшіе приходы, гдѣ и обучали бы своихъ прихожанъ. Вспомогательными средствами при обученіи могли бы служить составленныя для этихъ учениковъ руководства, которыя авторъ предлагалъ разослать по всѣмъ церквамъ и пустить въ продажу «съ самою малою прибылью», и проповѣди, которыя были бы сочинены «кѣмъ наипросвѣщеннѣйшимъ изъ сановниковъ церкви» и читались бы во всѣхъ храмахъ *). Духовная пища, которую писатель считалъ возможнымъ предложить народу, не отличалась такимъ образомъ особеннымъ разнообразіемъ и изысканностью, и ея значеніе сводилось къ воспитанію нравственныхъ чувствъ, которое, на практикѣ, конечно, должно было оказаться совершенно мнимымъ.

Экономическій бытъ крестьянства также, и едва-ли еще не въ большей мѣрѣ, привлекалъ вниманіе Щербатова. Считая земледѣліе главною основою благосостоянія всякой страны **), онъ съ сожалѣніемъ отмѣчалъ тотъ фактъ, что въ Россіи многіе крестьяне отвлекались отъ этого занятія другими промыслами. Объясненіе этому онъ находилъ въ увеличеніи со времени Петра какъ государственныхъ податей, такъ и владѣльческихъ оброковъ, благодаря тому, что «помѣщики узнали многія спокойствія жизни», и въ недостаткѣ земли у многихъ крестьянъ; даже у государственныхъ крестьянъ «множество не имѣетъ и по осьминѣ на работника высѣять». Для борьбы съ отвлеченіемъ крестьянъ отъ хлѣбопашества онъ совѣтовалъ постепенно лишить ихъ тѣхъ промысловъ, которые, «прямо городамъ принадлежатъ», и раздавать даромъ помѣщикамъ и крестьянамъ казенныя пустыя земли въ Бѣлгородской и Воронежской губерніяхъ. Практиковавшаяся въ его время раздача и продажа казенныхъ земель обращалась, по его утвержденію, исключительно въ пользу вельможъ и богатыхъ людей, которые захватили «многія тысячи десятинъ» и, не заботясь объ ихъ заселеніи и обработкѣ, пользовались ими для скотоводства ***). Было бы большою ошибкою на основаніи приведеннаго пожеланія счесть Щербатова своего рода сторонникомъ самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства. Подобныя идеи не умѣщались въ рамки его общихъ представленій и крестьянство въ его планахъ и проектахъ всегда играло чисто служебную

*) „Проектъ о народномъ изученіи“, Соч. I, 728—33.

**) „Никогда не можетъ быть та благополучна страна, гдѣ пропитаніе жителей не на земледѣліи основано“. „Статистика въ разсужденіи Россіи“, Соч., I, 481.

***) Тамже, 491 — 2; „Разсужденіе о нынѣшнемъ въ 1787 г. голодѣ“, тамже, 638.

роль. Исходя изъ своихъ правовыхъ взглядовъ и агрономическихъ соображеній, онъ представлялъ въ мрачномъ свѣтѣ даже такой крупный въ исторіи русскаго крестьянства и благопріятный для него фактъ, какъ отобраніе имѣній у монастырей и образованіе изъ бывшихъ монастырскихъ т. н. экономическихъ крестьянъ. По мнѣнію публициста, правительство не имѣло права на этотъ шагъ, а, разъ рѣшившись на него, должно было отобранныя деревни возвратить потомкамъ тѣхъ лицъ, которыя нѣкогда жертвовали ихъ въ монастыри. Кромѣ того, онъ находилъ, что эта реформа повела къ паденію хозяйства въ данныхъ имѣніяхъ, такъ какъ старыя хозяйственныя заведенія монастырей были въ ея результатѣ или раззорены, или запущены, а вновь установленные казначеи и управители «или сами крестьянъ разоряютъ, или крестьянамъ же крестьянъ разорять даютъ». Для поправленія дѣла онъ совѣтовалъ устроить въ этихъ имѣніяхъ ежегодно выбираемыхъ крестьянами опекуновъ изъ дворянъ, которые получали бы опредѣленное жалованье; еще лучше было бы, по его мнѣнію, «раздробя деревни, отдать ихъ на аренду: сіе бы послужило къ поправленію состоянія множества бѣдныхъ дворянъ и къ умноженію государственныя економіи» *). Завѣтные планы Щербатова не исчерпывались, впрочемъ, этимъ предложеніемъ и шли еще гораздо дальше. «Для обновленія упадшаго у насъ земледѣлія» онъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ произведеній проектировалъ «продать всѣ государственныя и экономическія деревни дворянамъ, считая кругомъ по 80 р. за душу»; а цѣну мельницъ и другихъ оброчныхъ статей опредѣляя путемъ капитализаціи дохода изъ 5%. Въ отвращеніе злоупотребленій онъ предполагалъ распредѣлить продаваемыя деревни между дворянами по чинамъ и производить ее по жребію, съ разрѣшеніемъ мѣняться участками. Въ дальнѣйшемъ, путемъ довольно наивной манипуляціи эта продажа обращалась въ почти даровую раздачу и яркими красками рисовались благодѣянія, какія должны получиться въ результатѣ такой мѣры. «Продажу бы сію — мечталъ писатель — сдѣлать, не бравъ деньги, не бравъ въ залогъ самыя сіи деревни безсрочно, съ платежемъ процентовъ; отъ сего бы пользы слѣдующія произошли: каждый бы старался умножить разныя домостройствы въ сихъ деревняхъ; дворянство бы обогатилось, земледѣліе и другія домоводствы умножились, службы бы наградились, крестьяне лучше бы управляемы и защищены были, доимокъ бы не было и казна не токмо бы потеряла, но нашла прибыль въ денежномъ своемъ доходѣ», такъ какъ съ каждой тысячи крестьянъ, вмѣсто 3000 р. податей, получила бы съ пошлинами 84.000 р., слѣдовательно, 4.200 р. процентовъ въ годъ. При всемъ томъ Щербатовъ и самъ понималъ, что его проекту суждено остаться въ области мечтаній. «Коль онъ ни есть полезенъ, съ нескрываемою горечью замѣчалъ

*) «Статистика въ разсужденіи Россіи», тамже, 598—9, 602—3.

онъ, но исполненъ не будетъ до того, пока у насъ не познаютъ прямую пользу Короны, чего и въ сто лѣтъ не уповательно быть». Вслѣдствіе сознаваемой имъ самимъ невозможности исполненія даннаго плана онъ проектировалъ, по крайней мѣрѣ, устройство «государственной коллегіи или приказа земледѣлія и домоводства», причемъ въ число обязанностей этой коллегіи входило бы приведеніе въ извѣстность казенныхъ пустыхъ земель и распродажа лишней противъ потребностей государственныхъ крестьянъ земли помѣщикамъ, для поселенія ихъ малоземельныхъ крестьянъ, по умѣренной цѣнѣ, которую «покупающій воленъ платить или не платить, платя ежегодно съ суммы по пяти процентовъ» *). Казалось бы, помѣщичье хозяйство, для котораго писатель считалъ возможнымъ требовать столь крупныхъ жертвъ отъ государства, должно было стоять въ агрономическомъ отношеніи образцово, и такъ дѣйствительно и трактовалъ его Щербатовъ въ своихъ общихъ разсужденіяхъ. Но въ одномъ изъ своихъ произведеній онъ далъ болѣе подробную картину этого хозяйства и она оказалась очень печальной. По сознанію горячаго защитника дворянскаго землевладѣнія, почти никто изъ дворянъ не велъ сколько-нибудь рачительно и успѣшно своего земледѣльческаго хозяйства: бѣдные помѣщики отвлекались службой въ городахъ, которая давала имъ болѣе дохода, многіе изъ богатыхъ также заняты были службой и наконецъ «достаточные и благоразумные», жившіе въ деревняхъ, не могли сами слѣдить за своими, разбросанными въ разныхъ губерніяхъ, имѣніями и не находили достаточно надежныхъ для этого людей **). Экономическія жертвы отъ государства требовались, стало быть, не столько ради улучшенія сельскаго хозяйства, сколько для поддержанія дворянскаго благополучія.

Мы можемъ теперь свести конечные результаты своихъ наблюденій и ясно представить себѣ тотъ идеалъ, который былъ выработанъ Щербатовымъ. Государство, проектированное имъ должно было носить свѣтскій характеръ; подчиняя себѣ церковь, оно воспринимало однако нѣкоторую конфессіональную окраску и вмѣстѣ съ тѣмъ не отказывалось отъ вмѣшательства въ сферу религіозныхъ убѣжденій и борьбы съ ними при помощи насильственныхъ средствъ, разъ эти убѣжденія не отвѣчали его требованіямъ. Отношенія между властью и гражданами государства въ представленіи публициста покоились на началахъ нѣкоторой, довольно умѣренной, политической свободы и правомѣрности дѣйствій власти, но то и другое, свобода и законность, находили себѣ лишь весьма узкую сферу приложенія, примѣняясь въ полномъ объемѣ лишь къ высшей общественной группѣ, по своимъ нравственнымъ свойствамъ и со-

*) „Разсужденіе о нынѣшнемъ въ 1787 г. голодѣ“, Соч., I, 667—8 674—6.

**) Также, 636—7.

ціальному положенію рѣзко отдѣленной отъ остальной массы народа. Въ то время, какъ эта высшая группа, иначе говоря, дворянское сословіе, измѣняя на указанныхъ началахъ свои отношенія въ правительственной власти, вмѣстѣ съ тѣмъ во имя прирожденнаго ему благородства получало рядъ важныхъ привилегій, низшія сословія должны были утратить часть даже тѣхъ небольшихъ правъ, которыя они въ дѣйствительности имѣли, и частью подчинить свою дѣятельность интересамъ дворянства, какъ это было съ городскимъ классомъ, частью стать къ нему въ положеніе почти совершенно безправныхъ его рабовъ, какъ это проектировалось относительно крестьянства. Въ послѣднемъ итогѣ дворянство, освобожденное почти отъ всякихъ обязательствъ передъ государствомъ, получало въ свое распоряженіе если не всѣ, то большую часть государственныхъ силъ и средствъ. Такой идеалъ во всякомъ случаѣ не вполнѣ совпадалъ съ дѣйствительностью. Какія же средства, какіе пути указывалъ его творецъ для осуществленія его въ жизни, гдѣ онъ видѣлъ силы, которыя помогли бы такому осуществленію? Такихъ путей Щербатовымъ было указано два. Въ заключеніи своего извѣстнаго труда «О поврежденіи нравовъ въ Россіи» онъ ожидалъ улучшеній въ отечествѣ отъ воцаренія государя, одареннаго высокими нравственными качествами, «могущаго имѣть довольно великодушія и любви къ отечеству, чтобы составить и передать основательныя права государству и довольно тверда, чтобы ихъ исполнять» *). Въ одномъ же изъ послѣднихъ, если не послѣднемъ произведеніи своемъ, озаглавленномъ: «Оправданіе моихъ мыслей и часто съ излишнею смѣлостью изглаголанныхъ словъ», онъ переносилъ инціативу возбужденія вопроса о реформѣ на наиболѣе заинтересованное въ ней дворянское сословіе, убѣждая его «принять духъ благородный, духъ твердости и любви отечества, представить предъ престолъ монаршій тугу состоянія отечества нашего» **). Можно думать, однако, что самъ Щербатовъ не особенно вѣрилъ въ возможность подвинуть сословіе на этотъ путь. По крайней мѣрѣ, въ его идеальномъ государствѣ — «Офирской землѣ» благотворный переворотъ производитъ великій и добродѣтельный монархъ по собственному побужденію, — черта, характерная для оцѣнки дѣйствительной силы даннаго направленія.

Мы не будемъ уже останавливаться на только-что помянутомъ утопическомъ произведеніи Щербатова—«Путешествіе въ землю Офирскую», едва-ли не самомъ слабомъ его трудѣ и по силѣ обнаруженнаго въ немъ таланта, и по характеру содержанія. На половину памфлетъ, на половину идиллія, оно заключаетъ въ себѣ слишкомъ мало полета мысли для утопіи и написано слишкомъ блѣдными и тусклыми красками для того, чтобы имѣть значеніе са-

*) Р Старина, 1871, III, 687—8.
**) Библіогр. Записки, 1859, № 13, с. 408.

тиры. Въ немъ такъ мало фантазіи, что дѣйствующія лица не только говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, но и обладаютъ всѣ почти одною и тою-же наружностью; такъ мало утопіи, что въ изображаемомъ имъ идеальномъ государствѣ оказываются крѣпости, служащія не только для отраженія внѣшнихъ враговъ, но и для усмиренія бунтующихъ гражданъ. Здѣсь мы находимъ и департаментъ для составленія законовъ, въ томъ видѣ, какъ мы познакомились съ нимъ ранѣе, и архивъ вотчинной коллегіи съ устройствомъ, проектированнымъ Щербатовымъ для современнаго ему архива, и многія еще другія детали. Наиболѣе же крупныхъ вопросовъ Щербатовъ не успѣлъ разработать въ этомъ недоконченномъ имъ трудѣ, если не считать вопроса о религіи, о чемъ было у насъ упомянуто раньше. Въ общемъ въ этомъ произведеніи можно наблюдать то же соединеніе политическаго свободомыслія съ узкосословнымъ эгоизмомъ, столь характерное для Щербатова, соединившаго уроки западно-европейской теоріи съ впечатлѣніями русской дѣйствительности въ одно цѣльное, но узкое міросозерцаніе.

Направленіе, которое было порождено встрѣчей западной политической мысли съ русскимъ крѣпостничествомъ и яркимъ представителемъ котораго явился Щербатовъ, не умерло вмѣстѣ съ послѣднимъ и съ его эпохой. Послѣдовавшій за блестящимъ по внѣшности царствованіемъ Екатерины кратковременный періодъ правленія Павла наглядно показалъ широкимъ кругамъ дворянскаго общества, на чемъ основывались всѣ ихъ привилегіи, и это обстоятельство дало сильный толчокъ идейному движенію, сообщивъ ему бóльшую серьезность и сознательность. Блестящій ораторъ Государственнаго Совѣта Александровской эпохи, корреспондентъ и другъ Бентама, Мордвиновъ далеко опередилъ людей Екатерининскаго времени въ глубинѣ пониманія западныхъ учрежденій и идей, но при внимательномъ наблюденіи не трудно открыть черты разительнаго сходства между нимъ и тяжеловѣснымъ, неуклюжимъ ученикомъ «господина Монтескье» — Щербатовымъ. Побѣда въ спорѣ общественныхъ силъ не досталась, однако, на долю даннаго направленія и колесо исторіи повернулось не въ ту сторону, въ какую хотѣли его направить Щербатовъ и его ближайшіе преемники. Но по мѣрѣ того, какъ выяснялся этотъ общій результатъ, разъединялись и становились во враждебное отношеніе отдѣльныя части нѣкогда цѣльной программы. Самъ Щербатовъ основывалъ свой планъ общей реформы на опредѣленномъ соціальномъ фундаментѣ и съ своей точки зрѣнія довольно послѣдовательно предсказывалъ результаты паденія крѣпостнаго права для дворянскаго общества: «что болѣе сей ключъ дворянскихъ доходовъ будетъ уменьшаться, то болѣе дворянство въ дѣйствительную нищету, въ загрубѣлость, въ уныніе и въ другія злы неизбѣжныя впадетъ» *). Нѣкоторую «загру-

*) Сочиненія кн. М. М. Щербатова, I, 160.

бѣлость и уныніе» дѣйствительно пришлось наблюдать позднѣйшимъ поколѣніямъ. Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе представители сословныхъ притязаній забывали правило, на которомъ настаивалъ ихъ предшественникъ Екатерининской эпохи, которымъ онъ оправдывалъ свои горькія укоризны современности: «уподленіе духа никогда не дѣлаетъ честныхъ людей и есть ужасно и безумно требовать, что болѣе мы глупы будемъ, то лутчіе будемъ граждане» *).

В. Мякотинъ.

---

*) Тамже, 333—4.

Уличный мальчикъ.

Изъ Ады Негри.

Я вижу: идетъ онъ по людной дорогѣ,
Въ грязи, но прекрасенъ, проворенъ.
Въ клочкахъ его куртка, взглядъ смѣлъ и задоренъ,
Въ изодранной обуви ноги.
Среди экипажей, по улицѣ грязной
Онъ шмыгаетъ, бѣдный мальчишка,
И камни швыряетъ въ собакъ, ужъ воришка,
Безстыжій и наглый и праздный.
Онъ скачетъ, смѣется... Цвѣтъ дикаго терна...
Я думаю: мать на заводѣ,
Отецъ-же въ тюрьмѣ; онъ одинъ на свободѣ.
А въ хижинѣ такъ безпризорно!
И страхъ за него меня давитъ, какъ горы.
Что будетъ съ тобой, мальчуганомъ,
Испорченнымъ, дикимъ, лѣнивымъ, буяномъ
Безъ вѣры, безъ всякой опоры?
Избушки родной соловей голосистый,
Чѣмъ будешь ты въ возрастѣ зрѣломъ,
Обманщикомъ низкимъ, работникомъ смѣлымъ?
Кто путь твой укажетъ тернистый?
Рабочая-ль блуза съ тобою сроднится,
Клейменая-ль куртка? Кто знаетъ,
Что̀ лѣтъ черезъ двадцать тебя ожидаетъ.
Тюрьма, мастерская, больница?
И хочется мнѣ среди улицы жадно
Прижать тебя къ сердцу съ тоскою

И плакать съ тобою надъ злобой людскою,
Надъ долей, что такъ безотрадна!
Отдать тебѣ всѣ поцѣлуи въ мгновенье,
Сжимая въ объятьяхъ, лаская,
И съ братской любовью промолвить, рыдая,
Святыя слова ободренья:
Я также жила безъ призора, тоскуя,
Какъ дикій цвѣтокъ на болотѣ.
Была въ мастерской моя мать на работѣ.
Мы близки... За это, мой братъ по страданью,
Тебя беззавѣтно люблю я!

А. М. Ѳедоровъ.

Изъ исторіи обязательнаго горнаго труда.

Мастеровые и ссыльно-каторжные на Нерчинскихъ золотыхъ промыслахъ съ начала 30-хъ гг. до 1861 г.

Въ исторіи развитія фабричной и заводской промышленности въ Европейской Россіи въ XVIII вѣкѣ весьма видную роль съиградъ трудъ рабочихъ несвободныхъ или, по крайней мѣрѣ, обязанныхъ работать въ извѣстномъ промышленномъ заведеніи. Помѣщики заставляли своихъ крѣпостныхъ отбывать барщину на фабрикахъ; купцамъ дозволено было пріобрѣтать деревни къ фабрикамъ и заводамъ съ тѣмъ, чтобы они составляли ихъ неотъемлемую принадлежность, или на такія фабрики правительство отдавало нищихъ, бродягъ и т. п. (всѣ эти крестьяне и рабочіе, навсегда прикрѣпленные къ фабрикамъ, получили впослѣдствіи названіе поссессіонныхъ); наконецъ, къ горнымъ заводамъ приписывались государственные крестьяне для отработки на нихъ податей (такъ называемые приписные) *). Въ Сибири, какъ извѣстно, крѣпостныхъ почти вовсе не было, но за то для работъ на алтайскихъ и нерчинскихъ заводахъ вѣдомства Кабинета Е. В. было приписано не мало государственныхъ крестьянъ, которые должны были нести свой тяжелый подневольный трудъ въ Нерчинскомъ округѣ до начала 50-хъ, а на Алтаѣ до начала 60-хъ годовъ, между тѣмъ какъ крестьяне, приписанные къ уральскимъ горнымъ заводамъ, были избавлены отъ него еще при императорѣ Александрѣ I; было въ Сибири и нѣсколько поссессіонныхъ фабрикъ: тальцинская фаянсовая близь Иркутска, гдѣ работали ссыльно-поселенцы, тельминская суконная (при впаденіи р. Тельмы въ Ангару), гдѣ работали ссыльно-поселенцы и крестьяне, и нѣкоторыя другія. Наконецъ на

---

*) Приписныхъ иногда смѣшиваютъ съ поссессіонными: въ такую ошибку впадаетъ, напримѣръ, Н. Н. Ѳирсовъ въ своемъ трудѣ „Русскія торгово-промышленныя компаніи въ первую половину XVIII столѣтія" (Каз. 1896 г., стр. 175). Но поссессіонные крестьяне были очень близки по своему юридическому положенію къ крѣпостнымъ, между тѣмъ какъ приписные, хотя и отрабатывали всѣ подати или часть ихъ на горныхъ заводахъ, оставались государственными крестьянами.

Алтайскихъ и Нерчинскихъ горныхъ заводахъ работали мастеровые, состоявшіе на положеніи военнослужащихъ и подчинявшіеся строгой дисциплинѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ началѣ 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія на Алтаѣ и въ Нерчинскомъ округѣ были открыты золотыя розсыпи, обязательный трудъ мастеровыхъ, а на нерчинскихъ промыслахъ и ссыльно-каторжныхъ, былъ примѣненъ и къ добыванію золота.

I.

Мастеровые. — Ссыльно-каторжные. — Урочники. — Вознагражденіе за трудъ.—Продовольствіе.—Одежда.—Жилища.

До тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія золото въ Нерчинскомъ округѣ не добывалось отдѣльно отъ другихъ металловъ, такъ какъ двукратныя открытія руднаго золота (въ 1777 и 1825 гг.), вслѣдствіе бѣдности содержанія драгоцѣннаго металла оставлены были безъ обработки, но нѣсколько десятковъ пудовъ его было получено въ XVIII вѣкѣ и двухъ первыхъ десятилѣтіяхъ XIX столѣтія попутно при выплавкѣ серебра. Съ 1830 г., т. е. со времени передачи Нерчинскихъ заводовъ вмѣстѣ съ Алтайскими изъ вѣдомства Кабинета (при главномъ наблюденіи на мѣстѣ генералъ-губернатора Восточной Сибири) въ вѣдѣніе министерства финансовъ начались розысканія разсыпного золота, которыя и увѣнчались успѣхомъ, но первыя найденныя розсыпи имѣли весьма скудное содержаніе, такъ что съ 1832 по 1838 г. въ округѣ было добыто изъ нихъ золота всего немногимъ болѣе двухъ пудовъ. Наконецъ, въ 1838 г. было открыто болѣе богатое золото въ долинѣ рѣки Кары, впадающей въ Шилку, и съ тѣхъ поръ добыча его увеличивается: въ 1845 г. она достигла уже 21 пуда, въ 1849 г. поднялась до 25 пудовъ. Это привело къ рѣшенію, по предложенію генералъ-губернатора Восточной Сибири Муравьева уменьшить добычу серебра и направить главныя усилія на добычу золота, съ тѣмъ, чтобы съ 1850 г. ежегодно добывать по 100 пудовъ лигатурнаго или 95 пудовъ чистаго золота. Усерднаго, даже слишкомъ усерднаго исполнителя своихъ предположеній Муравьевъ нашелъ въ управляющемъ Карійскими промыслами Разгильдѣевѣ, который въ 1852 г. сдѣланъ былъ горнымъ начальникомъ Нерчинскихъ заводовъ (объ его управленіи печальной памяти см. ниже). Первые годы, однако, не удалось добыть предположеннаго количества золота *). Но въ 1853 г. была развѣдана Шахтаминская розсыпь, которая мѣстами обнаружила небывалое содержаніе — до 1 фунта золота въ 100 пудахъ песку, среднее же содержаніе въ значительной части развѣдки было принято въ 5 золотниковъ. Въ 1853 г.

*) Въ 1850 г. изъ всѣхъ розсыпей Нерчинскаго округа было получено 73 п. золота, въ 1851 г.—почти 68 п., въ 1852 г.—72 п.

Муравьевъ съ торжествомъ доложилъ государю, что на Нерчинскихъ кабинетскихъ промыслахъ было добыто болѣе 171 пуда золота *). Но поднявшись до этого количества, добыча золота стала быстро падать **).

Рабочіе на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ Нерчинскаго округа, какъ и на тамошнихъ заводахъ, состояли изъ двухъ главныхъ составныхъ элементовъ: мастеровыхъ и ссыльно-каторжныхъ. Юридическое положеніе нерчинскихъ мастеровыхъ было совершенно такое же, какъ и алтайскихъ: точно также они были подчинены суровой дисциплинѣ, точно также ихъ контингентъ пополнялся наборомъ рекрутъ изъ крестьянъ, приписанныхъ къ мѣстнымъ горнымъ заводамъ (до тѣхъ поръ, пока эти крестьяне не были освобождены въ 1851 г. отъ заводскихъ работъ и обращены въ казаки), а также дѣтьми мастеровыхъ, которыя должны были наслѣдовать профессію своихъ отцовъ. Сыновья рабочихъ изъ ссыльныхъ также поступали по достиженіи надлежащихъ лѣтъ въ заводскіе мастеровые.

Мастеровые частью были переселены съ заводовъ на золотые промысла, частію ходили на лѣтнія работы на пріиски, а на зиму опять возвращались на заводы. «Болѣе десяти лѣтъ», до освобожденія Нерчинскихъ горнозаводскихъ служителей въ 1861 г., говоритъ одинъ мѣстный наблюдатель, совершался обязательный перегонъ людей сотнями, въ видѣ «рабочей команды», по промысламъ и на зимовку домой. Поэтому лучшія рабочія силы совершенно отвыкли отъ осѣдлости и домохозяйства. Какъ на главнѣйшую причину разстройства хозяйства «семейныхъ служителей», Озерскій, въ донесеніи Муравьеву, указывалъ на частыя передвиженія рабочей команды съ Кары въ Шахтаму, на заводы и обратно. Не лучше было положеніе и тѣхъ мастеровыхъ, которыхъ переселяли съ заводовъ на золотые промысла, тѣмъ болѣе, что при этомъ, въ большинствѣ случаевъ, семейныхъ разлучали съ ихъ семьями. Оффиціальная коммиссія, назначенная для изслѣдованія рудниковъ и пріисковъ Нерчинскаго округа въ первой половинѣ 50-хъ годовъ, въ своемъ заключеніи говоритъ: «Усиленное дѣйствіе золотыхъ промысловъ, требуя передвиженія рабочихъ изъ мѣстъ прежняго, постояннаго ихъ жительства на серебро-свинцовыхъ рудникахъ и въ заводахъ плавильныхъ, разстроивало ихъ хозяйство и вредило семейнымъ отношеніямъ. Изъ 1300 рабочихъ, переведенныхъ на золотые промысла до 1853 г., *только 560 перешли съ семействами*, а 740 оставили ихъ на прежнемъ мѣстѣ жительства». По словамъ той же коммиссіи, «команда малая, здоровая обыкно-

*) Среднее содержаніе золота *во всемъ округѣ* также достигло въ этомъ году максимальной цифры—2 зол. 36 д. въ 100 пудахъ песку.

**) Въ 1854 г. шлихового золота было получено 142 п., въ 1855 г.—98 п., въ 1856—60 гг. добыча его колебалась между 60 и 70 пудами.

венно переводилась на золотые промысла и оставалась тамъ до тѣхъ поръ, пока отъ болѣзни или изнуренія не дѣлалась малоспособною къ промысловымъ работамъ, и въ этомъ видѣ обращалась снова къ серебро-свинцовому производству». Сибирскій комитетъ въ Высочайше одобренномъ положеніи 3 февраля 1859 г. свидѣтельствуетъ, что «положеніе рабочихъ Нерчинскихъ заводовъ въ прежнее время было несравненно лучше нынѣшняго. Разстройство ихъ состоянія и нравственный ихъ упадокъ начались съ того времени, когда былъ усиленно развитъ въ Нерчинскихъ заводахъ золотой промыселъ. Посылка рабочихъ на промысла, удаленіе ихъ отъ жилищъ и оставленіе ихъ въ продолженіе долгаго времени безъ достаточнаго призрѣнія и даже наблюденія не можетъ не разстроить ихъ состоянія вообще». И Кабинетъ въ это время признавалъ переселеніе семейныхъ рабочихъ на отдаленные золотые промысла для нихъ «разорительнымъ». Въ извѣстной пѣснѣ о дѣяніяхъ Разгильдѣева на Карѣ въ 1850 г. сказано:

„И съ весны того же лѣта
Начался походъ.
Со всѣхъ рудниковъ, заводовъ
Какъ на Турцію походы
Партіями шли.
Изъ Петровскаго завода
Пришло разнаго народа
Сотъ пять человѣкъ.
Съ Кутомары, съ Акатуя,
Лишь бѣду эту почуя,
Много разбѣглось.
Съ Алгачей, Клички, Дучару
Пили ту же горьку чару—
Всѣ шли на Кару,
Съ Благодатскаго и Горной—
Тамъ народъ власти покорный—
Плакали да шли.
Опустѣлъ заводъ Нерчинскій
И промыселъ Култуминскій,—
Народъ былъ въ Карѣ“ *),

Другимъ составнымъ элементомъ рабочихъ на Нерчинскихъ золотыхъ промыслахъ были ссыльно-каторжные. Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, Муравьевъ, въ запискѣ (1849 г.) представленной государю, обсуждая вопросъ объ уничтоженіи невыгоднаго серебро-плавильнаго производства, ежегодные дефициты котораго въ это время стала покрывать лишь добыча золота, говоритъ: «Куда же дѣвать каторжныхъ, если работу эту прекратить?

*) «Владивостокъ» 1893 г. № 37. (Мѣстами мы исправляемъ по рукописи, сообщенной намъ Л. Ѳ. Пантелѣевымъ). Къ 1 января 1859 г. на Нерчинскихъ золотыхъ промыслахъ было учениковъ разныхъ мастерствъ 26, мастеровъ и подмастерьевъ 56, служителей 1674, подростковъ, употреблявшихся въ работы, 149.

На этотъ старинный вопросъ я имѣю теперь право отвѣчать, что всѣхъ каторжныхъ должно обратить къ добыванію золота въ Нерчинскомъ округѣ».

Нужно замѣтить, впрочемъ, что въ позднѣйшей запискѣ того же года Муравьевъ предлагалъ не только всѣхъ ссыльно-каторжныхъ, но и всѣхъ заводскихъ рабочихъ, занятыхъ невыгоднымъ серебро-плавильнымъ производствомъ, обратить на добычу золота изъ золотыхъ промысловъ Нерчинскаго округа. Въ 1850 г. имп. Николай повелѣлъ, для разсмотрѣнія предположеній Муравьева о Нерчинскихъ заводахъ (въ числѣ этихъ предположеній было и обращеніе приписныхъ къ заводамъ крестьянъ въ казаки), учредить особый комитетъ, въ составъ котораго входили слѣдующія лица: кн. Волконскій, кн. А. Чернышевъ, гр. Блудовъ, гр. Врonченко и Муравьевъ. Въ февралѣ 1851 г. Муравьевъ представилъ проектъ положенія объ управленіи Нерчинскими горными промыслами, въ которомъ заключались и правила о тюремно-казарменномъ помѣщеніи для ссыльно-каторжныхъ. Предположеніе его объ обращеніи всѣхъ каторжныхъ на работы на золотыхъ промыслахъ вызвало сомнѣніе въ членахъ особаго комитета, такъ какъ оно «тѣсно связано съ основными началами нашего уголовнаго законодательства». По мнѣнію главноуправляющаго II-го Отдѣленія Е. В. Канцеляріи, если будетъ признано нужнымъ измѣнить или дополнить дѣйствующія постановленія о ссылкѣ на каторгу вслѣдствіе уменьшенія работъ въ рудникахъ и расширенія промысловыхъ работъ, то слѣдовало бы ясно и подробно опредѣлить: а) какими работами или какимъ инымъ родомъ наказанія предполагается замѣнить работы въ рудникахъ, составляющія по нашимъ законамъ высшій родъ уголовныхъ наказаній; б) могутъ ли для этого быть назначены работы на золотыхъ промыслахъ; в) какому надзору будутъ подвергнуты каторжные на этихъ работахъ; г) «достаточны ли онѣ, по свойству своему, какъ для того, чтобы спасительнымъ ужасомъ сего высшаго уголовнаго наказанія удерживать людей отъ преступленій, такъ и для занятій осужденныхъ въ теченіе всего года» и «не умножатся ли отъ сего случаи къ побѣгамъ и не отъ обращенія ли каторжныхъ на золотые промыслы (что по дѣйствующимъ нынѣ законамъ не было допущено) *считается теперь въ бѣгахъ до двухъ тысячъ каторжныхъ, т.-е. почти половина всего числа ихъ*, и не будетъ ли вредныхъ отъ того послѣдствій для самаго общественнаго спокойствія и безопасности».

Муравьевъ на это отвѣчалъ, что «*работы на золотыхъ пріискахъ не только соотвѣтствуютъ по тяжести своей работамъ въ рудникахъ, но даже болѣе тяжки* и, слѣдовательно, ими можетъ быть такъ же или и лучше достигнута цѣль уголовнаго закона, какъ работами въ рудникахъ». Работы эти продолжаются на пріискахъ непрерывно и въ теченіе всей зимы, надзоръ за каторжными на золотыхъ промыслахъ гораздо удобнѣе; наконецъ, нѣтъ

возможности употреблять въ подземныя работы всѣхъ, ссылаемыхъ въ рудники Нерчинскаго округа, вслѣдствіи ихъ многочисленности. Особый комитетъ возложилъ на Муравьева обязанность удостовѣриться, на основаніи мнѣнія лицъ, управлявшихъ горными заводами и золотыми пріисками, въ какой степени работы въ рудникахъ могутъ быть замѣнены для каторжныхъ работами на промыслахъ, и, если такая замѣна окажется возможною, составить подробный проектъ, сообразуясь съ дополнительными постановленіями, Высочайше утвержденными 15 августа 1845 г. Государь согласился съ мнѣніемъ комитета 27 апрѣля 1851 г.

Однако вопросъ этотъ не былъ разрѣшенъ еще и въ 1858 г. Послѣ того, какъ Нерчинскіе промысла вмѣстѣ съ заводами были переданы въ 1855 г. опять въ вѣдѣніе Кабинета, послѣдній нашелъ невыгоднымъ принять на себя всѣ расходы по содержанію ссыльно-каторжныхъ и считалъ необходимымъ, «чтобы расходы на содержаніе ссыльно-каторжныхъ падали на счетъ Кабинета Е. В. только въ мѣрѣ действительной пользы, трудомъ ихъ горному промыслу приносимой, такъ какъ Комитетъ пришелъ къ убѣжденію, что не мастеровые нерчинскіе въ тягость заводамъ, но ссыльно-каторжные, трудъ которыхъ по неискусству, непривычкѣ и нерадѣнію ихъ къ техническимъ занятіямъ, *а также по требованіямъ, закономъ установленнымъ въ отношеніи обращенія съ преступниками*, не можетъ сравниться съ работою первыхъ» *). Муравьевъ въ запискѣ 1859 г. предлагалъ попрежнему употреблять ссыльно-каторжныхъ на заводахъ, рудникахъ и золотыхъ промыслахъ, но изъять ихъ изъ заводскаго вѣдомства и передать въ непосредственное вѣдѣніе мѣстнаго областного начальства, предоставивъ ему право назначать на работы въ Нерчинскомъ округѣ и *преимущественно на золотые промысла.* Впослѣдствіи, уже при генералъ-губернаторѣ Корсаковѣ, въ шестидесятыхъ годахъ, ссыльно-каторжные были сосредоточены на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ, и содержаніе ихъ отнесено на счетъ казны, за исключеніемъ той суммы, какую они могли заработать за счетъ Кабинета Е. В. **).

---

*) Эти слова подтверждаютъ свидѣтельство Муравьева, что промысловыя работы были тяжелѣе обычнаго труда ссыльно-каторжныхъ.

**) Къ 1 января 1859 г. на золотыхъ промыслахъ Нерчинскаго округа было ссыльныхъ 2059 чел. (слѣдовательно, болѣе, чѣмъ мастеровыхъ) и «ссыльныхъ женокъ» 146. Всѣхъ работниковъ, безъ различія званія, къ 1 января 1859 г. на Нерчинскихъ золотыхъ промыслахъ было 4110 челов., въ томъ числѣ полносильныхъ 3651, слабосильныхъ 459. Всего населенія золотыхъ промысловъ въ это время числилось 6037 чел., въ томъ числѣ пѣшаго и коннаго казачьяго войска 709 чел., урядниковъ 65, богадѣльщиковъ 36, малолѣтнихъ мальчиковъ 936. Число рабочихъ, «задолжавшихся по разсчету на одинъ день», т. е. фиктивныхъ годовыхъ рабочихъ, было въ 1842 г.—718, въ 1844 г.—1413, въ 1845 г.—1297, въ 1847 г.—1623, въ 1849 г.—1496, въ 1851 г.—3236. По другому источнику, въ 1850 г. считалось 4560 годовыхъ рабочихъ.

Работы на Нерчинскихъ, какъ и на Алтайскихъ, золотыхъ промыслахъ производились зимою и лѣтомъ, распредѣляясь такимъ образомъ. Съ начала весны, въ маѣ мѣсяцѣ, приготовляли много песку, потому что съ мая до половины іюня идутъ дожди и воды для промывки достаточно. Затѣмъ до конца іюля или начала августа бывала совершенная засуха, не дававшая возможности заниматься промывкою золота, между тѣмъ какъ отъ сильныхъ жаровъ земля въ это время совершенно растаиваетъ, и такимъ образомъ легко добывать пески. Съ августа снова наступаютъ дожди, и вслѣдствіе этого промывка золота можетъ продолжаться даже въ сентябрѣ, отличающемся ясною и сухою погодою. Не смотря на наступающіе въ октябрѣ холода, почва до декабря замерзаетъ только сверху, и это время можетъ быть употреблено для приготовленія песку, въ сильные же морозы зимою добывался только торфъ; въ мартѣ и апрѣлѣ, кромѣ дровъ при снятіи торфа и отчасти песковъ, разогрѣванію земли содѣйствовало уже и солнце.

На Алтайскихъ казенныхъ промыслахъ съ 1840 г. стали вводить трехсмѣнныя работы (при которыхъ мастеровой двѣ недѣли работалъ, а третью отдыхалъ или трудился на старательскихъ работахъ), и въ началѣ 50-хъ годовъ такая работа на Алтайскихъ промыслахъ была уже общимъ правиломъ. Муравьевъ въ январѣ 1851 г., во время пребыванія своего въ Петербургѣ, приказалъ Разгильдѣеву, управляющему Нерчинскими золотыми промыслами, по пріѣздѣ на промысла, внимательно разсмотрѣть, какая изъ работъ болѣе полезна для выгодъ правительства, двухсмѣнная (когда рабочіе работаютъ постоянно въ двѣ смѣны днемъ или ночью) или трехсмѣнная, когда послѣ двухъ рабочихъ недѣль они имѣютъ одну недѣлю отдыха. Возвратясь изъ Петербурга на Карійскіе промысла, Разгильдѣевъ нашелъ, что рабочая команда во время зимы 1850—51 гг. сильно уменьшилась отъ эпидеміи тифа (см. ниже), и потому, чтобы наверстать недостатокъ рабочихъ рукъ, вмѣсто трехсмѣнной работы, которая, какъ мы увидимъ ниже, была введена въ видѣ опыта въ 1850 г., приказалъ ввести двухсмѣнную. Донося объ этомъ Муравьеву (въ апрѣлѣ 1851 г.), Разгильдѣевъ писалъ, что «при объявленіи этого распоряженія команда приняла его безъ малѣйшаго ропота. Хотя ослабленные въ численности рукъ, при двухсмѣнной работѣ золотые промысла будутъ еще довольно сильны... а при трехсмѣнной работѣ, гдѣ одна треть команды постоянно должна быть въ отгулѣ, нѣтъ средствъ вдругъ побороть рудничное и фабричное дѣло» (т.-е. добычу и промывку песковъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ Разгильдѣевъ сообщилъ Муравьеву, что на представленіе его Нерчинскому горному правленію о недостаткѣ рабочихъ на промыслахъ, оно отвѣчало, что въ заводахъ и рудникахъ нѣтъ лишнихъ людей. Черезъ два года, въ іюнѣ 1853 г., предсѣдательствующій въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири, генералъ-маіоръ Венцель, обратился къ Разгильдѣеву, который въ это время

уже исправлялъ должность горнаго начальника Нерчинскихъ заводовъ, съ запросомъ относительно двухъ- и трехсмѣнныхъ работъ. Указавъ на то, что, въ донесеніи Муравьеву 1851 г., Разгильдѣевъ не представилъ по этому вопросу «рѣшительнаго заключенія» и что въ теченіе двухъ лѣтъ онъ имѣлъ возможность выполнить предложеніе Муравьева, Венцель продолжаетъ, что, еслибы «благодѣтельное» распоряженіе Муравьева, основанное на 1620-й статьѣ горнаго устава *), по какимъ бы то ни было причинамъ не было приведено въ исполненіе, то онъ, съ своей стороны, полагалъ бы постепенно вводить трехсмѣнныя работы. Разгильдѣевъ на это отвѣчалъ: 1) трехсмѣнная работа на золотыхъ промыслахъ была введена въ 1850 г. въ видѣ опыта, но, вслѣдствіе необходимости имѣть большее число рукъ во время лѣта, найдена неудобною. 2) При отпускѣ людей въ «отгулъ» встрѣчены большія затрудненія въ разсчетахъ и повѣркѣ команды. 3) По смыслу закона, каторжные, неодобрительнаго поведенія и безпрестанно дѣлавшіе побѣги, не должны пользоваться трехсмѣнною работою. Но чтобы исполнить волю генералъ-губернатора Муравьева, рѣшено теперь допустить на золотыхъ промыслахъ учрежденіе «земляныхъ урочниковъ» изъ людей хорошаго поведенія и семейныхъ. Они работаютъ на своихъ лошадяхъ и при помощи работниковъ только во время лѣта и сдаютъ назначенный имъ годовой урокъ, а зимою совершенно свободны; остальная же бездомная команда употребляется на золотыхъ промыслахъ въ двухсмѣнныя работы, что признается «болѣе удобнымъ и полезнымъ». Такимъ образомъ въ это время на Нерчинскихъ золотыхъ промыслахъ существовали или двухсмѣнныя работы, или работы урочниковъ, но, повидимому, позднѣе распространились и работы трехсмѣнныя.

Урочники на Алтайскихъ заводахъ занимались перевозкою дровъ, бревенъ, руды, камней, изготовленіемъ кирпича, поставкою дегтя, смолы и сѣры. Они, какъ и остальные мастеровые, пользовались льготою отъ податей и государственныхъ повинностей, но, какъ они же, были подчинены военному суду. Жалованья и провіанта имъ не шло, но, по выполненіи урока или по частямъ, они получали задѣльную плату. Исполнивши положенное, урочникъ освобождался отъ всякихъ работъ до слѣдующаго года. На Алтаѣ такихъ урочниковъ мы не встрѣчаемъ на золотыхъ промыслахъ, на Нерчинскихъ же промыслахъ, какъ мы видѣли изъ только что приведеннаго донесенія Разгильдѣева (1853 г.) для облегченія мастеровыхъ хорошаго поведенія и семейныхъ, имъ дозволено было переходить въ урочники, при чемъ ихъ положеніе здѣсь нѣсколько иное,

*) «Нижніе чины и рабочіе, назначенные къ работамъ горнымъ въ рудникахъ и плавиленнымъ въ заводахъ, продолжаютъ оныя двѣ недѣли сряду, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней, а на третью недѣлю отъ всякихъ работъ освобождаются» Св. Зак. изд. 1842 г., т. VII.

чѣмъ въ Алтаѣ. Вотъ что сообщаетъ о нихъ прот. Боголюбскій въ своемъ описаніи Шахтаминскихъ золотыхъ промысловъ. По его словамъ, въ урочники выпускались, изъ семейныхъ и имѣющихъ хозяйство людей, преимущественно далеко живущіе отъ промысловъ. Они обязывались разработать лѣтомъ розсыпь и выполнить урокъ въ 50 куб. саж. съ отвозкою торфа на своихъ лошадяхъ на мѣста отваловъ, эту выработку старательный урочникъ съ однимъ работникомъ и двумя лошадьми могъ исполнить въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, и затѣмъ на все остальное время года онъ оставался свободнымъ, получая отъ казны содержаніе деньгами и хлѣбомъ на себя и свое семейство *). На Алтаѣ урочники не получали жалованья и провіанта, но за то нерчинскимъ урочникамъ не производилось задѣльной платы за исполненіе урока. За вскрытый нерчинскими «казенными земляными урочниками» торфъ *сверхъ урока* они получали, по крайней мѣрѣ въ концѣ 50-хъ годовъ, задѣльную плату наравнѣ съ вольнонаемными, а именно по 1 руб. 50 к. за куб. сажень торфа, съ маленькимъ вычетомъ за инструменты.

На Нерчинскихъ промыслахъ были еще половинные урочники: такъ назывались люди, находившіеся въ услуженіи у мѣстныхъ служащихъ (смотрителей, урядниковъ, уставщиковъ, писцовъ, штейгеровъ, унтеръ-штейгеровъ, подмастеровъ, лѣкарскихъ учениковъ), которые обязаны были сдать за этихъ, находящихся у нихъ въ отпуску людей, половинный урокъ. Озерскій предлагалъ въ 1852 г. принять за правило не увольнять на одно лицо болѣе одного половиннаго урочника.

Работы производились на Нерчинскихъ промыслахъ и днемъ, и ночью. На Шахтаминскихъ промыслахъ (а вѣроятно и на другихъ) *днемъ* работали ссыльно-каторжные, содержавшіеся въ тюрьмѣ и оковахъ, и частью ссыльные, а *ночью заводскіе служители* и частью ссыльные, уволенные за хорошее поведеніе отъ содержанія въ тюрьмѣ. На ночь промывательныя машины освѣщались фонарями, а разрѣзы розсыпей—пылающими кострами. Видъ огней ночью и кипучая дѣятельность рабочихъ представляли интересную картину, но нельзя не отмѣтить ту аномалію, что мастеровые «честнаго имени» исполняли работы ночью, что конечно тяжелѣе, а ссыльно-каторжные работали днемъ **).

Въ началѣ 50-хъ год. вскрытіе торфовъ производилось зимою при искусственномъ оттаиваніи ихъ дровами, но эта работа оказалась невыгодной. Во время пребыванія на Карѣ Озерскаго (зимою 1852—53 гг.) торфъ убирался рабочими на носилкахъ, лѣтомъ же настилались дороги, по которымъ его откатывали въ тачкахъ и отвозили на таратайкахъ. Озерскій считалъ необходимымъ упо-

---

*) „Записки Сибир. отдѣла Геогр. Общ." 1856 г. кн. II.

**) Въ концѣ 50-хъ годовъ мастеровые на Нерчинскихъ промыслахъ работали 240—250 дней въ году.

треблять для отвозки тяжестей круглый годъ лошадей съ таратайками или санями. Однако тачки и даже носилки употреблялись здѣсь для уборки торфовъ и доставки песковъ на промывальную машину еще въ 1861 г. Успѣшность работы ссыльно-каторжныхъ уменьшалась еще тѣмъ, что часть ихъ трудилась въ кандалахъ.

Въ 1856 г. былъ составленъ проектъ урочнаго положенія, по которому, между прочимъ, на добычу 1 куб. сажени положено было употреблять 4 челов. въ день. Въ слѣдующіе за тѣмъ годы, при примѣненіи правилъ этого проекта, исполнить этотъ урокъ нерѣдко оказывалось весьма труднымъ въ виду различія свойствъ золотоноснаго пласта на разныхъ промыслахъ, и потому въ ноябрѣ 1859 г. горный совѣтъ раздѣлилъ розсыпи Нерчинскихъ промысловъ на четыре разряда и назначилъ на *выработку* 1 куб. саж. песку отъ 2¾ до 4½ поденщинъ, на съемку мерзлаго торфа 6 поденщинъ, кромѣ особыхъ рабочихъ для откатки.

Что въ началѣ 50-хъ годовъ уроки были очень тяжелы, видно изъ слѣдующихъ словъ пѣсни, воспѣвающей дѣйствія на Карѣ Разгильдѣева въ 1850 г.

„На разрѣзѣ соберутся,
Слезой горькою зальются,
Лишь примутъ урокъ.
Попадетъ сажень другая
Одна галька лишь сливная,
А урокъ отдай.
Не беретъ ни клинъ, ни молотъ,
Да къ тому жъ всеобщій голодъ
Сдѣлалъ всѣхъ безъ силъ“ *).

Техника первоначально была въ очень несовершенномъ видѣ на Нерчинскихъ промыслахъ. «Принявъ въ соображеніе достоинство и степень богатства золотоносныхъ розсыпей Нерчинскихъ», говоритъ г. Озерскій, «число людей, употреблявшихся для ихъ разработки и количество ежегодно извлеченнаго металла, удивляться должно слабому развитію этого дѣла. Съ самаго начала введенія его, т.-е. съ 1830 по 1850 г., постоянно употреблялась въ дѣйствіе одна человѣческая сила безъ пособія механики; вода шла только на промывку. Съ 1850 г., продолжаетъ Озерскій, «данъ техническому вопросу этому другой оборотъ и... по введеніи Разгильдѣевымъ приличныхъ устройствъ, правильнаго водяного хозяйства, распредѣленія работъ, вѣрно приноровленныхъ къ мѣстнымъ условіямъ геологическимъ и климатическимъ, золотое производство сдѣлало блестящіе успѣхи» **). Но, при посѣщеніи Нерчинскихъ промысловъ въ 1852 г., Озерскій нашелъ промывальныя машины

*) „Владивостокъ“ 1893 г., № 37.

**) *Озерскій.* „Очеркъ геологіи, минеральныхъ богатствъ и горнаго промысла Забайкалья“ 1867 г., стр. 52.

часто еще въ весьма несовершенномъ видѣ, и даже позднѣе (въ 1861 г.) въ нихъ чувствовался недостатокъ.

Благодаря всѣмъ техническимъ несовершенствамъ—ноской торфа и песковъ на носилкахъ, плохимъ промывальнымъ машинамъ, а также и непроизводительности обязательнаго труда мастеровыхъ и ссыльно-каторжныхъ, на Нерчинскихъ промыслахъ обрабатывалось меньшее, чѣмъ гдѣ либо, количество песковъ на одного человѣка въ день, а именно въ 1851 г. всего по 12 пуд., тогда какъ даже на Алтайскихъ кабинетскихъ промыслахъ обрабатывалось по 25 пуд., а на частныхъ промыслахъ Иркутскаго округа это количество доходило до 84 пуд. въ день. Тѣмъ не менѣе работы на золотыхъ промыслахъ были крайне тяжелы: онѣ считались высшею мѣрою наказаній для каторжныхъ. Но это были по крайней мѣрѣ преступники, мастеровые же, не совершившіе никакого преступленія, исполняли тѣ же работы (каторжанъ не назначали только на промывку золота), и даже ихъ положеніе было хуже, такъ какъ при двухсмѣнныхъ работахъ каторжные работали днемъ, а мастеровые ночью; наконецъ, сосланные за самыя тяжкія преступленія назначались на работу не болѣе, какъ на 20 лѣтъ, мастеровые же, какъ ихъ тамъ называли, «честнаго имени», трудились первоначально безсрочно, до потери способности къ труду, а затѣмъ съ 1849 г.—въ теченіе 35 лѣтъ, и послѣ того увольнялись въ отставку съ ничтожною пенсіею. Кромѣ того, часть мастеровыхъ, работавшихъ на золотыхъ промыслахъ, переводили съ заводовъ на пріиски и обратно, такъ что они вели бродячую жизнь, и это мѣшало имъ обзавестись, какъ слѣдуетъ, своимъ хозяйствомъ.

На Алтайскихъ заводахъ по штатамъ 1849 г. жалованье простымъ казеннымъ рабочимъ на золотыхъ промыслахъ равнялось 6 руб. 70 коп.—10 руб. *въ годъ*. Въ Нерчинскомъ округѣ оно бывало и менѣе *): въ 1858 г. на Бальджинскомъ золотомъ промыслѣ казенные рабочіе получали собственно жалованья *во весь годъ* 3 руб. 57 к. На Шахматинскомъ пріискѣ въ первой половинѣ 50-хъ годовъ заводскіе служители получали жалованья 6 руб. 90 к. серебр. въ годъ. По смѣтѣ на 1861 г. чернорабочимъ на Нерчинскихъ золотыхъ промыслахъ, кромѣ кормовыхъ денегъ и провіанта, было назначено жалованье 9 руб. въ *годъ* (кромѣ хлѣбнаго пайка) **).

Ссыльно-каторжные въ первой половинѣ 50-хъ годовъ получали на Шахматинскихъ золотыхъ промыслахъ жалованья, также какъ

---

*) Въ началѣ 50-хъ годовъ нерчинскіе заводскіе мастеровые получали жалованья по $56^1/_2$ к. въ мѣсяцъ (въ годъ 6 руб. 84 коп.), а на золотыхъ промыслахъ, какъ увидимъ ниже, имъ выдавались еще суточныя кормовыя деньги.

**) Спеціалисты горнаго дѣла (уставщики, надсмотрщики за работами и разные мастера) получали жалованья отъ 36 до 90 руб. въ годъ. Конечно всѣ они при удобномъ случаѣ старались вознаграждать себя похищеніемъ золота, и услѣдить за ними было почти невозможно.

и заводскіе служители, по 6 руб. 90 к. серебр. въ годъ, въ 1861 г. жалованье ссыльно-каторжныхъ, также какъ и мастеровыхъ, было нѣсколько выше.

На Нерчинскихъ заводахъ мастеровымъ полагалось годовое жалованье и провіантъ, на золотыхъ же промыслахъ мастеровые, а наравнѣ съ ними и ссыльно-каторжные, получали еще кормовыхъ или суточныхъ по 5 к. въ день, т е. 18 руб. 25 к. въ годъ *). Въ извѣстной намъ пѣснѣ о происшествіяхъ на Карѣ въ 1850 г. прибавка рабочимъ на золотыхъ промыслахъ кормовыхъ суточныхъ денегъ объяснена хлопотами о томъ Разгильдѣева:

„Прежде не было кормовыхъ
Для семействъ, сиротъ и вдовыхъ,—
Онъ исхлопоталъ".

Полковникъ Озерскій, послѣ осмотра Карійскихъ золотыхъ промысловъ въ 1851 г., предложилъ, при переселеніи семейныхъ заводскихъ служителей на золотые промыслы не по собственной ихъ просьбѣ, а по распоряженію начальства, выдавать единовременное пособіе по 15 руб. на душу мужскаго полка, примѣнительно къ тому, что такія пособія выдаются забайкальскимъ казакамъ, переселяемымъ на новыя мѣста, а при передвиженіи съ мѣста на мѣсто служителей хорошаго поведенія далѣе 50 верстъ выдавать имъ за время прохода по разсчету двойныя кормовыя деньги. Генералъ-губернаторъ Муравьевъ нашелъ и то, и другое полезнымъ и просилъ министра финансовъ сдѣлать соотвѣтственное распоряженіе, но была ли удовлетворена его просьба, мы не знаемъ.

На Нерчинскихъ золотыхъ промыслахъ, какъ и на Алтайскихъ, были, по крайней мѣрѣ, въ 50-хъ годахъ, вольностарательскія работы за особую плату. Въ 1858 г. за выработку торфовъ и промывку золота «вольностарателямъ», за исключеніемъ вычета за инструменты, заплачено болѣе 5000 руб. При раздѣленіи этой суммы на все число рабочихъ, этотъ добавочный заработокъ оказывается ничтожнымъ.

Кромѣ жалованья и кормовыхъ, мастеровые на Нерчинскихъ промыслахъ, какъ и на Алтайскихъ, получали отъ казны провіантъ: въ 50-хъ годахъ выдавалось 2 пуд. въ мѣсяцъ рабочимъ мужскаго пола, кромѣ того семейные получали еще въ мѣсяцъ 2 пуд. на жену и по 1 пуд. въ мѣсяцъ на малолѣтнихъ дѣтей (мужскаго пола до 12 лѣтъ и женскаго до 16 лѣтъ). Такой же провіантъ получали и ссыльно-каторжные. Вдовамъ и сиротамъ какъ заводскихъ служителей, такъ и ссыльно-каторжныхъ, а также и незаконнорожденнымъ ихъ дѣтямъ безъ различія пола выдавался отъ казны провіантъ въ выше указанномъ размѣрѣ. Холостые заводскіе служители, жившіе въ общемъ казенномъ помѣщеніи, имѣли общую

*) На Алтайскихъ заводахъ по штатамъ 1849 г. назначены были порціонныя деньги по 4 к. въ день.

артель, которою завѣдывалъ артельный староста; онъ принималъ изъ казны нужные для артели вещи и припасы, а также кормовыя деньги, на которыя покупалъ изъ казны, такъ называемый, приварокъ, т. е. говядину для щей, масло для каши и проч. Женатые получали жалованье и провіантъ на руки и жили въ собственныхъ домахъ. Провіантъ выдавался иногда въ крайне неудовлетворительномъ видѣ. Въ извѣстной пѣснѣ о дѣяніяхъ Разгильдѣева, составленной Мокѣевымъ, сказано:

„А къ тому-жъ всеобщій голодъ
Сдѣлалъ всѣхъ безъ силъ.
Отчего же голодали?
Провіантъ имъ выдавали,—
Спросите меня.
Ѣли правда, но чего—
Цѣликомъ кругло зерно,
Только лишь свиститъ.
И еще скажу причину:
Ѣли камень половину,
Данный въ провіантъ“ *).

Вслѣдствіе нераспорядительности мѣстнаго начальства случались иногда сильныя затрудненія въ прокомленіи рабочихъ на промыслахъ. По словамъ Д. И. Завалишина, зимою 1852 г. нечѣмъ было прокормить рабочихъ на Карійскихъ золотыхъ пріискахъ, и генералъ-губернаторъ въ декабрѣ мѣсяцѣ прискакалъ кругомъ Байкала въ Читу послѣ того, какъ и гражданское, и казачье начальство въ Забайкальѣ отказалось достать провіантъ. Если вѣрить Завалишину, только благодаря ему удалось пріобрѣсти 45,000 пуд. муки у скрывавшихъ ее изъ опасенія, чтобы она не была отнята у нихъ, и доставить ее изъ Верхнеудинска на Кару **). Кабинетъ, въ одной запискѣ 1858 г., утверждалъ, что, хотя по принятымъ на заводѣ правиламъ запасы провіанта должны равняться двухгодичной потребности въ немъ, «въ Нерчинскомъ округѣ наличные запасы хлѣба едва составляютъ полугодовую пропорцію, и были примѣры, что дѣйствія нѣкоторыхъ золотыхъ промысловъ должно было ограничивать по неимѣнію запасовъ для продовольствія рабочихъ». Въ началѣ декабри 1852 г. на Карійскихъ промыслахъ было такое затрудненіе въ продовольствіи, что мѣстное начальство принуждено было у всей рабочей команды, «вольной и въ артеляхъ», удерживать по $^1/_2$ пуд. провіанта въ мѣсяцъ и взамѣнъ его давать лишнихъ по $^3/_4$ ф. говядины, «чтобы въ сутки человѣкъ имѣлъ $1^1/_2$ ф. говядины въ приварокъ».

При осмотрѣ Озерскимъ въ 1852 г., по порученію Муравьева, золотыхъ промысмовъ Нерчинскаго округа, онъ нашелъ, что про-

*) „Владивостокъ“, 1893 г., № 37.
**) „Амурское дѣло и вліяніе его на Восточную Сибирь и государство“. „Русская Старина“, 1881 г., т. XXXII, 82.

довольствіе ссыльно-каторжныхъ неудовлетворительно, «хотя выдаваемое колодникамъ мясо доброкачественно, хлѣбъ хорошо выпеченъ . . . . На Шахматинскомъ промыслѣ они довольствуются кирпичнымъ чаемъ, тѣмъ же количествомъ хлѣба и фунтомъ мяса съ приваркомъ изъ кислой капусты и крупъ. Въ тюрьмахъ же Карійскихъ выдача кирпичнаго чая съ іюля 1852 г. отмѣнена частію по дороговизнѣ и невозможности покрыть издержки, сопряженныя съ улучшеннымъ содержаніемъ ссыльныхъ изъ назначенныхъ имъ окладовъ, частію по настоянію врача, приписывающаго усиленіе больныхъ, одержимыхъ поносомъ, употребленію чая въ жаркое время года. По встрѣтившемуся затрудненію въ приготовленіи капусты, въ ноябрѣ выдавалось колодникамъ карійскимъ ежедневно по ¾ ф. сырого мяса, вѣсъ котораго послѣ варки уменьшается до 32 золотниковъ и не доходитъ выше 39 золотн., по 4 ф. хорошо испеченнаго хлѣба, по 1 ф. крупъ ячныхъ и по $9^1/_2$ золотн. соли. Сравнивая содержаніе на Шахтамѣ и Карѣ, оказывается, что на Карѣ «арестанты, по крайней мѣрѣ во время осмотра, находились въ худшемъ положеніи и ѣли безъ перемѣнъ однообразную и притомъ прѣсную пищу». Озабочиваясь улучшеніемъ продовольствія ссыльно-каторжныхъ на выдаваемую имъ плату (кормовыя деньги и жалованье), Озерскій составилъ проектъ положенія о ихъ содержаніи въ тюрьмахъ при Карійскихъ промыслахъ по справочнымъ мѣстнымъ цѣнамъ зимы 1852 г.; онъ предполагалъ выдавать въ день: мяса ¾ ф., крупы ⅛ ф., чаю кирпичнаго около 1 золотн., соли 8 золотн., *), муки-затуранъ $6^1/_3$ золотн., жиру на $^1/_6$ коп. Стоимость такого продовольствія равнялась въ день 2½ коп., а въ мѣсяцъ 75 коп. Лѣтомъ, вслѣдствіе большой дороговизны мяса, продовольствіе должно было обойтись на 10¾ к. дороже, вслѣдствіе чего предполагалось лѣтомъ уменьшить выдачу чая, затурана и жира. Если имѣлась квашеная капуста и лукъ, то для разнообразія пищи ихъ выдавали на 3¾ к. въ мѣсяцъ съ уменьшеніемъ на это время на половину выдачи крупы. Изъ 2 пуд. провіанта положено было ежемѣсячно выдѣлять по $^1/_2$ ф. муки на вареніе кваса для артели. Отпускъ кирпичнаго чая, особенно зимою, Озерскій призналъ весьма полезнымъ и питательнымъ. Мнимое зловредное вліяніе его, предрасполагавшее, какъ думали, къ разстройству желудка, по произведенному разслѣдованію, объяснилось прибавленіемъ въ котлы сырой воды и питьемъ чая, недостаточно вскипяченнаго. Въ 1850 г. при каторжныхъ тюрьмахъ были разведены первые огороды; черезъ два года засѣяно было 3 десятины картофелемъ и кромѣ того 15 десятинъ рожью при Усть-Карѣ; предполагалось рожь, собранную и обмолоченную ссыльно-каторжными женщинами, продать и вырученныя деньги обратить въ

*) Т. е. $2^1/_2$ ф. въ мѣсяцъ; прежде выдавалось по 3 ф., но соль выходила не вся, и мѣстный врачъ одобрилъ уменьшеніе ея количества.

пользу артелей. Озерскій находилъ полезнымъ увеличить учрежденные при тюрьмахъ огороды и разводить въ нихъ лукъ, капусту, картофель, свеклу, для обработки же огородовъ употреблять преимущественно женщинъ. Всѣ эти предположенія Озерскаго были сообщены исправляющему должность начальника Нерчинскихъ заводовъ Разгильдѣеву, съ порученіемъ подвергнуть ихъ строгому разсмотрѣнію и, если они окажутся удобоисполнимы, принять ихъ въ руководство.

Оказалось, что проектъ положенія о продовольствіи, составленный Озерскимъ, могъ быть примѣненъ немедленно безъ затрудненій: въ промысловыхъ магазинахъ нашлись запасы чая и необходимая для варенія его посуда, а также и другіе припасы, кромѣ квашенной капусты, взамѣнъ которой можно было употреблять лукъ, привезенный въ бытность Озерскаго на Карѣ. Со введеніемъ въ дѣйствіе новаго положенія, содержаніе ссыльно-каторжныхъ должно было быть распредѣлено такъ: по утру, до выхода на работу, завтракъ сухимъ хлѣбомъ; въ 11 час. утра выносятся на разрѣзы котлы съ горячимъ чаемъ, вслѣдствіе чего отмѣняется раскладываніе на работахъ въ зимнее время костровъ, около которыхъ грѣются «кандальники», такъ какъ быстрый переходъ на стужу вредилъ ихъ здоровью. По возвращеніи съ работъ—обѣдъ и для питья квасъ. Разгильдѣевъ предписалъ управляющему золотыми промыслами принять это положеніе въ руководство *). Такъ какъ провіантъ отпускался ссыльно-каторжнымъ, находящимся въ тюрьмахъ и казармахъ, въ видѣ муки, а семейнымъ въ видѣ зерна (по 2 пуд. на душу), между тѣмъ какъ назначено отпускать по 2 пуд. муки, то Озерскій предложилъ, въ ожиданіи поставки муки, продолжать отпускъ зерна, но съ установленною прибавкою «на примолъ», которое и взимать съ поставщиковъ при сдачѣ ими зерноваго хлѣба. Семейные обязаны были ходить за провіантомъ на Усть-Кару за 15 верстъ два раза въ мѣсяцъ, такъ какъ, по неимѣнію рабочаго скота, полнаго количества хлѣба на Кару не переводили. По мнѣнію Озерскаго, неудобство это должно было быть устранено при увели- на Карѣ скота. Предположенія Озерскаго были одобрены Муравьевымъ, и ихъ предписано было исполнить.

Въ ноябрѣ 1851 г. на Карійскихъ промыслахъ артельная сумма арестантовъ составляла 3697 руб. Къ началу 1859 г. при Карійскихъ и Лунжакинскихъ промыслахъ были артели, имѣющія 2613 р. денегъ, 16 быковъ, разныя огородныя овощи и припасы и проч., такъ что все ихъ имущество оцѣнивалось въ 3123 р., при промыслахъ же Александровскаго округа артельныхъ суммъ не имѣ-

*) Озерскій предложилъ не дозволять мѣстному начальству измѣнять положеніе о пищѣ и одеждѣ (см. ниже) по своему произволу, а о вынуждаемыхъ обстоятельствами перемѣнахъ доносить горному начальнику и ежегодно составлять новую табель на основаніи справочныхъ цѣнъ и представлять ее на утвержденіе генералъ-губернатора Восточной Сибири.

лось, и арестанты довольствовались заготовленными отъ казны припасами въ такомъ размѣрѣ: ¾ ф. мяса, ¼ ф. крупы и ⅛ ф. луку въ сутки съ прибавленіемъ овощей, разводимыхъ въ огородахъ.

Что касается одежды ссыльно-каторжныхъ, то Озерскій, при осмотрѣ промысловъ зимою 1852 г., нашелъ, что, хотя она и «приличная», но «не совсѣмъ соотвѣтствующая суровому времени года»; такъ какъ, по его мнѣнію, «по дороговизнѣ овчинъ затруднительно снабжать команду полушубками», то онъ предлагалъ, нельзя ли замѣнить ихъ тарбоганными тулупами, доставляемыми изъ окрестностей Акши, и цѣна которыхъ, 2 руб. 40 к. за штуку, немногимъ превосходитъ цѣну суконныхъ шинелей (2 руб. 16 к.). По положенію, установленному, Озерскимъ въ 1852 г., ссыльно-каторжнымъ полагалось: одна рубаха холщевая на $2^1/_2$ мѣсяца, одни холщевые порты на $2^1/_2$ мѣсяца, три пары (юфтевыхъ) чирковъ на $2^1/_2$ мѣсяца, одна пара рукавицъ кожаныхъ на 3 мѣсяца, двѣ пары рукавицъ суконныхъ на зиму, одна шинель сермяжнаго сукна на годъ съ четвертью, т. е. на 15 мѣсяцевъ, однѣ онучи суконныя на зиму, одинъ куртъ (sic) суконный на 8 мѣсяцевъ. По разсчету на одинъ мѣсяцъ одежда эта обходилась 1 руб. 30 к., а пища арестантовъ 75 к., что вмѣстѣ въ мѣсяцъ изъ 30 дней составляло 2 руб. 5 к., а въ мѣсяцъ изъ 31 дня 2 руб. $11^5/_6$ к. По положенію Озерскаго опредѣлено было такимъ образомъ расходовать на каждаго въ годъ 25 руб. 1 к. По расчисленію, писалъ Озерскій, «плата, выдаваемая каждому ссыльно-каторжному отдѣльно, достаточна безъ остатка, не обременяя казну новыми долгами на покрытіе расходовъ», указанныхъ въ табели. Плата эта состояла изъ кормовыхъ по 5 к. въ день, что составляетъ въ годъ 18 руб. 25 к., и мѣсячнаго жалованья *). Мы не знаемъ сроковъ носки вещей до 1852 г., но, очевидно, вещи носились скорѣе, чѣмъ это было опредѣлено по казенной табели, такъ какъ Озерскій объясняетъ весьма не равномѣрное распредѣленіе долговъ на ссыльно-каторжныхъ «болѣе или менѣе хозяйственною носкою одежныхъ вещей». Муравьевъ, одобрившій вообще предположенія Озерскаго относительно одежды, приказалъ между прочимъ озаботиться и заготовленіемъ тарбоганныхъ тулуповъ, если это можетъ быть полезно для рабочихъ и небезвыгодно для казны. Прот. Боголюбскій относительно ссыльно-каторжныхъ на Шахтаминскихъ промыслахъ говоритъ: «Одежда и обувь, какъ для зимы, такъ и для лѣта, у каждаго есть, а въ случаѣ износа отпускаются изъ казны по таксѣ потребные матеріалы... или даже готовая одежда и обувь». Но какова была эта одежда ссыльно-каторжныхъ, видно изъ слѣдующихъ словъ записки одного частнаго

*) Въ отчетѣ о Нерчинскихъ промыслахъ за 1858 г. сказано, что ссыльно-каторжнымъ «выдается казною необходимая одежда, и за все, что изъ казны въ артели отпускается, возмѣщаются въ оную деньги изъ платы, получаемой арестантами».

золотопромышленника Восточной Сибири (1861 г.): «одежда ссыльно-каторжныхъ извѣстна; иногда ее нельзя даже назвать лохмотьями, потому что они довольствуются всѣмъ тѣмъ бракомъ, который остается вслѣдствіе совершенной негодности для какого бы то ни было сбыта, да и на такую одежду полагается срокъ, который не можетъ выдержать товаръ самаго лучшаго качества, изъ своего же, такъ называемаго, жалованья... ни одинъ рабочій ничего купить для себя не въ состояніи».

На Шахтаминскихъ промыслахъ въ первой половинѣ 50-хъ годовъ холостые заводскіе служители жили на казенной квартирѣ въ особомъ зданіи, съ помѣщеніями на 500 чел., женатые же жили въ собственныхъ домахъ, построенныхъ по большей части съ пособіемъ отъ казны.

Ссыльно-каторжные, по закону 1845 г., причислялись къ разряду испытуемыхъ и содержались въ острогахъ: безсрочные каторжные содержались въ ручныхъ и ножныхъ оковахъ, прочіе же каторжные въ однихъ ножныхъ. Время испытанія для каторжныхъ разныхъ разрядовъ продолжалось отъ одного года до восьми лѣтъ, послѣ чего хорошо ведшіе себя въ это время перечислялись въ разрядъ исправляющихся, содержались безъ оковъ и, если возможно, помѣщались отдѣльно отъ испытуемыхъ. Черезъ извѣстное время (отъ одного года до трехъ лѣтъ для разныхъ разрядовъ) каторжные могли съ разрѣшенія горнаго правленія получать дозволеніе жить не въ острогѣ, а въ жилищахъ заводскихъ мастеровыхъ или построить для себя домъ на землѣ, принадлежащей заводу, и вступать въ бракъ, при чемъ имъ выдавалось пособіе деньгами и натурою изъ заработанныхъ ими денегъ.

Ссыльно-какторжные работавшіе на Шахтаминскихъ промыслахъ по словамъ прот. Боголюбскаго, раздѣлялись на три разряда: 1) испытуемыхъ, которые содержались въ тюрьмѣ и въ оковахъ за постояннымъ военнымъ карауломъ; 2) исправляющихся, свободныхъ отъ тюрьмы и оковъ, но находящихся подъ строгимъ надзоромъ мѣстной полиціи и большею частью живущихъ въ самомъ зданіи полиціи своею артелью и 3) испытанныхъ, семейныхъ, имѣющихъ свои дома и хозяйства, пользующихся своей свободой наравнѣ съ заводскими служителями, а впослѣдствіи, по выслугѣ въ работахъ урочныхъ лѣтъ, поступавшихъ въ разрядъ поселенцевъ и становившихся постоянными жителями края. Тюрьма, въ которой жили каторжные перваго разряда на Шахтаминскихъ промыслахъ, было огромное двухъэтажное деревянное зданіе въ 30 саж. въ длину и 15 въ ширину, раздѣленное корридоромъ во всю длину; по обѣимъ сторонамъ корридора устроены были палаты или жилыя комнаты съ антресолями, которыя освѣщались окнами такъ, что въ каждой палатѣ можно было помѣщаться и вверху на антресоляхъ, и внизу на нарахъ. Передъ главнымъ входомъ въ тюрьму выстроена была гауптвахта для военнаго караула, а съ правой стороны находилась

кухня и баня. Каждая сотня ссыльно-каторжныхъ, содержимыхъ въ тюрьмѣ, имѣла своего артельнаго старосту подъ главнымъ начальствомъ тюремнаго смотрителя, который выдавалъ старостѣ въ артель какъ провіантъ, такъ и прочіе припасы и вещи, нужные рабочимъ, по установленнымъ цѣнамъ въ счетъ ихъ жалованья и кормовыхъ денегъ.—Тюремные смотрители допускали различныя злоупотребленія, и потому Озерскій потребовалъ, чтобы ихъ выбирали изъ людей отличнаго поведенія и до увольненія ихъ отъ должностей собирали справки чрезъ разспросы команды, не ставили-ли они на счетъ каторжныхъ что-либо лишнее, но эти предписанія едва-ли достигали своей цѣли.

Семейные заводскіе мастеровые могли имѣть не только дома, но и землю, но Озерскій нашелъ ихъ экономическій бытъ мало удовлетворительнымъ. Онъ объяснилъ это отчасти мѣстными условіями,—тѣмъ, что почва камениста климатъ суровъ, выгонныхъ мѣстъ мало, травы худосочны, и это препятствовало заведенію домашняго скота; но главною причиною разстройства ихъ быта Озерскій, какъ онъ убѣдился изъ разспросовъ многихъ мастеровыхъ, были частыя передвиженія рабочей команды съ Кары въ Шахтаму, въ заводы и обратно.

II.

Управленіе Разгильдѣева.—Болѣзни.—Долги рабочихъ.—Побѣги.—Убійство надзирателей.—Лихоимство начальства.—Жестокія наказанія.

Самое ужасное время пережили мастеровые и каторжные на Карѣ зимою 1850—51 г., когда Разгильдѣевъ хотѣлъ въ угоду Муравьеву довести добычу золота на Нерчинскихъ промыслахъ до 100 пуд. въ годъ. Мы уже упоминали имя этого дѣятеля, оставившаго по себѣ самую печальную память; нужно познакомиться съ нимъ нѣсколько подробнѣе.

Горный инженеръ Разгильдѣевъ, какъ мы слышали, служилъ прежде на Уралѣ, но его начальникъ пожелалъ отъ него отдѣлаться. Разгильдѣевъ пріѣхалъ въ Петербургъ и, какъ видно изъ оффиціальныхъ источниковъ, представилъ проектъ объ усовершенствованіи золотопромышленности въ Россіи въ техническомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Ученый комитетъ корпуса горныхъ инженеровъ нашелъ заслуживающими особаго вниманія изобрѣтенную имъ золотопромывальную машину, разнаго рода снаряды, облегчающіе добычу и перевозку песковъ и проч. и постановилъ поручить ему испытать ихъ въ какомъ либо изъ горныхъ округовъ, напр., въ Нерчинскомъ, гдѣ золотое производство начинало развиваться и гдѣ, по мнѣнію комитета, всего удобнѣе примѣнить на дѣлѣ тѣ изъ предположеній, которыя окажутся полезными. Министръ финансовъ согласился съ этимъ предложеніемъ и рѣшилъ отправить Рззгильдѣева на службу въ Нерчинскій округъ.

Въ началѣ февраля 1849 г. онъ пріѣхалъ въ Иркутскъ и очень понравился Муравьеву, который, по его словамъ въ оффиціальномъ донесеніи министру финансовъ, тѣмъ болѣе обрадовался пріѣзду Разгильдѣева, что «со времени личнаго обзора Нерчинскаго горнаго округа въ августѣ и сентябрѣ» 1848 года «получилъ самъ твердое убѣжденіе въ возможности развитія тамъ золотого производства несравненно въ большемъ противу нынѣшняго размѣрѣ». Муравьевъ немедленно отправилъ Разгильдѣева въ Нерчинскій округъ съ приказаніемъ осмотрѣть розсыпи, открытыя по рѣчкамъ Карѣ и Багачѣ, текущимъ въ р. Шилку, и въ другихъ мѣстахъ. Въ концѣ марта того же года Разгильдѣевъ донесъ, что мѣстность по ту сторону Яблоннаго хребта богата золотомъ, что мѣсторожденія осмотрѣнной имъ Карійской системы мощны и обильны золотомъ, водою и лѣсомъ и сулятъ Забайкальскому краю великую будущность, что весь лѣвый берегъ р. Шилки отъ слободы Куенгской до рѣчки Горбицы, на протяженіи 210 верстъ, золотоносенъ, и что въ первый же годъ своей службы, если ему будетъ дано достаточное количество людей, лошадей, машинъ и всего необходимаго для горныхъ работъ, онъ надѣется добыть отъ 100 до 125 пудовъ золота. Нужно замѣтить, что Муравьеву это обѣщаніе было особенно кстати, такъ какъ казна не могла дать въ то время достаточно средствъ для его предпріятій на Амурѣ.

По желанію Муравьева, Разгильдѣевъ въ іюнѣ 1849 г. былъ назначенъ управляющимъ Нерчинскими золотыми промыслами и непосредственно подчиненъ ему, а не начальнику Нерчинскихъ заводовъ. Разгильдѣевъ объявилъ, что ему нужно 3000 мастеровыхъ. Объѣзжая разныя горныя селенія Нерчинскаго округа, онъ производилъ рѣчи, возбудилъ охоту работать на Карійскихъ промыслахъ и, кромѣ того, потребовалъ, чтобы ему дали болѣе 600 каторжныхъ. Къ осени 1850 г., по словамъ Ю. И. Эйхвальда, разсказывавшаго намъ это, было намыто около 60 пуд. золота. Разгильдѣевъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ тогда находился Муравьевъ, приказавъ продолжать работы. Между тѣмъ, теплыхъ жилищъ не было, мастеровые не имѣли и зимняго платья. Наскоро построили теплыя промывальни; такъ какъ онѣ переполнялись паромъ, то работать въ нихъ было очень тяжело. Начались болѣзни, тифъ все болѣе усиливался. Лазареты были такъ тѣсны, что больные лежали не только на кроватяхъ, но на полу между кроватями и подъ кроватями. Стѣны больницъ такъ плохо защищали отъ холода, что волоса больныхъ, кровати которыхъ стояли около оконъ, примерзали къ подоконнику. Эйхвальдъ совѣтовалъ помощнику Разгильдѣева распустить команду, но тотъ не рѣшился. Дали знать въ Иркутскъ; пріѣхалъ врачебный инспекторъ, пробѣжалъ по лазаретамъ и опять уѣхалъ. Смертность стала до того усиливаться, что едва успѣвали хоронить. Надъ изготовленіемъ гробовъ постоянно работало 12 плотниковъ; зарывать приходилось не особенно глубоко (и отъ этого, впослѣд-

ствіи, началась сибирская язва). Трупы сваливались до похоронъ безъ разбора, но солдаты изъявили желаніе хоронить своихъ съ барабаннымъ боемъ; приходилось вытаскивать наудачу любой трупъ и хоронить по военному. На промыслахъ, по словамъ Эйхвальда, умерло отъ тифа около 1000 чел.; сколько погибло на пути, когда распустили команду, неизвѣстно *).

По словамъ Д. И. Завалишина, «лишенные собственнаго крова, пригнанные въ суровое время года туда, гдѣ для нихъ ничего не было приготовлено, вынужденные жить въ землянкахъ, вырытыхъ въ мерзлой землѣ, люди подвергались всѣмъ послѣдствіямъ голода и холода: развился сильный повальный тифъ, унесшій слишкомъ 1000 чел. изъ самаго лучшаго здороваго населенія» **). По словамъ С. В. Максимова, на Карѣ погибло въ 1850 г. болѣе 1000 чел. въ одинъ годъ ***).

Разгильдѣевъ съумѣлъ обратить въ свою пользу даже эту смертность, сославшись на нее, какъ на причину недомывки золота: въ одномъ изъ донесеній (отъ 23 апрѣля 1851 г.) онъ писалъ Муравьеву: «возвратясь изъ Петербурга на Карійскіе золотые промыслы, я къ сожалѣнію нашелъ, что рабочая команда на здѣшнихъ промыслахъ, постигнутая во время зимы эпидемическою тифозною горячкою, потеряла много силъ, вслѣдствіе чего и зимнія промысловыя работы были значительно ослаблены». По смѣтѣ на 1851 г. на добычу 110 пуд. золота исчислено рабочихъ съ присматривающими за ними—4560 чел., «*съ задолженіемъ ихъ въ круглый годъ.* Въ настоящее время считается на промыслахъ до 3478 чел.» Слѣдовательно убыло 1082 годовыхъ работниковъ ****).

Д. Завалишинъ говоритъ, что тифъ на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ «сдѣлался, по показанію самого Забайкальскаго военнаго губернатора почти постояннымъ явленіемъ» *****). Другою болѣзнью, свирѣпствовавшею на Нерчинскихъ промыслахъ, была цынга. Въ іюлѣ 1850 г. Муравьевъ писалъ одному лицу: «я пони-

*) Б. А. Милютинъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Муравьевѣ также говоритъ, что быстрое увеличеніе добычи золота «достигалось цѣною тысячи жизней, погибшихъ отъ жара и истощенія». «Ист. Вѣст.» 1888, т. XXXIV, 317.

**) «Русск. Стар.» 1881, т. XXXII, 82.

***) «Сибирь и каторга», III, 359.

****) По оффиціальнымъ вѣдомостямъ о числѣ больныхъ и умершихъ, съ сентября 1850 и по май 1851 г. включительно умерло здѣсь всего 473 чел., а по «вѣдомостямъ о чрезвычайныхъ происшествіяхъ» съ октября 1850 по мартъ 1851 г. включителано 650 человѣкъ. Первая, меньшая, цифра представляетъ, вѣроятно, число умершихъ мастеровыхъ («нижнихъ чиновъ»), а вторая общее число умершихъ на Карѣ. Цифра эта, очевидно, менѣе дѣйствительной. Петербургскія оффиціальныя сферы отнеслись къ страшной смертности на Карѣ довольно равнодушно: директоръ департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ министерства финансовъ потребовалъ только свѣдѣній о томъ, «какія мѣры предприняты для сокращенія болѣзни».

*****) «Русск. Стар.» 1881 г., т. XXXII, 100.

маю, что васъ должна была тронуть картина цынги на Карѣ, но вы были именно въ то время, когда она наиболѣе развилась; въ іюлѣ обыкновенно свирѣпство ея прекращается и начинается опять съ ранней весны; примемъ противъ нея рѣшительныя мѣры». Но, какъ видно, мѣры были недостаточно энергичны, такъ какъ 23 апрѣля 1851 г. Разгильдѣевъ писалъ Муравьеву, что «каждогодно господствуетъ на Карійскихъ промыслахъ съ наступленіемъ весны скорбутъ, который хотя и обнаружился здѣсь въ настоящее время, но къ счастію число одержимыхъ цынготною болѣзнью нынѣ гораздо менѣе противъ прошедшаго года».

Въ началѣ лѣта 1851 г. Нерчинскіе заводы посѣтилъ Муравьевъ, и Разгильдяевъ умѣлъ показать товаръ лицомъ: не даромъ знавшіе его люди называютъ его фокусникомъ и шарлатаномъ. Навстрѣчу Муравьеву на Шилку въ селеніе Шилкинское онъ выслалъ г. Эйхвальда. Муравьевъ принялъ его на баркѣ въ сооруженномъ на ней домикѣ, подробно разспрашивалъ его и сказалъ, что на другой день утромъ будетъ въ Усть-Карѣ. Разгильдѣевъ выѣхалъ на встрѣчу генералъ-губернатору въ полной парадной формѣ и, завидѣвъ судно, на которомъ Муравьевъ еще спалъ (было около 6 час. утра), въѣхалъ верхомъ въ воду, какъ бы горя нетерпѣніемъ и усердіемъ, и совершенно промокъ, пока не подали съ барки лодку. Муравьеву это очень понравилось. Къ пріѣзду его были построены и выкрашены огромныя зданія казармъ и лазаретовъ, подлѣ которыхъ въ ночь наканунѣ пріѣзда были воткнуты срубленныя березки. Муравьевъ, нуждавшійся въ деньгахъ на амурское дѣло, говаривалъ впослѣдствіи о Разгильдѣевѣ: «а всетаки онъ поддерживалъ меня».

Посѣтивъ Нерчинскіе золотые промыслы зимою 1852—53 г., Озерскій нашелъ, что въ Верхне-Карійскомъ госпиталѣ одержимые накожными болѣзнями, умалишенные и женщины содержатся въ одной палатѣ съ другими больными. Для цынготныхъ считали болѣе полезною молочную пищу, но въ исходѣ зимы, когда развивается цынга, молоко не всегда могли заготовить. Озерскій считалъ полезнымъ попробовать замѣнить его серцемъ, т. е. квашенымъ молокомъ, которое въ большомъ количествѣ приготовлялось бурятами *). Озерскій обратилъ также особенное вниманіе мѣстнаго начальства на то, что тамошній край, производящій дикорастущій лукъ и мангиръ или черемшу, а также голубицу и бруснику, доставляетъ весьма сильныя естественныя средства для борьбы съ цынгой, обыкновенно развивающейся въ февралѣ и мартѣ, и потому нужно стараться заготовить ихъ какъ можно болѣе для употреблевъ тюрьмахъ и госпиталяхъ. Озерскій поставилъ мѣстному началь-

*) «Вещество это,—говоритъ Озерскій—похоже на творогъ, удобопереваримо и, разведенное въ водѣ и принимаемое внутрь, какъ увѣряютъ, производитъ спасительное дѣйствіе». Пріобрѣтеніе серца и доставка на Кару «не обременятъ госпитатьнаго хозяйства».

ству на видъ, что неудобство, вызванное неурожаемъ въ то время капусты, легко было до нѣкоторой степени устранить этими дешевыми средствами, «для сбора которыхъ можно было-бы послать женщинъ и подростковъ». Муравьевъ предписалъ исполнить всѣ эти указанія Озерскаго, а на Верхне-Карійскомъ промыслѣ отдѣлить больныхъ накожными болѣзнями отъ умалишенныхъ, женщинъ же содержать совершенно отдѣльно отъ мужчинъ въ особой палатѣ *).

Въ какомъ неудовлетворительномъ состояніи находились нѣкоторые карійскіе госпитали, видно изъ слѣдующаго предписанія отъ 7 сентября 1853 г.: оказалось, что на Усть-Карѣ «больные тамошняго госпиталя помѣщены были подъ непокрытымъ кровлею зданіемъ, отъ чего отъ бывшаго въ тотъ день дождя не только полы, но и самыя постели были пропитаны водою до того, что люди при всемъ слабомъ ихъ положеніи не въ состояніи были болѣе тамъ оставаться и въ сырое позднее время принуждены были находиться на крыльцѣ госпиталя». За это исправляющему должность начальника Нерчинскихъ заводовъ, Разгильдѣеву, было сдѣлано строгое замѣчаніе и предписано принять безотлогательно мѣры къ устраненію подобнаго безпорядка, подвергнувъ виновныхъ законному взысканію.

Относительно школьнаго дѣла на золотыхъ промыслахъ, мы знаемъ только, что въ 1853 г. Муравьевъ приказалъ перенести карійскую школу на Екатерино-Николаевскій промыслъ и снабдить ее учебными пособіями.

При посѣщеніи Нерчинскихъ промысловъ въ 1852 г. Озерскій обратилъ вниманіе на накопленіе долговъ за мастеровыми и ссыльно-каторжными. Онъ нашелъ, что допущеніе новыхъ выдачъ въ долгъ за выдаваемые вещи и припасы и въ то же время вычеты для покрытія прежнихъ долговъ «составляютъ источникъ многочисленной переписки, злонамѣренныхъ и неумышленныхъ ошибокъ». Но онъ полагалъ, что было бы правильнѣе расходовать на содержаніе команды все на нее отпускаемое, воспретивъ допущеніе новыхъ долговъ, кромѣ случаевъ крайней необходимости, напр. снабженія одеждою привозимыхъ или возвращающихся бѣглецовъ, которые являлись назадъ на промыслы нерѣдко нагими. Долги ссыльно-каторжныхъ распредѣлялись весьмо неравномѣрно: при одинаковой продолжительности пребыванія въ тюрьмѣ, одни совсѣмъ не имѣли ихъ, другіе были ими крайне обременены, что Озерскій ставилъ въ зависимость отъ болѣе или менѣе бережливаго ношенія

*) Озерскій нашелъ также, что одного врача на Карійскихъ промыслахъ недостаточно и что нужно содержать тамъ по крайней мѣрѣ двухъ медиковъ, изъ которыхъ одному завѣдывать Нижне-Карійскими и Усть-Карійскими госпиталями и отдѣленіями, а другому подчинить госпитали на Верхне-Карійскомъ промыслѣ и надзоръ за отдѣленіями въ Лунжанкинскомъ и Багачинскомъ промыслахъ. Муравьевъ вслѣдствіе этого приказалъ отправить на Нерчинскіе заводы трехъ медиковъ.

одежды. Порядокъ полученія одежды былъ такой: заключенные заявляли о своихъ желаніяхъ тюремному смотрителю, который забиралъ вещи у коммиссара для раздачи ихъ на руки. Со вступленія въ должность Разгильдѣева были заведены печатные ярлыки, выдававшіеся на руки каждому арестанту, и въ нихъ отмѣчались взятыя вещи и стоимость ихъ *). Для покрытія нѣкоторыхъ долговъ Озерскій предложилъ высылать артелями задолжавшихъ ссыльно-каторжныхъ и заводскихъ служителей два раза въ мѣсяцъ по воскресеньямъ и праздникамъ на старательскія земляныя работы съ платою, назначенною за вольныя работы, и удерживать это вознагражденіе въ счетъ долга. Онъ полагалъ, что занятія работами въ два праздничныхъ дня въ мѣсяцъ не будетъ для нихъ изнурительно. При разборѣ частныхъ жалобъ Озерскій нашелъ, что наростаніе долговъ не подчинено строгому контролю и допускается до произвольныхъ размѣровъ, при чемъ бываютъ и злоупотребленія: такъ на нѣкоторыхъ арестантовъ записываютъ въ счетъ долга вмѣсто одной—нѣсколько шинелей или до 70 арш. холста на рубашки, выдаютъ дабу (родъ холста) цѣлыми кусками, отпускаютъ несоразмѣрное число рукавицъ, чирковъ и проч. Для уничтоженія злоупотребленій Озерскій нашелъ нужнымъ въ первый рабочій день послѣ начала каждаго мѣсяца, по окончаніи денежнаго разсчета, объявлять вольной командѣ черезъ надзирателей, а заключеннымъ въ тюрьмахъ черезъ старостъ о состоящемъ на каждомъ долгѣ, и смотрителя должны были разбирать предъявляемыя при этомъ жалобы. Изъявивъ неудовольствіе на допущеніе долговъ за ссыльно каторжными, Муравьевъ одобрилъ предложеніе Озерскаго (между прочимъ и принудительную посылку рабочихъ на старательскія работы) и приказалъ Разгильдѣеву исполнить ихъ.

Тяжесть работъ на золотыхъ промыслахъ вызывала побѣги съ нихъ, особенно ссыльно-каторжныхъ. Такъ въ теченіе 1858 г. со всѣхъ золотыхъ промысловъ Нерчинскаго округа бѣжало заводскихъ служителей 77 (4,6% всего ихъ числа), ссыльно-каторжныхъ 488 (до 24%) и «ссыльныхъ женокъ» 14 (10%). Изъ всѣхъ бѣжавшихъ поймано было 28% Въ извѣстной намъ пѣснѣ сказано, что какъ только Разгильдѣевъ сталъ переводить мастеровыхъ на Кару:

„Съ Кутомары, Акатуя,
Лишь бѣду эту почуя,
Много разбѣглось“.

А на Карѣ жестокости одного надзирателя, часто наказывавшаго рабочихъ плетьми, приводили къ тому, что

---

*) Введеніе ярлыковъ, по свидѣтельству Озерскаго, уничтожило много «безпорядковъ и злоупотребленій», но онъ нашелъ, что было бы полезно приказать коммиссарамъ выдавать тюремнымъ надзирателямъ вещи для раздачи колодникамъ не иначе, какъ съ разрѣшенія промысловыхъ смотрителей, а тѣ должны были удостовѣряться, дѣйствительно ли нужны эти вещи, и строго наблюдать, чтобы онѣ не имѣли какого либо иного употребленія.

„Отъ такой его ухватки
Бѣжалъ въ сопку безъ оглядки
Рабочій народъ".

Побѣги бывали очень часто, несмотря на то, что за три дня вторичной и послѣдующихъ отлучекъ казенные мастеровые предавались военному суду и подвергались наказанію, которое вносилось въ формуляръ. Разъ наказанный шпицрутеномъ навсегда лишался права на увольненіе отъ работъ, когда же былъ назначенъ срокъ службы, то и по выслугѣ лѣтъ не получалъ пенсіона. Озерскій нашелъ, что «побѣговъ, достойныхъ военнаго суда по продолжительности времени, по дальнѣй отлучкѣ, по имѣнію фальшивыхъ видовъ и по другимъ преступленіямъ, весьма немного; они часты между ссыльно-каторжными, между служителями они рѣдки, цѣль побѣга послѣднихъ—отдыхъ и бродяжество». Озерскій предложилъ смягчить наказаніе и въ видѣ опыта дозволить за недѣльную отлучку мастеровыхъ не отдавать ихъ подъ судъ, а приказывать имъ зарабатывать прогульные дни въ праздники съ содержаніемъ до отработки подъ арестомъ; если же срокъ отлучки не выше трехъ недѣль, «сажать виновнаго безъ суда подъ арестъ, заставить вознаградить время прогула праздничной отработкой и производить въ примѣръ другимъ «полицейское взысканіе» (т.-е. тѣлесное наказаніе) по уставу. Въ числѣ другихъ предложеній Озерскаго Муравьевъ въ донесеніи министру финансовъ призналъ и это полезнымъ, но, повидимому, не нашелъ возможнымъ прямо просить о его принятіи: очевидно онъ полагалъ, что такая мѣра должна быть принята не административнымъ, а законодательнымъ путемъ, а быть можетъ онъ руководился при этомъ и тѣмъ соображеніемъ, что не задолго до того представилъ проектъ положенія для управленія Нерчинскими заводами, гдѣ такіе случаи могли быть предусмотрѣны.

Не ограничиваясь пассивнымъ протестомъ въ формѣ бѣгства, рабочіе на золотыхъ промыслахъ не отступали иногда и предъ убійствомъ лицъ особенно имъ ненавистныхъ.

Да и не мудрено: пріисковые порядки могли довести до раздраженія самыхъ терпѣливыхъ людей. Горные чины составили себѣ такую репутацію, что, по словамъ Б. А. Милютина, Муравьевъ «съ особеннымъ недовѣріемъ относился къ горному вѣдомству вообще, а къ кабинетскому въ особенности... Горный офицеръ или чиновникъ, въ какомъ бы чинѣ онъ ни былъ, не имѣлъ права подойти къ вашгерду» (для ручной промывки золота) «и взглянуть на пробное золото, чтобы его не сопровождалъ казачій урядникъ, на лицѣ коего ясно выражалось: «хоть ты и офицеръ, а всетаки причастенъ извѣстной заповѣди» *). По примѣру высшихъ чиновъ

*) «Генералъ-губернаторъ Н. Н. Муравьевъ въ Сибири (изъ воспоминаній Б. А. Милютина)». «Истор. Вѣстн.», 1888 г., т. XXXIV, 353.

не клали охулки на руку и низшіе, по словамъ пѣсни о Разгильдѣевѣ, «съ кого рубль — полтину взяли», тѣмъ «задавали работу въ половину»...

Можетъ быть расправа съ повинными въ разныхъ злоупотребленіяхъ, описанная въ этой пѣснѣ, была произведена по приказанію Муравьева, какъ результатъ его собственныхъ наблюденій или дѣйствій слѣдственной коммиссіи, учрежденной на Нерчинскомъ заводѣ. Это, впрочемъ, вполнѣ соотвѣтствовало суровой дисциплинѣ, не спасавшей, однако, рабочихъ отъ злоупотребленій начальства. На Нерчинскихъ заводахъ и промыслахъ «не въ рѣдкость» было наказаніе розгами надзирателей рудниковъ, нарядчиковъ изъ унтеръ-шихтмейстеровъ и столоначальниковъ горныхъ конторъ; а служащіе и урядники (нынѣ канцелярскіе служители) посылались трудиться въ разрѣзахъ наравнѣ съ рабочими. Мало того, при публичномъ сборѣ чиновниковъ и служащихъ въ Нерчинскомъ заводѣ объявлялись однимъ благодарность, а другимъ наказаніе съ такою обстановкою, что опальныхъ лицъ цирюльники тутъ же садили на барабанъ и обрывали у нихъ галуны, которые бросались въ нарочно разложенный костеръ» *). Это свидѣтельство показываетъ, что картинка, нарисованная въ пѣснѣ, могла быть вѣрнымъ отраженіемъ дѣйствительности.

Если такъ мало церемонились съ разными чиновниками и надзирателями, то и мастеровые подвергались крайне жестокимъ наказаніямъ, а ссыльно-каторжные, клейменные по тогдашнему закону буквами *С*—(на одной щекѣ), *О*—(на лбу), *К*—(на другой щекѣ), что означало—«ссыльно-каторжный», разумѣется выносили еще болѣе ужасныя кары, и эта, особенно суровая, атмосфера каторжныхъ тюремъ должна была вредно отражаться и на, такъ называемыхъ, рабочихъ «честнаго имени».

Разгильдѣевъ былъ очень жестокъ: случалось, что въ видѣ простой административной расправы, онъ приказывалъ давать по 300 розогъ въ двѣ руки. Грозно карая виновныхъ, онъ для пущаго эффекта хотѣлъ въ тоже время казаться иной разъ и милостивымъ. Вотъ что разсказывалъ намъ Ю. И. Эйхвальдъ. Однажды былъ заданъ непосильный урокъ, такъ что каторжные возмутились. Смотритель работъ наказалъ плетьми троихъ собственною властью, но этимъ дѣло не кончилось. На другой день были выведены всѣ каторжные, окружены войсками, призванъ палачъ и трое наказанныхъ были еще разъ жестоко высѣчены плетьми, закованы кругомъ, т. е. не только по рукамъ и ногамъ, но еще руки и ноги были соединены желѣзными перекладинами, такъ что они не могли повернуться, и отправлены въ другое мѣсто. Но тутъ же по списку, предварительно составленному надзирателемъ, Разгильдѣевъ вы-

---

*) *Багашевъ*. «Письма изъ Приаргунья». «Сборникъ газеты Сибирь», т. I. Спб. 1876 г., стр. 248.

кликнулъ каторжныхъ примѣрнаго поведенія и выдалъ имъ награду въ 25 руб.

Не даромъ пѣсня о дѣяніяхъ Разгильдѣева начинается такъ:

„Какъ въ недавнихъ то годахъ,
На Карійскихъ промыслахъ
Царствовалъ Иванъ!
Не Иванъ Васильичъ Грозный
Инженеръ-отъ былъ онъ горный
Разгильдѣевъ самъ!
Въ наказанье сего края
Его сбросило съ Алтая *)
Видно за грѣхи“ и т. д.

Примѣру начальника слѣдовали и подчиненные: такъ на Нижне-Карійскомъ промыслѣ былъ надзиратель Морозовъ, который имѣлъ «такую ухватку: кажду зорю изъ десятка подчивать плетьми», за то, «что поздно встали», или «мало сработали», или «не такъ стоятъ». На Верхне-Карійскомъ промыслѣ въ коллекціи смотрителей и уставщиковъ, изображенныхъ авторомъ пѣсни, былъ нѣкій Шабавка, для котораго въ пѣснѣ естественною риѳмою служитъ «*вязанка* батоговъ». На Нижне-Карійскомъ промыслѣ

Барковъ штейгеромъ считался
И не хуже отличался
Пашки палача.
Да и промысла смотритель
Превосходный былъ мучитель,
Варваръ, право, былъ.
Онъ съ бичемъ всегда ходилъ,
Безъ пощады имъ лупилъ,
До кого дойдетъ“.

Этотъ «мертвый домъ» для казенныхъ мастеровыхъ продержался до 1861 г., когда они получили свободу отъ обязательныхъ работъ, а для ссыльно каторжныхъ до конца 80-хъ годовъ **).

В. Семевскій.

---

*) Т. е. съ Урала?

**) Мы встрѣтили впрочемъ указаніе, что въ послѣднее время вновь стали употреблять ссыльно-каторжныхъ для работъ на Нерчинскихъ золотыхъ промыслахъ. См. «Вѣстн. Золотопромышл.» 1895 г. № 5, стр. 90.

Въ деревнѣ.

Какъ въ сказкѣ, я живу... Чуть утро зарумянитъ
Верхи сосновыхъ рощъ, и въ окна солнце взглянетъ,
Меня ужъ будитъ рогъ призывный пастуха.
О, я поклясться-бъ могъ, не побоясь грѣха,
Что въ жизни не слыхалъ такихъ я звуковъ странныхъ:

Изъ дѣтскихъ грезъ они и сновъ благоуханныхъ!
И долго чудный рогъ не устаетъ звучать.
Но мнѣ, лѣнивцу, глазъ не хочется разжать;
Мнѣ снится, что колдунъ, завидѣвъ станъ враждебный,
Раскинутый вблизи, трубитъ въ свой рогъ волшебный...

Мой день еще великъ, и много въ немъ чудесъ.
Вхожу-ли полднемъ я въ пышнокудрявый лѣсъ,
Дивитъ меня его торжественная дума,
За мертвой тишиной волна глухого шума...
А подъ вечеръ какъ свѣжъ березъ оживших листъ!

Какихъ тутъ звуковъ хоръ, веселый трескъ и свистъ!..
Протяжно вдалекѣ кукушка прокричала,
Проплакалъ ястребокъ, телѣга простучала...
И вотъ по просѣкѣ, наѣзженнымъ путемъ,
Труситъ себѣ рысцой съ понурымъ мужичкомъ

Нехитрая на видъ, мохнатая клячонка.
Замедленъ ходъ колесъ; кургузая шляпенка
Съ затылка падаетъ въ почтенiи нѣмомъ
Родной, забытый видъ, онъ кажется мнѣ сномъ!
Не мудрый разговоръ: куда да кто? откуда?..

И самъ себѣ кажусь я чѣмъ-то вродѣ чуда,—
Скиталецъ сумрачный съ разбитою ладьей,
Обнявшiй вновь порогъ отчизны дорогой,
Готовый вновь любить и вѣрить въ царство свѣта,
Печальной родинѣ слагая гимнъ привѣта.

П. Я.

Грамота и муза.

Бытовая и сельско-хозяйственная сторона деревенской жизни, съ ея однообразно-сѣрымъ, какъ осеннія сумерки, днемъ, отвлекаетъ вниманіе отъ работы самосознанія, которая хотя и медленно, но поступательно совершается внутри околицы. Только потомъ, когда эта работа приметъ форму болѣе или менѣе осязательную, невольно задумываешься надъ вопросомъ: да кто же заронилъ въ этотъ, окутанный мракомъ невѣжества, сермяжный «міръ» спасительную искру? въ силу какихъ условій, когда, повидимому, все слагалось такъ неблагопріятно, тлѣла и разгоралась эта спасительная искра?

Проживши болѣе десяти лѣтъ въ довольно близкихъ отношеніяхъ съ деревенскими сосѣдями, мнѣ, конечно, не одинъ разъ приходилось говорить съ ними о грамотѣ, ученьѣ. Зная на этотъ счетъ мнѣніе того или другого сосѣда, я до сихъ поръ опасался дѣлать какіе либо выводы изъ накопившихся свѣдѣній, во-1-хъ, потому, что мои наблюденія ограничивались кругомъ только моихъ знакомыхъ крестьянъ; во-2-хъ, зная мнѣнія «за» — за грамотность, за ученье,—я слышалъ мнѣнія и «противъ» («одно баловство» — какъ говорили) и, въ 3-хъ, для меня были слишкомъ осязательны узкія, эгоистическія побужденія, заставлявшія высказываться «за» ученье, а потому мнѣ казалось, что съ удаленіемъ этихъ причинъ могло измѣниться и самое мнѣніе.

Такъ одинъ изъ моихъ деревенскихъ сосѣдей не разъ высказывалъ мнѣ свое негодованіе по поводу общественнаго индеферентизма къ просвѣтительной дѣятельности.

— Брать-то съ насъ берутъ,—говорилъ Афонасій, такъ звали сосѣда,—а штобъ школу построить, да ребятёнокъ уму-разуму поучить, не ихъ дѣло.

Не смотря на искренность негодованія, я не могъ считать Афонасья за выразителя мнѣнія крестьянскаго «міра» потому уже, что самъ Афонасій представлялъ до нѣкоторой степени исключеніе изъ остальной среды: онъ между своими считался мужикомъ умственнымъ, не разъ бывалъ въ Питерѣ и водилъ компанію съ «господами», наѣзжавшими въ его избу въ качествѣ охотниковъ. Его голосъ могъ, такимъ образомъ, явиться позаимствованіемъ съ чужого голоса. Затѣмъ, у Афонасья «съобча» была куплена пустошка,—а

изъ хаотическаго состоянія межей и ничѣмъ неоформленныхъ условій владѣнія вытекалъ цѣлый рядъ очень запутанныхъ, бьющихъ по небогатому карману, правовыхъ осложненій, разобраться и понять смыслъ которыхъ все же, хотя немного, да помогъ бы сынъ-грамотѣй. По крайней мѣрѣ, въ присутствіи своего грамотѣя, то страшилище, которое окрещено въ крестьянскомъ міровозрѣніи общимъ именемъ «бумага», утрачивало бы въ глазахъ Афонасія свое таинственное и тѣмъ паче страшное значеніе. Такимъ образомъ Афонасій въ счетъ идти не могъ.

Другой примѣръ.

Каждый приходъ на мызу моей сосѣдки Натальи сопровождался извиненіями за безпокойство и не особенно лестными отзывами по адресу, кому то вѣдать слѣдуетъ:

— Бражничать, да приказывать—ихъ дѣло, а ребятъ грамотѣ учить,—гдѣ-ста намъ, времячка нѣтъ.

Но опять-таки у Натальи своя забота: сынъ въ солдатахъ; отъ ея деревни до мызы версты четыре; пробѣжавши это разстояніе, случалось и въ самую жаркую, страдную пору и въ непролазную грязь, старуха, вынимая изъ тряпокъ конвертъ, сообщала обыкновенно:

— Отъ болѣзнаго своего грамотку получили; мужику-то моему неколи придти, сѣится. Не обезсудь, почитай-ка мнѣ, а я послухаю.

Конечно, въ этой сыновней «грамоткѣ», писанной по общему шаблону всѣхъ крестьянскихъ и солдатскихъ «грамотокъ», ничего, кромѣ испрошенія «навѣки нерушимаго» родительскаго благословенія и нижайшихъ поклоновъ «любезнѣйшему братцу Федору Кузьмичу», «любезнѣйшей сестрицѣ Аннѣ Кузьминишнѣ» и т. д. съ подробнѣйшимъ переименованіемъ всѣхъ «любезнѣйшихъ» родственниковъ и свойственниковъ, иного не заключалось, если не считать послѣдней приписки: «а если ваше намѣреніе допрежъ было продать телушку, то вышлите 2 рубля на подметки». Тѣмъ не менѣе при чтеніи этого незамысловатаго посланія, по грубому, изрытому морщинами лицу Натальи скользитъ удивительно мягкій лучъ, когда же чтеніе дошло «до любезнѣйшихъ сосѣдей Степана Степановича, Миняя Карповича и др.», на глазахъ старухи показались слезы:

— Ишь, сердешный, всѣхъ-то и сусѣдушекъ припомнилъ!

Такимъ образомъ и симпатіи Натальи къ грамотѣ и школѣ, съ ея негодованіемъ на бражничанье, опять таки вполнѣ понятны: будь подъ рукой свой грамотѣй, не пришлось бы мѣсить грязь четыре версты, а съ обратнымъ и всѣ восемь. Сыновняя «грамотка» прочиталась бы не разъ и не два, доставляя не только великую радость изболѣвшемуся по солдатику родительскому сердцу, но и не малое удовольствіе почтеннымъ «нижайшими поклонами» сусѣдямъ.

Подобныхъ сторонниковъ грамоты, какъ Афонасій и Наталья,

занесено въ мои замѣтки не два и не три, а гораздо больше; тѣмъ не менѣе для меня все же не разрѣшился вопросъ, какъ деревня послѣднихъ лѣтъ въ видѣ цѣлаго, собирательнано относится къ ученью? За плечами опрошенныхъ мною сторонниковъ грамоты стоялъ «міръ»—масса, гнущая изо дня въ день свою спину не на прикупныхъ «пустошахъ», но на надѣльныхъ полосахъ, «міръ»—ничего, кромѣ своей околицы, не видѣвшій, пареньки котораго не попали въ солдаты, но церебиваются около дома и притомъ не въ качествѣ лишнихъ ртовъ, но какъ сама себя окупающая рабочая сила; словомъ, вся та темная, невѣжественная масса, между которой и ученьемъ не проходитъ, видимо, никакихъ живыхъ нитей и которая въ силу первобытности условій своего существованія, казалось, была бы вправѣ спросить: «а пошто намъ твоя грамота?»

Вотъ этой-то массѣ не навязываемъ ли мы своихъ личныхъ взглядовъ и симпатій? Не приписываемъ ли мы ей, на основаніи одиночно выхваченныхъ фактовъ, того, о чемъ она не думаетъ, мало того, отъ чего она въ своихъ неповѣданныхъ намъ помыслахъ открещивается? Хорошо «обязательное ученье», нѣтъ спора, но, идя въ разрѣзъ съ пожеланіями массы, не придется ли при помощи «полицейскихъ чиновъ» и «мѣръ благоразумной строгости» отрывать дѣтей отъ ихъ отцовъ и, не слушая глухой брани, гнать въ ненавистную школу?

Въ нынѣшнемъ году, въ числѣ другихъ землевладѣльцевъ, я получилъ приглашеніе отъ земской управы собрать въ намѣченномъ раіонѣ свѣдѣнія, имѣющія непосредственное отношеніе къ предстоящему разрѣшенію школьнаго вопроса. Такъ, мы должны были провѣрить: 1) число деревень и поселковъ намѣченнаго раіона, 2) число дворовъ въ каждомъ поселкѣ и деревнѣ, 3) число дѣтей обоего пола, достигшихъ школьнаго возраста (отъ 8—12 лѣтъ, 4) число существующихъ школъ, 5) выяснить имѣются ли правильно организованные ночные пріюты для дѣтей, приходящихъ въ школы изъ дальнихъ деревень и, если таковыхъ нѣтъ, то какъ могутъ быть устроены они, 6) намѣтить пункты, въ которыхъ цѣлесообразнѣе устроить школы и т. д.

Я ужасно обрадовался такому приглашенію, обрадовался потому, что оно ставило меня лицомъ къ лицу уже не съ отдѣльными личностями, не съ Афонасьемъ и Натальей и т. д., но съ цѣлой деревней, съ крестьянскимъ «міромъ» во всей его совокупности. Что-то скажетъ сфинксъ? Удаченъ или неудаченъ выйдетъ плебисцитъ?

Прежде чѣмъ приняться за объѣздъ, мнѣ уже пришлось выслушать (и при томъ не однажды) мнѣніе людей, повидимому, довольно близко стоящихъ къ деревнѣ, но тѣмъ не менѣе весьма скептически отнесшихся *къ фантазіи* земства. Эти «свѣдущіе люди» увѣряли, что мое желаніе стать лицомъ къ лицу съ крестьян-

скимъ «міромъ» и собрать свѣдѣнія на мѣстѣ, изъ живого источника, не приведетъ ни къ какимъ результатамъ, что крестьяне, во избѣжаніе *школьной повинности*, будутъ скрывать число дѣтей, и что земство, не тревожа землевладѣльцевъ, поступило бы гораздо благоразумнѣе, обратившись къ статистикѣ, собираемой урядниками и волостными писарями.

— Вотъ если вы въ каждой деревнѣ по ведерку другому водки выставите, тогда другое дѣло; о чемъ угодно будутъ толковать съ вами,—ехидничали знатоки деревни.

Дѣло собиранія свѣдѣній я постарался обставить какъ можно проще и, конечно, безъ участія какихъ бы то ни было предержащихъ и импонирующихъ властей. По воскресеньямъ и праздникамъ, когда большая часть крестьянъ сидитъ по домамъ, я, безъ кучера, захвативши кого нибудь изъ дѣтей, отправлялся въ намѣченныя заранѣе деревни. Примѣтивши около той или другой избы двухъ-трехъ крестьянъ, я просилъ ихъ скликать всѣхъ домохозяевъ, чтобы потолковать о школѣ. Немедленно мои бирючи отправлялись въ разные концы,—а минутъ черезъ 15, 20 меня уже окружали не только «старики» (домохозяева), бабы, но и добрая половина ребятишекъ. Кличъ «насчетъ школы», видимо, задѣвалъ за живое все населеніе деревни.

Получивши утвердительный отвѣтъ на вопросъ: всѣ ли старики въ сборѣ, я сообщалъ, что пріѣхалъ говорить съ ними, гдѣ и какъ лучше устроить школы.

— Што-жъ, мы готовы. Доброе дѣло, божье дѣло,—солидно, въ одинъ голосъ, отвѣчалъ стоявшій вокругъ меня плотной стѣной крестьянскій «міръ».

Вотъ, это,—скажу, поистинѣ, умилительное «мы готовы; доброе дѣло, божье дѣло», какъ давножданный голосъ народнаго самосознанія, сопровождалъ меня на всемъ пути изъ деревни въ деревню.

Кстати, передамъ самъ по себѣ незначительный, но характерный фактъ. За личнымъ недосугомъ, я не могъ употребить одно изъ воскресеній на объѣздъ. Въ субботу, наканунѣ слѣдующаго воскресенья, ко мнѣ приходятъ два «старика» изъ деревни Т.

— А мы тебя въ воскресенье поджидали. Кому и надоть было кой-куда, по своимъ, значитъ, дѣламъ,—дома остались. Баимъ промежъ себя: безпримѣнно ты пріѣдешь объ ребятахъ толковать.

Я пожалѣлъ, что понапрасну заставилъ ожидать себя, объяснилъ причину, почему не могъ собраться, и сообщилъ, что завтра пріѣду. Мужики сняли шапки и низко поклонились.

— Вотъ на этомъ спасибо. А то насъ сумлѣніе взяло, кой трѣхъ? ничѣмъ мы супротивъ другихъ непровинимшись, а деревня наша въ сторонѣ, словно оглашенная; у людей ребята учиться будутъ, а наши, какъ мы же грѣшные, дураками рости. Мужики насъ и послали. Похлопочи, родимый, и за нашихъ малышей. Вѣкъ не забудемъ.

Одинъ изъ первыхъ пунктовъ моей статистики (о числѣ домохозяевъ) шелъ очень гладко: всѣ избы на виду, хозяева—на лицо; возбуждаемые «міромъ» вопросы прямо относились къ дѣлу. Въ родѣ:

— А вдовъ, у коей хороминка своя, считать будешь? Считай. Такъ пиши наперво Аграфена Миняева при дѣтяхъ.

Или: Вона Митрій Степановъ у насъ большакомъ, а съ нимъ братанъ Иванъ Степановъ, а у Ивана то тоже ребятишки, мальчуганъ, да дѣвочка, вишь какой шустрый (говорящій изъ толпы ребятишекъ выдвигаетъ бѣлоголоваго, какъ кудель, паренька), съ ними на какихъ-такихъ правахъ быть?—Объясняю: домохозяиномъ считать большака Дмитрія Степанова, а Ивановыхъ ребятишекъ запишемъ, когда будемъ подсчитывать дѣтей.—Это ладно; Ивана забижать не надо,—мужикъ онъ добрый.

Или: «А шпитонковъ *) въ счетъ класть»? — Класть. Не за что ихъ забывать.—Это ты правильно говоришь; за чужой грѣхъ къ отвѣту не тянутъ.

Не съ такой уже гладкостью проходилъ слѣдующій пунктъ моей статистики, о числѣ дѣтей, достигшихъ школьнаго возраста. Мужики и бабы съ большой охотой, на перерывъ другъ передъ другомъ, дѣлились со мной своими свѣдѣніями, но горе въ томъ, что ихъ то свѣдѣнія грѣшили неполнотой и большой неустойчивостью. Дѣло вотъ въ чемъ: по нашимъ захолустьямъ принято вести счетъ лѣтъ десятками· «сказываютъ шестой, семой десятокъ пошелъ». Чаще же всего лѣта, для памяти, пріурочиваются къ извѣстному, выдающемуся изъ обиходной жизни событію. Такъ: «меня парнемъ на барщину гоняли, подсчитай-ко сколько тому годовъ было» или: «не на этотъ, а на тотъ Покровъ, жребій мнѣ вынимать, значитъ, сколько мнѣ годовъ?» Снабжать деревню метриками признается излишнимъ: начальство знаетъ, когда слѣдуетъ парня взять въ солдаты, попъ—когда можно обвѣнчать дѣвку, а затѣмъ не все ли равно бабѣ и мужику знать, пяткомъ другимъ больше или меньше проживутъ они на свѣтѣ: отъ ихъ знанія жизнь не прибудетъ и не убудетъ.

Вотъ этой-то своеобразной системы пріурочиванія и приходилось чаще всего держаться при опредѣленіи школьнаго возраста, что, конечно, весьма замедляло работу.

Такъ, напримѣръ, дѣло доходитъ до домохозяина Филипа Карпова и возраста его дочери Аксиньи. Переминаясь съ ноги на ногу, да почесывая въ затылкѣ, мужикъ одно твердитъ:

«Запамятовалъ, православные; хоть голову снимайте—запамятовалъ».

---

*) Въ нашей мѣстности крестьянки берутъ «на грудь» (такъ и говорится «взять на грудь») дѣтей изъ воспитательнаго дома. Они то и называются «шпитонками». Живутъ они у своихъ воспитателей до полнаго совершеннолѣтія.

Чтобы помочь горю, православные выдвигаютъ на сцену Филипову бабу.

— Да сказывай, тетка Матрена, сколько годковъ твоей Аксюткѣ?

— А пошто, старики, мнѣ-то знать. Аграфену замужъ выдавала— попъ сказывалъ по восемнадцатому годочку, Васюткѣ вторая зима пошла, а ужъ насчетъ Аксютки хошь подъ хрестъ ведите; изъ головушки вышло.

Такимъ образомъ дѣло со школьнымъ возрастомъ Аксютки выходило бы совсѣмъ плохо, если бы на выручку не явилась сосѣдка, тетка Прасковья:

— Постой, постой, Матрена. Ты вотъ што припомни: въ тѣ поры, какъ ты Аксютку-то рожала, я къ тебѣ въ избу пришла, а ты мнѣ таково-то радостно баишь: вотъ Господь Богъ и дочку, и телочку послалъ, бѣлоголовку.

Совпаденіе, указанное теткой Прасковьей—рожденія Аксютки и бѣлоголовки, возстановляетъ въ памяти Матрены картину минувшаго:

— Такъ, такъ. Утречкомъ я Аксютку родила, а какъ огни зажечь, Груня въ избу бѣжитъ: мамка, кличетъ, пеструха отелилась, телочкой, бѣлоголовкой. Это вѣрно.

Я слушаю:—дѣло идетъ на ладъ. Возстановивъ фактъ совпаденія двухъ рожденій, догадливыя тетки, чтобы установить годъ рожденія Аксютки, подсчитываютъ число пеструхиныхъ бычковъ и телочекъ; оказывается, что пеструха въ нынѣшнемъ году ходила на седьмомъ теленкѣ.

— Значитъ, твоей Аксюткѣ десятой годокъ пошолъ,—авторитетно разрѣшаетъ поставленный вопросъ тетка Прасковья. Всѣ ей поддакиваютъ и одобряютъ («вотъ на какую линію баба вывела»). Матрена тоже соглашается:

— Десятый, десятый, это вѣрно. На само свѣтло-христово-воскресенье пеструха седьмого принесла. Такъ и пропиши, родимый: Аксюткѣ десятый годокъ.

Очень довольныя, что спорный вопросъ столь мудро разрѣшенъ къ общему удовольствію, обѣ тетки удаляются въ толпу товарокъ, но минуты черезъ двѣ Матрена опять возвращается.

— Ужъ ты меня глупую бабу не обезсудь, не нарокомъ я. Яловой у меня пеструха годъ ходила. Въ тѣ поры дуракъ-то мой все лѣзъ ко мнѣ: продать, да продать, дарма сѣно жретъ.

Присутствующіе «дуракъ мой» и сосѣди подтверждаютъ годъ безплодія пеструхи, значитъ, Аксюткѣ годъ слѣдуетъ накинуть.

Подобную же роль, какъ роль пеструхи и бѣлоголовки по отношенію къ возрасту Аксютки, играли по отношенію къ другимъ дѣтямъ рубка лѣса въ томъ или другомъ урочищѣ, пашня той или другой полосы и т. д., словомъ, тѣ событія, которыя въ силу своей крупности оставляли въ крестьянской памяти замѣтный слѣдъ.

Былъ и такой случай. Дошла очередь до дѣтей Емельяна Иванова.

— Постой, постой писать, я духомъ сбѣгаю.

Мужикъ убѣжалъ; «міръ» не безъ удовольствія ожидаетъ его возвращенія, въ толпѣ слышится атестація: дошлый онъ у насъ; все превзошолъ.

Минутъ черезъ пять «дошлый» возвращается и, загибая свои крѣпкіе, какъ добрые корни, пальцы, ведетъ счетъ:

— Теперича пиши: перво-на-перво Ванюшка сидитъ у меня на десятой зарубкѣ, Никита съ четырнадцатой съѣхалъ, а дѣвку — ни замужъ, ни въ ученье: на Миколу вешняго черезъ шестую перевалила.

— Съ какой перевалила, на какую съѣхалъ?

Емельянъ, довольный, ухмыляется.

— Я башковатый, дошелъ. Поглянь-ка въ избѣ на мои косяки: какъ, значитъ, хозяйкѣ рожать, я тою минуту за топоръ и зарубку класть. Годъ прошелъ—зарубку. Любезное дѣло.

Бывало, впрочемъ, и такъ, что ни пеструхи, ни урочища, ни иныя событія деревни не помогали возстановить возрастъ ребенка съ достаточной точностью, тогда «міръ» меня же избиралъ въ безапеляціонные судьи. На сцену приводился карапузъ мужского или женскаго пола.

— Поглянь-ка ты на него самъ,—тебѣ виднѣе.

Выпадающая роль приводила меня въ немалое смущеніе, ибо нѣтъ ничего труднѣе, какъ опредѣлить возрастъ крестьянскихъ дѣтей по внѣшнему виду; сплошь и рядомъ тринадцати-лѣтнюю дѣвочку или паренька можно принять по росту и складу за десятилѣтнихъ.

Въ чемъ «міръ» постоянно оказывался на высотѣ задачи—это по вопросу, гдѣ наилучше, по мѣстнымъ условіямъ, устраивать школы. Каждая мѣстность, безъ всякихъ заднихъ цѣлей, разбиралась имъ по косточкамъ, со всѣми ея удобствами и неудобствами; въ результатѣ же этой строгой расцѣнки, пунктъ, на которомъ останавливался «міръ», являлся для всѣхъ прилегающихъ деревень самымъ безобиднымъ и самымъ удобнымъ. Такъ напр., мои симпатіи были за деревню Т., симпатіи же «міра» на сторонѣ П.

— Ты какъ знаешь, а по нашему П. не въ примѣръ ладнѣе.

— Чѣмъ же ладнѣе?

— А вотъ подсчитай-ка. Первымъ дѣломъ въ П. ребятъ горазъ болѣе, чѣмъ у насъ,—а потомъ П. самая середина: и намъ, и г—скимъ и ж—скимъ—никому не въ обиду, всѣмъ едино идти. Поглядѣть Т. близко, а весной,—во куда объѣзжай, рѣченка-то шалая, ребятамъ домой не попасть. Опять и лѣсъ; подъ вечеръ мужикъ, озираючись, идетъ, а малышамъ долго-ль запужаться? И то надо подумать: пока што, да какъ, а у Семена П—скаго и по сей часъ хоромина гуляетъ. Зови попа на молебенъ, да сади ребятъ за указку. Готово дѣло.

Всѣ эти соображенія, по провѣркѣ, оказывались вполнѣ практичными и разумными.

Въ предложеніи управы шла, между прочимъ, рѣчь о правильно организованныхъ пріютахъ для дѣтей, не могущихъ за дальностью разстоянія попасть на ночь домой. Такъ какъ въ отмѣченной для меня мѣстности не было ни одной школы, то, само собою разумѣется, не могло быть и рѣчи о какихъ бы то ни было пріютахъ. Вообще, я замѣтилъ, что, въ силу самой новизны дѣла, понятіе о «ночлежномъ пріютѣ», какъ о чемъ-то отдѣльномъ отъ школы, не вполнѣ уяснялось крестьянами. «Пріютъ» даже въ самомъ скромномъ видѣ представляетъ уже извѣстное удобство, именно, то, чего до сихъ поръ не встрѣчалось въ деревенскомъ обиходѣ. Что же дѣлать ребятамъ, застигнутымъ въ школѣ непогодицей, вьюгой, не замерзать же по нашимъ невылазнымъ трущобамъ?

— Што ты, што ты, батюшка,—отвѣчалъ міръ,—да въ любую избу ступай, отказу не будетъ, вѣдь, они не за худымъ дѣломъ придутъ, учиться. Прохожему человѣку, Господь его вѣдаетъ откель онъ, худой или хорошій, ворота завсегда у насъ отворены, а своимъ то малышамъ, какъ пріюту не дать... Дадимъ, дадимъ, ты не сумлѣвайся...

Въ однообразномъ отвѣтѣ о пріютахъ, полученномъ мною во всѣхъ поселкахъ, сказывалась одна мысль: устраивайте только школы, учите дѣтей,—а о «пріютахъ» позаботится сама деревня: не за худымъ дѣломъ придутъ, въ любую избу ступай.

Упоминая объ отсутствіи въ намѣченной для меня мѣстности школъ, я этимъ не хочу сказать, чтобы со стороны крестьянства не дѣлались совершенно самостоятельныя, ни отъ кого независимыя, никѣмъ со стороны не подсказанныя, попытки къ ученью. Напротивъ, потребность деревни учиться носится въ воздухѣ; несмотря на испытываемыя неудачи, деревня, быть можетъ, инстинктивно чувствуя, что съ тѣмъ запасомъ мрака, который у нея имѣется, жить нельзя, дальше идти некуда, на собственный коштъ и страхъ старается удовлетворить вновь народившуюся потребность. Такъ, въ одной изъ деревень, П., крестьяне гдѣ-то выискали «мужичка-грамотѣя Миколая Фанасьевича», наняли «мірскую избу» и согласились платить по 50 коп. за науку въ мѣсяцъ съ ребенка. Прослѣдить исторію возникновенія этой самостоятельной школы, узнать, кто между безграмотными мужиками явился первымъ иниціаторомъ дѣла, выдержалъ ли онъ борьбу съ «мірской» косностью, къ сожалѣнію, я не могъ. Отвѣчаютъ: «собча положили»—«собча надумали». Миколай Фанасьичъ очень полюбился мужикамъ за свой тихій нравъ, но бѣда въ томъ, что, проучивши одну зиму, онъ надумалъ «Богу послужить, на церковный сборъ пошелъ», и школа распалась.

Въ другой деревнѣ Б. самостоятельная попытка къ ученью закончилась еще плачевнѣе: мужики также наняли «мірскую избу», также складывались по 50 к. въ мѣсяцъ съ ребенка, но пригла-

шенные одинъ за другимъ два педагога оказались никуда негодными проходимцами, одинъ хуже другого.

«Прямо тебѣ сказать, баловники попались»—весьма снисходительно атестовала деревня самозванныхъ педагоговъ. Эти «баловники» только шлялись по кабакамъ и ничему дѣтей не учили.

Замѣчательно, что неудачный опытъ съ баловниками нисколько не повліялъ на крестьянъ, на ихъ желаніе добиться своего: видѣть дѣтей грамотными. Они и меня просили:

«Пока тамъ што, а коли прослышишь про хорошаго человѣка,—послалъ бы его къ намъ. Можетъ мы съ нимъ и столкуемся».

Наконецъ, въ третьей деревнѣ З. результаты съ ученьемъ оказались успѣшными.

Къ счастію З—скихъ крестянъ, не вдали отъ деревни поселилась на всю зиму помѣщица; одинъ изъ крестьянъ попросилъ ее поучить грамотѣ сынишку, она согласилась. Почва къ ученію оказалась на столько подготовленной, что г-жа Ф. въ половинѣ учебнаго сезона не могла уже одна справиться съ дѣломъ. «Барышню намъ предоставила». Объ этой «барышнѣ» мужики и бабы въ одинъ голосъ отзывались съ необыкновенной теплотой и любовностью.

«Ужъ такъ добра, такъ добра эта барышня, что и сказать тебѣ невозможно».

Въ науку къ «доброй барышнѣ» ребята (мальчуганы и дѣвочки) бѣгали за 5, за 6 верстъ. Чтобы оцѣнить эти 5, 6 верстъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и степень жажды современной деревни къ ученью, слѣдуетъ принять во вниманіе наши пути сообщенія весной и осенью (лѣтомъ ученія не было). Это нѣчто почти невозможно отвратительное: тамъ, гдѣ дорога не проложена боровымъ мѣстомъ, она представляетъ сплошное море глубокой грязи,—по низинамъ-же всѣ гати четверти на двѣ покрываются водой. Въ этой-то грязи по колѣно шлепала въ рванныхъ зипунишкахъ ежедневно 10, 12 верстъ мужицкая дѣтвора къ благому источнику...

Въ одной изъ деревень, въ доказательство плодотворной дѣятельности «доброй барышни», ко мнѣ привели мальчугана лѣтъ 11. Я ему далъ прочесть (литографированную) «бумагу» З. Управы. Мальчуганъ, сначала конфузясь, а потомъ бойко и толково прочелъ ее всю до конца и также толково отвѣчалъ на вопросы, чему учила ихъ «добрая барышня». Съ немалой гордостью прислушивался тѣснившійся около насъ крестьянскій «міръ» къ чтенію и отвѣтамъ «своего» грамотѣя. Со всѣхъ сторонъ посыпалась похвала на его кудрявую голову: «Во какой онъ у насъ!» «Птичка не величка, а первый человѣкъ!» «Такъ и рѣжетъ!».

Помимо вопроса: желаетъ ли деревня учиться, для меня представлялась не менѣе интересной другая сторона дѣла: что за импульсъ заставляетъ деревню стремиться къ грамотѣ, какимъ,—по ея же міровоззрѣнію,—духовнымъ и матеріальнымъ потребностямъ

должна удовлетворять эта грамота. Разъ деревня сознала, что надо учиться, значитъ въ ея міровоззрѣніи образовался пробѣлъ, не восполняемый наличными средствами, въ чемъ же заключается этотъ пробѣлъ? Пришелъ-ли мужикъ къ выводу, что таинственная грамота подскажетъ ему, чѣмъ можно и должно угодить «матери-сырой-землѣ», чтобы она привѣтливѣе, ласковѣе отнеслась къ своимъ обойденнымъ дѣтямъ? Или, сбитый съ толку безправіемъ и безурядицей, путаясь въ первомъ столкновеніи, выходящемъ за черту примитивныхъ условій, безсильный отклонить отъ себя самую ничтожную правовую и экономическую невзгоду, мужикъ за грамоту хватается какъ за якорь спасенія, какъ за силу,—въ чаяніи найдти въ ней себѣ защитника? Или наконецъ, въ силу приписываемыхъ ему какихъ то особо-прирожденныхъ свойствъ, всѣ житейскія невзгоды, крупныя и мелкія, вся хитросплетенная сѣть общественныхъ условій, проходятъ мимо мужика, недостаточно затрогивая, недостаточно нарушая его жизнь,—а потому грамотой онъ жаждетъ удовлетворить только высшую, духовную потребность?

Чтобы подойти къ разрѣшенію этихъ положеній, я ставилъ вопросъ въ такого рода формѣ: зачѣмъ нужна вамъ школа, обходились же отцы и дѣды безъ нея,—отчего не обойтись и вамъ? На это получались двоякіе отвѣты: одни, такъ сказать, общаго характера, другіе болѣе конкретные, съ болѣе опредѣленной цѣлью. Къ первымъ слѣдуетъ отнести отвѣты такого рода:

«По нонѣшнимъ временамъ, прямо тебѣ молвить, жить безъ грамоты почитай нельзя». Или: «Засѣли мы ведмѣди по берлогамъ, да лапу сосемъ. Ни свѣту намъ, ни радости,—дуй намъ въ уши, что хошь, всему дураки повѣримъ». Или: «Нечево имъ (т. е. ребятамъ) по задворкамъ баловаться,—въ школѣ ума наберутся. Прежде сказывали: за битаго пару не битыхъ на базарѣ давали, а нонѣ за граматнаго». И т. под.

Къ отвѣтамъ второй категоріи относились такіе. «Повѣстка придетъ, сельскій сунетъ въ руки, до тебя, молъ, Карпуха, добираются, да и былъ таковъ. Вертишь ее такимъ и эдакимъ манеромъ... Шутъ ее разберетъ. Изморомъ изойдешъ покѣль-то узнаешь: какія такія дѣла у тебя развелись.» Или: «Примѣрно сказать,—стали къ купцу на возку; онъ тѣмъ же часомъ въ контору: ставь мужики хресты. Чево, молъ, ставить, ты спервоначалу вычитывай. Шу-шу промежъ себя, глядь и отвѣтъ готовъ: вычитывай, не вычитывай, все едино дурьи головы не поймете.» Или: «Сказываютъ, манихфестъ вышелъ, это правда?»—Подтверждаю: правда.—«То-то правда, и намъ сорока на хвостѣ вѣсть принесла. Тамъ можетъ што и по крестьянству есть, только намъ про то неизвѣстно. Вотъ теперeча и разсуди: коли-бъ промежъ насъ грамотѣи то развелись, дошли-бъ мы до манихфеста, али-бъ не дошли? Дошли-бъ, не сумлѣвайся, лучшимъ манеромъ»... И т. под.

Словомъ, всѣ конкретные отвѣты исключительно вращались въ

чертѣ экономически-правовыхъ отношеній. Если слово «земля» и «недородъ» не встрѣтились ни разу, то полагаю, что это произошло потому, что въ воззрѣніи деревни крѣпко засѣло убѣжденіе, что здѣсь вся тайна заключается въ достаткѣ и разрѣшается очень просто: есть достатокъ—прикупилъ земли, прикупилъ скотины, во время вспахалъ, во время унавозилъ, посѣялъ, и родитъ «кормилица», не наводя справокъ, грамотѣй или безграмотный обливалъ ее своимъ потомъ; нѣтъ достатка—и никакой грамотѣй не замѣнитъ драгоцѣннаго позёма.

Каковы бы ни были отвѣты, изъ всего видѣннаго и слышаннаго я могъ вывести одно только заключеніе: сказать, что современная деревня *желаетъ* учиться, слишкомъ мало, это не будетъ соотвѣтствовать господствующему настроенію; деревня въ буквальномъ смыслѣ жаждетъ учиться: въ ея общемъ тяготѣніи къ грамотѣ есть нѣчто стихійное. Какимъ вѣтромъ занесло въ безпросвѣтную глушь благодатную жажду,—Богъ знаетъ,—но она томитъ, мучитъ обезсиленный, обездоленный крестьянскій «міръ». При такихъ условіяхъ вопросъ объ обязательности или необязательности ученія есть вопросъ нѣсколько праздный. На обязательности необходимо настаивать тамъ, гдѣ фабричный станокъ и машина вырываютъ изъ семей дѣтей; объ ней слѣдовало бы говорить, если бы деревня не шла на встрѣчу ученію, если бы ее слѣдовало поднять до сознанія его необходимости. «По нонѣшнимъ временамъ безъ грамоты жить нельзя», отвѣчаетъ деревня и этого отвѣта ей никто не подсказываетъ. Дѣло не въ обязательности, но въ количествѣ и *качествѣ* школъ. Устраивайте больше школъ, не заграждайте дороги «школьнымъ возрастамъ», не преподносите вмѣсто культивирующаго знанія камень сухой, догматической долбежки, и въ школахъ, безъ обязательности, будетъ тѣсно; ея стѣны не вмѣстятъ желающихъ.

Тѣ, кто думаютъ иначе, кто полагаетъ, что современная деревня смотритъ на школу, какъ прежде смотрѣла на рекрутчину, не знаютъ деревни, прозѣвали ростъ ея самосознанія.

Мнѣ довольно часто приходится прислушиваться, какъ и что поетъ деревня. Это въ высшей степени любопытная и назидательная статья; любопытная и назидательная въ смыслѣ художественнаго развитія народа извѣстной эпохи, представленнаго самимъ же народомъ.

На яровомъ полѣ кипитъ работа. День выдался солнечный, безъ томящаго жара. Всѣ, по случаю воскресенья, разодѣты по праздничному. Работаютъ не на семью, въ общій отцовскій кошель, а на себя, «на собинку»—какъ говорятъ въ нашихъ мѣстахъ. Длинная вереница разноцвѣтныхъ жницъ растянулась по полю прихотливо-изогнутой линіей чуть не на полверсты. Изъ этой линіи,

то въ одиночку, то подхваченная хоромъ, неумолкаемо льется пѣсня; также неумолкаемо судачатъ и перебраниваются бабы-жницы (поютъ только дѣвушки, бабы—никогда). На одномъ изъ пригорковъ размѣстилась компанія парней изъ сосѣдней деревни. Они пришли на поле въ качествѣ зрителей, а главное—пустить дѣвушкамъ пыль въ глаза «спинжаками», фуражками съ козырями и росписными голенищами. У одного изъ парней неизбѣжная, по случаю воскресенья, гармоника.

„Какъ вдарила луна
Съ неба голубова"...—

Поетъ одинъ изъ парней и ему въ тактъ визжитъ гармоника.

Я подхожу ближе, чтобы прослѣдить пѣсню до конца, но «вдарившая съ неба луна» видимо не дается парню. «Слова очень мудреныя», а потому, подъ аккомпаниментъ гармоники, парень наладилъ новую пѣсню:

Желаненьки што сусѣди,
Дайте мнѣ въ волюшку погулять.
Скоро сдадутъ меня во солдаты,
Я не буду болѣ докучать.
Поѣхалъ въ городъ за капустой,
Къ молоденькимъ дѣвочкамъ попалъ.
По Гатчину катался,
Въ погребкахъ бутылки билъ,
Городскихъ дѣвокъ любилъ.
Саму водочку-ликеру
За наливу не считалъ (?)
Забавочки капутъ,
Меня што во солдаты везутъ.
Мнѣ што волосики снимутъ,
Снимутъ што кудерушки
Съ веселой моей головушки.
Разнесчастный городъ Луга!
Разнесчастный есть што домъ!
Обрили волосы кругомъ.
Ноньчѣ што мясоѣдъ-то проходитъ,
Настаетъ великій постъ.
Одна сударушка въ деревнѣ,
А друга за двѣсти верстъ.

Пѣвецъ и гармоника смолкли, пѣсня окончилась.

— Скажите парни, откуда берутся у васъ такія пѣсни?—спрашивалъ я.

— Мода на нихъ пошла.

— А учитъ-то кто васъ имъ?

— Такъ промежъ себя, другъ у дружки и учимся.

— А еще модныя есть?

— Какъ не быть.

Парни запѣли хоромъ:

Берегите матки насъ,
Намъ не вѣкъ жить у васъ.

Намъ што не вѣки вѣковать,
Одно лѣто погулять.
Кабы не было погоды
Не летѣлъ бы бѣлый снѣгъ,
Кабы не было заботы,
Я не пошелъ сюда во вѣкъ.

Мои пѣвцы оборвались, но за то одинъ, самый голосистый, съ необыкновеннымъ вывертомъ взвизгнувъ на гармоникѣ, пропѣлъ:

Нешто—ваши богатства, чины!
Выпьемъ водки
Десять сороковъ
И закусимъ ветчины!

Неожиданное для меня соло, съ столь рѣшительнымъ предпочтеніемъ чиновъ и богатства десяти сороковкамъ, видимо произвело большой эфектъ на остальныхъ слушателей.

— Это тоже модная?

— Первѣйшій сортъ.

Какъ ни странно, описывая затерявшуюся по захолустьямъ деревню, съ ея перекосившимися на бокъ, крытыми соломой избами, съ ея безграмотными Сидорами и Карпами, употреблять слова «мода» и «модный», но должно сказать, что наружная неподатливость деревни не устояла передъ чарами легкомысленной богини: слово «мода» вошло въ крестьянскій лексиконъ, ей въ жертву деревня приноситъ свой костюмъ, уродуя себя «спинжаками» и узорчатыми платьями «съ четыремъ съ оборкомъ», ей же въ жертву она принесла свой языкъ, изуродовавъ его «мудреными словечками»,—и не менѣе мудреными оборотами свою славную, старую пѣсню.

Было бы не удивительнымъ, при народномъ невѣжествѣ, если-бы «мода» стала дѣлать свои быстрыя завоеванія въ области художественнаго міровоззрѣнія только за послѣднее время, то-есть за время, когда обнаруживается съ такой силой общее стремленіе деревни бѣжать изъ насиженнаго гнѣзда и когда многіе дѣйствительно бѣгутъ изъ нея. Но очень замѣтное вліяніе «моды» обнаруживалось гораздо ранѣе, тогда, когда крестьянинъ (въ нашихъ мѣстахъ) еще крѣпко сидѣлъ на землѣ, когда весь его видимый міръ сосредоточивался внутри околицы и когда единственными и притомъ очень рѣдкими носителями цивилизаціи являлась молодежь, отбывшая воинскую повинность. Трудно даже понять, въ какую щель проникла «модная» кабацко-лакейская струя и подъ вліяніемъ этой ядовитой струи исчезаютъ и исчезли, дѣлаются рѣдкостью, какъ кости ископаемыхъ, всѣ прежнія народныя пѣсни: про злую грусть-тоску, про чужедальную сторонушку, про полосыньку, заросшую частымъ ельничкомъ, березничкомъ... Въ теченіи послѣднихъ лѣтъ мнѣ только однажды привелось подслушать и по мотиву, и по содержанію что-то вродѣ пѣсни:

Взвѣйся, выше понесися,
Сизокрылый голубокъ!
На тое мѣсто опустися,
Гдѣ родима сторона.

Но, забывъ свои старыя пѣсни, безграмотная муза деревни продолжаетъ творить по прежнему; кастальскій источникъ ея вдохновенія не изсякъ; потребность народа въ пѣснѣ такъ-же живуча, такъ же сильна, какъ потребность въ движеніи, въ воздухѣ. Предоставленная же своимъ собственнымъ силамъ, не имѣя ни руководителя, ни художественныхъ образцовъ передъ глазами, бѣдная муза деревни удовлетворяетъ этой потребности, справляется съ матеріаломъ, даваемымъ ей жизнью, какъ знаетъ и какъ умѣетъ.

Весьма естественно, что при наличности подобныхъ условій форма современной народной пѣсни уродлива, ея поэтическіе вкусы и вожделѣнія грубы и низменны, ея ритмъ отличается немузыкальностью, ея предыдущія строфы ничего не имѣютъ общаго съ послѣдующими. Напримѣръ:

Въ нашемъ городѣ въ большой колоколъ звонятъ
И мою то имянинницу сегодня хоронятъ.
Меня Ваня гулять манитъ, я боюся что обманетъ,
Буду съ Лешенькой гулять, обѣщался замужъ взять.
Распроклятые куряты крупу—бору (?) не клюютъ,
Разсердилися ребята, гулять съ нами то нейдутъ.

Само собою разумѣется, что было бы излишнимъ трудомъ объяснять причинную связь между церковнымъ звономъ и распроклятыми курятами, между печальнымъ обрядомъ погребенія «моей имянинницы» и веселой гулянкой съ Ванями и Лешеньками. Вѣроятнѣе всего, что въ подобныхъ пѣснопѣніяхъ народная муза, уловивъ и запомнивъ гдѣ то услышанный и полюбившійся ей стихъ, пришиваетъ его бѣлыми нитками къ новому продукту своего творчества, не останавливаясь надъ дисгармоничностью сочетаній, какъ въ данномъ случаѣ, похоронъ съ позывомъ на гулянку, церковнаго звона съ распроклятыми курятами.

Понятно, что при такихъ недостаткахъ звуки народной лиры также рѣжутъ нѣсколько привычный къ художественности слухъ, какъ рѣжетъ его единственно музыкальный инструментъ, находящійся въ распоряженіи деревни,—гармоника. Кстати,—было бы любопытно прослѣдить параллельно съ исторіей изчезновенія старой народной пѣсни и замѣны ея новой — исторію исчезновенія въ народѣ всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ. Въ этой области торжество «моды» столь же полное, какъ и въ области народной поэзіи. Гармоника въ современной пѣснѣ заняла такое же мѣсто, какъ въ старинныхъ рапсодіяхъ арфа и лира. Въ сердечной жизни деревни ей, этой противной гармоникѣ, суждено играть большую роль.

Играй, забавочка, въ гармонь, играй не разводи,
Меня молоденькую дѣвочку до слезъ не доводи.

Чарующіе «разводы» гармоники доводятъ крестьянскую дѣвушку не только до слезъ, но и до суровыхъ мѣръ исправленія со стороны родительской власти.

Не выигрывай, забавочка, въ гармоньку хорошо,

умоляетъ своего милаго (забавочку) дѣвушка въ другой пѣснѣ, не выигрывай, потому что

Стыдно, за тебя батюшка бьетъ.

Провѣряя періодъ своихъ сердечныхъ увлеченій, крестьянская дѣвушка никакъ не можетъ забыть гармоники, ея «разводы» заслоняютъ въ дѣвичьемъ представленіи и ясные очи и молодецкую повадку милаго.

Не стой, забава, у воротъ, не дожидай отвѣта.
Не пуститъ батюшка гулять, простоишь до свѣта.
Кабы не было зимы, снѣгу не напало,
Кабы не было забавы, я не похудала.
Я любила жито жать тако зеленое (?)
Я любила съ тымъ гулять, кого гармонь веселая.

Словомъ безъ гармоники не обходится (въ пѣснѣ) ни одно дѣвичье увлеченіе.

Должно сказать, что едва-ли найдется въ мірѣ существо болѣе пѣвучее, чѣмъ русская крестьянская дѣвушка. Кажется, нѣтъ положенія и условій, когда бы и гдѣ бы не раздавались ея пѣсни: не говоря уже о «бесѣдахъ» и «супряжкахъ» *), она распѣваетъ, таская коряги изъ болотистыхъ низинъ, подбирая пудовые камни на поляхъ, разбрасывая груды навоза, сгибая въ три погибели спину подъ убійственнымъ солнцепекомъ на жнивѣ. Поетъ (по характерному мѣстному выраженію «голоситъ»)—въ музыкальномъ отношеніи крестьянская дѣвушка на какихъ то необыкновенно высокихъ фальцетныхъ нотахъ столь же плохо, сколь мало прилагается заботливости къ развитію ея музыкальныхъ способностей.

Какія же «модныя» пѣсни влагаетъ народная муза въ уста своей любимицѣ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, достаточно пробыть нѣсколько часовъ на томъ же яровомъ полѣ, гдѣ парни воспѣвали ветчину и водочку-ликеру. Репертуаръ деревенской музы не отличается обширностью и разнобразіемъ.

Не жалѣй батюшка денегъ 25 рублей,
Справь-ка парочку мнѣ шелкову, таку, какъ у людей.
Купи мнѣ батюшку шалипку 100 рублеву бѣлую,
Я за эту то шалипку всю работу сдѣлаю.
Не купляйте, не хочу ни бурдо ни кумачу,
А купите голубова, какъ рубашка у милова.

Какъ бы въ поясненіе какое значеніе имѣетъ «парочка шелкова» въ дѣлахъ сердца, одна изъ жницъ затянула новую пѣсню, подхваченную хоромъ:

*) Отъ слова прясть; осенью и по зимамъ дѣвушки собираются прясть вмѣстѣ; на эти «супряжки» являются и парни.

Дорогуша, дорогой, ягодку обидѣлъ.
За рученьку взялъ, колеченько снялъ,
Весь народъ увидѣлъ.
Мнѣ набраться бѣдновато,
Што окруты маловато.
Мнѣ шелковой пары нѣту,
Шерстяной мнѣ не нарядъ.

Вообще туалетъ не сходитъ съ языка пѣвицъ; передохнувши немного, жницы снова принялись за него:

Ты позволь-ка мнѣ мамаша платье розово надѣть,
Дай-ка Господи терпѣнье на забаву не глядѣть.
Я своего дорогого двадцати могу узнать.
Надѣта бѣлая рубашка, впереди идетъ гулять.

Не ограничиваясь розовыми платьями, шалинами и шелковыми парочками, народная муза передаетъ устами тѣхъ же жницъ и другія дѣвичьи вожделѣнія:

Своему батюшкѣ поклонюсь:
Купи зонтикъ и калоши,
Купи въ талію палтечко,
Успокой мое сердечко.

Эти калоши, какъ видно изъ другой пѣсни, необходимы дѣвушкѣ, чтобы

На супряжку ходить,
Озарямъ не поддаваться,
Бѣлы ноги не мочить.

Впрочемъ, «бѣлы ноги не мочить»—это только къ слову, поэтическая вольность музы, на самомъ же дѣлѣ у немногихъ счастливыхъ обладательницъ зонтики и галоши играютъ роль очень драгоцѣннаго украшенія: въ грязь галоши всегда носятся въ рукахъ, зонтики же ни въ дождь, ни въ зной не раскрываются.

Судя по значительному числу народныхъ пѣсенъ, въ которыхъ туалету отводится преобладающее значеніе, слѣдуетъ придти къ заключенію, что громадное разстояніе, раздѣляющее дѣвушекъ различныхъ общественныхъ слоевъ, не имѣютъ особеннаго вліянія на характеръ ихъ помысловъ; разница заключается въ достоинствѣ туалета, въ большой откровенности народной музы и въ томъ, что «батюшка» крестьянской дѣвушки остается обыкновенно глухъ къ просьбамъ дочери купить ей шалину, зонтикъ и галоши; всѣ недостатки своей «окруты» *) она должна восполнить собственной спиной и руками, работая по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ «на собинку». Эту трудовую, тяжелую сторону дѣвичьей жизни на-

*) «Окрута» употребляется въ двоякомъ смыслѣ: иногда въ смыслѣ наряда,—а иногда приданаго. Въ послѣднемъ случаѣ слово окрута тождественно по значенію съ коробомъ. Богатая окрута, большой коробъ значитъ богатая невѣста.

родная муза старательно избѣгаетъ, рисуя свою любимицу въ болѣе поэтическомъ ореолѣ, въ родѣ:

Какъ на бѣлой на скаменчкѣ,
Я ѣла карамелички.

Въ современныхъ пѣсняхъ деревни, конечно, очень много наноснаго, позаимствованнаго, но нельзя отрицать и того, что онѣ являются продуктами самобытнаго, мѣстнаго творчества. На эту самобытность, мѣстность, помимо оборотовъ рѣчи, совпаденія явленій, отразившихся въ пѣснѣ, съ явленіями мѣстной жизни, указываетъ еще непосредственное упоминаніе той или другой деревни. Напримѣръ:

Ты, Марфушка сестрица, гладенька головушка,
Твово братца полюбила, будешь мнѣ золовушка.
Два платочка вышивала, по двѣ строчки голубой,
Котора строчка помоднѣй, та тебѣ, мой дорогой.
Ты вези, вези машина, стань на Серебрянкѣ!
Что за пѣсни, за припѣвки полюбился парнь дѣвкѣ.

Таковы образцы современной деревенской поэзіи.

Почему же такъ изуродовалась деревенская муза, такъ щедро расточаетъ она свое вдохновеніе на столь мало поэтическія вещи, кака водочки-ликеры, зонтики, галоши, карамели, успокоивающее сердечко въ талію пальтечко и пр., и пр.?

Прежде чѣмъ отвѣтить на это, я предпошлю маленькую иллюстрацію.

Нынѣшнимъ лѣтомъ, незадолго до мѣстнаго храмового праздника (Иванъ постный), пріѣхалъ изъ города къ одному изъ моихъ деревенскихъ сосѣдей сынъ, парень лѣтъ 22-хъ. «Два года по хорошимъ мѣстамъ въ городѣ жилъ». Парень явился въ синей «спинджачной парѣ» (самый модный цвѣтъ въ мужскомъ костюмѣ), въ сапогахъ съ безчисленнымъ множествомъ складокъ на голенищахъ, заканчивающихся росписными разводами, съ гармоникой и зонтикомъ въ рукахъ. «Родителевъ» парень утѣшилъ самоваромъ и штофомъ сладкой водки, съ какимъ-то чертовскимъ названіемъ «тарабумбія», двухъ же сестеръ, дѣвушекъ-невѣстъ, бѣлыми шелковыми шалинами (небольшой платокъ, чаще всего накидываемый на голову) съ яркорозовыми букетами на всѣхъ углахъ. Впечатлѣніе, произведенное пріѣзжимъ и его гостинцами на деревенокую массу, оказалось очень сильнымъ. Самъ онъ, не смотря на невзрачность и испитость, вѣроятно отъ «хорошихъ питерскихъ мѣстовъ», оставался за все время праздниковъ львомъ сезона; счастливцы, испробовавши тарабумбіи, долго спустя хвалили мнѣ необычайный скусъ «ликеры»; плотная стѣна парней окружала на всѣхъ гуляньяхъ обладательницъ шалинъ съ розами. Что же касается до зеленѣвшихъ отъ зависти

подругъ, то не одной изъ нихъ на ближайшемъ сѣнокосѣ пришлось съ особымъ чувствомъ, пропѣть:

Дорогуша, дорогой, ягодку обидѣлъ
. . . .
У меня шелковой пары нѣту,
Шерстяной мнѣ не нарядъ.

Насколько было сильно впечатлѣніе, произведенное среди крестьянской молодежи пріѣзжимъ парнемъ, можно судить по послѣдствію. Въ Ильинъ день,—большой праздникъ въ деревняхъ,—въ нашей мѣстности происходитъ ярмарка «у часовни». Служится молебенъ; два—три торговца развязываютъ свои возы со сластями и краснымъ товаромъ; молодежь гуляетъ, поетъ пѣсни, пляшетъ; догадливыя бабы изъ-подъ рукава продаютъ желающимъ контрабандную водку, сильно разбавленную водой. Накапунѣ Ильи ко мнѣ приходятъ три парня изъ сосѣдней деревни, съ просьбой «одолжить» имъ на одинъ день мой дождевой зонтикъ, предлагая за это «одолженіе» стать на косьбу въ ближайшее воскресенье (день косьбы въ это время оплачивался 70 коп.),—иными словами, предлагаютъ мнѣ 2 р. 10 коп. за дневное подержаніе зонтика. Удивленный желаніемъ и предложеніемъ, я постарался узнать ихъ причину:

— Да ужъ очень Сенька (пріѣзжій парень) зафорталъ; носъ хотимъ утереть ему. Не хуже его.

Чтобы выяснить себѣ совершающійся подъ вліяніемъ «моды» процессъ изуродованія старой народной пѣсни, слѣдуетъ принять во вниманіе весь день, весь обиходъ, всю обстановку деревенскаго захолустья, занесеннаго по зимамъ снѣжными сугробами, весной и осенью утопающаго въ грязи, то есть полутемную, закоптѣлую избу, ѣду въ проголодь, чаще всего на одномъ черномъ хлѣбѣ, дерюгу и посконь на плечахъ, лапти и онучи на ногахъ, тяжкій, изо дня въ день, нерѣдко истинно каторжный трудъ, недающія покоя заботы, какъ и чѣмъ прокормиться, какъ и чѣмъ извернуться, безгласную, безправую приниженность... и въ видѣ жизнерадостнаго луча,—сивуху и кабакъ въ храмовые праздники и счастливые дни. Во всемъ этомъ весьма мало поэзіи; это, принимая во вниманіе отсутствіе какой бы то ни было возвышающей душу умственной пищи, какихъ бы то ни было, самыхъ неприхотливыхъ, самыхъ скромныхъ эстетическихъ наслажденій,—во всей полнотѣ жизнь и первобытная обстановка дикаря, притомъ дикаря, поставленаго въ неблагопріятныя климатическія и географическія условія, не избалованнаго ни ласковымъ солнцемъ, ни вѣчно голубымъ небомъ, ни сладкозвучнымъ прибоемъ морской волны. Желать, порываться къ лучшему, мечтать—естественная потребность каждаго человѣка, на какой бы ступени развитія ни стоялъ онъ; эта потребность тѣмъ болѣе живуча, сильна тамъ, гдѣ все такъ нищенски непривѣтливо, такъ сумрачно и нерадостно. Пока существовала крѣпость, деревня, распѣвая про неволюшку и грусть-тоску, не порывалась выдти изъ

заколдованнаго круга; волей-неволей, если не примирилась съ нимъ, то замкнулась въ самой себѣ. Но такъ или иначе на освобожденную отъ крѣпости, затерявшуюся по захолустьямъ деревню пахнуло другимъ, болѣе мягкимъ воздухомъ, и къ ея услугамъ явилась единственно-живая нить, связующая съ остальнымъ міромъ,—стоустная молва съ ея «красными вымыслами». Эта молва, нерѣдко въ совершенно ложномъ, извращенномъ видѣ, въ формахъ туманныхъ, неопредѣленныхъ, познакомила младенчески-невѣжественную деревню съ другой жизнью,—какъ антиподомъ ея жизни, жизнью болѣе радостной, привольной,—жизнью города... Пошли по захолустьямъ разговоры: «баютъ, тамъ весело, ладно живутъ»; и деревня, подчиняясь общечеловѣческому свойству стремиться къ лучшему, весьма естественно потянулась ко вновь открытой, обѣтованной землѣ, со всѣми ея прелестями. Такое тяготѣніе должно было выразиться, прежде всего, въ какихъ либо внѣшнихъ признакахъ, въ позаимствованіяхъ. Безспорно выборъ деревни остановился только на внѣшней сторонѣ вновь явленной обѣтованной земли, на ея блестящихъ игрушкахъ, на «модѣ», обойдя то, что могло бы сослужить болѣе полезную службу, но не должно забывать, что дикарь всегда и вездѣ остается вѣренъ себѣ, что онъ всегда хватается за блестящія игрушки, за то, что усвоивается безъ всякаго умственнаго напряженія, безъ всякой бытовой ломки. Въ отсутствіи критической оцѣнки и выражается низкая степень его культурности. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что тѣ приманки, которыя сулитъ и даетъ обѣтованная земля и за которыя хватается деревня, имѣютъ за собой большія внѣшнія достоинства, сравнительно съ тѣмъ, что создается для себя деревней при помощи первобытно-примитивныхъ орудій. Конечно, всѣ эти росписныя въ розахъ «шалины», «бурды» и «въ талію пальтечки» весьма мало удовлетворяютъ нашему изощренному вкусу, но, сравнительно съ самотканными дерюгами, они своего рода художественныя произведенія. Точно также, по разнообразію музыкальныхъ тоновъ, раздирающая наши привычныя къ другимъ звукамъ уши гармоника представляетъ большой шагъ впередъ передъ трынкающей трехструнной балалайкой. Такимъ же прогрессивнымъ шагомъ является тарабумбія сравнительно съ противнѣйшимъ деревенскимъ сиволдаемъ. Подчиняясь «модѣ» и украшая себя всѣми этими продуктами города и цивилизаціи, деревня, помимо удовлетворенія естественнаго стремленія къ болѣе красивому, жизнерадостному, поднимаетъ себя не только въ собственныхъ глазахъ, но, по ея мнѣнію, въ глазахъ постороннихъ зрителей; она перестаетъ сознавать себя приниженной, отчужденной своей неуклюжестью, своей топорностью, своей сермягой и лаптями отъ остальнаго міра; она тѣмъ самымъ переступаетъ заповѣдную черту, отдѣляющую ее отъ общаго пира жизни. «И мы-ста не лыкомъ шиты!» «Какъ люди, такъ и мы», думаетъ деревня, попивая тарабумбію и щеголяя «спинжакомъ».

То тяготѣніе къ болѣе привольному, жизнерадостному, о которомъ говорилось выше,—уже въ силу половыхъ инстинктовъ, обоюднаго желанія нравиться, сильнѣе всего должно было сказаться въ деревенской молодежи; оно должно было сказаться сильно еще и потому, что нигдѣ молодость не такъ скоротечка, не такъ обманчива,—какъ въ деревнѣ. Крестьянская дѣвушка, украшая себя «шалиной» съ розами и увлекаясь чарующими разводами своей «забавы», очень хорошо знаетъ, что это только «забава», что суровый рокъ приготовилъ уже для нея другую роль, роль бабы, ничего неимѣющей общаго ни съ «забавами», ни съ розами, ни съ разводами. Точно также 20-лѣтній парень, плѣняя «разводами» свою милую, увѣренъ, что тѣмъ же рокомъ ему уже намѣчена «работящая дѣвка», съ которой онъ, не спрашивая сердца, но рука объ руку, не нынѣ—завтра долженъ запречься въ тяжелый мужицкій хомутъ. Здѣсь уже «хоть часъ,—да нашъ», «хоть день промаимся, а утремъ чужимъ зонтикомъ Сенькѣ носъ!» Но, чтобы схватить этотъ «часъ, да нашъ», чтобы замѣнить въ праздники шалиной съ розами или сапогами съ росписными голенищами сермягу и лапти, деревенской молодежи приходится много поработать въ зной и холодъ, въ слякоть и морозъ. Однако-же и при полномъ отсутствіи жалости къ собственнымъ спинамъ и рукамъ, обладателями всѣхъ прелестей «моды» являются лишь не многіе счастливцы, остальнымъ же приходится довольствоваться лишь мечтами и думами, да переживать всю горечь ихъ неисполнимости...

Поэзія—спутникъ молодости; вотъ эти то мечты и думы деревенской молодежи,—не быть лыкомъ шитыми,—подслушиваетъ современная народная муза и, какъ умѣетъ, доводитъ ихъ до всеобщаго свѣдѣнія. Повторяю, пѣсни этой музы по мотивамъ, содержанію и формѣ жалки и уродливы, но, оцѣнивая ихъ, нельзя не принять во вниманіе, что сама-то муза также безграмотна, также не умѣетъ ни читать ни писать, какъ и «міръ», внимающій ея пѣснопѣніямъ. что ея парнасъ — полати и завалина; что до сихъ поръ никто не принялъ на себя труда познакомить ее съ такими художественными образцами, по которымъ она могла бы поучиться и затѣмъ уже поучать другихъ. Можно быть увѣреннымъ, что по мѣрѣ поднятія культурнаго уровня деревни, по мѣрѣ того, какъ книга сдѣлается ея достояніемъ, наконецъ, по мѣрѣ усвоенія деревней художественыхъ образцовъ, пріобрѣтшихъ право гражданства въ образованномъ обществѣ, будетъ исчезать уродливая современная пѣсня. Народная муза съумѣетъ найти иной источникъ вдохновенія, она создастъ форму, вольетъ въ эту форму и народную вдумчивость и удивительно своеобразный, добродушный юморъ; она вспомнитъ тѣ задушевныя мелодіи, которыя такъ поражали и трогали въ ея старой пѣснѣ. Только, судя по господствующимъ воззрѣніямъ на задачи просвѣщенія, не слѣдуетъ предаваться слишкомъ сладостнымъ иллюзіямъ на этотъ счетъ; вѣроятнѣе всего, еще очень далеко отъ осу-

ществленія то, чѣмъ бодрилъ и утѣшалъ себя въ предсмертныхъ мукахъ «печальникъ горя народнаго»:

Не бойся горькаго забвенья:
Ужъ я держу въ рукѣ моей
Вѣнецъ любви, вѣнецъ прощенья,
Даръ кроткой родины твоей...
Уступитъ свѣту мракъ упрямый,
Услышатъ пѣсенку твою
Надъ Волгой, надъ Окой, надъ Камой,
Баю-баю баю-баю....

Н. Соколовскій.

Нѣсколько словъ объ основныхъ положеніяхъ теоріи К. Маркса.

(По поводу третьяго тома „Капитала“).

Настоящая замѣтка имѣетъ цѣлью сдѣлать краткія указанія на то, что далъ третій томъ «Капитала», недавно вышедшій въ русскомъ переводѣ, для выясненія двухъ вопросовъ капитальной важности, именно: остался-ли авторъ вѣренъ тому основному положенію, которое онъ такъ блистательно развилъ въ первомъ томѣ, т. е. опредѣленію величины стоимости товара количествомъ общественно-необходимаго труда, потраченнаго на его производство? И, во вторыхъ, что онъ далъ въ этомъ томѣ для выясненія своей историко-философской точки зрѣнія?

При изученіи «Капитала» мы видимъ, что авторъ прежде всего изслѣдовалъ законы самые общіе, лежащіе въ основаніи общественной хозяйственной дѣятельности, въ капиталистической ея формѣ, безъ всякой связи съ явленіями болѣе сложными, которыя съ своей стороны подчиняются законамъ, имѣющимъ силу только для нихъ однихъ; законамъ, которые, воздѣйствуя на основные законы общественно-хозяйственной дѣятельности, видоизмѣняя самыя явленія, маскируютъ обнаруженіе основныхъ законовъ, которымъ онѣ подчиняются.

Это послѣднее обстоятельство, видоизмѣненіе, обнаруженіе основныхъ законовъ въ группѣ изучаемыхъ явленій, не есть какая нибудь особенность, исключительно свойственная экономической наукѣ, это есть принадлежность всѣхъ наукъ безъ исключенія, имѣющихъ право на это названіе, начиная съ такъ называемыхъ точныхъ наукъ, изучающихъ явленія чисто физическія.

Законы движенія тѣлъ, какъ ихъ излагаетъ динамика, въ чис-

томъ видѣ не наблюдаются никогда: въ конкретныхъ явленіяхъ они маскируются, видоизмѣняются комплексомъ явленій, которыя, съ своей стороны, управляются законами, свойственными только имъ, такъ что основной законъ, тому, кто приступаетъ къ изученію такого конкретнаго явленія или къ группѣ такихъ явленій, приходится еще найти, открыть.

Нахожденіе, открытіе закона, лежащаго въ основаніи явленій даннаго порядка—а каждое открытіе, по словамъ Гете, есть нахожденіе искомаго—можетъ быть сдѣлано лишь послѣ того, какъ станутъ извѣстными законы, которымъ подчиняются явленія наименѣе общія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ для открытія закона, лежащаго въ основаніи всѣхъ явленій даннаго порядка, требуется умственная сила, способная подвергнуть анализу изучаемыя конкретныя явленія, способная отличить основную причину, вызвавшую ихъ, отъ причинъ второстепенныхъ, способная, стало быть, отрѣшиться отъ ихъ непосредственнаго внѣшняго обнаруживанія, чтобы за видимыми причинами найти болѣе глубоко лежащую общую ихъ причину, которая постоянно маскируется и видоизмѣняется причинами второстепенными, болѣе или менѣе бросающимися въ глаза и доступными для пониманія поверхностныхъ наблюдателей, принимающихъ ихъ за причины основныя. Но разъ причина, лежащая въ основаніи ряда явленій даннаго порядка, найдена, открыта, этимъ самымъ открывается широкій путь для нахожденія ряда новыхъ явленій второстепеннаго порядка, до тѣхъ поръ ускользавшихъ отъ вниманія, и вмѣстѣ съ тѣмъ для пониманія всей совокупности этихъ явленій и ихъ взаимной связи.

Какъ примѣръ можно привести законъ эволюціи органической жизни, по которому развитіе жизни, организмовъ обусловливается тѣмъ, что характерные признаки организмовъ, подъ вліяніемъ опредѣленныхъ условій, могутъ измѣняться и передаваться потомкамъ. Разъ Дарвинъ сдѣлалъ свое открытіе, оно произвело полнѣйшій переворотъ въ біологіи, легло въ ея основаніе и послужило отправной точкой для цѣлаго ряда открытій, способствовавшихъ выясненію законовъ органической жизни во всей ея совокупности. Этотъ примѣръ показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что когда-то существовавшее раздѣленіе наукъ на индуктивныя и дедуктивныя лишилось почвы...

Слѣдовательно, изученіе самихъ явленій начинается съ конкретныхъ случаевъ, причемъ отыскиваютъ и находятъ наименѣе общіе законы, которымъ подчиняются явленія. Чѣмъ далѣе и чѣмъ глубже идетъ изслѣдованіе, тѣмъ отыскиваніе и нахожденіе законовъ пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе общій характеръ. При изложеніи же явленій даннаго порядка обыкновенно приходится держаться обратной послѣдовательности и начинать съ законовъ, которымъ подчиняются явленія самыя общія.

Въ основѣ всего экономическаго ученія Маркса положено по-

нятіе о стоимости товара, т. е. той формы, которую пріобрѣтаетъ продуктъ хозяйственной дѣятельности человѣка при капиталистической формѣ хозяйства. Величину стоимости авторъ опредѣляетъ количествомъ общественно-необходимаго труда, потраченнаго на изготовленіе даннаго товара. Это основной законъ. Вся сумма труда, занятаго въ промышленной дѣятельности производствомъ продуктовъ, потребныхъ для всего общества, является трудомъ общественно-необходимымъ. Вся сумма этого общественно-необходимаго труда производитъ, съ одной стороны, необходимую стоимость, необходимую для возмѣщенія затратъ капиталиста на покупку рабочей силы, а съ другой — прибавочную стоимость. Вся сумма общественныхъ потребностей въ продуктахъ опредѣляется, во первыхъ, степенью производительности труда, во вторыхъ, долей въ произведенномъ продуктѣ каждаго изъ классовъ, на которые распадается все общество, и въ третьихъ,—возможностью реализаціи этихъ долей, обусловленной ихъ взаимною зависимостью.

Относительныя затраты капиталистовъ для полученія прибавочной стоимости, т. е. той части стоимости, которая только и интересуетъ ихъ, для полученія которой только и учреждается предпріятіе, въ разныхъ отрасляхъ промышленности крайне различны, (предполагая всю сумму затратъ одинаковою), въ зависимости отъ строенія капитала, въ зависимости отъ того, какая относительная часть его изъ всей суммы затратъ затрачивается на покупку силы, созидающей стоимость, на наемъ рабочихъ, причемъ, стало быть, и сумма произведенной прибавочной стоимости различна. Между тѣмъ въ дѣйствительности норма прибыли, получаемая въ каждой изъ отраслей предпріятія, болѣе или менѣе одинакова. Чѣмъ же объяснить такое противорѣчіе? Отчего же прибавочная стоимость не присвоивается тою именно отраслью производства, въ которой она произведена? Иными словами, отчего товары, продуктъ капиталистическаго производства, не продаются по ихъ индивидуальной стоимости? Чѣмъ наконецъ опредѣляется размѣръ прибавочной стоимости въ каждой отдѣльной отрасли производства?

Очевидно, что если взять всю сумму затратъ всѣхъ капиталистовъ даннаго общества на фабрики, заводы, орудія производства вообще, на сырой и вспомагательный матеріалъ и на рабочую силу, то отношеніе къ этой суммѣ всей суммы прибавочной стоимости образуетъ общественную норму прибыли; предполагая, конечно, что ею не приходится дѣлиться съ кѣмъ бы то не было. Размѣромъ этой прибавочной стоимости ограничивается доля участія въ ней всѣхъ капиталистовъ и каждаго въ отдѣльности. Каково бы ни было строеніе капитала въ каждой изъ отраслей промышленности въ отдѣльности, т. е. какъ бы относительно много или какъ бы мало ни было затрачено на наемъ рабочихъ; стало быть, какъ бы много или какъ бы мало ни было произведено прибавочной стоимости въ каждой отдѣльной отрасли промышленности, но, вслѣдствіе общест-

веннаго характера труда, потраченнаго въ каждой отрасли производства, выражающагося въ общественномъ дѣленіи труда; вслѣдствіе общественнаго характера всего капиталистическаго производства, какъ производства продуктовъ въ видѣ товаровъ, и какъ производства при помощи кредита и банковъ, ведущагося на чужіе денежные капиталы,—вся прибавочная стоимость, произведенная всѣмъ общественнымъ перемѣннымъ капиталомъ, подъ вліяніемъ конкурренціи капиталовъ и свободнаго передвиженія ихъ изъ одной отрасли промышленности въ другую, распредѣляется на всѣ капитальныя затраты въ каждой отрасли промышленности, пропорціонально величинамъ такихъ затратъ. Такимъ образомъ капиталы получаютъ въ видѣ прибыли не ту именно прибавочную стоимость, которая произведена въ данной отрасли промышленности, а такую, которая по относительнымъ размѣрамъ приближается къ нормѣ прибыли, получаемой всѣмъ общественнымъ капиталомъ, которая, слѣдовательно, приближается къ средней нормѣ прибыли.

Вслѣдствіе своего *общественнаго* характера, капиталистическое производство, при свободномъ своемъ развитіи, является въ данномъ смыслѣ *уравнительнымъ по преимуществу*.

Стало быть, величина стоимости товаровъ опредѣляется количествомъ труда, необходимымъ для изготовленія этихъ товаровъ въ размѣрахъ, потребныхъ для даннаго общества. Въ то время, когда капиталистическій способъ производства не получилъ еще достаточно широкаго развитія въ данномъ обществѣ, стоимость, а, слѣдовательно, и прибавочная стоимость, присвоиваемая представителемъ опредѣленнаго предпріятія, болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ той, которая произведена рабочими этого предпріятія. Но, по мѣрѣ развитія капиталистическаго способа производства, по мѣрѣ того, какъ онъ становился все болѣе и болѣе общественнымъ, общій законъ, опредѣляющій величину стоимости, видоизмѣняется. Опредѣленіе стоимости суммою стоившаго ее общественнаго труда (отсюда и терминъ стоимость) переносится съ индивидуальныхъ стоимостей на всю сумму стоимостей, потребныхъ для даннаго общества. Подъ вліяніемъ того, что капиталистическое производство становится все болѣе и болѣе общественнымъ по назначенію, при чемъ каждое отдѣльное предпріятіе остается въ то же время частною собственностью отдѣльныхъ лицъ или группъ лицъ, конкурренція капиталовъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности заставляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, прибавочную стоимость, произведенную всею суммою общественнаго перемѣннаго капитала, затраченнаго на покупку рабочей силы, становиться все болѣе и болѣе достояніемъ всей суммы капиталовъ даннаго общества и распредѣляться пропорціонально ихъ величинамъ. А это значитъ, что та часть стоимости, произведенной вновь въ продолженіе года, которая воплощена въ прибавочной стоимости, въ отдѣльныхъ отрасляхъ предпріятій распредѣляется пропорціонально всей суммѣ капитальныхъ затратъ въ каждой изъ

нихъ. Такое распредѣленіе валовой суммы прибавочной стоимости между отдѣльными отраслями предпріятія является слѣдовательно уже дѣломъ второстепеннымъ «Для отдѣльнаго капиталиста совершенно все равно, продаются ли товары по ихъ стоимости, или нѣтъ... Для него совершенно все равно, реализуетъ ли онъ при продажѣ стоимость и прибавочную стоимость, скрывающуюся въ товарѣ, если только предположить, что онъ получаетъ въ цѣнѣ обычный предпринимательскій доходъ или больше обычнаго.» (Капиталъ, III стр. 724).

Такъ вотъ это то стремленіе капиталовъ получать одинаковую норму прибыли, каково бы ни было ихъ строеніе, видоизмѣняетъ въ каждой отдѣльной отрасли предпріятія чистое проявленіе закона стоимости.

Выравненіе прибавочной стоимости и подведеніе отношенія ея ко всему затраченному капиталу въ каждой отдѣльной отрасли къ уровню средняго общественнаго отношенія или къ средней нормѣ прибыли являются первымъ привходящимъ факторомъ, маскирующимъ чистое проявленіе закона стоимости.

Вторымъ является торговый капиталъ, обособившійся отъ производительнаго, ставшій по отношенію къ нему факторомъ самостоятельнымъ, и, какъ таковой, требующимъ своей доли участія въ прибавочной стоимости, хотя и не имъ произведенной, такъ какъ въ капиталистическомъ производствѣ онъ оказывается факторомъ такимъ же необходимымъ, какъ и капиталъ производительный.

Затѣмъ идетъ ссудный капиталъ, капиталъ какъ товаръ, который съ своей стороны требуетъ доли участія въ прибавочной стоимости, уменьшая этимъ сумму получаемой прибавочной стоимости для тѣхъ, кто имъ пользуется.

Наконецъ является землевладѣлецъ, т. е. собственникъ необходимѣйшаго средства производства, который хотя и не принимаетъ непосредственнаго участія въ производствѣ, но отдаетъ на время свою собственность въ пользованіе капиталиста подъ условіемъ платежа опредѣленной части прибавочной стоимости, произведенной при помощи средства производства, принадлежащаго ему, землевладѣльцу.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ размѣръ прибавочной стоимости, присвоиваемой каждымъ изъ претендентовъ на нее, опредѣляется особыми законами, маскирующими проявленіе въ чистомъ видѣ основного закона, которымъ регулируется величина стоимости.

Большая часть явленій какъ физическихъ, біологическихъ, такъ и хозяйственныхъ и общественныхъ вообще, есть результатъ дѣйствій многихъ причинъ, а никакъ не одной. Дѣло науки указать основные законы явленій и законы явленій, видоизмѣняющіе ихъ, воздѣйствующіе на нихъ. Ужъ конечно ни одинъ физикъ не станетъ утверждать, что траекторія, напримѣръ, описываемая снарядомъ, выпущеннымъ изъ дула орудія, является отрицаніемъ зако-

новъ динамики, ибо это есть выраженіе вліянія факторовъ, которые намѣренно не принимались въ соображеніе и устранялись для того, чтобы имѣть возможность изучить проявленія основныхъ законовъ движенія. Рѣшительно то же самое можно сказать объ изученіи законовъ, лежащихъ въ основаніи капиталистическаго хозяйства, законовъ стоимости.

Если мы станемъ на эту точку зрѣнія, то для насъ пріобрѣтаетъ особенно глубокое философское значеніе послѣдній отдѣлъ третьяго тома «Капитала»: «Доходы и ихъ источники». Здѣсь авторъ, съ одной стороны, подводитъ итоги всему своему изслѣдованію, разсматриваетъ взаимное отношеніе какъ различныхъ факторовъ капиталистическаго производства, взятаго въ цѣломъ, такъ и тѣхъ долей, которыя приходятся каждому изъ нихъ изъ всей стоимости, произведенной въ продолженіи опредѣленнаго періода времени, скажемъ въ продолженіе года; указываетъ на возникновеніе и обособленіе различныхъ общественныхъ классовъ, въ зависимости отъ ихъ роли въ общественномъ производствѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отъ источника того рода дохода, который приходится на долю каждаго изъ нихъ. Съ другой стороны, Марксъ этимъ послѣднимъ отдѣломъ подготовляетъ читателя къ переходу въ другія области общественной науки, указывая основанія, на которыхъ строятся политическія, юридическія и пр. отношенія.

Во многихъ мѣстахъ своего труда Марксъ указываетъ, напримѣръ, на политическую роль, которую экономическія условія *навязываютъ* разнымъ агентамъ капиталистическаго производства, взятаго въ цѣломъ. Въ послѣднемъ же отдѣлѣ, гдѣ рѣчь идетъ о подраздѣленіи всего продукта годового труда между представителями трехъ важнѣйшихъ агентовъ производства, между землевладѣльцами, капиталистами и рабочими,—хозяйственныя причины возникновенія общественныхъ классовъ, въ зависимости отъ роли каждаго изъ нихъ въ производствѣ, та политическая роль, которую каждый изъ нихъ по необходимости долженъ играть, возникновеніе и закрѣпленіе ихъ правовыхъ и иныхъ отношеній, обнаруживаются во всей наготѣ.

Такимъ образомъ для читателя этотъ великій трудъ представляется основаніемъ, на которомъ должно быть построено зданіе соціологіи, какъ науки, а послѣдній отдѣлъ этого труда — переходомъ отъ экономической науки къ политической и юридической, а также къ наукѣ о нравственности и т. д.

Мы видѣли, что авторъ при изслѣдованіи общественно-хозяйственныхъ явленій прежде всего стремится открыть основной законъ, управляющій ими, а уже затѣмъ изучаетъ явленія, видоизмѣняющія дѣйствіе этого основного закона.

Точно также и въ данномъ случаѣ, когда въ основаніи всего общественнаго зданія авторъ ставитъ условія хозяйственной дѣятельности, опредѣляющія политическія, юридическія и др. отно-

шенія главнѣйшихъ агентовъ производства, не трудно видѣть, что вліяніе этого основного фактора должно претерпѣть извѣстныя органическія видоизмѣненія, вслѣдствіе все большаго и большаго дальнѣйшаго осложненія общественныхъ явленій, взятыхъ во всемъ ихъ цѣломъ, новыми факторами.

Этотъ выводъ, вытекающій изъ изученія всего труда Маркса, указанія на который можно, впрочемъ, найти въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій, устраняетъ упреки, которые дѣлаются ему съ двухъ противуположныхъ точекъ зрѣнія.

Во первыхъ, Маркса упрекаютъ въ томъ, что при рѣшеніи вопросовъ, подлежавшихъ изслѣдованію въ третьемъ томѣ, онъ отклонился отъ основного закона, опредѣляющаго величину стоимости товара, изслѣдованнаго въ первомъ томѣ. Стало быть *его упрекаютъ въ томъ, что въ объясненіи конкретныхъ хозяйственныхъ явленій*, къ изученію которыхъ онъ переходитъ въ третьемъ томѣ, *онъ не поставилъ одну причину.*

Во вторыхъ, при критикѣ историко-философскаго міросозерцанія Маркса, *его упрекаютъ въ томъ, что, для объясненія комплекса общественныхъ явленій, въ основу ихъ онъ поставилъ только одни явленія хозяйственнаго порядка.*

Изъ всего изложеннаго слѣдуетъ, что первый упрекъ основанъ на недостаточно ясномъ представленіи характера истинно научныхъ изслѣдованій, и что самый способъ изслѣдованія, переходъ отъ общихъ законовъ, лежащихъ въ основаніи явленій опредѣленнаго порядка, въ данномъ случаѣ явленій хозяйственныхъ, къ тѣмъ, которые видоизмѣняютъ чистое проявленіе ихъ, есть несомнѣнная научная заслуга Маркса. Онъ, въ данномъ случаѣ, настолько глубоко проникся научнымъ методомъ, что, напротивъ того, счастливо избѣжалъ упрека, который неоднократно дѣлался Бэкону, что послѣдній не имѣлъ достаточно точнаго представленія объ отношеніи причинъ и дѣйствій, предполагая дѣйствія результатомъ единственной причины, что въ природѣ случается крайне рѣдко. (Ср. напримѣръ, рѣчь проф. Тодаро передъ Reale Accademia dei Lincei, въ «Nature», 10 декабря, 1896).

Этимъ самымъ рушится и второй, противуположный упрекъ, такъ какъ авторъ своимъ трудомъ, положивъ основаніе научной соціологіи, не подвергалъ систематическому изслѣдованію тѣхъ видоизмѣненій, которыми факторы высшаго общественнаго порядка, политическіе, правовые, нравственные и пр., и пр., воздѣйствуютъ на проявленіе факторовъ общественно-хозяйственныхъ, съ такою глубиною изслѣдованныхъ имъ въ чистомъ видѣ въ его классическомъ трудѣ.

Изъ всего этого и выходитъ, что методъ, которому слѣдовалъ Марксъ, сохраняетъ чисто научный характеръ при анализѣ вопросовъ, подлежавшихъ изслѣдованію въ третьемъ томѣ «Капитала»; и что если, съ одной стороны, не имѣютъ основанія упреки, о ко-

торыхъ только что шла рѣчь, то и, съ другой стороны, при рѣшеніи чисто практическихъ вопросовъ, которые постоянно ставятся дѣйствительной жизнью, нельзя придерживаться шаблонныхъ рѣшеній, годныхъ для всѣхъ народовъ, безъ детальнаго анализа цѣлаго ряда воздѣйствующихъ на нихъ факторовъ, какъ болѣе общаго, такъ и подчиненнаго имъ порядка и ихъ взаимной зависимости.

Притомъ самъ Марксъ постоянно настаиваетъ на томъ, что экономическіе законы нельзя отождествлять съ законами природы, такъ какъ ими выражается сосуществованіе и послѣдовательность явленій лишь даннаго хозяйственнаго строя, который самъ подвергается измѣненіямъ. Точно также нельзя отождествлять съ законами природы законы хозяйственно-историческаго развитія. Формы проявленія ихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и различныя фазы такого развитія вполнѣ зависятъ отъ безконечнаго ряда условій, при которыхъ совершаются хозяйственныя явленія у даннаго народа въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Словомъ, законы эти имѣютъ силу лишь при наличности цѣлаго ряда условій и въ предѣлахъ этихъ условій.

Предполагать, что каждый народъ долженъ неизбѣжно пережить всѣ тѣ формы хозяйственнаго развитія, которыя пережиты экономически болѣе развитымъ народомъ, значило бы, съ одной стороны, придавать законамъ историческаго развитія значеніе законовъ природы, а съ другой—не принимать въ соображеніе воздѣйствія факторовъ еще болѣе общаго порядка, чѣмъ хозяйственные—поддержаніе существованія, поддержаніе вида—во первыхъ, во вторыхъ—факторовъ высшаго порядка, основывающихся на хозяйственныхъ: политическихъ, правовыхъ, нравственныхъ и пр. и пр., и наконецъ въ третьихъ, ту историко-хозяйственную обстановку, среди которой приходится жить данному народу.

Если Марксъ, имѣя въ виду наиболѣе антисоціальныя, ничѣмъ не стѣсняемыя проявленія законовъ, которымъ подчиняется капиталистическое производство, говоритъ, что «одна нація должна учиться у другой» способамъ противодѣйствія имъ (при помощи фабричнаго и вообще соціальнаго законодательства и пр.), то не во многое ли множество разъ она должна учиться больше, чтобы съумѣть «сократить и облегчить мученія родовъ» стараго общества, «когда оно беременно новымъ»?

Николай—онъ.

Новыя книги.

Викторъ Гюго. Собраніе стихотвореній въ переводахъ русскихъ писателей, подъ редакціей И. Ф. Тхоржевскаго. Тифлисъ. 1896.

Въ нашей переводной литературѣ это собраніе лирическихъ произведеній французскаго поэта пополняетъ существенный пробѣлъ. Дарованіе Гюго проявлялось съ равнымъ блескомъ во всѣхъ трехъ — по школьному дѣленію классической эстетики—видахъ поэтическаго творчества: въ лирикѣ, эпосѣ и драмѣ. Гюго справедливо называли не только самымъ смѣлымъ и плодотворнымъ, но и самымъ многостороннимъ французскимъ поэтомъ. Было основательно указано, что въ дальнѣйшемъ и какъ бы неожиданномъ развитіи французской лирики, съ виду какъ будто отрицавшемъ Гюго, нѣтъ теченія, которое не коренилось бы въ его поэтическомъ наслѣдіи. Можно къ тому-же сказать, что для характеристики его фигуры, занимающей такое видное мѣсто въ исторіи нашего вѣка, его лирика наиболѣе интересна. Съ ея онъ началъ, ею кончилъ и въ ней болѣе, чѣмъ гдѣ либо, былъ самимъ собою. Между тѣмъ у насъ, гдѣ зачитываются его второстепенными романами вродѣ „Han d'Islande", гдѣ знаютъ его, какъ автора „Le roi s'amuse" и „Эрнани", гдѣ извѣстны его политическія рѣчи, воспоминанія, публицистика, стихотворенія его остаются неизвѣстными, и за все время были изданы, кажется, лишь въ двухъ, совершенно недостаточныхъ сборникахъ (переводы М. П. Сорокина въ 1833 г. и брошюрка „Европейской Библіотеки" въ 1887). Недостаточенъ и новый опытъ, хотя онъ и несравненно значительнѣе предыдущихъ: въ него вошла едва-ли десятая часть стихотвореній Гюго, и громадное большинство переводовъ чуждо поэзіи, ничѣмъ не напоминая оригиналъ. Однако, сборникъ все-же остается благимъ починомъ, за которымъ могутъ послѣдовать болѣе удачныя попытки. Къ тому-же физіономія автора выясняется и въ этихъ фрагментахъ.

Еслибы почему либо съ лица земли исчезла вся художественная литература и всѣ теоріи о ея сущности, и остались одни произведенія Гюго, поэтика могла-бы быть возсоздана по этому наслѣдію французскаго поэта. Въ частности, въ лирикѣ онъ воплотилъ не только достоинства, но и недостатки самыхъ крайнихъ ея направленій. Въ „искусствѣ для искусства" онъ доходилъ полъ вѣка тому назадъ до такихъ абсурдовъ, до такихъ фокусовъ версификаціонной вир-

туозности, предъ которыми блѣднѣютъ уловки новѣйшихъ „цимбалистовъ", какъ ихъ называлъ покойный Верленъ. Укажемъ для примѣра его знаменитую балладу „La chasse du burgrave", гдѣ каждый второй стихъ заключается въ повторенiи послѣдняго слога въ первомъ стихѣ, причемъ образуется новое слово:

Dames en brillants equipages,
Pages,
Fauconniers, clercs, et peu bénins
Nains.
En chasse!—Le maître en personne
Sonne.
Fuyez! voici les paladins
Daims.

И такъ на протяженiи восьми страницъ. Но Гюго былъ также поэтомъ утилитарныхъ мотивовъ, поэтомъ политическимъ, общественнымъ, морализующимъ — и здѣсь онъ слагалъ оды разлагающемуся режиму, здѣсь онъ далъ не одинъ образецъ ходульнаго паѳоса, многословiя, дидактическаго прозаизма въ яко-бы поэтической формѣ. Но недостатки его и рождаются и покрываются его достоинствами: бурнымъ величiемъ его генiя, широтою его любящаго сердца, возвышенностью его убѣжденiя. Самое характерное для Гюго то, что онъ былъ всегда современенъ: время шло за нимъ, и неясныя стремленiя новаго поколѣнiя находили въ немъ всегда своего блестящаго выразителя. Онъ не только говорилъ, что „всякiй поэтъ долженъ вмѣщать въ себѣ совокупность всѣхъ идей своего времени", онъ въ самомъ дѣлѣ вмѣщалъ ихъ. Нужно было разбить оковы условныхъ формъ педантическаго классицизма — онъ сталъ необузданнымъ до дикости создателемъ самыхъ прихотливыхъ, самыхъ рафинированныхъ въ своемъ безудержѣ поэтическихъ формъ. Но революцiя въ сферѣ художественной была лишь зарею его дѣятельности; чувствуя „отвѣтственность за ввѣренныя ему души", онъ сталъ учителемъ, пророкомъ; вѣрнѣе, онъ былъ имъ всегда. Онъ былъ общественнымъ дѣятелемъ, когда писалъ антологическiя бездѣлушки; онъ былъ истиннымъ поэтомъ даже въ стихотворной публицистикѣ.

Въ глубинѣ его французской манерности нельзя проглядѣть искренняго, восторженнаго и любящаго человѣка. Споры о его значенiи до сихъ поръ продолжаются, и это лучшее доказательство его значенiя; быть можетъ, теперешнiя вспышки отрицанiя Гюго никогда не закончатся ровнымъ, непреходящимъ преклоненiемъ предъ его генiемъ; но интересъ къ нему едва-ли исчезнетъ когда либо.

Его первое произведенiе, „Оды", еще запечатлѣно ритори-

ческой условностью классическаго канона; мертвенный паѳосъ лишь въ „Балладахъ" смѣняется естественностью и простотой. Но міръ среднихъ вѣковъ кажется поэту еще слабымъ оружіемъ въ борьбѣ съ догматической піитикой; ему нужно еще большее поприще, большая свобода, большая яркость красокъ. Появляются „Les orientales"—эта безъидейная, „безполезная" книга, какъ называлъ ее авторъ, книга, гдѣ, однако, среди эффектнаго стихотворнаго жонглерства звучатъ мощныя ноты освобожденія—литературы отъ тѣсныхъ рамокъ условности, порабощеннаго народа отъ турецкаго владычества. Но все это—за немногими исключеніями вродѣ чуднаго, пантеистическаго, и увы, такъ топорно переведеннаго „Экстаза"—не настоящая лирика; одухотворенная жизнь поэта ищетъ выраженія своимъ глубокимъ, мятежнымъ или пассивно-созерцательнымъ настроеніямъ,—и въ цѣломъ рядѣ лирическихъ сборниковъ онъ даетъ читателю свою поэтическую исповѣдь. Не даромъ первый изъ этихъ сборниковъ „Feuilles d'automne" начинается знаменитой страничкой изъ его автобіографіи: „Ce siècle avait deux ans". Но лирика Гюго никогда не заключалась въ изліяніяхъ „обособленной души": онъ жилъ съ міромъ, и міръ жилъ въ немъ. Не было той области духовной или общественной жизни, на которую онъ-бы не откликнулся,—не потому, чтобы онъ былъ такъ нервозно сенситивенъ, но потому, что его не всегда глубокій, но неизмѣнно всесторонній умъ сознавалъ поэтическое значеніе даже такихъ явленій, которыя теоретиками искусства считались чуждыми поэзіи. Онъ откликается немногими мотивами, но съ неизмѣннымъ паѳосомъ убѣжденнаго и горячаго человѣколюбца; отъ четверостишія, которымъ онъ умоляетъ короля помиловать приговореннаго къ смертной казни, до разсказа о малюткѣ-внучкѣ, все освѣщено этимъ яркимъ отблескомъ любви.

Переиздавая свои первые стихи черезъ четверть вѣка послѣ ихъ появленія, онъ съ простительнымъ самомнѣніемъ сознается въ перемѣнѣ своихъ воззрѣній. „Если правда, что Мюратъ могъ показывать съ нѣкоторой гордостью свой хлыстъ рядомъ со своимъ скипетромъ, говоря: я началъ съ этого,—то, конечно, съ еще болѣе законной гордостью и съ болѣе удовлетворенной совѣстью можно показать свои дѣтскія и юношескія роялистскія оды рядомъ съ демократическими произведеніями, написанными въ зрѣломъ возрастѣ". Внѣшнія формы и ярлыки далеко не всегда обманывали его насчетъ своего дѣйствительнаго содержанія, и вступая послѣ двадцатилѣтняго изгнанія на родину, возвратившую себѣ свои права, онъ не видѣлъ въ этихъ новыхъ правахъ конечной цѣли своихъ стремленій и говорилъ: „Le moment où nous

sommes passera. Nous avons la républiqe, nous aurons la liberté" (L'année terrible).

Сборникъ переводовъ, лежащій предъ нами, производитъ невеселое впечатлѣніе; на него затрачено много труда, но удачныхъ переводовъ въ немъ мало. Въ этомъ собраніи переводовъ почти ни одинъ не передаетъ духа подлинника; прозаичность выраженія едва прикрывается тяжелымъ ритмомъ дѣланнаго стиха; естественная свобода выраженія замѣнена вульгарной развязностью, а ораторская, чисто французская декламація, которую тактичный переводчикъ постарался-бы смягчить, перешла въ утрированный, крикливый паѳосъ. Когда Гюго просто говоритъ: „Toulon, c'est peu; Sedan, c'est mieux"—переводчикъ напыщенно возглашаетъ: „Тулонъ убійцамъ заурядъ (!); ему—Седанъ". Когда на величавую рѣчь въ защиту книги, нѣкто, поджегшій библіотеку, просто отвѣчаетъ: „je ne sais pas lire",—читателя разомъ охватываетъ трагедія его роковой правоты; но это сильное впечатлѣніе замѣняется досаднымъ чувствомъ, когда въ отвѣтъ раздается не это простое слово простого человѣка, а деревянныя вирши:

„— До знанья вашего, до мудрыхъ вашихъ книгъ
Какое дѣло мнѣ? Читать я неумѣю".

Хоть бы всѣ эти переводы принадлежали одному переводчику,—но ихъ здѣсь много. Здѣсь больше тридцати переводчиковъ, между ними есть крупныя литературныя имена; переводы, подписанные ими, немногочисленны, довольно далеки отъ буквы подлинника, но болѣе поэтичны; общій же уровень очень, очень низокъ. Просто ужасны эти совершенно произвольныя передѣлки, подражанія, купюры, которымъ совсѣмъ не мѣсто въ книгѣ, посвященной великому поэту. Вѣдь Гюго не печаталъ оборванныхъ кусочковъ изъ своихъ произведеній; почему-же его переводчики такъ высоко ставятъ свои неуклюжія подражанія, что считаютъ себя въ правѣ изъ оды въ *пять страницъ* печатать „Отрывокъ" въ *восемь строкъ*, изъ которыхъ пять представляютъ собою, дѣйствительно, переводъ, а три присочинены отъ себя (стр. 22)? Какое представленіе о цѣльномъ художественномъ произведеніи можетъ дать такой отрывокъ? Какое понятіе о величайшемъ мастерѣ формы даютъ такіе перлы:

Если есть на свѣтѣ грудь
Съ честью *безъ уловки*,
На которой отдохнуть
Можно безъ *сноровки*.

Или:

Онъ шелъ чрезъ долы, горы, воды,
Держа въ рукахъ
Вѣтвь пальмы, громъ и всѣ народы
Въ своихъ вожжахъ.

Это переведено почти дословно, съ той небольшой разницей, что у Гюго Наполеонъ I черезъ воды не ходитъ и *въ вожжахъ* никого не держитъ,—да оно и невозможно.

В. И. Немировичъ-Данченко. Волчья сыть. Романъ въ трехъ частяхъ. Спб. 1897.

Одинъ семинаристъ писалъ своему отцу: „милый папенька, пришлите мнѣ денегъ: мнѣ кошелька купить не на что, а деньги класть не во что". Приблизительно въ такомъ же странномъ положеніи находятся и рецензенты по отношенію къ нашимъ многопишущимъ беллетристамъ средней руки: сказать о нихъ нечего, а сказать о нихъ что нибудь непремѣнно надобно. Сказать *нечего*, потому что все нужное давно о нихъ нами же самими сказано, по поводу ихъ первыхъ произведеній, лѣтъ 15—20 назадъ. Но сказать *надобно*, потому что произведенія этихъ писателей безпрестанно появляются на страницахъ всѣхъ нашихъ журналовъ, выходятъ затѣмъ отдѣльными изданіями, въ видѣ довольно увѣсистыхъ книгъ—какъ же о нихъ умалчивать? Вѣдь это не макулатура, а литература, хотя и второсортная. А что сказать объ этой текущей беллетристикѣ, кромѣ того, что она течетъ—течетъ, притекаетъ и утекаетъ до окончательнаго сліянія съ недалекой Летой? Матеріала какъ будто много, а писать не о чемъ; денегъ класть не во что, а кошелька купить не на что.

Существуетъ еще другого рода трудность: ужасно взыскательны эти господа второстепенные, ужасно трудно намъ угодить на нихъ. Положимъ, мы и пишемъ не для ихъ удовольствія, угождать имъ не обязаны и церемоніймейстерами или герольдами у нихъ не состоимъ. Но зачѣмъ же и ссориться всетаки? Вѣдь и мы — такіе же, какъ и они, второстепенные, печатаемся зачастую бокъ-о-бокъ, обращаемся къ одной и той же публикѣ и будущая судьба наша та же: сегодня насъ читаютъ, а завтра — гдѣ ты человѣкъ? Пусть ужъ г. Засодимскій мечтаетъ о благодарности потомства и о монументахъ, а мы свой шестокъ знаемъ. Казалось бы, что можетъ быть обиднаго въ такой точкѣ зрѣнія? А вотъ послушайте-ка, что говоритъ на этотъ счетъ г. Немировичъ-Данченко, какіе репримaнды неожиданные онъ преподноситъ въ своемъ романѣ по нашему адресу: „Игнатій Елисейскій (представитель рецензентскаго цеха), тупорылый, бодливый, толстолобый, съ локтями фертомъ, самой природой уготованными побольше расталкать народа... Шире дорогу—оглобля идетъ! Истинная овощь отъ креслъ консисторскихъ! И разумѣется онъ выдѣлится. Путь его мнѣ ясенъ. Развѣ

мало такихъ прошло передо мною? Въ горлѣ—трубы іерихонскія, онъ заставитъ себя слушать — сдѣлайте одолженіе! Его ничѣмъ не удивишь, а онъ удивить можетъ. Разумѣется, не этому быдлу романы писать. Онъ годъ, два побьется и, понявъ, наконецъ, что его оцѣнить не хотятъ, сразу обернется всероссійскимъ газетнымъ громилой. Всю злобу неудачника онъ перенесетъ на насъ, грѣшныхъ, и чѣмъ больше глупыхъ его упованій будетъ разбито неумолимою дѣйствительностью, тѣмъ злѣе—клыки впередъ, хвостъ на отлетъ, пѣна на губы — онъ будетъ накидываться на тѣхъ, у кого въ душѣ теплится искра настоящаго творчества. Развѣ мало было такихъ, есть и будетъ? Ничего онъ толкомъ не знаетъ, ничему не учился, никого не видѣлъ, но это, видите, еще лучше, *мозги свѣжіе* по ихнему".

Вотъ какъ безжалостно отдѣлалъ насъ г. Немировичъ-Данченко! Говоримъ—„*насъ*", потому что хотя обличеніе направлено противъ газетныхъ рецензентовъ, но чѣмъ-же отличаемся отъ нихъ мы, рецензенты журнальные? Если они „быдло" и „громилы", то, конечно, и мы тоже, потому что провинились мы въ одномъ и томъ же: мы, какъ и они, не замѣчали и не замѣчаемъ даже подобія „искры настоящаго творчества" въ произведеніяхъ г. Немировича-Данченко, а видѣли въ нихъ всего только литературное ремесленничество, ничего, кромѣ первоначальной техники, не требующее. Если г. Немировичъ-Данченко сердится и бранится, то это свидѣтельствуетъ только о его неблагодарности. Не мы ли, рецензенты, зачастую снисходительно называли его „талантливымъ", тогда какъ, въ качествѣ „оглобель", могли бы безъ большого труда размахнуться и написать такъ, что отъ г. Немировича, вульгарно говоря, только мокренько осталось бы. Взять хотя бы приведенный выше отрывокъ изъ романа: вѣдь лучшаго матеріала для самой убійственной насмѣшки нарочно не придумаешь. Но мы будемъ снисходительны до конца и тѣмъ самымъ ниспровергнемъ нареканія на насъ пылкаго, но неразумнаго романиста. Съ благодушнымъ и кроткимъ упрекомъ мы только скажемъ ему словами одной купчихи Островскаго: „ахъ, Аполитка, Аполитка, хорошій ты парень, а зачѣмъ ты только такъ ломаешься, не отъ своего ума слова говоришь, важность эту на себя напущаешь"?

Съ авторомъ и съ его претензіями мы кончили, но что-же его романъ? Что это за „Волчья сыть" такая и съ какими цѣлями, помимо промышленныхъ, романъ написанъ? Волчья сыть, по объясненію одного мѣщанина, вотъ что такое: „Это, видите ли, когда господа на лѣто наѣдутъ въ деревню—съ ними до пропасти псовъ этихъ самихъ. Ну, на легкомъ воздухѣ собачки то еще пуще расплодятся. Къ зимѣ—господа

назадъ, а потомство отъ барскихъ трезорокъ на произволъ судьбы остается... Стаями округъ деревни бѣгаютъ до ноября. Въ ноябрѣ новые господа жалуютъ—волки, и въ мѣсяцъ все очистятъ: ни одной собачки отъ городского приплода не уцѣлѣетъ. Оттого и имя ему: волчья сыть. Такъ вотъ-съ и городъ нашъ для Акула Матвѣевича (мѣстнаго купца) таже самая волчья сыть. Ужъ онъ наполовину ободралъ насъ; коли Господь Богъ купца Безмѣнова не утихомиритъ кондрашкой, онъ и другую половину съ аппетитомъ слопаетъ. У него всѣ въ кулакѣ: и чиновникъ, и свой братъ купецъ, и мѣщанинъ, и мужикъ". Такъ вотъ что такое волчья сыть: это всѣ обыватели нашихъ провинцій, безъ различія сословій. Въ каждой провинціи есть свой Акула, который представляетъ собою „волка", а всѣ прочіе—„сыть", снѣдь для него. Такова общая картина нашего отечества. Впрочемъ, г. Немировичъ-Данченко не оставляетъ насъ окончательно безъ надежды: на каждаго Акулу въ провинціи же находится идеальное существо, съ возвышенностью благороднѣйшихъ помысловъ соединяющее самую удивительную практичность и дѣловитость. Такимъ существомъ въ романѣ г. Данченко является бывшая фельдшерица, а теперь богатая помѣщица, въ нѣсколько лѣтъ нажившая состояніе собственнымъ умомъ и трудомъ. Анна Степановна (имя героини) говоритъ: „мы, женщины, когда не раскисаемъ, да не маринуемся въ сантиментахъ, любого изъ мужчинъ заткнуть за поясъ можемъ". Трактирный слуга говоритъ, что Анна Степановна „могущественная дама-съ. До всего умомъ проницаютъ. По нашему краю другой такой хозяйки нѣтъ". Объѣзжавшій епархію архіерей сказалъ: „не мнѣ бы епархіей управлять, а вамъ, Анна Степановна". Торговецъ говоритъ Аннѣ Степановнѣ: „ужъ на что я мастеръ (въ торговлѣ), а супротивъ тебя не выстоять". Наконецъ, самъ великій Акула говоритъ: „золотая головка... То есть, если я кого уважаю у насъ, такъ только Анну Степановну". Анна Степановна, Анна Степановна, многая лѣта Аннѣ Степановнѣ! Къ удивленію, самъ авторъ даетъ о своей героинѣ такой отзывъ: „самая обыкновенная изъ женщинъ, такая же грѣшница, какъ и мы всѣ". Такая аттестація даетъ поводъ думать, что свои блестящія административныя и коммерческія способности Анна Степановна, „какъ всѣ", употребляетъ на цѣли личнаго обогащенія. Однако, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ: „въ эти тяжелые дни (во время голода) Анна Степановна нашла въ душѣ неизсякаемые источники живой воды и всю себя отдала на служеніе высшей правдѣ". Эта фраза составляетъ только непосредственное продолженіе фразы—„самая обыкновенная изъ женщинъ, такая же грѣшница, какъ и мы всѣ". Любопытно бы узнать — кого же г. Немировичъ-Дан-

ченко назоветъ праведникомъ или праведницей? Удивляя своимъ кулачествомъ въ обыкновенное время даже высшихъ артистовъ кулачества, Анна Степановна во время голода все свое имущество раздала голодающимъ: „у нея не осталось ничего, къ чему такъ лежитъ сердце всякой женщины: ни серегъ, ни браслетовъ, ни брошекъ. Въ цѣломъ домѣ у нея вы не нашли бы ни кусочка золота. Сама она ужъ мѣсяцъ ѣла деревянными ложками—серебро пошло туда же". Это со стороны Анны Степановны не было простымъ порывомъ состраданія, это было логическимъ результатомъ всей ея жизненной программы: наживайся и всячески кулачествуй, съ тѣмъ, чтобы пріобрѣтенныя такимъ путемъ средства употребить на добрыя дѣла. „Анна Степановна была слишкомъ умна, чтобы не понять, что если хочешь добиться чего-нибудь—внимательно изучи обстановку, въ которой тебѣ придется дѣйствовать. Не ставь на дыбы тѣхъ, кому ничего не стоитъ раздавить и тебя и дорогое тебѣ дѣло. Сойдись съ ними, съумѣй заставить ихъ служить тебѣ. Не поступайся душой и совѣстью—этого совсѣмъ не надо, но и не кидайся на мельницы съ хрупкимъ копьемъ незабвеннаго испанскаго гидальго".

Само собою разумѣется, мы не будемъ входить въ обсужденіе этой программы, характеризующейся извѣстной фразой: и невинность соблюсти и капиталъ пріобрѣсти. Но теперь читатель имѣетъ понятіе объ основной идеѣ романа: смотрите, люди, на Анну Степановну и учитесь тому, какъ нужно бороться съ „волками", дабы не сдѣлаться „волчьей сытью". Благодаримъ за наставленіе, г. Немировичъ-Данченко! Съ завтрашняго же дня начнемъ кулачить и маклачить, уподобляясь „волкамъ", и какъ только окончательно обзаведемся волчьими зубами, такъ и кликнемъ кличъ всѣмъ собачкамъ и овечкамъ: къ намъ, къ намъ иди, „волчья сыть"—мы твои защитники—останешься довольна!

Что еще сказать о новомъ произведеніи г. Немировича-Данченко? Да что скзать—нечего! Представьте себѣ, что вы знаете человѣка лѣтъ 15 и видитесь съ нимъ ежемѣсячно. Прежній тридцатипятилѣтній человѣкъ много ли отличается отъ теперешняго пятидесятилѣтняго? Рости онъ давно пересталъ и наружность его все та же. Брюшко поотросло, да сѣдинка стала въ волосахъ пробиваться—вотъ вся разница, о которой и говорить не стоитъ. Та же неудержимая наклонность къ шаржу, тоже полнѣйшее отсутствіе чувства мѣры, та же эскизность въ обрисовкѣ характеровъ, тотъ же живописно взъерошенный стиль—всѣ эти знакомыя черты и свойства г. Немировича-Данченко сохранились въ полной неприкосновенности. Есть, впрочемъ, кое-что новенькое. Какъ ни-

какъ, а дѣло идетъ къ старости, и г. Немировичъ-Данченко нѣсколько поумѣрилъ свой „еройскій духъ“ (говоря его собственнымъ выраженіемъ), отличавшій его въ прежнее время. Устами одного изъ своихъ персонажей онъ нынче вотъ какъ говоритъ: „Кто виноватъ? Съ 62 года по сей день болѣе тридцати лѣтъ прошло—цѣлая жизнь. Что вы дѣлали? Вскую метались. Болгарскія освобожденія задумывали и выполняли, какихъ то текинцевъ подъ нози покоряли, совались, куда васъ не спрашивали. Если бы вы одну десятую долю этихъ щедротъ на народное образованіе расточили“ и пр. и пр. Очень, очень разсудительно, какъ и подобаетъ солидному человѣку. Но что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ, и съ какимъ же тяжелымъ чувствомъ долженъ вспомнить г. Немировичъ-Данченко свои прежнія „еройскія статьи“, въ которыхъ онъ чуть не клятвенно завѣрялъ, что русскій народъ спитъ и видитъ какъ бы освободить „братушекъ“. А вѣдь съ какою развязностью ставится теперь этотъ безполезный, но все же горькій вопросъ: „кто виноватъ?“ То-то, г. Немировичъ-Данченко, кто виноватъ?

Юрій Кази-Бекъ. Черкесскіе разсказы. Москва. 1896.

Въ сколько нибудь подробное разсмотрѣніе разсказовъ г. Кази-Бека мы отказываемся входить, сознавая свою некомпетентность. Дѣло въ томъ, что черкесская эстетика должно быть очень отличается отъ общей эстетики: мы думаемъ такъ потому, что черкесская психологія имѣетъ очень мало общаго съ общечеловѣческой. По показаніямъ г. Кази-Бека, на погибельномъ Кавказѣ лошади чувствуютъ совсѣмъ какъ люди, а люди—совсѣмъ какъ лошади. Судите сами. Описываетъ г. Кази-Бекъ красавца коня: „высокая грудь, тонкія и крѣпкія, какъ сталь, ноги изобличали мощь и силу. Точно огнемъ дышали раздутыя ноздри“ и пр. Удивительный былъ конь! Но для насъ вотъ что еще удивительнѣе: „бравыя кобылицы, которымъ приходилось видѣть этого красавца-коня, приходили въ трепетъ и долго потомъ не могли забыть его: печальный видъ и опущенныя головы выдавали ихъ тайныя думы“. Бравыя кобылицы кавказскія не пишутъ ли стиховъ? Въ свою очередь красавецъ-конь умѣетъ не только чувствовать, но и предчувствовать: „какое то предчувствіе, словно змѣя, сосало его сердце, и съ тревогою онъ ожидалъ дня скачекъ“. Таковы кавказскія лошади—люди. О кавказскихъ людяхъ—лошадяхъ мы говорить не беремся, вслѣдствіе чувствуемой нами чрезвычайной отчужденности отъ ихъ внутренняго міра.

Иванъ Рукавишниковъ. Сѣмя, поклеванное птицами. Повѣсть. Москва. 1896.

Въ заглавіи повѣсти г. Рукавишникова скрыта нѣкоторая пророческая аллегорія: „сѣмя"—это самая повѣсть, а „птицы" это, конечно, мы, рецензенты этой повѣсти. Что-жъ, поклюемъ. Впрочемъ, какъ о беллетристѣ, не стоитъ и скучно и говорить о г. Рукавишниковѣ, но очень стоитъ и совсѣмъ не скучно отмѣтить его, какъ философа—психолога. Мы нашли у него нѣсколько глубокихъ афоризмовъ, изъ которыхъ нѣкоторые заслуживаютъ самаго широкаго распространенія. Афоризмъ первый: „Горе и радость, рождаясь въ сердцѣ нашемъ, распространяются не только по тѣлу, заставляя насъ рыдать или смѣяться, рвать на себѣ волосы или прыгать, но идутъ далѣе насъ самихъ, разливаются по всему окружающему насъ, придавая ему мрачную или радужную окраску". Афоризмъ второй: „Горе, возвращаясь въ сердце, больно сжимаетъ его, но все же не такъ больно, какъ при первомъ своемъ посѣщеніи, и если сердце не разорвется въ первый разъ, то и во второй, хотя съ трудомъ, но перенесетъ тяжесть несчастія". Афоризмъ третій: „авторское самолюбіе самое щекотливое изъ всѣхъ". Мысль, заключающаяся въ послѣднемъ афоризмѣ, въ соединеніи съ нашимъ природнымъ добродушіемъ, побуждаетъ насъ прекратить дальнѣйшій разговоръ о г. Рукавишниковѣ и о его повѣсти.

Стихотворенія Н. Чаева. Москва. 1896.

А. Желанскій. Басни. Москва. 1896.

Lolo. Онѣгинъ нашихъ дней. Романъ-фельетонъ въ стихахъ. Москва. 1896.

И того три книги стиховъ. Доколѣ, о, Господи!

Нѣсколько лѣтъ назадъ одинъ изъ современныхъ стиходѣлателей нашихъ, пользующійся, благодаря своему усердію въ стиходѣланіи, нѣкоторой даже извѣстностью, обратился съ печатнымъ вызовомъ къ намъ, критикамъ и рецензентамъ: пусть-ка, говорилъ онъ, попробуютъ эти господа написать удобочитаемое стихотвореніе—мы посмотримъ! Критика легка, но искусство трудно. Вызовъ остался тогда, сколько помнится, безъ всякаго отвѣта, а такъ какъ онъ относился, между прочимъ, и лично къ намъ, къ пишущему эти строки, то здѣсь кстати будетъ отвѣтить на него, по крайней мѣрѣ за себя. Да, конечно, намъ удобочитаемаго стихотворенія не написать. Но вѣдь именно поэтому мы стиховъ и не пишемъ, тогда какъ вы, господа стихотворцы, писать стиховъ тоже не умѣете, а между тѣмъ пишете и печатаете ихъ цѣлыми книгами, да еще себѣ это въ заслугу вмѣняете. Такъ вѣдь это, надѣемся,

разница! Г. Мережковскій (это онъ выступилъ съ горделивымъ вызовомъ) отвѣтомъ нашимъ долженъ преискренно возмутиться: „какъ, мы писать стиховъ не умѣемъ, мы, то есть напр. я и г. Минскій?“ Ну, да, да, вы съ г. Минскимъ и съ кѣмъ угодно еще изъ современныхъ стихослагателей. Поймите же, господа: версификація совсѣмъ не тоже что поэзія. *Писать* стихи значитъ творить, *дѣлать* стихи значитъ просто пріискивать рифмы и блюсти размѣръ. *Удобочитаемыми* стихами мы называемъ не такіе, которые можно подъ гитару распѣвать, а такіе, по прочтеніи которыхъ не пожалѣешь о напрасно потраченномъ времени. „Нѣтъ въ тебѣ творящаго искусства, но кипитъ въ тебѣ живая кровь“, сказалъ Некрасовъ о своей поэзіи, а вы можете сказать о своихъ писаніяхъ обратное: есть искусство, но нѣтъ ни единой капли живой крови. И что-же, вы полагаете, что это искусство писать размѣренныя и заостренныя рифмой строчки искусство трудное и рѣдкое? Да посмотрите же кругомъ себя: вѣдь мы завалены стихами, вѣдь намъ дѣваться отъ стиховъ некуда, вѣдь они потопляютъ насъ. Именно *потопляютъ*: это стремительный потокъ воды, то чистой, то мутной, но безпримѣсной и никому не нужной. Вино поэзіи безцѣнно, но воды версификаторства намъ даромъ не надо. Вотъ предъ нами цѣлыхъ три „поэта“. Всѣ они, въ особенности г. Lolo, пишутъ замѣчательно гладко, дѣлаютъ стихи безукоризненно чисто. А дальше что? Наши стихотворцы обольщаются нѣкоторой забавной иллюзіей, которую вы можете наблюсти и между... велосипедистами, въ особенности непривычными, начинающими; они думаютъ, что на нихъ вся улица любуется. Это было когда-то,—въ то время, когда велосипедисты считались десятками, а теперь, когда ихъ тысячи, на нихъ никто и вниманія не обращаетъ: проѣзжай себѣ мимо, любезный. Велосипедисты—декаденты, чтобы обратить на себя вниманіе, ведутъ себя неприлично, орутъ, наѣзжаютъ на прохожихъ, подвертываются подъ экипажи и, конечно, собираютъ толпу около себя. Но если велосипедистъ—стихотворецъ ѣдетъ чинно и смирно, то какъ бы онъ ни искусно управлялъ своей машиной, на него никто даже и не оглянется. Вотъ невидаль какая!

Наши три стихотворца ведутъ себя вполнѣ прилично, ѣдутъ, крѣпко держась за руль, и сидятъ на сѣдлѣ твердо. Что сказать о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности? Что касается г. Чаева, то это поэтъ старый, пишущій лѣтъ 30 и—прекрасная черта!—написавшій за это время такую скромную порцію стиховъ, которая ни для кого не можетъ быть обременительна. Мы помнимъ, помнимъ г. Чаева: лѣтъ 15, а то и больше тому назадъ, мы рецензировали эту самую его книжечку стиховъ въ одномъ, давно уже покойномъ журналѣ, и

что говорили тогда, то конечно сказали бы и теперь: книжка г. Чаева даже въ объемѣ почти не увеличилась. Продолжая нашу метафору, мы скажемъ, что г. Чаевъ ѣздитъ на трехколесномъ старинномъ велосипедѣ: оно мѣшкотно и теперь какъ будто странно, но прочно и удобно, а дѣло г. Чаева, дѣло не молодое. Верстъ пятокъ въ сутки онъ сдѣлаетъ для моціона—съ него и довольно. Трюхъ—трюхъ, полегонечку, потихонечку, стороночкой, а все-таки и онъ велосипедистъ, все-таки и онъ занимается моднымъ спортомъ. Г. Желанскій—велосипедистъ начинающій и выдать ему „нумерокъ" мы затруднились бы. Въ своихъ „басняхъ" онъ пишетъ такіе вавилоны, которые внушаютъ за него невольное опасеніе. Басня должна быть кратка и мораль ея должна быть очевидна, тогда какъ г. Желанскій пишетъ басни чуть не въ полълиста, и куда онъ собственно ѣдетъ, т. е. что сказать хочетъ, большею частью не разберешь. Вамъ г. Желанскій, надо бы еще подъучиться. Но г. Lolo—вотъ это истинный мастеръ своего дѣла: онъ мчится впередъ, какъ хорошій рысакъ, и въ немъ, на нашъ взглядъ, дорого именно то, что онъ лучше всѣхъ знаетъ, что собственно спѣшить ему некуда и незачѣмъ.

Читатель мой, ты примешь дозу
Пустыхъ, хотя короткихъ строкъ.

Такъ начинаетъ свой „романъ-фельетонъ" г. Lolo и точно: порцію пустѣйшихъ строкъ читатель получаетъ полностью, и если онъ любитъ стихъ для стиха, рифму для рифмы, то мы ручаемся, что онъ не соскучится съ г. Lolo. Что за грація, что за ловкость и какой чудный финишъ! Рекордъ г. Lolo побить не легко.

Публичныя лекціи по философіи наукъ. Основныя понятія и методы наукъ физико-математическихъ. **А. И. Смирнова.** Казань 1896.

Книга эта посвящается авторомъ „всѣмъ молодымъ людямъ, интересующимся философіей и стремящимся къ знанію философски-обоснованному". Посвященіе это нисколько не препятствуетъ, однако, выставить *цѣлью* книги возбужденіе вниманія къ философіи, въ которомъ упомянутые молодые люди, конечно, ужъ не нуждаются. Можно думать, что они не нуждаются также и въ указаніи значенія философіи для другихъ наукъ и въ вызовѣ у нихъ желанія близкаго и глубокаго изученія философіи. Все это, повидимому, нужно для той публики, которую г. Смирновъ называетъ „образованною" и которая, какъ оказывается, можетъ едва-едва считаться подготовленною для слушанія лекцій о „философіи наукъ"; по крайней мѣрѣ, многое пришлось для нея урѣзать, сократить, упростить, а „глубокіе и старые вопросы метафизики

и теоріи познанія" и вовсе опустить. „Молодые люди", стоящіе, какъ то видно изъ приведенныхъ словъ автора, выше всего этого, тутъ ни при чемъ; но въ виду обѣщаемаго всѣмъ безъ различія удовлетворенія желанія близко, основательно и глубоко изучить философію, придется, пожалуй, и имъ поиспытать на себѣ состоятельность метода, обѣщающаго глубокое изученіе посредствомъ обхода глубокихъ вопросовъ и усвоенія урѣзаннаго и приспособленнаго къ низкой степени умственнаго развитія слушателей курса.

Встрѣчая послѣ указанныхъ заявленій предисловія толкованіе такихъ терминовъ, какъ анализъ, синтезъ, ощущеніе, представленіе и т. д., читатель долженъ помнить, что все это совершенно необходимо для „образованной публики" г. Смирнова. Доведетъ ли лекторъ своихъ слушателей до близкаго и основательнаго знакомства съ философіей и покажетъ ли ту глубину, которую обѣщаетъ показать, предрѣшить трудно, но не можетъ подлежать сомнѣнію, что попутно онъ сообщитъ массу общеполезныхъ свѣдѣній. И *этотъ* трудъ вѣдь—дѣло, во всякомъ случаѣ, доброе и благодарное. Если „образованная публика" не имѣла, напримѣръ, случая ознакомиться, ну, хоть съ книжкою для учащихъ по „Родному Слову" Ушинскаго и, услышавъ на лекціи толкованіе активнаго и пассивнаго вниманія, станетъ старательно заносить слушаемое въ свои записныя тетрадки,—это добрый знакъ и имъ слѣдуетъ пользоваться и стараться выдержать тонъ чтеній до конца подъ опасеніемъ роли вопіющаго въ пустынѣ. Чтеніе окажется не безплоднымъ, и этимъ пренебрегать не слѣдуетъ.

Очевидно, однако, что, приспособляясь къ своего рода „образованной публикѣ", можно оказать ей массу услугъ, но основательнаго, близкаго и, въ особенности, глубокаго знанія философіи можно при этомъ и не дать. И то ужъ хорошо было-бы, еслибъ оказалась возможность объяснить, что такое философія, что она такое была прежде, какія измѣненія пережила, въ какихъ отношеніяхъ была и есть къ положительному знанію и т. д. Г. Смирновъ полагаетъ, что ко всему этому можно придти, урѣзывая тутъ, умалчивая тамъ, пропуская одно и обходя другое; пусть такъ, но затѣмъ все же таки остается необходимымъ, хотя бы и скачками, добраться до такого рѣшенія хоть нѣкоторыхъ изъ указанныхъ вопросовъ, которое само бы ужъ не сгибалось до уровня „образованной публики", а ее бы поднимало до уровня лектора. Подготовляйте эту публику какъ знаете и какъ можете, а затѣмъ ужъ дайте ей здравыя, неподточенныя недугомъ внутренняго противорѣчія, знанія,—знанія, способныя выдержать напоръ критики, устойчивыя, словомъ, не поддѣльныя, а на-

стоящія. И какая польза, въ самомъ дѣлѣ, начать съ громкихъ словъ, наобѣщать съ три короба и затѣмъ придти къ тремъ китамъ и черепахѣ, свѣдѣнія о которыхъ были сообщены ранѣе блаженной памяти доброю нянюшкою, вдобавокъ и говорившею куда образнѣе и сердечнѣе. Популяризація философіи, расширеніе университетскаго образованія, глубина познанія,—все это звучитъ прекрасно, но какъ это сдѣлать, не уподобляясь кимвалу бряцающему,—вотъ гдѣ вся „суть", все достоинство этого истинно труднаго и истинно благого дѣла. Тотъ, кому удалось бы совершить это благое дѣло, могъ бы оставаться при убѣжденіи, что даже и бросаемые имъ публикѣ „обрѣзки" представляютъ хоть какія ни-на-есть цѣнности, и никто не скажетъ, что эти „обрѣзки" просто соръ и больше ничего.

Достоинство науки требуетъ, чтобы она шла по своему пути твердою и увѣренною поступью, не косясь по сторонамъ, не стараясь поддѣлаться подъ чьи бы то ни было вкусы, прихоти или даже потребности, не заискивая чьихъ бы то ни было милостей. Путь науки или ея эволюція не есть что-нибудь произвольное, выдуманное, гибкое, приспособимое къ случайнымъ мимолетнымъ запросамъ. Всякій понимаетъ или можетъ понять, что если накопленіе знанія не вмѣщается болѣе въ прежнемъ синтезѣ, то значитъ назрѣло время для новаго обобщенія, для перестройки научнаго знанія заново, по новому плану и стилю. Устойчивыя научныя положенія инымъ путемъ вѣдь и не достигаются. Какой же смыслъ можетъ имѣть здѣсь то „примирительное" направленіе, которое такъ нравится г. Смирнову. Какое можетъ быть „примиреніе" между системой Коперника и предшествовавшими ей воззрѣніями? Какъ примирить теорію флогистона съ теоріей окисленія? Какъ совершить примиреніе современной медицины съ шептаніями знахаря? Все это слова, слова и слова... Самое „примиреніе" приплетается тутъ по одной аналогіи съ дѣлами жизни практической и никакого смысла и значенія и для установившейся и для отжившей теоріи не имѣетъ. Иванъ Ивановичъ могъ помириться съ Иваномъ Никифоровичемъ, но система Птолемея можетъ, пожалуй, погубить, извратить, спутать систему Коперника, но примириться съ нею не можетъ: или солнце ходитъ вокругъ земли, или земля вокругъ солнца,—ничего средняго быть тутъ не можетъ. Точно также и философія: если она не шутка, не забава, не культурная побрякушка, она не можетъ принимать мѣру вещей сосѣда са свою собственную и преслѣдовать двѣ задачи заразъ. Преслѣдуя осуществленіе такой двойственности, философія теряетъ свое достоинство и взамѣнъ не можетъ получить ничего.

Но если, представляя философію тѣмъ, которые ею инте-

ресуются или же могутъ интересоваться, необходимо блюсти ея достоинство и не пытаться низводить ее на степень служанки, то не менѣе необходимо представлять ее и въ той обстановкѣ, которую она заслуживаетъ, и не подвергать ее случайностямъ чьихъ бы то ни было прихотей. Надо помнить, что солнце всходитъ и тогда, когда пѣтухи и не кричатъ, а потому—къ чему служатъ всѣ вульгарныя ссылки? Вѣдь если считаться со всѣмъ вздоромъ, который пишется и печатается, съ теософскими, спиритскими и иными бреднями, и наличность ихъ считать за аргументъ, то въ результатѣ получится одинъ только сумбуръ. Если г. Смирновъ и оберегаетъ себя отъ тѣхъ густыхъ красокъ, которыя можетъ дать теософія или спиритизмъ, то все же онъ, по отношенію къ сопоставленіямъ боковыхъ по отношенію къ философскому руслу теченій, принципіально держится такого пути, который отъ только-что указаннаго отличается лишь степенью, оттѣнкомъ, количественно, что для даннаго случая и неважно. Предоставляя, напримѣръ, метафизикѣ вносить въ философію соотвѣтствующую степень порчи, г. Смирновъ отстаиваетъ эту порчу именно вульгарнымъ пріемомъ, а въ этомъ-то и вся „суть". Приписавъ попутно Ог. Конту такое опредѣленіе метафизики, котораго Контъ не давалъ и не могъ дать (метафизика есть ненаучный методъ, господствовавшій въ средніе вѣка), г. Смирновъ, не вникая въ принципіальный характеръ отрицательнаго отношенія къ метафизикѣ Ог. Конта и другихъ философовъ, ссылается, такъ сказать, на баллотировку этого вопроса: выходятъ-де сочиненія по метафизикѣ и т. д. Правда, выходятъ... Болѣе того: цѣлая уйма людей боится 13-го числа, боится трехъ свѣчекъ, боится просыпать соль; и того еще мало: кликуши воютъ, знахари шепчутъ, шаманы шаманятъ... Но неужели же это значитъ, что всю эту „премудрость" надо включить въ курсъ наукъ или въ курсъ философіи, хорошенько все смѣшать, „примирить" и подавать на банкетѣ любомудрія?

Разставаясь съ искалѣченной всякими операціями, убогой и униженной философіей, выступившей передъ нами изъ лекцій г. Смирнова, мы не можемъ не сдѣлать еще одного, какъ полагаемъ, полезнаго для „молодыхъ людей, интересующихся философіей", замѣчанія. Пора бы перестать напускать этихъ достойныхъ участія людей на плохія книги, вообще, и на совершенно негодныя книги, въ особенности.

Если кому-нибудь, можетъ быть, и покажется нужнымъ походить вмѣстѣ съ г. Смирновымъ вокругъ да около философіи,—на то его добрая воля. Нашъ совѣтъ: лучше ничего не дѣлать, чѣмъ дѣлать „ничего".

Разводъ и положеніе женщины. М. И. Кулишера. СПБ. 1896.

Книга г. Кулишера содержитъ весьма интересныя данныя о разводѣ. Въ ней авторъ, на основаніи богатаго этнографическаго матеріала и съ помощью сравнительно-историческаго метода, освѣщаетъ одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ семейнаго права съ той стороны, съ которой юристы очень рѣдко къ нему подходятъ.

По мнѣнію г. Кулишера, разводъ возникъ лишь съ установленіемъ экзогамическаго брака посредствомъ купли. Такъ какъ невѣста первоначально покупалась всѣмъ племенемъ жениха, то произволъ послѣдняго естественно встрѣчалъ противовѣсъ въ стремленіи его сородовичей ограждать свои интересы,—неосновательное отверженіе женъ не только влекло за собой имущественный ущербъ въ видѣ потери выкупа, но иногда также грозило всему племени жениха местью со стороны родныхъ невѣсты. Бракъ, поэтому, расторгался только по извѣстнымъ серьезнымъ основаніямъ, санкціонированнымъ обычаями и общественной властью, — а такое прекращеніе брачнаго союза въ сущности и есть разводъ. Съ теченіемъ времени институтъ развода значительно расширялся, и въ римскомъ правѣ онъ уже является весьма разработаннымъ отдѣломъ брачнаго права. Каноническое право также вынуждено было пойти на компромиссъ съ жизнью, очень долго игнорировавшей ригористическія предписанія церкви, и допустить разводъ по нѣкоторымъ основаніямъ. Не смотря, однако, на такую уступчивость церковнаго права, народы, принявшіе христіанство, очень медленно проникались взглядами его на бракъ, и вплоть до XV в. почти по всей Европѣ раздаются жалобы духовенства на то, что въ простомъ народѣ браки заключаются и расторгаются безъ помощи и участія церкви. Даже въ настоящее время обычное семейное право значительно разнится отъ писаннаго, хотя послѣднее все болѣе и болѣе старается парализовать дѣйствіе народнаго обычая. Разсматривая современную постановку вопроса о разводѣ, г. Кулишеръ подробно останавливается на практикѣ судовъ, преимущественно англійскихъ, американскихъ и русскихъ, по дѣламъ о расторженіи брака, и цѣлымъ рядомъ характерныхъ примѣровъ иллюстрируетъ положеніе женщины при современномъ состояніи брачнаго права. Общепринятыхъ основаній развода авторъ отмѣчаетъ 5: адюльтеръ, двоеженство, жестокое обращеніе (сюда входятъ и тяжкія оскорбленія чести, и нравственныя обиды), злонамѣренное оставленіе и взаимное отвращеніе. Существовалъ раньше и разводъ по взаимному согласію, но теперь онъ вышелъ изъ употребленія. Свидѣтельства о прежнемъ существованіи развода по взаимному

согласію супруговъ можно найти одинаково и у германскихъ народовъ, и у малороссовъ, и у великороссовъ, и авторъ задается вопросомъ, какъ могло существовать такое основаніе развода въ прежнія времена, когда женщина играла въ семьѣ вполнѣ зависимую, унизительную роль. Отвѣтъ на этотъ вопросъ самъ авторъ даетъ слѣдующій: „разводъ по взаимному согласію есть послѣдствіе, неизбѣжная принадлежность эндогамическаго брака, продолжавшаго существовать въ теченіе всей исторіи культурныхъ народовъ, сначала въ видѣ дозволенной формы брака (usus), затѣмъ въ видѣ конкубината и, наконецъ, въ видѣ связи, которая именуется незаконной". Объясненіе это заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что юристы въ большинствѣ случаевъ совершенно не считаются съ тѣмъ историческимъ матеріаломъ, который далъ возможность г. Кулишеру придти къ приведенному любопытному выводу. Очевидно, что такъ называемый незаконный бракъ не есть какое-нибудь случайное явленіе, а соціологическій фактъ, имѣющій свою самостоятельную исторію развитія и свои спеціальныя черты. Ведя свое происхожденіе отъ эндогамическаго брака, брачное сожительство по взаимному согласію не осталось безъ вліянія на законные браки, которое, по словамъ автора, было вполнѣ облагораживающаго характера, ибо „до тѣхъ поръ, пока длилась свободная связь, она могла держаться лишь любовью и привязанностью; мужчина пріучался въ этой связи къ уваженію личности женщины, и это чувство, хотя, быть можетъ, въ ослабленномъ видѣ, сохранялось впослѣдствіи и по вступленіи въ законный бракъ".

Само собою разумѣется, что вліяніе незаконныхъ браковъ на законные было только одной изъ второстепенныхъ причинъ, содѣйствовавшихъ расширенію правъ законной жены, смягчившихъ ея положеніе въ семьѣ и оградившихъ ее, хоть сколько-нибудь, отъ насилія и произвола мужа. Гораздо болѣе серьезные результаты въ этомъ направленіи дали такіе факты, какъ раскрѣпощеніе личности вообще, начавшееся въ Европѣ въ концѣ прошлаго столѣтія и продолжающееся еще понынѣ, а также быстрый ростъ, культурный и умственный, всѣхъ слоевъ европейскаго населенія. Тѣмъ не менѣе мысль г. Кулишера не лишина оригинальности. Вообще, слѣдуетъ отмѣтить, что въ книгѣ г. Кулишера встрѣчаются весьма интересные выводы и мѣткія сопоставленія, но, какъ цѣлое, она недостаточно проникнута единой мыслью, такъ что даже исторія развода изложена въ ней далеко не такъ послѣдовательно и систематично, какъ этого можно было ожидать, судя по богатому матеріалу, которымъ располагалъ авторъ.

Женскій вопросъ въ средніе вѣка. Пр. Бюхера. Пер. съ нѣм. Одесса. 1896.

Людской эгоизмъ всегда особенно привольно расправлялъ свои крылья въ вопросѣ о равноправности женщины и мужчины въ той области, гдѣ, сталкиваясь между собою, ведутъ упорную борьбу за существованіе—трудъ, способности и знанія человѣка. Здѣсь, въ такой борьбѣ, мужчина всегда заботливо оберегалъ себя отъ излишней конкурренціи со стороны женщины, стараясь закрыть для нея разныя области приложенія личнаго труда, отказывая ей въ образованіи, нищенски оплачивая ея рабочій день. И въ то же время—въ другой области, гдѣ женщина являлась передъ нами чуждая дѣловитости, безпечная и легкомысленная, блистающая своей физической красотой, чарующая и опьяняющая насъ своими прелестями,—тамъ мужчина предоставлялъ ей первое мѣсто, лицемѣрво восхвалялъ ее, надѣлялъ неприсущими ей качествами и предупредительно уступалъ ей дорогу.

Брошюра проф. Бюхера, трактуя о женскомъ вопросѣ въ средневѣковой Германіи, почти исключительно разсматриваетъ вопросъ о физическомъ женскомъ трудѣ. Однако, не смотря на то, что эта брошюра касается только одной стороны женскаго вопроса въ средніе вѣка, мы найдемъ въ ней ту же картину мужской несправедливости, тѣ же эгоистическіе мотивы, тѣ же печальныя послѣдствія, которыя мы наблюдаемъ и въ настоящее время. Разница лишь въ томъ, что, если теперь идетъ рѣчь о болѣе правильной постановкѣ высшаго женскаго образованія, о допущеніи женщинъ на государственную и общественную службы, объ уравненіи въ этомъ ихъ правъ съ мужчинами, то въ средніе вѣка—большая часть предметовъ, относящихся до женскаго вопроса, преимущественно сосредоточивалась въ опредѣленіи тѣхъ условій, которыя допускали примѣненіе въ общественной жизни женскаго труда: давали возможность одинокой женщинѣ прожить безъ нужды и лишеній. И въ этомъ отношеніи брошюра Бюхера заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что, помимо изложенія различныхъ перипетій вопроса о женскомъ трудѣ въ средніе вѣка въ Германіи, читатель найдетъ въ ней нѣкоторыя чрезвычайно интересныя статистическія данныя: о численномъ отношеніи обоихъ половъ, о женщинахъ-плательщицахъ налоговъ и проч.

Узаконеніе и усыновленіе дѣтей. Изд. П. Мартынова. СПБ. 1896.

Брошюра заключаетъ въ себѣ содержаніе закона 12-го Марта 91-го года съ послѣдующими разъясненіями сената. Юристъ-теоретикъ найдетъ въ ней мотивы закона 12-го марта

и другія соображенія, руководившія законодателемъ въ регламентаціи частныхъ вопросовъ узаконенія и усыновленія. Юристу-практику и даже лицамъ, просто интересующимся этимъ вопросомъ, брошюра эта дастъ подробныя толкованія каждой сомнительной статьи, разъясненія сената по вопросамъ, встрѣчавшимъ затрудненія на практикѣ (напр., относительно дѣтей иностранцевъ, раскольниковъ, относительно согласія супруговъ и пр.), наконецъ, образцы прошеній и бумагъ, нужныхъ при хлопотахъ объ узаконеніи и усыновленіи, а также порядокъ производства дѣла. Во всякомъ случаѣ, тотъ фактъ, что въ теченіе непродолжительнаго времени явилась надобность во второмъ изданіи этой брошюры, ясно показываетъ, на сколько живой интересъ представляетъ для нашего общества ея содержаніе.

Hermann de Baets. Искусство говорить на судѣ. Перев. съ франц. Быховскаго. М. 1896.

Авторъ названнаго сочиненія—гентскій адвокатъ, а переведенный г. Быховскимъ трудъ есть рядъ лекцій, читанныхъ Бетсомъ во французской конференціи молодыхъ адвокатовъ. Основная мысль брошюры очень симпатична. Авторъ—противникъ того адвокатскаго краснорѣчія, которое гонится за эффектами, за мишурнымъ успѣхомъ, за блескомъ фразы, иногда въ ущербъ самому дѣлу. Авторъ смотритъ на адвоката, какъ на серьезнаго сотрудника судьи, обязаннаго вмѣстѣ съ нимъ идти къ наиболѣе правильному разрѣшенію вопросовъ, къ уясненію того, что не поддается усвоенію безъ сосредоточенной, напряженной работы мысли. Надо много работать, изучать каждое дѣло съ прилежаніемъ и настойчивостью; надо много читать по разнымъ отраслямъ знанія, употреблять не мало усилій на устраненіе своихъ органическихъ недостатковъ, надо работать, трудиться регулярно, систематически— и тогда вы достигнете искусства говорить на судѣ, т. е. достигнете въ своей рѣчи ясности, краткости, послѣдовательности и убѣдительности...

Вотъ сущность сочиненія Де Бетса. Авторъ не чуждъ увлеченій; такъ, напр., въ его фразѣ: „буквально, абсолютно и безусловно не приготовляйте заранѣе вашихъ судебныхъ рѣчей", нѣкоторые найдутъ, пожалуй, парадоксальность. Но, когда Бетсъ говоритъ, что истинное краснорѣчіе нуждается не въ словахъ, а въ идеяхъ; что обладающій богатымъ запасомъ духовныхъ сокровищъ всегда найдетъ нужныя, даже наиболѣе подходящія выраженія въ своей рѣчи; когда онъ выше всего ставитъ строгую логичность и послѣдовательность мыслей, которыя достигаются упорнымъ трудомъ, то невольно

является убѣжденіе, что авторъ вполнѣ правъ. Сочиненіе Бетса, переведенное яснымъ и красивымъ литературнымъ языкомъ, полезно прочитать не только юристу, но и каждому образованному человѣку.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Собраніе сочиненій **Н. И. Наумова.** Въ двухъ томахъ. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1897. Ц. за оба тома—3 р.

Стихотворенія **Александра Мейснера.** Самара. 1897. Ц. 50 к.

Крейцерова соната исполнителя. Записки **Трухачевскаго.** Спб. 1897. Ц. 50 к.

А. А. Навроцкій (Н. А. Вроцкій). Сказанія минувшаго. Русскія былины и преданія въ стихахъ. Спб. 1897. Ц. 1 р. 75 к.

Разсказы для дѣтей. **Р. Киплинга.** Книжка вторая. Съ англійскаго. А. Рождественскій. М. 1897. Ц. 40 к.

Жизнь и удивительныя приключенія **Робинсона Крузо,** іоркскаго моряка, разсказанныя имъ самимъ. Сочиненіе **Даніэля Дефо.** Переводъ съ англійскаго Петра Кончаловскаго. Изд. II-ое. М. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Зарницы. Второй сборникъ разсказовъ для старшаго возраста **Д. Н. Мамина—Сибиряка.** Изд. ред. журнала „Дѣтское чтеніе". М. 1897. Ц. 75 к.

Аленушкины сказки. **Д. Н. Мамина—Сибиряка.** (Библ. „Дѣтскаго Чтенія"). М. 1897. Ц. 75 к.

Сочиненія **Чарльза Диккенса.** Полное собраніе въ 10 томахъ съ портретомъ и біографіей Ч. Диккенса. Т. X-ый. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Собраніе сочиненій **Генрика Ибсена.** Т. IV. Изд. І. Юровскаго. Спб. 1896. Ц. каждому тому 1 р.

И. А. Бойчевскій. Юмористическая «Энеида». Поэма въ стихахъ. Спб. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

Д. Маминъ-Сибирякъ. Приваловскіе милліоны. Романъ. Изд. Д. Ефимова и М. Клюкина. М. 1897. Ц. 2 р.

Библіотека маленькаго читателя. 1) Сборникъ разсказовъ и стихотвореній. Составилъ **В. Колымовъ.** Книжки первая и вторая. 2) Ѳомка—дуракъ. Разсказъ **Анны Догановичъ.** 3) Сборникъ разсказовъ и стихотвореній. Составилъ **А. Ивинъ.** Изд. В. С. Спиридонова. М. 1896. Ц. каждой книжки 15 к.

А. А. Бѣломорскій. Стихотворенія. Спб. 1896. Ц. 50 к.

Р. А. Менделевичъ. Святочныя поэмы. М. 1897. Ц. 50 к.

П. П. Герасименко. Миніатюры. Наброски и разсказы. Харьковъ. 1896. Ц. 1 р.

Свободная воля. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. **Андрея Янскаго.** Кіевъ. 1896.

Арбузовъ. Сказки. Рига. 1896. Ц. 60 к.

Ив. А. Бунинъ. На край свѣта и другіе разсказы. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Рейнскія легенды. **Е. Балобановой**. Спб. 1897. Ц. 1 р. 40 к.

Д. Маминъ-Сибирякъ. Исповѣдь. Разсказъ. Спб. 1897.

Басни и были. **Н. В. Масловича**. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Среди моряковъ. Разсказы **К. М. Станюковича**. Съ рисунками. Изданіе редакціи журнала „Дѣтское Чтеніе". М. 1897. Ц. 60 к.

Приключенія одного скитальца. Повѣсть **М. Н. Альбова**. Съ рисунками. Изданіе редакціи журнала «Дѣтское Чтеніе». М. 1897. Ц. 1 р.

Г. Брандесъ. Литературные портреты. Лассаль. — Зудерманъ. — Гауптманъ.—Бёрне.—Гейне и Аристофанъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Изд. І. Юровскаго. Спб. 1896. Ц. 1 р. 35 к.

Исторія новѣйшей русской литературы. 1848 — 1892 гг. **А. М. Скабичевскаго**. Изд. третье исправл. и дополненное Ф. Павленкова. Спб. 1897. Ц. 2 р.

Значеніе А. С. Грибоѣдова въ умственномъ развитіи русскаго общества и вліяніе монгольскаго ига на Россію. **М. І. Сагарадзе**. Двѣ публичныя лекціи, читан. въ г. Кутаисѣ 14-го и 26-го апрѣля 1895 года. Кутаисъ. 1895 Ц. 40 к.

Карлъ Бюхеръ. Происхожденіе газеты. Переводъ съ нѣмецкаго. Изд. І. Юровскаго („Международная Библіотека" № 46). Спб. 1896. Ц. 15 к.

Платонъ. Его жизнь и философская дѣятельность. Біограф. очеркъ **Е. Орлова**. Изд. Ф. Павленкова. („Жизнь замѣч. людей"). Спб. 1896. Ц. 25 к.

Великіе люди и ихъ великія произведенія. Разсказы о сооруженіяхъ знаменитыхъ инженеровъ. **Ф. М. Гольмса**. Съ приложеніемъ истор. очерка развитія желѣзныхъ дорогъ, пароходства и сооруженія мостовъ и туннелей въ Россіи, составленнаго Е. Красновымъ. 77 иллюстр. въ текстѣ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

П. Гнѣдичъ. Исторія искусствъ. Т. І. Вып. 1-ый. Спб. 1897. Ц 1-го вып. 1 р.

Проф. **Эм. Науманъ**. Иллюстрированная всеобщая исторія музыки Развитіе музыкальнаго искусства съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Переводъ съ нѣм. съ прибавленіемъ очерковъ исторіи музыки въ Россіи подъ ред. Ник. Финдейзенъ. Томъ. І. Вып. 1, 2 и 3. Изд. Ф. В. Щепанскаго. Спб. 1896. Подписная цѣна (20 вып.) 10 р.

Д-ръ Эльзенгансъ. Элементарное описаніе душевныхъ явленій („Краткая психологія для самообразованія"). Перевелъ съ нѣм. М. Столяровъ. Изд. книжнаго маг. А. Д. Карчагина. Харьковъ. 1896. Ц. 40 к.

Новый международный языкъ „Прометей-просвѣтитель". Вып. 1-ый. Д-ра **Н. Новодума**. Кіевъ 1896 Ц. 15 к.

Я. Колубовскій. Философскій ежегодникъ. Обзоръ книгъ, статей и замѣтокъ, преимущественно на русскомъ языкѣ, имѣющихъ отношеніе къ философскимъ знаніямъ. Годъ второй. 1894. Изд. Я. Ф. Пантелѣева. М. 1896.

М. М. Филипповъ. Философія дѣйствительности. Исторія и критическій анализъ научно-философскихъ міросозерцаній отъ древности до нашихъ дней. Вып. III. Спб. 1896. Подписная цѣна (4 вып.) 5 р.

Итогъ жизни. Популярный біологическій очеркъ. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Н. Минскій. При свѣтѣ совѣсти. Мысли и мечты о цѣли жизни. Изд. второе. Спб. 1897. Ц. 1 р.

А. В. Селивановъ. Что есть истина. Философскій очеркъ. Омскъ. 1896.

Краткій очеркъ исторіи греческой философіи. Вып. первый. **М. I. Сагарадзе**. Кутаисъ. 1896. Ц. 40 к.

Наша мать природа, какъ существо человѣкоподобное въ мужскомъ и женскомъ родахъ жизни. М. 1896. Ц. 1 р.

Н. Карѣевъ. Основные вопросы философіи исторіи. Обѣ части въ одномъ томѣ. Третье (сокращенное) изданіе. Спб. 1897. Ц. 2 р. 50 к.

Ч. Бэрдъ (Ch. Beard). Реформація XVI вѣка въ ея отношеніи къ новому мышленію и знанію. Переводъ Д. А. Звягинцева подъ ред. и съ предисловіемъ проф. Н. И. Карѣева. Изд. О. Н. Поповой („Культурно-истор. библ.). Спб. 1897. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Бѣляшевскій. Археологическій съѣздъ въ Ригѣ. Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина". Кіевъ. 1896.

Виталій Эйнгорнъ. Книги Кіевской и Львовской печати въ Москвѣ въ третью четверть XVII в. М. 1894.

Его-же. Рѣчи, произнесенныя Іоанникіемъ Галятовскимъ въ Москвѣ въ 1670 г. М. 1895.

Эрнестъ Лависсъ. Очерки по исторіи Пруссіи. Переводъ А. Тимофеевой. М. 1897. Ц. 1 р.

Освобожденіе крестьянъ на Западѣ и исторія поземельныхъ отношеній въ Германіи. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Переводъ провѣренъ Н. Водовозовымъ и С. Булгаковымъ. Изд. М. И. Водовозовой. М. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Томъ IV. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1897. Ц. 2 р.

Исторія французской революціи. Сочиненіе **Минье**. Переводъ съ 9-го (1865 г.) франц. изданія подъ ред. и съ предисловіемъ К. К. Арсеньева. Изд. 3-е, О. Н. Поповой. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Проф. Колеръ. Право, какъ элементъ культуры. Переводъ А. Э. Вормса. („Вопросы науки, искусства, литературы и жизни", № 4). Изд. кн. маг. Гросманъ и Кнебель. М. 1896. Ц. 20 к.

Тюремный міръ. (Типы и характеристики) Д-ра **Эмиля Лорана**. Переводъ съ франц. С. Шклявера. Изд. Я. Канторовича. („Юридическая Библіотека". № 13). Спб. 1896. Ц. 1 р. 60 к.

Народъ и власть въ Византійскомъ государствѣ. Опытъ историко-догматическаго изслѣдованія. **В. М. Грибовскаго**. Спб. 1897. Ц. 2 р.

Обычное право крестьянъ харьковской губерніи. Вып. 1-ый. Подъ ред. **В. В. Иванова**. Изд. Харьков. Губ. Статистич. Комитета. Харьковъ. 1896.

В. Ярмонкинъ. Основы неограниченной монархіи. Спб. 1895.

В. Ф. Залѣскій. Власть и право. Философія объективнаго права. Казань. 1897. Ц. 2 р.

Бенжаменъ Киддъ. Соціальная эволюція. Съ предисловіями Н. К. Михайловскаго и проф. Вейсмана. Переводъ съ англійскаго. Изд. О. Н. Поповой („Культурно-историческая Библ."). Спб. 1897. Ц. 1 р. 25 к.

Р. Вормсъ. Общественный организмъ. Переводъ съ франц. подъ ред. и съ предисл. проф. А. С. Трачевскаго. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1897. Ц. 75 к.

Капиталъ. Критика политической экономіи. Сочиненіе **Карла Маркса**, изданное подъ ред. Фр. Энгельса. Переводъ съ нѣм. Т. III. Спб. 1896.

Logica ekonomii Napisal **Zygmunt Heryng**. Warszawa. 1896.

Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Переводъ провѣренъ С. Булгаковымъ. Изд. М. И. Водовозовой. М. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Ипотечный кредитъ въ Австро-Венгріи. Комитетъ съѣздовъ представителей учрежденій русскаго земельнаго кредита. Спб. 1896.

Вопросы русской промышленности. **С. Сергѣева.** („Библ. общественныхъ знаній" подъ ред. Л. С. Зака). Одесса. 1897. Ц. 40 к.

Цифровой анализъ разсчетнаго баланса Россіи за пятнадцатилѣтіе. 1881—1895. Докладъ обществу для содѣйствія Русской промышленности и торговлѣ **С. Ѳ. Шарапова**, на основаніи цифровыхъ данныхъ, собранныхъ и сгруппированныхъ П. В. Олемъ. Спб. 1897.

А. А. Кауфманъ. Крестьянская община въ Сибири. По мѣстнымъ изслѣдованіямъ 1886—1892 гг. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Народныя переписи. Общедоступный очеркъ. Составилъ **Л. С. Закъ.** („Библ. Обществ. Знаній", Серія I. Вып. II-й) Одесса. 1897. Ц. 30 к.

Отхожіе промыслы въ Смоленской губерніи въ 1892—1895 гг. **Д. Н. Жбанковъ.** Изданіе Смоленскаго Губернскаго Земства. Смоленскъ. 1896.

Тобольскій сапожникъ. (Опытъ частнаго изслѣдованія сапожнаго промысла и положенія сапожниковъ въ Тобольскѣ). **Павелъ Сухановъ.** Тобольскъ. 1896.

Сибирское переселеніе. Спб. 1897. Ц. $1\frac{1}{2}$ к.

В. Ф. Москва. Краткіе очерки городского благоустройства. М. 1897. Ц. 40 к.

Онанизмъ у дѣтей. Его причины, симптомы, послѣдствія и леченіе. Д-ра **И. К. Шмуклера.** Кіевъ. 1896. Ц. 30 к.

О бальнеологическихъ средствахъ Россіи. **Л. Бертенсона.** Докладъ, читанный на междун. конгрессѣ по гидрологіи, геологіи и климатологіи въ Клермонъ—Ферранѣ, въ сентябрѣ 1896 года. Спб. 1897. Ц. 20 к.

Къ вопросу о современномъ положеніи и ближайшихъ задачахъ ассенизаціи русскихъ городовъ. Матеріалы по общественной гигіенѣ. **П. П. Бѣлоусова.** Спб. 1896. Ц. 1 р.

Алкоголизмъ и общественная борьба съ нимъ. (По поводу открытія попечительствъ о трезвости) Д-ра медицины **М. И. Козинцева.** Стародубъ. 1896. Ц. 25 к.

Отчетъ нижегородскаго городскаго санитарнаго врача **Н. А. Граціанова** за 1895 годъ. Нижній-Новгородъ. 1896.

Конспектъ описательной анатоміи человѣка. Составилъ примѣнительно къ требованіямъ медицинской испытательной комиссіи **Михаилъ Г.** Вып. I. Ученіе о костяхъ. М. 1897. Ц. 20 к.

Д-ръ Г. Плоссъ. Женщина въ естествознаніи и народовѣдѣніи. Антропологическое изслѣдованіе. Переводъ съ 5-го нѣм. изд. Д-ра А. Ко-

маровскаго. Т. I. Вып. I. Изд. Ф. В. Щепанскаго. Спб. 1897. Подп. цѣна (20 вып.). 10 р.

Мозговая работа и переутомленіе. **Д. Блэкка.** Переводъ съ англ. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1897. Ц. 30 к.

Дж. П. Кукъ. Новая химія. Переводъ съ 10-го англ. изд. А. В. Алехина подъ ред. М. И. Коновалова. („Библіотека для самообразованія" VI). М. 1897. Ц. 1 р. 75 к.

Фэдо. Научныя забавы. Явленія и опыты, основанные на обманѣ чувствъ. Переводъ съ франц. Е. Предтеченскаго. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Живописная астрономія **К. Фламмаріона.** Общее описаніе Вселенной, увѣнчанное Монтіоновской преміей и одобренное франц. Мин. Просв. для народныхъ библіотекъ. Переводъ Е. Предтеченскаго. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1897. Ц. 3 р.

Сто разсказовъ изъ жизни животныхъ. Переводъ съ англійскаго З. Журавской. Книга для дѣтей младшаго возраста. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Страна Эѳіоповъ (Абиссинія) **Е. Е. Долганева.** Спб. 1896. Ц. 2 р. съ перес.

Русскіе мореплаватели: В. Головнинъ, О. ф.—Коцебу, Г. Невельской. Обработаны по подлиннымъ сочиненіямъ путешественниковъ **М. А. Лялиной.** Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1897.

Иванъ Шмелевъ. На скалахъ Валаама. Путевые очерки. М. 1897. Ц. 80 к.

Путеводитель по Волгѣ на 1896 годъ. Изд. Ив. Иванова. Годъ второй. Казань. 1896. Ц. 30 к.

Путеводитель по Волгѣ, Камѣ, Бѣлой, Вяткѣ, Окѣ, Сурѣ, Сылвѣ и др. Изд. Ѳ. Суринъ. Спб. 1896. Ц. 75 к.

По замѣчательнымъ мѣстамъ Поволжья. Поѣздка по Казанской губ. и къ болгарскимъ развалинамъ. Изд. Ѳ. Суринъ. Казань. 1896. Ц. 1 р.

Для путешествующихъ по Европейской Россіи и Азіи. Изд. Ѳ. Суринъ. Казань. 1896. Ц. 75 к.

Поѣздки къ бывшимъ волжскимъ столицамъ, къ развалинамъ бл. г. Царева и села Селитренаго. Исторія Кипчакской или золотой орды и Монгольскаго ига въ Россіи. Изд. Ѳ. Суринъ. Казань. 1896. Ц. 75 к.

Народное начальное образованіе въ Курской губерніи. Составилъ по предложенію коммиссіи Курскаго Губ. Земства по Народному Образованію **И. П. Бѣлоконскій.** Курскъ. 1897.

Д. И. Тихомировъ. Записки о губернскихъ краткосрочныхъ педагогическихъ курсахъ въ Твери 1896 г. Изд. ред. журнала „Дѣтское Чтеніе". М. 1896. Ц. 1 р.

Отчетъ о состояніи Карамзинской Общественной Библіотеки за 1896 библіотечный годъ. Перепеч. изъ № 86 „Симб. Губ. Вѣд." 1896 г.

Отчетъ о народныхъ чтеніяхъ въ Вологдѣ съ 1-го Окт. 1896 г. по 16-е Мая 1896 г. Вологда. 1896.

Практическое наставленіе для гг. сельскихъ хозяевъ къ постановкѣ и веденію въ экономіяхъ правильнаго сельско-хозяйств. счетоводства по системѣ двойной бухгалтеріи. Составилъ **П. П. Затворницкій.** Изд. кн. Е. К. Четвертинской. Смоленскъ. 1896. Ц. 2 р.

Добываніе поташа изъ золы. Практ. руководство къ приготовленію древеснаго и травянаго поташа. Составилъ **П. Федотьевъ**. Изд. Ф. В. Щепанскаго („Общедоступ. и дешевая библ. сельскохозяйственной техники“. Вып. 2). Спб. 1896. Ц. 20 к.

Къ статистикѣ увѣчій и поврежденій рабочихъ сельско-хозяйственными машинами и орудіями. Санитарнаго врача **П. Ф. Кудрявцева.** Перепечатано изъ журнала „Медицинская Бесѣда“. Воронежъ.

Изъ дѣятельности московскихъ городскихъ участковыхъ попечительствъ о бѣдныхъ за первый годъ ихъ существованія. **Сергѣя Сперанскаго.**

Сборникъ Саратовскаго земства 1896 года. № 32 1-го Ноября 1896 года. Изданіе Сарат. Губ. Земства. Саратовъ. 1896.

Изъ Франціи.

Не такъ давно, по поводу открытія новыхъ зданій Парижскаго университета, въ «Фигаро» появилась прелюбопытная статья Анри Фукье, пресловутаго Анри Фукье, которому буржуазная пресса дала названіе «аѳинянина изъ Марсели», но котораго духовная родина должна на самомъ-то дѣлѣ находиться не въ Аттикѣ, а нѣсколько сѣвернѣе, скажемъ, въ сосѣдней Беотіи. Анри Фукье—тотъ самый плодовитый хроникеръ, который столько лѣтъ угощалъ читателей бульварныхъ газетъ филистерской прозой подъ псевдонимами Нестора и Коломбины. Это — тотъ самый глубокій политикъ, который, попавъ по капризу избирателей въ палату 1889 года, отмежевалъ себѣ здѣсь злачный уголокъ въ болотѣ центра и прославился своей комичной рѣчью въ защиту «Термидора», этой пошлѣйшей пьесы театральныхъ дѣлъ мастера, Викторьена Сарду Это — тотъ самый проницательный мыслитель, который въ прошломъ году усмотрѣлъ грозный призракъ приближающагося соціальнаго переворота въ ...панталонахъ, носимыхъ велосипедистками вмѣсто юбки. И вотъ этотъ-то господинъ и счелъ нужнымъ распространиться о «новой душѣ университета». Смыслъ его статьи—глумленье надъ безкорыстными стремленіями прежняго студенчества. Конечно, въ качествѣ сантиментальничающаго буржуа, мосье Фукье прямо не нападаетъ на «прежнюю молодежь», ибо, молъ, то было время и «его молодости, предмета его вѣчныхъ сожалѣній». Но за то онъ косвенно старается представить дѣятельность тогдашняго молодого поколѣнія въ возможно смѣшномъ и даже непривлекательномъ видѣ. Прислушайтесь, читатель, къ слѣдующей тирадѣ:

«И я вспоминаю, словно это было вчера, о томъ воскресномъ вечерѣ, когда Э. Депуа (E. Despois) привелъ меня, въ то время еще гимна-

зиста, обѣдать съ «неблагонамѣренными» университантами въ маленькомъ домикѣ, въ Фонтенэ-о-Розъ. За дессертомъ, одинъ изъ гостей вынулъ изъ кармана маленькій томикъ «Les Châtiments». Своимъ великолѣпнымъ голосомъ южанина, дрожащимъ отъ негодованія, этотъ молодой брюнетъ, внѣ себя отъ гнѣва, читалъ и декламировалъ, съ поразительнымъ искусствомъ, страстныя нападенія поэта и потрясалъ своимъ кулакомъ въ ту сторону, гдѣ черный горизонтъ прорѣзывался полосками свѣта отъ дальняго Парижа. Этотъ чтецъ былъ—Эмиль Олливье».

Еще интереснѣе другое воспоминаніе:

«Что касается до меня, то въ тотъ день, когда профессоръ Низаръ,—который былъ совершенно правъ,—заговорилъ о двухъ родахъ нравственности, я успѣлъ таки попасть въ тюрьму, и очень гордился этимъ. Съ десятками двумя студентовъ, мы провели всю зиму въ томъ, что съ превеликимъ серьезомъ сочиняли конституцію, чтобы предложить ее народу на слѣдующій день послѣ желанныхъ баррикадъ. Изъ авторовъ этой конституціи одни были унесены, въ 1870—1871 г., войной и коммуной; другіе поднялись очень высоко по лѣстницѣ положеній, которыя они заняли или занимаютъ еще теперь. Комизмъ заключался тутъ въ томъ, что среди нихъ находился человѣкъ, который сталъ послѣ министромъ имперіи: Это—Клеманъ Дювернуа. Впослѣдствіи я узналъ, что черезъ него Наполеонъ познакомился съ проектомъ нашей конституціи; а такъ какъ императоръ былъ большимъ республиканцемъ, то онъ нашелъ ее превосходной. «Но это позже», сказалъ онъ и скрылъ улыбку въ своихъ большихъ усахъ».

Въ этомъ воспоминаніи умудренный опытомъ скептицизмъ «Нестора» и гаерство «Коломбины» достигаютъ той высоты, съ которой и Наполеонъ III, и республиканцы, боровшіеся противъ узурпаторства, являются одинаково смѣшными, маскарадными фигурами. Знаменательно и то обстоятельство, что мосье Фукье находитъ теперь «совершенно правымъ» пресловутаго Низара. Для читателей, которые могли запамятовать этотъ эпизодъ второй Имперіи, напомню, что упомянутый Низаръ, попеременно бывшій республиканцемъ, орлеанистомъ и бонапартистомъ и занимавшій каѳедру «французскаго краснорѣчія», брякнулъ на одномъ университетскомъ диспутѣ въ 1855 г, что, молъ, на свѣтѣ есть двѣ морали: одна мораль обыкновенная, напр., не укради, не убій,—обязательная для простыхъ смертныхъ; а другая мораль политическая, существующая для удобства сильныхъ, которымъ не для чего стѣсняться обыкновеннымъ кодексомъ нравственности. Въ свое время всѣ порядочные люди были возмущены этой теоріей, которая освящала и декабрьскій переворотъ, и вообще всяческія беззаконія. Самъ Низаръ нашелъ, что слишкомъ скомпрометтировалъ себя откровеннымъ цинизмомъ, и вскорѣ послѣ этого пассажа сталъ увѣрять, что онъ никогда не говорилъ ничего подобнаго, что его не поняли, и т. д. И что же? Сорокъ лѣтъ спустя оппортунистскій республиканизмъ Фукье не находитъ ничего лучшаго, какъ публично заявить о своемъ совершенномъ согласіи съ теоріей двухъ вѣсовъ и двухъ мѣръ. Не напоминаетъ ли вамъ это злую карикатуру Форэна, которая изображаетъ постарѣвшую и ожирѣвшую

Маріанну—республику, окруженную толпою далеко не безкорыстныхъ поклонниковъ на оффиціальномъ балу, въ то время, какъ подпись гласитъ: «и подумать только, какъ красива была *она* при Имперіи!»

Въ другомъ мѣстѣ своей старческой болтовни Фукье старается выгодно противоставить теперешнюю молодежь прежней: «взятое въ цѣломъ, современное молодое поколѣніе не знаетъ стѣснительныхъ традицій партіи, которыя въ наше время дѣлали характеръ честнымъ и твердымъ, но умъ слишкомъ узкимъ». Лично я думаю, что Фукье сильно заблуждается, приписывая теперешней молодежи неспособность служить убѣжденію: именно въ послѣдніе годы въ университетской средѣ замѣчаются признаки давно небывалаго идейнаго оживленія. Но типично въ приведенной фразѣ то утвержденіе, будто вѣрность опредѣленному міровоззрѣнію является «стѣсненіемъ» для развитія человѣка; типична прозрачная мысль, будто честность и твердость характера, которыя мѣшаютъ человѣку быть политическимъ флюгеромъ, исключаютъ широту ума...

И я горько задумался надъ этимъ аттестатомъ гражданской зрѣлости, который выдается буржуазными республиканцами всѣмъ этимъ переметнымъ сумамъ, что перебрасываются съ одной стороны на другую, смотря по тяжести и цѣнности подачки. А въ головѣ проходилъ цѣлый рядъ фигуръ идейныхъ ренегатовъ, которые пробѣгали чуть не всю гамму цвѣтовъ политическаго спектра, увѣряя каждый разъ своихъ сторонниковъ, что на сей разъ ихъ устами говоритъ голосъ самой истины, голосъ всей «честной Франціи». Вотъ онъ, знаменитый ораторъ съ львиной головой, который былъ избранъ въ 1869 г. въ законодательный корпусъ одновременно въ Парижѣ и Марсели, какъ «кандидатъ непримиримой оппозиціи», и который менѣе черезъ 10 лѣтъ уже излагалъ теорію «господства во чтобы то ни стало»: «чтобы удержаться у власти, республиканская партія должна сдѣлаться партіей министерской... Что касается до меня, я всегда говорилъ (?!), что я человѣкъ правительства, а не человѣкъ оппозиціи... Годъ власти плодотворнѣе, чѣмъ десять лѣтъ самой героической оппозиціи» (рѣчь въ Марсели 7 января 1878 г.); а еще черезъ три года (во время августовскихъ выборовъ 1881 г.) уже грозилъ яростно своею тростью «пьянымъ илотамъ», по просту сказать своимъ бельвильскимъ избирателямъ, не давшимъ свистками и криками говорить измѣннику. Вотъ энергичный и талантливый адвокатъ изъ департамента Вогезовъ, ставшій главою оппортунистской партіи по смерти только что очерченнаго нами оратора; человѣкъ, который въ 1869 г. участвовалъ въ избирательной агитаціи, какъ одинъ изъ представителей «радикальной демократіи», и который черезъ два года явился однимъ изъ злѣйшихъ враговъ рабочаго класса, а въ 1882 г. успѣлъ дойти до формальнаго объявленія войны тому самому направленію, что помогло ему сдѣлать первые

шаги на политическомъ поприщѣ. Вотъ блестящій публицистъ и философски-образованный мыслитель, изгнанный изъ Франціи во время Имперіи за свои республиканскія убѣжденія и крайнія идеи; впослѣдствіи, занимая различные важные посты въ третьей республикѣ, онъ въ 1888 г. съ трибуны Сената подвергъ рѣзкой критикѣ, за недостаточный консерватизмъ, даже такую умѣренную политику, какъ оппортунистская.

А за такими крупными фигурами, какъ—Гамбетта, Жюль Ферри, Шаллемель-Лакуръ, идетъ цѣлая толпа второстепенныхъ политическихъ ренегатовъ, всѣ эти Морисы Рувье, Жюли Роши, Ивы Гюйо и т. п., вплоть до бывшаго министра финансовъ въ радикальномъ кабинетѣ, Думера, который на этихъ дняхъ похоронилъ свою реформаціонную дѣятельность, согласившись принять изъ рукъ оппортунистскаго министерства постъ генералъ-губернатора Индо-Китая, т. е. прежде всего 120000 франковъ въ годъ...

Психологія идейныхъ измѣнниковъ часто занимала меня. А теперь, подъ вліяніемъ статьи Анри Фукье, мнѣ пришло въ голову присмотрѣться нѣсколько поближе къ нравственнымъ пружинамъ политическихъ ренегатовъ, а затѣмъ противоставить имъ душевный складъ человѣка, остающагося вѣрнымъ своимъ сознательно выработаннымъ убѣжденіямъ. Для удобства я остановлюсь на политическихъ дѣятеляхъ, принадлежащихъ уже къ прошлому: для надлежащей оцѣнки нужно отодвинуться отъ человѣка на нѣкоторое разстояніе и видѣть его общественную карьеру законченной. По нѣкоторымъ соображеніямъ я избралъ для этого этюда Эмиля Олливье и Прево-Парадоля, какъ яркихъ представителей идейнаго ренегатства, а Огюста Бланки, какъ типъ вѣрнаго служителя убѣжденія. Во избѣжаніе недоразумѣнія замѣчу, что въ данномъ случаѣ для меня не важно, какое міровоззрѣніе защищали сначала и отвергли затѣмъ два первыхъ дѣятеля, и какой идеѣ посвятилъ всю свою жизнь третій. Эмиль Олливье и Прево-Парадоль могли бы сначала служить Имперіи, а потомъ измѣнить ей, какъ Огюстъ Бланки могъ бы быть всю жизнь мученикомъ не крайнихъ демократическихъ, а крайнихъ реакціонныхъ воззрѣній: разница въ нравственномъ типѣ между парой ренегатовъ и искренно-убѣжденнымъ человѣкомъ отъ этого не стушуется.

Эмиль Олливье живетъ до сихъ поръ, но это не живой человѣкъ, а въ нѣкоторомъ родѣ гальванизированный трупъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ «съ легкимъ сердцемъ» принялъ на себя отвѣтственность за войну съ Пруссіей и послѣдовавшія за ней страшныя событія, никто не принимаетъ его существованія въ серьезъ! Отъ времени до времени онъ срывается съ мѣста, что-то говоритъ, о чемъ-то пишетъ, но, за исключеніемъ очень незначительнаго числа его пріятелей, французы остаются глухи къ его попыткамъ напомнить о себѣ. Потому о немъ смѣло можно говорить, какъ о человѣкѣ съ законченной карьерой.

Начало этой карьеры было облегчено для Эмиля Олливье тѣмъ обстоятельствомъ, что его отецъ былъ стойкимъ и смѣлымъ республиканцемъ, который боролся противъ реставраціи и іюльской монархіи и былъ выбранъ депутатомъ немедленно послѣ февральской революціи; затѣмъ былъ арестованъ при переворотѣ 2-го декабря и изгнанъ изъ Франціи, не переставая служить идеаламъ своей молодости. По дружбѣ къ отцу, Ледрю-Роллэнъ, членъ временного правительства, назначилъ въ февралѣ 1848 г. 23-лѣтняго Эмиля главнымъ коммиссаромъ въ департаментѣ Устьевъ Роны. Но молодой адвокатъ, только что кончившій курсъ въ университетѣ, проявлялъ уже въ то время свой темпераментъ не столько человѣка идеи и убѣжденія, сколько карьериста и любителя напыщенной фразы. Прислушиваясь къ толкамъ, присматриваясь къ людямъ, онъ старался быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ представителями очень различнаго образа мыслей, лишь бы они носили выгодный въ то время республиканскій ярлыкъ. Нечего поэтому удивляться, что когда въ іюнѣ 1848 г. въ Марсели вспыхнуло рабочее возстаніе, бывшее воспроизведеніемъ въ маломъ размѣрѣ парижскихъ «іюньскихъ дней», Эмиль Олливье велъ себя такъ двусмысленно между враждующими лагерями, что правительство заподозривало его въ поблажкѣ движенію, тогда какъ инсургенты обвиняли его въ формальной измѣнѣ. Переведенный на менѣе важный постъ коммиссара Верхней Марны, а затѣмъ, послѣ выбора Луи-Бонапарта президентомъ, и совсѣмъ уволенный отъ службы, Олливье вернулся въ Парижъ въ 1849 г. и принялся за адвокатскую практику. Первое время ему пришлось здѣсь довольно круто, ибо кліенты боялись лица, скомпрометтировавшаго себя служеніемъ революціонному правительству, и во время террора, сопровождавшаго водвореніе Имперіи, онъ могъ жить лишь уроками. Но скоро ему удалось пріобрѣсти себѣ репутацію блестящаго адвоката, и дѣла потекли въ его кабинетъ. Онъ снова могъ выплыть на поверхность политической жизни въ 1857 г., и къ этому времени относится забавный анекдотъ, который я сейчасъ разскажу и который хорошо обрисовываетъ нравственную физіономію входившаго въ силу политическаго дѣятеля. Во время выборовъ въ законодательный корпусъ, въ іюлѣ 1857 г., непримиримые республиканцы совѣтовали избирателямъ воздержаться отъ голосованія, чтобы такимъ образомъ дать понять правительству второй имперіи, что нація считаетъ самое существованіе его общественнымъ преступленіемъ. Но республиканцы болѣе умѣреннаго образа мыслей находили тактичнымъ принять участіе въ избирательной борьбѣ и выборомъ оппозиціонныхъ депутатовъ нанести правительству пораженіе на той самой почвѣ, на которую становилась Имперія. Такая точка зрѣнія защищалась въ особенности вліятельной въ то время газетой Le Siècle и ея редакторомъ Авэномъ (Havin), принявшимъ дѣятельное участіе въ постановкѣ и пропагандѣ республиканскихъ кандидатуръ въ Сенскомъ департаментѣ. Эмиль Олливье сначала

заявлялъ громогласно о своемъ полнѣйшемъ согласіи съ политикой непримиримыхъ республиканцевъ. Но затѣмъ внезапно перемѣнилъ фронтъ. Я уступаю мѣсто разсказчику анекдота:

Одинъ изъ сотрудниковъ Siècle, бывшій самъ кандидатомъ въ одномъ изъ южныхъ департаментовъ, встрѣтилъ Олливье у двери кабинета Авэна: А, вотъ и вы рѣшаетесь быть кандидатомъ! „Я, живо возразилъ Олливье: о, я никогда не возьму себѣ роли въ этой комедіи, которая разыгрывается въ Палэ-Бурбонъ (палатѣ), да и васъ приглашаю послѣдовать моему примѣру". Сотрудникъ газеты часъ спустя узналъ, что горячій сторощикъ воздержанія, увлеченный краснорѣчіемъ Авэна, уже принялъ кандидатуру *)

Вы уже здѣсь можете отмѣтить основную черту ренегатовъ: личный успѣхъ является у нихъ единственнымъ компасомъ ихъ общественной дѣятельности, и съ нимъ только они и справляются при плаваніи или, лучше сказать, корсарствѣ по морю житейскому. Сгачала человѣкъ привыкаетъ лавировать и перемѣнять курсъ по частнымъ вопросамъ, подъ вліяніемъ ближайшаго интереса, а затѣмъ, смотришь, во время самой битвы подниметъ непріятельскій флагъ и измѣннически шарахнетъ всѣмъ бортомъ по своимъ идейнымъ товарищамъ, да еще потребуетъ Капитолія и жирнаго оклада за свой «патріотизмъ раскаянія». Въ данномъ случаѣ, напримѣръ, люди могли совершенно искренно расходиться по вопросамъ тактики и стоять одни за воздержаніе, другіе за участіе въ выборахъ... Но самая скоропалительность въ перескакиваніи отъ одного мнѣнія къ другому является характернымъ введеніемъ къ послѣдующей дѣятельности Олливье. Очевидно, въ теченіе «часа», шустрый адвокатъ уже успѣлъ сообразить, что разъ кандидатура ему предлагается и разъ она будетъ защищаться вліятельнымъ органомъ, шансы быть выбраннымъ у него сильно возростаютъ. И личный интересъ сейчасъ же подсказалъ ему, что каковы бы ни были его теоретическіе взгляды насчетъ воздержанія или участія, практически ему выгодно пробраться въ палату.

И дѣйствительно, Олливье былъ избранъ депутатомъ и явился однимъ изъ тѣхъ знаменитыхъ «пяти», которые воплощали въ себѣ всю оппозицію въ Законодательномъ Корпусѣ 1857 г. Въ теченіе пяти лѣтъ, пока ему было выгодно выставлять на показъ свой республиканизмъ, онъ не упускалъ случая нападать на Имперію. Но уже въ 1862 г., замѣтивъ, что среди сторонниковъ Имперіи начинаетъ проявляться стремленіе идти на нѣкоторыя уступки, онъ задумалъ переходъ въ ряды бонапартистовъ съ цѣлью играть тамъ роль вожака легальной династической оппозиціи и прикрыть такимъ путемъ эту выгодную для него измѣну чисто-внѣшней вѣрностью принципамъ либерализма. По поводу преній

---

* Taxile Delord, Histoire illustrée du second Empire (nouvelle édition) Paris, т. II, примѣч. къ стр. 340

о режимѣ печати, Эмиль Олливье вдругъ закончилъ свою рѣчь льстивымъ приглашеніемъ, обращеннымъ къ Наполеону, ослабить нѣсколько возжи и

„явиться мужественнымъ учителемъ великаго народа по пути къ свободѣ, отвергнуть совѣты малодушныхъ и стать непосредственно лицомъ къ націи: въ тотъ день, когда будетъ къ ней обращенъ такой призывъ, можетъ быть останутся еще во Франціи люди, вѣрные воспоминаніямъ прошлаго и надеждамъ на будущее; но громадное большинство будетъ преклоняться передъ Вами, Сиръ, и поддержка, которую оно окажетъ Вамъ, будетъ тѣмъ дѣйствительнѣе, что она явится совершенно безкорыстной“ *).

По поводу поправки въ оффиціальномъ отчетѣ засѣданія, который не совсѣмъ точно передалъ рѣчь Олливье, предсѣдатель Законодательнаго Корпуса, герцогъ де-Морни, впервые сдѣлалъ комплиментъ адвокату оппозиціи:

„Это я выбросилъ изъ Moniteur'а слова, произнесенныя вчера г. Эмилемъ Олливье: „я, республиканецъ“. Я не хотѣлъ призывать къ порядку, изъ-за слова, вырвавшагося безъ сомнѣнія въ пылу импровизаціи, одного изъ своихъ собратовъ по палатѣ, рѣчь котораго представляла такой характеръ умѣренности и честности и такъ хорошо отдавала справедливость правительству съ своей точки зрѣнія, что порицаніе могло бы показаться незаслуженнымъ. И ужъ, конечно, не въ тотъ моментъ, когда г. Эмиль Олливье заявлялъ, что присоединится къ правительству, не смотря на свои предшествовавшія республиканскія мнѣнія, если императорская политика приметъ характеръ, соотвѣтствующій еще болѣе либеральнымъ воззрѣніямъ оратора, — не въ этотъ моментъ я могъ бы найти нужнымъ припомнить ему депутатскую присягу. Но ораторъ, если онъ желаетъ непремѣнно этого, воленъ сегодня повторить выброшенныя въ отчетѣ выраженія“ **).

Но ни задумавшій ренегатство депутатъ, ни его товарищи по оппозиціи не сочли долгомъ подчеркнуть по этому поводу свои убѣжденія. И съ тѣхъ поръ избиратели Олливье стали крайне недовѣрчиво относиться къ своему депутату, не безъ основанія уже подозрѣвая его въ измѣнѣ знамени. Дальнѣйшая дѣятельность Олливье представляетъ логическое развитіе его перваго шага по пути ренегатства. У нашего психическаго аппарата есть свои непреклонные законы механики, и разъ допустивши сдѣлку съ совѣстью, человѣкъ самъ не знаетъ, въ какой лагерь и въ чьи объятія онъ скатится при концѣ наклонной плоскости. При открытіи сессіи 1863 г. Олливье высказался въ одной изъ своихъ рѣчей противъ «систематической оппозиціи» Имперіи. Въ 1864 г. онъ уже подвергъ формальной критикѣ дѣятельность своихъ товарищей по оппозиціи, упрекая ихъ въ

„болѣзни пессимизма, которая состоитъ въ томъ, что, когда люди стоятъ передъ правительствомъ, котораго они не одобряютъ, они вмѣсто того, чтобы принимать отъ него то, что хорошо, и порицать то, что дурно,

---

*) Taxile Delord, т. III, стр. 56.
**) Ibid., стр. 59.

нападаютъ на все и критикуютъ все, а особенно то, что хорошо, на томъ основаніи, что это, молъ, приноситъ пользу правительству, давшему это хорошее" *).

Весной 1865 г., послѣ смерти Морни, съ которымъ онъ уже давно видался и который толкалъ его все дальше по пути ренегатства, Олливье при обсужденіи адреса открыто перешелъ на сторону бонапартистскаго большинства, говоря, что онъ будетъ вотировать съ этой группой, и мотивируя свое рѣшеніе слѣдующимъ образомъ:

„Правда, что Франція во многихъ отношеніяхъ осталась назади другихъ народовъ; правда, что для этой гордой націи больно сравнивать свои отсталыя учрежденія съ учрежденіями Италіи, Бельгіи, Голландіи, Швейцаріи, но императоръ пойметъ, что такое положеніе дѣлъ не можетъ продолжаться безъ всякой опасности... Что касается до него, Эмиля Олливье, до него, котораго считаютъ наивнымъ политикомъ или вульгарнымъ честолюбцемъ, то онъ не будетъ сожалѣть о томъ, что онъ употребилъ всю свою силу воли на заключеніе прочнаго союза между демократіей и свободой, при помощи сильной и національной власти" **).

Въ 1866 г. Олливье явился уже выразителемъ взглядовъ той фракціи бонапартистскаго большинства, которая получила названіе tiers parti, «третьей партіи», вѣрнѣе сказать, межеумочной партіи. Защищая поправку къ адресу, внесенную сорока пятью членами этой фракціи, бывшій республиканецъ утопалъ въ напыщенной фразеологіи, утверждая, что «третья партія работаетъ надъ разрѣшеніемъ великой задачи XIX-го вѣка, примиренія свободы и авторитета». Само собою разумѣется, что эти услуги, оказываемыя ренегатомъ режиму второй имперіи, не оставались безъ мзды и награды. Олливье уже съ 1865 г. встрѣчался съ Наполеономъ и его супругой, и тогда же былъ назначенъ контролеромъ въ Суэзской компаніи съ годовымъ жалованьемъ въ 30000 фр., а вскорѣ императоръ поручилъ ему, на очень выгодныхъ условіяхъ, составить раппортъ о дѣлахъ этой компаніи. Шансы Олливье стали особенно подыматься при дворѣ съ 1866 г., когда неудачи внѣшней политики навели Наполеона на мысль укрѣпить свою расшатанную популярность игрой въ легкій либерализмъ. Императорскій рескриптъ 19-го января 1867 г., возвѣщавшій нѣкоторыя «реформы», наполнилъ душу Олливье предвкушеніемъ министерскаго портфеля, но этой сладкой мечтѣ ренегата было суждено осуществиться лишь года три спустя: вѣрные слуги императора, дѣлившіе труды и радости авантюриста съ самаго начала его политической карьеры или же ставшіе бонапартистами сейчасъ же послѣ переворота, отнюдь не думали допустить такъ легко перебѣжчика изъ республиканскаго лагеря къ «государственному пирогу», въ который они вонзали зубы вотъ

*) Taxile Delord, т. IV, стр. 22—23.

**) Taxile Delord, т. IV, стр. 175.

уже 15 лѣтъ. Наоборотъ, какъ всегда бываетъ, они со злобой и презрѣніемъ относились къ новому конкурренту по окладу и собрату по ливреѣ и старались всячески вооружить Наполеона III противъ ловкаго корсара, который, молъ, уже измѣнилъ одному знамени и—кто поручится?—продастъ, можетъ быть, и Имперію. Вплоть до конца 1869 г. придворная борьба партій выражалась въ перевѣсѣ реакціонной политики, воплощавшейся въ Руэрѣ (котораго Золя изобразилъ въ «Его Сіятельствѣ Эженѣ Ругонѣ»), и все это время сколько разъ судьба проносила чашу благополучія мимо самаго рта Эмиля Олливье и сколько дальнѣйшихъ низостей онъ долженъ былъ совершить! Напомню лишь формальный авансъ, сдѣланный имъ Руэру и «мамелюкамъ» большинства въ началѣ 1867 г.; его рѣчь въ 1868 г.; его кандидатуру въ Варскомъ департаментѣ на выборахъ 1869 г., когда парижскіе избиратели объявили его недостойнымъ представлять ихъ въ парламентѣ и жестоко освистали его на одномъ изъ собраній; его интриги въ концѣ 1869 г. съ цѣлью предложить себя въ министры Наполеону при помощи другого корсара, газетчика Клемана Дювернуа, которому онъ написалъ, между прочимъ, письмо, гдѣ, послѣ столькихъ измѣнъ и ренегатствъ, онъ осмѣливается выражаться слѣдующимъ образомъ: «чувство нравственности теряется въ народѣ; возвратимъ ему это чувство, строго исполняя свой долгъ, а какой долгъ выше, чѣмъ вѣрность въ дружбѣ и уваженіе передъ политическими узами, связывающими насъ съ единомышленниками»; и наконецъ, фразистое посланіе къ тому же Дювернуа, послѣ того, какъ Наполеонъ поручилъ ему составить кабинетъ; посланіе заключается словами: «Письмо императора такъ исполнено довѣрія, такъ благородно, что оно восторжествовало надъ всѣми моими сомнѣніями. Я рѣшился на все и иду въ бой. Да благословитъ Богъ наше оружіе».

О министерской дѣятельности Эмиля Олливье нечего распространяться. Кабинетъ былъ сформированъ окончательно ренегатомъ 2 января 1870 г., а 9 августа уже палъ при первыхъ пораженіяхъ французской арміи; 4 же сентября и сама имперія потонула въ крови и грязи. Но для окончательной характеристики нашего героя сдѣлаемъ еще одинъ—два штриха. Находясь въ оппозиціи, онъ, какъ извѣстно, громилъ оффиціальныя кандидатуры и всячески клеймилъ правительство за давленіе на избирателей. Посмотрите теперь, какъ бывшій ораторъ оппозиціи дѣйствуетъ въ качествѣ всемогущаго министра во время агитаціи, которая предшествовала организованному имъ плебисциту 8 мая.

„Публичныя собранія, говоритъ историкъ второй имперіи, подвергнуты самому строгому надзору. Такъ, генеральный прокуроръ и префектъ Безансона находятъ, что въ такомъ-то конкретномъ случаѣ было бы неумѣстно начинать судебное преслѣдованіе, рекомендуемое министромъ. Но Эмиль Олливье упорно продолжаетъ считать это преслѣдованіе необ-

ходимымъ: „Пора, наконецъ, дать почувствовать руку правительства". И то же самое рекомендуется имъ по отношенію къ публичнымъ собраніямъ въ Марсели: „Не колеблитесь передъ примѣрнымъ наказаніемъ и бейте прямо въ голову. Примитесь въ особенности за адвокатовъ и вообще за господъ (prenez vous - en aux avocats, aux messieurs)". Каждая изъ его административныхъ депешъ есть горячее воззваніе къ усердію генеральныхъ прокуроровъ: „Переговорите съ вашими товарищами. Пусть они въ свою очередь условятся съ мировыми судьями. Усильте ихъ рвеніе"... Его коллега, министръ внутреннихъ дѣлъ, пишетъ ему отъ 5 мая: „Газеты «La Marseillaise» и «Le Rappel» не были конфискованы сегодня утромъ. И, однако, мнѣ кажется, что при нѣкоторомъ желаніи можно было бы найти въ радикальныхъ газетахъ вещи, которыя могли бы послужить поводомъ къ преслѣдованію, и я продолжаю думать, что намъ было бы крайне полезно воспрепятствовать всѣмъ этимъ господамъ отравлять, въ эти дни, своимъ ядомъ наши деревни" *)

Пусть читатель не забудетъ также, что героическій министръ, который «съ легкимъ сердцемъ» объявлялъ войну Пруссіи, какъ только потерялъ свой портфель и выпустилъ изъ рукъ власть, сейчасъ же задалъ стрекача въ Фонтенебло, а оттуда направился «подъ плѣнительное небо» Италіи,—это въ то самое время, какъ французы изнемогали въ борьбѣ съ сильнымъ врагомъ,—и возвратился на родину не раньше половины 1873 г.

И вотъ этотъ-то человѣкъ осмѣливается отъ времени до времени появляться передъ публикой въ образѣ горячаго, но несчастнаго патріота, высокаго и неподкупнаго политика, котораго судьба и неблагодарность современниковъ отодвинули на задній планъ. Онъ судитъ и рядитъ всѣхъ и вся и не догадается, что его судъ долженъ былъ бы начаться съ него самого... Нѣтъ, онъ продолжаетъ отъ времени до времени «украшать» столбцы «Фигаро» разсужденіями о добродѣтели и страницы La Revue des Deux-Mondes реабилитаціей Наполеона III **). Съ 1895 года онъ занятъ, наконецъ, изготовленіемъ своихъ мемуаровъ, посвященныхъ «либеральной имперіи», т. е., иначе говоря, оправданію всего своего политическаго корсарства. По настоящее время появился одинъ томъ этого творенія, лежащій въ данный моментъ передо мною. Онъ имѣетъ претензію бросить историческій взглядъ и нѣчто на «принципъ національностей», но интересенъ, собственно, какъ матеріалъ для изученія психологіи нераскаянныхъ ренегатовъ. Чего стоитъ одинъ эпиграфъ изъ Марка-Аврелія и гласящій: «Пусть во всѣхъ твоихъ словахъ звучитъ голосъ героической истины». А его посвященіе женѣ съ латинскимъ эпитетомъ *Uxori dilectissimae*, «сладчайшей супругѣ», «моей подругѣ, славной, какъ мужествомъ и прямотою духа, такъ и возвышенностью ума, и безъ преданной любви которой я никогда не имѣлъ

*) Taxile Delord, т. VI, p. 102.

**) См. его положительно безстыдный по лживости этюдъ «Le prince Louis Napoléon» въ Revue des Deux-Mondes отъ 15 декабря 1895 и отъ 15 января и 15 декаря 1896.

бы ни силы вынести гнетъ событій, ни спокойствія души, чтобы разсказать ихъ». А, наконецъ, его предисловіе, въ которомъ онъ не стыдится обзывать республиканцевъ «презрѣнными писаками, исполненными самой преступной ненависти», и осмѣливается выдавать самому себѣ аттестатъ великаго человѣка и патріота.

„Если бы наши генералы были побѣдителями, я сталъ бы великимъ человѣкомъ... Но „ex eventu famam", т. е. успѣхъ создаетъ репутацію. Я не претендую на то, чтобы избѣжать общей участи, и не протестую противъ такого приговора. Забота о чести могла бы одна побудить меня на личныя оправданія; но моя честь ни теперь, ни позже не зависитъ отъ произвола кого бы то ни было; разъ я сохранилъ уваженіе (къ себѣ?), всякое другое одобреніе для меня излишне. Мотивъ этихъ этюдовъ и этихъ очерковъ, поэтому, совершенно безкорыстенъ. Передъ тѣмъ, какъ покинуть этотъ свѣтъ, я хочу дать послѣднее доказательство преданности возлюбленному отечеству, которому я посвятилъ всѣ свои думы. Я хочу омыть его передъ потомствомъ отъ пятна, будто оно бросило войной людей въ пучину несчастія, недовѣрія, ненависти и варварства. Я хочу доказать, что въ 1870 г. оно такъ же мало думало нападать, какъ въ 1792 г. и 1806 г.; что въ томъ и въ другихъ случаяхъ оно защищало свою независимость, а не посягало на чужую. Предоставляя людямъ, презирающимъ свои права, тѣ стоны и жалобы, которыми вотъ уже столько лѣтъ они ослабляютъ мужество отечества, я протягиваю ему чашу съ крѣпительнымъ напиткомъ, дающимъ вѣру, силу и надежду. И если оно приметъ эту чашу, тѣмъ лучше для него!" *).

Думаю, что всякіе комментаріи здѣсь излишни: эта проза, въ которой авторъ то отождествляетъ себя (по поводу войны 1870 г.) съ «возлюбленнымъ отечествомъ», то развязно предлагаетъ ему «крѣпительный напитокъ» мужества, является положительно классическимъ образчикомъ міровоззрѣнія мѣднолобаго и легкомысленнаго до безсознательности ренегата. Но оттѣнки ренегатства различны; есть идейные измѣнники, карьера которыхъ своимъ внутреннимъ трагизмомъ возбуждаетъ не столько омерзѣніе, сколько жалость. Прево-Парадоль принадлежитъ къ числу этихъ несчастныхъ типовъ.

Въ послѣднемъ «Ежегодникѣ» психологической лабораторіи при Сорбоннѣ есть довольно интересная статья профессора Рибо, которая трактуетъ о «ненормальныхъ и болѣзненныхъ характерахъ» и близко касается предмета моего письма **). Авторъ пытается дать классификацію различныхъ родовъ человѣческаго характера. Въ этой галлереѣ типовъ я нахожу, между прочимъ, два психическихъ образца, одинъ изъ которыхъ очень близко подходитъ къ характеру Эмиля Олливье, другой—къ характеру Прево-Парадоля.

*) Emile Ollivier, «L'Empire libéral. Etudes, récits, souvenirs». Paris, 1895, т. I, стр. 32—33.

**) См. Th. Ribot «Les caractères normaux et morbides»; L'année psychologique 1895; Paris, 1896, стр. 1—17.

Первому типу Рибо даетъ названіе «характеровъ противорѣчивыхъ лишь внѣшнимъ образомъ» и не безъ ироніи добавляетъ:

„ими изобилуетъ политическая исторія. Далекій отъ противорѣчія и неустойчивости, характеръ въ этихъ случахъ есть нѣчто опредѣленное и прочное: совершенное единство въ цѣли и противорѣчіе лишь въ средствахъ. Моралистъ по праву называетъ эти характеры фальшивыми, потому что они носятъ маску; но для психолога они нормальны и рѣзко подчеркнуты. Они встрѣчаются въ большомъ числѣ въ обыденной жизни, и для нихъ нѣтъ надобности быть актеромъ большого историческаго театра; достаточно лишь оставаться вѣрнымъ преслѣдуемой цѣли и небрезгливымъ относительно употребляемыхъ средствъ. Тѣ, которые въ революціонныя эпохи становятся внезапно жестокими изъ-за страха, принадлежатъ къ этой категоріи: ихъ единство дѣятельности заключается въ заботахъ о самосохраненіи".

Авторъ могъ бы прибавить, что эта жестокость сопровождаетъ этихъ господъ и тогда, когда революціонная волна идетъ на отливъ и они перебѣгаютъ въ противоположный лагерь съ оружіемъ и обозомъ. Стоя бокъ-о-бокъ съ фанатиками революціонной идеи, находясь подъ вліяніемъ ихъ энергіи, они, если не всегда дѣйствуютъ, то всегда кричатъ очень рѣшительно, требуютъ крови, головъ и всякихъ ужасовъ и любятъ разыгрывать роль львовъ или тигровъ революціи, даже нося подчасъ соотвѣтствующія клички. Но когда партіи порядка удается отбить нападеніе, они употребляютъ всѣ усилія, чтобы какъ нибудь втереться въ ряды побѣдителей, замести хвостомъ свое прошлое; и, смотришь, нашъ левъ или тигръ превращается въ жалкаго шакала, который поднимаетъ вой страха и неудовлетвореннаго аппетита и готовъ грызть своихъ тяжело-раненыхъ товарищей и даже питаться трупами убитыхъ, разрывая свѣжія могилы. Такіе субъекты, не смотря на внѣшнія противорѣчія дѣятельности и измѣны всему и всѣмъ, дѣйствительно остаются вѣрными самимъ себѣ; въ этомъ смыслѣ, напр., Олливье былъ правъ съ психологической точки зрѣнія, обратившись однажды къ своимъ избирателямъ съ типичной фразой: «я не измѣнился, измѣнились лишь вы»...

Но рядомъ съ этимъ цѣльнымъ характеромъ отрицательнаго типа, я нахожу у Рибо иной образецъ, къ которому можно пріурочить другую категорію ренегатовъ, и въ томъ числѣ Прево-Парадоля. Это— характеръ, «заключающій въ себѣ болѣе глубокое противорѣчіе, потому что оно существуетъ здѣсь между двумя манерами чувствованій, двумя тенденціями и двумя способами дѣятельности, исключающими одинъ другой». И авторъ цитируетъ, въ числѣ своихъ примѣровъ, «людей, разрываемыхъ потребностью дѣятельности и потребностью отдыха и безпрестанно переходящихъ отъ одной къ другому»; а какъ на конкретный образецъ противорѣчиваго внутренно человѣка, указываетъ на знаменитаго композитора Вагнера, который, по словамъ лицъ, хорошо знавшихъ его, совмѣщалъ въ себѣ «инстинкты аскета и сатира, потребность любить и ненавидѣть, силь-

ный позывъ къ наслажденію и жажду идеала, высокое сознаніе человѣческаго достоинства и самое низменное лакейство, помѣсь преданности и гнуснаго предательства». Я бы сдѣлалъ къ этому ту оговорку, что одновременное существованіе различныхъ тенденцій въ такомъ человѣкѣ нисколько не исключаетъ того, что при извѣстныхъ общественныхъ и личныхъ условіяхъ побѣда будетъ оставаться въ продолженіе извѣстнаго,—порою, можетъ быть, и долгаго,—времени, за одной тенденціей, а при измѣнившихся условіяхъ за другой. И прежде, и послѣ борьба внутреннихъ противорѣчій, очевидно, не умолкаетъ въ душѣ подобной личности, но вліяніе извѣстной среды можетъ давать болѣе или менѣе постоянный перевѣсъ, скажемъ, положительнымъ стремленіямъ, а вліяніе другой среды такой же постоянный перевѣсъ стремленіямъ отрицательнымъ.

Возьмите Прево-Парадоля. Это человѣкъ болѣе сложнаго и болѣе симпатичнаго типа, чѣмъ мѣднолобый и безстыжій политиканъ «легкаго сердца». Его душа рано является ареной столкновенія эгоистическихъ и альтруистическихъ инстинктовъ. Но пока условія общественной и личной жизни слагались однимъ способомъ, это былъ знаменитый журналистъ оппозиціи, являвшійся, по словамъ, если не ошибаюсь, Жюля Симона, «настоящей славой французской печати»; а измѣнились эти условія, и онъ сталъ чиновникомъ презираемой имъ Имперіи, для того, чтобы, въ порывѣ новой душевной борьбы, разрѣшить внутреннее противорѣчіе пистолетнымъ выстрѣломъ, доказавъ этимъ послѣднимъ актомъ свое сравнительное превосходство надъ чистокровнымъ ренегатомъ: люди типа Олливье не стрѣляются...

Такъ, по крайней мѣрѣ, я понимаю типъ Прево-Парадоля, насколько онъ вырисовывается не только изъ его сочиненій, но и изъ его біографіи, написанной недавно Греаромъ, и интимной переписки съ друзьями, приложенной къ этой книжкѣ *). Меня, во всякомъ случаѣ, удивило слѣдующее обстоятельство. Греаръ старается реабилитировать покойнаго пріятеля и доказать, что, собственно говоря, присоединеніе Парадоля къ Имперіи было не измѣной, а скорѣе логическимъ выводомъ изъ его міровоззрѣнія. И въ то же самое время совершенно упускаетъ изъ виду такой драгоцѣнный документъ для психологіи Парадоля, какой заключается въ фантастическомъ разсказѣ талантливаго публициста «Мой другъ Германъ». Въ одномъ изъ нѣмецкихъ городовъ, изволите-ли видѣть, жилъ-былъ молодой студентъ Германъ, котораго природа щедро надѣлила всѣми дарами: искренней любовью добра, стремленіемъ къ истинѣ, благороднымъ характеромъ. У него замѣчалось лишь два недостатка или, вѣрнѣе, двѣ странно-

---

*) Octave Gréard, „Prevost-Paradol. Etude suivie d'un choix de lettres"; Paris, 1894.

сти: онъ никогда не могъ бодрствовать по заходѣ солнца, и о себѣ говорилъ съ глубокимъ чувствомъ меланхоліи. Не удивляйтесь этому: душа бѣднаго Германа была подѣлена между двумя тѣлами; днемъ она обитала въ оболочкѣ добродѣтельнаго нѣмецкаго юноши, а на ночь улетала въ Австралію и тамъ, среди дня антиподовъ, вела порочную жизнь въ тѣлѣ нѣкоего бродяги Паркера, который скоро дошелъ до преступленія. И вотъ, въ одно прекрасное утро друзья милаго Германа нашли его бездыханный трупъ въ кровати: оказалось, что какъ разъ въ этотъ моментъ, тамъ, въ далекой Австраліи, негодяй Паркеръ былъ повѣшенъ по приговору суда. Теперь и прислушайтесь, читатель, къ слѣдующей заключительной тирадѣ остроумнаго автора:

„Но развѣ въ этомъ фактѣ заключается уже такъ много чудеснаго? И всѣ мы не являемся-ли странною смѣсью Германа и Паркера? Развѣ можно отдѣлить благородную сторону нашей природы отъ низшихъ и грубыхъ сторонъ, и развѣ мы не носимъ въ себѣ междуусобную войну стремленій. Сегодня мы—Германы, завтра мы—Паркеры, а порою оба вмѣстѣ: до такой степени мотивы нашихъ дѣйствій смѣшаны и подвижны, до такой степени мы измѣнчивы и непохожи сами на себя, до такой степени, наконецъ, добро и зло глубоко переплетены въ нашей душѣ“ *).

Какъ вамъ нравится эта сказка, читатель? И не находите-ли вы, что знай или вспомни это произведеніе Рибо, онъ долженъ былъ бы цитировать это мѣсто для характеристики «противорѣчиваго характера»? Когда я началъ, по крайней мѣрѣ, съ этой точки зрѣнія вдумываться въ обстоятельства жизни и переписку Прево-Парадоля, меня поразилъ, именно, этотъ постоянный дуализмъ его натуры, эта безпокойная, блуждающая и мятущаяся душа, входящая то въ интересы эгоиста Паркера, то въ стремленія альтруиста—Германа. Не въ логическомъ элементѣ Прево-Парадоля, а въ его темпераментѣ, его характерѣ надо отыскивать тайну его политическаго ренегатства.

Разверните переписку молодого и уже блестящаго Парадоля. Онъ пробуждался къ сознательной жизни въ концѣ 40-хъ годовъ, и буря февральской революціи должна была ускорить его развитіе. Подобно многимъ впечатлительнымъ умамъ этой эпохи, онъ сочувствуетъ соціализму, слѣдуетъ отчасти за Фурье, не безъ нѣкотораго юношескаго самодовольства называетъ себя «матеріалистомъ-соціалистомъ»; строитъ свое общественное міровоззрѣніе на «благосостояніи всѣхъ людей», съ энтузіазмомъ вспоминаетъ о нѣкоемъ другѣ-мулатѣ, убѣжденномъ соціалистѣ; самъ пишетъ юношескую брошюру подъ заглавіемъ «Совѣты молодому человѣку, или о выборѣ партіи» и заявляетъ себя рѣшительнымъ сторонникомъ общественнаго переустройства. Но даже и въ этотъ медовый мѣсяцъ юношескаго энтузіазма хриплый басъ эгоиста-Пар-

---

*) Gréard, стр. 61—62.

кера прорывается порою среди высокихъ нотъ идеалиста-Германа. Такъ въ письмѣ (отъ 27 апрѣля 1849 г.) къ Тэну, бывшему его старшимъ товарищемъ по Нормальной школѣ, Прево-Парадоль, сообщая какъ разъ о своей политической брошюрѣ, вдругъ довольно неожиданно говоритъ: «Я не отступлю ни передъ какими страхами, чтобы только выбиться изъ моего состоянія посредственности и войти въ этотъ свѣтъ, который надо будетъ взять приступомъ» *). Это уже нота записного карьериста, или какъ скажетъ современный французъ, арривиста (arriviste: во французскомъ, какъ извѣстно, нѣтъ слова «carriériste», хотя нашъ «карьеристъ» происходитъ отъ французскаго слова «carrière»). Въ другомъ письмѣ къ (Тэну отъ 16-го іюля 1849 г.) у Парадоля вырываются слѣдующія слова, указывающія на его склонность къ эпикурейству и жаждѣ наслажденій: «да, ты, конечно, можешь говорить о силѣ воли!.. Но для меня слово «воля» не заключаетъ въ себѣ ничего, кромѣ страданія и чувства раскаянія. У меня никогда не было силы стѣснять себя въ чемъ-либо, и никогда не будетъ» **). Въ тѣхъ самыхъ фразахъ осужденія, которыя онъ бросаетъ, напримѣръ, по адресу тогдашней золотой молодежи, называя ее «подонками молодого поколѣнія», проглядываетъ зависть къ ихъ образу жизни: «и эта-то чернь какъ разъ обладаетъ самыми хорошими лошадями и самыми красивыми женщинами» ***) (письмо къ Греару отъ 1-го октября 1851 г.). Такія восклицанія непріятно поражаютъ въ юношѣ, который рядомъ съ этимъ полонъ энтузіазма къ идейнымъ началамъ, наукѣ, философіи, свободѣ, и забываетъ о матеріальныхъ лишеніяхъ (Парадоль былъ сыномъ небогатаго военнаго и рано умершей актрисы) въ пламенныхъ разговорахъ съ своими друзьями, Абу, Тэномъ, Греаромъ, и пр.

И эти два параллельныя теченія, можно сказать, постоянно живутъ въ душѣ молодого человѣка, хотя у него въ эти годы чаще всего наверхъ всплываютъ согрѣтыя энтузіазмомъ волны безкорыстныхъ чувствованій. А жизнь идетъ своимъ чередомъ: водвореніе Имперіи и наступившая реакція сильно мѣшаютъ университетской карьерѣ; время проходитъ въ поискахъ уроковъ, работы, профессорской кафедры; а тутъ примѣшивается любовь, женитьба, дѣти и необходимость кормить себя и своихъ. Тяжелая борьба за существованіе, обезкураживая этого эпикурейца по наклонностямъ и аскета по неволѣ, отнимаетъ идейный пылъ, и холодная струя эгоизма порою, какъ кажется, охватываетъ всю душу Прево Парадоля. Такъ еще до женитьбы, получивъ академическую премію за свой этюдъ о Бернардэнъ-де-Сенъ-Пьерѣ, нашъ

*) Gréard, стр. 155.
**) l. c., стр. 163.
***) l. c., стр. 173.

молодой человѣкъ хлопочетъ о каѳедрѣ въ Политехнической школѣ и принужденъ работать локтями, чтобы добраться до этого мѣста, дѣлая визиты ффиціальнымъ лицамъ и т. п. Его, очевидно, щиплетъ слегка угрызеніе совѣсти за эту уступку передъ ненавистнымъ ему режимомъ и его представителями, которыхъ онъ презираетъ: «Я раскаиваюсь, будь между нами сказано (пишетъ онъ Греару 24го Ноября 1852 г.), въ томъ, что скомпрометтировалъ въ этой свалкѣ изъ-за мѣста свое знамя, которое до сихъ поръ оставалось цѣло и невредимо». Но тутъ же съ улыбкой разсказываетъ объ «общемъ расположеніи, которое встрѣчаетъ въ Парижѣ молодежь, имѣющую хоть внѣшнія заслуги», и немедленно же не безъ самодовольства прибавляетъ: «тѣ, кто проклинаютъ общество, походятъ на проклинающихъ трибуну; они просто-напросто не умѣютъ подниматься и удерживаться здѣсь» *).

Наконецъ, толканье въ оффиціальныя двери увѣнчалось успѣхомъ: послѣ талантливой защиты двухъ тезъ на доктора литературы, онъ получаетъ въ 1855 г. каѳедру въ Экскскомъ университетѣ, гдѣ онъ замѣстилъ Фортуля, сдѣлавшагося министромъ просвѣщенія. Забыта на время оппозиція императорскому режиму, забыто и то обстоятельство, что самъ Фортуль былъ перебѣжчикомъ изъ республиканскаго лагеря. Въ письмѣ къ Греару (отъ 10 Апрѣля 1856 г.) онъ признается, что «питаетъ искреннюю благодарность къ Фортулю», доставившему ему «спокойствіе и возможность работать» **).

Но когда Прево-Парадоль отдохнулъ въ провинціальномъ университетѣ отъ матеріальныхъ лишеній, его безпокойную натуру стало тянуть въ Парижъ. Новый поворотъ колеса фортуны помогъ ему осуществить это желаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ выдвинулъ его на одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ въ тогдашнемъ литературномъ мірѣ: въ концѣ 1856 г. онъ получилъ приглашеніе постояннаго сотрудничества въ «Journal des Debats». Этотъ органъ велъ буржуазно-академическую оппозицію противъ второй имперіи и защищалъ принципы мѣщанской монархіи Орлеановъ. Но это и было какъ разъ на руку Прево-Парадолю. Его связи съ университетскимъ и академическимъ персоналомъ уже оказали свое воздѣйствіе на его міровоззрѣніе и заставили его побросать въ дорогѣ юношескія идеи и замѣнить ихъ умѣреннымъ либерализмомъ. Конечно, въ сложной натурѣ Прево-Парадоля и самый процессъ этого превращенія принялъ сложную форму: идейный элементъ прекраснодушнаго Германа скрашивалъ до нѣкоторой степени игру эгоистическихъ интересовъ авантюриста-Паркера. Несомнѣнно, напр., что живой и впечатлительный юноша, подобно многимъ другимъ сверстникамъ изъ интеллигенціи, былъ страшно

*) l. c., стр. 203.
**) l. c., стр. 251.

пораженъ декабрьскимъ переворотомъ, а особенно послѣдовавшимъ за нимъ плебисцитомъ, въ которомъ ярко выразилось равнодушіе народа къ свободнымъ политическимъ учрежденіямъ. Надо читать негодующія письма Парадоля къ Тэну, въ концѣ 1851 г. и началѣ 1852, чтобы понять силу кризиса, разразившагося въ душѣ молодого человѣка.

„Требовать всеобщей подачи голосовъ для лапландцевъ, негровъ или обезьянъ, это все одно и тоже, это безуміе, не имѣющее даже заслуги логичности... Дай право голоса полипамъ, и они вотируютъ, что не должно двигаться, но, клянусь, я не подчинюсь ихъ закону. Какъ! въ этой несчастной странѣ существуетъ цѣлая масса земледѣльцевъ, ремесленниковъ, вообще тѣхъ людей, что составляли персоналъ античныхъ рабовъ, масса, которая, потому что не умѣетъ ни читать, ни говорить, находитъ излишними и печать и трибуну; которая, не имѣя нравственнаго чувства, дѣлающаго для насъ свободу драгоцѣнной и необходимой, вручаетъ одному человѣку всемогущество, и я позволю терпѣливо увѣчить свою природу въ угоду этимъ тупымъ Прокустамъ. Нѣтъ, ни за что, какъ я не позволю и грызть мои книги крысамъ, которыя, вѣдь тоже вполнѣ невинно, находятъ ихъ годными только для грызенья!... Но дѣйствовать такимъ образомъ, значитъ-ли посягать на право толпы? Отнюдь нѣтъ! она имѣетъ столько же правъ, сколько потребностей, напр., право жить, пить, пользоваться гражданскимъ законодательствомъ, отеческимъ даромъ просвѣщеннаго класса этимъ несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ націи. Но открыть политическую область людямъ, которые не умѣютъ читать, которымъ чуждо всякое понятіе личнаго права и которые идутъ прямо къ деспотизму, какъ оселъ на мельницу, это, какъ говоритъ великій Бальзакъ, пустить быка въ лавку съ фаянсовой посудой» *)

Даже и здѣсь, даже и въ этой юношески-пламенной и, повидимому, безкорыстной тирадѣ, вы можете уже открыть эгоистическую потребность интеллигентнаго буржуа выдѣлить себя изъ этого «персонала античныхъ рабовъ», держаться подальше отъ этого «осла», этого «быка» и давать этимъ «несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ» лишь столько правъ, сколько позволяютъ это интересы мѣщанской «лавки съ фаянсовой посудой». Казалось, нашъ молодой человѣкъ долженъ былъ бы призадуматься и надъ положеніемъ народа, которому въ послѣдніе три года (1848—1851) перепало мало реальныхъ благъ и которому буржуазія, когда онъ разъ попросилъ у нея хлѣба, дала свинца. Но, какъ видите, Прево-Парадоль уже и въ эту раннюю пору искалъ выхода изъ мрака декабрьской ночи не впереди, не тамъ, гдѣ могла загорѣться заря новаго дня, а позади, въ царствѣ мѣщанства и политическихъ правъ меньшинства. Немудрено, что онъ скоро подошелъ довольно близко къ защитникамъ «легальной страны» и орлеанской монархіи. А когда ему открылась возможность проводить свои идеи въ авторитетномъ органѣ буржуазіи, его интеллектуальныя потребности и его аппетиты эпикурейца переплелись и образовали очень удобное по тогдашнимъ условіямъ міровоззрѣніе, и отнынѣ жизнь стала для

*) Gréard, стр. 186—187.

него рядомъ успѣховъ.*) Паркеръ и Германъ заключили оборонительный и наступательный союзъ въ его душѣ, и въ теченіе десяти лѣтъ нашему герою пришлось мало страдать отъ внутренней борьбы. Поверхностный философъ и историкъ, но неподражаемый публицистъ, онъ удовлетворялъ въ одно и то же время двумъ сторонамъ своей личности. Онъ продолжалъ съ извѣстной точки зрѣнія защищать идеалы своей молодости, велъ блестящую оппозицію противъ Имперіи и даже своими врагами былъ признанъ виртуозомъ тогдашней подцензурной печати. А вмѣстѣ съ тѣмъ онъ быстро составлялъ себѣ карьеру, положеніе, успѣхъ въ обществѣ, въ академіи, въ умѣренно-фрондирующихъ салонахъ, словомъ упивался всевозможными радостями жизни и даже совѣтовалъ своимъ болѣе молодымъ друзьямъ «слегка распутничать (etre un peu libertin), чтобы быть совершенными юношами». Интересно, что самъ идеальный строй рисовался ему въ это время «республикой или монархіей», но во всякомъ случаѣ «свободнымъ режимомъ или, если хотите, свалкой, открытой для всѣхъ порядочныхъ людей и въ которую можно было бы кинуться съ честью» *).

И, замѣтьте, такія выраженія, какъ «приступъ», «свалка», которыя вырываются у него уже въ самой ранней юности и встрѣчаются часто подъ его перомъ позже, вовсе не простой пріемъ рѣчи: это—сама суть его, его буржуазный символъ вѣры, заключающій ученіе о благѣ конкурренціи и грызни между людьми. На одномъ изъ такихъ «приступовъ» онъ и погибъ, и погибъ, запятнавши свой либерально-оппозиціонный ореолъ ренегатскимъ переходомъ въ лагерь бонапартистовъ.

Но наступилъ моментъ, когда дѣятельность публициста перестала вполнѣ удовлетворять его, и его потянуло къ власти, къ наслажденію ею. У него вырвалась однажды такая фраза: «политическая литература только и имѣетъ плодотворный смыслъ и истинную силу, когда связана съ дѣятельностію... Только власть есть нѣчто истинно-реальное». Другой разъ, гуляя съ Максимомъ Дюканомъ возлѣ Тюильери, на вопросъ послѣдняго: «какова его задушевная мечта», Прево въ экстазѣ воскликнулъ: «Вы видите этотъ дворецъ? Тамъ живетъ господинъ Франціи! Ну, такъ я желалъ бы быть господиномъ этого господина». Когда «либеральная имперія», съ ренегатомъ Олливье во главѣ, затѣяла свою комедію, Прево-Парадоль вообразилъ, что благопріятный моментъ насту-

---

*) Сентъ-Бевъ, съ самаго начала примкнувшій къ Имперіи, тронулъ больное мѣсто Прево-Парадоля, когда, разбирая съ утонченной вѣжливостью его «Литературные и политическіе опыты», ядовито замѣтилъ: «я часто говорилъ это самому себѣ и имѣю право сказать другимъ: будемъ остерегаться, чтобы наше сужденіе о вещахъ не было подкуплено самымъ тонкимъ и ловкимъ изъ интересовъ, именно интересомъ нашего ума». См. его Nouveaux Lundis. P. 1884, 6-е изданіе, I, 103.

**) Gréard, стр. 275.

пилъ и, со всѣмъ пыломъ властолюбца-авантюриста, бросился въ ряды служителей Наполеона и былъ назначенъ посланникомъ въ Вашингтонъ. Аттакованный не только республиканцами, но и своими политическими друзьями, онъ въ письмѣ къ одному изъ товарищей, садясь уже на заатлантическій пароходъ, обнаруживаетъ какъ разъ этотъ темпераментъ авантюриста, которому въ данный моментъ мало дѣла до вѣрности политическимъ убѣжденіямъ, но который весело бросается впередъ, стараясь отмахнуться отъ досадливыхъ мыслей: «Мой любезный другъ, напрасно вы волнуетесь гораздо болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, отъ всякого вздора, который говорится и пишется противъ меня. Эти вещи имѣютъ очень мало значенія. Время—прекрасный человѣкъ, который воздаетъ каждому по его заслугамъ. Тѣ, кто кричатъ громче всего, поймутъ лучше когда нибудь» *).

Прочитайте еще разъ эти послѣднія строки и припомните, что едва Прево-Парадоль ступилъ на почву Америки, какъ до него дошли извѣстія о начавшихся неудачахъ французовъ въ войнѣ съ нѣмцами, и онъ пистолетнымъ выстрѣломъ размозжилъ себѣ голову: не дожидаясь «времени», онъ самъ воздалъ себѣ должное. За океанъ онъ перевезъ съ собой не только практичнаго и неразборчиваго въ средствахъ Паркера, но и мечтательнаго и пылкаго идеалиста Германа. Этотъ добродѣтельный юноша уснулъ было въ его душѣ подъ вліяніемъ успѣховъ, славы, властолюбія. Но тамъ, въ моральномъ одиночествѣ, вдали отъ блестящаго Парижа, купола Института и умѣренно-либеральничающихъ салоновъ, подъ вліяніемъ приходившихъ вѣстей о разгромѣ имперіи и, стало быть, оффиціальной карьеры, Германъ пробудился и поставилъ подъ дуло пистолета своего сіамскаго близнеца. Въ разсказѣ Прево-Парадоля авантюристъ былъ причиной смерти благороднаго молодого человѣка: въ жизни самого автора Германъ отомстилъ за себя, убивъ неугомоннаго карьериста. «Тѣ, кто кричатъ громче всего, поймутъ лучше когда нибудь!..» Они поняли и готовы даже простить Парадолю за горькій и спасительный урокъ, данный его смертью слабымъ натурамъ, идущимъ на сдѣлки съ совѣстью.

Мнѣ хотѣлось бы въ заключеніе поставить передъ глазами читателя строгую и цѣльную фигуру Бланки. Я по необходимости буду коротокъ. Я, впрочемъ, уже въ самомъ началѣ этого этюда сказалъ, что беру Бланки лишь, какъ типъ личности, остававшейся всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ вѣрной своимъ убѣжденіямъ. Меня интересуетъ лишь его нравственная физіономія, его, такъ сказать, религіозное отношеніе къ предмету своихъ

*) l. c., стр. 300.

вѣрованій, независимо отъ того, будетъ ли этимъ предметомъ истинный Богъ или ложный идолъ. Политикъ можетъ крайне рѣзко относиться къ общественной дѣятельности Бланки: мыслитель и художникъ не могутъ не восторгаться передъ значеніемъ и эстетической красотой этого непреклоннаго характера, который словно сейчасъ вышелъ изъ Спарты и Рима, или, по крайней мѣрѣ, изъ величавыхъ трагедій Корнеля. И вотъ вамъ доказательство. Совсѣмъ недавно появилась біографія Бланки *), представляющая собою лучшую вещь изъ всего написаннаго объ этомъ дѣятелѣ. И кто ея авторъ? Не революціонеръ, не фанатическій ученикъ стараго революціонера и даже не политикъ въ собственномъ значеніи этого слова. Онъ прежде всего критикъ изящныхъ искусствъ и хроникеръ художественнаго движенія во Франціи. Талантливый и не безъ склонности къ литературному импрессіонизму, онъ главнымъ образомъ пишетъ о живописи, скульптурѣ и т. п. вещахъ и начинаетъ пріобрѣтать въ этой спеціальности извѣстность и среди оффиціальныхъ сферъ. По своему общему міровоззрѣнію, онъ—радикалъ, я охотно бы даже сказалъ—прогрессистъ, если бы этимъ словомъ не стали въ послѣднее время прикрывать свое политическое убожество оппортунисты и реакціонеры.

И вотъ этотъ-то писатель-артистъ и вдохновился образомъ Бланки и рѣшилъ возсоздать его по возможности вѣрно и живо. Вы сейчасъ же чувствуете, что автора прежде всего побудилъ къ такой задачѣ его художественный восторгъ передъ фигурой этого героя убѣжденія, тотъ самый художественный восторгъ, который овладѣваетъ имъ при чтеніи какой нибудь мощной драмы или взглядѣ на талантливое изваяніе. Работалъ нашъ авторъ надъ своимъ предметомъ долго и съ любовью, но присмотритесь хорошенько къ самымъ пріемамъ этой работы. Десять лѣтъ онъ собиралъ матеріалы для біографіи, читалъ памфлеты, статьи, письма и неизданныя рукописи Бланки, предоставленныя въ его распоряженіе сестрой и племянницей покойнаго, все, что было написано о Бланки; расспрашивалъ лицъ, знавшихъ его, и т. д. Но главнымъ-то образомъ онъ посѣщалъ и изучалъ, особенно съ художественной точки зрѣнія, мѣста, гдѣ протекала жизнь Бланки. При этомъ, конечно, гуманныя симпатіи автора примѣшиваются къ его эстетическому восторгу. Но какъ часто художественная деталь, артистическое описаніе горной мѣстности (возлѣ Ниццы), гдѣ увидѣлъ свѣтъ Бланки (см. стр. 15 и слѣд.), талантливое, но слишкомъ подробное изображеніе всѣхъ цвѣтовъ и неровностей стѣны Монъ-Сенъ-Мишельской крѣпости (стр. 85), живая до импрессіонизма картина революціи 1848 г. (стр. 134, 140 и пр.),—какъ часто, говорю я, эта художественная деталь отодвигаетъ на задній планъ центральную фигуру этюда! Порою просто жалѣешь,

*) Gustave Geffroy, «L'Enfermé»; Paris, 1897.

что эта книга слишкомъ хорошо написана (la mariée est trop belle, говорятъ въ такихъ случаяхъ французы): для строгой и цѣльной личности хотѣлось бы имѣть и иную, болѣе простую, такъ сказать, въ дорическомъ стилѣ рамку, безъ всѣхъ этихъ архитектурныхъ фіоритуръ и коринѳскихъ завитковъ. Во второй половинѣ книги, артистъ, впрочемъ, все чаще и чаще уступаетъ мѣсто симпатизирующему человѣку, и когда вы закрываете этотъ толстый этюдъ, передъ вами встаетъ, какъ живой, образъ небольшого, сухого, бѣдно, но чисто одѣтаго старичка, который подъ этой незначительной оболочкой носилъ рѣдкій умъ, несокрушимую энергію и стальной характеръ. Типъ маніака-конспиратора, сочиненный буржуазной прессой, блѣднѣетъ, расползается, какъ туманъ, и совсѣмъ исчезаетъ передъ реальнымъ человѣкомъ, у котораго были реальныя же чувства, привязанности, любовь къ женѣ, роднымъ, но который все умѣлъ приносить въ жертву своему идеалу. Забудьте, дорогой читатель, хоть на время о характерѣ дѣятельности Бланки, которая можетъ коробить васъ, остановитесь только на этой энергіи и глубокой преданности убѣжденію: образъ Бланки встанетъ передъ вами просвѣтленнымъ и, забывая его недостатки, вы примиритесь съ человѣкомъ, представлявшимъ такую рѣзкую противоположность съ типомъ безсердечнаго эгоиста, въ родѣ Эмиля Олливье, или фигурой раздираемаго внутренними противорѣчіями карьериста, въ родѣ Прево-Парадоля. Не удивительно, что талантливый художникъ заключаетъ свою книгу гуманными словами:

„Нѣтъ, эта сверхчеловѣческая жизнь, жизнь, полная добровольно принятаго на себя горя и упорнаго самопожертвованія, эта жизнь не можетъ быть потеряна даромъ. Она лишила человѣка его обычныхъ радостей, она осудила его на несчастіе не быть понятымъ, не быть любимымъ, она придала его физіономіи этотъ отпечатокъ оскорбленія... Но примѣръ его остается для насъ навсегда... Этотъ человѣкъ не хочетъ искать ни утѣшенія, ни награды. Онъ гордо принимаетъ свою судьбу безъ всякой надежды на возмездіе. Это—новый герой, соотвѣтствующій идеалу нашей эпохи и человѣчеству“ *).

Н. К.

---

*) L'Enfermé, стр. 442.

Литература и жизнь.

Въ наступившемъ 1897 году русская литература обогатилась цѣлымъ рядомъ ежедневныхъ газетъ. Тутъ и «Лучъ» издаваемый книгопродавцемъ Вольфомъ подъ редакціей г. Чуйко, и «Утро», издаваемое и редактируемое г. Баталинымъ, и «Міровые Отголоски», издаваемые и редактируемые г. Трубниковымъ, и «Русь», издаваемая г. Гайдебуровымъ подъ редакціей г. Кремлева, и «Гласность» г. Пятковскаго, и «Народъ», издаваемый г. Мальшинскимъ подъ редакціей г. Стечькина.

«Лучъ» по словамъ его объявленій, «является независимымъ, вполнѣ самостоятельнымъ, большимъ органомъ печати, съ выдержаннымъ направленіемъ и безусловно честнымъ, объективнымъ отраженіемъ нуждъ всего многомилліоннаго населенія Россіи. Особенное вниманіе удѣляется общественной жизни провинціи съ ея многочисленными вопросами и нуждами. Занимая, какъ по объему, такъ и по программѣ своей одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду такъ называемыхъ «большихъ органовъ» печати, ежедневная газата «Лучъ» не уступаетъ имъ по полнотѣ и своевременности сообщеній. Участіе же въ газетѣ многихъ наиболѣе талантливыхъ силъ русской журналистики вполнѣ обезпечиваетъ живое, умѣлое, отзывчивое веденіе дѣла». Далѣе—«не вдаваясь въ болѣе широкія обѣщанія, редакція надѣется, что само дѣло будетъ достаточно говорить за себя».

«Народъ» рекомендуетъ себя такъ: «Редакція газеты принимаетъ слово «Народъ» не въ узкомъ обозначеніи этимъ именемъ крестьянскаго сословія, а въ широкомъ смыслѣ всего русскаго народа, въ полномъ его составѣ, во всѣхъ проявленіяхъ его жизни государственной, общественной, умственной, религіозно-нравственной, художественной, экономической. Каждая нужда русскаго народа, какъ единаго цѣлаго, каждое его движеніе впередъ по пути историческаго развитія на твердыхъ основахъ русской государственности и общественности найдутъ въ газетѣ и фактическое изложеніе, и безпристрастную оцѣнку. Воздерживаясь отъ широковѣщательныхъ обѣщаній, нерѣдко втунѣ остающихся не по винѣ редакціи, скажемъ только, что газета «Народъ» употребитъ всѣ свои силы и средства на то, чтобы достойно носить принятое ею наименованіе».

«Утро»: «Обширная программа, опытность и многолѣтняя извѣстность редактора-издателя, равно какъ и ближайшихъ его сотрудниковъ, служатъ ручательствомъ въ томъ, что новая газета «Утро» будетъ органомъ живымъ, интереснымъ и достойнымъ общихъ симпатій. Излишнимъ считаемъ всякія широкія обѣщанія, потому что

читатель нашъ, давній и постоянный, и безъ того увѣренъ въ нашемъ правѣ и обязанности занять выдающееся положеніе среди другихъ органовъ прессы. Не будетъ ни одного вопроса дня, на который читатель не встрѣтилъ бы въ газетѣ «Утро» громкаго отклика; не пройдетъ безслѣдно ни одна мелочь жизни, которая не нашла бы въ ней яркаго и правдиваго освѣщенія. Политика, внутренняя жизнь, судъ, земство и дума, сословныя учрежденія, литература, театръ, биржа, спортъ — все найдетъ компетентныхъ цѣнителей, полныхъ безпристрастія и смѣлости для того, чтобы высказывать правду обо всемъ и обо всѣхъ по совѣсти».

Хотя такимъ образомъ три упомянутыя газеты и «не вдаются въ болѣе широкія обѣщанія», «воздерживаются отъ широковѣщательныхъ обѣщаній», «излишнимъ считаютъ всякія широкія обѣщанія», однако, какъ видитъ читатель, обѣщаютъ довольно много. Гораздо сдержаннѣе въ смыслѣ обѣщаній «Міровые Отголоски». Ихъ объявленіе говоритъ лишь о порядкѣ и срокахъ изданія, о шрифтѣ и форматѣ. Напримѣръ: «Міровые Отголоски» будутъ выходить въ объемѣ отъ одного до двухъ листовъ формата бывшей газеты «Голосъ» и будутъ печататься подобнымъ же крупнымъ и четкимъ шрифтомъ». Въ послѣдующихъ объявленіяхъ этотъ пунктъ былъ отмѣненъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Въ видахъ устраненія всякихъ недоразумѣній, возникшихъ по поводу формата и шрифта газеты «Міровые Отголоски», контора редакціи симъ объявляетъ, что, согласно желанію очень многихъ подписчиковъ, форматъ газеты будетъ не въ шесть столбцовъ, подобно бывшей газетѣ «Голосъ», а въ семь и восемь столбцовъ объема большихъ газетъ. Печататься газета будетъ совершенно новымъ шрифтомъ, выписаннымъ изъ-за границы. Поэтому всякія предположенія о сходствѣ вышеуказанныхъ газетъ падаютъ сами собою».

«Гласность» выразилась кратко: «Редакція «Гласности» — общая съ редакціей «Наблюдателя». Это избавляетъ насъ отъ необходимости выяснять подробно направленіе газеты. Скажемъ только, что мы стоимъ за прогрессивное движеніе нашей государственной и общественной жизни, на національной почвѣ».

Особо стоитъ газета «Русь». Казалось бы, состоя при «Недѣлѣ», издающейся безъ малого тридцать лѣтъ, «Русь» могла бы быть въ своихъ объявленіяхъ еще кратче, чѣмъ «Гласность». Но реклама уже давно свила себѣ прочное гнѣздо въ «Недѣлѣ» и составляетъ въ ней какъ бы особый, самостоятельный отдѣлъ, на-ряду съ передовыми статьями, «внутреннимъ обозрѣніемъ», «иностраннымъ обозрѣніемъ», критикой и проч. Въ № 45 «Недѣли» (10 ноября 1896), въ статьѣ «Къ читателямъ», подписанной В. П. Гайдебуровымъ, редакція «имѣетъ сообщить читателямъ *важную новость:* съ будущаго года при «Недѣлѣ» будетъ издаваться новая ежедневная газета». Сама «Недѣля», конечно, будетъ по прежнему «удовлетворять преобладающую часть серьезныхъ русскихъ читателей».

Но «непосредственно завѣдывать редакціей «Руси», какъ по прежнему и редакціей «Недѣли», буду *я самъ*», т. е. В. П. Гайдебуровъ. «Русь» «не будетъ имѣть ничего общаго съ существующими дешевыми газетами, легкомысленными и разсчитанными на низкій вкусъ. «Русь» будетъ такою же легкою и занимательною—строго-литературною—по формѣ и въ то же время серьезною и содержательною по существу, какъ и «Недѣля», въ подкрѣпленіе чего достаточно сказать, что въ ней постоянное участіе будетъ принимать одинъ изъ самыхъ глубокихъ и блестящихъ современныхъ мыслителей и публицистовъ—Вл. С. Соловьевъ». «Не будетъ она похожа и на установившійся типъ большихъ газетъ, съ ихъ утомительно длинными и мало содержательными передовыми статьями, хрониками и фельетонами». Работать въ «Руси» будутъ «талантливые, умные и передовые писатели». Имена ихъ объявляются какъ то по группамъ. Выше выдѣленъ г. Вл. Соловьевъ, какъ «одинъ изъ самыхъ глубокихъ и блестящихъ современныхъ мыслителей и публицистовъ». Затѣмъ слѣдуетъ «я самъ», «затѣмъ ближайшее участіе въ редакціи будутъ принимать хорошо извѣстные нашимъ читателямъ: извѣстный фельетонистъ С. Н. Сыромятниковъ (Сигма), первоначально много работавшій въ «Недѣлѣ», П. П. Гнѣдичъ, Н. А. Энгельгардтъ и др. Кромѣ нихъ, постоянно участвовать въ газетѣ будутъ» такіе-то и такіе-то. Наконецъ, «постоянно участвовать будетъ Вас. Ив. Немировичъ-Данченко и предполагаетъ попробовать себя въ новомъ для себя родѣ Антонъ Чеховъ». Все это похоже на слѣдующее, напримѣръ, объявленіе, которое я вырѣзываю изъ одной провинціальной газеты:

ЧЕРНО-ОЗЕРСКІЙ РЕСТОРАНЪ.

существуетъ съ 1872 года.

Подъ личнымъ управленіемъ В. И. Ожегова.

Извѣщаю многоуважаемую публику, что мною вновь приглашенъ съ 1 января 1897 г., въ арендуемомъ мною ресторанѣ лучшій поваръ Е. А. Корниловъ, который будетъ приготовлять кушанья въ лучшемъ вкусѣ. Надѣюсь, что уважаемая публика не оставитъ мой ресторанъ своимъ посѣщеніемъ, такъ же, какъ и прежде, а я со своей стороны постараюсь удовлетворить желаніе публики. Принимаю заказы на всевозможные обѣды и ужины, какъ въ ресторанѣ, такъ равно на дому съ полной сервировкой и прислугой, при ресторанѣ играетъ австрійская дамская капелла подъ управленіемъ капельмейстера Прейсига.

Разница, однако, въ томъ, что Черно-озерскій ресторанъ, расхваливая своего повара, «который будетъ приготовлять кушанья въ лучшемъ вкусѣ», не бранитъ чужихъ поваровъ; тогда какъ литературный магазинъ, торгующій подъ фирмою «Я самъ и комп.», расхваливая свой товаръ, указываетъ, что другіе магазины торгуютъ товаромъ «легкомысленнымъ и расчитаннымъ на низкій вкусъ», «утомительно длиннымъ и малосодержательнымъ».

Какъ бы то ни было, съ новаго года мы имѣемъ цѣлый рядъ но-

выхъ газетъ, чего давно уже не было, и то и дѣло приходится слышать, главнымъ образомъ отъ провинціаловъ, вопросъ: что это значитъ? Мы, петербуржцы, народъ скептическій, да и болѣе въ курсѣ дѣла, и потому отвѣчаемъ: ничего не значитъ. Конечно, этого и изъ петербуржцевъ не скажутъ ни г. Баталинъ, ни г. Трубниковъ, ни г. Пятковскій, ни въ особенности Я самъ и комп. Всѣ они—а, впрочемъ, всѣ ли и они то?—надо думать, вѣруютъ, что ими начинается новая эпоха въ исторіи русской литературы и жизни. Но со стороны виднѣе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что до нынѣшняго года газетъ у насъ было слишкомъ мало для удовлетворенія все растущей въ нихъ потребности. И слѣдовало бы, конечно, радоваться прекращенію монополіи нѣсколькихъ удачниковъ, если бы... если бы, во-первыхъ, была увѣренность, что эта монополія не возродится, и если бы, во-вторыхъ, напримѣръ, не дѣйствительно «многолѣтняя извѣстность» редактора-издателя «Утро» г. Баталина, на которую онъ имѣетъ рѣшимость ссылаться, или извѣстность редактора-издателя «Міровые Отголоски» г. Трубникова; послѣдній, впрочемъ, предпочитаетъ не на свою извѣстность указывать, а на то, что его газета будетъ похожа на «Голосъ» и совсѣмъ не будетъ на него похожа.

Тѣмъ не менѣе и скептическіе петербуржцы были заинтересованы новыми газетами, по крайней мѣрѣ, ихъ первыми номерами, и вечеромъ 1-го января ихъ нельзя уже было достать у торговцевъ газетами, все было распродано. Пересмотримъ нѣкоторые изъ этихъ первыхъ номеровъ, которые поцвѣтнѣе.

«Русь» открывается статьей «самаго» В. П. Гайдебурова: «Чѣмъ должна быть газета». Г. Гайдебуровъ сравниваетъ газету и съ «широкимъ бассейномъ», въ который стекаются «тонкими струйками мысли, чувства, настроенія, влеченія, инстинкты людей, раскиданныхъ, разобщенныхъ въ жизни», и съ «экраномъ, отражающимъ для нашего зрѣнія лучи нашей общественной жизни», и съ нервами. Онъ называетъ далѣе газету «осуществительницей величайшей культурной миссіи,—миссіи, связанной можетъ быть съ самыми таинственными міровыми цѣлями всего процесса органической жизни: перерожденіемъ *воли* въ *представленіе*». И за всѣмъ тѣмъ я, долженъ признаться, не понялъ, чѣмъ должна быть газета, по мнѣнію г. Гайдебурова. Конечно, виновата тутъ можетъ быть только именно моя непонятливость, но, можетъ быть, и краснорѣчіе г. Гайдебурова не заслуживаетъ снисхожденія,—и краснорѣчіе, и разумѣніе. Тѣмъ болѣе, что самъ онъ, подносящ разные великолѣпные титулы себѣ и своимъ сотрудникамъ, не имѣетъ снисхожденія къ прочему газетному человѣчеству. Онъ задается, между прочимъ, вопросомъ: «нужно ли намъ вообще *много* газетъ»? и отвѣчаетъ: «Я думаю, что намъ нужно не столько большое количество газетъ, сколько опредѣленное ихъ качество, и что безъ этого условія множество газетъ безполезно, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и вредно». Какая

бы доля правды ни заключалась въ этомъ азбучномъ разсужденіи, но согласитесь, что предлагать его читателю на первыхъ же строкахъ перваго номера новой газеты не сталъ бы и владѣлецъ Черно-озерскаго ресторана, еслибы онъ былъ на мѣстѣ г. Гайдебурова; не сталъ бы даже и въ томъ случаѣ, еслибы не былъ обезпеченъ такими «умными, талантливыми и передовыми» поварами, какъ гг. Дѣдловъ, Сыромятниковъ и проч.

Итакъ, чѣмъ же должна быть газета? Бассейномъ, экраномъ, нервомъ, перерожденіемъ воли въ представленіе... Все это, конечно, не оставляетъ желать лучшаго въ смыслѣ красоты слога, но немножко неопредѣленно. Нельзя ли, по крайней мѣрѣ, узнать, въ чемъ состоитъ то «опредѣленное качество», безъ котораго даже множество газетъ безполезно, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вредно? Это можно. Г. Гайдебуровъ называетъ это качество, не заслоняясь экранами и бассейнами: искренность. Онъ говоритъ: «Я думаю, что если-бы этого качества — искренности—требовали всѣ: и читатели, и редакціи, и писатели, и правительство, требовали-бы во что-бы то ни стало, и всѣ свои дѣйствія направляли-бы на то, чтобы обезпечить газетамъ, именно, это качество,—то всѣ тяжелые, иногда мучительные, вопросы устройства нашей печати рѣшались-бы сами собой, легко и просто, къ общему удовольствію, и газетъ у насъ было-бы столько, сколько нужно для жизни, не больше и не меньше, и свободой, не только появленія на свѣтъ, но и роста и дѣйствія онѣ пользовались-бы тоже въ мѣру, нужную для жизни, не больше и не меньше».

Чтобы газетъ было не меньше, чѣмъ нужно для жизни, — это естественное желаніе каждаго писателя и каждаго читателя, но г. Гайдебурова очень безпокоитъ мысль: а вдругъ, да ихъ будетъ *больше*, чѣмъ нужно? Казалось бы, волноваться тутъ не изъ чего, потому что, еслибы оказалось излишество газетъ, такъ сама жизнь съ ними и справится. А вотъ, подите же,—волнуется человѣкъ, и въ волненіи своемъ даже искренность цѣнить въ качествѣ регулятора количества газетъ. Это мысль очень интересная, и ее можно бы было развить до предѣловъ, для г. Гайдебурова совершенно, по всей вѣроятности, неожиданныхъ. Но мы этимъ заниматься не будемъ. Замѣчу только, что вѣдь, напримѣръ, и г. Медвѣдскій требовалъ отъ меня недавно искренности, только искренности...

Любопытно еще слѣдующее замѣчаніе г. Гайдебурова: «у насъ иные боятся печати, какъ великой опасности, другіе возлагаютъ на нее миссію какой то борьбы, по существу нелѣпой, ибо она должна быть прямо или косвенно, но въ концѣ концовъ всетаки «дозволена цензурой».

Я думаю, что если на печати лежитъ извѣстная созидательная, творческая задача, то не менѣе того и задача борьбы, доколѣ на свѣтѣ существуетъ всякаго рода неправда,— неправда невѣжества и заблужденій и неправда нравственная. И если борьба

эта происходитъ подъ контролемъ цензуры, такъ вѣдь не изъята изъ него и «искренность» г. Гайдебурова; и даже его перерожденіе воли въ представленіе...

Къ характеристикѣ «Руси» надо еще прибавить слѣдующее.

Въ статьѣ «Распространеніе земскихъ учрежденій», между прочимъ, говорится: «ниже въ отдѣлѣ «сужденій печати», читатель найдетъ одно изъ важныхъ соображеній, принадлежащее мѣстному органу печати и касающееся вліянія земскихъ учрежденій на общій тонъ общественной жизни». Напрасно, однако, читатель будетъ искать «ниже» упомянутаго «важнаго соображенія»: его нѣтъ ни ниже, ни выше, какъ нѣтъ и всего отдѣла «сужденій печати». Г. Гайдебуровъ, занятый «самыми таинственными міровыми цѣлями всего процесса органической жизни», не досмотрѣлъ того, что у него подъ носомъ дѣлается. Это бываетъ, особенно, когда «Я самъ» вполнѣ увѣренъ, что его собственная болтовня объ экранахъ и бассейнахъ гораздо важнѣе «сужденій печати» вообще. Но читателю это едвали выгодно. А г. Гайдебуровъ, повидимому, еще многаго не досмотрѣлъ. Въ объявленіяхъ «Руси» говорилось о двухъ изданіяхъ: первомъ, которое должно представлять собою большую газету размѣровъ «Новаго Времени» и «Новостей» (14 руб. въ годъ безъ доставки) и второмъ, маленькомъ, первый № котораго и лежитъ теперь передо мной. И въ немъ напечатано: «Первое изданіе «Руси», вслѣдствіе сложныхъ техническихъ условій, начнетъ выходить въ свѣтъ лишь черезъ нѣкоторое время. Впредь до выхода перваго изданія, подписчикамъ этого изданія будетъ высылаться второе, а по выходѣ перваго имъ будетъ возвращена излишне внесенная ими часть подписной суммы, за время высылки второго изданія». Я не знаю, что называетъ г. Гайдебуровъ сложными техническими условіями, но, ухитрившись сдѣлать второй шагъ прежде перваго, онъ доказалъ, что для него никакія трудности не существуютъ. Любопытно бы только знать, долго ли подписчики на первое изданіе «Руси» будутъ получать второе, которое они получать не желали. Такъ какъ г. Гайдебуровъ, вѣруя въ свое великолѣпіе, явственно сунулся въ воду, не спросясь броду, то «нѣкоторое время» можетъ, пожалуй, и на цѣлый годъ растянуться.

Самою цѣнною вещью въ первомъ № «Руси» является письмо папы Пія IX къ императору Александру II и отвѣтъ императора. Къ сожалѣнію, редакція «Руси», получившая эти во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно интересные историческіе документы изъ «семейнаго архива» Н. Л. Гладкаго, не ручается за ихъ «точность».

Эти же любопытные документы, напечатаны въ пробномъ и первомъ №№ газеты «Утро».

Я хотѣлъ говорить и объ этой газетѣ, но не буду. 4-го января ей объявлено запрещеніе розничной продажи. Не знаю, чѣмъ заслужила она эту кару, но, не имѣя причинъ желать успѣха газетѣ г. Баталина, не нахожу всетаки удобнымъ говорить объ ней, именно,

теперь. По той же причинѣ обойду молчаніемъ газету «Лучъ», 4-го января получившую первое предостереженіе и запрещеніе разничной продажи, а затѣмъ пріостановившуюся впредь до утвержденія редактора...

Перехожу къ «Міровымъ Отголоскамъ». Газета эта, столь похожая и столь не похожая на «Голосъ», стоитъ прежде всего, подобно «Руси», за искренность. «Безусловная искренность и твердость убѣжденій стоитъ у насъ на первомъ планѣ»,—этими словами начинается передовая статья въ первомъ номерѣ. Въ фельетонѣ того же номера проф. Тархановъ излагаетъ «задачи печати». По опредѣленію почтеннаго физіолога, идеальный публицистъ долженъ, кромѣ ума и знаній, отличаться еще тремя основными природными свойствами: «тонкой *отзывчивостью* ко всѣмъ явленіямъ общественной жизни, *тактомъ* при анализѣ ихъ и безграничнымъ стремленіемъ къ *правдѣ*. Такъ называемое «*чутье*», руководясь которымъ онъ улавливаетъ незамѣтныя для обыкновеннаго обывателя явленія общественной жизни и реагируетъ на нихъ надлежащимъ образомъ, находится въ ближайшей зависимости отъ его природной отзывчивости и высоты историческаго пониманія соціальныхъ явленій; *искренность*, прямолинейность, проявляемая публицистомъ при разборѣ тѣхъ или другихъ явленій или событій, является послѣдствіемъ его природнаго влеченія къ правдѣ; а *своевременность* поднимаемыхъ публицистомъ вопросовъ и объективное обсужденіе ихъ являются послѣдствіемъ его природнаго такта.»

Надо, однако, замѣтить, что заявленіе объ искренности, даже «безусловной искренности», не мѣшаетъ передовой статьѣ «Міровыхъ Отголосковъ» быть въ высокой степени криволинейною, какъ сказалъ бы проф. Тархановъ, отождествляющій, вѣроятно по неопытности въ публицистикѣ, искренность съ «прямолинейностью».

Передовая статья эта представляетъ собою какіе то странные, капризно перепутанные арабески. Арабески — очень красивый орнаментъ, но только орнаментъ, и строить по ихъ образу и подобію самое зданіе дѣло невозможное. Арабески, не смотря на характерную для нихъ перепутанность ломаныхъ линій, представляютъ собою нѣчто художественно цѣльное. А логическіе арабески передовой статьи «Міровыхъ Отголосковъ» точно разными руками выписаны, при чемъ одна рука нисколько не сообразовалась съ тѣмъ, что дѣлаетъ другая и, можетъ быть, третья, четвертая. Общія мѣста о благѣ родины, о служеніи истинѣ и т. п.—въ счетъ не идутъ: ихъ во всѣхъ газетахъ, новыхъ и старыхъ, могла бы одна и та же рука писать, до такой степени они шаблонны. Но вотъ среди подобныхъ общихъ мѣстъ вдругъ кто то вспоминаетъ о «биржевомъ ажіотажѣ» и вписываетъ соотвѣтственное, а другой придѣлываетъ нѣчто свое, о какой то «болѣзни мнѣнія», третій интересуется состояніемъ беллетристики и опять же свое приписываетъ. Получается слѣдующее:

«Міровые Отголоски» будутъ всемѣрно стараться поставить извѣстные предѣлы развитію новыхъ пороковъ и новыхъ общественныхъ язвъ. Они будутъ стоять за искорененіе биржевого ажіотажа, за удаленіе всяческихъ шарлатановъ, шантажистовъ и, вообще, возлюбившихъ мзду неправедную и въ особенности тѣхъ, которые служатъ одновременно и Богу, и маммонѣ. Они еще энергичнѣе, чѣмъ нынѣ, будутъ стараться научать людей служить гражданственности не ради идоловъ языческой цивилизаціи, а во имя Бога живого и истиннаго, повелительно требующаго любить «малыхъ силъ» и жертвовать жизнію «за други своя». Въ здоровой Россіи оказываются явственные признаки болѣзни. Есть болѣзнь тѣла—тѣло Россіи здорово; есть болѣзнь мнѣнія, которая имѣетъ тѣ же признаки, какъ болѣзнь тѣла. Можно сравнить произведенія печати съ хорошими или дурными жизненными припасами, которые или укрѣпляютъ, или разстраиваютъ тѣло. Къ числу послѣднихъ слѣдуетъ отнести ту философію, которая отвергаетъ Бога и христіансмую мораль. Всякое торжество подобныхъ идей, искуственно возращаемыхъ въ обществѣ, есть пораженіе человѣческой цивилизаціи и задержка культуры, а печатное слово, распространяющее ихъ между строкъ, является орудіемъ злонамѣренности и недобросовѣстности. Въ самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе распространенія такихъ идей, нравственный и умственный уровень въ обществѣ замѣтно падаетъ, искусства разлагаются, въ беллетристикѣ обнаруживается преобладаніе одной лишь формы, технически усовершенствованной, при отсутствіи глубокаго внутренняго содержанія. Мало того, благодаря всему этому, народныя массы, лишаясь въ извѣстной мѣрѣ здраваго руководящаго элемента, бѣднѣютъ и грубѣютъ».

Прочитавъ эту тираду, вы невольно задаетесь вопросомъ: какая связь между отдѣльными ея частями? Новые пороки... биржевой ажіотажъ... языческая цивилизація... болѣзнь мнѣнія... чтеніе между строкъ... упадокъ искусства... обѣднѣніе народныхъ массъ... Быть можетъ, и есть такая точка зрѣнія, съ которой всѣ эти предметы объединяются въ одно цѣлое, но въ статьѣ «Міровыхъ Отголосковъ» она не указана. Не утверждаю я далѣе, что статья дѣйствительно разными руками писана, но она производитъ такое впечатлѣніе. Какая такая въ наше время «языческая цивилизація»? она ли, именно, «распространяется между строкъ»? способствовала ли, напримѣръ, въ античной Греціи настоящая языческая цивилизація упадку искусства? Какимъ путемъ писаніе между строкъ вліяетъ на обѣднѣніе народныхъ массъ? и т. д., и т. д.

Что касается фельетона проф. Тарханова, то для пирожника, вздумавшаго тачать сапоги, онъ даже очень недуренъ. А съ теченіемъ времени почтенный физіологъ, можетъ быть, и совсѣмъ войдетъ въ свою новую роль. Между прочимъ, онъ возлагаетъ на печать благородную задачу, «дѣйствуя въ духѣ симпатіи созидать міръ (миръ?) и согласіе между народами, способствуя на почвѣ любви

и взаимности выгодъ соединенію народовъ міра въ одну высшую біологическую единицу, именуемую *человѣчествомъ* и члены которой, т. е. *народы* должны будутъ стоять въ тѣхъ же отношеніяхъ ко всему человѣчеству, какъ отдѣльные *граждане* къ народу или какъ *клѣтки* сложнаго организма къ цѣлому организму.» Независимо отъ слишкомъ избитой аналогіи, это прекрасная мысль, хотя тоже довольно избитая, но нуждающаяся въ постоянномъ повтореніи. Страннымъ образомъ, рядомъ съ нею г. Тархановъ ставитъ такое положеніе: «печати нечего смущаться картиной грандіозныхъ затратъ цивилизованныхъ націй на вооруженія». И это потому, что, въ силу еще одной избитой мысли, милитиризмъ долженъ, такъ сказать, съѣсть самъ себя: чѣмъ грознѣе и убійственнѣе будутъ способы взаимнаго истребленія народовъ, тѣмъ труднѣе имъ будетъ рѣшаться на кровавыя распри. Вотъ что называется дѣйствительно «прямолинейностью», которую г. Тархановъ неосновательно смѣшиваетъ съ искренностью. Допустимъ, что усиленныя вооруженія приведутъ въ неизвѣстномъ будущемъ къ тѣмъ благимъ результатамъ, которыхъ ждетъ г. Тархановъ. Но всетаки улита ѣдетъ—когда то будетъ, а побочные результаты развивающагося по всей Европѣ милитаризма (хотя бы, напримѣръ, одно непомѣрное усиленіе налоговъ) совсѣмъ не такого свойства, что ими «печати нечего смущаться». Надо надѣяться, что недосмотръ г. Тарханова зависитъ отъ его неопытности и что, какъ говорится у Островскаго объ одномъ молодомъ человѣкѣ, «это отъ молодушества, со временемъ проходитъ».

Ожидаемая «Міровыми Отголосками» г. Трубникова высшая біологическая единица, именуемая человѣчествомъ, въ которой сольются всѣ національности, не соблазняетъ газету «Гласность» г. Пятковскаго. И вотъ почему: «Многіе народы глубокой древности достигли высшей степени матеріальнаго и духовнаго процвѣтанія, не имѣя ни малѣйшаго представленія о томъ, что принято теперь называть «политическою свободой», въ примѣненіи ея къ отдѣльнымъ личностямъ. Между тѣмъ, понятіе о національной свободѣ и независимости никогда не служило предметомъ споровъ и недоразумѣній; привязанность къ родному языку, отечеству, религіи и обычаямъ, т.-е. къ тому, что называется «національною индивидуальностью», всегда жила и будетъ еще долго жить въ сознаніи народовъ, не смотря на проповѣдь космополитовъ о какой то «общечеловѣческой семьѣ».

Какъ будетъ «Гласность» проводить демаркаціонную линію между политическою и національною свободою — можно отчасти уже и изъ перваго номера видѣть. Органъ г. Пятковскаго очень недоволенъ Европой, но вмѣстѣ съ тѣмъ выбираетъ для себя одну изъ европейскихъ программъ, притомъ одну изъ худшихъ: антисемитизмъ. Валить всѣ бѣды на евреевъ по малой мѣрѣ не умно и въ Европѣ, хотя бываетъ и выгодно для же-

лающихъ мутить воду, дабы съ тѣмъ большимъ удобствомъ ловить въ ней рыбу. А «Гласность» желаетъ и къ намъ привить эту по малой мѣрѣ не умную точку зрѣнія. Естественно выходитъ еще не умнѣе, чѣмъ въ Европѣ. Передовая статья перваго № «Гласности» рекомендуется, между прочимъ, такъ: «Мы отрицаемъ и аракчеевщину, идущую сверху, и пугачевщину, поднимающуюся снизу». Это не удивительно: хорошаго мало, какъ въ аракчеевщинѣ, съ одной стороны, такъ и въ пугачевщинѣ съ другой, такъ что едва-ли даже есть надобность столь торжественно «отрицать» ихъ. Но удивительно непосредственное продолженіе отрицанія «Гласности»: «*Идя по этому пути*, мы будемъ отходить одинаково далеко и отъ дикаго обскурантизма нашей псевдо-консервативной прессы, и отъ буржуазно-еврейскаго либерализма, ведущаго недостойную игру со всѣми принципами христіанской цивилизаціи и гуманности». Емельянъ Пугачевъ вѣроятно очень удивился бы такому сопоставленію его съ «буржуазно-еврейскимъ либерализмомъ», да и послѣдній, въ свою очередь, почувствовалъ бы себя немножко жутко въ обществѣ Емельяна Пугачева. Но «я думаю, что Карѳагенъ надо разрушить». Въ томъ же первомъ № «Гласности» есть статья «Россія и Западная Европа», въ которой читаемъ: «Что такое изображаетъ собою пресловутое западно-европейское «братство людей» какъ не братскій союзъ лже-либерализма съ «вѣчнымъ жидомъ», общими усиліями подготовляющихъ побѣду талмудизма надъ христіанствомъ и капитала надъ трудомъ».—Ясно, что надо разрушить, именно, Карѳагенъ, а не что либо иное.—Задачу свою «Гласность» формулируетъ такъ: «Открывать и бичевать всякое злоупотребленіе духовной властью, всякое нарушеніе закона и долга передъ Царемъ и отечествомъ, способствовать развитію и самосовершенствованію созданныхъ русскимъ народомъ и дарованныхъ ему верховной властью національныхъ учрежденій,—вотъ что мы понимаемъ подъ гласностью и прогрессомъ, и къ чему будемъ стремиться по мѣрѣ силъ и способностей на столбцахъ нашей газеты».

Но разрушить-то всетаки надо Карѳагенъ, ибо въ другомъ мѣстѣ той же статьи, объявляя себя «принадлежащею къ партіи союза Царя съ народомъ» (возможно ли говорить о такой партіи?), газета сводитъ ея задачу, всю цѣликомъ, къ слѣдующему: «по возможности отстаивать государственное и національное единство Россіи отъ просачиванія чужеядныхъ разлагающихъ элементовъ; не смотря на всѣ таможенныя преграды, элементы эти, въ лицѣ безпочвенныхъ сыновъ Израиля и іудействующихъ либераловъ, уже успѣли свить себѣ гнѣздо въ русскомъ обществѣ и даже, увы, проникли въ качествѣ паразитовъ въ русскій народъ».

Такимъ образомъ, «всякое злоупотребленіе духовною (?) властью, всякое нарушеніе закона» исходитъ, повидимому, отъ «чужеядныхъ и разлагающихъ элементовъ», а иныхъ чужеядныхъ и разлагающихъ элементовъ, кромѣ «безпочвенныхъ сыновъ Израиля и іудейству-

ющихъ либераловъ», у насъ нѣтъ... Сомнѣваюсь, чтобы газета, одолѣваемая столь однопредметною idée fixe, могла сослужить полезную службу своему отечеству. И какъ не вспомнить Каткова, котораго, надо думать, и г. Пятковскій не заподозритъ ни въ «іудействующемъ», ни въ какомъ другомъ либерализмѣ и который, кажется, не подлежитъ подозрѣнію по части «государственнаго и національнаго единства Россіи.» Въ 1882 г. онъ писалъ: «Нельзя всѣхъ евреевъ собрать въ одну шею, чтобы заразъ отрубить имъ всѣмъ головы; нельзя также выгнать ихъ всѣхъ за нашу границу, если не считать таковою теченіе Днѣпра; нельзя и переселить всѣ эти четыре милліона въ восточные края, трудно также выслать ихъ всѣхъ въ Палестину или въ Америку. Сколько бы умныхъ вещей мы ни наговорили, мы всетаки останемся съ евреями, въ этомъ сомнѣнія быть не можетъ при малѣйшемъ серьезномъ взглядѣ на дѣло. Откуда-же теперь, именно теперь, это странное возбужденіе, которое ни къ чему доброму придти не можетъ.» («Московскія Вѣдомости» 1882, № 110). Въ томъ же году (№ 94) Котковъ по одному частному вопросу писалъ: «Если къ кабаку мы равнодушны, то противъ шинкаря-жида мы вдругъ вознегодовали до готовности избить и сжить со свѣта все еврейское населеніе. Въ жидѣ-шинкарѣ увидѣли мы почему-то вдругъ виновника раззоренія Россіи и бѣдственнаго состоянія ея крестьянства»...

Цитаты эти напоминаютъ намъ, что есть и еще одна, если не новая, то обновленная газета—«Московскія Вѣдомости», поступившія съ конца прошлаго года въ завѣдываніе г. Грингмута.

Свое вступленіе въ редактированіе «Московскихъ Вѣдомостей» г. Грингмутъ оповѣстилъ особой статьей, смыслъ которой состоитъ въ томъ, что новый редакторъ намѣренъ «постепенно вводить въ содержаніе газеты дальнѣйшія усвершенствованія, соотвѣтствующія ея достоинству и значенію»; но—прибавляетъ г. Грингмутъ—«измѣненія эти, само собою разумѣется, отнюдь не будутъ касаться той ясной, опредѣленной программы, которую завѣщалъ своимъ преемникамъ М. Н. Катковъ» (Москов. Вѣд. 10 дек. 1896, № 340). Программа Каткова едва ли была столь ясна и опредѣленна, какъ думаетъ новый редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей», но нѣкоторыя ея части, и главнымъ образомъ отрицательные ея пункты были дѣйствительно достаточно опредѣленны. Такъ что въ этомъ отношеніи г. Грингмуту нѣтъ надобности выдумывать порохъ. Но въ чемъ же состоятъ «дальнѣйшія усовершенствованія, соотвѣтствующія достоинству и значенію» газеты?

Одинъ эпизодъ изъ дѣятельности новой редакціи «Московскихъ Вѣдомостей» надѣлалъ большого шума, и можетъ быть именно въ немъ слѣдуетъ искать выраженія тѣхъ усовершенствованій, кото-

рыя соотвѣтствуютъ «достоинству и значенію» печатнаго слова, какъ ихъ понимаютъ «Московскія Вѣдомости».

Въ № 349 (19 дек. 1896), въ передовой статьѣ, озаглавленной: «Есть ли въ Россіи партіи?» «Московскія Вѣдомости», между прочимъ, пишутъ: «Мы снова повторяемъ то приглашеніе, которое мы уже разъ сдѣлали оффиціальнымъ органамъ нашихъ враговъ, «Русскимъ Вѣдомостямъ» и «Вѣстнику Европы» *): пусть они категорически заявятъ себя вѣрноподданными Русскаго Самодержавнаго Царя, и мы тотчасъ повѣримъ имъ. Развѣ это такъ трудно для нихъ? Вѣдь это только было бы повтореніемъ принесенной ими присяги». За исполненіе этого требованія «Московскія Вѣдомости» обѣщали великія и богатыя милости, обѣщали «съ открытою радостью, съ искреннимъ восторгомъ первые протянуть руку своимъ теперешнимъ врагамъ». Но «Русскія Вѣдомости» не польстились на эти обѣщанія, и такъ какъ это было уже не первое къ нимъ «приставаніе», то они, очевидно, вышли, наконецъ, изъ терпѣнія и отвѣтили съ несвойственною имъ рѣзкостью. Почтенная газета объявила именно, что она не намѣрена отвѣчать на «глупые вопросы», и въ свою очередь сама задала вопросъ: кѣмъ уполномоченъ г. Грингмутъ призывать людей ко вторичной присягѣ? Вопросъ дѣйствительно любопытный. Въ законѣ точно указаны обстоятельства, при которыхъ приносится присяга, и нѣтъ такого закона, чтобы любой охочій человѣкъ,—хотя бы онъ назывался г. Грингмутъ,—могъ въ любое время хватать любого мимоходящаго человѣка,—хотя бы это былъ его врагъ,—и приводить его къ присягѣ. Немудрено, что вопросомъ, заданнымъ «Русскими Вѣдомосями», заинтересовалась и петербургская печать: «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Новое Время», «Торгово-Промышленная газета», «Лучъ», «Народъ» и, кажется, еще нѣкоторыя газеты. Даже кн. Мещерскій не одобрилъ. Любопытно слѣдующее, вырвавшееся у него при этомъ признаніе: «Съ плеткою въ рукахъ, съ дерзкою и превысокомѣрною рѣчью въ устахъ, въ защиту завѣтовъ и основъ русскаго порядка, нельзя при самыхъ умныхъ и сильныхъ рѣчахъ внушать любовь къ тому, во имя кого или чего возвышаешь голосъ... Своихъ всетаки смущаешь, а чужихъ множишь... Я это прежде не сознавалъ, но потомъ понялъ и пришелъ къ убѣжденію, что первое условіе успѣха въ борьбѣ съ политическимъ противникомъ,—это дать понимать и чувствовать читателю спокойствіе за себя и терпимость къ нему». Достоинъ также вниманія конецъ статьи г. Гольмстрема въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»: «Московскія Вѣдомости» считаютъ себя, повидимому, всею Россіей, единою Россіей и единственно русской партіей, а также монополистами благонадежности. Мнѣ, пожалуй, можно было бы радо-

*) Въ одной изъ нашихъ статей, появившихся въ «Русскомъ Обозрѣніи» за подписью «Spectator».

ваться этому, потому что я только что получилъ отъ нихъ свидѣтельство благонадежности, въ видѣ приглашенія сотрудничать. Пусть настоящая статья будетъ моимъ отвѣтомъ».

Г. Грингмуту пришлось выслушать много непріятныхъ для него вещей—и выслушать молча, да и что бы онъ могъ возразить? Но въ душѣ онъ, можетъ, быть и до сихъ поръ думаетъ, что съ его стороны произошла только, такъ сказать, техническая ошибка, въ принципѣ не противорѣчащая «достоинству и значенію газеты».

Другіе органы печати думаютъ иначе. Но вотъ что любопытно. Самъ г. Грингмутъ указываетъ, что онъ уже не въ первый разъ дѣлаетъ свое странное предложеніе. Почему же только теперь встрѣтило оно насмѣшки и негодованіе? Habent sua fata всякаго рода писанія, и я думаю, что безобразная выходка «Московскихъ Вѣдомостей» прошла бы незамѣченною или, по крайней мѣрѣ, не отмѣченною, еслибы автору отвѣта «Русскихъ Вѣдомостей» не легла подъ перо удачная постановка вопроса: кѣмъ уполномоченъ г. Грингмутъ приводить людей ко вторичной присягѣ? Но, воздавая ей должное, какъ полемическому пріему, надо все таки сказать, что постановка эта указывала только на присвоеніе себѣ г. Грингмутомъ исключительныхъ правъ, ему не принадлежащихъ. Это обстоятельство, конечно, достойно всякаго вниманія, какъ особенно яркое и наглядное выраженіе стремленія нашихъ такъ называемыхъ консерваторовъ узурпировать ту самую власть, къ огражденію которой они объявляютъ себя нарочито призванными. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь именно искреннѣйшій вѣрноподданный и убѣжденнѣйшій приверженецъ самаго принципа самодержавія долженъ возмутиться требованіемъ г. Грингмута, все равно, какъ искреннѣйшій православный возмутился бы, узнавъ, что какой нибудь охочій человѣкъ требуетъ отъ мимоходящихъ громогласнаго прочтенія символа вѣры. Изъ этого слѣдуетъ, что такъ называемая благонамѣренность, при излишнемъ усердіи не по разуму, способна ставить своихъ носителей въ очень двусмысленныя положенія. Своимъ вопросомъ «Русскія Вѣдомости» рѣзко выдвинули эту сторону дѣла, но у него есть еще и другая сторона, насъ, представителей печатнаго слова, собратовъ г. Грингмута по профессіи, ближе касающаяся. Нельзя сказать, чтобы и эта сторона не была затронута въ газетныхъ статьяхъ, вызванныхъ упомянутымъ полемическимъ эпизодомъ, но мнѣ кажется, она не была оцѣнена въ достаточной мѣрѣ.

Формальнаго, юридическаго права призывать кого ему вздумается къ присягѣ г. Грингмутъ не имѣетъ, и разъ онъ посягаетъ на это не ему принадлежащее право,—онъ самъ себя ставитъ въ комическое положеніе вмѣсто того грознаго, которое онъ желаетъ занять: онъ потребуетъ присяги, а ему посмѣются въ глаза, и дѣло съ концомъ. Не имѣетъ онъ также права подвергать заподозрѣнныхъ имъ въ чемъ либо предосудительномъ полицейскому надзору и

сыску,—для этого существуютъ особые спеціальные органы государства. И если г. Грингмутъ обратится, напримѣръ, ко мнѣ съ допросомъ, я можетъ быть и удовлетворю его любознательность (какъ удовлетворилъ недавно любознательность г. Медвѣдскаго, который, мимоходомъ сказать, теперь «категоряетъ усю систему» въ газетѣ г. Грингмута: qui se ressemblent—s'assemblent), а можетъ быть предоставлю ему вопіять въ пустынѣ или скажу, какъ «Русскія Вѣдомости»: «на такіе глупые вопросы я не отвѣчаю». Но этимъ еще не рѣшается вопросъ о нравственномъ значеніи подвиговъ «Московскихъ Вѣдомостей», о томъ, въ какой мѣрѣ составляютъ они «усовершенствованіе, соотвѣтствующее достоинству и значенію» печатнаго слова. Повторяю, и въ этомъ отношеніи различные органы печати высказались, но пикантный вопросъ о правѣ г. Грингмута приводить къ присягѣ какъ то заслонилъ собою нравственный элементъ подвиговъ новаго редактора московской газеты и помѣшалъ обратить должное вниманіе на нѣкоторыя подробности ихъ.

Въ № 363 «Московскихъ Вѣдомостей» (13 дек.) напечатана статья «Краснорѣчивое молчаніе», подписанная «Эскамильо». Это есть нѣкоторое дополненіе или разъясненіе къ «опыту изслѣдованія либеральной терминологіи». Прежде, чѣмъ приступить къ изученію «краснорѣчиваго молчанія», г. Эскамильо изслѣдовалъ термины «доносъ», «инсинуація», «искаженіе мыслей». Онъ пришелъ къ тому заключенію, что термины эти употребляются «либералами» неправильно, а именно для замаскированія либо своего безсилія, либо преступныхъ цѣлей, а тѣ благороднѣйшіе поступки, которые «либералы» клеймятъ этими названіями, отнюдь ихъ не заслуживаютъ. Надо замѣтить, что г. Эскамильо (подобно «Московскимъ Вѣдомостямъ» вообще) полагаетъ, повидимому, что у насъ на Руси существуютъ только два сорта людей: «консерваторы» и «либералы», причемъ первые и должны существовать, существованіе же послѣднихъ незаконно. Разъяснивъ упомянутые три пункта «либеральной терминологіи», г. Эскамильо приступаетъ къ четвертому: «залѣзаніе въ душу», причемъ выясняется и «консервативный» терминъ «краснорѣчивое молчаніе». Поистинѣ изумителенъ тотъ развязно хвастливый и вмѣстѣ съ тѣмъ шипящій, захлебывающійся отъ злорадства тонъ, которымъ г. Эскамильо излагаетъ свои мысли. Онъ пишетъ: «Противники либерализма, изволите видѣть, залѣзаютъ въ ихъ душу и, не гнушаясь подобной операціи, извлекаютъ изъ либеральныхъ душъ то, что особенно ревниво охраняется отъ посторонняго взора. Судя по необычайно грустной интонаціи, съ которою произносятся жалобы на «залѣзаніе въ душу», нужно думать, что сія операція производится отнюдь не безуспѣшно». Каковъ стиль?! Онъ мнѣ напоминаетъ одну сцену въ «Князѣ Серебряномъ» гр. А. Толстого,—когда Малюта Скуратовъ приходитъ издѣваться надъ кн. Серебрянымъ: «Голосъ Малюты, обыкновенно гру-

бый, теперь походилъ на визгъ шакала, нѣчто между плачемъ и хохотомъ». Онъ говоритъ: «Дозволь мнѣ, худородному, изъ княжеской спины твоей ремней выкроить! Дозволь мнѣ, холопу, боярскую кожу твою на конскій чепракъ снять? Дозволь мнѣ, смрадному рабу, вельможнымъ мясомъ твоимъ собакъ моихъ накормить!»

Я не то, конечно, хочу сказать, что г. Эскамильо такъ же страшенъ какъ Малюта Скуратовъ; я даже не думаю, чтобы разговору о г. Эскамильо приличествовала исключительно «необычайно грустная интонація». Нѣтъ, это зависитъ отъ настроенія. Можно, разумѣется, и погрустить объ униженіи «достоинства и значенія» печатнаго слова, но можно и разгнѣваться, а можно и посмѣяться надъ безсильной пародіей Малюты,—а что она есть дѣйствительно безсильная пародія, объ этомъ свидѣтельствуетъ встрѣча, оказанная новой редакціи «Московскихъ Вѣдомостей» самыми разнородными органами печати. Но шипящій тонъ «сей операціи», которой «не гнушаются» г. Эскамильо и его единомышленники, есть именно выраженіе сознающей себя нравственной «худородности», мстящей чужому превосходству: да, они, «изволите ли видѣть», по своимъ возвышеннымъ понятіямъ о «достоинствѣ и значеніи» печати, «гнушаются» нашими пріемами, а мы, худородные, всетаки «залѣзаемъ въ душу» и «производимъ» «сію операцію отнюдь не безуспѣшно».

И г. Эскамильо вполнѣ беззастѣнчиво разсказываетъ, въ чемъ, именно, состоитъ операція «залѣзанія въ душу». Иногда, говоритъ онъ, мы ловимъ своихъ противниковъ на «неосторожныхъ словахъ», иногда настигаемъ ихъ «между строкъ» и на «эзоповскихъ изворотахъ», но иногда они просто молчатъ,—какъ тутъ быть? не оставлять же молчащихъ въ покоѣ только потому, что они молчатъ? «Кто молчитъ умышленно, преднамѣренно, тотъ долженъ принять на себя и неудобства, находящіяся въ зависимости отъ занятой имъ позиціи. Комментировать молчаніе, *вообще* (курсивъ, какъ и далѣе, принадлежитъ г. Эскамильо), разумѣется, нельзя съ такою *точностью*, съ какою можно комментировать слова. Но основная причина молчанія *въ опредѣленныхъ случаяхъ* — всегда ясна. Въ ней ошибиться мудрено. Потому то разсматриваемый родъ молчанія и носитъ названіе *краснорѣчиваго*». И г. Эскамильо предполагаетъ продолжать свои «опыты изслѣдованія либеральной (и консервативной?) терминологіи, отмѣчая одновременно и практическое примѣненіе либералами тѣхъ пріемовъ, о которыхъ мы разсуждаемъ теоретически». Такимъ образомъ намъ предстоитъ увидѣть рядъ изслѣдованій не только книгъ, статей, вообще, литературныхъ произведеній Ивана, Сидора, Петра, но и ихъ *молчаній*... Пока г. Эскамильо даетъ только неопредѣленный образчикъ этого рода изслѣдованій. Онъ говоритъ: «Предположимъ, для примѣра, что въ разгаръ франко-русскихъ торжествъ какая-нибудь газета, внимательно слѣдящая и за гораздо меньшими событіями дня, ни слова не стала бы печатать объ этихъ торжествахъ. Всякій читатель газеты имѣлъ

бы право предположить, что такое молчаніе *преднамѣренное*, потому что *неестественное. Естественно* говорить о происходящихъ торжествахъ, а не замалчивать ихъ. Почему же молчитъ газета? На это намъ можетъ дать отвѣтъ ея общее направленіе. Если она — газета космополитическая (то-есть, признающая всѣ патріотизмы, за исключеніемъ русскаго), то безъ малѣйшей натяжки и вы, и я, и каждый другой имѣетъ основаніе придти къ выводу: газета молчитъ, *потому что не сочувствуетъ* франко-русскимъ торжествамъ».

Что же, однако, дѣлать съ людьми, молчаніемъ выражающими свое несочувствіе франко-русскимъ торжествамъ? Что они люди преступные,—это несомнѣнно для г. Эскамильо. Хотя и Катковъ въ разныя времена различно относился къ мысли о союзѣ Россіи съ Франціей, но теперь его преемники даже молчаніе на эту тему объявляютъ преступленіемъ или, по крайней мѣрѣ, признакомъ преступности, потому что, дескать, это—молчаніе на преступную тему... или преступное молчаніе на обязательную тему? Право не знаю, какъ слѣдуетъ квалифицировать «краснорѣчивое молчаніе» съ точки зрѣнія вмѣненія. Въ этомъ отношеніи нѣтъ никакихъ указаній ни въ нашемъ дѣйствующемъ законодательствѣ, ни во всей исторіи права. Что наши законы не воспрещаютъ молчанія, — этого, конечно, нѣтъ надобности доказывать... Но вотъ, напримѣръ, даже Тацитъ (который долженъ быть извѣстенъ г. Грингмуту со школьной скамьи), вспоминая въ жизнеописаніи Агриколы тяжелое прошлое, говоритъ: «Шпіонствомъ было отнято у насъ даже взаимное общеніе посредствомъ слова и слуха. Мы потеряли бы вмѣстѣ съ голосомъ и самую память, еслибы также было въ нашей власти забывать, какъ и *молчать*». (Цитирую по переводу г. Модестова: «Сочиненія Корнелія Тацита» I, 4). Такимъ образомъ, на что ужъ были жестокія времена, а на «власть молчать» ни у какого тогдашняго Эскамильо всетаки не поднималась рука. При Клавдіѣ славился въ качествѣ «обвинителя», какъ тогда называли этого рода людей, нѣкто Суиллій. Между прочимъ, онъ обвинялъ одного римскаго всадника въ томъ, что тотъ видѣлъ неблагонамѣренный сонъ, «именно, что онъ видѣлъ Клавдія въ вѣнкѣ изъ колосьевъ, причемъ колосья были перевернуты внизъ, и *будто бы онъ говорилъ*, что это сновидѣніе означаетъ дороговизну хлѣба» (Тацитъ, «Лѣтопись», кн. XI, гл. IV). Всетаки—«будто бы онъ *говорилъ*»...

Не буду больше цитировать Тацита, а только посовѣтую гг. Грингмуту и Эскамильо освѣжить въ своей памяти творенія великаго историка, котораго и они, конечно, признаютъ великимъ. Желая даже превзойти описанныя имъ мрачнѣйшія времена всемірной исторіи, они дѣлаютъ такой же промахъ, какъ и призывая мимоходящихъ ко вторичной присягѣ: не въ ихъ власти отнять у когонибудь «власть молчать». Но допустимъ, что ихъ нелѣпыя выходки могутъ отразиться на молчащихъ практическими послѣдствіями. Каковы же эти послѣдствія будутъ? Представимъ себѣ, что, на-

примѣръ, писатели X и Z молчатъ о франко-русскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ, или о какомъ бы то ни было другомъ предметѣ; и молчатъ, именно, потому, что ихъ мнѣнія на этотъ счетъ, если бы они были высказаны, были бы признаны вредными. Чего же лучше съ самой архи-охранительной точки зрѣнія: вредныя идеи не распространяются. Но вотъ является г. Эскамильо, «лѣзетъ въ душу» къ X и Z и выволакиваетъ оттуда на бѣлый свѣтъ вредную идею. Можно бы было не безъ успѣха доказывать, что это поступокъ «не патріотическій» и «не благонамѣренный». Но мы этимъ заниматься не станемъ, а продолжимъ свою гипотезу, что «залѣзаніе въ душу» отражается на X и Z, «краснорѣчивое молчаніе» которыхъ должно, по могущественному слову г. Эскамильо, прекратиться. Предположимъ далѣе, что, прекративъ свое молчаніе, X откровенно высказываетъ свои вредныя идеи,—настолько вредныя (изъ-за пустяковъ поднимать шумъ, конечно, не стоитъ), что немедленно же или по прошествіи извѣстнаго времени долженъ опять замолчать; Z же, напротивъ того, устрашенный, начинаетъ прикидываться благонамѣреннымъ во вкусѣ г. Эскамильо и, можетъ быть, даже превосходитъ его рвеніемъ... Впрочемъ, нѣтъ, это ужъ, пожалуй, и лишнее, да едва ли и возможно, а пусть Z преклоняется передъ воззрѣніями г. Эскамильо и старается, въ мѣру своихъ силъ и способностей, ему подражать: въ свою очередь залѣзаетъ кому слѣдуетъ въ душу, выволакиваетъ оттуда вредныя идеи и т. д., вплоть до полнаго очищенія всего поля россійской словесности. Какая величественная перспектива и какъ спокойно долженъ себя чувствовать среди этого чистаго поля г. Эскамильо! Какъ высоко поднялъ онъ «достоинство и значеніе» печатнаго слова!.. Всѣ плевелы выдернуты, и осталась одна пшеница... Но...—есть, вѣдь, эти маленькія «но», способныя иногда испортить самую величественную перспективу и отравить самыя возвышенныя радости,—но вѣдь Z ни больше, ни меньше, какъ лжецъ и лицемѣръ, лишь внѣшнимъ образомъ, страха ради эскамильска, отрекшійся отъ своихъ вредныхъ идей. Онъ ихъ держитъ, какъ камень, за пазухой и при случаѣ швырнетъ ими совсѣмъ не въ ту сторону, куда желательно г. Эскамильо. Если же г. Эскамильо, столь охочій до залѣзанія въ душу, не интересуется тѣмъ, что у его соратниковъ находится за пазухой; если онъ исповѣдуетъ безобразную мораль, выражаемую пословицей: «люби — не люби, а почаще взглядывай», то мы-то, посторонніе, отлично видимъ, что эта мораль не только безобразна, а и близорука. Жена, отъ которой требуютъ, чтобы она только «почаще взглядывала», а любитъ она или не любитъ, это, дескать, все равно,—такая жена не дастъ мужу и настоящихъ ласкъ. Такъ и у Z нѣтъ и не можетъ быть настоящихъ, отъ сердца къ сердцу идущихъ словъ для выраженія лицемѣрно воспринятыхъ имъ идей. Онъ можетъ съ дѣланною выразительностью колотить себя въ грудь, рвать на себѣ одежды, метать словесные громы и молніи, но все это будетъ не

настоящее и ни коимъ образомъ не поспособствуетъ подъему «достоинства и значенія» литературы. Иное злое сердце можетъ, конечно, радоваться, что идеи г. Эскамильо поддерживаются безсильными лицемѣрами,—и даже можетъ быть совсѣмъ не злымъ сердцемъ надо для такого радованія обладать,—но я говорю только о достоинствѣ и значеніи литературы, независимо отъ ея идейнаго содержанія, а лишь въ связи съ пріемами и нравами ея представителей. Какъ искреннее выраженіе извѣстныхъ мнѣній, одинаково достойна уваженія и «охранительная», и «либеральная», и всякая другая литература,—можно вѣдь и врага уважать. Но лицемѣріе ни въ комъ уваженія не вызываетъ, его въ концѣ концовъ непремѣнно должны презирать и тѣ, кому оно хочетъ угодить, не говоря уже о тѣхъ, на чей счетъ оно свои операціи производитъ. Это-то ужъ ни въ какомъ случаѣ не пшеница, а именно плевелы, насаждаемые (въ нашей гипотезѣ) г-мъ Эскамильо и комп.—Но за то другіе плевелы вырваны,—напоминаетъ г. Эскамильо: X то молчитъ.—Да, но вѣдь онъ и прежде молчалъ, по крайней мѣрѣ по тому вопросу, который г. Эскамильо принялъ отправнымъ пунктомъ для всего своего похода. И если онъ теперь замолкъ совсѣмъ, то хотя это и есть дѣло рукъ г. Эскамильо, но послѣдній тѣмъ самымъ выдалъ самому себѣ testimonium paupertatis, свидѣтельство о духовной бѣдности, безсильной бороться съ литературнымъ врагомъ литературными средствами. И если эта духовная бѣдность вдвоемъ съ лицемѣріемъ гарцуютъ по чистому полю россійской словесности, то «достоинство и значеніе» печатнаго слова... гдѣ они?

Все это чистая гипотеза, въ дѣйствительности въ полномъ своемъ объемѣ немыслимая: къ счастію, у г. Эскамильо руки коротки. Но въ нѣкоторыхъ органахъ печати несомнѣнно господствуетъ тенденція къ осуществленію этой гипотезы, вслѣдствіе чего духовная скудость и лицемѣріе играютъ достаточно видную роль въ современной литературѣ. И эти-то жалкіе нищіе и лицемѣры смѣютъ говорить о достоинствѣ и значеніи литературы, они, каждымъ своимъ шагомъ унижающіе литературу! Не мнѣ жалѣть объ томъ, что гг. Грингмуты и Эскамильо компрометируютъ себя и свою партію выходками въ родѣ требованія вторичной присяги или оправданія «залѣзаній въ душу». Если бы дѣло только объ нихъ шло, то пусть бы себѣ громоздили одну гору глупостей и безтактностей на другую. Но въ своемъ безумномъ стремленіи не мытьемъ, такъ катаньемъ погубить своихъ противниковъ, утопить ихъ какими бы то ни было средствами, они, сами того не понимая, топятъ не только себя, а и всю литературу. Было время, когда имѣла смыслъ насмѣшка надъ тѣми, кому «печатный каждый листъ быть кажется святымъ». Время это прошло, теперь ужъ едва ли есть наивные люди, съ благоговѣніемъ взирающіе на каждый печатный листъ и на каждаго писателя. И хорошо, конечно, что это время прошло, потому что оно свидѣтельствовало, съ одной стороны, о зародыше-

вомъ состоянiи общественнаго сознанiя, а съ другой — о полной оторванности литературы отъ жизни. По мѣрѣ того, какъ литература сближалась съ жизнью, спускаясь съ холодныхъ вершинъ отвлеченности въ мiръ житейскихъ радостей и печалей въ ихъ осязательной практической формѣ, естественно должны были являться люди благодарные ей и обиженные ею, друзья и враги. Наступило время гораздо болѣе трудное, потому что гораздо болѣе отвѣтственное; но какъ бы ни было оно трудно, какъ бы ни безвозвратно далека отъ насъ была первоначальная идиллiя, а литература въ цѣломъ, какъ литература, какъ голосъ общественнаго сознанiя со всѣми его оттѣнками, можетъ пользоваться общимъ уваженiемъ, можетъ и должна этого добиться, иначе въ корень подрѣзанъ самый смыслъ ея существованiя. Дѣло не въ томъ, что г. Грингмутъ или г. Эскамильо—консерваторы, а въ томъ, что они прибѣгаютъ къ недостойнымъ литературы прiемамъ и движутся недостойными литературы мотивами. Ни съ консервативной, ни съ какой другой политической точки зрѣнiя «залѣзанiе въ душу» молчащаго человѣка не нужно и не полезно. Нужно оно этимъ господамъ, чтобы заслужить одобренiе своей патрiотической дѣятельности, отъ которой не ускользаетъ даже не распространяемая, не выраженная вредная идея; оно полезно имъ, какъ отравленное оружiе въ борьбѣ съ конкурирующими органами печати. А это, конечно, мотивы мало почтенные, прямо недостойные литературы, какъ выраженiя общественнаго сознанiя (въ его консервативномъ, какъ и всякомъ другомъ оттѣнкѣ). Повидимому, выходки «Московскихъ Вѣдомостей» ничьего одобренiя не заслужили и отравленное оружiе оказалось не смертоноснымъ, но фактъ униженiя литературы остается. А вѣдь выходки эти—только грубѣйшiя варiацiи на темы, давно и часто эксплоатируемыя. Мы такъ къ этому привыкли, что даже не замѣчаемъ до какой степени наша общественная атмосфера заражена нелѣпою подозрительностью и безсмысленными обвиненiями.

Возьмемъ, напримѣръ, такой эпизодъ,—одинъ изъ сотенъ, можетъ быть, тысячъ. Въ № 146 (14 дек. 1896 г.) газеты «Вятскiй Край» напечатанъ отчетъ о засѣданiяхъ вятскаго губернскаго собранiя 11—13 декабря. Слушался, между прочимъ, докладъ о дешевыхъ сельскихъ библiотечкахъ, устроенныхъ по мысли покойнаго, такъ безвременно погибшаго Батуева. Докладъ вызвалъ «продолжительныя и жаркiя пренiя». Нѣкто г. Чемодановъ прочиталъ записку, въ которой между прочимъ говоритъ, «что онъ ничего не имѣетъ противъ симпатичнаго и полезнаго учрежденiя дешевыхъ сельскихъ библiотекъ, предпринятаго губернскою управою по инициативѣ незабвеннаго просвѣтителя сельскаго населенiя вятскаго края А. П. Батуева»; но что при томъ онъ недоумѣваетъ, откуда «въ обращенiи у народа встрѣчаются книги, которыя неодобрены или не могутъ быть одобрены для чтенiя въ народѣ, какъ напр.

«О попѣ и работникѣ его Балдѣ» Пушкина, «Хозяинъ и работникъ», «Свѣчка», «Три старца» и тому подобныя тенденціозныя изданія графа Толстого, «Русалка» Пушкина, въ которой рекомендуется развратъ за деньги, «Гдѣ любовь—тамъ и Богъ», запрещенная духовнымъ начальствомъ». Полагая, что земство не будетъ распространять книгъ, подрывающихъ основы, на которыхъ зиждется нравственный строй нашего православнаго народа, по мнѣнію г. Чемоданова естественно допустить, что «книги эти подъ прикрытіемъ земства проникаютъ въ народъ, можетъ быть, по внушенію изъ Цюриха и Женевы и тому подобныхъ просвѣтительныхъ центровъ съ цѣлію распространить въ народѣ недозволенныя идеи и тѣмъ не содѣйствовать, а противодѣйствовать благимъ желаніямъ земства». Далѣе г. Чемодановъ прибавляетъ, что сдѣланное имъ заявленіе вытекаетъ не изъ желанія ограничить роль земства въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, а единственно изъ желанія оградить народъ отъ нежелательныхъ вліяній и вятское земство отъ нареканій.

Г. Алашеевъ объяснилъ г. Чемоданову, что на основаніи закона 15 мая 1890 года библіотеки эти подчинены министерству внутреннихъ дѣлъ и составляются по особо изданнымъ министерскимъ каталогамъ, въ которыхъ, разумѣется, не могутъ находиться книги, почему либо нежелательныя для обращенія въ народѣ, что помимо того, по принятому обыкновенію, каждая книга, входящая въ составъ библіотеки, одобряется еще особо г. губернаторомъ и дирекціей народныхъ училищъ; притомъ завѣдующіе библіотеками утверждаются тѣмъ же губернаторомъ по предварительномъ одобреніи ихъ мѣстными священниками, земскими начальниками и дирекціей народныхъ училищъ. Дальше г. Алашеевъ заявилъ, что сочиненія Пушкина одобрены не только для народныхъ библіотекъ, но и для школьныхъ, и что здѣсь не можетъ быть и вопроса по существу. Г. Шиллегодскій прочиталъ статьи устава библіотекъ, которыми точно опредѣляется, какъ порядокъ учрежденія и составленія ихъ, такъ и порядокъ надзора, который всегда соблюдался земствомъ и не могъ не соблюдаться.

Пренія продолжались, и въ концѣ ихъ собраніе ассигновало на поддержаніе въ 1897 г. библіотекъ 3000 р. Надо замѣтить, что въ вятской губ., благодаря иниціативѣ Батуева существуетъ 2573 библіотеки въ сельскихъ обществахъ, 51 при больницахъ и 23 при арестныхъ помѣщеніяхъ, такъ что на поддержаніе каждой изъ нихъ въ 1897 г. приходится рубль съ копѣйками. Однако, этотъ рубль съ копѣйками прошелъ большинствомъ всего трехъ голосовъ (16—противъ рубля, 19—за него). Но очень вѣроятно, что въ числѣ 16 отрицательныхъ голосовъ были и такія, которые не противъ рубля съ копѣйками возставали, а повѣрили г. Чемоданову, что пушкинскія сказки или его же «Русалка», «въ которой рекомендуется развратъ за деньги», проникаютъ въ народъ «по внушенію изъ Цюриха и Женевы и тому подобныхъ просвѣтительныхъ центровъ».

Надо же этакое выдумать! Казалось бы, если г. Чемодановъ даже понятія не имѣетъ о «Русалкѣ» Пушкина, такъ ему, какъ земскому дѣятелю, интересующемуся сельскими библіотеками, должны быть извѣстны, по крайней мѣрѣ, тѣ чрезвычайныя гарантіи благонамѣренности, которыми эти библіотеки у насъ обставлены. Но ни дирекція народныхъ училищъ, ни земскіе начальники и священники, ни губернаторъ, ни министерскіе катологи не заслоняютъ Цюриха и Женевы отъ проницательнаго взора г. Чемоданова! И, поистинѣ, можно въ ужасъ придти, какъ подумаешь, сколькимъ элементарнѣйшимъ благимъ начинаніямъ вставляютъ палки въ колеса подобные проницательные люди, въ невинности своей увѣренные, что Пушкинъ «рекомендуетъ развратъ за деньги», что тѣмъ же озабочены Цюрихъ и Женева и пр.

Но Богъ съ нимъ, съ г. Чемодановымъ. Судя по вышеприведенному, онъ человѣкъ необразованный, можетъ быть, никогда ничего, кромѣ «Московскихъ Вѣдомостей», не читалъ, такъ что, вдохновившись ихъ примѣромъ, внесетъ въ одинъ прекрасный день въ вятское земское собраніе проектъ вторичной присяги или дознанія «объ чемъ молчатъ» такіе то и такіе гласные. Но если quod licet Jovi, non licet bovi, то и наоборотъ: quod licet bovi, non licet Jovi. Что простительно г. Чемоданову, то непростительно литературѣ. И общественное мнѣніе ей не прощаетъ. Уваженіе къ ней несомнѣнно падаетъ, что самымъ горькимъ и унизительнымъ образомъ отзывается на ея судьбахъ...

Я говорю не только о пріемахъ «Московскихъ Вѣдомостей». Пересмотрите все вышеизложенное. Эта похвальба г. Баталина своею «многолѣтнею извѣстностью», эта чудовищная реклама г. Гайдебурова и его же idée fixe—не слишкомъ ли много газетъ разрѣшено? Эти «Міровые Отголоски», зачѣмъ то такъ похожіе и такъ непохожіе на «Голосъ», это мирное сожительство въ одной и той же редакціи гг. Дѣдлова и Вл. Соловьева, гг. Абрамова и Сыромятникова,—развѣ все это можетъ возбуждать уваженіе къ русскому печатному слову? А, вѣдь, мы заглянули только въ объявленія и первые номера новыхъ газетъ и лишь «Московскимъ Вѣдомостямъ» удѣлили нѣсколько больше вниманія. Загляните, напримѣръ, въ № 3 «Руси», гдѣ напечатана пикантная статейка г. Дѣдлова «Либеральная печать»...

Надо надѣяться, что только что возникшій «Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей» поспособствуетъ упорядоченію нашихъ литературныхъ нравовъ и подъему уваженія къ печатному слову. Это первый въ своемъ родѣ опытъ, и «братья писатели» должны отнестись къ нему съ величайшею серьезностью, отложивъ въ сторону всѣ личные и партійные счеты и памятуя одно: достоинство и значеніе литературы. Было бы нелѣпостью мечтать о принци-

ціальномъ объединеніи представителей печати по разнообразнымъ теоретическимъ и практическимъ вопросамъ, подлежащимъ вѣдѣнію литературы, а въ принципѣ, если не на дѣлѣ,—что не подлежитъ ея вѣдѣнію? Не только такое объединеніе невозможно, но одною изъ задачъ союза должно быть, по крайней мѣрѣ, стремленіе обезпечить каждому мнѣнію безпрепятственное воплощеніе въ словѣ. И на этой то, всѣмъ общей, профессіональной почвѣ объединеніе и желательно, и возможно.

До сихъ поръ наша литература представляла собою нѣкоторую «разсыпанную храмину», въ разныхъ углахъ которой могло совершаться многое нежелательное, отчасти благодаря, именно, ихъ замкнутости и отрозненности. Долгое время единственнымъ сколько нибудь объединяющимъ литературнымъ центромъ былъ такъ называемый «литературный фондъ», имѣющій, однако, совершенно спеціальныя задачи. Еще болѣе спеціальныя цѣли преслѣдуетъ образовавшаяся впослѣдствіи при литературномъ фондѣ, но совершенно отъ него независимая, «пенсіонная касса». Съ 1886 г. существуетъ въ Петербургѣ «русское литературное общество», но и оно имѣетъ преимущественно спеціальныя задачи—эстетическія. Занятія общества состоятъ главнымъ образомъ въ томъ, что въ его собраніяхъ слушаются и обсуждаются художественныя или литературно-критическія произведенія его членовъ. Изъ отчетовъ общества видно, напримѣръ, что г. Авенаріусъ читалъ разсказъ «По внушенію», г. Аверкіевъ—отдѣльныя главы изъ романа «Художникъ Безпаловъ и нотаріусъ Подлещиковъ», г. Андреевскій—стихотворенія и т. п. Но сила вещей разорвала этотъ тѣсный кругъ дѣятельности «Русскаго литературнаго общества». Такъ, въ 1893 г. группа писателей обратилась въ общество съ просьбой возбудить вопросъ о литературной собственности, и общество приняло на себя эту задачу. Въ прошломъ году другая группа писателей, довольно случайнаго состава, численностью около 60 человѣкъ, обратилась въ общество съ просьбой содѣйствовать объединенію дѣятелей печатнаго слова, на почвѣ ихъ общихъ профессіональныхъ интересовъ. Общество тѣмъ съ большимъ вниманіемъ отнеслось къ этой просьбѣ, что въ немъ самомъ уже зарождалась мысль о необходимости расширить кругъ своей дѣятельности. Первоначальные 60 учредителей выбрали комиссію изъ 6 человѣкъ (К. К. Арсеньевъ, П. Д. Боборыкинъ, Н. И. Карѣевъ, Н. К. Михайловскій, Л. Е. Оболенскій, В. Д. Спасовичъ), которая, по соглашенію съ «Русскимъ литературнымъ обществомъ», выработала проектъ устава «Союза взаимопомощи русскихъ писателей», нынѣ утвержденный, съ слѣдующими измѣненіями и дополненіями, не затрогивающими существа проекта:

Пунктъ *з* § 2 проекта предоставляетъ Союзу «выпускать въ свѣтъ печатныя изданія и сборники». Въ уставѣ къ этому приба-

влено: «а также издавать періодическій органъ, съ соблюденіемъ дѣйствующихъ цензурныхъ правилъ».

Пунктъ *и* того же § проекта: «имѣть свою библіотеку и читальню». Въ уставѣ прибавлено: «съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ для публичныхъ библіотекъ».

Ко всему отдѣлу о «цѣляхъ Союза» прибавлены слѣдующія пять примѣчаній: «1) При устройствѣ литературныхъ чтеній, хотя бы напечатанныхъ съ дозволенія цензуры произведеній, должно быть каждый разъ испрашиваемо разрѣшеніе с.-петербургскаго градоначальника. 2) Для представителя полиціи назначается соотвѣтствующее мѣсто на каждый вечеръ или концертъ. 3) Музыкальные вечера, если они ограничиваются исполненіемъ музыкальныхъ пьесъ, изданныхъ съ надлежащаго разрѣшенія, могутъ быть устраиваемы безъ предварительнаго разрѣшенія, но если предполагается музыкальное исполненіе произведеній, не изданныхъ въ печати, то таковыя должны быть представляемы предварительно на разсмотрѣніе мѣстнаго цензурнаго учрежденія или власти, оное замѣняющей. 4) Независимо отъ вышеизложеннаго комитетъ Союза увѣдомляетъ своевременно мѣстное полицейское начальство о всѣхъ устраиваемыхъ собраніяхъ и вообще соблюдаетъ общеизвѣстныя и обычныя по сему предмету правила. 5) При устройствѣ платныхъ зрѣлищъ и увеселеній комитетъ Союза долженъ руководствоваться правилами о сборѣ съ публичныхъ зрѣлищъ и увеселеній въ пользу вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи».

§ 6 дополненъ примѣчаніемъ: «Комитетъ Союза обязанъ заблаговременно доводить до свѣдѣнія с.-петербургскаго градоначальника о днѣ, часѣ, мѣстѣ и предметахъ занятій всѣхъ собраній членовъ Союза».

§ 10 проекта гласитъ: «Обыкновенныя собранія разсматриваютъ текущія дѣла Союза, выслушиваютъ рефераты и доклады, касающіеся профессіональныхъ интересовъ, заявленія членовъ Союза и жалобы на комитетъ и обсуждаютъ ихъ». Послѣднія слова редактированы въ уставѣ слѣдующимъ распространеннымъ образомъ: «и вообще обсуждаютъ лишь такіе предметы, которые относятся непосредственно къ опредѣленной уставомъ дѣятельности Союза и о которыхъ доведено до свѣдѣнія с.-петербургскаго градоначальника».

§ 42 (и послѣдній) проекта дополненъ въ уставѣ словами: «Независимо отъ предоставленнаго с.-петербургскому градоначальнику (ст. 321 и 863 Общ. Губ. Учр.) права закрывать общественныя собранія при обнаруженіи въ нихъ чего-либо противнаго государственному порядку и общественной безопасности и нравственности, градоначальникъ можетъ закрыть Союзъ всегда, когда признаетъ это нужнымъ по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ о безпорядкѣ или нарушеніяхъ устава».

Союзъ состоитъ «при Русскомъ Литературномъ обществѣ», но

«въ случаѣ прекращенія дѣятельности «Русскаго Литературнаго общества» Союзъ можетъ продолжать существовать, какъ самостоятельное общество» (Примѣч. къ § 1 устава). Затѣмъ зависимость Союза отъ «Русскаго Литературнаго общества» опредѣляется двумя пунктами; 1) «Изъ числа 12 членовъ Комитета *) 6 избираются изъ числа членовъ Союза, состоящихъ единовременно членами Русскаго Литературнаго общества. Изъ кандидатовъ къ членамъ Комитета — два избираются изъ числа состоящихъ членами Русскаго Литературнаго общества» (§ 17). (Остальные органы Союза,—судъ чести и ревизіонная комиссія,—равно какъ и личный составъ Союза не состоятъ ни въ какихъ обязательныхъ отношеніяхъ къ Русскому Литературному обществу)». 2) Въ случаѣ прекращенія дѣятельности Союза, «остающійся капиталъ и имущество поступаютъ въ распоряженіе Русскаго Литературнаго общества, для обращенія на предметъ взаимопомощи писателей и дѣятелей періодической печати» (§ 42).

Цѣли Союза состоятъ въ слѣдующемъ:

а) объединеніе русскихъ писателей на почвѣ ихъ профессіональныхъ интересовъ, для установленія постояннаго между ними общенія и охраненія добрыхъ нравовъ среди дѣятелей печати;

б) посредничество между авторами, сотрудниками періодическихъ изданій и переводчиками, съ одной стороны, издателями и редакторами, съ другой, какъ въ отношеніи спроса и предложенія труда, такъ и для разсмотрѣнія ихъ взаимныхъ недоразумѣній и споровъ въ случаѣ возникновенія таковыхъ;

в) посредничество и разсмотрѣніе личныхъ споровъ и недоразумѣній, возникающихъ въ печати между членами союза, а также между ними и посторонними лицами;

г) представительство на русскихъ и иностранныхъ съѣздахъ и въ другихъ случаяхъ, когда союзъ признаетъ это нужнымъ, совмѣстно съ Русскимъ Литературнымъ Обществомъ или независимо отъ него;

д) ходатайство передъ правительственными и общественными учрежденіями по предметамъ, касающимся литературной профессіи и ея отдѣльныхъ представителей;

е) ходатайство и посредничество передъ учрежденіями и обществами, вѣдающими помощь писателямъ и ихъ семействамъ, а также содѣйствіе этимъ учрежденіямъ въ видахъ объединенія и развитія ихъ дѣятельности;

ж) матеріальную помощь своимъ сочленамъ въ тѣхъ формахъ, которыя будутъ признаны цѣлесообразными.

Дѣла Союза вѣдаются: 1) Комитетомъ (12 членовъ и 4 кандидата), 2) Судомъ чести (7 членовъ и 2 кандидата) и 3) Ревизіонной комиссіей (5 членовъ и 2 кандидата). Членскій взносъ—10 руб. въ годъ. По уставу Союзъ считается состоявшимся, когда въ немъ будетъ не менѣе 100 членовъ. 15 января первоначальные учредители собрались для пополненія списка членовъ до требуемаго уставомъ числа, и на этомъ стоитъ дѣло въ ту минуту, какъ пишутся эти строки. По всей вѣроятности Союзъ откроетъ свои дѣйствія въ теченіи января же.

*) Завѣдующаго дѣлами Союза.

Пожелаемъ новорожденному Союзу выдержки и серьезности, необходимыхъ для успѣха дѣла. Надо надѣяться, что Союзъ обратитъ преимущественное вниманіе не на матеріальную помощь писателямъ, болѣе или менѣе обезпеченную существующими уже учрежденіями: литературнымъ фондомъ, пенсіонной кассой, кассой, учрежденной при академіи наукъ,—а на другія указываемыя уставомъ задачи. Главнѣйшими изъ нихъ представляются мнѣ: «охраненіе добрыхъ нравовъ среди дѣятелей печати», «посредничество и разсмотрѣніе споровъ и недоразумѣній, возникающихъ въ печати между членами Союза, а также между ними и посторонними лицами», «ходатайство передъ правительственными и общественными учрежденіями по предметамъ, касающимся литературной профессіи и ея отдѣльныхъ представителей»...

Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей можетъ быть и очень большимъ дѣломъ, и круглымъ нулемъ. Стать тѣмъ или другимъ зависитъ, конечно, не отъ него одного, но въ значительной степени всетаки и отъ того, въ какой мѣрѣ самъ онъ проникнется серьезностью своихъ цѣлей и вѣрою въ достоинство и значеніе печатнаго слова.

Ник. Михайловскій.

Хроника внутренней жизни.

Государственная роспись на 1897 годъ.

Въ новогоднихъ газетахъ опубликована, по обыкновенію, «государственная роспись доходовъ и расходовъ» на наступающій годъ. Итоги росписи показываютъ, что и этотъ годъ, по бюджетнымъ предположеніямъ, долженъ быть причисленъ къ такимъ же благополучнымъ годамъ, какъ и рядъ ему предшествовавшихъ.

Государственное казначейство должно получить въ 1897 году 1.322,2 м. р. государственныхъ доходовъ. Изъ этой суммы 3,8 м. р. составляютъ т. наз. «чрезвычайные рессурсы»; итогъ «обыкновенныхъ», текущихъ государственныхъ доходовъ (отъ налоговъ, предпріятій и имуществъ казны и т. д.) опредѣляется въ 1.318,4 м. р. Эта цифра на 78,9 м. р. превышаетъ итогъ доходной росписи предшествовавшаго 1896 г. (1.239,5 м. р.). Такимъ образомъ и на этотъ разъ мы встрѣчаемся съ фактомъ возрастанія изъ года въ годъ общей суммы государственныхъ доходовъ, сдѣлавшимся уже обычнымъ для нашихъ росписей. Главная доля прироста доходовъ по росписи 1897 г. противъ росписи предшествовавшей должна быть, впрочемъ, отнесена не на счетъ увеличенія производительности на-

логовъ, а на счетъ расширенія операцій собственнаго хозяйства казны. Доходовъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и отъ казенной продажи питей исчислено по росписи 1897 г. на 59,5 м. р., болѣе прошлогодняго; но съ другой стороны и по расходному бюджету на означенныя статьи предполагается истратить на 43,9 м. р. болѣе противъ прошлаго года; такъ что чистый плюсъ по обѣимъ этимъ статьямъ дохода составитъ 15,6 м. р.

Въ отдѣлѣ налоговъ увеличеніе поступленія предполагается по налогамъ *косвеннымъ* (на 15,6 м. р., въ томъ числѣ 5,8 м. р. по таможенному сбору и 5,2 по сахарному акцизу) и *пошлинамъ* (5,5 м. р.). Наоборотъ, менѣе прошлогодняго должны дать *прямые* налоги (на 6,7 м. р.) и *выкупные платежи* (на 1,3 м. р.). Уменьшеніе поступленій по прямымъ налогамъ цѣликомъ объясняется сбавкою на половину окладовъ государственнаго поземельнаго налога по коронаціонному манифесту. Общая сумма такой сбавки простирается до 8,5 м. р., но такъ какъ по нѣкоторымъ другимъ статьямъ прямыхъ налоговъ предвидится увеличеніе поступленій, то въ общемъ результатѣ уменьшеніе поступленій отъ прямыхъ налоговъ по росписи исчислено въ нѣсколько меньшей цифрѣ—6,7 м. р.

Все приращеніе бюджетныхъ доходовъ 1897 г. противъ предшествовавшаго года составляетъ, какъ мы упоминали выше, 78,9 м. р. т. е. 6,4%; а если откинуть тѣ 43,9 м. р., на которые увеличенъ и расходный бюджетъ (по казеннымъ жел. дорогамъ и винной монополіи)—то чистое превышеніе дохода опредѣлится въ 35 м. р. или въ 3% общаго итога доходнаго бюджета 1896 г. (1.239,5 м. р.) Такимъ образомъ доходныя смѣты обоихъ годовъ очень близки между собою.

Точно также мало отличается отъ прошлаго года и расходный отдѣлъ росписи 1897 г. Въ 1896 г. общая сумма обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ опредѣлена была въ 1.231,1 м. р., на 1897 г. смѣтныя ассигнованія составляютъ 1.284,9 м. р., на 53,8 м. р. или на 4,3% болѣе. Наибольшая часть этого приращенія падаетъ на двѣ упомянутыя уже выше статьи расхода: ассигнованія на расходы по казенной продажѣ вина увеличены на 22,2 м. р. и на расходы по эксплоатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ на 21,7 м. р За исключеніемъ этихъ статей увеличеніе расходовъ по остальнымъ отдѣламъ росписи составляетъ только 9,7 м. р., т. е. менѣе 1% общаго итога расходовъ прошлаго года. Сколько нибудь замѣтное увеличеніе ассигнованій, кромѣ расходовъ по винной монополіи и по казенному желѣзнодорожному хозяйству, оказывается еще по нѣсколькимъ другимъ статьямъ смѣты министерства путей сообщенія (на улучшеніе желѣзныхъ дорогъ 6,7 м. р., на шоссейные и водяные пути 4,4 м. р.), по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ (2,8 м. р.), святѣйшаго синода (2,2 м. р., въ томъ числѣ на духовно-учебныя заведенія 1,6 м. р.) и морского министерства (2 м. р.); ассигнованія по министерству военному уменьшены на 4,1 м. р.;

по остальнымъ отдѣламъ росписи расходы, предположенные на 1897 г., почти не отличаются отъ ассигнованій прошлаго года ни въ ту, ни въ другую сторону.

Всѣ обыкновенные расходы съ излишкомъ покрываются обыкновенными доходами, ожидаемыми къ поступленію въ 1897 г. Роспись сведена съ избыткомъ обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами въ 33,5 м. р. (доходъ 1.318,4 м. р. и расходъ 1.284,9 м. р.). Въ прошломъ году такой избытокъ предполагался въ 8,4 м. р., въ дѣйствительности онъ оказался гораздо выше: за 10 мѣсяцевъ, по которымъ сведены счеты, обыкновенныхъ доходовъ поступило на 84 м. р. болѣе противъ смѣтныхъ предположеній. Въ 1895 г. (послѣднемъ, по которому мы имѣемъ законченный отчетъ) излишекъ обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами при составленіи росписи ожидался въ 22,9 м. р.; въ дѣйствительности исполненіе росписи дало превышеніе доходовъ надъ расходами въ небываломъ до тѣхъ поръ размѣрѣ — 114,9 м. р. Правда, 1895 годъ былъ исключительно благопріятный, такъ какъ онъ слѣдовалъ за двумя годами обильныхъ урожаевъ подъ рядъ— 1893 и 1894; вліяніе этихъ урожаевъ должно было отразиться отчасти и на слѣдующемъ 1896 году. Настоящій годъ находится въ условіяхъ менѣе выгодныхъ, но во всякомъ случаѣ, судя по примѣру ряда прошлыхъ лѣтъ, нѣтъ основанія ожидать, чтобы предположенія росписи, построенныя, вообще, довольно осторожно, не оправдались при исполненіи. Вѣроятнѣе, что въ концѣ года мы и на этотъ разъ встрѣтимся съ излишкомъ дохода большимъ противъ предполагаемаго, — если, конечно, какія нибудь непредвидѣнныя обстоятельства не нарушатъ того благополучнаго состоянія, въ которомъ находится наше финансовое хозяйство.

Образованіе крупныхъ излишковъ дохода надъ расходомъ за рядъ лѣтъ выдвигаетъ впередъ вопросъ объ употребленіи этихъ излишковъ. По даннымъ, изложеннымъ въ докладѣ министра финансовъ по росписи нынѣшняго года, остатки отъ росписей прежнихъ лѣтъ, образующіе свободную наличность государственнаго казначейства, должны были составить къ началу году около 150 м. р. Присоединяя сюда 33,5 м. р. превышенія, ожидаемаго по нынѣшней росписи, получимъ общій фондъ, которымъ можетъ располагать государство для удовлетворенія своихъ надобностей, выходящихъ изъ рамокъ текущаго бюджета, по меньшей мѣрѣ въ 183,5 м. р.

Чрезвычайныя затраты, которыя предполагается сдѣлать на счетъ этого фонда въ текущемъ году, предназначаются исключительно на расширеніе желѣзно-дорожной сѣти.

Вся сумма чрезвычайныхъ расходовъ по росписи 1897 г. опредѣлена въ 129,1 м. р. Изъ этой суммы 61,1 м. р. назначаются на сооруженіе сибирской жел. дор., 3,3 м. р. на вспомогательныя предпріятія, связанныя съ постройкою этой дороги, 54 м. р. на сооруженіе другихъ желѣзныхъ дорогъ общаго значенія и 10,7 м. р.

на сооруженіе мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ и подъѣздныхъ путей. Чрезвычайныхъ доходовъ по росписи предположено, какъ мы говорили выше, всего 3,8 м. р.; остальные 125,3 м. р. покрываются остатками отъ обыкновенныхъ доходовъ: по смѣтѣ 1897 г. на 33,5 м. р. и по смѣтамъ прежнихъ лѣтъ—91,8 м. р. Затѣмъ къ концу года отъ свободной наличности государственнаго казначейства должно остаться еще около 58 мил. р. (150—91,8).

Общій итогъ всей росписи—и обыкновенной, и чрезвычайной—опредѣляется въ 1.414 м. р. Изъ этого общаго итога 1332,2 м. р. (всѣ 1284,9 м. р. обыкновенныхъ расходовъ и 37,3 расходовъ чрезвычайныхъ) покрываются доходами текущаго года, остальные (91,8 м. р. чрезвычайныхъ расходовъ) смѣтными остатками прошлыхъ лѣтъ. Никакихъ займовъ для выполненія предположенныхъ на 1897 годъ чрезвычайныхъ расходовъ не потребуется.

Такова въ самыхъ общихъ и крупныхъ чертахъ физіономія государственнаго бюджета на нынѣшній годъ. Какъ мы уже говорили, бюджетныя цифры рисуютъ этотъ годъ какъ годъ продолжающагося финансоваго благополучія. Вопросъ о сведеніи концовъ съ концами, еще недавно такой острый для нашего бюджета, не является уже финансовою злобою дня. Мы находимъ не дефициты, а избытки доходовъ въ государственныхъ росписяхъ; на эти избытки, не прибѣгая къ займамъ, могутъ быть выполняемы крупные чрезвычайные расходы.

Но и финансовое изобиліе, такъ же какъ и финансовыя скудость, выдвигаетъ впередъ извѣстныя задачи. И чѣмъ прочнѣе и устойчивѣе можетъ считаться такое изобиліе, тѣмъ настоятельнѣе эти задачи становятся.

Когда на первомъ планѣ для государственнаго бюджета стоитъ вопросъ о томъ, какъ заткнуть выступающія наружу дыры въ хозяйствѣ, какъ найти средства для покрытія обязательныхъ, необходимыхъ расходовъ, вопросъ самосохраненія, если можно такъ выразиться,—тогда по необходимости откладывается до лучшихъ дней удовлетвореніе многихъ вопіющихъ культурныхъ потребностей, для которыхъ необходима помощь государства; но когда эти лучшіе финансовые дни изъ ожиданія обращаются въ дѣйствительность, когда государство перестаетъ стѣсняться въ средствахъ и имѣетъ въ своемъ распоряженіи крупныя свободныя суммы, собранныя путемъ налоговъ съ населенія, — расширеніе государственныхъ затратъ на *культурныя* потребности страны является обязательнымъ и необходимымъ. Какое широкое поприще для работы въ этомъ направленіи представляютъ условія русской дѣйствительности—объ этомъ нечего много распространяться. И въ области матеріальной и особенно въ области духовной культуры цѣлый рядъ задачъ первостепенной важности настойчиво выдвигается впередъ самою жизнью. Достаточно указать хотя бы на потребность въ широкомъ распространеніи народной школы, на необходимость энергической

борьбы съ тою безграмотностью массы населенія, которая является такою крупною помѣхою и для всякихъ улучшеній въ сферѣ народнаго труда и народнаго хозяйства.

Затѣмъ въ годы финансоваго благополучія выдвигается впередъ и другая задача: это именно задача упорядоченія источниковъ бюджетныхъ поступленій и облегченія податнаго бремени населенія. Въ трудные годы финансоваго хозяйства, когда приходится отыскивать во что бы-то ни стало новые источники доходовъ для поддержанія равновѣсія въ бюджетѣ,—при выборѣ этихъ источниковъ или при опредѣленіи размѣровъ обложенія, господствуютъ преимущественно или почти исключительно соображенія фискальныя. На первый планъ выступаетъ вопросъ не о равномѣрности и справедливости, а о прибыльности того или иного вида налоговъ. Къ обложенію привлекаются всѣ тѣ предметы, которые могутъ доставить фиску необходимыя средства. Отъ этого въ бюджетѣ появляются и удерживаются многія стѣснительные для населенія и нераціональные въ финансовомъ отношеніи виды обложенія, и вся совокупность налоговъ лишается характера правильной и стройной системы. Податная реформа является поэтому одною изъ настоятельнѣйшихъ финансовыхъ задачъ, когда вопросъ о равновѣсіи доходовъ и расходовъ въ государственномъ бюджетѣ теряетъ свой острый характеръ, заслоняющій всѣ остальныя потребности правильнаго финансоваго хозяйства.

Если припомнить нашу бюджетную исторію за послѣднія десяти лѣтія, характеризующіяся быстрымъ ростомъ государственнаго хозяйства (35 лѣтъ тому назадъ первый опубликованный бюджетъ 1862 года давалъ итогъ государственныхъ доходовъ въ 363,5 м. р. и государственныхъ расходовъ въ 398,4 м. р., въ настоящемъ году обыкновенные расходы вычислены въ суммѣ 1,284,9 м. р., болѣе чѣмъ *втрое* высшей), и столь же быстрымъ увеличеніемъ налоговой тягости для страны,—нельзя не признать, что къ ней приведенныя замѣчанія могутъ быть примѣнены въ полной мѣрѣ.

Какія же указанія о положеніи двухъ названныхъ капитальныхъ задачъ, выдвигаемыхъ для нашего государственнаго хозяйства періодомъ „финансоваго благополучія“, находимъ мы въ опубликованныхъ данныхъ по государственной росписи?

Анализируя бюджетныя цифры послѣднихъ лѣтъ, мы видимъ, что усиленное вниманіе государства обращено было за это время на удовлетвореніе только *одной* изъ культурныхъ потребностей страны—именно, на улучшеніе путей сообщенія и, въ частности, на *расширеніе и развитіе желѣзнодорожной сѣти*. Обороты желѣзнодорожнаго хозяйства казны занимали за этотъ періодъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ нашемъ бюджетѣ.

За десятилѣтіе съ 1886 по 1895 г.—послѣднее, для котораго

мы имѣемъ сведенные отчеты объ исполненіи государственныхъ росписей,—чрезъ государственныя кассы прошло около 11 милліардовъ рублей. Общая сумма государственныхъ доходовъ за это десятилѣтіе составляла 10730 милл. р. Изъ этого числа отъ желѣзныхъ дорогъ поступило доходовъ 1196 м. р. Съ другой стороны, и желѣзнодорожные расходы представляютъ очень крупныя величины.

На всѣ государственныя потребности, обыкновенныя и чрезвычайныя, истрачено было за 10 лѣтъ 10.669 милл. руб. Изъ этой суммы 1878 м. р.—т. е. около 18%, приходилось на расходы желѣзнодорожные. Превышеніе расходовъ надъ доходами по казенному желѣзнодорожному хозяйству, составляло *682 милл. руб.*, или среднимъ числомъ *68,2 м. р. въ годъ*. Этими цифрами опредѣляется величина пожертвованій, сдѣланныхъ изъ общихъ средствъ государства на нужды желѣзнодорожнаго дѣла.

Чтобы нагляднѣе представить себѣ значеніе этой величины для общаго бюджета и ту перспективу, въ которой стоятъ затраты на желѣзныя дороги по отношенію къ другимъ государственнымъ потребностямъ, приведемъ общіе итоги главнѣйшихъ категорій государственныхъ расходовъ за названное десятилѣтіе. Мы можемъ сдѣлать это только въ самомъ грубомъ видѣ, такъ какъ данныя того источника, изъ котораго мы заимствуемъ приводимыя ниже цифры *), не доставляютъ болѣе точныхъ и детальныхъ указаній о распредѣленіи государственныхъ издержекъ не по смѣтамъ *различныхъ министерствъ*, а по *видамъ самыхъ потребностей*, на удовлетвореніе которыхъ онѣ назначаются. Желѣзно-дорожные расходы по всѣмъ вѣдомствамъ могутъ быть однако выдѣлены въ особую рубрику.

Общая сумма всѣхъ *обыкновенныхъ* государственныхъ расходовъ за названное десятилѣтіе составляла 9.360 м. р. Этотъ итогъ распредѣляется такъ:

		милл. руб.
1.	Министерства: военное и морское	2.905
2.	Государственный долгъ (кромѣ желѣзнодорожнаго)	1.924
3.	Желѣзныя дороги	1.398
4.	Мин. финансовъ и контроль (кромѣ желѣзнодор. расходовъ)	1.091
5.	Минист. внутреннихъ дѣлъ и юстиціи	1.017
6.	Земледѣліе и госуд. имущ., коннозаводство	259
7.	Пути сообщенія (кромѣ желѣзныхъ дорогъ)	246
8.	Народное просвѣщеніе	221
9.	Святѣйшій синодъ	119
10.	Императорскій дворъ	109
11.	Мин. иностр. дѣлъ и высшія госуд. учрежд.	71
		9.360

*) Отчетъ государственнаго контроля по исполненію государственной росписи 1895 года. Спб. 1896.

На *чрезвычайныя* надобности истрачено было за 10 лѣтъ 1309 м. р., а именно:

	милл. руб.
1. На погашеніе государств. долга	625
2. На желѣзныя дороги *)	480
3. На нужды народнаго продовольствія (въ 1891—92 гг.)	161
4. На усиленіе средствъ госуд. банка и госуд. дворянскаго банка и на др. надобности .	43
	1.309

Для сравненія съ другими категоріями государственныхъ расходовъ мы должны брать не общіе итоги всѣхъ расходовъ на желѣзныя дороги, а только разность между затратами на желѣзныя дороги и поступленіями отъ нихъ. Разность эта составляетъ, какъ мы упоминали выше, 682 м. р. Эта цифра слишкомъ *втрое* больше всѣхъ расходовъ министерства народнаго просвѣщенія, вдвое болѣе общихъ расходовъ на школу и на церковь вмѣстѣ, и вообще превышаетъ значительно затраты по всѣмъ категоріямъ государственныхъ расходовъ, кромѣ платежей по госуд. долгу, расходовъ по оборонѣ страны, по финансовой и общей администраціи и юстиціи.

Такое же видное мѣсто желѣзнодорожные расходы занимаютъ и въ бюджетѣ двухъ послѣднихъ годовъ—1896 и 1897. Для этихъ годовъ у насъ нѣтъ отчетныхъ данныхъ, и нашимъ источникомъ служатъ только смѣтныя предположенія. Цифры росписей не даютъ возможности точно выдѣлить всѣ издержки на желѣзныя дороги по обыкновенному бюджету. Если принять для тѣхъ статей этихъ издержекъ, которыя въ росписи не выдѣлены особо, цифры 1895 года (онѣ будутъ скорѣе ниже, чѣмъ выше дѣйствительныхъ для двухъ послѣдующихъ годовъ), то общая сумма всѣхъ *обыкновенныхъ* расходовъ по желѣзнодорожному хозяйству опредѣлится приблизительно для 1896 г. въ 276 милл. руб. и для 1897—въ 304 милл. Доходовъ отъ желѣзныхъ дорогъ должно было поступать за то же время : 249 милл. руб. въ 1896 г. и 255 милл. въ 1897 г. Такимъ образомъ ежегодныя приплаты на текущія надобности желѣзнодорожнаго хозяйства казны опредѣляются въ 27 милл. р. для 1896 г. и въ 25 милл. руб. для 1897 г. Но, какъ мы знаемъ, сверхъ того за эти годы ассигнованы были по государственнымъ росписямъ еще очень крупныя суммы на *чрезвычайные* расходы по расширенію желѣзнодорожной сѣти. За оба названные года кредиты

*) На чрезвычайный бюджетъ относятся расходы на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и на пріобрѣтеніе подвижного состава въ чрезвычайныхъ размѣрахъ; остальные желѣзнодорожные расходы падаютъ на бюджетъ обыкновенный.

по чрезвычайному бюджету назначены были исключительно на желѣзнодорожныя надобности—въ 1896 г. въ суммѣ 130 милл. р. и въ 1897 г. въ суммѣ 129 милл. р. Никакихъ специальныхъ желѣзнодорожныхъ поступленій (отъ займовъ на желѣзнодорожное дѣло или другихъ однородныхъ источниковъ) по росписямъ двухъ послѣднихъ лѣтъ не внесено: всѣ названные чрезвычайные расходы выполняются на счетъ общаго бюджета и притомъ въ громадной своей долѣ на счетъ остатковъ отъ *обыкновенныхъ* доходовъ, накопившихся за нѣсколько лѣтъ, за покрытіемъ всѣхъ текущихъ расходовъ по росписямъ. «Чрезвычайные» доходы по росписямъ обоихъ послѣднихъ годовъ составляли только 6 милл. руб., ими покрывалась лишь незначительная часть общей суммы чрезвычайныхъ расходовъ (259,5 милл. р. за оба года). Въ общемъ итогѣ всѣ затраты казны на желѣзнодорожныя потребности, и по обыкновенному, и по чрезвычайному бюджету, непокрываемыя поступленіями отъ желѣзныхъ дорогъ, для двухъ послѣднихъ лѣтъ могутъ быть опредѣлены, по меньшей мѣрѣ, въ *300 милл. руб.* За 10 предшествовавшихъ лѣтъ такія затраты составляли, какъ мы видѣли, въ среднемъ 68 милл. р. въ годъ. Мы можемъ констатировать такимъ образомъ не только крупные размѣры, но быстрое возрастаніе за послѣднее время пожертвованій государства для развитія желѣзнодорожнаго дѣла.

Хорошія пути сообщенія вообще и желѣзныя дороги въ частности несомнѣнно составляютъ одну изъ важнѣйшихъ потребностей матеріальной культуры страны, поэтому нельзя не считать по существу своему производительными расходы государства на удовлетвореніе этой потребности.

Но какъ ни важно значеніе желѣзныхъ дорогъ для развитія народнаго хозяйства, всетаки потребность въ расширеніи желѣзнодорожной сѣти не можетъ заслонять собою всѣ остальныя культурныя потребности страны въ такой мѣрѣ, какъ это мы видимъ въ нашемъ бюджетѣ. Если сравнить съ колоссальными затратами на желѣзно-дорожное хозяйство тѣ суммы, которыя тратятся государствомъ на удовлетвореніе потребностей *духовной* культуры, — онѣ поражаютъ своею скромностью и своей неподвижностью изъ года въ годъ. Весь годовой бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія едва превышаетъ 25 м. р. Если мы присоединимъ сюда всѣ вообще ассигнованія на ученыя, учебныя и художественныя учрежденія и предпріятія по всѣмъ вѣдомствамъ (включая сюда и военныя и духовныя школы, и академію художествъ, и императорскіе театры)—то получимъ въ общей сложности 44 м. р. для 1896 г. и 45 м. р. для 1897 г.; въ итогѣ за два года это составитъ 89 м. р.; прибавляя и всѣ расходы на церковь—12 м. р. въ годъ,—получимъ общую сумму государственныхъ затратъ на удовлетвореніе всѣхъ потребностей духовной культуры въ самомъ широкомъ смыслѣ, 113 м. р. за два года, почти *втрое меньше* того, что затрачивается

на желѣзныя дороги. Точно также скромны и размѣры государственныхъ затратъ на остальныя, кромѣ желѣзныхъ дорогъ, потребности культуры *матеріальной*. Весь бюджетъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ составлялъ только 32,2 м. р. въ 1896 и 33,4 м. р. въ 1897 г.—это всего $^1/_5$ часть затратъ на желѣзныя дороги. Нужно при этомъ замѣтить, что большая доля расходовъ по смѣтѣ названнаго министерства идетъ на управленіе государственными имуществами, т. е. относится къ категоріи издержекъ взиманія государственныхъ доходовъ; расходы собственно культурные,—на улучшеніе и развитіе земледѣлія—составляютъ меньшую часть всѣхъ ассигнованій; но такъ какъ провести такое раздѣленіе съ точностію цифры опубликованныхъ росписей не позволяютъ, то мы беремъ общій итогъ всѣхъ расходовъ министерства (кромѣ учебныхъ, вошедшихъ уже въ приведенную выше сумму расходовъ на потребности духовной культуры); прибавляя сюда расходы на государственное коннозаводство и на почты, телеграфы и телефоны, получимъ 43 м. р. для 1896 г. и 46 для 1897 г.—въ суммѣ за оба года 89 м. р., столько же, сколько идетъ на школу, науку и искусство и только 0,3 отъ общей суммы затратъ на желѣзныя дороги. Наконецъ, на пути сообщенія, кромѣ рельсовыхъ, и на общую администрацію тѣхъ и другихъ путей—т. е. и рельсовыхъ, и не рельсовыхъ — бюджетныя ассигнованія составляютъ въ 1896 г. 30 м. р. и въ 1897 г. — 32 м. р. (въ итогѣ за два года 62 м. р.). Желѣзно-дорожныя затраты превышаютъ въ *пять* разъ издержки государства на всѣ прочія надобности транспортнаго дѣла.

Бюджетныя ассигнованія на культурныя потребности, помимо построенія и улучшенія дорогъ, не только скромны абсолютно, но и растутъ изъ года въ годъ очень медленно.

Особенно это слѣдуетъ сказать о расходахъ на народное образованіе. Бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія на 1897 годъ не достигаетъ 2% общей суммы обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ, за десятилѣтіе 1886 — 95 г. на министерство просвѣщенія приходилось почти 2,4% общаго итога издержекъ по обыкновенному бюджету. Такимъ образомъ *относительная доля* государственныхъ расходовъ на общую школу *упала* за послѣднее время, хотя абсолютная сумма этихъ расходовъ возрастаетъ вмѣстѣ со всѣми остальными отдѣлами бюджета, но возрастаетъ много медленнѣе другихъ видовъ издержекъ, почему и занимаетъ все меньшій и меньшій процентъ общаго итога. Сравнительныя данныя за десятилѣтіе 1886—95 г.г., сгруппированныя въ отчетѣ государственнаго контроля объ исполненіи росписи 1895 г., показываютъ, что *наименьшее* приращеніе расходовъ за это десятилѣтіе оказывалось по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія. Въ промежуткѣ между двумя крайними годами десятилѣтія это приращеніе составило 11%, тогда какъ напр. расходы по смѣтѣ ми-

нистерства путей сообщенія (кромѣ желѣзно-дорожныхъ) увеличились на 63%, расходы по министерству военному на 33%, по министерству финансовъ на 32% и т. д.

Приведенныя цифры ясно обрисовываютъ то направленіе, которое приняла въ нашемъ государственномъ хозяйствѣ первая изъ намѣченныхъ выше общихъ задачъ, выдвигаемыхъ для финансовой политики періодомъ бюджетнаго изобилія. Расширеніе затратъ государства на культурныя надобности идетъ опредѣленно только въ одну сторону. Увеличеніе и улучшеніе желѣзно-дорожной сѣти является центромъ, около котораго сосредоточивается вся заботливость государственнаго хозяйства въ этомъ отношеніи. Всѣ остальныя культурныя потребности остаются далеко на второмъ планѣ.

Въ одномъ изъ докладовъ министра финансовъ по государственной росписи указано было на необходимость сдѣлать Россію *проѣзжею*, какъ на одну изъ капитальныхъ задачъ, выдвигающихся для культурныхъ мѣропріятій государства. Это вполнѣ справедливо. Но несомнѣнно также, что не менѣе важную задачу составляетъ и сдѣлать Россію *грамотною*. Къ сожалѣнію, бюджетныя цифры даютъ очень мало показаній о поступательномъ ходѣ работы для рѣшенія этой послѣдней задачи.

Точно также мало сдѣлано было въ періодъ нашего финансоваго благополучія и для преобразованія *налоговой системы*. Какъ это ни кажется парадоксальнымъ, но нельзя не отмѣтить того факта, что сколько нибудь крупныя мѣры для облегченія налоговой тяжести предпринимались у насъ только въ тяжелые финансовые годы. Отмѣна соляного налога рѣшена была въ томъ году, когда, послѣ двухъ благопріятно заключенныхъ росписей, балансъ обыкновеннаго бюджета обнаружилъ дефицитъ въ 40 слишкомъ милліоновъ рублей (1880) и выполненъ въ слѣдующемъ году, 1881, ознаменовавшемся самымъ крупнымъ въ нашей бюджетной исторіи дефицитомъ въ 80 м. р. по обыкновенному бюджету. Вслѣдъ затѣмъ, въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ годы хроническихъ бюджетныхъ дефицитовъ, предпринятъ былъ рядъ реформъ въ системѣ прямого обложенія; отмѣнена была подушная подать, введено нѣсколько новыхъ налоговъ, имѣвшихъ цѣлью переложить часть податнаго бремени на болѣе состоятельныя группы населенія, къ податному обложенію, въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ случаяхъ, впервые примѣненъ былъ принципъ подоходности. Правда всѣ эти реформы проводились въ довольно скромномъ масштабѣ, съ урѣзками и компромиссами, и притомъ фискальныя нужды нерѣдко вынуждали брать обратно другой рукой то, что давалось одной: повышенія косвенныхъ налоговъ, для заполненія бюджетныхъ недочетовъ, шли рядомъ со льготами въ прямомъ обложеніи. Но во всякомъ случаѣ вопросъ о податной реформѣ былъ твердо постав-

ленъ на очередь и первые шаги къ осуществленію этой реформы были уже сдѣланы.

Съ наступленіемъ эпохи финансоваго благополучія, вопросъ этотъ сходитъ со сцены. Интересы *накопленія* выступаютъ впередъ и берутъ верхъ надъ интересами *равномѣрнаго распредѣленія*. Центръ тяжести налоговой системы еще рѣшительнѣе переносится въ сферу налоговъ косвенныхъ, которые ростутъ изъ года въ годъ подъ вліяніемъ привлеченія къ обложенію новыхъ источниковъ и усиленія обложенія прежнихъ. Рядомъ съ этимъ идетъ крупное расширеніе области собственнаго хозяйства казны,—не соединяемое, однако, съ уменьшеніемъ податного бремени населенія.

Если взять два крайнихъ года того десятилѣтія, за которые имѣются послѣдніе по времени отчеты объ исполненіи росписей—1886 и 1895 гг.—то главныя составныя части бюджета обыкновенныхъ доходовъ выразятся такими цифрами.

Въ 1886 г. доходный бюджетъ составлялъ 774 милл. р., изъ которыхъ 608 м. доставлялись налогами (включая сюда и выкупные платежи), 83 м. р. получено было отъ казенныхъ имуществъ и предпріятій и 83 м. отъ остальныхъ видовъ поступленій. Чрезъ 10 лѣтъ сумма налоговыхъ поступленій возросла на 246 милл. р. (съ 608 до 854 м.) или на 40% слишкомъ; доходы отъ казеннаго хозяйства вмѣсто 83 м. р. дали 311 м., болѣе на 228 м., т. е. свыше чѣмъ втрое противъ первоначальнаго, остальные виды доходовъ остались почти въ прежнемъ размѣрѣ (79 м. р. въ 1886 г., 83—въ 1856). Въ общемъ итогѣ весь доходный бюджетъ выросъ за десять лѣтъ съ 774 до 1,244 м. р., т. е. почти на $^2/_5$ (38%). На нынѣшній годъ, какъ видимъ, онъ предположенъ въ еще большей цифрѣ 1,322 м. р., причемъ на основаніи опыта ближайшихъ прошлыхъ годовъ можно думать, что дѣйствительное поступленіе доходовъ далеко обгонитъ смѣтныя предположенія.

Главная часть прибавочныхъ налоговыхъ поступленій падаетъ на косвенные налоги. Вотъ общія цифры, показывающія размѣры этой прибавки (въ милл. руб.):

	1886	1895		
Прямые налоги и выкупн. платежи	174	207	+ 33	или 19%
Косвенные налоги	385	575	+190	» 49%
Пошлины	49	72	+ 23	» 47%
	608	854	246	или 40%

Такимъ образомъ по всѣмъ видамъ обложенія населеніе въ 1895 г. уплатило болѣе, чѣмъ десять лѣтъ назадъ, но особенно значительны эти приплаты были по отношенію къ налогамъ косвеннымъ, по которымъ взносы населенія увеличились почти вполтора раза. За это время вновь введены налоги съ керосина и со спичекъ, повышенъ на 2 р. съ ведра безводнаго спирта питейный акцизъ, установленъ акцизъ на дрожжи, увеличенъ на 50% акцизъ

съ пива, подняты таможенныя пошлины (въ общей сложности на 22%), повышенъ акцизъ съ сахара, два раза увеличивался акцизъ съ табаку. По всѣмъ главнымъ статьямъ косвенныхъ сборовъ обложеніе шло кверху. Точно также росло оно и по другимъ категоріямъ налоговыхъ поступленій—отъ прямыхъ налоговъ и пошлинъ—хотя менѣе рѣзко и не столь систематично: здѣсь рядомъ съ увеличеніемъ поступленій обнаруживалось и пониженіе ихъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ.

Возвышеніе доходовъ отъ собственнаго хозяйства казны за данный періодъ зависѣло главнымъ образомъ отъ расширенія казенной желѣзнодорожной сѣти. Изъ 228 м. р. приращенія за 10 лѣтъ по этому отдѣлу бюджета 179 м. р. падаетъ на доходъ отъ желѣзныхъ дорогъ. Но, какъ мы уже видѣли, желѣзнодорожныя поступленія, заносимыя въ доходный отдѣлъ бюджета, нельзя еще считать *чистымъ* доходомъ казны, такъ какъ имъ соотвѣтствуютъ и извѣстныя выдачи по бюджету расходному. До сихъ поръ общій балансъ казеннаго желѣзно-дорожнаго хозяйства былъ *отрицательный*. Поэтому въ самой значительной своей долѣ увеличеніе доходовъ отъ собственнаго хозяйства казны являлось только видимымъ. Если исключить желѣзно-дорожныя поступленія, то соотвѣтственные доходы будутъ для 1886 г.—65 м. р. и для 1895—114 м. р., т. е. сумма приращенія за 10 лѣтъ по данному отдѣлу бюджета будетъ не 228, а только 49 м. р.

Значитъ, главная тяжесть государственнаго бюджета выдерживается во всякомъ случаѣ налогами. *)

За послѣдніе годы налоговыя средства должны были выдерживать на себѣ и не одну только тяжесть текущаго бюджета каждаго даннаго года. Изъ обыкновенныхъ доходовъ—т. е. на счетъ налоговъ главнымъ образомъ—должны покрываться и чрезвычайныя затраты на такія предпріятія, какъ построеніе большой сибирской дороги и другія крупныя желѣзно-дорожныя сооруженія. Есть два пути для удовлетворенія денежныхъ государственныхъ надобностей, — налоги и займы. Первый изъ нихъ типиченъ для текущихъ расходовъ, разсчитанныхъ на удовлетвореніе потребностей постоянныхъ. Къ другому прибѣгаютъ обыкновенно, когда дѣло идетъ о какихъ нибудь капитальныхъ предпріятіяхъ, результаты которыхъ должны отразиться на длинныхъ періодахъ времени и выполненіе которыхъ не подъ силу текущему государственному бюджету. И въ томъ и въ другомъ слу-

---

*) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и возрастаніе чистаго дохода отъ казенныхъ предпріятій тоже равносильно увеличенію обложенія. Такъ въ росписи 1895 г. фигурируетъ новый доходъ отъ казенной продажи питей (за вычетомъ расходовъ составляющій 3,7м. р.), но это добавочное поступленіе почти цѣликомъ зависѣло отъ возвышенія цѣны на вино въ казенной продажѣ. Вмѣсто 7 р. населеніе за каждое ведро 40-градуснаго спирта заплатило 7 р. 75 к. Это въ сущности равносильно повышенію акциза на 1,9 коп. съ градуса или на 1 р. 90 к. съ ведра безводнаго спирта.

чаѣ расходъ падаетъ въ концѣ концовъ на средства плательщиковъ государственныхъ налоговъ, только не на однихъ и тѣхъ же и въ разной формѣ. Расходы, выполняемые на счетъ займовъ, уплачиваются плательщиками, которые вносятъ въ теченіе ряда лѣтъ проценты и погашенія по этимъ займамъ; расходы, покрываемые непосредственно на счетъ налоговъ, подаютъ на плательщиковъ даннаго финансоваго года. Если государство дѣлаетъ заемъ для покрытія текущихъ надобностей — плательщики будущихъ бюджетовъ облагаются контрибуціею для облегченія плательщиковъ настоящихъ. Когда, наоборотъ, текущія налоговыя средства идутъ на такія чрезвычайныя предпріятія, которыя должны давать доходъ будущимъ поколѣніямъ—на плательщиковъ настоящихъ возлагаются крупныя жертвы въ пользу этихъ поколѣній. Въ нашей бюджетной исторіи можно указать и тѣ, и другіе случаи. Когда были необходимы займы для сбалансированія обыкновеннаго бюджета, средства будущихъ поколѣній привлекались къ удовлетворенію текущихъ бюджетныхъ потребностей настоящаго. Теперь мы имѣемъ дѣло съ обратнымъ явленіемъ: плательщики налоговъ по бюджетамъ послѣднихъ лѣтъ несутъ на себѣ извѣстную часть тягостей, которыя должны бы падать на плательщиковъ будущихъ поколѣній.

Соотвѣтствуетъ ли такое бремя платежнымъ силамъ населенія страны въ настоящій моментъ и не нуждаются ли плательщики государственныхъ налоговъ въ пониженіи тѣхъ требованій, которыя ставитъ имъ фискъ—вотъ вопросъ, который естественно и неизбѣжно возникаетъ всякій разъ, когда встрѣчаешься съ блестящими бюджетными итогами, указывающими на непрерывный ростъ доходовъ, составляющихся въ главной своей массѣ изъ налоговыхъ взносовъ населенія въ разныхъ формахъ.

Докладъ министра финансовъ идетъ на встрѣчу этому вопросу.

«Весьма успѣшное исполненіе государственныхъ росписей въ теченіе цѣлаго ряда послѣднихъ лѣтъ—читаемъ мы въ докладѣ—дало министерству финансовъ возможность обратить вниманіе на нѣкоторыя наиболѣе отяготительныя статьи обложенія, въ цѣляхъ облегченія податного бремени». Въ докладѣ перечисляется далѣе то, что уже предпринято въ этомъ отношеніи за $2^1/_2$ послѣднихъ года. Въ перечень вошли при этомъ не однѣ только податныя льготы, но и нѣкоторыя другія мѣры. Такъ въ докладѣ упоминается, съ одной стороны, объ освобожденіи земскихъ сборовъ (по закону 6 іюня 1895 г.) отъ нѣкоторыхъ обязательныхъ расходовъ (на содержаніе крестьянскихъ учрежденій и статистическихъ комитетовъ) съ образованіемъ взамѣнъ того спеціальнаго дорожнаго фонда по каждой губерніи, а съ другой — о постановленіяхъ министерства 14 ноября 1894 г., касающихся увеличенія капитала крестьянскаго банка ежегодными отчисленіями изъ поступающихъ съ крестьянъ выкупныхъ платежей. Но какое бы большое значеніе ни имѣли обѣ названныя мѣры, онѣ выходятъ изъ сферы податныхъ облег-

ченій и не могутъ имѣть своимъ результатомъ какое либо уменьшеніе лежащей на населеніи податной тягости.

Что касается собственно податныхъ льготъ, то всѣ сгруппированныя въ докладѣ указанія говорятъ только о двухъ категоріяхъ налоговыхъ поступленій,—пошлинъ и прямыхъ налоговъ. По отношенію къ *косвеннымъ* сборамъ, составляющимъ главную основу нашего бюджета, не было сдѣлано ничего въ данномъ направленіи за послѣднее (да и не за послѣднее только) время.

Льготы, касающіяся пошлинъ, многочислены и разнообразны, но далеко не всѣ имѣютъ сколько нибудь крупное значеніе для широкаго круга плательщиковъ. Болѣе всего воспользовалась ими недвижимая собственность, особенно сельская. По закону 10 апрѣля 1895 г., при покупкѣ по вольной цѣнѣ земель, заложенныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ, крѣпостныя пошлины не должны начисляться на ту часть стоимости, которая въ видѣ долга переходитъ на покупщика. Если я покупаю имѣніе, стоющее, напр., 100 тысячъ рублей, съ переходомъ долга, въ 90 тыс., то крѣпостную пошлину заплачу не со всѣхъ 100, а только за 10 тыс. руб. Тѣмъ же узаконеніемъ изъяты были налоги съ наслѣдствъ, земли, переходящія къ ближайшимъ родственникамъ владѣльцевъ. Обѣ эти льготы, по исчисленію министерства финансовъ, сняли съ землевладѣльцевъ около 3 милл. руб. ежегоднаго платежа въ казну. Облегченіе, касавшееся всѣхъ видовъ недвижимой собственности—и городской и сельской—заключалось въ дозволеніи производить отсрочку и разсрочку, не свыше чѣмъ на 5 лѣтъ, крѣпостныхъ пошлинъ, при переходѣ недвижимостей. Эта льгота установлена была временно, на 3 года, по закону 4 іюля 1895 г.

Слѣдующая болѣе или менѣе крупная льгота расходовъ пошлинъ со страхованія имуществъ: размѣръ этой пошлины, по закону 15 мая 1895 г., пониженъ съ 75 к. до 50 к. съ каждой тысячи рубл. застрахованной суммы, страхованія капиталовъ и доходовъ совсѣмъ освобождены отъ налога. Означенный законъ облегчилъ плательщиковъ—т. е. страхователей имуществъ, капиталовъ и доходовъ болѣе чѣмъ на 2 милл. руб. въ годъ.

17-го іюня 1896 г. отмѣненъ былъ четверть-процентный сборъ съ цѣнности грузовъ и товаровъ, отправляемыхъ по воднымъ путямъ имперіи. Грузоотправители уплачивали въ казну ежегодно до 800 т. руб. этого сбора. Пониженіе пассажирскаго желѣзнодорожнаго тарифа дало крупныя облегченія для всѣхъ лицъ, пользующихся желѣзными дорогами для передвиженія. Облегченіе *налоговое* составляло при этомъ пониженіе той части платы, которая является государственнымъ налогомъ. Всего крупнѣе это пониженіе оказалось для пассажировъ первыхъ двухъ классовъ—прежде они уплачивали въ видѣ государственнаго налога 25 процентовъ проѣздной платы, теперь эта норма назначена была въ 15%, какъ для пассажировъ третьяго класса. Если мы упомянемъ о пониженіи пош-

линъ съ привиллегій на изобрѣтенія, опредѣляемыхъ новымъ уставомъ о привиллегіяхъ, 1 іюля 1896 г., и о пониженіи съ 2 к. до $^1/_2$ к. за золотникъ пробирной пошлины, по новому пробирному уставу 11 марта 1896 г.,—то исчерпаемъ всѣ облегченія по группѣ пошлинъ, послѣдовавшія за $2^1/_2$ послѣдніе года, которыхъ касается цитуемый докладъ министра финансовъ.

Въ области прямого обложенія докладъ указываетъ на послѣдовавшее по манифесту 14 мая 1896 г. пониженіе на 10 лѣтъ оклада государственнаго налога, тамъ, гдѣ онъ не превышалъ 10 к. съ десятины, на половину, а для тѣхъ губерній, гдѣ средній окладъ былъ болѣе 10 к.—до 5 к. съ десятины. Въ силу этой льготы изъ прежняго оклада въ 13,2 м. р. слагается съ 1896 г. ежегодно около 7,5 м. р. На тотъ же срокъ понижены (на 1 м. р. въ общей суммѣ) и аналогичные государственному поземельному налогу сборы въ губерніяхъ царства польскаго. Всѣ указанныя выше облегченія касались такихъ видовъ обложенія, которыя—каково бы ни было ихъ значеніе для тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ группъ плательщиковъ—большой роли въ общей суммѣ налоговъ не играютъ. Центромъ тяжести прямого обложенія являются выкупные платежи. По отношенію къ этому виду налоговъ въ докладѣ министра финансовъ указывается на двѣ мѣры, направляемыя къ его облегченію; именно на разрѣшенную закономъ 7 февраля 1894 г. отсрочку и разсрочку недоимокъ, накопившихся по выкупнымъ платежамъ, и на узаконеніе 13 мая 1896 г., разрѣшающее такую пересрочку и отсрочку и для капитальной суммы выкупного долга; послѣднее узаконеніе допускаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ и нѣкоторое пониженіе текущаго процента по выкупному долгу.

Оба приведенныхъ мѣропріятія по отношенію къ выкупнымъ платежамъ не носятъ на себѣ характера общаго, сплошного облегченія, распространяющагося на всю совокупность плательщиковъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ законъ открываетъ только *возможность* примѣненія устанавливаемыхъ имъ льготъ для тѣхъ *отдѣльныхъ плательщиковъ* (селеній и сельскихъ обществъ), которыя будутъ признаны нуждающимися въ облегченіи со стороны мѣстныхъ административныхъ учрежденій, вѣдающихъ настоящимъ дѣломъ. Отъ того, насколько широко и правильно эти учрежденія воспользуются предоставленнымъ имъ правомъ, будетъ зависѣть степень дѣйствительнаго облегченія, которое получитъ крестьянское населеніе отъ примѣненія названныхъ узаконеній. До сихъ поръ еще слѣдовъ этого въ опубликованныхъ данныхъ о поступленіи выкупныхъ платежей не могло обнаружиться.

Мы пересмотрѣли всѣ указанія цитуемаго доклада о томъ, что сдѣлано за послѣдніе годы по отношенію къ преобразованію налоговъ и облегченію для населенія податного бремени. Приведенный перечень позволяетъ сдѣлать только одинъ общій выводъ, это именно—что задача такого преобразованія цѣликомъ еще принад-

лежитъ будущему. До сихъ поръ мы имѣемъ лишь рядъ отдѣльныхъ частичныхъ мѣръ, не объединенныхъ между собою однимъ общимъ планомъ и совсѣмъ не затрогивающихъ при этомъ тѣхъ видовъ обложенія, которые именно составляютъ главное основаніе нашей налоговой системы. Самая разработанная податная реформа, если бы она ограничивалась одною только областью прямого обложенія, не могла-бы достигать цѣли, такъ какъ, повторяемъ, центръ тяжести податного бремени, лежащаго на населеніи, составляютъ налоги *косвенные*.

По отношенію къ этой группѣ налоговъ въ докладѣ министра финансовъ мы не находимъ указаній на какія либо выполненныя уже или проектируемыя облегченія для населенія. Механизмъ косвеннаго обложенія (согласно той точки зрѣнія, отъ которой исходятъ означенныя въ этомъ докладѣ теоретическія соображенія о сравнительномъ достоинствѣ различныхъ типовъ налоговъ) самъ въ себѣ обладаетъ извѣстными свойствами, которыя приводятъ платежи въ соотвѣствіе съ платежными средствами—соотвѣтствіе, которое приходится установлять извнѣ налоговъ прямыхъ.

«Косвенные налоги—читаемъ мы въ докладѣ по росписи на 1897 г.,—при всѣхъ своихъ недостаткахъ, предоставляютъ плательщикамъ возможность довольно широкаго сообразованія платежей не только съ общимъ уровнемъ своей хозяйственной зажиточности, но и съ временными колебаніями въ прибыткахъ. Этимъ весьма драгоцѣннымъ свойствомъ не обладаютъ прямые налоги и пошлины. Даже при самой совершенной организаціи прямого обложенія, оно иногда не можетъ избѣжать рѣзкаго несоотвѣтствія окладовъ съ наличными хозяйственными условіями плательщиковъ. И если въ отношеніи доходовъ болѣе или менѣе прочныхъ и постоянныхъ можно еще достигнуть нѣкотораго совершенства прямого обложенія, то въ отношеніи доходовъ не обезпеченныхъ, колеблющихся, прямое обложеніе въ иныхъ случаяхъ неминуемо должно порождать несправедливыя и непосильныя отягощенія. Между тѣмъ доходы отъ хлѣбопашества, сельскихъ заработковъ, отхожихъ промысловъ и т. п. статей именно и отличаются значительнымъ непостоянствомъ, затрудняющимъ и установленіе, и взиманіе неизмѣнныхъ окладовъ. Если принять во вниманіе, что доходы огромнѣйшей массы нашего населенія обладаютъ таковыми свойствами, то нельзя не признать, что косвенное обложеніе должно имѣть главенствующее мѣсто въ нашей податной системѣ».

Разберемся нѣсколько въ приведенныхъ соображеніяхъ.

Въ каждомъ налогѣ нужно различать двѣ стороны: его сущность и его форму. По существу своему налогъ составляетъ извѣстное пожертвованіе, извѣстный вычетъ изъ имущества отдѣльнаго лица на удовлетвореніе общественныхъ надобностей, и притомъ вычетъ принудительный. Эта принудительность имѣетъ разныя степени и разныя формы. Всего безусловнѣе она въ прямомъ обложеніи—

здѣсь и размѣры и сроки взносовъ опредѣляются извнѣ и обязательны для плательщиковъ, независимо отъ какихъ бы то ни было съ ихъ стороны дѣйствій. Въ косвенномъ обложеніи принудительный характеръ проявляется въ болѣе смягченной формѣ. Здѣсь уплата налога обусловлена потребленіемъ обложенныхъ предметовъ или выполненіемъ какихъ нибудь актовъ, моментъ которыхъ признается поводомъ къ предъявленію требованія со стороны фиска. Плательщикъ можетъ, такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ совсѣмъ избѣгнуть налога и еще чаще можетъ регулировать по своему усмотрѣнію срокъ уплаты налога. Уплачивается косвенный налогъ большею частью въ составѣ цѣны потребляемаго товара, плательщикъ не приходитъ въ непосредственное столкновеніе съ агентами фиска и не испытываетъ съ ихъ стороны тѣхъ воздѣйствій и понужденій, съ которыми сопрягается взысканіе прямыхъ сборовъ и которыя дѣлаютъ иногда самый процессъ этого взысканія крайне тяжелымъ, а временами и раззорительнымъ.

Но эти формальныя преимущества косвенныхъ налоговъ соединяются со многими крупными дефектами въ отношеніи матеріальномъ. Косвенные налоги по самому существу гораздо менѣе прямыхъ поддаются требованіемъ *равномѣрнаго ихъ распредѣленія*, сообразно съ достатками плательщиковъ. Чтобы имѣть серьезное значеніе для фиска, налогъ долженъ поражать предметы *массового потребленія*, только при этомъ условіи онъ можетъ приносить крупныя суммы поступленій; но размѣры потребленія такихъ предметовъ никакъ не могутъ служить признакомъ степени состоятельности плательщиковъ. Наоборотъ, чѣмъ выше доходъ плательщика, тѣмъ *меньшую* долю въ его общемъ бюджетѣ составляетъ расходъ на потребленіе обложенныхъ косвенными сборами продуктовъ, такъ что главнѣйшіе виды косвенныхъ налоговъ неизбѣжно распредѣляются между населеніемъ *обратно пропорціонально* ихъ платежной способности. Даже и налоги на предметы роскоши не чужды этого недостатка, такъ какъ и они поражаютъ только *личное потребленіе*, которое, какъ и, вообще, всякій расходъ, нельзя еще считать вѣрнымъ показателемъ размѣровъ дохода и имущества плательщика. Серьезнаго фискальнаго значенія налоги на предметы роскоши нигдѣ, впрочемъ, не имѣютъ (а тѣмъ болѣе въ нашемъ бюджетѣ): ядро косвеннаго обложенія вездѣ и всегда составляютъ налоги на предметы массового потребленія.

Предпочтительность косвенныхъ налоговъ обложенія предъ прямыми выступаетъ поэтому тамъ, гдѣ формальный моментъ обложенія получаетъ почему либо особенно важное значеніе, и гдѣ, наоборотъ, урегулированіе матеріальной стороны обложенія устраняется изъ задачъ фискальной политики. Когда *размѣры* обложенія слишкомъ отяготительны для населенія и когда всѣ налоги—и прямые и косвенные—всею своею тяжестью ложатся на малодостаточныя массы населенія,—облегченіе, которое получаютъ плательщики отъ

возможности сообразовать *сроки* платежа съ измѣненіемъ въ своемъ достаткѣ и въ своихъ полученіяхъ, можетъ имѣть для нихъ очень большое значеніе. Точно также при крайнемъ несовершенствѣ въ процессахъ взиманія прямыхъ налоговъ, особенно при высокомъ ихъ окладѣ—стѣсненія для населенія могутъ быть такъ велики, что заслонятъ собою другіе моменты дѣла.

Но и въ этихъ случаяхъ преимущества косвенныхъ налоговъ являются весьма относительными. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что характеръ принудительности, свойственный самому понятію налога, не устраняется, а только смягчается въ косвенномъ обложеніи. Избѣгнуть тяжелаго налога можно только «воздержаніемъ» отъ потребленія обложенныхъ предметовъ или сокращеніемъ этого потребленія. Но вѣдь такое воздержаніе само является вынужденнымъ, такъ что моментъ принужденія только переносится изъ одной сферы въ другую. Затѣмъ не всегда воздержаніе и осуществимо реально, хотя формально оно и во власти плательщика. Съ другой стороны, если косвенные налоги легче уплачиваются, то они и легче *взимаются*. Для фиска это самый удобный источникъ по своей эластичности. Расширеніе налоговыхъ требованій въ наименѣе рѣзко ощутимой формѣ достижимо, именно, при косвенномъ обложеніи. И въ этомъ лежать едва-ли не главная опасность системы косвенныхъ налоговъ. Замаскированная и не выступающая рѣзко наружу обременительность налога не дѣлается вслѣдствіе этого менѣе реальною, но она гораздо менѣе обращаетъ на себя вниманія и ее легче просмотрѣть или игнорировать.

Вотъ почему система обложенія, такъ рѣшительно опирающаяся на косвенные налоги съ главнѣйшихъ предметовъ массового потребленія, какъ это мы видимъ въ нашемъ бюджетѣ, никакъ не можетъ быть признана нормальною, и задача широкой податной реформы не перестаетъ быть настоятельною и неотложною, не смотря на блестящіе результаты сведенія бюджетныхъ балансовъ.

Н. Анненскій.

Изъ Швейцаріи.

Маленькая Швейцарія со своимъ трехмилліоннымъ населеніемъ является слишкомъ незначительнымъ государственнымъ организмомъ, чтобы играть совершенно самостоятельную роль на аренѣ европейской политики. Окруженная такими могущественными и вліятельными сосѣдями, какъ Франція, Германія, Австрія и Италія, маленькая альпійская республика не можетъ и даже не пытается хотя бы въ нѣкоторой степени повліять на ходъ міровыхъ событій. Ея голоса не слышно въ европейскомъ концертѣ. Если Швейцаріей и интересуются въ остальной Европѣ, то имѣютъ въ виду или красоты ея природы, или различныя стороны ея культурной жизни, ея успѣхи на поприщѣ цивилизаціи. Если въ европейской прессѣ говорятъ о Швейцаріи, то это происходитъ обыкновенно въ лѣтніе мѣсяцы, во время каникулъ, когда въ Швейцаріи собираются различные научные или литературные конгрессы. Такъ, напримѣръ, послѣдняя женевская выставка и сопровождавшіе ее съѣзды обращали всеобщее вниманіе на Швейцарію. Но прошла выставка, и извѣстія изъ Швейцаріи почти совершенно исчезли со столбцовъ повременныхъ изданій. Нужно ждать какого-нибудь сенсаціоннаго событія въ родѣ избіенія итальянцевъ въ Цюрихѣ или quasi-революціи въ Тессинѣ, чтобы о Швейцаріи снова заговорили.

Между тѣмъ въ Швейцаріи очень много въ высшей степени интереснаго и поучительнаго и въ политическомъ отношеніи. Самая политическая организація этой страны, не похожая на внутреннее устройство остальныхъ государствъ Западной Европы, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ Швейцаріи есть цѣлый рядъ установленій и законовъ, которые фигурируютъ въ программахъ различныхъ западно-европейскихъ партій пока еще только въ качествѣ требованій, на скорое осуществленіе которыхъ надежды мало (референдумъ, инниціатива, пропорціональная подача голосовъ и т. д.). Швейцарія вполнѣ благополучно разрѣшила національный вопросъ, который въ другихъ государствахъ со смѣшаннымъ населеніемъ играетъ еще до сихъ поръ такую выдающуюся роль и является тормазомъ при осуществленіи важныхъ политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ реформъ. Вообще, различныя проявленія политической жизни Швейцаріи имѣютъ свой специфическій, вполнѣ оригинальный характеръ, что объясняется тѣми исключительными условіями, въ которыя была поставлена гельветическая республика въ теченіе всей своей исторіи.

Въ нашихъ письмахъ мы будемъ знакомить читателей «Рус-

скаго Богатства» преимущественно съ политической жизнью Швейцаріи, какъ меньше всего извѣстной русской публикѣ, причемъ намъ нерѣдко придется прибѣгать къ историческому освѣщенію различныхъ сторонъ современной швейцарской дѣйствительности.

Самымъ выдающимся событіемъ во внутренней политикѣ Швейцаріи за послѣднее время являются несомнѣнно выборы въ національный совѣтъ (Nationalrath), которые въ этомъ году сильно затянулись, благодаря двукратному дополнительному избранію цюрихскаго депутата. Желая познакомить нашихъ читателей съ только что обнародованными результатами выборовъ, мы должны прежде сказать нѣсколько словъ о партійныхъ отношеніяхъ Швейцаріи и о ея парламентаризмѣ вообще; для этого намъ нужно дать краткій обзоръ того историческаго процесса, результатомъ котораго явился современный политическій строй Швейцаріи.

Послѣ паденія династіи Гогенштауфеновъ во всѣхъ германскихъ земляхъ стали возникать смуты, которыми не замедлили воспользоваться феодалы, стараясь всякими правдами и неправдами увеличить и округлить свои владѣнія. Это вызвало вполнѣ понятный отпоръ со стороны городского населенія, которое стало организоваться для защиты общихъ интересовъ. Такимъ образомъ возникли союзы прирейнскихъ и швабскихъ городовъ, такимъ же путемъ зародилась и первая ячейка современной швейцарской республики. Именно, въ половинѣ XIII ст. три горныхъ округа, расположенныхъ по берегамъ фирвальштетскаго озера (Швицъ, Ури и Унтервальденъ), заключили союзъ для борьбы съ угнетавшей ихъ младшей (мекленбургской) линіей габсбургской династіи. Хотя населеніе этихъ трехъ кантоновъ не доходило до 30000, однако, младшая линія Габсбурговъ не могла съ нимъ справиться. Поэтому она уступила свои права или, вѣрнѣе, претензіи, главѣ старшей линіи Габсбурговъ, Рудольфу. Этому удалось снова подчинить населеніе трехъ строптивыхъ кантоновъ власти императора, но когда Рудольфъ умеръ и въ Германіи возникли междуусобія, швейцарцы воспользовались этимъ и возобновили союзъ трехъ кантоновъ. На этотъ разъ судьба имъ, видимо, благопріятствовала. Послѣ нѣсколькихъ довольно неудачныхъ попытокъ они, наконецъ, совершенно освободились отъ власти императоровъ. Послѣ битвы при Моргартенѣ (1315) жители трехъ кантоновъ навсегда отдѣлились отъ Германіи. Союзъ трехъ кантоновъ имѣлъ характеръ чисто оборонительной организаціи. Жители Ури, Швица и Унтервальдена поклялись помогать другъ другу въ борьбѣ съ общимъ врагомъ, при чемъ внутреннія дѣла каждаго кантона разрѣшались совершенно независимо отъ дѣлъ двухъ другихъ кантоновъ. Возникавшія же между отдѣльными кантонами недоразумѣнія разрѣшались судомъ старѣйшинъ. Этотъ судъ является такимъ образомъ зародышемъ теперешняго союзнаго совѣта.

Вскорѣ къ тремъ горнымъ кантонамъ стали присоединяться

другіе округи. Такъ, въ 1332 г. къ нимъ примкнулъ Люцернъ, девятнадцать лѣтъ спустя—Цюрихъ, въ слѣдующемъ году—Гларусъ и Цугъ, и, наконецъ, въ 1353 г.—Бернъ. Эти восемь кантоновъ образовали союзъ старыхъ земель (der alten Orte), существовавшій почти безъ всякихъ измѣненій въ теченіе почти полуторыхъ столѣтій. За это время ему неоднократно приходилось подвергаться большой опасности, и только цѣлый рядъ побѣдъ, одержанныхъ союзными войсками, обезпечилъ ему независимость. Каждый кантонъ попрежнему сохранялъ полную внутреннюю самостоятельность, взаимныя же отношенія отдѣльныхъ кантоновъ нормировались весьма несложными постановленіями. Каждый кантонъ былъ обязанъ помогать всѣмъ другимъ въ военное время, поставляя извѣстное количество войска. Всякіе споры и недоразумѣнія, возникавшія между двумя кантонами, должны были разрѣшаться полюбовно. Заинтересованныя стороны выбирали по два представителя каждая; эти представители выбирали четырехъ помощниковъ, и дѣло рѣшалось сообща. Житель одного кантона пользовался всѣми правами въ другомъ, если онъ туда попадалъ, что было особенно важно для торговыхъ сношеній между кантонами. Кантоны были обязаны выдавать преступниковъ одинъ другому. Новый членъ союза могъ быть принятъ только съ согласія всѣхъ входящихъ въ составъ союза кантоновъ.

Въ дѣйствительности союзъ восьми кантоновъ представлялъ изъ себя совершенно самостоятельное государство, чего однако германскіе императоры не желали признавать. Попытки возвратить союзъ въ составъ провинцій германской имперіи не прекращаются до конца XV ст. Когда императоръ Максимиліанъ I установилъ въ 1495 г. такъ называемый вѣчный миръ, онъ старался подчинить и швейцарскій союзъ рѣшеніямъ императорскаго суда (Reichskammergericht). Однако это ему не удалось, и онъ былъ принужденъ признать полную независимость союза отъ германской имперіи, что констатировалъ базельскій трактатъ (1499). Въ концѣ XV и въ началѣ XVI ст. къ союзу присоединилось еще пять кантоновъ, а именно: Фрейбургъ и Солотурнъ (1481), Базель и Шаффгаузенъ (1501) и Аппенцель (1513). Въ этомъ составѣ швейцарскій союзъ просуществовалъ почти три столѣтія.

Въ теченіе всего этого времени Швейцарія была, собственно говоря, союзомъ государствъ (Staatenbund), потому что всякій изъ ея кантоновъ былъ въ сущности совершенно самостоятельнымъ государствомъ. Дѣло доходило до того, что, напримѣръ, во время реформаціи нѣкоторые изъ кантоновъ заключали между собой союзы и объявляли войну другимъ кантонамъ. Политическая организація внутренней жизни въ различныхъ кантонахъ принимала разнообразныя формы. Во всѣхъ кантонахъ господствовала республиканская форма правленія, но она видоизмѣ-

нялась, сообразно тому, какой соціальный элементъ былъ у власти. Такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ кантонахъ феодалы, поддерживавшіе нѣкогда стремленіе крестьянъ къ независимости, умѣли отстоять свои дворянскія привилегіи и de facto захватывали власть въ свои руки. Существовали кантоны, въ которыхъ всѣми дѣлами заправляло нѣсколько аристократическихъ родовъ. Однако, это внутреннее разнообразіе нисколько не мѣшало полному единенію всѣхъ кантоновъ, разъ дѣло касалось интересовъ всего союза.

Представителемъ и соединительнымъ звеномъ всей совокупности швейцарскихъ кантоновъ былъ конгресъ (Tagsatzung), замѣнившій прежній судъ старѣйшинъ. Каждый изъ входящихъ въ составъ союза кантоновъ высылалъ на конгресъ двухъ представителей, снабженныхъ подробными инструкціями. Конгресъ собирался ежегодно лѣтомъ. Онъ являлся представителемъ союза въ дѣлахъ внѣшней политики, заключалъ договоры и союзы съ другими государствами, объявлялъ войну и принималъ мѣры къ защитѣ союза. Самой же важной его функціей была забота о внутреннемъ спокойствіи и порядкѣ. Конгресъ являлся посредникомъ въ случаѣ какихъ нибудь раздоровъ между отдѣльными кантонами, онъ издавалъ общіе законы о бродяжничествѣ, эпидеміяхъ, нищихъ, о вербованіи солдатъ и т. д.

Событія второй половины XVIII ст., измѣнившія самымъ радикальнымъ образомъ весь политическій строй Западной Европы, въ очень сильной степени повліяли и на Швейцарію. Французская революція вызвала сильное броженіе сначала во французскихъ кантонахъ Швейцаріи, гдѣ населеніе въ силу общности языка легче всего проникалось идеями, распространявшимися изъ Парижа, а затѣмъ и въ остальныхъ. Почва къ этому уже была подготовлена съ одной стороны проповѣдью Ж. Ж. Руссо и французскихъ энциклопедистовъ, съ другой — тѣмъ умственнымъ движеніемъ, которое развивалось въ нѣмецкихъ универститетахъ, точно такъ же какъ и филантропическо-педагогической пропагандой Песталоцци. Кантонъ Солотурнъ уже въ 1785 г. освобождаетъ крестьянъ, его примѣру слѣдуютъ, спустя нѣкоторое время, и другіе кантоны. Еще въ 1781 г. во Фрибургскомъ кантонѣ вспыхиваетъ возстаніе крестьянъ и мѣщанъ противъ своеволія патриціевъ. Это возстаніе было подавлено вооруженными силами Берна, который былъ за все время существованія Швейцаріи самымъ реакціоннымъ кантономъ. Французская революція освободила главныхъ зачинщиковъ этого возстанія, которые по соглашенію съ правительствомъ Франціи были сосланы на галеры въ Тулонъ. Эти-то швейцарцы, явившись въ Парижъ, занялись революціонной агитаціей. Они стали склонять къ возмущенію стоявшіе во Франціи швейцарскіе полки и высылали на родину воззванія и даже отважныхъ эмиссаровъ. Кантональныя правительства всячески старались противодѣйствовать этой

агитаціи, причемъ Бернъ направлялъ всей контръ-агитаціей. Однако, это не удавалось. По всей Швейцаріи вспыхивали возмущенія, и французское правительство открыто поддерживало возстававшихъ. Наконецъ, Франція объявила Швейцаріи войну, закончившуюся взятіемъ Берна (1798 г.). Еще раньше отъ швейцарскаго союза отдѣлились Вельтлинъ, Клевенъ и Вормсъ и присоединились къ только что основанной подъ эгидой французскаго правительства цисальпійской республикѣ, а Женева примкнула прямо къ Франціи.

12 апрѣля 1798 г. была провозглашена гельветическая республика. Въ Аарау собрались представители 9-ти кантоновъ (Цюриха, Берна, Люцерна, Базеля, Шаффгаузена, Оберланда, Бруа, Лемана и Аргау). Выработанная ими конституція уничтожала сословныя привилегіи, вводила свободу торговли и промышленности, свободу совѣсти и печати, право вносить петиціи. Она признавала равноправность всѣхъ кантоновъ, уничтожила пытку, спеціальный налогъ на евреевъ, запрещеніе смѣшанныхъ браковъ и т. д. Едва ли не самымъ важнымъ шагомъ было уничтоженіе всѣхъ феодальныхъ правъ. Однако, эта конституція не была принята всѣми швейцарскими кантонами съ одинаковой симпатіей. Самые старые, католическіе кантоны, подстрекаемые духовенствомъ, взялись за оружіе и возстали противъ Франціи. Борьба продолжалась недолго. Войска возставшихъ контоновъ были разбиты, и они должны были принять конституцію, выработанную въ Аарау, куда они вовсе не высылали своихъ делегатовъ.

Эта конституція была въ основныхъ своихъ чертахъ копіей съ французской. Индивидуальное различіе кантоновъ, ихъ внутренняя автономія—все это было уничтожено. Кантоны превратились въ простые административные округа. Все населеніе было призвано къ управленію республикой. Каждая сотня гражданъ выбирала довѣренное лицо, а эти довѣренныя лица высылали изъ своей среды депутатовъ въ обѣ законодательныя палаты: большой совѣтъ (Grosse Rath) и сенатъ. Въ большой совѣтъ сначала каждый кантонъ высылалъ по восьми депутатовъ, впослѣдствіи же эта цифра была измѣнена пропорціонально количеству населенія даннаго кантона. Сенатъ состоялъ изъ бывшихъ директоровъ кантоновъ и выборныхъ депутатовъ (по восьми). Сенаторами могли быть исключительно люди, достигшіе 30-лѣтняго возраста, женатые или вдовцы. Довѣренныя лица выбирали изъ своей среды еще и членовъ кантональныхъ судовъ и административныхъ палатъ, большой совѣтъ и сенатъ избирали пять директоровъ, которые назначали четырехъ министровъ.

Такая организація не могла быть долговѣчною, такъ какъ она не вытекала органически изъ выработанныхъ столѣтіями мѣстныхъ условій. Она была чужда швейцарцамъ уже потому, что совершенно уничтожала мѣстную автономію кантоновъ. Между тѣмъ, почти каждый швейцарскій кантонъ, какъ по своимъ исто-

рическимъ традиціямъ, такъ и по культурному уровню населенія, представлялъ массу индивидуальныхъ особенностей, которыя совершенно игнорировались составителями конституціи для Швейцаріи. Притомъ самый фактъ насильнаго введенія конституціи, подъ давленіемъ иностранныхъ войскъ, глубоко возмущалъ свободолюбивыхъ швейцарцевъ. Поэтому не мудрено, что сшитая бѣлыми нитками новая организація Швейцаріи уже очень скоро стала расползаться по швамъ. Въ законодательныхъ собраніяхъ возникла ожесточенная борьба между централистами — сторонниками новой конституціи—и федералистами, желавшими возврата къ прежней кантональной автономіи. Вскорѣ эта борьба перешла въ междоусобную войну. Знамя возстанія первыми подняли южные кантоны. Возстаніе распространилось довольно быстро, такъ что къ 1802 году гельветическое правительство держалось уже только въ кантонахъ Ваадтъ и Фрейбургъ. Тѣмъ временемъ во Франціи пала директорія, а Наполеонъ согласился сдѣлатъ нѣкоторыя уступки федеральному духу швейцарскаго населенія, Автономія кантоновъ была возстановлена, прежнія ихъ границы тоже, причемъ сельскіе кантоны получили прежнее свое самоуправленіе, а городскіе—новое, представительное. Права села и города были уравнены. Избирательное право въ городскихъ округахъ было ограничено, причемъ былъ установленъ извѣстный имущественный цензъ. Каждый избирательный округъ высылалъ одного делегата въ кантональное собраніе. Кантоны выбирали депутатовъ въ сеймы (Tagsatzung, diète). Шесть кантоновъ высылали по два депутата, остальные по одному. Въ вѣдѣніи сейма находились слѣдующія дѣла: сношеніе съ иностранными государствами, трактаты и торговые переговоры, армія, объявленіе войны и заключеніе мира. Исполнительная власть принадлежала президенту сейма. Въ президенты сейма всегда избирался бургомистръ того города, въ которомъ засѣдалъ сеймъ. Сеймъ ежегодно мѣнялъ свое мѣстопребываніе и каждый разъ собирался въ одномъ изъ слѣдующихъ городовъ: Цюрихъ, Люцернъ, Базель, Солотурнъ, Бернъ и Фрибургъ.

Паденіе Наполеона не замедлило отразиться на судьбѣ государственныхъ учрежденій Швейцаріи. Вѣнскій конгресъ гарантировалъ нейтралитетъ швейцарскаго союза, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ склонился на сторону болѣе консервативныхъ элементовъ, которые не могли забыть о минувшемъ могуществѣ городского патриціата. Въ августѣ 1815 г. Швейцарія получила новую конституцію, которая усилила самостоятельность отдѣльныхъ кантоновъ, такъ что Швейцарія снова стала союзомъ государствъ. Это было сдѣлано въ угоду консерваторамъ, которымъ легче было справиться съ оппозиціей какого нибудь одного кантона, нежели съ демократическими требованіями народныхъ элементовъ всей Швейцаріи. По вѣнскому трактату Швейцарія увеличилась тремя

кантонами: Женевой, Валиссомъ и княжествомъ Нейенбургъ. Этотъ послѣднiй кантонъ представлялъ собой нѣкоторую аномалiю. Онъ одновременно принадлежалъ и къ швейцарскому союзу, и къ Пруссiи. Онъ посылалъ своего представителя въ швейцарскiй сеймъ, а между тѣмъ имъ управлялъ прусскiй губернаторъ. Внутренняя же его организацiя была смѣсью монархическихъ и республиканскихъ учрежденiй.

Что касается остальныхъ кантоновъ Швейцарiи, то сельскiе сохранили свое прежнее устройство, въ городскихъ же патрицiатъ получилъ довольно значительное преобладанiе надъ остальнымъ населенiемъ. Компетенцiя сейма была очень ограничена соотвѣтственно увеличенiю самостоятельности кантоновъ. Эти послѣднiе получили даже право заключать съ иностранными государствами трактаты, военные и торговые, причемъ имъ только вмѣнялось въ обязанность давать знать объ этомъ сейму. Каждый кантонъ высылалъ въ сеймъ только одного депутата.

Французская революцiя 1830 г. способствовала коренному измѣненiю швейцарской конституцiи. Подъ влiянiемъ новыхъ вѣянiй, идущихъ изъ Парижа, швейцарская демократiя подняла голову. Въ нѣсколькихъ кантонахъ вспыхнули возмущенiя. Требованiя народа были въ извѣстной степени исполнены. Самостоятельность кантоновъ была значительно съужена въ пользу компетенцiи центральной власти. Разница между городомъ и селомъ въ политическомъ отношенiи исчезла. Въ большинствѣ кантоновъ уничтожаются ограниченiя избирательнаго права. Вводится всеобщая, непосредственная подача голосовъ. Исполнительная власть отдѣляется отъ судебной и т. д.

Понятно, что всѣ эти реформы сильно не нравились консервативнымъ элементамъ. Антагонизмъ между консерваторами и радикалами все возросталъ, что, наконецъ, привело къ вооруженному столкновенiю этихъ двухъ партiй, чуть было не окончившемуся отдѣленiемъ нѣсколькихъ кантоновъ отъ союза. Борьба между консерваторами и радикалами приняла религiозный характеръ. Радикалы желали устранить iезуитовъ отъ всякого влiянiя на политическiя дѣла, этому противились консерваторы. Семь католическихъ кантоновъ (Швицъ, Ури, Унтервальденъ, Люцернъ, Цугъ, Фрейбургъ и Валлисъ) основали въ 1846 г. спецiальный союзъ съ явно сепаратистическими тенденцiями. Этотъ союзъ (Sonderbund) имѣлъ цѣлiю защиту отъ посягательствъ другихъ кантоновъ и борьбу съ либеральными стремленiями у себя дома. Основанiе Зондербунда привело къ междоусобной войнѣ, закончившейся его уничтоженiемъ. Союзная армiя взяла приступомъ Люцернъ и Фрейбургъ, главные центры реакцiонно-сепаратистическихъ элементовъ, послѣ чего сдались и остальные кантоны Зондербунда. Слѣдствiемъ этихъ междоусобiй явилась новая конституцiя (1848 г.), задачей которой было предотвратить всякую возможность чего нибудь по-

добнаго. Самостоятельность отдѣльныхъ кантоновъ была еще болѣе ограничена, а центральное правительство получило громадное вліяніе на политическую жизнь страны. Кромѣ сейма, состоящаго изъ делегатовъ, высылаемыхъ правительствомъ отдѣльныхъ кантоновъ, появилась палата депутатовъ, какъ представительница непосредственной воли народа. Такимъ путемъ Швейцарія, наконецъ, превратилась изъ союза государствъ въ союзное государство.

Конституція 1848 г. не осталась безъ измѣненія. Въ 1874 г. наконецъ была принята конституція, остающаяся въ силѣ и до настоящаго время. Она была принята большинствомъ 142,186 голосовъ, такъ какъ за нее высказалось 340,199 голосовъ, противъ нея—только 198,013 Конституція 1874 г. значительно усилила централизмъ государственнаго устройства Швейцаріи. Значительное количество дѣлъ, находившихся прежде въ вѣдѣніи отдѣльныхъ кантоновъ, перешло въ вѣдѣніе всего союза. Самой главной реформой въ этомъ направленіи была военная. До 1874 г. въ сущности не было общешвейцарскаго войска. Каждый кантонъ долженъ былъ въ случаѣ опасности, угрожавшей цѣлости государста, поставлять извѣстное количество войска, причемъ объ обученіи и вооруженіи этихъ отрядовъ должны были заботиться опять таки отдѣльные кантоны. Это вело къ цѣлому ряду затрудненій и недоразумѣній, которыя устраняла конституція 1874 г. Съ этого времени союзъ самъ непосредственно завѣдуетъ всѣми дѣлами, относящимися къ организаціи войска; однако, отдѣльные отряды и корпуса состоятъ изъ жителей одного и того же кантона.

Съ переходомъ военныхъ дѣлъ въ вѣдѣніе союза увеличились его издержки, что вызвало необходимость въ реформѣ финансовъ. Многіе доходы, поступавшіе прежде въ кассу отдѣльныхъ кантоновъ, теперь стали собственностью всего союза. Въ связи съ этимъ было право союза обнародовать законы, касающіеся надзора за лѣсами, охотой и рыболовствомъ, далѣе надъ работой дѣтей на фабрикахъ, надъ эмиграціонными агентствами, постройкой и эксплоатаціей желѣзныхъ дорогъ и т. д. Союзъ получилъ право основывать высшія учебныя заведенія и обязанъ былъ слѣдить за тѣмъ, чтобы кантоны давали соотвѣтственное низшее образованіе своимъ жителямъ. Конституція 1874 г. ограничила право кантоновъ содержать монастыри и запретила іезуитамъ пребывать въ Швейцаріи. Централистическія тенденціи конституціи 1874 г. особенно ярко выступаютъ въ реформахъ, касающихся гражданскаго, торговаго и уголовнаго законодательства. Такъ, конституція сама опредѣлила законы, относящіеся къ переселенцамъ изъ одного кантона въ другой, благодаря чему устранялись совершенно мѣстныя, кантональныя постановленія. Конституція 1874 г. рѣшила, что бракъ, заключенный въ одномъ изъ кантоновъ, признается законнымъ и во всѣхъ остальныхъ, чего прежде не было. Точно такъ же кон-

ституція рѣшила, что гражданинъ одного кантона является *eo ipso* гражданиномъ всей Швейцаріи, благодаря чему совершенно устранялась прежняя аномалія, въ силу которой довольно значительное количество швейцарскихъ гражданъ было «heimathlos». Это были люди, потерявшіе право гражданства въ одномъ кантонѣ и неполучившіе его въ другомъ.

Нужно замѣтить, что торжество централизма, такъ ярко отразившееся въ конституціи 1874 г., ограничило только власть кантоновъ, но нисколько не нарушило власти *всей націи.*

Законодательная власть швейцарскаго союза сосредоточена въ рукахъ союзнаго собранія (Bundesversammlung, Assemblée générale), состоящаго изъ національнаго совѣта и сословнаго совѣта (Ständerath). Такъ какъ мы намѣрены говорить въ нашемъ письмѣ о выборахъ въ національный совѣтъ, то мы прямо къ нему и обратимся.

Національный совѣтъ состоитъ изъ депутатовъ, избираемыхъ каждые три года всѣмъ народомъ на основаніи всеобщаго, непосредственнаго, тайнаго, избирательнаго права. Всякій швейцарскій гражданинъ, достигшій двадцатилѣтняго возраста, имѣетъ право голоса. Одинъ депутатъ избирается каждыми 20,000 жителей, причемъ всегда принимается во вниманіе послѣдняя перепись населенія,—переписи устраиваются въ Швейцаріи каждыя десять лѣтъ. Каждый остатокъ свыше 10,000 имѣетъ право избирать одного депутата. Пассивнымъ избирательнымъ правомъ не пользуются члены кантональнаго совѣта, и союзнаго совѣта, точно такъ же, какъ и всѣ чиновники, назначенные этимъ послѣднимъ. Духовенство лишено какъ пассивнаго, такъ и активнаго избирательнаго права. Депутаты національнаго совѣта получаютъ въ теченіе всей сессіи по 20 франковъ ежедневно, причемъ союзный совѣтъ покрываетъ также и ихъ путевыя издержки.

Въ вѣдѣніи національнаго совѣта (вмѣстѣ съ кантональнымъ Совѣтомъ, соотвѣтствующимъ верхнимъ палатамъ или сенатамъ другихъ европейскихъ государствъ) находятся всѣ дѣла, имѣющія обще-швейцарскій характеръ, за исключеніемъ тѣхъ дѣлъ, которыми завѣдуютъ другія союзныя учрежденія. Итакъ, національный совѣтъ установляетъ законы, относящіеся къ организаціи выборовъ союзныхъ властей, опредѣляетъ жалованье этимъ властямъ, выбираетъ членовъ союзнаго совѣта и союзнаго суда, далѣе канцлера и главнокомандующаго швейцарской арміей и, наконецъ, всѣхъ другихъ чиновниковъ, по скольку союзное законодательство поручитъ это дѣло національному совѣту. Національный совѣтъ обязанъ заключать союзы и трактаты съ иностранными государствами, заботиться объ обезпеченіи внѣшней безопасности, независимости и нейтралитета Швейцаріи. Онъ имѣетъ право объявить войну и заключить миръ. Національный совѣтъ гарантируетъ конституцію и территорію отдѣльныхъ кантоновъ,

заботится о внутренней безопасности и имѣетъ право амнистіи. Національный совѣтъ распоряжается союзной арміей, устанавливаетъ годичный бюджетъ союза и совершаетъ займы. Національному совѣту принадлежитъ надзоръ надъ союзной администраціей и т. д. Одно изъ самыхъ важныхъ правъ Національнаго союза— это право ревизіи союзной конституціи.

Борьба швейцарскихъ партій разыгрывается главнымъ образомъ въ Національномъ Совѣтѣ, гдѣ встрѣчаются представители всѣхъ кантоновъ, гдѣ сталкиваются различные соціальные элементы, гдѣ работаютъ сообща люди, сильно отличающіеся и по взглядамъ, и по культурѣ, и по традиціямъ, и по національности, и по религіи, какъ отличаются одинъ отъ другого отдѣльные кантоны Швейцаріи.

Въ Національномъ совѣтѣ точно такъ же, какъ и въ остальныхъ парламентахъ западно-европейскихъ государствъ, имѣется: правая, центръ и лѣвая. Мы приводимъ табличку, наглядно представляющую количественное измѣненіе голосовъ, отданныхъ въ пользу той или другой партіи.

	Лѣвая.		Центръ.		Правая.	
	Количество голосовъ.	Количество депутатовъ.	Количество голосовъ.	Количество депутатовъ.	Количество голосовъ.	Количество депутатовъ.
1881	169788	83	77687	26	97976	36
1884	180585	88	79818	22	99319	35
1887	173328	87	67747	24	80099	34
1890	215848	92	58068	19	89342	36
1896	еще неизвѣстно.	94	еще неизвѣстно.	19	еще неизвѣстно.	31

То обстоятельство, что консервативные и реакціонные элементы въ національномъ союзѣ представляютъ меньшинство, прекрасно объясняетъ намъ, почему швейцарскій централизмъ всегда былъ выразителемъ прогрессивныхъ теченій, въ то время какъ децентрализація (федерализмъ) шла рука объ руку съ реакціей. Дѣло въ томъ, что большинство кантоновъ въ силу мѣстныхъ соціально-экономическихъ условій гораздо склоннѣе къ различнымъ прогрессивнымъ реформамъ, нежели меньшинство. При федеративномъ устройствѣ большинство не въ силахъ оказывать давленіе на меньшинство, что вполнѣ доступно при извѣстной централизаціи. Поэтому то въ современной Швейцаріи ярыми сторонниками федерализма и принципіальными противниками централизма являются клерикалы-ультрамонтаны. Клерикальные депутаты національнаго совѣта, выбранные въ консервативныхъ, католическихъ кантонахъ средней и западной Швейцаріи, стоятъ на точкѣ зрѣнія враждебной всякимъ реформамъ, усиливающимъ компетенцію союза въ ущербъ кантонамъ. Поэтому вся ихъ дѣятельность имѣетъ чисто отрицательный, обструкціонный характеръ. Они даже не обнародовали спеціальной программы, а по

вопросамъ, не затрагивающимъ принциповъ федерализма и централизма, обыкновенно часть клерикальныхъ депутатовъ подаетъ голосъ за, часть—противъ.

Остальныя швейцарскія партіи имѣютъ ясно формулированныя, выработанныя на партійныхъ конгрессахъ, программы. Однако къ требованіямъ, выраженнымъ въ партійныхъ программахъ, слѣдуетъ относиться довольно осторожно. И въ Швейцаріи, точно такъ же, какъ и въ другихъ странахъ, многое помѣщается въ программу не потому, что партія искренно сочувствуетъ этому, а прямо потому, что всякое громко звучащее, справедливое требованіе можетъ привлекать сторонниковъ, идущихъ на удочку фразеологіи. Бываетъ очень часто, что партія до тѣхъ поръ только отстаиваетъ какое-нибудь требованіе, пока нѣтъ рѣшительно никакой надежды на то, что это требованіе можетъ быть исполнено. Разъ является возможность провести въ парламентѣ подобное требованіе, недавніе его сторонники употребляютъ всѣ усилія, чтобы содѣйствовать его провалу. Чѣмъ партія консервативнѣе, тѣмъ въ ея программѣ больше такихъ, лицемѣрно выставленныхъ требованій. Это наблюдается и у швейцарскихъ консерваторовъ. Такъ напримѣръ, они въ своей программѣ требуютъ учрежденія союзнаго банка. Когда же въ національный совѣтъ было внесено предложеніе относительно этого банка, то консерваторы подали свой голосъ противъ него, не смотря на то, что проектъ былъ составленъ въ духѣ ихъ программы съ полнымъ вниманіемъ къ интересамъ кантоновъ. Консерваторы отнеслись враждебно къ практическому примѣненію одного изъ пунктовъ своей программы единственно потому, что союзный банкъ былъ бы чисто государственнымъ учрежденіемъ, что для нихъ, какъ для представителей крупнаго частнаго капитала, было бы очень невыгодно.

Консервативный центръ швейцарскаго національнаго совѣта выставилъ слѣдующія требованія политическаго и экономическаго характера: укрѣпленіе союзно-государственной идеи, особенно въ области единства законовъ и военнаго дѣла; практическая реформа штата чиновниковъ въ демократическомъ духѣ; борьба со всѣми бюрократическими тенденціями; сохраненіе за союзнымъ собраніемъ права выбора союзнаго совѣта; реформа народныхъ правъ въ духѣ, обезпечивающемъ духовное и матеріальное развитіе швейцарской государственной жизни; облегченіе факультативнаго референдума; требованіе всеобщаго и обязательнаго обученія при поддержкѣ союза; защита религіи и свободы совѣсти отъ нападокъ, съ какой бы стороны онѣ не выходили; справедливое представительство меньшинства при выборахъ лицъ на союзныя должности; подготовленіе къ такой національзаціи желѣзныхъ дорогъ, которая бы не принесла ущерба финансовымъ интересамъ страны; требованіе средствъ на постройку альпійской желѣзной дороги на востокѣ и на западѣ Швейцаріи; національный банкъ при содѣй-

ствіи и подъ надзоромъ союза съ участіемъ кантоновъ въ раздѣленіи доходовъ; поддержка земледѣлія, ремеслъ и промышленности; общій промышленный уставъ; защита государствомъ экономически слабыхъ; страхованіе отъ болѣзни, несчастныхъ случаевъ, старости; поддержка стремленій къ выработкѣ международнаго фабричнаго законодательства; введеніе табачной монополіи; спеціальный законъ, преслѣдующій фальсификацію съѣстныхъ припасовъ.

Изъ этого перечисленія требованій консерваторовъ видно, что ихъ программа тщательно избѣгаетъ ясной формулировки вопросовъ. О самыхъ коренныхъ вопросахъ, играющихъ очень важную роль въ политической и соціальной жизни, консерваторы стараются говорить такъ, чтобы масса избирателей не могла получить точнаго представленія о сущности требуемыхъ ими реформъ. Въ большинствѣ случаевъ консерваторы отдѣлываются темными общиками, свидѣтельствующими только о желаніи реформъ, но ничего не говорящими о духѣ и направленіи ихъ.

Лѣвая національнаго совѣта обладаетъ программой, гораздо болѣе опредѣленной и ясной. И свободомыслящіе, и демократы имѣютъ спеціальныя программы, хотя многія требованія свободомыслящихъ вполнѣ раздѣляются и демократами. Свои требованія свободомыслящіе перечислили въ программѣ, обнародованной въ 1892 г. Вотъ онѣ: реформа союзнаго управленія; законодательная инипціатива; гарантія народныхъ правъ въ отдѣльныхъ кантонахъ; союзное право обязательной подачи голосовъ съ возможнымъ облегченіемъ голосованія; строгое исполненіе § 27 конституціи, касающагося вѣроисповѣднаго нейтралитета въ элементарномъ обученіи; защита свободомыслящихъ союзныхъ учрежденій отъ всякихъ нападокъ клерикализма; унификація гражданскаго и уголовнаго законодательства; національзація страхованія; монопольный союзный банкъ; табачная и спичечная монополія: дальнѣйшее развитіе фабричнаго устава въ духѣ сокращенія рабочаго времени и ограниченія труда женщинъ и дѣтей; дальнѣйшее развитіе законовъ о страхованіи рабочихъ; поддержка стремленія къ выработкѣ международнаго законодательства, касающагося положенія рабочихъ; ремесленный уставъ.

Хотя эта программа принята всѣми свободомыслящими оффиціально, но тѣмъ не менѣе на дѣлѣ извѣстное меньшинство расходится съ большинствомъ партіи по довольно значительному количеству вопросовъ, какъ напримѣръ, во время преній по поводу различныхъ государственныхъ монополій, національзаціи желѣзныхъ дорогъ и т. д. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ партія распадается на двѣ фракціи: нѣмецкую (за) и итальянскую (противъ). Что же касается такихъ вопросовъ, какъ защита труда, ремесленный уставъ, то тутъ въ средѣ свободомыслящихъ нѣтъ никакого единенія. Весь лагерь разбивается на мелкія группы,

которыя обнаруживаютъ самыя разнообразныя мнѣнія по однимъ и тѣмъ же вопросамъ.

Демократическая программа во многихъ случаяхъ совершенно совпадаетъ съ програмкой свободомыслящихъ, но слѣдуетъ замѣтить, что демократы гораздо радикальнѣе свободомыслящихъ. Есть много пунктовъ, по которымъ первые идутъ гораздо дальше послѣднихъ. Такъ напримѣръ съ требованіемъ реформы союзной администраціи демократы соединяютъ и требованіе того, чтобы союзный совѣтъ избирался не національнымъ и сословнымъ совѣтомъ, а непосредственно всѣмъ народомъ. Кромѣ страхованія отъ несчастныхъ случаевъ и болѣзни демократы требуютъ еще страхованія на случай старости и неспособности къ работѣ. Демократы желаютъ государственной монополіи въ торговлѣ хлѣбомъ, десятичасового рабочаго дня, союзной субвенціи для проведенія меліоративныхъ работъ въ области земледѣлія.

Многія прогрессивныя требованія, включенныя въ програму свободомыслящей и особенно демократической партіи, обязаны своимъ появленіемъ тамъ вліянію рабочихъ, которые при всякихъ выборахъ подавали голосъ въ пользу кандидатовъ лѣвой, являясь какъ-бы ея радикальнымъ крыломъ. И до сихъ поръ рабочія массы особенно въ кантонахъ, гдѣ промышленность развита слабо, поддерживаютъ кандидатовъ демократическаго или прогрессистскаго лагерей.

Однако въ настоящее время это случается уже гораздо рѣже, потому что въ большинствѣ кантоновъ рабочіе выступаютъ въ качествѣ совершенно самостоятельной политической партіи. Соціалъ-демократическая партія является самой молодой политической организаціей Швейцаріи, такъ какъ она въ первый разъ только въ 1893 г. выставила большое число своихъ самостоятельныхъ кандидатовъ. Програма этой партіи обнародована въ 1888 г....

Такъ какъ рабочая партія не имѣетъ до сихъ поръ ни одного представителя въ союзномъ совѣтѣ, то ей приходится прибѣгать къ такимъ средствамъ, какъ петиціи, иниціативы и т. д. Такъ напр. въ 1893 г. инипіатива рабочей партіи, касающаяся права на трудъ, дала въ результатѣ 52.387 подписей, т. е. на 2.387 больше, чѣмъ требуется.

Положеніе рабочей партіи среди остальныхъ партій самое неблагопріятное въ силу тѣхъ условій, въ которыя поставлена швейцарская промышленность. Швейцарская индустрія не сосредоточена въ какихъ нибудь нѣсколькихъ кантонахъ, а разбросана по всей странѣ. Поэтому швейцарскіе рабочіе разсѣяны по лицу всей республики и во всѣхъ кантонахъ представляютъ меньшинство, утопающее среди крестьянскаго населенія. Во всей Швейцаріи лица, занимающіяся индустріей и ремесломъ, представляютъ всего 39% общаго числа населенія. Притомъ изъ 327,000 лицъ, заня-

тыхъ индустріей и ремеслами, почти 100,000 является владѣльцами промышленныхъ и ремесленныхъ заведеній. Нельзя также упускать изъ виду и то обстоятельство, что громадная масса работающихъ на фабрикахъ не перестаетъ быть владѣльцами клочковъ земли, что не мало затрудняетъ развитіе часто рабочей организаціи. Наконецъ вліяніе рабочей партіи сильно уменьшается, благодаря тому, что въ Швейцаріи громадное количество рабочихъ-иностранцевъ, не имѣющихъ избирательныхъ правъ. Такъ напримѣръ, изъ 47,000 рабочихъ и ремесленниковъ въ Цюрихѣ 8000 иностранцевъ. Въ Базелѣ они представляютъ 40% всѣхъ рабочихъ, а въ Женевѣ 42%.

Однако, тѣмъ не менѣе рабочая партія дѣлаетъ довольно быстрые успѣхи. Въ 1884 г. въ Цюрихѣ были выставлены въ первый разъ двѣ рабочія кандидатуры противъ двухъ либераловъ. Кандидаты рабочей партіи получали—одинъ 1955, другой 1636 голосовъ въ то время, какъ либералы—5321 и 7416. Въ 1887 г. рабочій кандидатъ получилъ 2100 голосовъ, а въ 1890 рабочій кандидатъ при поддержкѣ демократовъ былъ выбранъ въ національный совѣтъ, получивъ почти 12,000 голосовъ. Въ 1893 г. рабочая партія выставила своихъ кандидатовъ въ 14 округахъ. Эти кандидаты получили около 30.000 голосовъ, причемъ одинъ изъ нихъ былъ выбранъ. Во время послѣднихъ выборовъ 21 рабочій кандидатъ выступалъ въ 12 округахъ. Хотя выбранъ былъ снова только одинъ, однако, въ пяти округахъ должны были быть объявлены дополнительные выборы и только тогда рабочіе кандидаты были побиты, благодаря дружнымъ усиліямъ остальныхъ партій. Въ общемъ количество голосовъ, полученныхъ кандидатами рабочей партіи, увеличилось почти на 10.000. Это увеличеніе особенно замѣтно въ Билѣ, гдѣ въ 1893 г. рабочій кандидатъ получилъ 1728 голосовъ (теперь 3397), въ Лозаннѣ (1893—2891, 1896—3200) и въ Аппенцелѣ (1893—994, 1896—1650). Въ Цюрихѣ при *второмъ* дополнительномъ выборѣ старый вожакъ рабочей партіи Гретгихъ получилъ всего на 529 голосовъ меньше своего противника (10.969 и 11.498). Эти цифры показываютъ, что въ недалекомъ будущемъ рабочая партія можетъ провести въ національный совѣтъ 5—6 своихъ кандидатовъ.

Л. Василевскій.

Дневникъ журналиста.

Нѣкоторые итоги 1896 года.

I.

Во многихъ отношеніяхъ замѣчателенъ годъ, который только что пережило человѣчество. Сегодня наша задача только отмѣтить факты, по возможности, во взаимной связи и зависимости. На фактахъ одного года нельзя строить обширныхъ обобщеній и далекихъ предвидѣній но и съ ихъ помощью можно лучше освѣтить сложное теченіе современной исторіи.

Если мы сначала взглянемъ на ближайшія къ намъ явленія современной исторіи, на то, что дѣлается и развивается вокругъ насъ, въ Россіи, то прежде всего не можемъ не замѣтить, что истекшій годъ, являясь, повидимому, прямымъ продолженіемъ предыдущихъ, совершителемъ и исполнителемъ задачъ, уже какъ бы рѣшенныхъ въ тѣ годы, въ сущности ничего не рѣшилъ и не исполнилъ. И это во всѣхъ сферахъ нашей исторіи, во внѣшней политикѣ, какъ и во внутренней, въ экономической жизни, какъ и въ умственной, въ общественной дѣятельности, какъ и въ государственной. Ни одно изъ крупныхъ задуманныхъ мѣропріятій государственныхъ не осуществилось въ 1896 году, ни девальвація, ни банковая реформа, ни сибирскіе суды, ни новое крестьянское положеніе, ни введеніе земскаго и городского самоуправленія въ неземскихъ губерніяхъ Съ другой стороны, и земство, съ такою энергіей выдвинувшее въ 1895 году вопросъ о всеобщемъ обученіи, въ 1896 году только продолжало подготовительныя работы по этому настоятельнѣйшему вопросу дня и не успѣло еще приступить къ его осуществленію въ масштабѣ, достойномъ задачи. Не одни матеріальные недочеты были тому причиной, но нерѣдко и нежелательное соперничество представителей разныхъ вѣдомствъ (какъ то констатировалъ и отчетъ Кіевскаго попечителя, мною своевременно процитированный въ одномъ изъ этихъ *Дневниковъ*). Еще болѣе того задерживалось развитіе земской врачебной и санитарной помощи населенію, встрѣтившее препятствіе въ несогласованности лѣчебнаго устава 1893 года съ земскимъ положеніемъ и условіями сельско врачебнаго дѣла. Эта задержка въ дѣлѣ оздоровленія, хотя бы только земскихъ губерній, вѣроятно, скоро устранится, благодаря уже рѣшенному пересмотру лѣчебнаго устава, для чего образована при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особая комиссія. Приближеніе грозной эпидеміи къ нашимъ границамъ заставляетъ особенно желать скорѣйшаго движенія этого дѣла, чтобы намъ не пришлось горько

пожалѣть о слишкомъ бюрократическомъ характерѣ устава 1893 года. Общественная иниціатива въ истекшемъ году сказалась и въ рядѣ важныхъ ходатайствъ передъ правительствомъ. Если 1895 годъ выдѣлился въ этомъ отношеніи своими ходатайствами объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, то прошлый 1896 годъ особенно богатъ ходатайствами о преобразованіи нашей средне-образовательной учебной системы. Изъ Курска, Тифлиса, Чернигова и другихъ мѣстъ поступили подобныя ходатайства, всѣ склоняясь къ ослабленію или даже отмѣнѣ классицизма и въ замѣнѣ двухъ типовъ средняго образованія однимъ. Богатъ истекшій годъ и общественнымъ ходатайствомъ о высшемъ образованіи. Харьковъ, Екатеринославъ и Екатеринбургъ ходатайствовали объ основаніи второго горнаго института, Одесса и Кіевъ — третьяго технологическаго, при чемъ два послѣдніе города рѣшили внести крупныя пожертвованія на осуществленіе своихъ ходатайствъ. Хотя конечно корни этого широкаго общественнаго движенія къ расширенію народнаго, средняго и высшаго образованія и надо искать въ прошлой исторіи нашего общества, тѣмъ не менѣе назвать его прямымъ продолженіемъ непосредственнаго предыдущаго было бы ошибкою. Непосредственное прошлое было далеко не богато вниманіемъ къ задачамъ просвѣщенія, да и теперь еще затруднительно утверждать, чтобы пробудившееся общественное вниманіе къ вопросамъ просвѣщенія уже привесло плоды и поколебало установившуюся рутину. Указанное пробужденіе общественнаго вниманія и является поэтому, какъ мы сказали, болѣе указателемъ будущаго, нежели исполнителемъ завѣтовъ недавняго прошлаго.

Этого краткаго резюме теченія русской государственной и общественной жизни въ 1896 году, мнѣ кажется, уже достаточно, чтобы оправдать нашъ выводъ: минувшій годъ не свернулъ съ раньше намѣченныхъ историческихъ путей, но ничего на этихъ путяхъ не исполнилъ; онъ не вступилъ на иные пути, но, повидимому, коечто намѣтилъ и подготовилъ въ этомъ направленіи. Не то же ли самое замѣчаемъ мы и во внѣшней исторіи нашей? Поддержаніе status quo было нашею задачею и въ 1896 году, какъ и въ предыдущихъ, франко-русскій союзъ и въ этомъ году служилъ основою нашей политики, получивъ самое блистательное и торжественное подтвержденіе, но съ другой стороны, не въ этомъ ли 1896 году, впервые съ 1891 года, обнаружился и скрытый антагонизмъ историческихъ теченій двухъ союзныхъ націй? Въ наслѣдство ближайшимъ годамъ мы передаемъ нетронутымъ status quo на Востокѣ и франко-русскій союзъ, но будущее имѣетъ право задуматься надъ этими явленіями, и право это дано событіями истекшаго года. Къ вопросамъ международнаго положенія въ настоящее время, какъ оно создано исторіей истекшаго года, мы еще возвратимся ниже. Теперь же мы хотѣли отмѣтить только нѣкоторыя общія черты, характеризующія нашу внѣшнюю и внутреннюю исторію 1896 года. Повидимому,

точное и вѣрное продолженіе недавняго прошлаго; въ дѣйствительности же, подготовка чего то новаго,—едва-ли это не будетъ наиболѣе общею характеристикою пережитаго нами года.

То же самое не трудно подмѣтить, обращаясь къ экономической исторіи 1896 года.

Въ настоящее время наше министерство финансовъ знаетъ, чего желаетъ, какъ то видно изъ всеподданнѣйшаго доклада къ росписи 1897 г. Указавъ на то, что потребленіе въ Россіи ростетъ, г. министръ финансовъ выводитъ, что вообще благосостояніе народное тоже возрастаетъ. Затѣмъ замѣчаетъ: «конечно, это не отвѣчаетъ еще на вопросъ, получается-ли возрастающая сумма прибытковъ путемъ равномѣрнаго подъема уровня благосостоянія всѣхъ классовъ, или же путемъ болѣе быстраго хозяйственнаго прогресса лишь нѣкоторыхъ группъ населенія. Нужно думать, что мы имѣемъ дѣло съ процессомъ второго рода, какъ это имѣло мѣсто и во всѣхъ другихъ странахъ, при переходѣ отъ чисто-сельско-хозяйственнаго періода экономической жизни и системы натуральнаго хозяйства къ періоду промышленному и системѣ денежнаго хозяйства. Можно, конечно, относиться критически къ порядку хозяйственнаго развитія культурныхъ странъ; однако, до сего времени еще не указано практическихъ способовъ разрѣшенія задачи равномѣрнаго хозяйственнаго развитія всѣхъ классовъ населенія». Эти строки очень знаменательны...

Денежная реформа, такъ волновавшая наше общество въ обозрѣваемомъ 1896 году, тоже легко можетъ быть включена въ цѣпь явленій только что указаннаго значенія. Я не собираюсь здѣсь обсуждать ту форму, въ которую предполагалось отлить возстановленіе металлическаго обращенія и переходъ къ золотой валютѣ въ Россіи. Объ этомъ очень много писали, говорили и спорили въ 1896 году. И у насъ, въ «Русскомъ Богатствѣ» читатели могли найти подробный анализъ въ статьѣ Н. Ѳ. Анненскаго, въ «Хроникѣ внутренней жизни» (1896 г., № 5). Что предполагавшаяся форма неудачна, это выяснилось изъ полемики достаточно отчетливо. Выяснилось, однако, въ то же время, что въ той или иной формѣ задача возстановленія металлическаго обращенія съ переходомъ къ золотой валютѣ вовсе не можетъ считаться для Россіи неосуществимою утопіей. При наличности 750 милліоновъ рублей въ золотѣ, обезпечивающемъ 1 милліардъ 200 милліоновъ рублей обращающихся кредитныхъ билетовъ; при извѣстномъ необходимомъ процентѣ кредитныхъ билетовъ, уничтоженныхъ и испорченныхъ; при невозможности предположенія о предъявленіи къ обмѣну всѣхъ сохранившихся билетовъ, особенно въ виду обширнаго района ихъ обращенія и непривычки къ металлическому обращенію, и существованія упорныхъ въ рутинѣ захолустій; наконецъ, при возможности сдѣлать дополнительный золотой заемъ, — задача, очевидно, разрѣшима. Необходимы для этого миръ, отсутствіе какихъ либо

серьезныхъ экономическихъ потрясеній и подходящая форма, съ знаніемъ дѣла задуманная, искусно и настойчиво проведенная. Мы не беремся быть пророками въ этомъ отношеніи и предсказывать непремѣнную наличность всѣхъ этихъ благопріятныхъ условій. Дѣла на Востокѣ очень неустойчивы, и миръ можетъ быть нарушенъ во всякое время вопреки желанію даже всѣхъ державъ. Страшная эпидемія разливается нынѣ по азіатскому материку и даже въ случаѣ, если удается оградить Россію отъ ея вторженія, одна борьба съ этимъ вторженіемъ, одно ея появленіе въ Европѣ можетъ вызвать экономическія потрясенія. Наконецъ, будетъ-ли удачно выбрана форма осуществленія задуманнаго дѣла, рано еще гадать, когда эта форма не выяснилась. Поэтому все то, что мы скажемъ по этому вопросу ниже, относится лишь къ *идеѣ* возстановленія металлическаго обращенія съ переходомъ къ золотой валютѣ и къ тому случаю, если идея будетъ удачно проведена при наличности необходимыхъ благопріятныхъ условій.

Въ теченіе слишкомъ сорока лѣтъ, со времени прекращенія въ крымскую войну размѣна кредитныхъ билетовъ, мы пользовались системою бумажнаго денежнаго обращенія, не обезпеченнаго свободнымъ размѣномъ на металлическую монету, при чемъ споконъ вѣка наша валюта исчислялась на серебро. Необезпеченное бумажное денежное обращеніе и серебряная валюта—таковы два основныхъ устоя нашей денежной системы. Оба эти устоя ставятъ нашу экономическую жизнь въ положеніе, извѣстное въ наукѣ подъ именемъ *необезопашеннаго производства*. Если вы селитесь на территоріи, сосѣдней варварскому или дикому племени, отличающемуся разбойничьими наклонностями, и здѣсь начинаете земледѣльческую культуру, горное или лѣсное дѣло, торговое предпріятіе и т. п., то вы ставите свой промыселъ, именно, въ это положеніе необезопашеннаго производства. Это самый простой случай, но на немъ совершенно явственно видно все значеніе указаннаго условія необезопашенности. Возможность крупныхъ убытковъ дозволяетъ возникновеніе разныхъ хозяйственныхъ предпріятій на этой территоріи лишь при условіи очень высокихъ барышей, значительно превышающихъ нормальный барышъ даннаго времени и мѣста. Такимъ образомъ, одно опасеніе разбойничьихъ набѣговъ стѣсняетъ хозяйственное развитіе предѣлами особо выгодныхъ хозяйственныхъ условій, тогда какъ періодически повторяющіеся набѣги отъ времени до времени лишаютъ это развитіе и тѣхъ результатовъ и успѣховъ, которые достигнуты. То же самое замѣчается и при всякомъ необезопашенномъ производствѣ, при административномъ беззаконіи, при судебной подкупности, при необезпеченномъ бумажномъ денежномъ обращеніи, а въ послѣднее время и при серебряной валютѣ. Пояснимъ нашу мысль.

Что такое въ сущности необезпеченное бумажно-денежное обращеніе въ разсматриваемомъ нами отношеніи? Это прежде всего не-

безопасность всякой сдѣлки на сколько нибудь значительный срокъ при всегда нѣкоторой опасности очень серьезныхъ убытковъ. Въ 1870 году, до объявленія франко-германской войны, наши кредитные билеты принимались всюду за $3^1/_2$ франка. По первой телеграммѣ о войнѣ, въ которой Россія не принимала, однако, участія, они упали до $2^1/_4$ фр., приблизительно на одну треть недавней цѣны. Всѣ плательщики выиграли этимъ 30%, всѣ получатели потеряли. Это, поистинѣ, стоитъ самаго опустошительнаго разбойничьяго нашествія. Милліоны, если не милліарды, перемѣстились изъ одного кармана въ другой. Большинство ограбленныхъ долго этого даже не знало, но рано или поздно всѣ они почувствовали, хотя многіе, быть можетъ, никогда не догадались о причинѣ постигшаго ихъ раззоренія. Это крупное бѣдствіе, въ яркой и краснорѣчивой формѣ. Не столь эффектно, но за то постоянно изъ года въ годъ происходило то же самое въ теченіе всего сорокалѣтняго періода необезпеченнаго бумажно-денежнаго обращенія. На большую сумму вывезли изъ Россіи товаровъ, курсъ повышается и теряютъ плательщики. На меньшую сумму—курсъ понижается, теряютъ получатели. Никто достовѣрно не можетъ предвидѣть, не потеряетъ-ли онъ болѣе или менѣе значительно на той или другой хозяйственной операціи, совершенно независимо отъ ея успѣха. Эта необезопашенность, какъ мы уже указали выше, должна неизбѣжно вести къ необходимости сильно повысить предпринимательскую прибыль для того, чтобы капиталъ согласился затратиться въ предпріятія, къ ограниченію промышленной и торговой предпріимчивости предѣлами особо выгодныхъ условій, къ пренебреженію обширнаго поля иначе возможныхъ и выгодныхъ предпріятій, словомъ, къ стѣсненію и задержкѣ экономическаго развитія страны. Пока страна находится въ условіяхъ натуральнаго хозяйства, она несетъ, правда, убытки на международномъ рынкѣ, но очень крупныхъ внутреннихъ потрясеній не испытываетъ. Съ переходомъ къ денежному хозяйству развитіе становится возможно и мыслимо лишь при условіи устойчивой, обезпеченной, обезопашенной денежной системы. Металлическое денежное обращеніе и золотая валюта, въ условіяхъ мѣста и времени, и могутъ явиться такою устойчивою денежною системою. Постоянное паденіе цѣны серебра отчасти приравниваетъ серебряную валюту къ необезпеченному бумажно-денежному обращенію, хотя, конечно, здѣсь не можетъ быть такихъ крупныхъ скачковъ, а слѣдовательно, и такихъ крупныхъ потерь.

Въ вышеприведенномъ мѣстѣ всеподданнѣйшаго доклада г. министръ финансовъ говорится о переходѣ русской экономической жизни отъ системы натуральнаго хозяйства къ системѣ хозяйства денежнаго. Если признать эту эволюцію и неизбѣжною, и желательною, то надо ей дать и необходимыя условія развитія. Преобразованіе денежной системы является такимъ основнымъ и необходимымъ условіемъ. Вовсе не будучи сторонникомъ капиталистиче-

скаго развитія, я не могу не признать, однако, что въ условіяхъ мѣста и времени денежная реформа представляется экономическою необходимостью. Необезпеченное бумажно-денежное обращеніе нисколько не задерживаетъ процесса капитализаціи доходовъ (скорѣе даже облегчаетъ), но является очень серьезною задержкою для капитализаціи промысла. Другими словами, не останавливая хозяйственнаго упадка маломощныхъ группъ населенія, современная денежная система затрудняетъ развитіе хозяйственныхъ предпріятій, куда могли бы быть примѣнены освобождающіяся руки...

Нельзя не отмѣтить другой въ высшей степени важной, тоже чисто экономической стороны денежной реформы (сегодня я не касаюсь ея финансовой стороны, слишкомъ спеціальной для годичнаго обзора). Я говорю о томъ несомнѣнномъ обстоятельствѣ, что возстановленіе металлическаго денежнаго обращенія и одобреніе золотой валюты въ громадномъ масштабѣ облегчитъ притокъ иностранныхъ капиталовъ въ Россію и ихъ затрату въ русскія промышленныя предпріятія. И теперь иностранные капиталы охотно приливаютъ въ Россію, но при вышеобъясненной необезопашенности производства требуютъ очень высокихъ прибылей сравнительно съ тѣми, которыми довольствуются дома и, вообще, въ странахъ съ обезпеченнымъ денежнымъ обращеніемъ. Сильный же приливъ иностраннаго капитала знаменуетъ очень, очень многое: и пониженіе рыночнаго процента, и болѣе быструю капитализацію домашнихъ и кустарныхъ промысловъ, и возможность этой капитализаціи промысловъ безъ предварительной капитализаціи доходовъ, и громадный ежегодный отливъ золота за границу въ видѣ прибылей и дивидентовъ на затраченные иностранные капиталы, и многое другое. Это при условіи господства протекціонизма, конечно. При условіи свободной торговли перспективы были бы нѣсколько иныя, но условіе это едва-ли имѣетъ шансы близкаго осуществленія.

Я не вхожу въ болѣе подробный анализъ явленія, на которомъ мы остановили теперь наше вниманіе. Это насъ далеко увело бы отъ сюжета. Сказаннаго, однако, кажется мнѣ, довольно, чтобы оправдать выше высказанное мнѣніе о денежной реформѣ, какъ одномъ изъ звеньевъ цѣпи ранѣе отмѣченныхъ нами экономическихъ явленій отчетнаго года.

Наше общество занимало въ истекшемъ году также и артельное движеніе въ земледѣльческомъ населеніи Южной Россіи, возбужденное отчасти по иниціативѣ г. Левицкаго. Относясь съ искреннимъ сочувствіемъ къ этой благородной иниціативѣ, я не могу признать упомянутое артельное движеніе за нѣчто значительное, которое могло бы быть противупоставлено капиталистическому. Несомнѣнно, наступило и для русской экономической жизни время обобществленія производства; частью это время уже наступило, какъ только что сказано, частью наступаетъ. Кардинальный вопросъ въ томъ, необходимъ ли для этого капитализмъ, какъ то

было на Западѣ, или обобществленіе возможно безъ капитализаціи, на началахъ крупнаго общественнаго мірского хозяйства. Артели г. Левицкаго, эти маломощные, малосвѣдущіе, временные не обезопашенные союзы взаимной помощи, конечно, далеко не отвѣчаютъ задачѣ. Большая ошибка разсматривать ихъ, какъ начало самостоятельнаго некапиталистическаго хозяйственнаго прогресса. Тѣмъ не менѣе, поскольку онѣ успѣваютъ спасать отъ близкаго разоренія болѣе или менѣе значительное число дворовъ, эти артели служатъ будущему, облегчаютъ едва ли не неминуемо долженствующій наступить процессъ самостоятельнаго народно-экономическаго развитія. Чѣмъ больше такихъ предохранительныхъ стеклянныхъ колпаковъ воздвигнется по лицу нашей земли, тѣмъ легче, спорѣе и скорѣе будетъ это народно-экономическое развитіе въ будущемъ и тѣмъ менѣе горя, болѣзней и вырожденія въ настоящемъ. Не можемъ мы назвать артели г. Левицкаго первою ласточкою приближающейся весны народно-хозяйственнаго развитія, но не можемъ не отмѣтить общественное вниманіе къ нимъ въ 1896 году, какъ одинъ изъ серьезныхъ фактовъ экономической исторіи этого года.

Мы назвали нѣкоторыя экономическія событія русскаго 1896 года. Какіе же итоги подведемъ мы подъ этими рядами неравноцѣнныхъ фактовъ? Не тѣ же ли самые, что подвели послѣ пересмотра фактовъ внѣшней и внутренней политики, государственной и общественной жизни? Именно: годъ 1896 старался быть только продолжателемъ, исполнителемъ и совершителемъ начатаго въ предъидущемъ періодѣ, но ничего на этихъ путяхъ не исполнилъ и не совершилъ; намѣтились отчасти эти пути. Ничего не дѣлается сразу, все имѣетъ корни въ прошедшемъ, особенно такія медленно накопляющіяся явленія, какъ экономическія. Надо помнить эту оговорку, чтобы понять нашу характеристику...

Умственная жизнь 1896 года бѣдна фактами, сколько-нибудь яркими явленіями. Нѣкоторое возрожденіе толстизма въ обновленной формѣ на страницахъ «Недѣли», неожиданная полемика между этими новотолстистами и «народниками» *Новаго Слова*, продолжающееся самоопредѣленіе экономическаго матеріализма, продолжающаяся полемика на этой почвѣ, — вотъ тѣ не очень глубокія умственныя теченія, которыя своимъ переплетомъ слегка рябили поверхность нашего умственнаго моря. Что то зрѣетъ въ его глубинахъ? Мнѣ думается, не толстизмъ, не народничество, не марксизмъ, по крайней мѣрѣ ни одно изъ этихъ теченій въ ихъ современномъ видѣ и убранствѣ... Слишкомъ узкія и одностороннія, слишкомъ прикованныя каждое къ очень ограниченному циклу общественныхъ явленій, ни одно изъ нихъ, не преобразовавшись кореннымъ образомъ, не воспринявъ болѣе разносторонняго содержанія, не охвативъ въ своемъ міровоззрѣніи болѣе широкихъ горизонтовъ, не можетъ разсчитывать стать истолкователемъ современности, ея нуждъ, думъ и задачъ.

II.

Итогъ русской исторіи за 1896 годъ подведенъ нами въ томъ смыслѣ, что въ этомъ году почувствовалось какъ бы замедленіе движенія, завѣщаннаго недавнимъ прошлымъ, вмѣстѣ съ симптомомъ чего то новаго, зачинающагося. Поднявшись еще нѣсколькими ступенями выше и охватя въ одинъ горизонтъ всемірную исторію 1896 года, мы лучше уяснимъ себѣ и тѣ фрагменты нашей исторіи, которые мы попытались свести въ одну картину на предыдущихъ страницахъ.

Не одна Россія въ 1896 году сдѣлала рѣшительный шагъ къ обезопашенію производства переходомъ къ золотой валютѣ. То же рѣшеніе принято въ Америкѣ, гдѣ президентскіе выборы 4 ноября рѣшили этотъ вопросъ безповоротно и гдѣ въ 1897 году, какъ и у насъ, представлено это рѣшеніе осуществить на практикѣ. Не далѣе, какъ въ моемъ ноябрьскомъ *Дневникѣ*, я говорилъ объ этомъ настолько подробно, что сегодня ограничусь немногими замѣчаніями. Годомъ раньше Англія замѣнила и въ Индіи серебряную валюту золотою. Это показывало, что для экономически передовыхъ странъ нынѣ выгодно обезопашеніе производства въ экономически отсталыхъ странахъ. Прежде это было невыгодно, потому что тогда туземная промышленность могла конкуррировать съ ввозною изъ передовыхъ странъ, которыя свое экономическое преобладаніе строили и опирали именно на снабженіи своими фабрикатами странъ отсталыхъ, этихъ пресловутыхъ «рынковъ», изъ за которыхъ пролито столько человѣческой крови, и цивилизованной, и варварской. Въ настоящее же время произошла очень знаменательная эволюція. Передовыя страны начинаютъ опирать свое экономическое господство болѣе на затраты своихъ капиталовъ въ туземную промышленность отсталыхъ странъ, приносящую болѣе высокіе барыши. Поэтому, прежде варварское состояніе «рынковъ», необезопашенное производство въ странахъ отсталыхъ были выгодны экономически господствущимъ странамъ, а протекціонизмъ въ отсталыхъ странахъ невыгоденъ. Теперь наоборотъ: протекціонизмъ выгоденъ, а необезопашенность разорительна. Англія въ Индіи вводитъ золотую валюту съ цѣлью обезопасить производство отъ колебанія въ цѣнѣ серебра и обставляетъ (въ 1895 г.) индѣйское производство протекціоннымъ тарифомъ. Золотая валюта и протекціонизмъ, эта англійская программа для Индіи, санкціонирована въ 1896 году и для Америки побѣдою Макъ-Кинлея. Она и есть та программа, которая нужна и выгодна экономически господствующимъ націямъ.

Въ обозрѣніи 1895 года (*Рус. Бог.* 1896 г. №№ 1 и 2) мы остановились еще на одномъ очень характерномъ для современнаго историческаго момента явленій, представляющемся необходимымъ послѣдствіемъ этого новаго кочующаго капитала, проникающаго

всюду въ поискахъ за высокими прибылями. Это явленіе особенно ярко сказалось въ Англіи, именно основаніе такъ называемыхъ хартованныхъ компаній, chartered company, имѣющихъ свое государственное управленіе, войско, дипломатію, ведущихъ войны, заключающихъ трактаты, завоевывающихъ земли. Двѣ такихъ коммпаніи заставляли о себѣ много говорить въ обозрѣваемомъ 1896 году, South African Chartered Company и West African. Южно-Африканская компанія съ извѣстнымъ Сесилемъ Родсомъ во главѣ прославились въ 1895 году своимъ разбойничьимъ набѣгомъ на Трансваальскую республику, набѣгомъ, столь печально окончившимся для посланнаго ею Джемсона. 1896 годъ видѣлъ ликвидацію этого дѣла, судъ и приговоръ надъ Джемсономъ, отставку Сесиля Родса, скандальныя разоблаченія объ участіи въ авантюрѣ высокопоставленныхъ лицъ. Не объ этихъ однако дѣлахъ Южно-африканской компаніи я имѣлъ въ виду напомнить, а о событіяхъ, происходившихъ на ея собственной территоріи. Потому-что, какъ выше сказано, эти хартованныя компаніи имѣютъ собственную государственную территорію, подобно печальной памяти Ост.-Индской компаніи. Пустыня Калахари, бассейнъ озера Нгами (Бечуаналандъ), Родезія, Машоналандъ и Матабелеландъ составляютъ эту обширную государственную террannотерраторію Южно-африканской компаніи. Это внутренность южно-африканскаго материка, длинная полоса, на югѣ пустыней Калахари прислоненная къ англійской Капландіи, на сѣверѣ территоріею Матабелеландъ упирающаяся въ германскія центрально-африканскія владѣнія и отдѣляющая лежащіе къ востоку независимый Трансвааль и португальскій Мозамбикъ отъ лежащихъ на Западѣ германской колоніи Ангра-Пеквены и португальской Анголы. Непосредственной связи съ моремъ государство Южно-Африканской компаніи не имѣетъ. Доступъ черезъ англійскую Капландію затрудняется пустынею Калахари. Отсюда желаніе завладѣть Трансваалемъ и черезъ него прислониться къ англійскому Наталю, лежащему на берегу Индійскаго океана. Неудача набѣга Джемсона заставила компанію обратитьси въ другую сторону и она заключила договоръ съ Португаліей, по которому ей предоставлено провести желѣзную дорогу отъ португальскаго берега Индійскаго океана черезъ португальскую территорію Мозамбика въ Родезію. Къ постройкѣ дороги уже приступлено въ 1896 году, послѣ чего значеніе и выгодность государственной территоріи должны сильно возрасти. А выгоды это владѣніе сулитъ большія. Культура кофе, сахарнаго тростника, хинина, хлопка, пряностей обѣщаетъ громадныя барыши на роскошныхъ черноземныхъ преріяхъ этой богатой и обильной страны. Компанія рѣшила приступить къ этому въ обширныхъ размѣрахъ, для чего началось массовое переселеніе чернокожихъ тамиловъ и малабаровъ Южной Индіи, мирной, покорной и работящей расы, довольствующейся очень малымъ: немного риса и банановъ для пищи, кусокъ коленкора для пояса стыдливости. При такой дешевизнѣ труда и нетронутомъ плодородіи дѣвственной почвы, барыши должны

быть колоссальны. Не меньшій барышъ обѣщаетъ и разработка лѣсныхъ богатствъ края, изрѣзаннаго горами, изобилующими лѣсомъ самыхъ цѣнныхъ породъ дерева. Но окончательнымъ эльдорадо компанейское государство становится послѣ открытія въ 1896 году громадныхъ минеральныхъ богатствъ, обильнѣйшихъ золотыхъ розсыпей и рудъ, алмазныхъ мѣсторожденій, и пр. Такимъ образомъ, не смотря на Джемсоновскую неудачу и стыдъ этого разбойническаго предпріятія, компанія имѣла право быть довольна своими прибыльными владѣніями. Произошла однако маленькая заминка, сильно потрясшая въ 1896 году это выгодное акціонерно-государственное предпріятіе и устраненная едва къ самому концу отчетнаго года. Дѣло въ томъ, что территорія не была безлюдною, а принадлежала издавна здѣсь живущимъ народамъ, Бечуанамъ, Машонамъ и Матабелямъ. Эти народы, правда, признали англійскій протекторатъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но землю имѣли нѣкоторое основаніе считать своею. Когда компанія начала распоряжаться землею по своему усмотрѣнію, туземцы нашли это нарушеніемъ договора о протекторатѣ. Бечуаны послали своего короля съ жалобою въ Лондонъ, а Машоны и Матабели взялись за оружіе. Вооруженные одними дротиками, эти голые, но мужественные люди бросались на англійскіе отряды, вооруженные магазинками и скорострѣльными пушками. И не только бросались, но и достигали рукопашнаго боя, истребляя цѣлые отряды компанейскихъ культуртрегеровъ и мѣсяцами держали въ осадѣ компанейскія крѣпости. «Культура», конечно, взяла въ концѣ концовъ верхъ и тронная рѣчь королевы Викторіи при открытіи парламента въ январѣ 1897 года сообщала о совершенномъ подавленіи «возстанія» въ Машоналандѣ и Матабелеландѣ. Она не упомянула о Бечуаналандѣ, гдѣ уже въ концѣ 1896 года тоже поднялись туземцы послѣ того, какъ обѣщанія, данныя ихъ королю въ Лондонѣ, не были исполнены. Разумѣется, будутъ «усмирены» и Бечуаны, тоже по ошибкѣ считающіе свое отечество своею землею. Періодъ потрясеній, очевидно, завершился и компанія скоро начнетъ пожинать плоды своей мудрой государственной политики. Мудрой, потому что хищнической и безнравственной... Кто теперь не знаетъ, въ чемъ заключается мудрость капитализма?

Позднѣе South African Chartered Company основалась West African, которой англійское правительство передало во владѣніе большую часть англійскихъ владѣній въ Гвинеѣ, оставивъ въ коронномъ владѣніи лишь нѣсколько опорныхъ пунктовъ, имѣющихъ стратегическое значеніе и являющихся со своими коронными войсками какъ бы резервомъ компанейскихъ разбойничьихъ отрядовъ, призванныхъ на порогѣ XX в. затмить легендарные набѣги Кортеца и Пизарро. Гвинея представляетъ длинную береговую полосу, омываемую Атлантическимъ океаномъ и отграниченную отъ внутреннихъ континентальныхъ плоскогорій высокимъ хребтомъ. На сѣверѣ

эта широкая, обильно орошенная, знойная и лѣсистая полоса достигаетъ р. Гамбіи, на которой лежитъ цвѣтущая англійская колонія, оставшаяся въ коронномъ владѣніи и отдѣленная отъ южнѣе лежащихъ англійскихъ территорій португальскими владѣніями. На югѣ Гвинея достигаетъ приблизительно р. Конго, за которою лежитъ уже упомянутая выше португальская колонія Ангола. Сѣвернѣе Конго сначала идутъ значительныя и очень цѣнныя французскія владѣнія, потомъ германская колонія Камерунъ, немного не доходящая до устьевъ р. Нигера. Между португальскими владѣніями къ югу отъ Гамбіи и нѣмецкимъ Камеруномъ все гвинейское побережье, тысячи верстъ береговой полосы, занято англичанами почти сплошь. Нѣмецкій Тоголендъ и французская Дагомея нѣсколько прерываютъ это англійское единообразіе, но обѣ эти колоніи не углубляются въ материкъ и англійскія владѣнія сзади ихъ имѣютъ всюду непосредственную связь между собою. Къ сѣверу отъ англійской Гамбіи лежитъ на р. Сенегалѣ и на верхней Гамбіи очень значительная и вполнѣ цвѣтущая французская колонія Сенегамбія, простирающаяся далеко внутрь материка до сѣвернаго побережья озера Цада. Эти краткія данныя даютъ нѣкоторое понятіе о тѣхъ великодержавныхъ интересахъ, которые здѣсь переплетаются. Интересы Англіи на сѣверѣ сталкиваются съ интересами Франціи, на югѣ—съ интересами Германіи, встрѣчаясь съ тѣми же націями и въ Тоголендѣ и въ Дагомеѣ. Интересы же Франціи и Германіи здѣсь нигдѣ не антагоничны. Отсюда нѣкоторое параллельное дѣйствіе этихъ двухъ державъ въ Западной Африкѣ. Это обстоятельство является серьезнымъ ограниченіемъ для предпріимчивости компанейскихъ Кортецовъ, которые впрочемъ все таки не дремлютъ. Въ началѣ 1896 года компанія завоевала королевство Ашанти. Въ концѣ года сообщаютъ о походѣ противъ фулахскихъ государствъ на Кворрѣ, какъ принято называть Нигеръ въ его среднемъ теченіи. Фулахи—воинственный народъ хамитской (эѳіопской) расы, исповѣдующій исламъ и господствующій надъ языческимъ негритянскимъ населеніемъ. Среди фулаховъ проживаетъ много арабовъ и военное искусство стоитъ на относительно высокомъ уровнѣ. Раздробленіе на нѣсколько независимыхъ соперничающихъ государствъ ослабляетъ силу этого народа. Противъ нихъ то снаряжаетъ западно-африканская компанія экспедицію. Гаусса, какъ обыкновенно называютъ страну фулаховъ (по имени негритянскаго народа, подвластнаго фулахамъ) является въ высшей степени лакомымъ кускомъ. Высокое плодородіе, богатая природа, покорное, привыкшее къ труду негритянское населеніе, золото, обильно добываемое даже фулахами, слоновая кость, судоходная рѣка, прорѣзывающая всю обширную территорію, чего еще нужно компаніи? 1896 годъ видѣлъ лишь приготовленіе. Осуществленіе передано 1897 году.

Есть въ Африкѣ еще третья подобная же англійская компанія, восточно-африканская, East African Company. Она еще недавно только

основана и о ней мы еще услышимъ. Она захватила въ началѣ 1896 года арабскій городъ Момбассу, лежащій на берегу Индѣйскаго океана, и прокладываетъ себѣ пути къ бассейну верхне-нильскихъ озеръ.

Очень характерны для нашего времени эти частновладѣльческія государства на акціяхъ, это самое послѣднее проявленіе капитализма. Въ поискахъ за прибылями, все понижающимися дома, капиталы начинаютъ усиленно кочевать по всему лицу земного шара: и въ экономически отсталыя страны, гдѣ, затрачиваясь въ туземную промышленность, дѣлаютъ жестокую конкуренцію собственной національной промышленности; и въ дикія дѣвственныя территоріи, гдѣ вызываютъ новую небывалую культуру, организуя для этого акціонерныя государства, которыя еще сильнѣе, еще гибельнѣе конкурируютъ и съ собственною національною промышленностью, и съ промышленностью отсталыхъ странъ. Конечно, ни національная промышленность передовыхъ странъ, ни капиталы, затрачиваемые ими-же въ промышленность отсталыхъ странъ, ни ими-же основываемыя акціонерныя государства, создающія конкурирующую промышленность тамъ, гдѣ ничего не было, уступать конкурентамъ не намѣрены.

Взаимное поѣданіе этихъ порожденій капитализма становится закономъ современнаго экономическаго состоянія и является источникомъ перманентнаго кризиса. Чѣмъ можетъ разрѣшиться этотъ опасный процессъ, у начала котораго мы теперь стоимъ? Оптимисты могутъ указать, что конкурренція всегда составляла одну изъ основныхъ чертъ капиталистическаго строя, что она приводила и прежде промышленность къ временнымъ кризисамъ, но что она же и исцѣляла отъ этихъ кризисовъ. Конечно, съ исключительно экономической точки зрѣнія и теперь ничего другого не произойдитъ. Акціонерныя государства Южной и Западной Африки, распоряжаясь нетронутымъ плодородіемъ своихъ владѣній, располагая почти даровымъ трудомъ гауссовъ въ Западной Африкѣ, тамиловъ въ Южной, и обладая могущественными капиталами, могутъ завалить міровой рынокъ, напр., хлопкомъ, по такой цѣнѣ, которая немыслима для другихъ мѣстностей. Перемѣстится мѣсто производства хлопка, и промышленность выиграетъ на дешевизнѣ сырья. Конечно, это правда, но южные штаты Америки, Египетъ, Бразилія, сѣверная Индія могутъ быть поставлены въ безвыходное экономическое положеніе, и предвидѣть послѣдствія такого положенія невозможно. Для американцевъ, индусовъ, египтянъ остается въ распоряженіи земля, которая вмѣсто хлопка можетъ принести другіе плоды, хотя перестроить хозяйство дѣло трудное и сопряженное съ большими бѣдствіями. И этого кислаго утѣшенія не можетъ имѣть національная обрабатывающая промышленность. Положимъ, что та экономическая политика, которая въ 1895 году впервые *явно* обнаружилась въ Англіи и выразилась въ обложеніи пошлинами англійскихъ бумажныхъ матерій,

ввозимыхъ въ Индію, окончательно возобладала: пошлины повышены до степени, когда возможенъ ввозъ лишь очень высоко-пробнаго товара, разсчитаннаго на немногочисленнаго богатаго потребителя. Англійскіе капиталы, затраченные въ бумаго-прядильное и бумаго-ткацкое дѣло въ Индіи, сильно выиграютъ, но то же дѣло въ самой Англіи потерпитъ жестокій ударъ. Если та же политика распространится на другія колоніи (а это вполнѣ логично и для кочевого капитала очень выгодно); если экономически отсталыя страны будутъ продолжать обставляться высокими протекціонными тарифами; если усиліями цивилизованныхъ державъ водворится миръ и безопасность на мусульманскомъ и монгольскомъ Востокѣ, послѣ чего и эти страны, или въ качествѣ европейскихъ колоній, или въ качествѣ независимыхъ экономически отсталыхъ странъ примутъ ту же систему,—что станетъ тогда со всею обрабатывающею промышленностью Англіи? Потеря милліардныхъ капиталовъ и полное разореніе десятковъ милліоновъ рабочихъ,—вотъ что можетъ быть послѣдствіемъ политики, которая теперь начинаетъ брать верхъ въ Англіи, гдѣ кочующій капиталъ становится, очевидно, сильнѣе капитала, фиксированнаго въ національной промышленности *). Когда указанный процессъ яснѣе вскроется и начнетъ чувствительнѣе приносить свои плоды, міръ увидитъ жестокую политическую борьбу вокругъ этихъ жгучихъ вопросовъ. Этотъ переходъ капитализма отъ фазиса національнаго, обобществленнаго и капитализованнаго производства въ фазисъ эмиграціоннаго движенія, имѣющаго въ корень разрушить созданное предыдущимъ періодомъ, а, слѣдовательно, и обмануть всѣ надежды, связанныя съ необходимымъ будто бы преобразованіемъ капиталистическаго строя, этотъ переходъ знаменуетъ собою жестокую болѣзнь всего капиталистическаго режима и экономической жизни, на немъ основанной...

Другой симптомъ наступающей агоніи капиталистическаго режима это повсемѣстное невозможное состояніе земледѣльческаго промысла. Земледѣліе должно существовать, чтобы существовало человѣчество (и акціонерныя государства въ томъ числѣ). Вычеркнуть земледѣліе изъ обихода національной жизни невозможно. Между тѣмъ быстрое распространеніе гангрены капитализма покушается именно на это упраздненіе земледѣлія во всѣхъ его видахъ и формахъ,

---

*) Можно представить себѣ еще и такую схему: обрабатывающая промышленность, снабжавшая фабрикатами отсталыя страны и колоніи, перекочуетъ туда, а въ метрополіи, собирающей золотую жатву прибылей съ промышленности отсталыхъ странъ и колоній, разовьется производство предметовъ роскоши для благоденствующей безъ труда плутократіи. Едва-ли однако самое широкое производство предметовъ роскоши для сравнительно малочисленнаго богатаго меньшинства способно занять значительную часть рабочаго населенія. Милліарды-же, затраченные въ *постоянный* капиталъ теперешней промышленности, все равно обречены на гибель. Наконецъ, и производство предметовъ роскоши не будетъ ли выгоднѣе въ отсталыхъ странахъ и колоніяхъ.

въ капиталистической формѣ даже рѣшительнѣе и неумолимѣе, нежели въ народной. Капитализмъ неизбѣжно и неминуемо приводитъ земледѣльческій промыселъ не тропическихъ и не субтропическихъ странъ (всѣхъ странъ, гдѣ нельзя собирать двя жатвы въ годъ и гдѣ потому нѣтъ *зимней земледѣльческой* работы) въ состояніе безысходнаго и неизлѣчимаго кризиса, неизлѣчимаго при условіи капитализма. Земледѣльческій кризисъ, охватившій теперь весь цивилизованный міръ, далеко еще не сказалъ своего послѣдняго слова. Если ничего не измѣнится, то земледѣліе станетъ, какъ промышленность, невозможно, оставаясь лишь, какъ источникъ жалкаго пропитанія вырождающагося и вымирающаго населенія, а такъ какъ такое положеніе явилось бы вмѣстѣ съ тѣмъ вырожденіемъ и вымираніемъ и остальнаго не земледѣльческаго населенія, то нельзя и помыслить о значительной продолжительности этого бѣдственнаго процесса. Прекратить же его возможно, лишь отказавшись отъ услугъ капитализма. Однимъ изъ жестокихъ проявленій этого все расширяющагося и распространяющагося земледѣльческаго кризиса явился въ 1896 году индійскій голодъ, потому что, говоря словами г. министра земледѣлія, неурожай зависитъ отъ естественныхъ условій, а обращеніе его въ голодовку—отъ условій общественныхъ. При теперешнихъ путяхъ и средствахъ сообщенія, при переполненіи всемірнаго рынка хлѣбомъ, при упадкѣ хлѣбныхъ цѣнъ, при возможности предвидѣть неурожай, голодать можетъ только раззоренное населеніе. Хлѣбъ заваливаетъ амбары, не находя потребителя, а потребитель умираетъ отъ голода и отъ голодной чумы! Эти контрасты создаются только капитализмомъ и могутъ быть устранены только съ нимъ же. Эти контрасты суть только обостренное проявленіе постоянно существующаго экономическаго процесса, заключающагося въ непрерывномъ раззореніи земледѣльческаго промысла по лицу всѣхъ территорій, куда проникъ капитализмъ со своею властною и безпощадною мудростью. Эмиграціонное движеніе капитала изъ передовыхъ странъ, могущее въ корень подорвать благосостояніе этихъ передовыхъ странъ, съ одной стороны, а съ другой повсемѣстный и неизмѣнно усиливающійся подрывъ и упадокъ земледѣльческаго промысла являются естественнымъ плодомъ капиталистическаго развитія въ современномъ его фазисѣ и оба въ корнѣ подрываютъ его жизнеспособность.

III.

Не въ одной экономической сферѣ мы присутствуемъ при началѣ конца, при зачинающейся агоніи могучихъ историческихъ образованій. То же наблюдаемъ и въ международной политической жизни современнаго человѣчества. Если такія яркія событія, какъ прези-

дентскіе выборы въ Америкѣ *), подвиги акціонерныхъ государственныхъ компаній въ Африкѣ, голодъ и чума въ Индостанѣ, явились въ 1896 году показателями экономическаго развитія нашего времени, то тотъ же годъ едва ли не ярче еще обнаружилъ международную политическую эволюцію на примѣрѣ той безплодной и немощной толкотни, которою столь усиленно и усердно, съ такими тревогами и опасностями, занимались всѣ державы Европы по поводу турецкихъ дѣлъ. Напомнимъ сначала вкратцѣ ходъ событій **).

Вслѣдствіе общеизвѣстныхъ армянскихъ избіеній 1894—95 гг., въ концѣ послѣдняго года, Россія, Англія и Франція выработали планъ реформы въ пяти вилайэтахъ съ болѣе или менѣе значительнымъ армянскимъ населеніемъ и предложили его оттоманскому правительству. Послѣ нѣкотораго колебанія, уступая единодушному настоянію державъ, султанъ утвердилъ этотъ планъ и Шакиръ-паша, одинъ изъ немногихъ турецкихъ сановниковъ, внушающихъ нѣкоторое довѣріе, былъ назначенъ главнымъ коммиссаромъ султана по введенію реформъ въ указанныхъ пяти вилайэтахъ (Эрзерумъ, Ванъ, Битлисъ, Карнутъ и Діарбекиръ). Тогда же, уступая настоянію европейскихъ консуловъ, сдались зейтунскіе повстанцы, при чемъ зейтунская каза (уѣздъ) была включена въ районъ реформъ (Зейтунъ лежитъ въ вилайэтѣ Алеппо). Этими фактами завершился 1895 годъ и открылась исторія 1896 года. Наступающій 1897 годъ получаетъ вопросъ совершенно въ томъ же состояніи, какъ и 1896 годъ. Миссія Шакира-паши была отмѣнена; съ введеніемъ реформы не сдѣланы даже опыты; избіенія армянъ продолжались здѣсь и тамъ въ теченіи цѣлаго года (не говоря о Константинополѣ, въ Ванѣ, Сивасѣ, Цезареѣ, Трапезунтѣ, Александретѣ и т. д.); оттоманское правительство давало обѣщанія; послы совѣщались и дѣлали представленія...

Весною 1896 года, вслѣдствіе постояннаго и наглаго нарушенія дарованныхъ острову Криту правъ, вслѣдствіе непрерывающихся притѣсненій незаконно введенной на островѣ турецкой администраціи, вслѣдствіе разнузданной дикости и непрекращающихся насилій турецкой солдатчины, критяне взялись за оружіе. Подавить возстаніе въ самомъ началѣ туркамъ не удалось, а когда оно разрослось и бѣдствія населенія привлекли вниманіе Европы, усердіе турецкихъ усмирителей было умѣрено державами, и Портѣ былъ предложенъ планъ реформъ для острова. Послѣ довольно продолжительныхъ уклончивыхъ переговоровъ и не видя возможности сопротивляться единодушнымъ представленіямъ всѣхъ пословъ, турецкое правительство одобрило этотъ планъ и даже назначило христіанина гу-

---

*) Подробнѣе объ экономическомъ значеніи этихъ выборовъ въ моемъ ноябрьскомъ *Дневникѣ* 1896 г.

**) Подробности въ октябрьскомъ *Дневникѣ* 1896 г.

бернаторомъ острова. До сихъ поръ эти уступки еще не принесли плодовъ. Христіанинъ-губернаторъ безсиленъ, потому что военная сила находится въ рукахъ генерала-мусульманина, и мусульманское населеніе не обезоружено; жандармерія изъ христіанъ еще не организована, и Порта доселѣ торгуется съ державами объ ея составѣ; другія реформы тоже еще ожидаютъ своего введенія, да безъ организаціи христіанской жандармеріи останутся мертвою буквою; послы, конечно, совѣщаются и дѣлаютъ представленія...

Въ августѣ въ самомъ Константинополѣ, подъ окнами европейскихъ посольствъ и консульствъ, въ присутствіи двѣнадцати европейскихъ военныхъ стаціонеровъ, при свѣтѣ дня и на глазахъ у всего міра, было организовано турецкими властями массовое избіеніе армянъ. Европа воспылала негодованіемъ и послы представили грозную коллективную ноту, требуя строгаго суда и наказанія виновныхъ. Порта уступила, назначила чрезвычайное слѣдствіе и приказала судить. Судили, однако, и предавали казни не турокъ, рѣзавшихъ (по желанію своего правительства) армянъ, а этихъ самыхъ армянъ. Если же и турокъ, то или профессіональныхъ разбойниковъ, не щадившихъ и мусульманъ, или же такъ называемыхъ младотурокъ, заподозрѣнныхъ въ желаніи прогрессивныхъ реформъ. Рядомъ съ этимъ оригинальнымъ удовлетвореніемъ правосудія, шла массовая административная высылка армянъ изъ Константинополя, причемъ значительная ихъ часть просто выбрасывалась въ Мраморное море. Въ самое послѣднее время, однако, султанъ издалъ ираде объ амнистіи армянамъ... Послы, конечно, и въ этомъ случаѣ дѣлали представленія.

То же и во всѣхъ остальныхъ вопросахъ, касающихся вопіющихъ дѣлъ, творившихся на всемъ протяженіи Оттоманской имперіи, въ Македоніи, Албаніи, Сиріи и т. д.

Теперь послы опять совѣщаются, вырабатывая планъ общей реформы Оттоманскаго государства. Будетъ ли и изъ этого толкъ, не трудно сообразить, и не будучи пророкомъ. Допустимъ, что послы выработаютъ самый цѣлесообразный планъ (что очень затруднительно при разношерстности и дикости населенія) и что султанъ согласится его утвердить. Кто будетъ его осуществлять и кто будетъ сохранять имъ установленный порядокъ? Покуда Турція существуетъ, какъ независимое государство, осуществлять можетъ только турецкая администрація, а сохранять только турецкое войско. Не достаточно ли этого неминуемаго отвѣта, чтобы не вѣрить ни въ одну реформу, безъ исключенія. Говорятъ много о понудительныхъ дѣйствіяхъ. Въ какой мѣрѣ они возможны безъ завоеванія и оккупаціи всей Турціи? Можно принудить султана оффиціально утвердить планъ реформы и обнародовать о томъ фирманъ. Можно принудить его послать губернаторамъ приказы объ его примѣненіи. Можно настоять на этомъ примѣненіи на островахъ и (въ меньшей мѣрѣ) въ приморскихъ мѣстностяхъ. Что касается внут-

ренней страны, то безъ европейскихъ войскъ и европейской администраціи невозможно осуществленіе никакихъ реформъ. Въ этомъ убѣждены всѣ добросовѣстные наблюдатели турецкой жизни. Невозможны реформы и безъ денегъ, а дать денегъ турецкому правительству значитъ только вооружить его и усилить значеніе его сопротивленія, подготовить болѣе полное избіеніе христіанъ. Понудительныя мѣры, безъ рѣшимости довести дѣло до конца и оккупировать европейскими войсками турецкую территорію, такъ же мало принесутъ пользы, какъ и дипломатическія мѣры. Это очевидно, но также очевидно, что Европа не согласилась между собою довести дѣло до конца. Мы не знаемъ, на какія понудительныя мѣры и на какихъ условіяхъ согласились Италія и Австрія, но условія согласія Германіи, Россіи и Франціи указаны въ англійской *Синей книгѣ*, недавно представленной парламенту. Всѣ эти три державы свое согласіе на понужденіе обусловили единогласіемъ рѣшенія всѣхъ державъ, что наступилъ психологическій моментъ понужденія. Отдѣльно же Германія выговорила себѣ право еще обсудить вопросъ; Россія пожелала, чтобы державы впередъ отреклись отъ изолированнаго дѣйствія; а Франція, чтобы впередъ были подтверждены въ принципѣ цѣлость турецкой имперіи и никакого кондоминіума (т. е. протектората соединенной Европы). Французскія условія дѣлаютъ совершенно безполезными и напрасными всѣ планы реформы. Франція и теперь является главною защитницею и охранительницею турецкой орды, господствующей надъ многочисленными культуро-способными христіанскими народами. При этихъ условіяхъ и 1897 годъ мало хорошаго обѣщаетъ этимъ подавляемымъ народамъ, а 1896 годъ ярче самой яркости обнаружилъ немощность европейскаго концерта въ его теперешнемъ состояніи. Эта немощность, съ такою болью и съ такимъ стыдомъ доказанная событіями истекшаго года, и есть тотъ кардинальный фактъ политической исторіи современной Европы, на который мы хотѣли обратить вниманіе и на которомъ мы теперь остановимся для выясненія его историческаго значенія и смысла.

Причина немощности европейскаго концерта заключается въ полномъ разстройствѣ его обычной, исторически сложившейся организаціи. Европа только повидимому не имѣетъ общаго установленнаго правительства. Исторически сложилось такъ, что такимъ правительствомъ является совѣтъ шести великихъ державъ, которыя руководствуются въ своихъ рѣшеніяхъ международнымъ правомъ, рядомъ трактатовъ, издавна заключенныхъ европейскими державами, и такими интересами, которые получаютъ общее признаніе. Особенность этого правительства отъ всякаго иного, законно установленнаго, въ томъ, что для постановленія рѣшенія требуется единогласіе, а въ случаѣ, если его составить невозможно, рѣшеніе же для которой либо стороны безотлагательно необходимо, международное право признаетъ право войны. Это право войны

даетъ значеніе матеріальному могуществу, и необходимость единогласія вела бы къ безконечнымъ проволочкамъ и затрудняла бы всякое рѣшеніе, если бы исторія, опираясь на право войны, не создала учрежденіе политической гегемоніи, учрежденія, никакими трактами не установленнаго, но часто и могущественно проявлявшаго свое вполнѣ реальное существованіе. Какая либо держава, непремѣнно изъ числа самыхъ могущественныхъ, группируетъ вокругъ себя другія державы, не только великія, но и второклассныя, и достигаетъ этимъ путемъ такого преобладанія, что европейскій концертъ до извѣстной степени руководится ея политикою. Оппозиціонная группа существуетъ обыкновенно, но во всѣхъ вопросахъ, въ которыхъ первенствующая держава умѣетъ сохранить неприкосновенною свою систему союзовъ, оппозиція вынуждена уступать, и политика ея обыкновенно сводится къ стремленіямъ разстроить установившуюся систему союзовъ. Такъ, первенствующею державою въ началѣ XIX в. была Франція Наполеона I, опиравшаяся чуть-ли не на всю Европу; въ оппозиціи были Россія, Англія. Затѣмъ съ 1815 по 1855 гг. первенствующею державою была Россія, опиравшаяся на такъ называемый священный союзъ; оппозиціонную группу составляли Франція и Англія. Съ 1855 г. до 1870 г. европейская гегемонія опять перешла къ Франціи, опиравшейся на Англію, Италію и Австрію; оппозицію дѣлали Россія и Пруссія. Съ 1870 г. и до конца восьмидесятыхъ годовъ гегемоніей завладѣла Германія, благодаря продолжительной и искусной эквилибристикѣ, сохранявшей дружбу съ Россіей и Англіей, и Австріей. Германская гегемонія была уже далеко не такъ ясно и удобно организована, германское руководительство далеко не такъ общепризнано, со времени-же заключенія франко-русскаго союза пала и эта колеблющаяся гегемонія. Россія и Франція слишкомъ могущественны, чтобы, соединившись, могли оказаться только оппозиціей, но и тройственный союзъ не такъ слабъ, чтобы безъ провѣрки силы на полѣ сраженія помирился съ ролью оппозиціи и предоставилъ руководство европейскими дѣлами франко-русской группѣ. А затѣмъ и внутри этой группы нѣтъ первенствующей державы. Ни Франція, ни Россія не могутъ быть сателитами союзницы. Европа не имѣетъ теперь первенствующей державы, не имѣетъ руководящаго центра, а при этомъ обструкція въ совѣщаніяхъ и рѣшеніяхъ становится и возможною, и естественною. Мы это и видимъ. Видимъ вмѣстѣ и немощность европейскаго концерта, какъ естественное послѣдствіе той дезорганизаціи, которая наступила вслѣдствіе отсутствія первенствующей державы. Замѣтимъ, что эта дезорганизація является въ нѣкоторой степени необходимымъ и едва-ли устранимымъ послѣдствіемъ новаго соотношенія политическихъ силъ въ Европѣ. До возникновенія Германской Имперіи въ 1870 году, Европа въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій знала всегда въ своемъ составѣ не бо-

лѣе двухъ соперниковъ за гегемонію. Сначала это были Габсбурги и Бурбоны; до половины XVII в. преобладаніе принадлежало Габсбургамъ (то Испанія, то Германія), послѣ—Бурбонамъ (Франція). Въ XIX в., послѣ окончательнаго устраненія австрійскаго соперничества, конкуррентами остались Франція и Россія. Съ 1870 г. воздвиглась Германія, третья соперница, причемъ союзъ двухъ въ любой комбинаціи едва-ли не сильнѣе всей остальной соединенной континентальной Европы, или приблизительно равныя по силѣ. Но союзъ двухъ, еслибы и сумѣлъ устранить оппозицію третьей, не могъ бы дать Европѣ новую гегемонію, какъ ее и не далъ франко-русскій союзъ. Съ другой стороны, даже опираясь на всю остальную Европу, одна изъ трехъ главныхъ державъ Европы не могла бы парализовать соединенную оппозицію двухъ, даже оставшихся безъ союзниковъ. Ясно, что прежняя организація, основанная на очередной смѣнѣ гегемоній разныхъ политическихъ силъ, при современномъ составѣ этихъ силъ, становится невозможной, и европейскій концертъ, если желаетъ имѣть какой-нибудь смыслъ, долженъ искать новыхъ основъ организаціи. Въ этомъ вопросѣ заключается центральная задача политической исторіи Европы и, быть можетъ, мы уже не такъ далеки отъ организованной въ одно союзное тѣло Европы, какъ это можетъ казаться для невнимательнаго или слишкомъ эмпирическаго наблюдателя.

Замѣчательная эволюція въ средѣ англо-саксонскихъ народовъ Европы, Америки и Австраліи, о которой я подробно говорилъ въ ноябрьскомъ *Дневникѣ* и которая заключается въ успѣхахъ идеи панбританизма, находится, конечно, въ противорѣчіи съ идеей паневропеизма, о приближеніи котораго мы только что говорили. Но вѣдь Англія могла бы и не участвовать въ европейскомъ союзѣ, а въ панбританскомъ. Совмѣстныя дѣйствія Россіи, Франціи и Германіи въ нѣкоторыхъ вопросахъ, непріятныхъ одной Англіи, какъ бы намекаютъ на возможность такой эволюціи.

Второстепенныя государства Европы тоже выступаютъ съ проектомъ своей организаціи. Въ этомъ отношеніи 1896 годъ будетъ историческимъ годомъ. Въ парламентахъ Даніи, Норвегіи и Швеціи внесены предложенія о нейтрализаціи скандинавскихъ государствъ и заключеніи между ними съ великими державами договоровъ о третейскомъ судѣ. Одинъ изъ видныхъ народныхъ вождей Норвегіи, ея знаменитый писатель Бьернсонъ поднялъ въ европейской печати агитацію въ пользу обобщенія этого рѣшенія на всѣ второстепенныя государства Европы. Устраненіе войны между второстепенными державами подготовило бы и ея устраненіе между великими, прокладывая пути и для идеи всеевропейскаго союза, гдѣ гегемонія принадлежала бы культурѣ, просвѣщенію и таланту.

Для практиковъ-политиковъ, для историковъ-эмпириковъ всѣ эти надежды на европейское согласіе и союзъ кажутся иллюзіями неисправимыхъ идеологовъ. Практикамъ и эмпирикамъ казалось идеоло-

гіей многое, что теперь уже давно вошло въ жизнь и не возбуждаетъ ни удивленія, ни сомнѣнія. Намъ кажется, что 1896 годъ, среди всѣхъ своихъ нестроеній, неудачъ и бѣдствій, нарисовалъ намъ нѣсколько яснѣе узоры нашего европейскаго будущаго. Эти узоры намъ даютъ указаніе на приближающееся паденіе капитализма въ экономической жизни и на такое же паденіе руководящаго значенія матеріальной силы въ международной политической жизни. Система политической гегемоніи была выраженіемъ принципа матеріальной силы въ международной политикѣ, какъ обобществленіе и капитализація національной промышленности выраженіемъ капитализма въ экономическомъ быту. Невозможность гегемоніи при современномъ соотношеніи силъ и безполезность громаднаго развитія матеріальной силы при ея фатальномъ равновѣсіи такъ же подготовляютъ ея отмѣну, какъ эмиграція капитала въ отсталыя страны и колоніи и земледѣльческій кризисъ подготовляютъ паденіе капитализма. Человѣчество еще не мало потратитъ силъ и средствъ на милитаризмъ и на капитализмъ, но уже ясно, что милитаризмъ собирается самъ себя сокрушить, какъ и капитализмъ самъ себя уничтожить... Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, но человѣчество хорошо сдѣлаетъ, если своевременно подумаетъ о способахъ облегчить потрясенія переходнаго состоянія.

Истекшій 1896 годъ, нѣкоторые общіе итоги котораго мы выше подвели, въ частности въ нашей скромной культурной жизни, былъ годомъ многихъ юбилеевъ. Праздновался тридцатипятилѣтній юбилей литературной дѣятельности *К. М. Станюковича*, который въ теченіе всего этого долгаго періода, при весьма измѣняющихся условіяхъ, твердо держалъ знамя идеаловъ, воспринятыхъ въ великую эпоху освобожденія, и неизмѣнно служитъ имъ и въ настоящее время среди нашего литературнаго разброда, и который въ своихъ морскихъ разсказахъ возвысился до значенія европейскаго писателя. Отпраздновался и юбилей *И. Е. Рѣпина*, много и талантливо послужившаго родному искусству. Я хочу еще упомянуть о двухъ юбилеяхъ, имѣющихъ спеціальное значеніе. 22 ноября въ Одессѣ былъ отпразднованъ двадцатипятилѣтній юбилей *М. Л. Кропивницкаго*, 20 декабря въ Петербургѣ — сорокалѣтній юбилей малорусской же литературной дѣятельности *Д. Л. Мордовцева*, Украинская литература дважды въ отчетномъ году могла подвести итоги плодотворной и симпатичной дѣятельности своихъ представителей и работниковъ, дважды въ этихъ итогахъ почерпая увѣренность въ своемъ призваніи и новую силу для продолженія своего культурнаго дѣла.

С. Южаковъ.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство“

по сбору пожертвованій на постановку памятниковъ на могилахъ писателей.

Остатокъ къ 1-му января	1013	р.	10 к.
Поступило въ январѣ:			
Отъ А. Ѳ. Саликовскаго	1	р.	» »
» В. Е. К.	5	»	» »
Итого	1019	р.	10 к.

Сказки Густафсона.

37. Корона морского царя. Друзья короля Османа. Неумѣстная гордость. Король Карій. Съ 10 рис., портретомъ и біографіей Густафсона (10 к.).
38. Пастухъ и принцесса. Цвѣты радости. Такъ водится на войнѣ. Баржа. Съ 10 рис. (10 к.).
39. Храмъ истины. Король, страдавшій безсонницей. Каменная глыба. Скороспѣлка. Попугай и жаворонокъ. Съ 12 рис. (10 к.).
40. Парижская кукла. Бѣлка. Исторія одного дерева. Земной глобусъ папы. Съ 10 рис. (10 к.).
41. Три брата. Маленькій сборникъ сказокъ. Съ 9 рис. (10 к.).

Сказки Жоржъ-Зандъ.

42. Говорящій дубъ. Красный молотокъ. Съ 9 рис., портретомъ и біографіей Жоржъ-Зандъ. (18 к.).
43. Розовое яблоко. Съ 5 рис. (12 к.).
44. Великанъ Іеусъ. Съ 6 рис. (15 к.).
45. Крылья мужества. Съ 9 рис. (25 к.).

№№ 46—70. Русскія народныя сказки. Цѣна каждаго номера—10 к.

Въ составъ слѣдующихъ книжекъ войдутъ: Сказки Карменъ Сильвы; сказки Абьернсена, Братьевъ Гриммъ, Перро, и пр. и пр. При первой книжкѣ сказокъ того или другого автора въ большинствѣ случаевъ помѣщается его краткая біографія.

БИБЛІОТЕКА ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ.

1) Ручной трудъ. Составилъ Графиньи. Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. Съ 400 рис. Ц. 1 р. 50 к.—2) Электрическіе звонки. Боттона. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Пер. съ англ. и дополнилъ Д. Головъ. Ц. 1 р. — 3) Руководство къ рисованію акварелью А. Кассаня. Съ франц. Съ 150 рис. Ц. 1 р. 50 к. — 4) и 5) На всякій случай. А. Альмедингена. Научно-практическія свѣдѣнія по полеводству, садоводству, огородничеству, домоводству, по борьбѣ съ вредными насѣкомыми, грибами и паразитами, а также съ фальсификаціей пищевыхъ и другихъ веществъ. Двѣ части. Цѣна каждой 50 коп.—6) Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. А. Альмедингена. Ц. 60 к.—7) Дѣтскій докторъ. Руководство для матерей и воспитателей. Д-ра Варіо. Съ франц. подъ редакціей профес. Пономарева. Ц. 1 р.—8) Гигіена дѣтства. Э. Перье. Ц. 50 к. — 9) Уходъ за больными въ семьѣ. Энцлера. Ц. 50 к.—10) Уходъ за больными дѣтьми. Э. Перье. Ц. 50 к.

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) Экстазы человѣка П. Мантегацца. Въ 2-хъ частяхъ. Ц. 1 р. 50 к., 2) Психологія вниманія. Д-ра Рибо. Ц. 40 к.; 3) Берегите легкія! Гигіеническія бесѣды д-ра Нимейера. Съ 30 рис. Ц. 75 к.; 4) Современные психопаты, д-ра А. Кюллера. Ц. 1 р. 50 к.; 5) Предсказаніе погоды. А. Далле, съ рис. Ц. 1 р. 25 к; 6) Физіологія души. А. Герцена. Ц. 1 р.; 7) Психологія великихъ людей. Г. Жоли. 2-е изд. Ц. 1 р.; 8) Дарвинизмъ. Э. Ферьера. Общедоступное изложеніе идей Дарвина. Ц. 60 к., 9) Міръ грезъ. Д-ра Симона. Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, иллюзія. Ц. 1 р., 10) Первобытные люди. Дебьера. Со многими рис. Ц. 1 р.; 11) Законы подражанія. Тарда. Ц. 1 р. 50 к.; 12) Геніальность и помѣшательство. Ц. Ломброзо. Съ портр. автора и нѣсколькими рис. 2-е изд. Ц. 1 р.; 13) Общедоступная астрономія. К. Фламмаріона. Съ 100 рис. 3-е изд. Ц. 1 р.; 14) Гигіена семьи. Гебера. Ц. 50 к.; 15) Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка Мигулы. Съ 35 рис. Ц. 1 р.; 16) Наука о жизни. Попул. физіологія человѣка. И. Лункевича. Съ 92 рис. Ц. 1 р. 17) Электричество въ природѣ. Ж. Дори. Съ 102 рис. Ц. 1 р. 25 к.; 18) Усталость. Моссо. Съ 80 рис. Ц. 1 р. 25 к.; 19) Гигіена женщины. Женщины-врача Тило. Ц. 40 к.

Издатели: Н. Михайловская.
Вл. Короленко.

Редакторы: П. Быковъ.
С. Поповъ.

жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго края“ и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“. V Послѣднія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII Театръ и музыка. IX. Отголоски (маленькій фельетонъ). X. Вѣсти съ юга корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи „Южнаго края“ и извѣстія другихъ газетъ. XII. Внѣшнія извѣстія, заграничная жизнь, послѣдняя почта. XIII. Фельетонъ: научной, литературной, художественной и общественной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника XV. Критика и библіографія. XVI. Смѣсь. XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVIII. Почтовый ящикъ. XIX. Календарь. XX. Справочныя свѣдѣнія: дѣла назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. XXI. Стороннія сообщенія. XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ „Южномъ краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

Съ конца текущаго 1896 года „Южный Край“ будетъ печататься новымъ, болѣе убористымъ шрифтомъ, что дастъ возможность значительно увеличить объемъ содержанія газеты.

Подписная цѣна на 1897 г.:

На	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6. м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
съ пересылкою иногороднимъ:	11 —	10 50	10 —	9 20	8 50	7 80	7 —	6 —	5 —	4 —	3 —	1 50
Съ доставкою въ Харьковѣ.	10 —	9 50	9 —	8 25	7 50	6 75	6 —	5 25	4 50	3 40	2 40	1 20

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный край“, на Николаевской площади, въ Городскомъ домѣ.

Редакторъ-издатель *А. А. Іозефовичъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧ. И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

(четырнадцатый годъ изданія)

Въ 1897 г. „Новое обозрѣніе“ будетъ выходить въ Тифлисѣ, какъ и въ прошлые годы, ежедневно, по программѣ большихъ столичныхъ газетъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: съ пересылкою и доставкою: на годъ—10 р., на полгода—6 р., на три мѣсяца—3 р. 50 к., на одинъ мѣсяцъ—1 р. 50 к.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 Ноября 1896 года.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

«ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА»

СЪ БЕЗПЛАТНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

«Сборника рѣшеній Уголовнаго и Гражданскаго Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената» и «Собранія узаконеній и распоряженій Правительства».

Выходитъ два раза въ недѣлю: по воскресеньямъ и четвергамъ

безъ предварительной цензуры

Годовая подписная цѣна съ доставкою и пересылкою СЕМЬ руб.

Допускается разсрочка въ платежѣ при подпискѣ—4 руб. и къ 1-му апрѣля—остальные—3 рубля.

(Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. №. 59, кв. №. 1).

ПРОГРАММА: Передовыя статьи.—Обзоръ постановленій отечественнаго и послѣднихъ важнѣйшихъ постановленій иностраннаго законодательствъ.—Статьи и замѣтки спеціально-юридическаго содержанія.—Рисунки и иллюстраціи къ тексту статей на общемъ основаніи.—Вѣсти и слухи.—Корреспонденціи.—Фельетонъ.—Рѣшенія Правительств. Сената.—Отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ и процессахъ.—Рефераты юридическихъ ученыхъ обществъ и диспуты.—Движеніе по государственной и общественной службѣ (приказы министерствъ).—Дѣйствія правительства (собр. узак. и распор. прав.).—Списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Департаментахъ и общихъ собраніяхъ Правительствующаго Сената.—Списки лицъ, состоящихъ подъ опекою, признанныхъ несостоятельными, возстановленныхъ въ правоспособности, а также объявленія объ уничтоженныхъ довѣренностяхъ (Сенатскія объявленія).—Обзоръ юридическихъ журналовъ.—Новыя книги и отзывы о нихъ (библіографія).—Объявленія.

Вмѣстѣ съ этимъ, подписчики, внесшіе полную годовую плату за газету, могутъ обращаться въ контору „Юридической Газеты“ за справками по дѣламъ, какъ судебнымъ, такъ и административнымъ, и за разрѣшеніемъ юридическихъ вопросъ по дѣламъ, касающимся ихъ имущественныхъ или личныхъ интересовъ. Порученія эти редакція принимаетъ на себя при соблюденія слѣдующихъ условій:

§ 1. Сообщеніе въ „Юридической Газетѣ“ въ отдѣлѣ „Почтоваго ящика“, справокъ о резолюціяхъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, но не болѣе 3-хъ разъ въ теченіе подписного года, дѣлается безплатно. Лица же, желающія получить по дѣламъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената справки по почтѣ, прилагаютъ два рубля за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающія получить ее по телеграфу присылаютъ кромѣ двухъ рублей и стоимость отвѣтной телеграммы.

§ 2. Наблюденіе за ходомъ дѣла, какъ составляющаго предметъ особаго порученія болѣе или менѣе продолжительнаго, производится на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 3. Справки и порученія по судебнымъ и административнымъ департаментамъ Правит. Сената, равно какъ и по всѣмъ, вообще, кромѣ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената (см. выше § 1-й), центральнымъ и мѣстнымъ административнымъ и судебнымъ учрежденіямъ (правительственнымъ и общественнымъ) должны производиться на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 4. Разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся

имущественныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 5. Лица и учрежденія, обращающіяся за справками, обязаны сообщать: а) бандероль, за которую получаютъ „Юридическую Газету“; б) когда и кѣмъ поданы прошеніе или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностнаго лица и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстомъ и должностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отправлены въ Сенатъ или другое правительственное учрежденіе.

§ 6. При невзносѣ полной годовой подписной платы и при неисполненіи условій, указанныхъ выше въ §§ 1—5 настоящей программы, всѣ требованія, запросы и порученія оставляются безъ движенія; такъ какъ порученія, предусмотрѣнныя § 1, обязательны для конторы, если подписчикомъ исполнены требованія, указанныя въ § 1 и 5, а порученія, предусмотрѣнныя въ §§ 2—4, могутъ считаться обязательными для конторы лишь тогда, когда послѣдняя изъявитъ согласіе принять исполненіе возлагаемаго на нее порученія.

§ 7. Контора редакціи „Юридической Газеты“ также принимаетъ на себя указаніе адресовъ повѣренныхъ для веденія дѣлъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Безъ доставки и пересылки: на 12 м. 5 р., на 11 м. 4 р. 75 к., на 10 м. 4 р. 50 к., на 9 м. 4 р. 25 к., на 8 м. 4 р. на 7 м. 3 р. 50 к., на 6 м. 3 р., на 5 м. 2 р. 75 к., на 4 м. 2 р. 50 к., на 3 м. 2 р., на 2 м. 1 р. 50 к. на 1 м. 75 к.

Г.г. новые годовые подписчики, подписавшіеся въ ноябрѣ мѣсяцѣ и внесшіе всю подписную сумму, будутъ получать „Калужскій Вѣстникъ" въ теченіе декабря 1896 г. безплатно.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ г. Калугѣ, въ главной конторѣ редакціи, Никольская ул., д. Халютиной, въ г. Москвѣ; въ конторѣ объявленій Печковской, Петровскія линіи, въ конторѣ объявленій торговаго дома Метцль, Мясницкая, д. Спиридонова, въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ объявленій торговаго дома Метцль, Большая Морская, 11; въ г. Тулѣ: въ книжныхъ магазинахъ Бѣлобородовой и Пузырева, а также въ конторѣ „Тульскаго листка Объявленій".

ТАРИФЪ ЗА ПОМѢЩЕНІЕ ОБЪЯВЛЕНІЙ:

На послѣдней страницѣ, послѣ текста: За одинъ разъ 10 коп. со строки мелкаго шрифта (петита), за два и три раза 8 коп., болѣе трехъ разъ—5 коп., болѣе трехъ мѣсяцевъ—3 коп. Плата за объявленія, помѣщаемыя на первой страницѣ, передъ текстомъ, вдвое.

За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, прейсъ-курантовъ и т. п., вѣсомъ не болѣе 2-хъ лотовъ, взимается по 20 руб. за каждую тысячу экземпляровъ.

Издательница М. Н. Лашманова.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

I. Въ отдѣлѣ „Оригинальныхъ сочиненій" редакція намѣрена помѣстить, кромѣ другихъ статей, слѣдующія работы: 1) Д-ръ Орловскій.— Сифилитическія заболѣванія спинного мозга (съ хромолитографич. таблицами и фототипіями); 2) Проф. Л. Л. Левшинъ.—Руководство по частной хирургіи (продолженіе).

II. Въ отдѣлѣ „Переводныхъ сочиненій" предполагается помѣстить слѣдующія руководства: 1) Проф. Karl Jtoerck.—Болѣзни носа, зѣва и гортани (съ 89 рис.); 2) Проф. E. Nicaise.—Антисептика въ обыденной хирургической практикѣ (съ 88 рис.); 3) Проф. H. Oppenheim.—Сифилитич. заболѣв. головн. мозга. Перев. д-ра Л. А. Говсѣева подъ редакц. проф. В. К. Рота.

Кромѣ того, редакція имѣетъ въ виду начать въ 1897 году печатаніе обширнаго „Руководства по частной патологіи и терапіи", выходящее въ Парижѣ подъ редакціей проф. P. Brouardel'я, A. Gilbert'a и I. Girode'a при содѣйствіи лучшихъ медицинскихъ силъ Франціи. Въ 1897 будутъ помѣщены два тома этого руководства, обнимающіе собою инфекціонныя болѣзни и представляющія полный сводъ современныхъ знаній по этому отдѣлу патологіи. Въ составленіи этихъ двухъ томовъ участвовали такія силы, какъ Girode, Grancher, Netter, Galliard, Thoinot, Straus, Hallopeau, Widal, Landouzy, Gilbert, Balzer, Brouardel, и пр. Каждый томъ будетъ содержать около 50 печатныхъ листовъ. Редакція предполагаетъ въ послѣдующіе годы дать переводъ всего руководства, по мѣрѣ появленія его во Франціи (пока вышли только три тома). Постоянные подписчики нашего журнала получатъ, такимъ образомъ, современемъ цѣнный вкладъ въ свою медицинскую библіотеку въ видѣ 10-томнаго руководства, обнимающаго собою всю частную патологію и терапію въ ея современномъ состояніи.

III. Монографіи и лекціи.—IV. Рефераты. Этотъ отдѣлъ значительно расширенъ и будетъ заключать въ себѣ сжатое изложеніе текущей литературы и отчеты спеціальныхъ корреспондентовъ о засѣданіяхъ иностранныхъ ученыхъ обществъ.—V. Обзоры. Сюда войдутъ „Обозрѣнія" и „Вопросы современной медицины", съ характеромъ которыхъ уже знакомы подписчики прошлыхъ лѣтъ.—VI Новыя книги. Критическій разборъ важнѣйшихъ сочиненій и монографій, русскихъ и иностранныхъ.—VII. Труды ученыхъ обществъ.—VIII. Объявленія.

Подписная цѣна съ доставк. и пересылкой ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ въ годъ (за границу 12 р.). Допускается разсрочка: 5 р. при подпискѣ остальн. къ 1-му мая.

Полные экземпляры журнала за 1894 и 1895 г. продаются по 10 руб. съ пересылкой.

Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ А. А. Карцева (Москва, Мясницкая, Фуркасовскій пер. д. Обидиной).

Издатель **А. А. Карцевъ.** Редакторъ **Д. П. Дубелиръ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Газета выходитъ три раза въ недѣлю; по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ, въ размѣрѣ полнаго листа, не исключая и дней послѣпраздничныхъ.

ПО НИЖЕСЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ;

I. Телеграммы Россійскаго телеграфнаго Агентства.

II. Мѣстный отдѣлъ.

Офиціальныя извѣстія, касающіяся пріазовскаго края. Городскія извѣстія. Замѣтки и мелочи. Театральныя рецензіи. Биржевыя и рыночныя свѣдѣнія.

III. Внутренній отдѣлъ.

Общія правительственныя распоряженія. Извѣстія изъ Области Войска Донскаго, Пріазовскаго Края и разныхъ мѣстностей Россіи.

IV. Иностранный отдѣлъ.

Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться статьи, въ сжатой формѣ и краткомъ объемѣ разъясняющія политическое положеніе разныхъ странъ и наиболѣе выдающіяся событія иностр. жизни.

V. Судебный отдѣлъ.

Сообщенія о важнѣйшихъ судебныхъ дѣлахъ.

VI. Фельетонъ.

Романы, повѣсти, стихотворенія, разсказы, анекдоты, сценки и т. п.; статьи беллетристическаго характера, оригинальныя и переводныя.

VII. Объявленія и рекламы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки. На 12 м. 6 р., на 11 м. 5 р. 50 к., на 10 м. 5 р. 25 к., на 9 м. 4 р. 75 к., на 8 м. 4 р. 50 к., на 7 м. 4 р., на 6 м. 3 р. 50 к., на 5 м. 3 р., на 4 м. 2 р. 75 к., на 3 м. 2 р. 25 к., на 2 м. 1 р. 50 к., на 1 м. 75 к.

Съ доставкой и пересылкой. На 12 м. 7 р., на 11 м. 6 р. 50 к., на 10 м. 6 р., на 9 м. 5 р. 50 к., на 8 м. 5 р., на 7 м. 4 р. 50 к., на 6 м. 4 р., на 5 м. 3 р. 50 к., на 4 м. 3 р., на 3 м. 2 р. 50 к., на 2 м. 1 р. 70 к., на 1 м. 85 к.

Подписка принимается: въ Таганрогѣ, въ редакціи, Николаевская улица, домъ № 5-й.

Издатель **М. Мироновъ**. Редакторъ **М. Красновъ**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1897 ГОДЪ НА ГАЗЕТУ

„ВЯТСКІЙ КРАЙ“

Будетъ выходить по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Телеграммы. 3) Обозрѣніе газетъ и журналовъ. 4) Послѣднія извѣстія. 5) Статьи по общественно-экономическимъ вопросамъ общимъ и мѣстнымъ. 6) Хроника: городская и земская жизнь, школа, медицина, театръ. 7) Вѣсти изъ Вятско-Кам-

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
«СИБИРСКІЙ ЛИСТОКЪ»
НА 1897 ГОДЪ.

Подписная цѣна,

Для иногороднихъ: на годъ 5 р., полгода 2 р. 75 к., 3 мѣс. 1 р. 50 к.
Для городскихъ: на годъ 4 р. 50 к., полгода 2 р. 30 к., 3 мѣс. 1 р. 50 к.

Новымъ подписчикамъ, оплатившимъ годовую подписку, газета высылается безплатно по 1 января 1897 года со дня полученія въ конторѣ редакціи подписныхъ денегъ.

Подписка принимается въ Тобольскѣ, въ библіотекѣ Суканова.

Иногородніе адресуютъ: Тобольскъ, редакція „Сибирскаго Листка“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
ТОБОЛЬСКІЯ губ. ВѢДОМОСТИ
(ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ)
на 1897 годъ.

Съ 1-го января 1897 года газета, въ томъ же составѣ ближайшихъ сотрудниковъ, будетъ издаваться по той же расширенной программѣ, какъ и въ 1896 году, и будетъ имѣть главнѣйшей своею цѣлью дать населенію губерніи, особенно сельскому, за доступную при томъ плату, полезное чтеніе. Въ интересахъ того же сельскаго населенія, при газетѣ ведется особый сельско-хозяйственный отдѣлъ, который въ видѣ отдѣльнаго приложенія будетъ выдаваться подписчикамъ не менѣе двухъ разъ въ теченіе мѣсяца. Редакція сельско-хозяйственнаго отдѣла попрежнему будетъ въ завѣдываніи правительственнаго агронома. Особое вниманіе будетъ удѣлено также и школьному дѣлу (народное образованіе).

Въ видѣ особаго приложенія къ газетѣ печатается также при ней „Ежегодникъ Тоб. Губ. Музея“.

Газета будетъ выходить одинъ разъ въ недѣлю—по четвергамъ.

Подписная цѣна: на годъ, съ особыми выпусками телеграммъ для городскихъ подписчиковъ—5 р., безъ телеграммъ—4 р.; особые выпуски телеграммъ отдѣльно—3 р.; на полгода: съ особыми выпусками телеграммъ для городскихъ подписчиковъ—3 р., безъ телеграммъ— 2 р. 50 к. Иногородніе подписчики платятъ: за годъ—4 р., за полгода—2 руб. 50 коп. Сельскія управленія, училища, церковно-приходскія школы, библіотеки и читальни Тобольской губерніи платятъ: за годъ—3 р., за полгода—1 руб. 75 коп.

Лица, желающія получать газету брошюрованную, приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ газеты 50 коп.

Подписка принимается въ Редакціи „Тоб. Губ. Вѣдомостей“, при Типографіи Губернскаго Управленія.

Редакторъ **Л. Луговскій.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1897 годъ (восьмой годъ изданія)

на общепедагогическій журналъ для школы и семьи

РУССКАЯ ШКОЛА.

Въ теченіе 1896 года въ „Русской Школѣ", были напечатаны, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Автобіографія Н. И. Пирогова; 2) Сельская школа и учитель (Воспоминанія и замѣтки) К. Барсова; 3) Педагогическіе матеріалы (Замѣтки и наблюденія начальнаго учителя) К. Чернецкаго; 4) Изъ дневника учительницы воскресной школы К—ой; 5) Какъ мы устроили мужицкую академію. М. Слобожанина; 6) Историческій очеркъ учрежденій для воспитанія дѣтей дошкольнаго возраста. П. Ѳ. Каптерева; 7) Къ годовщинѣ дня рожденія Песталоцци. Л. Н. Модзалевскаго; 8) Ушинскій, какъ редакторъ журнала Мин. Нар. Просв. Я. Г. Гуревича; 9) Учебныя заведенія въ Англіи и Бельгіи (по личнымъ наблюденіямъ) М. А. Лялиной; 10) Вѣна, Цюрихъ, Женева (Педаг. замѣтки и впечатлѣнія). Е. Чебышевой-Дмитріевой; 11) Учебно-педагогическій отдѣлъ на всемірной выставкѣ въ Чикаго. А. А. Красева; 12) Умственное утомленіе учащихся по новѣйшимъ изслѣдованіямъ врачей А. С. Виреніуса; 13) Нравственность у дѣтей и нравственное воспитаніе. Л. Е. Оболенскаго; 14) Педагогическая подготовка учителей заграницею и у насъ Д. Д. Семенова; 15) О подготовкѣ учителей для сельско-хозяйственныхъ школъ И. И. Мещерскаго; 16) Мысли о современномъ воспитаніи. А. О. Симоновичъ; 17) Мысли женщинъ о постановкѣ средняго женскаго образованія. Кл. Фармаковской; 18) Мысли Н. Н. Страхова о нашемъ среднемъ образованіи. В. Афанасьева; 19) Замѣтка по поводу статьи Даневскаго о „единой школѣ". Графа Павла Капниста; 20) Возможно-ли и нужно-ли у насъ обязательное обученіе? В. П. Вахтерова; 21) Народныя чтенія. Его-же; 22) Сводъ отзывовъ мѣстныхъ дѣятелей по вопросу объ обязательномъ обученіи. А. Ѳ. Гартвига; 23) Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ разработкѣ московскаго земства. Д. Д. Лобанова; 24) Сельскія школы и вопросъ объ обязательномъ обученіи въ Финляндіи; В. Ю. Скаллона; 25) Чему мы можемъ поучиться у американцевъ въ дѣлѣ организаціи начальной школы? В. И. Формаковскаго; 26) Какія нужно произвести измѣненія въ курсѣ городскихъ училищъ по Положенію 31 мая 1872 г.? А. Раменскаго; 27) Наши воскресныя школы и ихъ нужды. Я. В. Абрамова; 28) Воскресно-повторительная школа для учениковъ, оканчивающихъ курсъ въ начальныхъ городскихъ училищахъ. О. Х. Павловичъ; 29) По вопросу о введеніи въ программу начальныхъ училищъ сельскаго хозяйства. С. А. Бобровскаго; 30) Живое слово, какъ предметъ обученія въ семьѣ и школѣ. И. А. Анастасіева; 31) Педагогика, какъ предметъ обученія въ женскихъ гимназіяхъ. С. Брайловскаго; 32) О гимназическомъ преподаваніи логики. Л. Рутковскаго; 33) Сравнительный способъ преподаванія русскаго и иностранныхъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. А. А. Гофмана; 34) Неожиданныя темы. Ц. П. Балталона; 35) Объ изученіи церковно-славянскаго языка въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Ив. Созоньтьева; 36) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній 1895 года. И. И. Бѣлоконскаго.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе десяти печатн. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ съ доставкою—6 р. 50 к.; для иногороднихъ — семь руб.; за-границу—девять руб. Учителя сельскихъ школъ пользуются уступкою въ одинъ рубль. Земства, выписывающія не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 10%. Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка 1, Гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени".

Имѣются экземпляры и за предъидущіе годы (кромѣ 1890 г.) по означенной цѣнѣ.

Редакторъ-Издатель Я. Гуревичъ.

Дозволено цензурою. Спб. 19 Декабря, 1896

Булацель, И. 12 одноактныхъ пьесъ. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Бузескулъ, В. (проф.). Генрихъ Зибель, какъ историкъ-политикъ. Харьковъ. 1896 г. Ц. 40 к.

Бюхеръ, К. Происхожденіе газеты. Перев. съ нѣм. («Междун. Библіотека», № 46). Спб. 1896 г. Ц. 15 к.

Бюхеръ, К. (проф.). Женскій вопросъ въ средніе вѣка. Перев. съ нѣм. Одесса. 1896 г. Ц. 20 к.

Ванченко, К. Малороссійскій театръ. Тарасъ Вульба подъ Дубномъ. Цыганы на Подоли. Хатерына. Видьма. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Васильевъ С. Театральная хроника. Сезонъ 1895—1896 гг. М. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Васильевъ, А. (проф.). Значеніе Н. И. Лобачевскаго для Императорскаго Казанскаго Университета. Казань. 1896 г. Ц. 25 к.

Введенская, Е. Ради дѣтей. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Вейнбергъ, П. Для дѣтей (старшаго возраста). Стихотворенія. Съ рисунками. Е. М. Бемъ, Н. Н. Каразина, Ф. Мирбаха и С. С. Соломко. Спб. 1896 г. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к.

Венгеровъ, С. Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ (1708—1893 гг.), изданіе Г. В. Юдина. Вып. IX. Арсеній-Аскоченскій. Спб. 1896 г. Ц. 35 к.

Вѣтринскій, Ч. Т. Н. Грановскій и его время. Историческій очеркъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 60 к.

Вешняковъ, В. Сборникъ законовъ и постановленій для землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ. Изд. 2-е. Часть I. Спб. 1897 г. Ц. 4 р.

Вольни, Э. Физическія свойства почвы. Перев. съ франц. А. А. Бычихина. Одесса. 1896 г. Ц. 25 к.

Всеобщій календарь Гоппе на 1897 г. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 30 к., въ перепл. 1 р. 50 к.

Вспомогательныя таблицы для опредѣленія платы за телеграммы и бандерольныя отправленія. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Галай, Левъ. Смѣхъ и слезы. Сборникъ пѣсенъ. Иркутскъ. 1896 г. Ц. 50 к.

Гейне. Книга пѣсенъ. Переводъ съ 51-го изданія А. Вергамаско. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гейсманъ, П., и Дубровской, А. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ (1721—1789 гг.). Историческій очеркъ военной и государственной дѣятельности. Съ портретомъ и 3 картами. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гейссеръ, Л. Исторія французской революціи 1789—1799 гг. Перев. съ нѣм. подъ ред. А. Трачевскаго. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Герра, К. Лирика любви. Лирическія стихотворенія. Часть II. М. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Герцль, Т. Еврейское государство. Опытъ новѣйшаго разрѣшенія еврейскаго вопроса. Перев. Бенъ-Зева. Одесса. 1896 г. Ц. 50 к.

Геттнеръ Г. Исторія всеобщей литературы XVIII в. Англійская литература (1660—1770 гг.). Перев. А. Н. Пыпина. Изд. 2-е, пересмотр. и дополн. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Грелль, М. Доходное плодоводство. Курсы промышленнаго плодоводства и огородничества. Съ 34 рис. Изд. 3-е. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Гротъ, П. Физическая кристаллографія и введеніе къ изученію кристаллографическихъ свойствъ важнѣйшихъ соединеній. Перев. съ нѣмецк. А. И. Нечаевъ. Съ 707 фигурами въ текстѣ и 3-мя хромолитографированными таблицами. Ч. II и III. Геометрическія свойства и методы изслѣдованія кристалловъ. Спб. 1897 г. Ц. за 3 тома 10 р.

Гуринъ, Г. Опасно ли мясо больныхъ животныхъ? М. 1896 г. Ц. 5 к.

Гурьевъ, А. Матеріалы для библіографіи русской экономической литературы по денежному вопросу. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Данилевичъ, В. Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV столѣтія. Кіевъ. 1896 г. Ц. 2 р.

Диккенсъ, Ч. Сочиненія. Полное собраніе въ 10 томахъ. Съ портретомъ и біографіей Ч. Диккенса. Т. X. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Діонео. Инквизиція и евреи въ Испаніи въ XV вѣкѣ. Историческій очеркъ. Одесса. 1896 г. Ц. 15 к.

Долганевъ, Е. Страна эѳіоповъ (Абиссинія). Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Дрезденская картинная галлерея. Текстъ Германа Люке. Переводъ подъ ред. А. И. Сомова. Вып. II. Ц. по подпискѣ за 10 вып. 60 рубл. Допускается разсрочка.

Дружбинъ, П. И все это правда! Умъ и нравы животныхъ. Сборникъ разсказовъ. Съ рис. Ф. Шпехта, С. Животовскаго и др. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Есиповичъ, Я. Итогъ жизни. Популярный біологическій очеркъ.—Смерть.—Что такое человѣкъ? — Нормальная человѣческая жизнь.—Современныя утопіи.—Распространеніе и осуществленіе идей добра, любви и милосердія.—Верховный законъ.—Послѣднее слово. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Желиховская, В. Любовь правдой крѣпка. Повѣсть для юношества. Изд. 2-е. Съ рисунк. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Журналъ юридическаго общества. Декабрь. 1896 г. Ц. 2 р.

Заводская книга чистокровныхъ и скакавшихъ лошадей въ Россіи. Т. IX. Составлено Ф. К. Дорожинскимъ. Спб. 1895 г. Ц. 10 р.

Зандеръ. Конспектъ военной исторіи (повторительный военно-училищный курсъ). Изд. 2-е. Одесса. 1896 г. Ц. 50 к.

За право и правду, (Женщина наканунѣ разсвѣта). Съ франц. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Затварницкій, П. Практическое наставленіе для гг. сельскихъ хозяевъ къ постановкѣ и введенію въ экономіяхъ правильнаго сельско-хозяйственнаго счетоводства по системѣ двойной бухгалтеріи. Смоленскъ. 1896 г. Ц. 2 р.

Зацѣпина, А. Приключенія маленькаго Коли. Разсказъ для семилѣтокъ. Съ рис. С. В. Животовскаго. Спб. 1896 г. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

Зелинскій, В. Русская критическая литература о произведеніяхъ М. Ю. Лермонтова

Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Часть 2-я. М. 1897 г. Ц. 1 р.

Зининъ, М. (Сергѣй Шараповъ). Кружнымъ путемъ. Романъ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Зудерманъ. Г. Тея. Драма въ одномъ дѣйствіи. Перев. съ нѣм. К. Дестомбъ. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Извѣстія Оренбургскаго отдѣла Императорскаго Русскаго географическаго общества. Вып. 10-й. Оренбургъ. 1896 г. Ц. 65 к.

Ипотечный кредитъ въ Австро-Венгріи. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Исповѣдь тенора. 2 т. М. 1896 г. Ц. 2 р.

Какъ я избавился отъ чахотки. Вѣрное и всѣмъ доступное средство. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 15 к.

Календарь для фельдшеровъ на 1897 г. Ц. 1 р. и настольная книжка для матерей и хозяекъ на 1897 г. Составилъ М. Кауфманъ. Одесса. 1897 г. Ц. 20 к.

Календарь для фельдшеровъ на 1897 г. Ц. 1 р.

Календарь для юристовъ на 1897 г. Ц. 1 р.

Камбеседесъ, Ф. Теоретическій и практическій курсъ горнаго искусства. Вып. I. Изученіе мѣсторожденій. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Карышевъ, Н. Экономическія бесѣды. Изд. 4-е. М. 1897 г. Ц. 60 к.

Кауфманъ, А. Крестьянская община въ Сибири. По мѣстнымъ изслѣдованіямъ 1886—1892 г. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Квитко-Основьяненко, Гр. Панъ Халявскій, 2 т. (Дешевая библіотека А. С. Суворина, № 70). Изд. 2-е. Спб. 1896. Ц. 50 к.

Клинге, А. Косметическія средства. Прописи для приготовленія ихъ. М. 1896 г. Ц. 1 р.

Ключъ къ первому курсу учебника нѣмецкаго языка. С. Чекала. М. 1897 г. Ц. 35 к.

Ковалевскій, М. Происхожденіе современной демократіи. Т. III. М. 1896 г. Ц. 2 р.

Кони, А. Судебныя рѣчи. 1868—1888 гг. Изд. 3-е. 1897 г. Ц. 3 р. 50 к.

Корейша, С. Сѣверо-американскія желѣзныя дороги. Изслѣдованіе желѣзнодорожнаго дѣла въ Соединенныхъ штатахъ Сѣверной Америки во время всемірной Колумбовой выставки въ Чикаго въ 1893 году. Спб. 1896 г. Ц. 20 р.

Коренблитъ, А. Нѣмецко-русскій техническій словарь. Вып. XXX. М. 1897 г. Ц. 40 к.

Корженевскій, Б. По востоку. Путевые очерки и картины. Съ 117 иллюстраціями. М. 1897 г. Ц. 2 р. 75 к.

Cosmopolis. Revue internationale. Décembre. Ц. 1 р. 50 к.

Костомаровъ, Н. Холуй. Эпизодъ изъ историческо-бытовой русской жизни первой половины XVIII столѣтія. Изд. 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Краткій обзоръ кустарныхъ промысловъ. Иллюстрированное изданіе. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.

Кругловъ, А. Полканъ Собакевичъ. Повѣсть въ двухъ частяхъ. Съ картинами. М. 1895 г. Ц. 1 р.

— Счастье. Повѣсть для юношества. Съ рис. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 80 к., въ папкѣ 1 р.

— Картины русской жизни. Разсказы для юношества. Второе изд. дополн. Съ рисунк. Т. Никитина и Л. Бакста. Спб. 1896 г. Ц. 50 к., въ папкѣ 60 к.

Кутузовъ, В. Лѣсотехническій словарь нѣмецко-русско-французскій и французско-русско-нѣмецкій. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.

Кузисъ, А. Сборникъ кассаціонныхъ рѣшеній Правительствующаго Сената по дѣламъ о взысканіи пожарныхъ убытковъ за 1867—1895 гг. М. 1896 г. Ц. 5 р.

Лависсъ, Э. Очерки по исторіи Пруссіи. Перев. А. Тимоѳеевой. М. 1897 г. Ц. 1 р.

Ланге, Г. Душевныя движенія. Психо-физіологическій этюдъ. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

Левенецъ, К. Альбомъ узоровъ для вышиванія по канвѣ крестикомъ и гладью. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Левицкій, Н. Справочная книжка по тактикѣ. Изд. 14-е, исправленн. согласно съ новыми законоположеніями, подъ ред. Н. Орлова. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лейкинъ, Н. Среди причта. Романъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Лобода, А. Русскій богатырскій эпосъ. Опытъ критико-библіографическаго обзора трудовъ по русскому богатырскому эпосу. Кіевъ. 1896 г. Ц. 2.

Ломанъ, Д. Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ, Самодержецъ Всероссійскій. Чтеніе для народа. Съ 49 рис. Изд. 4-е. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Лоранъ, Э. Тюремный міръ. (Типы и характеристики). Перев. съ франц. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 60 к.

Лухманова, Н. Дѣвочки. Воспоминанія изъ институтской жизни. Съ 10 рис. Е. П. Самокишъ-Судковской. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Льюисъ, Г. Исторія философіи. Съ приложеніемъ статьи В. Д. Вольфсона. О жизни и ученіи Шопенгауэра и Гартмана. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.

Лялина, М. Мореплаватели: Головинъ, Коцебу, Невельской. Съ рис. въ текстѣ. Спб. 1897 г., Ц. 3 р.

Лященко, А. О моленіи Даніила Заточника. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.

Максимовъ, С. Ледяное царство и мертвая земля. Два чтенія для народа. Изд. 2-е. Спб. 1897. Ц. 20 к.

Макферсонъ, Дж. Поэма Оссіана. Перев. и примѣч. Е. В. Балобановой. Спб. 1897. Ц. 35 к.

Макшеевъ, А. Путешествія по Киргизскимъ степямъ и Туркестанскому краю. Спб. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

Манка, А. (проф.). Основы терапевтики и фармакологіи. Т. I. Спб. 1896. Ц. 4 р.

Маргеритъ, П. Новая жизнь (Avril). Переводъ Н. Ильиной. Съ рисунк. М. 1896. Ц. 60 к.

* Марлинскій, А. Латникъ. Разсказъ партизанскаго офицера. Изд. 2-е. («Дешев. Библіотека» А. Суворина, № 75). Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 25 к.

Маслянниковъ, К. Дешевое деревенское и дачное водоснабженіе посредствомъ гидравлическаго тарана («Самокачки»). Съ 11 рис. Изд. 4-е, дополн. Спб. 1897. Ц. 35 к.

Рѣдинъ, Е. Мозаики равенскихъ церквей. Спб. 1896. Ц. 2 р.

Рейнботъ, П. Изслѣдованіе вопроса о предсказаніи погоды по атмосферному давленію, влажности, горизонтальному и вертикальному движенію воздуха и проч. Съ 24 рис. и табл. спектровъ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Робэнъ, А. Руководство къ частной терапіи. Вып. II. Лѣченіе болѣзней почекъ. Перев. съ франц. Спб. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

Рубнеръ, М., д-ръ. Учебникъ гигіены. Съ 273 рис. Спб. 1897. Ц. 6 р.

Руководство къ устройству безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Харьковъ. 1896. Ц. 25 к.

«Русская Музыкальная Газета» за 1896 г. Ц. 3 р.

Русселэ, Л. Въ странѣ чудесъ. Изъ жизни и природы Индіи. Съ франц. М. Гранстремъ. Съ 68 рис. Спб. 1896. Ц. 2 р.

***Русскій календарь** Суворина на 1897 г. Къ календарю приложены: 1) портреты Ихъ Величествъ Государя Императора, Государыни Императрицы Александры Θеодоровны и Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны; 2) 12 картъ свѣта и карта Россійскихъ дорогъ; 3) рисунки изъ коронаціонныхъ торжествъ. Ц. 1 руб., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 60 к.

Рытовъ, М. Руководство къ огородничеству. Вып. I. Съ 66 рисунками. Спб. 1896. Ц. 60 к.

Савваитовъ, Н. Смертность домашнихъ животныхъ въ С.-Петербургѣ за пятилѣтіе 1886—1890 гг. Спб. 1896. Ц. 40 к.

Саккетти, Л. Краткое руководство къ теоріи музыки. Элементарная теорія, гармонія, контрапунктъ, формы инструментальной и вокальной музыки. Спб. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

Саліасъ, Е. Собраніе сочиненій. Т. XX. Новая Сандрильона. М. 1896. Ц. 2 р.

Самборскій, С. Корова. Анатомическое строеніе тѣла рогатаго скота. Наружные признаки его, опредѣляющіе способность къ работѣ, откармливанію на мясо и молочность породы скота. Породы скота. Схемы сортировки мясныхъ тушъ. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Самойловичъ, В. Волшебныя сказки. Съ 5 хромолитографіями С. С. Соломко. Спб. 1896. Ц. 3 р.

Самсонъ и Далила. Опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Музыка Сенъ-Санса. Либретто Варье и Карре. Спб. 1896. Ц. 30 к.

Святитель Θеодосій углицкій, архіепископъ черниговскій. Изд. 3-е. Спб. 1896. Ц. 15 к.

«Сѣверный Вѣстникъ». № 12. Ц. 1 р. 20 к.

«Сельскій *хозяинъ*». № 7. Ц. 20 к.

Селивановъ, А. Что есть истина. Философскій очеркъ. Спб. 1896. Ц. 2 р. 50 к.

Семеновъ, А. Царь и Царица въ гостяхъ у французовъ. Съ портр. Августѣйшей Семьи. Спб. 1897. Ц. 20 к.

Senator, H., d-r. Болѣзни почекъ. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1897. Ц. 3 р.

Смирновъ, А. Вступительная лекція по богословію въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Казань. 1896. Ц. 15 к.

— Въ часы досуга. Очерки и разсказы для дѣтей. Изд. 2-е. Съ рисунками М. Михайлова. Спб. 1896. Ц. 2 р. 25 к.

Снѣжинскій, В. Замѣтки о подготовительныхъ работахъ по введенію казенной продажи питей. Спб. 1896. Ц. 65 к.

Соколова, М. Бесѣды съ дѣтьми о животныхъ. Первое знакомство дѣтей съ наиболѣе полезными и наиболѣе вредными для человѣка животными. Спб. 1896. Ц. 75 к.

Соколовъ, Д. (протоіерей). Бесѣды съ дѣтьми о вѣрѣ и нравственности христіанской въ разсказахъ изъ священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта. Изд. 6-е. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Спутникъ золотопромышленника. Уставъ о частной золотопромышленности, съ приложеніемъ образцовъ и формъ дѣловыхъ бумагъ, относящихся къ золотопромышленности. Иркутскъ. 1896. Ц. 75 к.

Станюковичъ, К. Собраніе сочиненій. Т. I. Морскіе разсказы. Т. II. Морскіе разсказы. Т. III. Повѣсти и разсказы. Т. IV. Два брата. М. 1896. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.

Степановъ, П. Пищеварительные и прачечные очаги. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Стороженко, Олексы. Украинськи оповидання. У двоихъ частяхъ. Спб. 1897. Ц. 2 р.

Студентскій, М. Текущій счетъ и конто-коррентъ. Спб. 1896. Ц. 60 к.

Сумцовъ, Н. (проф.). Личные обереги отъ сглаза. Харьковъ. 1896. Ц. 20 к.

Соловьевъ, С. Викторъ Гюго и Диккенсъ, какъ проповѣдники гуманности и друзья дѣтей. Харьковъ. 1896. Ц. 20 к.

Сысоева, Е. Исторія маленькой дѣвочки. Изд. 3-е. Съ рис. Спб. 1896. Ц. 3 р. 50 к.

Сцены изъ жизни охотничьихъ животныхъ. Рисунки Вольфа, Фишера и Фризе. М. 1896. Ц. 15 р.

Тенишевъ, В. Позоръ цивилизаціи. По поводу турецкихъ дѣлъ. Спб. 1897. Ц. 25 к.

Тришканъ, Ю. Девальвація. Кіевъ. 1896. Ц. 50 к.

Труды педагогическаго отдѣла Харьковскаго историко-филологическаго общества. Вып. 3-й. Харьковъ. 1896. Ц. 1 р.

Утѣхинъ, Н. Сельско-хозяйственное счетоводство. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Ученыя кисеньки. Исторія о томъ, какъ кошки основали свое царство, и какъ оно распалось. Составилъ по лѣтописямъ и легендамъ Θедоръ Котъ-Мурлыка. Спб. 1896. Ц. 40 к.

Фэдо. Научныя забавы. Явленія и опыты, основанные на обманѣ чувствъ: осязанія, обонянія, вкуса, слуха и зрѣнія. Съ 128 рисунк. Перев. съ франц. Е. Предтеченскаго. Спб. 1896. Ц. 60 к., въ переплетѣ 1 р. 10 к.

Фельдшерская фармакологія. Справочная книжка, съ приложеніемъ 300 фельдшерскихъ рецептовъ. Редакція и изданіе д-ра В. Окса. Изд. 2-е. Спб. 1896. Ц. 75 к.

Финдейзенъ, Н. Михаилъ Ивановичъ Глинка. Его жизнь и дѣятельность. Т. I. Ч. I. Вып. I. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Царство растеній и царство минераловъ въ картинахъ. 270 изображеній для нагляднаго обученія, съ объяснительнымъ текстомъ. Спб. 1896. Ц. 4 р.

Царь колоколъ. Иллюстрированный «Календарь-Альманахъ» на 1897 г. Ц. 60 к.

Циммерманъ, В. Разрывныя линіи въ варіаціонномъ исчисленіи. Опытъ изложенія началъ варіаціоннаго исчисленія въ связи съ условіемъ разрыва. Одесса. 1896. Ц. 2 р.

Чеховъ, А. Дуэль. Повѣсть. Изданіе шестое. Спб. 1897. Ц. 1 р.

— Пестрые разсказы. Изданіе девятое. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Шатріанъ, Э. Лѣсничій Фредерикъ. Воспоминанія одного француза о бѣдствіяхъ и страданіяхъ въ трагическіе дни присоединенія Эльзаса къ Пруссіи. Изд. 2-е. Спб. 1897. Ц. 40 к.

«Шахматный Журналъ». № 9 и 10. Ц. 1 р. 50 к.

Шахрай, Л. Маккавеи. Историческій этюдъ, для еврейскаго юношества. Изд. 2-е. Одесса. 1896. Ц. 15 к.

*Шекспиръ, В. Макбетъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Перев. А. М. Кронеберга. Изд. 3-е. («Дешевая Библіотека» А. С. Суворина, № 53). Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 40 коп.

Шмелевъ, И. На скалахъ Валаама. (Путевые очерки). Съ рисунками. М. 1897. Ц. 80 к.

Шперкъ, Ѳ. Діалектика бытія. Аргументы и выводы моей философіи. Спб. 1897. Ц. 40 к.

Шреденъ, Р. Русскій огородъ. Питомникъ и плодовый садъ. Изд. 6-е. Съ 143 рисунк. Спб. 1897. Ц. 2 р. 50 к.

Штраухъ, Р. Куриное яйцо, какъ пищевой продуктъ, и сохраненіе яицъ въ прокъ по способамъ, испытаннымъ авторомъ. Спб 1896. Ц. 40 к.

Щепкинъ, А. Бояре стародубскіе. Историческій романъ изъ временъ царя Алексѣя Михайловича. М. 1897. Ц. 1 р. 25 к.

Юридическій календарь М. Острогорскаго на 1897 г. Ц. 1 р.

Яковлевъ, М. Страхованіе жизни. Краткое руководство для вычисленія нетто-премій и резервовъ по страхованію жизни (капиталовъ и рентъ). Спб. 1896. Ц. 50 к.

Якубовичъ, К. Значеніе русской словесности въ системѣ реальнаго образованія. Кіевъ. 1896. Ц. 25 к.

Ясинскій, І. Ординарный профессоръ. Романъ. 1896. Ц. 1 р.

*) Изданія А. С. Суворина.

Дозволено цензурою 23 декабря. 1896 г. С.-Петербургъ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Подписавшіеся на журналъ съ доставкой—въ Московскомъ отдѣленіи конторы «Русскаго Богатства» или черезъ книжные магазины — съ своими жалобами на неисправность доставки а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Бассейная, 10.*

2) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи **не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.**

3) При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.**

4) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

5) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается **1 р.**; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской —**50 к.**

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 10 числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи должна быть приложена почтовая марка.

2) Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ должны быть приложены марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказной бандеролью.

Редакторы: П. Быковъ, С. Поповъ.